ОТЕЧЕСТВО.

Пути и достиженія національныхъ литературъ Россіи. Національный вопросъ.

Подъ редакціей:

проф. И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, проф. Н. А. Гредескула,
Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова,
проф. В. Н. Сперанскаго.

Томъ первый.

Весь чистый доходъ отъ изданія поступаетъ въ пользу общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны.

Книгоиздательство бывш. **М. В. Попова.**
Петроградъ, Невскій пр., 66.

Книга напечатана въ количествѣ 2500 экз.

Какъ въ головѣ одного человѣка, точно такъ же въ любой странѣ могло бы уживаться рядомъ нѣсколько языковъ спокойно и дружно и относиться другъ къ другу съ полною терпимостью.

И. Бодуэнъ де Куртенэ.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 11 марта 1916 г.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. № 75.

Отдѣлъ I.

Статьи общественно-политическія.

Россія — творимая Нація.

Если въ морозную ночь взглянуть на Мѣднаго Всадника, кажется, что сквозь сверкающій рой падающихъ бѣлыхъ хлопьевъ онъ уносится ввысь, отталкиваясь отъ земли въ бурномъ и пламенномъ взлетѣ. И въ хаотическомъ вихрѣ событій нашихъ дней прорѣзаетъ тьму будущаго видѣніе Россіи, въ ея устремленіи ввысь, къ творчеству, труду и самоопредѣленію.

Ликъ русской культуры витаетъ надъ полями битвъ, и мучительныя загадки нашей кошмарной эпохи должны быть разрѣшены вѣрой въ его вѣчную и незыблемую цѣнность. Теперь, или никогда долженъ быть созданъ идеалъ русской культуры, идеалъ, который долженъ стать палладіумомъ, общимъ всѣмъ народамъ Россіи. Мечта объ экономическомъ самодовлѣніи, объ „Автаркіи" болѣе великой Россіи должна увѣнчаться стремленіемъ къ нравственному самодовлѣнію, къ созданію въ Россіи духовной культуры, не уступающей въ цѣнности западнымъ, и собирающей народы Россіи вокругъ русскаго народа въ особый культурный микрокосмъ. Солнце русской литературы, съ живымъ созвѣздіемъ литературъ народовъ Россіи, должно ярче сверкнуть, далеко заливъ своимъ свѣтомъ предѣлы, отдѣленныя отъ насъ прусской военной рогаткой. Въ горнилѣ рокового года слились въ одно цѣлое чаянія славянофильскаго мессіанизма и мечты западника. Нѣкій новый, властный и чистый мессіанизмъ овладѣваетъ сердцами: Россія, подобная Западу и равная ему, но изъ себя растящая новые и невиданные побѣги духа, создающая мощнымъ творческимъ порывомъ свой культурный міръ, свою систему сверкающихъ вокругъ русской культуры народныхъ культуръ и соборнымъ творчествомъ созидающая всечеловѣческую стихійно-многогранную и глубокую культуру, русскую культуру въ ея соединеніи

съ оживляющимъ многообразіемъ сливающихся съ ней культуръ народовъ Россіи. Таковъ идеалъ, достойный испытаній, въ которыхъ національности Россіи почувствовали себя единой націей, и съ трибуны Думы сказали міру свое слово объ имперскомъ національномъ самосознаніи.

Мы знаемъ, какъ могущественно подобное самосознаніе, и нашъ культурный идеалъ прежде всего долженъ укрѣплять общія начала братскаго сотрудничества, долженъ въ горнилѣ творчества рождать націю — то чудодѣйственное и вѣщее существо, которое сблизило провансальца, бретонца и нормандца, и равно улыбалось Ришелье и Лику Революціи. Черезъ Россію къ человѣчеству — таковъ нашъ путь, и раскрыть все многообразіе культурныхъ возможностей родины мы сможемъ, лишь любовно обнявъ рядъ культуръ подъ эгидой русской культуры и создавъ молодой самобытностью творимаго „средняго міра" солнечно яркое творчество, озаряющее народы Россіи, славянство и Европу. И живая связь народовъ Россіи — русскій языкъ — понесетъ и дальше свой стихійно сближающій трудъ.

За облачной далью бореній встанутъ къ небу огни храмовъ отечественной культуры. И овѣянное Византіей армянское творчество древности, и грузинская поэзія, знающая розы персидской лирики, и пышность романтической Польши, и юность балтійскихъ народовъ, и мудрая мысль помнящаго античность и арабовъ еврея и элегическая пѣсня Украйны — все это да вплетется въ живой вѣнокъ русской культуры, когда братская, единая, для всѣхъ сыновъ родная и милая Россія подыметъ къ Европѣ свой сіяющій ликъ — ликъ подлинно Святой Руси. Если путь творческаго возрожденія будетъ вмѣстѣ пройденъ нами, навѣки Россія — единая нація, для которой дорого творчество всѣхъ ея сыновъ.

Кровью вѣковой борьбы, грустнымъ удѣломъ человѣчества, спаялась родина, — отвѣтимъ всѣмъ народамъ, съ нами проходящимъ путь въ вѣкахъ, любовно храня ихъ творцовъ въ своемъ Пантеонѣ. Да цвѣтетъ пышнѣе общій садъ культуры Россіи — ему суждено дать благодатную тѣнь, когда одряхлѣютъ сады Запада. И русскій языкъ, какъ бы эллинизуя десятки культуръ, готовитъ великое возрожденіе Востока, сплетая традиціи и эпохи, свивая живой вѣнокъ народовъ.

Не прекрасно ли, что раньше, чѣмъ прозвучалъ лозунгъ об-

щаго творчества, лозунгъ самобытной Россіи, десятки народовъ свободно избирали то чистое и мудрое, что было въ русской литературѣ, и дѣлали его своимъ? Читаешь о писаревщинѣ въ эстонской, грузинской, древнееврейской литературахъ, узнаешь о могущественномъ вліяніи русской педагогики среди татаръ, сдѣлавшемъ роднымъ имъ Ушинскаго, находишь Жуковскаго въ Григ. Орбеліани, видишь, какъ русская литература XIX вѣка замѣняетъ Грузіи былыя вліянія Персіи и Византіи, какъ крымско-татарская и караимская литературы обогащаются русскими переводами, какъ Толстой вліяетъ отъ Финляндіи до Кавказа — и вѣра въ грядущее крѣпнетъ. Не внѣшняя только связь, доступная ударамъ рока, суждена народамъ Россіи. Вмѣстѣ поднимутъ они подвигъ созданія великой и независимой культуры, вмѣстѣ дадутъ русской культурѣ міровое значеніе, подъ куполомъ ея возвысивъ свои родные алтари.

И чѣмъ больше религіознаго устремленія вложитъ мятущаяся душа Россіи въ годы созидательной работы, тѣмъ чище и прочнѣе будетъ ея успѣхъ.

На страдномъ пути созданія матеріальной русской культуры мы пойдемъ тѣмъ дальше, чѣмъ глубже будетъ связь созданія техническихъ цѣнностей съ міросозерцаніемъ, съ культурнымъ идеаломъ. Пока чуждый еще странѣ Толстого предметный міръ не оправданъ и эстетически не возвышенъ, не овладѣть намъ имъ. И здѣсь окрыляющимъ образомъ встаетъ видѣніе духовно самобытной, все претворившей въ себя Россіи. Лампрехтъ кичился передъ нами пережитымъ Средней Европой Ренессансомъ. Но какой свѣтлый Ренессансъ возможенъ въ самодовлѣющей, ушедшей въ себя странѣ, восторженно создающей синтетическую единую культуру! Наши богоискатели живутъ въ дорогихъ религіяхъ прошлаго, но въ откровеніяхъ знанія рождается новая религія міра и труда. И намъ нуженъ былъ великій сдвигъ, чтобы почувствовать ея дыханіе. Этотъ сдвигъ пережитъ. Новый паѳосъ владѣетъ сердцами. И въ немъ предвѣстіе боготворчества.

Именно паѳосъ творимой націи способенъ породить тотъ пантеистическій миѳъ міра, ту влюбленность въ жизнь „святыхъ громадъ чугуна“, ту религію научной картины міра, ту научную поэзію, которая нужна Россіи, чтобы по-своему, по молитвенному

принять стальную стихію индустріи, не становясь и не желая стать Америкою.

И принять эту стихію не для организованнаго палачества Крупповъ, а чтобы вѣрнѣе утвердить западническій мессіанизмъ великой, въ бурѣ и огнѣ вѣковъ творимой націи — Россіи, сплетающей въ живой вѣнокъ русской культуры дары всѣхъ ея частныхъ національныхъ культуръ.

Много стали и бетона должно стать мертвой оградой живыхъ сердецъ, чтобы дать имъ биться свободно и гордо, чтобы величіе народнаго духа обрѣло достойную себя крѣпость и бодрость государственнаго тѣла. И нравственное единеніе одно обезпечиваетъ нерушимость технической культуры. Очищающій огонь обновленія въ началѣ войны испепелилъ вражду и злобу, ослаблявшія общество, и явилъ міру Россію единой и свѣтлой. Но какъ только общій трудъ сословій, партій, народовъ поднялъ дѣдовскій щитъ, такъ туча воронья стала карканьемъ увѣрять весь свѣтъ, что не вся Великая Россія, а одна ихъ стая спасаетъ общее дѣло.

И былъ моментъ, когда рѣющій надъ нашимъ хаосомъ духъ имперскаго самосознанія могъ быть спугнутъ этимъ воемъ хищниковъ. Ихъ преступленія были тяжки, ихъ безнаказанность оскорбляла цѣлые народы. Кощунственно играя „братствомъ" съ Червонной Русью, они несли въ Буковину и Галицію вмѣсто русской національно-культурной работы насильственную руссификацію и разореніе всѣхъ мѣстныхъ, почвенныхъ народныхъ культуръ. Новая Россія земно поклонится жертвамъ насилія и злобы.

Счастье, что процессъ сліянія въ русскую націю многообразія ея національностей нашелъ новую поддержку въ настроеніи думскаго блока, оставившаго старые пути навсегда. И несчастныя національности — державная, несчастная своимъ одиночествомъ, и недержавныя, ждущія часа довѣрія — вновь обрѣли подлинный голосъ земли, зовущій къ единству, хоть и слабо, но искренне.

II.

...Какъ единая культура Россіи должна размежевать роль языка націи и языковъ національностей? Чтобы русской культурѣ достигнуть расцвѣта, не теряя своей роли культуры, связующей

народы, она должна беречь языкъ русской національности, свой языкъ, ставшій живой связью народовъ. И въ этомъ смыслѣ мнѣ кажется желательнымъ, чтобы ростъ вліянія украинскаго и бѣлорусскаго языковъ не грозилъ распадомъ духовныхъ силъ русскаго народа, единство которыхъ такъ еще нужно для созданія сердца Россіи — обще-русской культуры, къ которой бы могли тяготѣть и культуры національностей. Возможно, что русскій языкъ вступитъ равноправнымъ членомъ въ семью языковъ Запада, и своей міровой ролью компенсируетъ уступки, сдѣланныя языкамъ національностей, съ нимъ связанныхъ. Но эти уступки должны быть во всѣхъ случаяхъ велики, такъ какъ ихъ требуетъ моральное единство націи — всѣ ея литературы принадлежатъ ей, всѣ — въ большей или меньшей степени — національны.

Говоря словами В. Сенатова (Русская Будущность, № 2), „война объединила всѣ народности (за исключеніемъ нѣмецкой), населяющія Россію. Мусульманинъ, іудей, буддистъ познали въ ней свою родину. Это явленіе неизбѣжно вызываетъ глубокій внутренній переломъ въ религіозныхъ созерцаніяхъ. Оно само по себѣ глубоко религіозно. Созидается новая Россія, которая будетъ религіозно цѣнна, какъ для мусульманина, такъ и для іудея“. Мусульманинъ Джемаль-эдъ-динъ-Валидовъ въ своей новой книгѣ „Нація и національность“ проводитъ мысль о совмѣстимости татарскаго и россійскаго самосознанія. Еще основатель крымско-татарской прессы, Гаспринскій писалъ о себѣ: — „Я русскій, оставаясь въ то же время мусульманиномъ и татариномъ, потому что въ моемъ убѣжденіи судьбы русскихъ мусульманъ тѣсно связаны съ интересами обще-русскими“. О еврействѣ говорить не приходится — глубокая органическая связь его съ русской культурой общеизвѣстна.

Правъ В. Сенатовъ. Дышитъ религіознымъ сознаніемъ единеніе многоплеменной, многоликой, міровой Руси. Позоръ на тѣхъ, кто разрушаетъ его святыню.

И если въ старые годы, словно изъ лѣса золотыхъ хоругвей глядящее на наше время, передъ Куликовской битвой благословеніе Сергія Радонежскаго почило на воинствѣ, рѣшившемъ судьбу Россіи — нынѣ общая вѣра въ будущее, общій творческій подъемъ благословятъ труды народные. Грядущее націи! Съ живымъ созвѣздіемъ „инородческихъ“ (да будетъ это слово почетнымъ,

какъ „гёзы") культуръ скажетъ Россія новое слово, мучительно жегшее въ святомъ предвидѣніи сердца славянофиловъ, засіяетъ въ пламенной культурѣ новаго, западническаго русскаго мессіанизма.

И знамя этого расцвѣта религіи, знанія и культуры, знамя творимой націи, болѣе великой Россіи понесетъ на своихъ плечахъ народъ. Свободный просторъ будетъ его удѣломъ и къ святынямъ Руси — къ истлѣвшимъ бунчукамъ, и тѣнямъ Великаго Новгорода, и мечу святого Довмонта Псковскаго онъ возьметъ въ свой пантеонъ святыни народовъ Россіи. И общее творчество явитъ міру единую, многоликую Русь, за щитомъ имперскаго національнаго самосознанія, строящую своимъ народамъ великую и самобытную многообразную культуру. Труденъ этотъ путь, но только онъ дастъ нравственное удовлетвореніе и совмѣститъ прочность государственности съ великими задачами культуры.

Идеалъ самодовлѣющей Россіи — идеалъ труда прежде всего. Собираніе народовъ и культуръ, и здоровый ростъ русской культуры обезпечатъ его претвореніе въ жизнь. Будемъ любить и изучать творчество народовъ Россіи и помнить, что Пушкинъ поетъ имъ всѣмъ, и нашъ долгъ передъ будущимъ оздоровить русское творчество, чтобы оно и впредь было достойно занимать мѣсто, которое оно занимало въ XIX вѣкѣ, и подготовилось бы къ тѣмъ новымъ великимъ культурнымъ задачамъ, какія поставитъ себѣ молодая Россія, на пути къ строгому и прекрасному будущему. Нація должна жить и культура ея цвѣсти. Эта вѣра „омоетъ водою покаянія" (по выраженію Хомякова) Россію. Много слезъ было пролито невинными, много грѣховъ тяжелятъ путь будущаго. Но вѣримъ, что все искупитъ творческій путь Россіи, казнящей виновныхъ, все погаснетъ въ ослѣпительномъ сіяніи братской правды трудового дня.

День этотъ восходитъ для Россіи. Молитвенно звучитъ поступь сѣятелей.

Борисъ Гуревичъ.

Русскій націонализмъ и славянство.

Когда дѣло идетъ о государствѣ съ однороднымъ населеніемъ, то спайкой для него служитъ общность племени, языка и культуры, благодаря которымъ населеніе отдѣльныхъ мѣстностей по своей сплоченности можетъ быть уподоблено одному большому монолиту.

Но, когда мы имѣемъ государство съ разнороднымъ населеніемъ, то необходимо имѣть въ виду, что только лишенные культуры народы представляютъ собою то своеобразное тѣсто, которому высшая культура другого господствующаго народа можетъ придать опредѣленную физіономію, пріобщая его къ общему духовному типу господствующей народности.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ съ тѣми народами, которые, возвысившись культурно до той или иной степени, имѣютъ свою исторію. Они не могутъ исчезнуть съ лица земли помимо тѣхъ случаевъ, гдѣ они систематически истребляются болѣе сильными по сравненію съ ними народами или разсѣиваются между послѣдними, утрачивая свою территоріальную сплоченность. Иначе говоря, народъ, создавшій свою культуру, не можетъ быть вытравленъ съ лица земли, пока онъ существуетъ, какъ народъ, какъ цѣлое. Пока такой народъ живъ, онъ будетъ поддерживать и развивать свою культуру, ибо духовный міръ избавленъ отъ смерти самой природою вещей.

Вотъ почему можно признавать правиломъ, что впередъ обречены на неудачу всѣ стремленія подавить исторически развившуюся культуру отдѣльныхъ народовъ. Примѣромъ могутъ служить Финляндія, Польша, Чехія и другіе славянскіе народы. Къ сожалѣнію, эта истина почему-то часто забывается, кѣмъ слѣдуетъ, и въ результатѣ — безплодно потраченныя усилія, разочарованіе тѣхъ, кто хотѣлъ господствовать и, озлобленіе тѣхъ,

которыхъ хотѣли поработить. Такая политика приводитъ въ концѣ концовъ къ разъедененію, а не къ сплоченію народовъ, живущихъ подъ однимъ государственнымъ гербомъ, и, слѣдовательно, къ ослабленію всего государственнаго организма.

Дѣло въ томъ, что въ государствахъ съ разнороднымъ населеніемъ, имѣвшимъ каждое свою историческую культуру, устойчивость государственнаго организма опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ отдѣльныя части его населенія тяготѣютъ другъ къ другу. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ уже не о настоящемъ монолитѣ, но о такомъ сплавѣ, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ оказаться, въ концѣ концовъ, не менѣе устойчивымъ, нежели подлинный монолитъ. Но здѣсь тяготѣніе отдѣльныхъ народовъ другъ къ другу достигается не чѣмъ инымъ, какъ взаимнымъ уваженіемъ и взаимнымъ же признаніемъ правъ, свободой ихъ духовнаго развитія, общекультурными задачами и общими взаимно выгодными политико-экономическими интересами.

Нельзя не признать, что у насъ въ Россіи много грѣшили именно противъ этихъ принциповъ, которыми достигается прочный сплавъ между отдѣльными народами, а не искусственное ихъ объединеніе, основанное на правѣ сильнаго. Ибо тамъ, гдѣ народъ по своимъ особымъ качествамъ стремится къ разселенію, его запрятываютъ во что бы то ни стало въ свою нору, въ черту осѣдлости. Въ другихъ же случаяхъ, гдѣ сослужило бы большую государственную роль политико-экономическое сближеніе народовъ, иммиграція и территоріальное внѣдреніе русскаго элемента, мы отдѣляемъ окраину таможенною чертою или препятствуемъ этому иными способами.

Не входя въ оцѣнку многихъ сторонъ нашей государственной политики, я хотѣлъ бы остановить вниманіе на вопросѣ близкомъ мнѣ, какъ участнику Общества научнаго славянскаго единенія, на вопросѣ польскомъ. Здѣсь, больше чѣмъ въ какомъ либо другомъ вопросѣ, проявилась наша политическая близорукость и безсистемность. Въ то время какъ по отношенію къ Финляндіи мы какъ бы намѣренно стремились къ разъединенію этой окраины съ коренной Россіею, въ польскомъ вопросѣ мы пренебрегали самыми основными правилами здравой государственной политики. Достаточно сказать, что этотъ давній и больной вопросъ мы не сумѣли разрѣшить въ теченіе цѣлаго столѣтія, и нынѣ онъ

предсталъ предъ нами почти въ томъ же самомъ видѣ, какимъ онъ былъ и въ періодъ, слѣдующій за наполеоновскими войнами.

За истекшее столѣтіе Царство Польское перешло отъ конституціи 1815 г., дарованной полякамъ Александромъ I, до того режима, который, будучи основанъ на принципѣ порабощенія одного народа другимъ, ознаменовался двумя польскими возстаніями, вызвавъ глубокую рознь и вселивъ раздраженіе и непріязнь между обоими славянскими народами. Въ результатѣ оказалось, что польская оріентація въ началѣ второго полустолѣтія послѣ пріобщенія Герцогства Варшавскаго къ Россіи была перенесена на Австрію, а въ области нашей внѣшней политики произошло рѣзкое охлажденіе русско-французской дружбы въ началѣ 60-хъ годовъ, благодаря чему мы вынуждены были поддерживать Пруссію во время франко-прусской войны 70-го года и позднѣе, въ результатѣ чего явилась у насъ подъ бокомъ объединенная и могущественная Германія, установившая вооруженный миръ въ Европѣ и систематически порабощавшая насъ экономически. Въ связи съ этимъ же вопросомъ тѣсно связывалась и дальнѣйшая, въ сущности, вынужденная наша дружба съ Германіей.

Несмотря на крайне тяжелый урокъ, полученный нами на Берлинскомъ Конгрессѣ, мы должны были ради поддержанія установленнаго нами по негласному соглашенію съ Берлиномъ режима въ Царствѣ Польскомъ давать Германіи цѣлый рядъ авансовъ въ разныхъ политико-экономическихъ вопросахъ, а все это вмѣстѣ взятое, въ свою очередь, привело къ утратѣ всякаго къ намъ довѣрія со стороны другихъ славянскихъ народовъ, выразившейся опредѣленнымъ политическимъ теченіемъ среди славянъ, извѣстнымъ подъ названіемъ австрославизма. Получилось нѣчто безотрадное, въ результатѣ чего зарубежные славянскіе народы, ища нашей поддержки въ періоды тяжелыхъ политическихъ условій, стали въ то же время смотрѣть на Россію, какъ на поработительницу славянства.

Въ свою очередь мы перестали понимать свои историческіе завѣты и значеніе для насъ сближенія съ зарубежными славянами, входя въ соглашеніе съ Австріей по поводу раздѣленія сферъ вліянія на Балканахъ, что могло быть отождествляемо съ толканіемъ сербовъ, а, слѣдовательно, и Черногоріи въ объятія Австріи.

Что въ нашихъ „сферахъ" царило полное непониманіе собственныхъ интересовъ на Балканахъ можетъ служить примѣромъ тому слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ военныхъ министровъ, во время бесѣды при одномъ изъ моихъ докладовъ, упрекнулъ нашихъ славянофиловъ, пренебрежительно отозвавшись о всѣхъ вообще славянахъ; когда же я позволилъ себѣ выразить сомнѣніе по поводу такого отношенія къ политическому значенію славянъ, онъ заявилъ, что еще чехи что-нибудь значатъ, южные же или балканскіе славяне въ сущности не что иное, какъ „эмбріоны", о которыхъ не стоитъ и говорить. Это замѣчаніе сдѣлано было лицомъ, служившимъ нѣкогда въ Болгаріи и притомъ сдѣлано было незадолго до первой балканской войны, закончившейся разгромомъ Турціи, и, слѣдовательно, незадолго до настоящей войны, во время которой мировыя державы ищутъ тѣснаго союза съ Балканскими народами.

Съ другой стороны, усвоенный славянами въ силу вышеуказаннаго взглядъ на Россію, какъ на поработительницу славянъ, привелъ къ тому, что славянскіе народы попрежнему видѣли въ Россіи ту силу, которая въ случаѣ несчастія можетъ вызволить ихъ изъ бѣды, но какъ только это достигнуто, такъ тѣ же самые облагодѣтельствованные нами народы начинали открещиваться отъ Россіи, какъ отъ какого-то пугала. Наиболѣе яркій примѣръ этому можно видѣть на освобожденной отъ турецкаго ига въ 78 году и родственной намъ Болгаріи, отношенія къ которой отъ покровительственно-дружественныхъ съ нашей стороны постепенно дошли до объявленія нами войны Болгаріи въ прошломъ году. Какъ ни больно за болгарскихъ заправилъ, оказавшихся въ роли гнусныхъ предателей, какъ ни возмущается совѣсть наша при видѣ продажной и измѣннической политики царя Фердинанда и его приспѣшниковъ, но, въ концѣ концовъ, объявленіе нами войны Болгаріей нельзя не признать крушеніемъ всей русской политики на Балканахъ и нашимъ общимъ позоромъ. Вѣдь Болгаріи или, по крайней мѣрѣ, ея стамбуловцамъ постоянно мерещилось въ политикѣ, поддерживающей тѣсную связь съ Россіей, превращеніе Болгаріи въ русскую губернію и судьба ея, подобная русской Польшѣ. Нынѣшнее же объявленіе нами войны Болгаріей въ корнѣ и совершенно устраняетъ почву изъ-подъ ногъ остававшейся еще въ Болгаріи руссофильской партіи и неизвѣстно

останется ли нынѣ въ Болгаріи даже у прежнихъ нашихъ друзей хотя бы тѣнь симпатіи къ намъ, русскимъ.

Спрашивается, чѣмъ же кончили мы нашу политику давленія по отношенію къ Царству Польскому, ненормальность которой сознавалась всѣми непредубѣжденными русскими людьми? Лишь въ періодъ нынѣшнихъ тяжкихъ испытаній мы хватились за умъ, въ результатѣ чего явилось извѣстное воззваніе въ началѣ войны со стороны нашего Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ, вызвавшее вздохъ облегченія въ сердцѣ поляковъ и всѣхъ сочувствовавшихъ имъ русскихъ. Однако, и тутъ не обошлось безъ особой и крайне обидной для русскаго самолюбія горечи.

Когда мы стояли въ сердцѣ Галиціи, и ни Варшава, ни наши Прибалтійскія области не были заняты непріятелемъ, въ „сферахъ" и въ средѣ тѣхъ русскихъ, которые свыклись съ старымъ укладомъ жизни и обычнымъ для насъ политическимъ нажимомъ на Польшу, начали раздаваться голоса, что полякамъ въ воззваніи дано больше, чѣмъ надлежало, что самое воззваніе не можетъ быть признано актомъ закономѣрнымъ, ибо оно является актомъ единоличной воли Верховнаго Главнокомандующаго, а не проведено чрезъ законодательныя палаты и т. д., и т. д. Иначе говоря, опять началась игра назадъ. Но эту обычную намъ тактику „шагъ впередъ и шагъ назадъ" разрѣшили событія военнаго времени, и мы не можемъ не вспомнить съ чувствомъ глубокаго стыда, что на столбахъ Варшавы для свѣдѣнія поляковъ спѣшно расклеивались обьявленія объ автономіи, дарованной Государемъ Императоромъ Польшѣ, какъ разъ въ то именно время, когда непріятельскія войска съ участіемъ польскихъ легіоновъ, подъ звуки польскаго гимна „Еще польска не сгинѣла" вступали съ развернутыми знаменами въ Варшаву.

Дальше произошло еще болѣе грустное, въ смыслѣ удара по русскому самолюбію, когда въ Варшавѣ поляки изъ рукъ нѣмцевъ получили польскій университетъ и польскій политехникумъ; повидимому, нѣчто подобное предстоитъ и въ г. Вильно.

Таковы результаты нашей окраинной политики по отношенію къ народу, который во времена Екатерины Великой смотрѣлъ на Россію, какъ на дружественную ему страну, и самъ призывалъ ея войска въ Варшаву въ цѣляхъ спасенія своей родины.

Спрашивается, будемъ ли мы повторять подобныя

ошибки впредь и не въ отношеніи къ полякамъ только, а и къ другимъ народамъ Россіи?

Казалось бы, достаточный опытъ прошлаго исключаетъ возможность повторенія прежнихъ ошибокъ, и всѣ, кто хочетъ видѣть Россію морально и политически сильной страной, должны пожелать, чтобы насиліе, какъ система, исключалось изъ ея внутренней политики, чтобы всѣмъ народамъ, населяющимъ Россію, жилось въ ней, какъ въ своемъ дому, хорошо и уютно, и тогда никто не будетъ стремиться уходить на сторону, а, наоборотъ, всѣ до послѣдняго человѣка станутъ отстаивать въ мѣру своихъ силъ свои родные углы.

Вотъ почему нынѣ, когда мы стоимъ на поворотѣ міровой исторіи, болѣе чѣмъ когда либо необходимо пересмотрѣть наши внутренніе національные вопросы, дабы Россія предстала предъ своими народами и предъ всѣмъ міромъ, по выраженію нашего философа В. Соловьева, не Россіей Ксеркса, а Россіей Христа, и дабы борьба за право и собственное національное бытіе, которую мы ведемъ противъ Германіи въ союзѣ съ передовыми западными націями, укрѣпила идею права и въ нашей собственной странѣ.

В. Бехтеревъ.

Возможно ли мирное сожительство разныхъ народностей въ Россіи?

Когда легковѣренъ и — увы! — не молодъ я былъ, я увлекался безсмысленными мечтаніями и праздными затѣями. Наивному младенцу въ почтенномъ возрастѣ кривлянія сорвавшихся съ цѣпи рабовъ показались серьезными стремленіями къ свободѣ и законности. Благодаря этому, въ ущеръ научнымъ занятіямъ, терялось очень много времени на никому не нужныя словоизверженія и бумагомаранія.

На общемъ фонѣ „освободительно“-разрушительной свистопляски выростали, какъ грибы, разные съѣзды, общества, союзы, составлялись уставы и программы, провозглашались торжественно широковѣщательныя „резолюціи“, которыя, при общемъ отсутствіи чувства отвѣтственности, ни къ чему не обязывали и чуть ли не на слѣдующій день основательно забывались. А крикунамъ и щелкоперамъ казалось, что они дѣло дѣлаютъ и занимаются „переоцѣнкою цѣнностей“ и переустройствомъ государства и общества.

Къ числу нѣсколько болѣе устойчивыхъ предпріятій этого рода принадлежалъ собравшійся во второй половинѣ ноября 1905 г. въ Петербургѣ (нынѣ Петроградѣ) „съѣздъ автономистовъ“ или самозванныхъ „представителей“ не-русскихъ національностей, и возникшіе въ связи съ этимъ съѣздомъ „союзъ автономистовъ-федералистовъ“ и его „парламентская фракція“ (въ 1-й и 2-й Думѣ).

На съѣздѣ, продолжавшемся нѣсколько дней, были заслушаны подробные доклады и разсматривались нѣкоторые вопросы, какъ тогда казалось, первостепенной важности. Во 2-мъ пунктѣ программы съѣзда значилось:

„Средства обезпеченія мирнаго сожительства народностей Россіи, для предупрежденія всякихъ поползновеній на насильственное преобладаніе какой-либо одной надъ другими“.

Докладчикомъ по этому вопросу выступилъ я, 20-го ноября (3-го декабря) 1905 г. Мой докладъ вызвалъ горячія пренія и нападки, въ особенности со стороны нѣсколькихъ группъ односторонних націоналистовъ. Отношеніе этихъ господъ къ моему докладу было прямо враждебное, такъ что получилось предвкушеніе того, какъ на самомъ дѣлѣ осуществляется „мирное сожительство“. Не мирное сожительство, а грызня разнородныхъ животныхъ, заключенныхъ въ одномъ звѣринцѣ.

Вообще я могу себѣ простить участіе и въ съѣздѣ и въ союзѣ автономистовъ-федералистовъ лишь при мысли о своей тогдашней наивности и легкомысліи. Только впослѣдствіи я понялъ, что на плоскостяхъ, опредѣляемыхъ пересѣченіемъ координатъ извѣстнаго пространства и извѣстнаго времени, смѣшно и нелѣпо говорить о правахъ человѣка, о человѣческомъ достоинствѣ, о правахъ національностей, о мирномъ сожительствѣ и т. д. Какъ всѣ эти прелести осуществляются, показываетъ намъ воочію хотя бы переживаемое нами въ настоящую минуту.

Увлеченіе несбыточными фантазіями можетъ повлечь за собою весьма плачевныя послѣдствія для увлекающагося и заблуждающагося. Теоретическія и отвлеченныя отъ жизни разсужденія человѣка, лишеннаго чувства дѣйствительности и не оріентирующагося въ создавшемся положеніи, могутъ быть отожествлены съ „призывами“ и „покушеніями“. За непрошенный діагнозъ и за непрошенный медицинскій совѣтъ полагается внушительный гонораръ въ видѣ „Крестовъ“ съ послѣдствіями.

И по дѣломъ. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся. Будучи причастенъ къ наукѣ, занимайся наукою и не путайся въ „общественную дѣятельность“, тѣмъ паче, если изъ этого никакого проку ни для кого выйти не можетъ. Пусть себѣ двуногіе грызутся и взаимно истребляютъ другъ друга. Ты держись въ сторонѣ и старайся съ корнемъ вырвать изъ себя чувство „общественной солидарности“. Guarda e passa.

О съѣздѣ автономистовъ 1905 г. на русскомъ языкѣ были только отрывочныя упоминанія въ повременныхъ изданіяхъ. Подробные отчеты объ немъ появились въ „инородческой“ и иноязычной печати не только въ Россіи, но и за границей. Между прочимъ могу привести свою собственную польскую статью и брошюру: „Ze zjazdu autonomistów czyli przedstawicieli narodowości nie-rosyjskich. Kraków, 1906.“ (Odbitka z „Krytyki“).

Здѣсь помѣщены въ переводѣ тоже оба моихъ доклада:

1) „Основы союза автономистовъ или не-русскихъ національностей и другихъ культурно-общественныхъ группъ въ Россіи“ (19-го ноября / 2-го декабря).

2) О „мирномъ сожительствѣ“ (20-го ноября / 3-го декабря).

Если я рѣшаюсь теперь обнародовать второй докладъ въ его русскомъ подлинномъ текстѣ, то не потому, что я приписываю ему какое-либо значеніе по существу, а лишь какъ скромный историческій памятникъ наивныхъ заблужденій и несбыточныхъ мечтаній.

Изъ подлиннаго текста я устранилъ мѣста, или черезчуръ отдающія актуальностью конца 1905 г., или же вообще могущія подѣйствовать на кое-кого, какъ красная тряпка на быка.

И. Б. де К.

Октябрь 1915 г.

Возможно ли мирное сожительство разныхъ народностей въ Россіи?

Связанную съ этимъ практическую задачу слѣдовало бы формулировать слѣдующимъ образомъ:

О средствахъ обезпечить мирное сожительство народностей Россіи и сдѣлать невозможными всякія поползновенія на насильственное преобладаніе какой-либо изъ нихъ надъ остальными.

Въ этой постановкѣ содержится, такъ сказать, гигіена международной, междуплеменной и междуобщественной жизни. Какъ задача здраво понимаемой медицины должна состоять прежде всего въ предупрежденіи болѣзней путемъ созданія хорошихъ гигіеническихъ условій, точно такъ же и въ практической

политикѣ чрезвычайно трудно лѣчить, если мы все время нетолько не противодѣйствовали деправаціи и деморализаціи общества, а, напротивъ того, старательно имъ содѣйствовали

. . . .

И вотъ если кому, такъ именно съѣзду автономистовъ слѣдуетъ заняться этимъ вопросомъ и указать цѣлебныя средства, имѣющія цѣлью съ одной стороны въ ближайшемъ будущемъ ослабить эту болѣзнь междуплеменной, междуисповѣдной и междуклассовой вражды и ненависти, съ другой же стороны, въ болѣе отдаленномъ будущемъ довести ее до минимума, если возможно до нуля. Первое достигается требованіемъ и проведеніемъ въ жизнь извѣстныхъ реформъ общегосударственнаго и общественнаго устройства, другое же коренными реформами въ области обученія и воспитанія юношества. Мы должны для будущаго подготовить поколѣнія, свободныя отъ яда, прививаемаго до сихъ поръ сознательными и безсознательными, вольными и невольными агентами разныхъ „вѣдомствъ“.

Во главѣ требованій, безъ которыхъ немыслимо ослабленіе междуплеменной и междуисповѣдной вражды, я ставлю отдѣленіе церквей отъ государства и школьнаго дѣла отъ церквей. Ни одна церковь не должна признаваться господствующей, и всѣ онѣ должны представлять изъ себя не что иное, какъ свободные союзы людей, мнящихъ себя одинаково вѣрующими

. . . .

Прискорбнымъ смѣшеніемъ понятій можно объяснять тоже раздѣленіе гражданъ одного и того же края на пришельцевъ и на туземцевъ или автохтоновъ, на гостей и на хозяевъ. Евреи, дескать, вездѣ только пришельцы и гости, съ которыми любезные туземцы-хозяева могутъ обращаться какъ имъ заблагоразсудится. Горячіе литовскіе патріоты однихъ только литовцевъ считаютъ туземцами и хозяевами всего сѣверо-западнаго края, всѣхъ же прочихъ переводятъ въ разрядъ гостей и пришельцевъ. Даже въ Гроднѣ, гдѣ литовцы являются рѣдкостью, все-таки всѣ тамош-

ніе жители, и бѣлоруссы и поляки и евреи, по мнѣнію литовскихъ шовинистовъ, только терпимые гости литовскаго народа.

Отвергая ссылки на историческія права и ограничивая всю исторію, какъ исходную точку для рѣшенія практическихъ политическихъ вопросовъ, однимъ только современнымъ историческимъ моментомъ, мы, съ точки зрѣнія именно настоящаго момента, считаясь съ фактическимъ положеніемъ дѣла, должны признать всѣхъ безъ исключенія жителей данной мѣстности, данной области, даннаго государства или поголовно туземцами и хозяевами, или же поголовно пришельцами и гостями. Прежде всего евреи являются вездѣ такими же автохтонами и хозяевами, какъ и всѣ остальные жители.

Въ связи съ этимъ мы должны отбросить выросшій на почвѣ смѣшенія понятій лозунгъ: „Россія для русскихъ", „Польша для поляковъ", „Литва для литовцевъ" и т. д. Россія для всѣхъ тѣхъ, кто въ ней живетъ. Польша для всѣхъ тѣхъ, кто въ ней живетъ. Литва для всѣхъ тѣхъ, кто въ ней живетъ.

При такомъ взглядѣ не можетъ быть, конечно, рѣчи о какихъ бы то ни было національныхъ и вѣроисповѣдныхъ стѣсненіяхъ, до позорящихъ Россію школьныхъ процентовъ и до настолько же нелѣпой, насколько и жестокой черты осѣдлости включительно. Человѣкъ подлежитъ отвѣтственности и наказаніямъ только за свои поступки, а ничуть не за происхожденіе и за принадлежность къ тому или иному толку.

Само собою разумѣется, что при подобномъ взглядѣ на вещи надо добиваться признанія полнаго, принципіальнаго, юридическаго равноправія всѣхъ языковъ. Нѣтъ господствующаго русскаго народа; нѣтъ подчиненныхъ ему неполноправныхъ народовъ. Всѣ народы Россіи пользуются одинаковыми правами. Не народъ подчиненъ чиновникамъ, а чиновники народу.

Но, тѣмъ не менѣе, по экономическимъ соображеніямъ, для наименьшей траты времени, принимая во вниманіе численное превосходство великорусскаго племени, принимая затѣмъ во вниманіе національный обликъ современнаго историческаго момента въ Россіи, мы все-таки оставляемъ за великорусскимъ языкомъ роль общаго языка, роль объединителя отдѣльныхъ областей всего государства.

Въ духѣ общественной, междуплеменной и междугрупповой гигіены я позволю себѣ выставить здѣсь слѣдующее требованіе:

Не осуждать никого за сознательную принадлежность къ двумъ и даже болѣе національностямъ или же за сознательную непринадлежность ни къ одной изъ нихъ. Какъ допустима полная безвѣроисповѣдность (Konfessionslosigkeit), точно такъ же мыслима безнаціональность (Nationalitätslosigkeit).

Я зналъ человѣка, овладѣвшаго многими языками и пріобщившагося къ культурнымъ и политическимъ стремленіямъ носителей этихъ языковъ. Нѣмецъ-ганноверецъ по происхожденію, докторъ Зауэрвейнъ (Sauerwein), поддерживалъ и защищалъ требованія политическаго равноправія всѣхъ приниженныхъ національностей. Онъ былъ національнымъ поэтомъ, политическимъ агитаторомъ и патріотомъ въ прусской Литвѣ, въ Лужицкомъ краѣ и т. д. Вмѣстѣ съ языкомъ онъ вселялъ въ себя тоже народную душу другихъ племенъ и народовъ. Онъ воодушевлялся ихъ національными идеалами.

Но это рѣдкое исключеніе. Зато вполнѣ возможны, какъ обыденныя явленія, такія сочетанія въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ одновременная принадлежность къ еврейскому и польскому, къ польскому и литовскому, къ польскому и бѣлорусскому, къ польскому и татарскому, къ нѣмецкому и эстонскому, къ нѣмецкому и латышскому — общественному цѣлому. Я зналъ тоже индивидовъ, которые по своему происхожденію и воспитанію должны были причислять себя какъ къ польской, такъ и къ армянской національности. Мало того, несмотря на всѣ гоненія, противъ которыхъ возмущается чувство справедливости, имѣется возможность совмѣщенія въ одной и той же душѣ польскихъ и русскихъ (великорусскихъ), польскихъ и нѣмецкихъ культурныхъ стремленій.

Если возможно совмѣщеніе въ одной и той же головѣ двухъ и болѣе языковъ, если возможно фактическое участіе одного лица въ нѣсколькихъ литературахъ, то позволительно тоже горячо сочувствовать культурнымъ стремленіямъ нѣсколькихъ національностей и принимать участіе въ ихъ осуществленіи.

Полякъ, литовецъ, еврей, татаринъ, армянинъ, грузинъ — можетъ любить русскій языкъ въ такой же мѣрѣ, какъ и свой родной, и радоваться его успѣху. При этомъ онъ смотритъ на

этотъ языкъ не какъ на языкъ Муравьева..., не какъ на языкъ Дмитрія Андреевича Толстого, К. П. Побѣдоносцева, не какъ на языкъ цѣлой плеяды усмирителей и „водворителей порядка", а какъ на языкъ декабристовъ, какъ на языкъ Чаадаева, Герцена, Тургенева, В. С. Соловьева, Льва Николаевича Толстого...., языкъ всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые провозглашали научныя истины, идеалы прекраснаго, начала справедливости, подвергаясь за это всяческимъ гоненіямъ и принося въ жертву даже свои жизни.

Въ усваиваемомъ нами нѣмецкомъ языкѣ мы видимъ не языкъ фонъ-Бисмарка, не языкъ Вильгельма II-го, не языкъ гакатистовъ и всяческихъ германизаторовъ, но языкъ великихъ философовъ, мыслителей, поэтовъ, художниковъ.

Ненависть по отношенію къ какому-нибудь языку является пережиткомъ дикаго состоянія, является перенесеніемъ своеобразнаго религіознаго фанатизма въ область нововѣковаго общежитія.

Если мы допускаемъ, съ одной стороны, возможность соединенія въ одномъ и томъ же лицѣ сочувственнаго участія въ трудахъ надъ преуспѣяніемъ нѣсколькихъ языковъ, съ другой же стороны возможность отчисленія себя отъ всѣхъ національностей, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны изъять изъ обихода всякую назойливую религіозную пропаганду и уговариваніе людей къ переходу въ другое вѣроисповѣданіе.

Если всякіе усердные миссіонеры и совратители только нежелательны, то просто нетерпимы священнослужители, учителя и чиновники, издѣвающіеся надъ иноплеменниками и иновѣрцами, натравливающіе одну народность на другую и поддерживающіе такимъ образомъ междуплеменную рознь и вражду.

Мнѣ кажется, что громадное вліяніе на разноплеменныя массы имѣло бы устраненіе нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ различій. Къ нимъ я причисляю прежде всего пріуроченіе еженедѣльныхъ праздниковъ къ различнымъ днямъ недѣли: у христіанъ воскресенье, у евреевъ суббота, у мусульманъ пятница. Было бы весьма желательно пріурочить праздники всѣхъ вѣроисповѣданій къ одному и тому же дню. И тутъ по экономическимъ соображеніямъ, заставляющимъ насъ признавать въ подобныхъ

случаяхъ принципъ большинства, я предложилъ бы перенести на воскресенье какъ еврейскую субботу, такъ и мусульманскую пятницу.

Можетъ быть, подобное, предложеніе покажется кому-нибудь обиднымъ; въ такомъ случаѣ я извиняюсь и беру его назадъ. Но вѣдь это предложеніе того же рода, какъ ожидаемый отказъ Россіи отъ юліанскаго календаря въ пользу грегоріанскаго для того, чтобы уподобиться въ этомъ отношеніи громадному большинству цивилизованныхъ странъ.

Чѣмъ однообразнѣе внѣшнія формы общежитія, тѣмъ менѣе тратится времени на сглаживаніе ихъ шероховатостей, и тѣмъ болѣе простора для развитія дѣйствительныхъ индивидуальныхъ особенностей.

Всѣ только что исчисленныя средства умиротворенія междуплеменной и междувѣроисповѣдной вражды могли бы быть выставлены какъ неотложныя требованія для современнаго историческаго момента, для нынѣшняго поколѣнія Другія средства имѣютъ въ виду подготовку будущихъ поколѣній, развитіе и укрѣпленіе въ этихъ поколѣніяхъ новаго общечеловѣческаго и общеуспокоительнаго міровоззрѣнія. Подобная цѣль достигается путемъ систематически веденнаго воспитанія и обученія.

И тутъ я предложилъ бы обратить вниманіе прежде всего на слѣдующіе школьные предметы:

1. Чрезвычайно много вреда въ умственномъ и нравственномъ отношеніи приноситъ некритическое, чисто вѣроисповѣдное и фанатическое преподаваніе Закона Божія и связанной съ нимъ такъ называемой священной исторіи.

А рядомъ съ офиціальнымъ, гласнымъ закономъ Божьимъ дѣйствуетъ еще другой „законъ божій“, правда, не-гласный, апокрифическій, Благодаря этому не-гласному, апокрифическому „закону божію“ распространяется, между прочимъ, вѣра въ употребленіе евреями христіанской крови.

Это обвиненіе евреевъ мы можемъ оставить здѣсь безъ отвѣта, но зато мы имѣемъ право спросить:

Проливаютъ ли „христіане“ еврейскую кровь, безъ различія пола и возраста?

Какъ бы то ни было, я полагалъ бы необходимымъ, въ виду предохраненія дѣтскихъ и юношескихъ умовъ отъ вѣроисповѣдной деморализаціи:

или, слѣдуя примѣру хотя бы Японіи, совершенно исключить изъ школъ преподаваніе закона Божія,

или же, въ случаѣ если бы это оказалось пока невозможнымъ и преждевременнымъ, обязать преподавателей вести его критически.

2. Точно такъ же мы должны противодѣйствовать развращенію дѣтскихъ умовъ и насажденію въ нихъ чудовищнаго смѣшенія понятій посредствомъ преподаванія исторіи. Особенно такъ называемая отечественная исторія является лучшимъ средствомъ прививки человѣконенавистничества вообще и народоненавистничества въ частности.

Только весьма тщательное, критическое отношеніе къ предмету преподаванія и въ этой области можетъ устранить вредъ, наносимый смѣшеніемъ понятій и властью слова. Единство или тожество слова обусловливаетъ и здѣсь отожествленіе ассоціируемыхъ съ нимъ внѣязыковыхъ представленій, представленій внѣшняго міра.

3. Рука объ руку съ преподаваніемъ исторіи въ дѣлѣ засариванія головъ . . можетъ идти преподаваніе словесности и литературы. Въ предупрежденіе подобнаго вреда отъ литературы слѣдовало бы требовать чтенія и усвоенія отрывковъ и произведеній общечеловѣческаго содержанія, съ устраненіемъ всякихъ экскурсій въ область идейнаго издѣвательства надъ тѣми или другими категоріями „ближнихъ“. Изъ школьныхъ хрестоматій и сборниковъ должны быть устранены отрывки, воспѣвающіе военные подвиги, набѣги и захваты, а за то должно быть отведено мѣсто произведеніямъ, основаннымъ на общечеловѣческой солидарности. А такъ какъ все-таки нельзя избѣжать ознакомленія съ произведеніями націонализма, шовинизма и прочаго фанатизма, то необходимо относиться къ нимъ критически и представлять ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

4. Въ школахъ извѣстной народности необходимо предоставить возможность знакомиться съ другими мѣстными языками, т. е. съ языками и литературами иноплеменныхъ согражданъ. Прекрасный примѣръ даетъ намъ Финляндія. Тамъ каждому финну дается возможность усвоить себѣ шведскій языкъ, а каж-

дому шведу — возможность овладѣть финскимъ языкомъ. Точно такъ же въ польскихъ школахъ Варшавы и Царства Польскаго вообще должно быть введено факультативное преподаванiе мѣстнаго еврейскаго языка или такъ наз. „жаргона“; и наоборотъ, ученикамъ русскихъ школъ Казани должна быть дана возможность знакомиться съ татарскимъ языкомъ, и наоборотъ.

Взаимное ознакомленiе вселяетъ тоже взаимное уваженiе и способствуетъ упроченiю мирнаго сожительства.

5. Въ связи со всѣмъ предшествующимъ состоитъ воздѣйствiе на дѣтей и молодежь въ смыслѣ устраненiя шовинистическихъ пѣсенъ, направленныхъ противъ другихъ народностей, въ смыслѣ устраненiя или по крайней мѣрѣ должнаго освѣщенiя глупыхъ анекдотовъ, бранныхъ кличекъ и прозвищъ, преподносимыхъ однѣми нацiональностями другимъ.

Раньше, въ патрiархальныя, добродушныя времена все это могло сходить и не вызывать протеста; теперь же недопустима никакая международная травля, хотя бы даже въ видѣ презрительныхъ кличекъ, глупыхъ остротъ и пошлаго зубоскальства.

6. Мирному сожительству нацiональностей будетъ несомнѣнно содѣйствовать введенiе въ психику школьной молодежи основныхъ понятiй изъ политической экономiи и правовѣдѣнiя.

7. Наконецъ, необходимо всѣми силами противодѣйствовать обоготворенiю Молоха государственности. Культъ государства, государства ради, долженъ уступить мѣсто мiровоззрѣнiю, что государство существуетъ только какъ канва для успѣшнаго развитiя и процвѣтанiя содержащихся въ немъ собирательныхъ и чисто индивидуальныхъ особей. Государственная мегаломанiя есть величайшее несчастiе, ведущее прежде всего къ гибели самого государства.

Все мною изложенное носитъ на себѣ чисто академическiй отпечатокъ. Но я думаю, что кое-что заслуживаетъ быть принятымъ въ соображенiе и осуществляемымъ въ практической жизни.

Если такъ, то средствомъ проводить въ жизнь одобренныя идеи могло бы служить устройство популярныхъ лекцій, организація пропаганды, агитаціи, публичныхъ преній.

Прежде всего слѣдовало бы противодѣйствовать столь пагубному для всѣхъ народовъ Россіи антисемитизму, но противодѣйствовать не какими-нибудь насильственными средствами, а только чисто мирнымъ путемъ, путемъ убѣжденія разъяснять всю нелѣпость и весь вредъ этой общественной болѣзни.

Нашею цѣлью должно быть прежде всего создать тѣсное общеніе, то, что по-нѣмецки называется Fühlung, между народностями Россіи и всѣми прочими общественными группами культурнаго характера. Не только въ религіозной, вѣроисповѣдной области, но и въ области національной всякая борьба должна исчезнуть.

Было бы смѣшно думать, что борьба между людьми когда-либо исчезнетъ. Но эта борьба должна вершиться единственно на реальной почвѣ, на почвѣ экономическихъ нуждъ и политическихъ правъ. Вѣдь мы живемъ на землѣ, а для успѣшнаго веденія борьбы на землѣ необходимо совершенно устранить психіатрическаго свойства борьбу изъ-за идей и идеаловъ неземныхъ, борьбу изъ-за идей и идеаловъ, перенесенныхъ сюда изъ области предполагаемой загробной жизни (des Jenseits)

Къ категоріи психіатрической борьбы изъ-за неземныхъ цѣлей я позволю себѣ причислить тоже борьбу изъ-за языковъ, навязываніе другимъ своего языка.

Если изъ образованнаго нами зародыша разовьется со временемъ сильное общество, то ему предстоитъ благодарная задача. Такое общество имѣетъ будущность.

Можетъ быть, только нѣкоторые изъ насъ, самые младшіе, увидятъ осязательные плоды нашей дѣятельности. Но это не должно насъ смущать. По чувству общечеловѣческой солидарности мы должны считать себя только однимъ изъ звеньевъ въ безконечной цѣпи совершенствующихся и прогрессирующихъ поколѣній.

Когда японскому генералу Ноги высказали соболѣзнованіе по поводу потери имъ обоихъ сыновей подъ стѣнами Портъ-Артура, онъ отвѣтилъ: „Что дѣлать? надо покориться; мы только навозъ для будущихъ поколѣній“.

Такъ вотъ и мы должны самоотверженно заявить: „Мы работаемъ для будущаго, а на самихъ себя смотримъ какъ, на навозъ для нашихъ потомковъ. Можетъ быть, на удобренныхъ нашимъ трудомъ поляхъ что-нибудь когда-нибудь да и выростетъ“.

И. Бодуэнъ де Куртенэ.

Послѣсловіе.

Предпославъ своему докладу 1905 г. нѣсколько словъ о моемъ нынѣшнемъ къ нему отношеніи, считаю нелишнимъ прибавить еще послѣсловіе, въ оправданіе и поясненіе нѣкоторыхъ частностей.

Кое-кому можетъ показаться, что я слишкомъ часто упоминаю евреевъ и какъ будто даю имъ предпочтеніе передъ другими видоизмѣненіями породы животныхъ, именуемой homo sapiens. Это можетъ дать поводъ заподозрѣвать меня въ „шабесгойствѣ“ и въ прислужничаніи евреямъ. Возможность подобныхъ подозрѣній меня вовсе не пугаетъ. Тѣмъ не менѣе я считаю нелишнимъ дать нѣкоторое разъясненіе.

. . .

Въ концѣ 1905 г. мы находились подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ именно еврейскихъ погромовъ. Да и вообще „еврейскій вопросъ“ былъ тогда самымъ наболѣвшимъ изъ всѣхъ т. н. національныхъ и вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Такимъ онъ не перестал быть и по настоящее время. Евреи идутъ всегда въ первыхъ рядахъ подневольныхъ мучениковъ. . Въ виду этого privilegium odiosum не мудрено, что упоминаніе о евреяхъ первымъ напрашивается на языкъ или же подъ перо.

Затѣмъ, многимъ даже изъ т. н. „передовой интеллигенціи“ покажется страннымъ поставленіе т. н. „жаргона“, т. е. особаго еврейскаго языка, рядомъ съ другими, національными языками и требованіе, чтобы не-евреямъ, живущимъ бокъ-о-бокъ съ евреями, дана была возможность знакомиться съ этимъ „противнымъ“ и „отталкивающимъ“ „жаргономъ“. Къ сожалѣнію, съ объективно-

научной точки зрѣнія „жаргонъ“ является такимъ же точно языкомъ, какъ и любой другой языкъ. Не слѣдуетъ тоже забывать, что этотъ „презрѣнный“ „жаргонъ“, какъ языкъ семейный, какъ языкъ, съ которымъ связаны для многихъ людей воспоминанія дѣтства и первыхъ впечатлѣній отъ соприкосновенія съ природой и обществомъ, столь же дорогъ для этихъ людей, какъ и любой другой языкъ для его носителей. Крики и вопли.   , мольбы о пощадѣ и причитанія надъ.   близкими людьми воплощались въ „жаргонъ“ не рѣже, чѣмъ въ другіе языки. Стало быть, въ этой области имѣется полное объективное равноправіе. Еврей, кажется, тоже человѣкъ и долженъ бы имѣть право, „право человѣка и гражданина“, дорожить своими племенными и вѣроисповѣдными особенностями и требовать ихъ признанія.

Впрочемъ, къ „правамъ человѣка“ примѣнима теперь характеристика, данная когда-то Герценомъ „привелегіямъ дворянства“ въ Россіи: „быть свободнымъ отъ тѣлеснаго наказанія до тѣхъ поръ, пока не высѣкутъ“. Смѣшно говорить о „правахъ человѣка“, о „правахъ личности“, о „правахъ имущественныхъ“ въ такое время, когда всѣ эти торжественно провозглашаемыя „права“ могутъ быть пріостановлены и отмѣнены по усмотрѣнію любого „Прейскера“ или же другого т. п. башибузука.

Противъ допущенія „жаргона“ какъ равноправнаго съ другими языками выставляется соображеніе, что вѣдь это почти то же, что нѣмецкій языкъ, а нѣмецкій языкъ изъятъ изъ употребленія. Дѣйствительно, еврейскій „жаргонъ“ выросъ на южнонѣмецкой почвѣ, но развился такъ своеобразно и всосалъ въ себя столько другихъ, не нѣмецкихъ, элементовъ, что человѣку, знающему отлично языкъ нѣмецкій, труднѣе понимать „жаргонъ“, нежели нѣкоторые другіе языки, въ родѣ голландскаго и, пожалуй, даже англійскаго. А вѣдь языки голландскій и даже англійскій не запрещены.

Ноябрь 1915 г.

И. Б. де К.

Россія и ея народы.

Какова будетъ судьба Россіи, какъ государства, послѣ нынѣшней войны — вотъ вопросъ, котораго нельзя намъ не поставить передъ собою въ тяжкій часъ нынѣшняго историческаго испытанія. Мы, какъ и наши союзники, сражаемся за наше *существованіе,* сражаемся за свободу нашего дальнѣйшаго *развитія.* Но зачѣмъ, собственно, мы будемъ существовать? и въ какую сторону пойдетъ наше развитіе? — вотъ вопросы, отвѣтами на которые только и опредѣлится самая цѣна приносимыхъ нынѣ тяжкихъ жертвъ: за что онѣ, собственно, приносятся и *чѣмъ* онѣ окупятся.

Простое *существованіе* такъ же не удовлетворительно для современнаго государства, какъ и для современнаго человѣка. Требуется *достойное* существованіе, нужно оправданіе своего существованія выполненіемъ *достойныхъ* задачъ. Какія же перспективы въ этомъ отношеніи передъ нашимъ государствомъ? *какія* задачи и *какъ* будетъ оно выполнять? Будетъ ли его существованіе дѣйствительно таково, чтобы оправдать тѣ жертвы, какія за него въ настоящее время приносятся, — приносятся не только кореннымъ русскимъ населеніемъ, но и другими народами, которые вмѣстѣ съ нами живутъ?

На всѣ эти вопросы мы и попытаемся отвѣтить въ настоящей статьѣ. Но скажемъ уже заранѣе и прямо: правильный отвѣтъ на нихъ совершенно невозможенъ, если упускать изъ виду самый важный здѣсь фактъ, а именно тотъ фактъ, что Россія есть государство *многонаціональное,* — что кромѣ русскихъ въ ней живетъ много другихъ народовъ. Вопросъ о сожительствѣ многихъ народовъ внутри одного государства есть центральный вопросъ современной государственной жизни, и онъ поставленъ у насъ исторіей не съ меньшей, а съ большей силой, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ. Кто этого не понимаетъ, — кто

не понимаетъ того, что наша государственная судьба, въ послѣднемъ счетѣ, зависитъ отъ того, какую судьбу мы будемъ готовить въ нашемъ государствѣ другимъ народамъ, въ немъ живущимъ, — кто не понимаетъ этого первостепеннаго значенія *національнаго* вопроса въ современной государственной жизни, — тому безполезно и браться въ настоящее время за разрѣшеніе всѣхъ указанныхъ выше вопросовъ. Нельзя обсуждать просто судьбу Россіи, — надо обсуждать судьбу Россіи вмѣстѣ съ судьбою живущихъ въ ней народовъ.

Мы такъ и поступаемъ въ настоящей статьѣ. Ея тема: судьба Россіи, какъ государства, послѣ войны, но ея заглавіе только и можетъ быть тѣмъ, какое мы ей дали: Россія и ея народы.

Наконецъ, еще одно предварительное замѣчаніе. Чтобы обсужденіе государственной судьбы Россіи не являлось, такъ сказать, висящимъ въ воздухѣ, чтобы оно не представлялось только фантазіей автора, необходимо вставить его въ рамки эволюціи государства вообще, т. е. надо предпослать ему изложеніе тѣхъ результатовъ государственой жизни, къ какимъ привела эта эволюція. Мы дѣлаемъ и это. Наша статья распадается поэтому на двѣ части: общую и спеціально русскую.

Эволюція государства.

I.

Государство, какъ отечество.

1.

Формой общежитія, въ которой живетъ современное человѣчество, является *государство*. И это форма всеобщая и необходимая. Внѣ государства нѣтъ и не можетъ быть широкаго, разносторонняго и длительнаго общественнаго развитія.

Однако, государство все же не «изначально», какъ думали нѣкоторые. Оно *возникаетъ,* — и возникаетъ подъ вліяніемъ и навстрѣчу *одному* факту: тому суровому и печальному факту человѣческой исторіи, который и донынѣ составляетъ ея неустраненную принадлежность — навстрѣчу войнѣ. Государство возникаетъ какъ средство для того, чтобы живущіе за его оградой

могли успѣшнѣе бороться съ другими человѣческими группами въ той безпощадной борьбѣ, которая именуется войной.

По этой причинѣ и само государство есть образованіе суровое, даже грубое. Оно есть организація силы, оно есть прежде всего военный аппаратъ, и пока существуютъ войны, этотъ его характеръ не можетъ быть изъ него устраненъ, ибо это значило бы рисковать самымъ его существованіемъ. Цѣли войны и донынѣ всѣмъ своимъ вѣсомъ тяготѣютъ надъ государствомъ. Мы, современники, можемъ засвидѣтельствовать это лучше, чѣмъ кто бы то ни было другой.

А что же собой обозначаетъ такое «военное» устройство человѣческаго общежитія для его *внутренней* жизни, т. е. для тѣхъ живыхъ людей, которые въ немъ живутъ, которые имѣютъ свои собственныя потребности, цѣли, стремленія, интересы и пр.?

Оно обозначаетъ подчиненіе ихъ необходимости, въ случаѣ надобности, жертвовать всѣмъ для государства, — жертвовать при томъ *принудительно,* а не въ мѣру одной доброй воли. Оно обозначаетъ подчиненіе ихъ суровой дисциплинѣ безпрекословнаго повиновенія институту *государственной власти.* И послѣднее и есть самое главное въ государственной жизни.

Государственная организація есть, собственно, организація власти. Бытъ *государственный* отличается отъ быта до-государственнаго, родового или племенного, именно устройствомъ власти. Власть теряетъ здѣсь свой прежній, если можно такъ выразиться, натуральный, семейный, родственный и потому весьма неопредѣленный и неупорядоченный характеръ, и становится прочнымъ — постояннымъ и правильнымъ — учрежденіемъ, снабженнымъ ничѣмъ не ограниченными полномочіями. Русское слово «государство» отлично все это выражаетъ: оно, вѣдь, какъ разъ и обозначаетъ господарство, т. е. господство, или властвованіе.

Итакъ, государство, съ одной стороны, даетъ тѣмъ, кто въ немъ живетъ, великое, ничѣмъ не замѣнимое благо, — благо, безъ котораго всѣ другія блага теряютъ всякую цѣну — а именно внѣшнюю безопасность, но, съ другой стороны, оно налагаетъ на нихъ и бремя, бремя тяжкое, — бремя жертвъ и повиновенія. Гражданинъ государства, когда это понадобится, долженъ все приносить въ жертву государству, и онъ долженъ дѣлать это, безпрекословно повинуясь государственной власти. А если принять

во вниманіе, что власть есть человѣческое учрежденіе, и что уполномоченная, въ лицѣ своихъ носителей, повелѣвать гражданами во имя цѣлей государственныхъ, она можетъ пользоваться и обыкновенно пользуется своими полномочіями также и для цѣлей личныхъ, то придется придти къ выводу, что эта *тягота* или *бремя* государства, по крайней мѣрѣ, для подвластныхъ, а ихъ, конечно, въ государствѣ огромное большинство, становится отъ этого еще тяжелѣе. Вѣдь самое дѣленіе на властвующихъ и подвластныхъ — есть характерная принадлежность именно государственнаго быта, и оно осложняетъ собою всю внутреннюю жизнь въ государствѣ, — осложняетъ къ невыгодѣ большинства гражданъ, къ невыгодѣ народныхъ массъ. И если бы характеръ государства, его существо и природа, складывались только изъ описанныхъ уже мною чертъ, то съ точки зрѣнія тѣхъ, кто въ немъ живетъ (по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства), государство надо было бы считать, правда, безусловно *необходимымъ,* но все же лишь необходимымъ *зломъ.* Ибо обезпечивая отъ зла еще большаго (внѣшняго нападенія), оно достигало бы этого причиненіемъ людямъ также зла, но только сравнительно меньшаго. И, какъ извѣстно, такая характеристика государства, — какъ необходимаго зла — дѣйствительно высказывалась и донынѣ находитъ себѣ сторонниковъ.

2.

Однако, государство не остается въ исторіи на степени только необходимаго зла; оно, напротивъ, выростаетъ въ добро, и добро весьма цѣнное для человѣчества. Какъ же это происходитъ?

Обращаясь къ положительнымъ, благодѣтельнымъ функціямъ государства во внутренней жизни человѣчества, нельзя прежде всего не замѣтить, что *тенденція* въ эту сторону, какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ на первый взглядъ, заложена въ природѣ государства, какъ учрежденія военнаго. Иными словами, эта тенденція не привходитъ въ государство извнѣ и впослѣдствіи, а она *имманентна* ему съ самаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, основная цѣль государства быть внѣшнимъ могуществомъ, чтобы побѣждать враговъ и давать безопасность своимъ гражданамъ — это *первое* и самое *главное* звено во внутренней логикѣ, во внутренней цѣлесообразности государства. Но вѣдь это первое

звено требуетъ себѣ тотчасъ второго, дальнѣйшаго звена въ организаціи и дѣятельности государства Могущество во-внѣ достигается соединеніемъ и организаціей силъ. Но если такъ, то, значитъ, прежде всего надо, чтобы эти внутреннія, предназначенныя къ соединенію и организаціи въ государствѣ, силы *не растрачивались* понапрасну борьбой между самими гражданами, — т. е., значитъ, надо, чтобы человѣческое общежитіе было *замирено* внутри. Государство во-внѣ *воюетъ,* но именно поэтому внутри оно должно *умиротворять.* Это только выводъ изъ требованія внѣшняго могущества государства.

И государство, дѣйствительно, усваиваетъ себѣ этотъ выводъ. Оно уже очень рано предъявляетъ къ гражданамъ требованіе, чтобы они прекратили всякія внутреннія междоусобія, оно запрещаетъ имъ, такъ называемую, родовую месть, самоуправство и пр. А требуя отъ гражданъ, чтобы они изъ-за своихъ ссоръ и распрей не предпринимали насильственныхъ дѣйствій другъ противъ друга, государство не можетъ не сдѣлать и слѣдующаго шага: взять *на себя* разборъ этихъ ссоръ и обезпечить имъ, какъ *справедливое* ихъ разрѣшеніе, такъ и фактическое осуществленіе того, что будетъ признано справедливымъ. Словомъ, государство не только механически *замиряетъ* общежитіе, но соотвѣтствующими мѣрами поддерживаетъ въ немъ порядокъ и справедливость, т. е. беретъ на себя *правовую* задачу по отношенію къ общежитію. Однако, и на этомъ дѣло не кончается, — та же самая «военная» логика государства влечетъ его и дальше.

Могущество государства требуетъ *полнаго* сохраненія и сложенія внутреннихъ силъ общежитія, т. е. устраненія всякой напрасной ихъ растраты, всякой ихъ убыли отъ внутренней борьбы; но когда эта задача государствомъ выполнена, то ему неизбѣжно приходится ее еще продолжить, — продолжить стремленіемъ къ *прибыли,* къ *приращенію* этихъ самыхъ внутреннихъ силъ; ибо только такимъ путемъ внѣшнее могущество государства можетъ повышаться и дальше, а вѣдь это государству совершенно необходимо въ его соперничествѣ съ другими государствами. Какъ же создать это приращеніе, эту прибыль внутреннихъ силъ?

Путь для этого только одинъ: надо дать просторъ, дать свободу творческой дѣятельности гражданъ, ибо творитъ, созидаетъ, накопляетъ и распространяетъ всяческую культурную силу от-

дѣльный человѣкъ, отдѣльная человѣческая личность. Человѣческая личность — это и есть основной источникъ всякой силы въ обществѣ, какъ матеріальной, такъ и духовной.

И вотъ, такимъ образомъ, государству, во имя все тѣхъ же его внѣшнихъ цѣлей, приходится не только подавлять человѣческую личность своимъ могуществомъ, не только налагать на нее обязанности, требовать отъ нея повиновенія, но и предоставлять ей просторъ, давать ей свободу въ проявленіи ея творческихъ силъ. А это значитъ, что государство должно признать за личностью соотвѣтственныя *права* и при томъ не только по отношенію къ другимъ личностямъ, но и по отношенію къ самому себѣ. Конечно, государство не отказывается, въ силу этого, отъ своей функціи *обуздывать* личность въ ея вредныхъ для общества проявленіяхъ, но оно обязывается безпрепятственно допускать всякую *полезную* для общества дѣятельность личности.

Все это въ совокупности составляетъ весьма важное продолженіе и усложненіе той *правовой* задачи, которая уже раньше стала передъ государствомъ. Прежде, на той первой ступени, государство только вводило личность въ границы, останавливало и запрещало ей всякія вредныя ея проявленія, — теперь оно должно дать ей свободу, дать ей просторъ, по крайней мѣрѣ, въ ея законныхъ, полезныхъ проявленіяхъ. А это съ правовой точки зрѣнія и сложнѣе и труднѣе. Здѣсь надо уже не только справедливо разграничивать сталкивающіеся интересы личностей, но и обезпечить гражданъ отъ незаконныхъ посягательствъ на ихъ права со стороны органовъ самой власти. Послѣднее же, какъ показываетъ опытъ исторіи, совершенно невозможно безъ извѣстнаго переустройства власти, безъ установленія зависимости ея отъ воли гражданъ, что исторически достигалось лишь длительной и тяжелой политической борьбой внутри государствъ, борьбой между властвующими и подвластными.

Но какъ бы то ни было, а эта, какъ ее называютъ, *правовая* задача, въ концѣ концовъ, удовлетворительно разрѣшается государствомъ. Не только провозглашаются въ законѣ, такъ называемыя, права человѣка и гражданина, но и сама государственная власть, какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ своей дѣятельности ставится подъ контроль и въ зависимость отъ воли гражданъ. Ѳто достигается введеніемъ въ устройство государственной вла-

сти института народнаго представительства съ его обычными конституціонными правами, и на этой ступени своего развитія государство получаетъ названіе *праваго,* потому что оно вполнѣ обезпечиваетъ, какъ индивидуальную свободу, такъ и политическія права гражданъ.

3.

Итакъ, первоначальное военное государство, во имя своихъ же собственныхъ задачъ, ради своего могущества, превращается въ концѣ концовъ въ государство правовое.

Однако, и на этомъ государственное развитіе не кончается. Государство дѣлаетъ еще шагъ впередъ и изъ правового дѣлается *культурнымъ,* или, выражаясь точнѣе, становится одновременно и правовымъ и культурнымъ.

Что же это значитъ?

Правовое государство — мы уже это видѣли — обезпечиваетъ свободу личности, предоставляетъ законный просторъ ея индивидуальной дѣятельности. Личность при этихъ условіяхъ полностью развертываетъ свои силы, даетъ все, что она можетъ изъ себя дать. Но, вѣдь, *общій* успѣхъ дѣятельности человѣческихъ личностей зависитъ не только отъ полноты ихъ индивидуальныхъ усилій, но также и отъ сочетанія, отъ *организаціи* этихъ усилій.

Усилія отдѣльныхъ лицъ должны быть соединены, координированы, организованы, — только тогда они дадутъ максимумъ возможнаго для нихъ успѣха. Кто же соединитъ и организуетъ культурныя усилія, культурную работу гражданъ?

Было время, когда думали, что это должны дѣлать сами же граждане, и только они одни, — что государству въ это дѣло незачѣмъ мѣшаться; полагали, что государство должно къ другимъ свободамъ гражданъ присоединить еще и свободу ихъ соединеній и организацій — но и только, т. е., что оно должно остаться исключительно *правовымъ.* Въ экономической области, — это доктрина, такъ называемаго, либерализма, это принципъ laissez faire, laissez passer; исторически и психологически — это боязнь вмѣшательства государства въ жизнь гражданъ, боязнь вполнѣ основательная, пока государство еще не поставлено подъ контроль самихъ гражданъ, пока оно не стало истинно правовымъ.

Теперь мы смотримъ на все это иначе. Свободная инициа-

тива гражданъ въ организаціи, какъ народнаго хозяйства, такъ и вообще всей культурной жизни, конечно, необходима, но она не можетъ дать всего, что требуется здѣсь для наибольшаго успѣха; да кромѣ того она и не всегда сама собой направляется въ желаемую сторону общаго блага. Тутъ нужно иное, и болѣе могучее, и болѣе планомѣрное вмѣшательство. Кто же его можетъ дать?

Только одно государство. Государство есть организаторъ по преимуществу и искони, при томъ организаторъ въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ; вѣдь государство — это же и есть самая большая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая сложная человѣческая организація. Такъ почему же ему не расширить своихъ организаторскихъ задачъ еще и дальше? почему ему не вмѣшаться съ этою цѣлью въ культурную дѣятельность гражданъ и не дать ей того, чего она не можетъ получить отъ нихъ самихъ, будутъ ли они работать по одиночкѣ, или соединятъ свои усилія вмѣстѣ?

И вотъ, мы видимъ, что государство и дѣйствительно вступаетъ на этотъ путь. Оно входитъ въ культурный процессъ, какъ самостоятельный дѣятель, при томъ, какъ дѣятель, съ одной стороны могучій и властный, а съ другой стороны, стремящійся къ общему благу. Государство начинаетъ *содѣйствовать, помогать* культурному процессу и тѣмъ усиліямъ, которыя дѣлаютъ въ немъ граждане. Оно помогаетъ такимъ образомъ культурѣ матеріальной, и оно помогаетъ культурѣ духовной. Его дѣятельность на этомъ поприщѣ, начавшаяся, впрочемъ, уже въ далекомъ прошломъ, непрерывно расширялась, и въ настоящее время получила весьма широкій и разносторонній характеръ.

Современное государство строитъ желѣзныя дороги, — проводитъ каналы, осушаетъ болота, орошаетъ пустыни, многоразлично вмѣшивается въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, регулируетъ условія производства, обезпечиваетъ работниковъ на случай старости и инвалидности, и пр. и пр. Съ другой стороны, оно заботится о народномъ образованіи, содѣйствуетъ развитію наукъ и искусствъ, учреждаетъ и содержитъ академіи, музеи, устраиваетъ выставки, и пр. и пр. Какъ матеріальная, такъ и духовная жизнь народа идетъ подъ его постояннымъ покровительствомъ и при его непрерывномъ содѣйствіи. И, несомнѣнно, что это только начало дѣятельности государства въ области куль-

туры; въ дальнѣйшемъ она получитъ развитіе, о которомъ трудно даже составить себѣ теперь надлежащее представленіе. Вся культура человѣчества стремится къ соціализаціи, къ обобществленію, т. е. къ такой постановкѣ, при которой съ одной стороны, цѣликомъ была бы сохранена индивидуальная свобода и индивидуальная продуктивность, а съ другой стороны, цѣликомъ были бы извлечены всѣ выгоды общественной организаціи культурнаго процесса. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что государство будетъ еще долго играть самую благодѣтельную роль въ этомъ процессѣ соціализаціи культурной жизни.

4.

Такъ шло развитіе государства въ положительную, благодѣтельную для гражданъ сторону. Государство изъ военно-полицейскаго превратилось въ правовое и культурное. Оно не только обезпечило гражданамъ индивидуальную свободу, но оно многоразлично и могущественно покровительствуетъ и содѣйствуетъ имъ во всякой ихъ культурной дѣятельности. Изъ необходимаго зла оно превратилось въ великое и очевидное добро.

Такой результатъ былъ, прежде всего, возможенъ потому, что, какъ уже сказано, государство, даже какъ военная организація, заключаетъ въ себѣ тенденцію развитія именно въ эту сторону.

Но, конечно, этотъ присущій государству изначала наклонъ въ сторону культуры и права, это согласіе съ правомъ и культурой его собственныхъ задачъ, давало только просторъ, открывало мѣсто для правового и культурнаго развитія, — совершалось же оно въ дѣйствительности дѣйствіемъ внутреннихъ силъ и способностей самого населенія, составлявшаго данное государство. Да не только это внутреннее культурное развитіе, но и сама государственная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и даже военная дѣятельность государства всецѣло зависитъ отъ этого же первичнаго и глубокаго фактора, т. е. отъ качествъ и способностей самого населенія.

Созданіе и поддержаніе государства, даже какъ чисто военной организаціи, вмѣстѣ съ той военной дѣятельностью, которую приходится обнаруживать государству, нуждается въ извѣстныхъ

умственныхъ, нравственныхъ и волевыхъ качествахъ населенія и не всякой человѣческой массѣ доступно. Военная дѣятельность требуетъ мужества, самообладанія, находчивости въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, и внутренней сплоченности, взаимнаго довѣрія и способности къ дисциплинѣ въ массѣ. Что касается дѣятельности государственной, то она, какъ мы видѣли, зиждется на власти — на приказываніи съ одной стороны и на повиновеніи съ другой. И то и другое: и проявленіе власти, и подчиненіе власти должно быть тоже извѣстнаго качества, чтобы государство преуспѣвало. Власть не должна быть слишкомъ своекорыстной, не должна изъ-за цѣлей личныхъ забывать о цѣляхъ государственныхъ, а повинующіеся должны умѣть дѣлать это не только за страхъ, но и за совѣсть. Вотъ почему далеко не всѣ человѣческія племена способны были основать государство, а изъ тѣхъ, которые основали, далеко не всѣ были способны его сохранить.

Но если извѣстная высота умственнаго, нравственнаго, волевого одаренія личностей, а также наличность извѣстныхъ соціальныхъ качествъ въ массахъ, необходимы уже для первоначальнаго образованія и сохраненія государства, то тѣмъ въ большей мѣрѣ все это требуется для дальнѣйшаго его развитія. Мы видѣли, что государству приходится во всемъ объемѣ поставить предъ собою *правовую* задачу, т. е. съ одной стороны въ полной мѣрѣ обезпечить свободу личности, а съ другой стороны справедливо согласовать ее съ общимъ благомъ цѣлаго государства. Для выполненія этой задачи, какъ мы видѣли, въ организаціи самой государственной власти долженъ послѣдовать рядъ перемѣнъ и преобразованій, которыя нигдѣ не давались безъ трудной внутренней борьбы. Значитъ, съ одной стороны, нужна энергія населенія и его политическая толковость, чтобы не только вести эту борьбу, но и вести ее не въ видѣ неосмысленнаго бунта, а въ направленіи къ опредѣленнымъ политическимъ результатамъ, а, съ другой стороны, нужна и извѣстная, разумная податливость власти, чтобы не слишкомъ замедлялся успѣхъ этого процесса. Исторія показываетъ, что эта трудная многовѣковая правовая задача тоже по плечу далеко не всѣмъ государствамъ и что многія государства такъ и застываютъ на первоначальныхъ ступеняхъ правового развитія, будучи не въ силахъ двинуться дальше.

Наконецъ, то же самое надо сказать и о *культурномъ* развитіи государства. Но только здѣсь необходимость соотвѣтствующаго одаренія самого населенія еще очевиднѣе. Какъ извѣстно, культурное развитіе разныхъ народовъ идетъ даже по разнымъ направленіямъ, и это стоитъ въ очевидной связи съ преобладающей одаренностью различныхъ народовъ въ ту или другую сторону.

Такимъ образомъ, организація государства, защита его въ борьбѣ съ другими государствами, его дальнѣйшее правовое и культурное развитіе — все это есть дѣло того населенія, которое составляетъ данное государство, дѣло его усилій и труда, его одаренности и способностей. Съ этой точки зрѣнія народы приходится даже раздѣлить на два типа: народы энергичные, толковые, прогрессивные, способные къ государственнымъ задачамъ и культурному развитію, и народы косные, пассивные, малоодаренные, склонные болѣе къ покою и созерцанію, чѣмъ къ усиліямъ и дѣятельности. Это то, что донынѣ различалось, какъ западный и восточный типъ государственнаго и культурнаго развитія, но что теперь, за столь сильнымъ и блестящимъ выступленіемъ Японіи на государственную и культурную арену, приходится отрѣшить отъ столь упрощенныхъ географическихъ опредѣленій.

И вотъ, если мы теперь, послѣ всего сказаннаго, представимъ себѣ государство уже достигшимъ высокой степени правового и культурнаго развитія, то мы и не будемъ удивляться тому, что это государство будетъ *сознаваться и чувствоваться* своими гражданами, какъ величайшая для нихъ соціальная цѣнность. Вѣдь, оно не только обезпечиваетъ имъ ихъ жизненные интересы, но и является созданіемъ ихъ собственныхъ рукъ. Это государство, чтобы оно стало тѣмъ, чѣмъ оно стало, потребовало отъ нихъ великихъ усилій и великихъ жертвъ. Его надо было отстаивать въ военной борьбѣ съ другими государствами, не щадя при этомъ ни жизни, ни достоянія. Его надо было переустраивать извнутри, чтобы обезпечить въ немъ право и справедливость, а это также было сопряжено съ немалыми жертвами. Наконецъ, его надо было сдѣлать культурнымъ, а это требовало, если не жертвъ и страданій, зато талантовъ и способностей. Только народъ энергичный, настойчивый, дружный, умѣющій какъ слѣдуетъ повелѣвать и какъ слѣдуетъ повиноваться, нако-

нецъ, талантливый и способный можетъ провести государство черезъ всѣ превратности судьбы и превратить его въ государство правовое и культурное. За такимъ государствомъ всегда лежитъ богатая событіями многовѣковая исторія и передъ нимъ разстилается полное культурнаго труда и вдохновенія настоящее и будущее. Такое государство является для своихъ гражданъ не только предметомъ ихъ общей привязанности, но и становится основаніемъ ихъ общей народной гордости, потому что оно для нихъ есть ихъ самое большое и самое важное общее дѣло. Оно поэтому возвышается въ ихъ сознаніи, какъ нѣчто, стоящее превыше всего.. Когда это государство оказывается въ опасности, то смолкаютъ у гражданъ всѣ другія соображенія и выростаетъ только одна забота: цѣною какихъ бы то ни было жертвъ, но отстоять, защитить свое государство, какъ общую и высшую для всѣхъ цѣнность. И когда это удается, то это поднимаетъ на долгіе годы весь тонъ жизни цѣлаго народа, повышаетъ и дѣлаетъ радостнымъ все его самочувствіе. И наоборотъ, если это не удается, если на государство обрушиваются бѣдствія, а тѣмъ болѣе, если оно совсѣмъ падаетъ подъ ударами судьбы, то это ввергаетъ его гражданъ въ общее ничѣмъ не исцѣлимое отчаяніе, надолго, а можетъ быть и навсегда понижаетъ и угнетаетъ все самочувствіе народа. Примѣръ Франціи послѣ франко-прусской войны, и, въ особенности, примѣръ польскаго народа послѣ насильственнаго уничтоженія его государства, — лучшая иллюстрація, какъ той страстной любви, какую народъ питаетъ къ своему государству, такъ и той глубокой печали, какую причиняютъ народу несчастія его государства.

Государство, какъ такая высшая для его гражданъ цѣнность, какъ предметъ ихъ преданности и любви, какъ основаніе ихъ народной гордости и общаго народнаго достоинства, перестаетъ уже быть для нихъ только государствомъ, т. е. только господствомъ и властвованіемъ, — нѣтъ, оно становится чѣмъ-то совсѣмъ инымъ: столь близкимъ, дорогимъ, любимымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ, что все это выражается совсѣмъ другимъ словомъ, словомъ — *отечество.* И то чувство, которое соединяетъ гражданъ съ отечествомъ не есть уже ни лукавый страхъ, ни черствый и сухой долгъ, а это есть горячая, преданная, всѣмъ готовая жертвовать любовь, — любовь мужественная, активная,

сдерживающая себя, какъ чувство, чтобы тѣмъ сильнѣе выразиться въ дѣйствіи. Это чувство любви къ отечеству мы именуемъ патріотизмомъ. Это — то чувство, которое въ будничной, обыденной обстановкѣ государственной жизни можетъ уходить куда-то далеко на второй планъ, можетъ даже замѣняться — въ періоды внутренней борьбы — неудовольствіемъ противъ своего государства, какъ будто даже враждебнымъ къ нему отношеніемъ, — но которое неудержимо прорывается, когда настаетъ опасность для государства, и тогда оно, наоборотъ, само оттѣсняетъ на второй планъ всѣ съ нимъ несогласныя мысли и чувства.

II.

Великое государство.

1.

Вотъ — эволюція государства, вотъ процессъ превращенія его въ отечество. Но въ этой эволюціи мы умышленно оставили безъ вниманія одну сторону дѣла, которая, однако, имѣетъ величайшее значеніе, — которая сперва является для государства большимъ камнемъ преткновенія, чтобы затѣмъ сдѣлаться источникомъ его новой цѣнности, его новаго историческаго величія. Обратимся же теперь къ этой сторонѣ государственной жизни.

Государство при своемъ возникновеніи было очень не велико. Предполагаютъ, напримѣръ, что Римское государство въ моментъ своего основанія по пространству было не больше нашей русской волости, а по населенію не превосходило десятка тысячъ человѣкъ. Но въ теченіе исторіи государство непрерывно возрастаетъ, и теперь размѣры нѣкоторыхъ государствъ поистинѣ колоссальны, какъ по занимаемой ими территоріи, такъ и по живущему въ нихъ населенію.

Тенденція къ росту и увеличенію тоже заложена въ государствѣ, какъ въ организаціи силъ для внѣшней борьбы. Ибо чѣмъ больше государство, тѣмъ оно, вообще говоря, становится сильнѣе. И исторически жизнеспособныя государства постоянно показывали этотъ процессъ увеличенія и роста. Какъ же, однако, онъ происходилъ?

Конечно, весьма различными способами. Естественнымъ размноженіемъ населенія государства, притокомъ переселенцевъ или добровольнымъ присоединеніемъ къ данному государству другихъ территорій и населеній (въ нашей исторіи таково присоединеніе Малороссіи и Грузіи); наконецъ, колонизаціей своими выселенцами другихъ странъ. Однако, все-таки главнымъ способомъ увеличенія государствъ были не эти, только что указанные, а тотъ, который вытекъ изъ природы государства, какъ организаціи силы, и который явился фактическимъ результатомъ военной борьбы между государствами. Это способъ — суровый и печальный, — это завоеваніе и насильственное присоединеніе территорій и населеній.

И вотъ, это завоеваніе чужихъ территорій и населеній именно и явилось тѣмъ великимъ камнемъ преткновенія для положительной, благодѣтельной роли государства въ исторіи человѣчества, о которой мы говорили выше.

Первоначальное отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ и насильственно включеннымъ въ чуждое для нихъ государство — весьма просто: побѣдители смотрятъ на побѣжденныхъ, какъ на средство собственнаго благополучія. Отсюда полное неуваженіе къ ихъ правамъ и интересамъ, отсюда личное ихъ угнетеніе и экономическая эксплоатація. Государство для такихъ невольныхъ своихъ гражданъ является, конечно, не отечествомъ, а только господствомъ. Естественно, что эти пасынки государства не только не склонны его любить и защищать, но, наоборотъ, ненавидятъ его и всѣми силами стараются отъ него избавиться. Они — не друзья того государства, въ которомъ живутъ, а его злѣйшіе враги. И это страшно осложняетъ существованіе государства, ставитъ его даже въ прямую опасность, ибо въ военныхъ столкновеніяхъ съ другими государствами, оно всегда должно ждать ударовъ изнутри, отъ тѣхъ, кто являются его собственными подданными.

Такимъ образомъ, акты завоеванія и угнетенія завоеванныхъ, какъ бы мстятъ за себя увеличивающемуся такимъ образомъ государству-побѣдителю тѣмъ, что они его не усиливаютъ, а, наоборотъ, ослабляютъ, — и не мало государствъ погибло именно по этой причинѣ, т. е. потому, что они накопили внутри себя слишкомъ много вражды и ненависти со стороны

побѣжденныхъ и угнетенныхъ. Отсюда необходимый выводъ, который и сталъ мало-по-малу реализоваться въ государственной жизни, по крайней мѣрѣ, наиболѣе жизнеспособныхъ государствъ. Чтобы увеличеніе государства посредствомъ завоеваній не вело его къ ослабленію и даже къ гибели, а, наоборотъ, къ усиленію, надо пріобщать и завоеванныхъ къ *выгодамъ* государственной жизни, надо, чтобы и для нихъ государство становилось не только господствомъ, но и отечествомъ. Конечно, этотъ выводъ дѣлался не сразу, и тѣмъ болѣе не сразу онъ осуществлялся, но тенденція въ эту сторону давно намѣтилась и стала все больше укрѣпляться въ государственной жизни.

Однако эта благодѣтельная тенденція, въ свою очередь, столкнулась съ однимъ весьма важнымъ психологическимъ препятствіемъ на пути къ своему осуществленію. Сущность этой тенденціи заключается, конечно, въ идеѣ равноправія, т. е. въ томъ, чтобы завоеванныхъ и насильственно включенныхъ въ *наше* государство — *приравнять къ намъ самимъ* по положенію въ государствѣ. Но психологически это тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе чуждыми, намъ неродственными представляются тѣ, къ кому это надо примѣнить. Признать чужого за своего — это вообще не легко, противъ этого возстаютъ весьма глубокія, правда, вполнѣ ирраціональныя стороны человѣческой природы. А въ частности, сдѣлать это въ государственой жизни — пожалуй, еще труднѣе, потому что для этого надо преодолѣть тоже ирраціональный и тоже глубокій наклонъ соціальной психологіи: смотрѣть на свое государство, какъ на свое *владѣніе,* и на себя, какъ на хозяевъ этого *владѣнія.* Какъ можно *пришельцамъ,* вольнымъ или невольнымъ *гостямъ* государства (это еще по самой снисходительной квалификаціи) — дать въ немъ *хозяйскія* права — это очень многимъ и донынѣ кажется чѣмъ-то совершенно недопустимымъ. И вотъ, мы видимъ, что исторія въ теченіе долгаго времени разрѣшала эту соціально-психологическую антиномію тѣмъ, что она заставляла *чужихъ* передѣлываться въ *своихъ.* Это происходило или такъ, что *чужіе,* для того, чтобы получить равноправное съ «хозяевами» положеніе въ государствѣ, сами поддѣлывались къ «державному» народу и передѣлывались въ его свойства и качества, — такъ обыкновенно происходило съ высшими классами присоединенныхъ къ государству народностей,

которые этой цѣной покупали себѣ у народа-хозяина сохраненіе своихъ соціальныхъ привилегій. Или это происходило такъ, что самъ народъ-хозяинъ, склоняясь въ сторону равноправія для покоренныхъ, требовалъ, однако, отъ нихъ, чтобы они при этомъ изъ «чужихъ» передѣлывались въ «своихъ». Съ этой цѣлью выдвигался цѣлый рядъ государственныхъ мѣръ, направленныхъ на то, чтобы заставить «чужихъ» не проявлять себя, какъ таковыхъ, а усваивать себѣ соціальныя и культурныя формы *хозяевъ* государства. Имъ запрещалось употребленіе своего языка, свободное исповѣданіе своей религіи, разными способами пресѣкалось ихъ культурное творчество и т. п. И если покоренныя государствомъ народности находятся на ступени, такъ называемаго, «этнографическаго» матеріала, а «державный» въ государствѣ народъ стоитъ на болѣе высокой или, по крайней мѣрѣ, на равной съ ними ступени соціальнаго и культурнаго развитія, то этотъ процессъ «передѣлыванія» *чужихъ* въ *своихъ,* сліяніе ихъ въ однородную соціальную и культурную массу происходилъ обыкновенно успѣшно и даже нерѣдко довольно быстро, въ результатѣ чего государство, увеличившись вхожденіемъ въ него ***инородныхъ*** элементовъ, и при томъ вхожденіемъ насильственнымъ, а не добровольнымъ, вновь получало однородный внутренній составъ и тѣмъ избавлялось отъ тѣхъ осложненій и опасностей для государственной жизни, какія возникали изъ факта насильственнаго введенія въ государство враждебныхъ ему элементовъ. Какъ извѣстно, процессы такого сліянія разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ однородныя соціальныя и культурныя массы едва ли не непрерывно шли во всѣхъ нынѣ существующихъ государствахъ, превративъ нѣкоторыя изъ нихъ во вполнѣ однородныя по своему внутреннему составу, а въ другихъ, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшивъ ихъ внутреннюю разнородность. И это, въ свою очередь, привело къ заключенію, что всѣ эти процессы надо считать вполнѣ нормальными и весьма желательными для государства, и что всякое государство, ради собственнаго блага, должно настаивать на нихъ и дальше, добиваясь всею силою своей государственной мощи ускоренія и окончательнаго завершенія получаемыхъ такимъ образомъ результатовъ.

Однако, этотъ политическій выводъ, для многихъ и нынѣ кажущійся неопровержимымъ и самоочевиднымъ, на самомъ дѣлѣ

оказался невѣрнымъ и неосуществимымъ. Онъ привелъ государственную жизнь къ новому великому кризису, который ей надо преодолѣть, но преодолѣніе котораго сулитъ зато государству такое новое повышеніе его цѣнности, такое историческое величіе, которое превзойдетъ собою все, что было въ этомъ отношеніи донынѣ.

2.

Государство, съ этимъ намѣтившимся въ немъ и уже осуществлявшимся стремленіемъ къ ассимиляціи входящихъ въ его составъ народностей, неожиданно натолкнулось на новый фактъ, все значеніе котораго стало выясняться лишь въ недавнее время,— натолкнулось на фактъ образованія въ человѣчествѣ *національностей*. Историческій процессъ на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры и общественнаго развитія изъ племенъ и народностей, изъ безформеннаго этнографическаго матеріала, выковываетъ національности: вотъ тотъ фактъ, который предсталъ предъ государствомъ и отъ котораго ему теперь уже никуда не уйти.

Какъ національности образуются, это еще не вполнѣ выяснено въ наукѣ, и самое опредѣленіе того, что такое національность, все еще остается спорнымъ между учеными и публицистами, но самый *фактъ* національности, явно, заключается въ томъ, что множество людей — сотни тысячъ, милліоны, десятки милліоновъ — *чувствуютъ* и *сознаютъ* себя связанными *воедино*, составляющими, какъ бы, одно духовное цѣлое. Связь эта, съ одной стороны, лежитъ въ *чувствѣ* — чувствѣ взаимной любви и привязанности, съ другой стороны она лежитъ въ *сознаніи*, которое получаетъ здѣсь характеръ *самосознанія*, т. е. именно сознанія единства группы, какъ цѣлаго, — сознанія *каждымъ*, что онъ не одинъ, а что *мы всѣ вмѣстѣ* составляемъ одно цѣлое. Чувство, соединяющее людей въ одну національность, — *національное чувство*, конечно, своеобразно, но оно не такъ характерно для національности, какъ самосознаніе, потому что такое же чувство взаимной привязанности, хотя и недостаточно еще просвѣтленное мыслью, не очень возвысившееся надъ стаднымъ чувствомъ у животныхъ, соединяетъ между собою также и членовъ племени или народности. Но чѣмъ національность принципіально отличается отъ племени, чѣмъ національность возвышается надъ этно-

графическимъ матеріаломъ и выдѣляется изъ него, такъ это именно образующимся въ ней *національнымъ самосознаніемъ.* И это національное самосознаніе вовсе не есть одна пустая логическая форма, одно формальное сознаніе единства. Нѣтъ, — оно заполнено живымъ, конкретнымъ, историческимъ и культурнымъ содержаніемъ, крѣпко связывающимъ людей между собою. Оно есть сознаніе ими своей общей исторической судьбы и той культурной роли, которую они выполнили въ своей исторіи и которая выразилась въ опредѣленныхъ культурныхъ результатахъ. Такимъ образомъ, это есть сознаніе національностью своего общаго прошлаго. Но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе ею своего положенія въ настоящемъ, а также своего отношенія къ будущему. Національность живетъ не въ *слѣпую,* а съ яркой памятью о прошломъ, съ яснымъ сознаніемъ настоящаго, съ дѣятельнымъ устремленіемъ въ будущее. Національность прокладываетъ себѣ опредѣленный историческій путь, освѣщающійся для нея ея національными идеалами. И все это крѣпко связываетъ между собою тѣхъ, кто составляютъ національность. Они живутъ духовно не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ, они вмѣстѣ печалятся, и вмѣстѣ радуются, вмѣстѣ негодуютъ и вмѣстѣ умиляются. Они лелѣютъ одни и тѣ же надежды и они строятъ общіе планы. Въ сферѣ своей національной жизни они понимаютъ другъ друга безъ словъ, ибо ихъ индивидуальныя сознанія наполнены общимъ національнымъ содержаніемъ.

Національное самосознаніе — есть главный признакъ и главное содержаніе національности. Поэтому національность больше всего *пребываетъ въ интеллигенціи* народа. Вмѣстѣ съ ея нарожденіемъ она образуется и вмѣстѣ съ ея ростомъ она крѣпнетъ. Поэтому же она получитъ свою наибольшую силу и выразительность, когда интеллигентность, образованіе сдѣлается достояніемъ народныхъ массъ.

Таковъ *фактъ* національности, таково ея совершенно очевидное внутреннее содержаніе. Ренанъ былъ вполнѣ правъ, когда онъ въ своей извѣстной статьѣ о національности сказалъ, что національность — есть фактъ духовнаго или культурно-психическаго свойства, — c'est un principe spirituel.

И если бы надо было дать *опредѣленіе* національности, то, я думаю, что лучшимъ надо было бы признать то, которое гово-

ритъ, что она есть коллективная личность, — собирательная личность (Градовскій), соборная личность (Вл. Соловьевъ), народная личность (Ив. Аксаковъ) — это все равно. Фактъ тотъ, что множество людей чувствуютъ и сознаютъ себя, какъ бы однимъ большимъ духовнымъ существомъ, одной большой душой или личностью, и это оказываетъ величайшее вліяніе на все ихъ поведеніе.

Національности въ этомъ смыслѣ, — настоящія, духовно оформившіяся, выковавшіяся изъ предшествующаго этнографическаго состоянія коллективныя личности — вовсе ужъ не такого давняго происхожденія. Тѣ національности, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ настоящее время, сложились лишь въ новой европейской исторіи, а стали настойчиво заявлять о себѣ въ государственной жизни, можетъ быть, только съ XIX вѣка. Только XIX вѣкъ сталъ вѣкомъ, такъ называемыхъ, національныхъ движеній и національныхъ возрожденій.

Какъ же заявили о себѣ національности въ государственной жизни? какія требованія выставили они отъ своего имени по отношенію къ государству?

3.

Національность, какъ коллективная личность, разъ она образовалась и самое себя осознала, предъявляетъ къ государству то же самое требованіе, какое предъявляетъ къ нему и отдѣльная, индивидуальная личность: требованіе уваженія къ ея внутренней жизни и къ ея внутреннему развитію, — требованіе свободы и простора для національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія. Это требованіе для національности такъ же дорого, такъ же превыше всего, какъ и для отдѣльной личности. Для развитой человѣческой личности жить подъ тяжелымъ духовнымъ гнетомъ, не имѣть свободы самоопредѣленія и самовыраженія — лучше не жить. Но то же самое и для развитой національности. Отказъ отъ своей національной личности есть для нея самое тяжкое изъ всего, что только можетъ быть.

Итакъ, національность предъявляетъ — и не можетъ не предъявить — свои требованія къ государству. А какъ же государство на нихъ отвѣчаетъ?

Для національностей, имѣющихъ свое собственное государ-

ство, являющихся въ своемъ государствѣ «державными» этотъ вопросъ, какъ бы, не существуетъ, — само собой разумѣется, что онъ разрѣшается въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Но положеніе національностей «недержавныхъ» оказывается въ этомъ вопросѣ совершенно инымъ.

Мы уже видѣли, что государство, пріобщая «чужаковъ» къ своему покровительству и выгодамъ, требовало отъ нихъ, чтобы они становились «своими». Для національности это равносильно отказу отъ своей національной личности, равносильно, такъ называемой, «денаціонализаціи», — на что она никогда не можетъ согласиться. Значитъ на этой почвѣ неизбѣженъ былъ антагонизмъ національности съ государствомъ, неизбѣжна была борьба между ними, и при томъ борьба не на жизнь, а на смерть?

Да, такъ это и случилось въ дѣйствительности. Девятнадцатый вѣкъ заполнился этой борьбой, она сдѣлалась, едва ли, не главнымъ его историческимъ содержаніемъ.

Цѣлый рядъ національностей, живущихъ въ государствахъ, которыя не давали имъ свободы національнаго развитія, предприняли въ XIX вѣкѣ попытки избавиться отъ чуждаго ига и притѣсненія прямо вооруженною рукою. Отсюда рядъ національныхъ войнъ и національныхъ возстаній, окончившихся для нѣкоторыхъ національностей вполнѣ счастливо. Собственными силами или съ помощью другихъ онѣ сумѣли добиться государственной самостоятельности. Такъ Германія и Испанія сбросили съ себя иго Наполеона, такъ Греція избавилась отъ турецкаго владычества, Италія прогнала австрійцевъ и составила одно объединенное королевство, Венгрія заняла вполнѣ самостоятельное положеніе внутри Австріи; такъ съ помощью Россіи получили свое бытіе балканскія государства — Румынія, Сербія, Болгарія. Но съ другой стороны рядъ польскихъ возстаній окончился неудачей, Ирландія также этимъ путемъ ничего не могла добиться, турецкая Арменія и понынѣ стонетъ подъ кровавымъ турецкимъ игомъ.

Подъ вліяніемъ удачи нѣкоторыхъ національныхъ возстаній и войнъ, окончившихся образованіемъ самостоятельныхъ объединенныхъ національныхъ государствъ, а также въ качествѣ требованія естественной справедливости въ этой области, выставленъ былъ въ срединѣ XIX вѣка и теоретически защищался,

такъ называемый *національный принципъ,* т. е. право каждой національности на образованіе своего собственнаго государства. Однако, въ такой своей общности едва ли этотъ принципъ можетъ быть признанъ рѣшающимъ данный вопросъ. Не говоря уже о фактической трудности его проведенія въ жизнь: вѣдь далеко не всегда живущая въ чужомъ государствѣ національность можетъ разсчитывать на свою силу въ вооруженной борьбѣ противъ этого государства, не всегда она получаетъ въ ней помощь и со стороны другихъ государствъ, — но даже и совершенно независимо отъ этого вопроса о соотношеніи и борьбѣ силъ, національности, не очень многочисленныя или поставленныя въ неблагопріятныя условія среди другихъ національностей, просто не могутъ разсчитывать образовать и сохранить свое государство. Мы уже видѣли, что государство есть не только великое благо, но и великое бремя, въ особенности это надо сказать въ нашу эпоху милитаризма. Содержаніе государственнаго аппарата, въ особенности военнаго, стоитъ огромныхъ денегъ и не по плечу очень маленькимъ народамъ. Кромѣ того, въ этомъ суровомъ военномъ соотношеніи между государствами, положеніе малыхъ государствъ вообще является весьма необезпеченнымъ. Если они и могутъ существовать, то часто не столько опираясь на самихъ себя, сколько разсчитывая на условія равновѣсія и соперничества между большими государствами. Нынѣшняя война съ ясностью все это показала. Бельгія, а, можетъ быть, и Голландія и Данія, сохранятъ свою независимость только въ случаѣ побѣды союзниковъ, Сербія, Болгарія, Румынія — то же самое. Такъ куда же претендовать на образованіе своихъ самостоятельныхъ государствъ такимъ національностямъ, какъ скажемъ, литовцы, латыши или эстонцы, или даже грузины, которые однажды уже добровольно отказались отъ своей государственной самостоятельности? Да онѣ ни на что подобное и не претендуютъ. Даже поляки, которые составляютъ болѣе, чѣмъ 20-ти милліонную массу, живущую компактно на опредѣленной территоріи, при всей страстной любви къ своему прошлому, должны были бы очень задуматься, если бы имъ предложили на выборъ: образовать вполнѣ самостоятельное государство (которое, по общему признанію, могло бы быть только государствомъ-буферомъ между Германіе и Россіей), или соединиться всѣмъ вмѣстѣ съ обезпече-

ніемъ всѣхъ своихъ національныхъ правъ въ предѣлахъ другого, большого и могущественнаго, государства, подъ общей верховной властью, съ общей дипломатіей и военной защитой, съ общей таможенной чертой и монетной системой и т. п. Конечно, по выраженію Романа Дмовскаго, вполнѣ самостоятельная Польша — не можетъ перестать быть всегдашнею мечтою поляковъ, — это такъ естественно, — но они сами понимаютъ, что въ нынѣшнихъ суровыхъ условіяхъ международной жизни, когда война все еще остается ultima ratio въ спорахъ между народами, когда военная защита государствъ требуетъ такихъ огромныхъ расходовъ и жертвъ, — это только и можетъ быть мечтою, а наилучшимъ для поляковъ дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ польскаго вопроса должно было бы послужить возсоединеніе Польши на началахъ государственой автономіи въ предѣлахъ Россіи.

Итакъ, суровыя условія современной международной жизни дѣлаютъ весьма сомнительнымъ возможность полнаго проведенія національнаго принципа, т. е. образованія изъ каждой національности своего самостоятельнаго государства. Тутъ нужно не дробленіе государственной жизни, не уменьшеніе ея размѣровъ, а, наоборотъ, образованіе большихъ государственныхъ союзовъ, потому что только они и даютъ возможность обезпечить себѣ внѣшнюю безопасность. И съ этой точки зрѣнія не приходится удивляться тому, что главное русло современной государственной жизни идетъ въ сторону образованія *большихъ* государствъ. Государственная жизнь правильно идетъ въ сторону координаціи все большаго количества силъ, въ сторону увеличенія государственныхъ объединеній, тѣмъ болѣе, что и цѣли культурной жизни достигаются тѣмъ лучше, чѣмъ на большемъ пространствѣ объединены и организованы культурныя средства. Правда, по поводу послѣдняго можно было бы замѣтить, что культурная организація человѣчества могла бы совершаться и помимо государства, но, вѣдь, это все-таки призывъ къ тому, *чего нѣтъ,* а между тѣмъ государственная организація имѣетъ то неоспоримое преимущество, что она *существуетъ и дѣйствуетъ.*

Что же изъ всего этого вытекаетъ для національнаго вопроса? То, что онъ долженъ правильно разрѣшаться *внутри* нынѣшнихъ государствъ, а не посредствомъ выдѣленія каждой національности въ особое государство. Послѣднее, частью, не осу-

ществимо, а частью и нецѣлесообразно. Историческій путь человѣчества лежитъ не въ эту сторону — не въ сторону распыленія и раздробленія, а въ сторону собиранія и организаціи. Большія многонаціональныя государства могутъ послужить этой цѣли, и не только безъ ущерба для себя, но, наоборотъ, достигнувъ черезъ это новой силы, а, главное, новаго историческаго величія.

Государство, имѣющее въ своемъ составѣ многія національности, должно такъ же удовлетворить требованія и запросы этихъ коллективныхъ личностей, какъ оно удовлетворило въ предыдущей фазѣ своего историческаго развитія требованія и запросы индивидуальной личности. Государство должно дать всѣмъ своимъ національностямъ свободу національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія. Для однѣхъ изъ нихъ этого будетъ вполнѣ достаточно только въ такъ называемыхъ культурныхъ формахъ, для другихъ это потребуетъ перенесенія свободы самоопредѣленія и развитія такъ же и въ политическую область въ формахъ, такъ называемой, областной автономіи со всѣми ея ступенями и степенями. Ни того, ни другого государству нѣтъ надобности бояться. Отъ этого оно не только не проиграетъ, но, наоборотъ, выиграетъ. Остановимся нѣсколько внимательнѣе на этомъ пунктѣ, потому что практически онъ самый важный во всемъ этомъ вопросѣ.

4.

Основная логика государства — мы ее все время имѣли передъ собою — всегда одна и та же: чтобы быть *могущественнымъ во-внѣ*, государство должно быть *замирено внутри*. Всякая внутренняя борьба неизбѣжно его ослабляетъ, а въ роковой часъ военнаго столкновенія съ другими государствами можетъ даже послужить причиной его гибели. Съ этой точки зрѣнія включеніе въ свой составъ чужихъ территорій и населеній есть фактъ, чреватый опасностями для государства, ибо онъ равносиленъ введенію враговъ въ свой собственный станъ. Исторія показываетъ, что оставлять дѣло въ такомъ положеніи невозможно: надо этихъ враговъ, разъ они уже приняты въ государство, превратить въ друзей. И государству приходится сдѣлать въ этомъ направленіи рѣшительный шагъ — приходится своимъ бывшимъ врагамъ

дать одинаковыя права въ государствѣ со своими собственными гражданами. Но государство, дѣлая этотъ шагъ, какъ мы видѣли, стало настаивать на томъ, чтобы эти бывшіе враги *слились* съ основными гражданами въ однородную культурную и соціальную массу, — т. е. иначе говоря, чтобы они отказались отъ своихъ народныхъ особенностей, чтобы они въ этомъ смыслѣ «обезличились», усвоивъ себѣ «лицо» господствующаго народа. Въ этомъ государство видитъ лучшее, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже единственное ручательство за то, что они дѣйствительно отказались отъ вражды къ нему и стали его друзьями.

Но этотъ способъ дѣйствій со стороны государства, дававшій соотвѣтственные результаты почти что вплоть до XIX вѣка, въ настоящее время наталкивается на неожиданное препятствіе: на образованіе въ человѣчествѣ *національностей*. Если, такъ называемый, этнографическій матеріалъ, въ концѣ концовъ, поддается принудительной ассимиляціи, то настоящія національности оказываютъ ей отчаянное сопротивленіе, — сопротивленіе, которое становится источникомъ такой же отчаянной вражды внутри государства со всѣми ея пагубными послѣдствіями для государственной жизни. Да не только одной вражды, но и того, что надо признать пагубнѣе и опаснѣе вражды. Опытъ показалъ, что всякая угнетенная національность становится также источникомъ внутренняго *отравленія* для угнетающаго ее государственнаго организма. Мысль эта была когда-то ярко выражена у насъ по отношенію къ Польшѣ, и ее настойчиво повторялъ покойный И. С. Аксаковъ. Она гласитъ: «Мы приняли Польшу *внутрь* себя, и мы ею *отравились*»... Да, это совершенно вѣрно, — всякая угнетаемая національность, и, конечно, не по своей винѣ, а по винѣ своихъ угнетателей становится ядомъ, становится гніющей язвой, становится внутренней гангреной для государства. Подобно тому, какъ рабство личное есть источникъ нравственнаго разложенія для обѣихъ сторонъ, такъ рабство національное не можетъ не быть тѣмъ же самымъ для государства. Тѣмъ болѣе, что эта принудительная денаціонализація происходитъ уже на высшихъ ступеняхъ культуры, при полномъ свѣтѣ сознанія съ обѣихъ сторонъ, и это насиліе, направленное на святая святыхъ душъ человѣческихъ, не можетъ не возмущать нравственнаго сознанія человѣчества до самой его глубины.

Такъ получился на этомъ пунктѣ великій перекрестокъ для современнаго государства.

Одни говорятъ: надо отбросить всякія сантиментальности. Надо держаться здороваго (теперь стали даже выражаться «священнаго») національнаго эгоизма, трезваго государственнаго реализма. Если для блага государства, — ради полученія въ немъ желаемой полной однородности состава, — надо *денаціонализовать* всѣ «недержавныя» народности, то нечего предъ этимъ останавливаться, какъ бы ни было это жестоко по отношенію къ тѣмъ, къ кому эта система примѣняется. Въ концѣ концовъ на мѣсто *зла*, станетъ *благо*, когда процессъ денаціонализаціи закончится и государство станетъ вполнѣ однороднымъ.

Это — теорія нѣмецкая, тамъ она развивается въ книгахъ, тамъ она проводится въ государственной жизни. Это теорія и вмѣстѣ практика, которая, по выраженію Трейчке, не останавливается передъ «убійствомъ народовъ» (Völkermord).

Другіе говорятъ: надо щадить національности. Надо такъ же дать просторъ національной жизни въ государствѣ, какъ этотъ просторъ данъ въ немъ жизни личной. Надо сдѣлать государство такимъ же «отечествомъ» для національностей, какимъ оно является для личностей. Надо отнестись къ національностямъ не отрицательно, а положительно, принявъ ихъ, какъ фактъ, который подлежитъ не искорененію, а наоборотъ: примиренію съ государствомъ.

Это — теорія англійская. И не только теорія, но также и практика, находящая себѣ все большее воплощеніе въ англійской государственной жизни.

Какой же изъ двухъ путей правильнѣе? И какой правильнѣе — добавимъ это: даже съ точки зрѣнія того же трезваго государственнаго реализма, — здороваго національнаго эгоизма «державныхъ» національностей?

Только второй, ибо первый имѣетъ роковой, неустранимый недостатокъ, дѣлающій его совершенно негоднымъ для здравой государственой политики. И этотъ недостатокъ простой и ясный. Онъ заключается въ томъ, что принудительная денаціонализація національностей — есть задача фактически *неосуществимая*.

«Обезличить» національность — настоящую, развитую національность — такъ же невозможно никакими принудитель-

ными мѣрами, какъ и обезличить индивидуальную личность. Можно, если угодно, истребить ихъ физически, — тогда ихъ, конечно, уже не будетъ, но, къ счастью, этого рода средства борьбы съ національностями уже исключены изъ современнаго государственнаго обихода. (Впрочемъ, такъ именно поступаетъ въ настоящее время Турція съ армянами при благосклонномъ попустительствѣ со стороны Германіи.)

«Насиліе» надъ національностью не уничтожаетъ ея національныхъ свойствъ — оно только ихъ обостряетъ, — какъ бы приводитъ ихъ въ лихорадочное, воспаленное состояніе. Когда людямъ не препятствуютъ свободно пользоваться ихъ языкомъ, они между собою говорятъ на своемъ языкѣ, но не видятъ для себя ущерба и въ томъ, чтобы съ другими говорить на чужомъ языкѣ, если онъ имъ извѣстенъ. Но, если свободное пользованіе своимъ языкомъ для нихъ насильственно закрыто, то они будутъ отказываться говорить на чужомъ языкѣ даже тамъ, гдѣ это было бы не болѣе, какъ актомъ свободнаго взаимнаго общенія. Они будутъ настаивать на своемъ языкѣ во что бы то ни стало и при всякихъ обстоятельствахъ. Они подвергнутъ осужденію всякое слово, произнесенное на языкѣ угнетателей. И то же самое по отношенію къ религіи, обычаямъ, культурному творчеству и пр.

Это — состояніе тягостное и болѣзненное для самой національности, ибо всякая національность, нисколько не измѣняя себѣ, должна эволюціонировать и развиваться въ свободномъ и радостномъ общеніи съ другими національностями. Національность благодаря этому задерживается въ своемъ развитіи, какъ бы прикрѣпляется къ тому, что у нея уже есть, — и даже не столько къ своему настоящему, сколько къ своему прошлому, — она духовно поворачивается назадъ и не хочетъ идти впередъ. Это наноситъ, конечно, величайшій ущербъ всей національной жизни, — но чтобы все это вело къ тому, чего хочетъ угнетатель,— къ денаціонализаціи: ни въ малѣйшей мѣрѣ. Наоборотъ: національность здѣсь, какъ бы вся ощетинивается, напрягается, воспаляется. Желаемый результатъ — ассимиляція съ господствующей національностью — остается здѣсь дальше отъ своего осуществленія, чѣмъ когда бы то ни было. Усилія пропадаютъ даромъ, только отдаляя отъ цѣли.

Такимъ образомъ, эта политическая теорія принудительной денаціонализаціи есть въ сущности только утопія, только самообманъ для тѣхъ, кто искренно считаетъ ее необходимой для государства, и эту мысль превосходно выразилъ у насъ еще покойный Чичеринъ. «Уничтожить самостоятельность извѣстной народности, — говоритъ онъ, — включить ее въ составъ другой, значитъ заставить ее отказаться отъ самой себя, забыть свою прежнюю жизнь, свои воспоминанія, свое павшее величіе, свои интересы, свои нравы, свой языкъ и все это въ пользу главнаго врага. Это дѣло, *превышающее человѣческія силы*» *.

Никакимъ насиліемъ этого не достигнуть. Ту же мысль, въ примѣненіи къ нашей обрусительной политикѣ въ Польшѣ, Чичеринъ выразилъ такъ: «обрусѣніе Польши и сліяніе ея съ Россіей, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, не болѣе, какъ мечта» **... Да, только мечта, только утопія, только самообманъ. Но утопія злая и нравственно отталкивающая. Кого не пугаетъ въ ней насиліе и вражда, тотъ пусть вспомнитъ о нравственномъ ядѣ, связанномъ съ этой утопіей.

5.

Итакъ, этотъ путь, — путь принудительной денаціонализаціи «недержавныхъ» національностей внутри государства — не годится даже съ точки зрѣнія національнаго эгоизма: практически онъ способенъ только разорвать государство на части, или же отравить все его государственное существованіе.

А какіе же результаты обѣщаетъ дать государственной жизни путь противоположный: предоставленіе національностямъ свободнаго національнаго развитія внутри государства, обезпеченнаго соотвѣтственными правовыми нормами и государственными учрежденіями?

Какъ разъ противоположные: политическое умиротвореніе государства, его здоровое развитіе. А въ результатѣ всего этого такое могущество и величіе государства, которыя могутъ удовлетворить самый взыскательный государственный эгоизмъ.

---

* Б. Н. Чичеринъ. „О народномъ представительствѣ“. М. 1899 г., стр. 227.

** Ibid, стр. 273.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что «недержавныя» національности находятъ въ томъ государствѣ, гдѣ онѣ живутъ, всѣ условія для своего національнаго развитія, — вѣдь это значитъ, что данное государство становится для нихъ «отечествомъ», — не властвованіемъ, не господствомъ съ цѣлью притѣсненія, а покровительствомъ и защитой во всемъ томъ, что имъ дороже всего. Вѣдь при такихъ условіяхъ всѣ мотивы національной вражды отпадаютъ, государственная жизнь внутренне умиротворяется, силы государства не растрачиваются во взаимной борьбѣ. Нѣтъ тогда надобности государству разными мѣрами противодѣйствовать «сепаратизму» національностей, потому что онъ самъ собой отпадаетъ.

Но этого мало. Когда каждая національность въ государствѣ свободна въ своихъ національныхъ стремленіяхъ, тогда она не замыкается въ угрюмомъ одиночествѣ и отчужденіи отъ другихъ, а въ свободномъ, безопасливомъ и радостномъ общеніи со всѣми проявляетъ свои національныя силы. Каждая національность не только творчески проявляетъ здѣсь свои культурныя способности и дарованія, но и сочетаетъ ихъ со способностями другихъ національностей; каждая національность не только пролагаетъ свой оригинальный, самобытный культурный путь, но и перекрещиваетъ его со столь же самобытными путями другихъ національностей. Въ результатѣ всего этого, государство переполняется культурными силами, которыя цѣликомъ переливаются въ культурную работу, — работу дружную, радостную, свободную, — тѣмъ болѣе продуктивную, что она вся вытекаетъ изъ глубины творческихъ силъ. Государство при этихъ условіяхъ превращается въ огромную человѣческую лабораторію, гдѣ работа кипитъ по всѣмъ направленіямъ, гдѣ всѣ силы использованы, гдѣ всѣ способности выявлены, гдѣ нѣтъ ненужнаго соціальнаго тренія. А, вѣдь, всякая работа и всякое сотрудничество, — сотрудничество не рабское, а свободное, — сближаетъ тѣхъ, кто въ немъ участвуетъ, соединяетъ ихъ новыми соціальными узами, превращаетъ ихъ въ новое внутреннее единство. Безъ уничтоженія старыхъ связей, завязываются новыя. Государство становится внутренно болѣе однороднымъ, но безъ насилованія и уничтоженія того, чего нельзя уничтожить; съ сохраненіемъ національностей, но безъ ихъ вражды между собою; съ новыми сближеніями самихъ національныхъ личностей между со-

бою. Центробѣжныхъ силъ, пагубныхъ для государственнаго существованія, въ такомъ государствѣ нѣтъ, оно внутренно крѣпко и прочно, но это достигнуто не искорененіемъ, не уничтоженіемъ національностей, не духовнымъ «убійствомъ народовъ», а приведеніемъ ихъ въ согласіе между собою; это достигнуто не превращеніемъ человѣческаго общежитія въ механическую однородность, а водвореніемъ въ немъ нравственной гармоніи при сохраненіи всего богатства и разнообразія культурныхъ силъ, всѣхъ оригинальныхъ путей развитія, связанныхъ съ національностями.

Неужели это не предпочтительнѣе? и я бы сказалъ: неужели не предпочтительнѣе даже съ точки зрѣнія здороваго государственнаго эгоизма?

Прежде государственная наука держалась того воззрѣнія, что положеніе *однонаціональнаго* государства выгоднѣе, чѣмъ многонаціональнаго, что оно, такъ сказать, *нормальнѣе;* что только однонаціональныя государства могутъ не бояться свободныхъ учрежденій и свободнаго развитія, ибо они ничего не теряютъ при этомъ ни во внутренней крѣпости, ни во внѣшнемъ могуществѣ. Такъ, напримѣръ, думалъ нашъ покойный государствовѣдъ А. Д. Градовскій. Многонаціональныя государства онъ считалъ «искусственными» и полагалъ, что они не могутъ удовлетворить «самымъ элементарнымъ потребностямъ народнаго развитія», не могутъ обезпечить «коренныхъ условій гражданской свободы». «Созданныя обыкновенно насиліемъ, они должны направить всѣ свои средства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они въ силу вещей должны бываютъ подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитіе свободы кажется имъ опаснымъ, потому что оно можетъ напомнить насильственно сплоченнымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признаніе даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованіе самостоятельности политической. Такія государства безпрерывно живутъ между страхомъ внутренней революціи и внѣшняго нападенія» *.

Да, все это такъ. И все это очень краснорѣчиво описано Градовскимъ. Но это такъ при одномъ условіи: если національности въ

* А. Д. Градовскій. „Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ". Изд., 1873. стр. 28—29.

государствѣ принудительно денаціонализуются, — если имъ не дано свободы національнаго развитія, — если государство для нихъ только господство и властвованіе, а не отечество. Но все это получаетъ совсѣмъ другой видъ, когда права національностей уважаются и охраняются. Тогда даже насильственное присоединеніе національностей къ государству, какъ это было въ южной Африкѣ съ бурами, можетъ не влечь ни одного изъ послѣдствій, указанныхъ Градовскимъ: ни внутреннихъ революцій, ни внѣшнихъ нападеній; наоборотъ, тогда предъ нами оказывается налицо та внутренняя крѣпость государства, какую въ настоящее время, вопреки нѣмецкимъ ожиданіямъ *, столь блестяще показываетъ обширная и разноплеменная британская имперія.

И вотъ, въ настоящее время государственная наука начинаетъ мыслить иначе по этому вопросу. Она все больше склоняется къ выводу, что положеніе *многонаціональнаго* государства выгоднѣе и, можетъ быть, даже въ извѣстномъ смыслѣ, нормальнѣе, чѣмъ положеніе государства однонаціональнаго въ системѣ государствъ и въ міровой исторіи. И прежде всего выгоднѣе въ смыслѣ его внѣшняго могущества и его дѣйствительной самостоятельности.

Государство многонаціональное состоитъ изъ многихъ земель и многихъ народовъ, поэтому оно имѣетъ обширную территорію и многочисленное населеніе. Обширная территорія даетъ ему *самодостаточность* (то, что Аристотель называлъ autarkia) въ смыслѣ естественныхъ силъ и благъ, а многочисленное населеніе обезпечиваетъ ему дѣйствительную силу и самостоятельность въ международныхъ отношеніяхъ. Какъ государство *большое*, а не *малое*, оно существуетъ, опираясь на самое себя, а не по милости и не по соперничеству между собою другихъ государствъ.

Но внѣшнее могущество и сила, сколь ни важны они сами по себѣ въ системѣ современныхъ международныхъ отношеній, все же не составляютъ самаго главнаго въ многонаціональномъ государствѣ. Гораздо важнѣе здѣсь не внѣшнее, а внутреннее. Многонаціональное государство, при правильномъ разрѣшеніи своихъ внутринаціональныхъ задачъ, превращается, — мы уже объ этомъ говорили, — въ огромный, своеобразный культурный міръ, въ ко-

* См. книгу генерала v. Bernhardi „Deutschland und der nächste Krieg“ 1911, s.s. 83, 102, 103.

торомъ кипитъ огромная, напряженная, многосторонняя, дружная и радостная культурная работа. Такое государство не только занимаетъ въ мірѣ *большое* мѣсто, но и дѣлаетъ *большое* культурное дѣло, оно прокладываетъ замѣтный слѣдъ въ міровой исторіи, оно получаетъ шансы играть великую міровую роль, — и при томъ *великую* въ лучшемъ смыслѣ этого слова: не въ смыслѣ только грубой, внѣшней силы, но въ смыслѣ великой культурной работы, въ смыслѣ *великаго* участія въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ, самыхъ истинныхъ задачъ человѣчества на землѣ... Такое государство, и по всей справедливости, получаетъ великій жребій въ судьбахъ міра, какъ его получила, напримѣръ, Англія — эта колыбель человѣческой свободы и человѣческаго самоуправленія.

И, вотъ, подъ вліяніемъ всего этого въ перспективѣ исторіи, въ послѣдніе годы, начинаетъ вырисовываться *новый* типъ государства: государства не просто большого, но государства *великаго*. Не даромъ это слово стало теперь столь употребительнымъ. Правда, его смыслъ еще не установился, еще колеблется, еще связанъ съ неправильными представленіями. Онъ все еще заполненъ больше количествомъ, чѣмъ качествомъ, — онъ все еще отожествляется, съ такъ называемымъ *имперіализмомъ,* при томъ понимаемымъ въ смыслѣ хищничества по отношенію къ другимъ народамъ. Но именно примѣръ того государства, къ имени котораго былъ впервые приложенъ этотъ эпитетъ «великаго» государства — «великая» Англія — съ ясностью показываетъ, что дѣло здѣсь не во внѣшней величинѣ и тѣмъ болѣе не въ хищничествѣ, а во внутреннемъ благоустроеніи и въ національной свободѣ. Первоначальный англійскій «имперіализмъ» на нашихъ глазахъ совершилъ чрезвычайно быструю эволюцію. Изъ типа, выдвинутаго покойнымъ Чемберленомъ, въ которомъ на первомъ планѣ стояли интересы метрополіи, въ ущербъ колоніямъ, онъ преобразовался въ типъ, выдвинутый въ противовѣсъ Чемберлену австралійскимъ премьеромъ Декиномъ и поддерживаемый теперь всѣми другими колоніями, — типъ, въ которомъ *на равныхъ правахъ* согласованы интересы колоній съ интересами метрополіи. Въ этомъ типѣ новаго англійскаго имперіализма колоніи занимаютъ, въ сущности, мѣсто самостоятельныхъ государствъ, и основнымъ его содержаніемъ является превращеніе «великой» Англіи въ федерацію этихъ государствъ. «Современный имперіализмъ XX вѣка, — говоритъ

профессоръ А. С. Корфъ, — ставитъ себѣ задачей мирное единеніе государствъ при обязательномъ обезпеченіи имъ ихъ внутренней самостоятельности» *. И какъ характерно, что на почвѣ прежнихъ воззрѣній на вопросъ о соотношеніи между государствомъ и живущими въ немъ народами еще покойный Дизраэли могъ воскликнуть публично въ англійскомъ парламентѣ: «Эти проклятыя колоніи будутъ черезъ немного лѣтъ всѣ независимы и задушатъ насъ» **, — а теперь эти самыя колоніи, и не только въ лицѣ канадцевъ, австралійцевъ, новозеландцевъ, но и въ лицѣ буровъ, и даже индусовъ отстаиваютъ существованіе своей метрополіи въ великой европейской войнѣ. Это произошло потому, что и англійскіе государственные дѣятели говорятъ теперь совсѣмъ другія рѣчи. Вотъ, что говорилъ, напр., Черчилль въ одной изъ своихъ рѣчей по поводу ирландскаго гомруля: «Почему мы не можемъ всѣ заключить дружбу? Мы это сдѣлали въ Канадѣ; мы это сдѣлали въ Южной Африкѣ; многое сдѣлано въ послѣдніе мѣсяцы въ Бенгалѣ. Удовлетворяйте жалобы, врачуйте раздоры, хороните ненависть, связывайте интересы, соглашайте, консолидируйте, объединяйте! Вотъ имперская точка зрѣнія!» ***.

6.

Итакъ, передъ нами на горизонтѣ исторіи типъ «великаго» государства, — «великаго» въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это государство, которое стало предчувствоваться уже въ концѣ XIX вѣка, но которое въ полной мѣрѣ реализуется въ государственной жизни XX-го вѣка. Это государство, которое вслѣдъ за разрѣшеніемъ *правовой* и *культурной* задачи, разрѣшитъ до конца въ своихъ предѣлахъ еще и задачу національную. Это государство — большое, многонаціональное, могущественное, внутренно

---

* С. А. Корфъ. „Федерализмъ“ : 1908, стр. 90. — Пользуюсь случаемъ, чтобы рекомендовать эту небольшую, но съ полнымъ знаніемъ дѣла написанную книжку гельсингфорскаго профессора государственнаго права широкому вниманію публики. Факты, въ ней приводимые, очень мало у насъ извѣстны, а выводы, на нихъ основанные, представляютъ величайшій интересъ для всѣхъ, кто занятъ вопросами о сожительствѣ народовъ въ современныхъ государствахъ.

** См. статью А. Кулишера „Ирландскій гомруль и англійскій федерализмъ“, „Юрид. Вѣстн.“, 1915, кн. IX, стр. 62.

*** С. А. Корфъ. Ibid, 29.

благоустроенное, до конца замиренное, все насквозь проникнутое свободой, — свободой личной, политической, національной. Это государство, которое для всѣхъ, кто въ немъ живетъ, окончательно перестанетъ быть господствомъ, а станетъ только покровительствомъ, разумнымъ, благожелательнымъ и всестороннимъ. Это государство, типъ котораго съ полной ясностью намѣченъ государственной жизнью Англіи и къ осуществленію котораго Англія быстро идетъ впереди всѣхъ другихъ государствъ.

Однако, закончится ли на этомъ роль *государства* въ міровой исторіи, въ благоустроеніи человѣческаго общежитія, — или передъ нимъ впереди еще какой-либо важный этапъ?

Мы думаемъ послѣднее. Вѣдь устроеніемъ человѣческой жизни внутри отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, хотя бы и проведеннымъ черезъ право, культуру и національныя отношенія, хотя бы и завершеннымъ здѣсь до конца, мы все же не можемъ удовлетвориться. Человѣческіе идеалы простираются дальше, они требуютъ благоустроенія *общечеловѣческаго,* они требуютъ права, свободы, культуры также и въ отношеніяхъ между государствами, — такъ чтобы эти истинныя основы человѣческаго общества проходили черезъ все человѣчество.

Да, этого требуетъ нашъ общественный идеализмъ, наше нравственное сознаніе. Но дѣйствительность не только не отвѣчаетъ этому требованію, — но не отвѣчаетъ ему теперь, можетъ быть, въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какую бы то ни было другую эпоху всемірной исторіи. Въ отношеніяхъ между государствами вотъ уже нѣсколько десятилѣтій мы переживаемъ эпоху милитаризма, и на почвѣ этого милитаризма между государствами разразилась въ настоящее время неслыханная, никогда раньше небывалая война.. Милитаризмъ уже давно легъ тяжкимъ бременемъ на всю внутреннюю жизнь государствъ, а нынѣшняя война безжалостно коситъ современное человѣчество, безжалостно истребляетъ современную культуру Въ этомъ чудовищномъ милитаризмѣ, въ этой ужасной войнѣ погибаетъ все, что человѣчествомъ достигнуто внутреннимъ благоустроеніемъ государствъ. Неужели же такъ будетъ и впредь, — неужели же человѣчеству навсегда суждено истощаться во взаимныхъ вооруженіяхъ, во взаимныхъ войнахъ? Неужели же идеалъ «мира всего міра» никогда не будетъ осуществленъ на землѣ? Или же онъ будетъ осу-

ществленъ, но только послѣ предварительнаго отрицанія и практическаго уничтоженія всѣхъ предшествующихъ формъ человѣческой жизни и замѣны ихъ, на расчищенномъ отъ обломковъ стараго мѣстѣ, какой-либо новой постройкой всѣхъ человѣческихъ отношеній, которая уже не будетъ имѣть ничего общаго съ современнымъ государствомъ?

Мы не думаемъ ни того, ни другого. «Миръ всего міра» — не утопія, онъ будетъ достигнутъ на землѣ, и будетъ достигнутъ, весьма можетъ быть, именно въ результатѣ нынѣшней войны. Онъ будетъ достигнутъ безъ разрушенія государственной организаціи человѣчества, а, наоборотъ, ея дальнѣйшими усиліями, и эти усилія будутъ принадлежать никому другому, какъ «великимъ» государствамъ. Водвореніе мира на землѣ, водвореніе не путемъ механическимъ, — не путемъ всеобщаго рабства одному «сверхъ-народу», какъ хочетъ Германія, а путемъ органическимъ, путемъ свободы, права и культуры для всѣхъ, надъ чѣмъ уже давно работаетъ Англія, — это и есть послѣдняя — самая великая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая благородная задача «великихъ» государствъ. Они должны стать — и станутъ — блюстителями всеобщаго мира на землѣ на основахъ права, свободы и культуры.

И тогда роль государства, какъ аппарата принудительности, какъ организаціи силы, пожалуй, кончится на землѣ. Тогда система государствъ самопроизвольно и безболѣзненно начнетъ превращаться въ свободную ассоціацію цѣлаго человѣчества. Это рано или поздно должно произойти, объ этомъ не можетъ не мечтать, къ этому не можетъ не стремиться человѣчество.

Но это произойдетъ не путемъ прыжка черезъ пропасть, — не отрывомъ отъ національностей и государствъ, чтобы сразу стать общечеловѣчествомъ, а черезъ національности и государства, черезъ ихъ дальнѣйшую непрерывную эволюцію. И послѣднимъ этапомъ въ этой эволюціи будетъ «великое» государство. Оно станетъ предтечей цѣлостнаго въ своемъ единствѣ, мирнаго и свободнаго человѣчества, ибо именно ему и предназначено «преодолѣть» то внутреннее противорѣчіе, которое сопровождаетъ человѣческую жизнь съ самаго ея начала и донынѣ: то противорѣчіе, что миръ, право и справедливость обезпечиваются въ ней силой . . . Настанетъ время, когда этого не будетъ, и это будетъ послѣдней заслугой государства передъ человѣчествомъ.

II.

Быть-ли Россіи „великой“ Россіей?

Будетъ ли Россія «великимъ» государствомъ? станетъ ли она «отечествомъ» для живущихъ въ ней народовъ?

Мы уже знаемъ, что это въ сущности одинъ вопросъ, а не два, ибо только тогда государство и становится истинно «великимъ», когда оно дѣлается «отечествомъ» для всѣхъ безъ исключенія, кто въ немъ живетъ.

Итакъ, будетъ ли Россія — «великой» Россіей въ этомъ смыслѣ слова?

Постановка этого вопроса не есть одна пустая претенціозность съ нашей стороны. Нѣтъ, — его нельзя намъ не поставить передъ собою. Россія необъятна пространствомъ, въ ней живетъ множество различныхъ народовъ. И нельзя жить такимъ огромнымъ государствомъ, не задаваясь мыслію о томъ, а куда же идетъ это государство? и что съ нимъ будетъ? И, въ особенности, нельзя не задаваться этимъ вопросомъ теперь. Въ нѣдрахъ современнаго человѣчества происходитъ въ настоящее время рѣшительная, жестокая, — дай Богъ, чтобы она была послѣдней, — борьба — борьба за то, чтобы не одинъ народъ властвовалъ надъ всѣми остальными, а чтобы всѣ народы — не духовно подавленные, а свѣтлые и радостные — могли свободно жить и свободно развиваться рядомъ другъ съ другомъ. Для желаннаго исхода этой великой борьбы нынѣшнему поколѣнію приходится приносить величайшія жертвы; можно сказать, что на долю этому поколѣнію выпало сполна оплатить своею кровью всю ту цѣну, какая требуется для счастья грядущихъ поколѣній; среди другихъ и мы съ нашимъ государствомъ приносимъ эти величайшія жертвы, — и что же? Неужели же, когда закончится эта борьба, это не дастъ намъ никакого результата? Неужели Россія такъ-таки и будетъ только огромной сырой государственной громадой, неизвѣстно для чего существующей на свѣтѣ?

Нѣтъ, вопросъ о томъ, будетъ ли Россія «великимъ» государствомъ — не обозначаетъ собою одно пустое самомнѣніе съ

нашей стороны. По выраженію покойнаго Владиміра Соловьева, это вопросъ нашего дальнѣйшаго «достойнаго существованія» *.

Что же можно сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ?

Увы, на первый взглядъ можетъ показаться, что не только у нашихъ враговъ, но даже у насъ самихъ онъ долженъ вызвать только снисходительную, если ужъ не ироническую, улыбку. «Великимъ государствомъ», какъ это установлено въ первой части нашей статьи, становится то, которое правильно выполняетъ не только свою *правовую,* но и свою *культурную,* и свою *національную* задачу. Какую же изъ этихъ задачъ выполнила Россія? Вѣдь, по правдѣ сказать, она не выполнила еще ни одной изъ нихъ. Она явно отстала отъ другихъ государствъ въ правовомъ и въ культурномъ отношеніи, она еще и не приступала къ выполненію своихъ національныхъ задачъ. Откуда же могутъ быть эти надежды или эти претензіи на то, что Россія, какъ государство, выдвинется въ самые первые ряды человѣчества?

Да, передъ лицомъ *фактовъ,* — передъ лицомъ уже совершеннаго и достигнутаго, дѣло стоитъ для насъ неблагопріятно, и тѣ, кто не хотятъ видѣть ничего кромѣ этихъ фактовъ, конечно, не задумаются произнести надъ Россіей суровый приговоръ. Но, вѣдь, кромѣ фактовъ, у всякаго живого организма, у всякаго живого существа, — тѣмъ болѣе у цѣлаго народа, есть *возможности,*—еще не раскрытыя, но въ немъ заложенныя, и ждущія своей очереди возможности. И если мы отъ фактовъ перейдемъ сюда на эту почву ожиданій и возможностей, то здѣсь сразу же установившееся къ Россіи отношеніе окажется инымъ. Едва ли кто станетъ спорить съ тѣмъ, что среди другихъ европейскихъ государствъ Россія — страна еще совсѣмъ молодая, несмотря на свой тысячелѣтній возрастъ; что она далеко не совершила того, что она можетъ совершить, и что все ея будущее еще только впереди. Вспомнимъ, напримѣръ, отзывъ о русскихъ Ницше, навѣянный на него произведеніями Достоевскаго. Онъ въ высшей степени характеренъ.—«Достоевскій учитъ насъ, — писалъ Ницше въ одномъ изъ писемъ своей недавно изданной переписки, — не только любить

* „... Національный вопросъ для многихъ народовъ есть вопросъ объ ихъ существованіи... Національный вопросъ въ Россіи есть вопросъ не о существованіи, а о „достойномъ существованіи", — В. Соловьевъ, „Націон. вопр. въ Россіи", С.П.Б., 1891, стр. V.

русскихъ, но и бояться ихъ. Это народъ, который еще не использовалъ всѣхъ своихъ силъ, ни физическихъ, ни психическихъ».

Это отзывъ типическій — не только для нашихъ друзей, но и для нашихъ враговъ. Что Россія еще не сказала своего слова въ исторіи, что она еще не развернула своихъ силъ, что она только на пути къ тому, что ей предстоитъ, такъ думаютъ многіе. Такъ думаютъ не только славянофилы, не только Владиміръ Соловьевъ, но и люди намъ чуждые, или даже прямо намъ враждебные. Мнѣ вспоминается по этому поводу отзывъ о Россіи покойнаго Антона Менгера, который я имѣлъ отъ него лично въ письмѣ, написанномъ имъ мнѣ по поводу моего перевода его превосходной ректорской рѣчи «О соціальныхъ задачахъ юриспруденціи» (была издана въ 1896 году). Къ сожалѣнію, я не могу привести этого отзыва дословно, ибо письмо это было отобрано у меня и затѣмъ погибло вмѣстѣ съ другими во время перипетій 1905 года, но смыслъ его остался у меня въ памяти, и онъ былъ тотъ, что Россія и славянство (Менгеръ упоминалъ и о славянахъ вообще) полны силъ и что все ихъ будущее впереди. Я не имѣю никакихъ основаній думать, чтобы покойный Антонъ Менгеръ былъ врагомъ Россіи или славянству, но, конечно, онъ не былъ и нашимъ другомъ, онъ былъ просто намъ чужой, посторонній. И вотъ этотъ чужой, но одинъ изъ самыхъ искреннихъ и чуткихъ умовъ въ Европѣ, одинъ изъ самыхъ независимыхъ соціальныхъ мыслителей, ученый, который зорко слѣдилъ за дѣйствіемъ общественныхъ силъ и лучшей для себя ролью считалъ быть безпристрастнымъ третейскимъ судьей въ борьбѣ этихъ силъ — этотъ ученый и мыслитель высказываетъ то же самое мнѣніе, какого въ этомъ отношеніи придерживались и наши славянофилы, ибо онъ тоже видѣлъ въ Россіи и славянствѣ еще не использованныя творческія силы, еще не выявленныя историческія возможности.

Наконецъ, даже такой ярый врагъ Россіи, какъ нѣмецкій историкъ Трейчке, врагъ, который злорадно называетъ Россію страною кнута, который, говоря о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ при Александрѣ II, презрительно восклицаетъ: «Русскій судъ присяжныхъ! Смѣхъ беретъ даже слышать это» * — Трейчке тѣмъ

* Treitschke, „Politik", Bd. II, s. 127.

не менѣе долженъ былъ признать, что нельзя слишкомъ низко оцѣнивать могучую жизненную силу (die gewaltige Lebenskraft) русскаго государства даже въ его нынѣшнемъ состояніи» (онъ писалъ это до паденія русскаго абсолютизма). «Если какое-либо государство, то это именно Россія, — продолжаетъ онъ, — имѣетъ передъ собою то, что американцы называютъ великимъ предназначеніемъ (eine grosse Schicksalsbestimmung)» *. Правда, съ этимъ нашимъ «великимъ предназначеніемъ», онъ тотчасъ же сплавляетъ насъ въ Азію («культурная миссія Россіи въ Азіи несомнѣнна и тамъ ей придется разрѣшать колоссальныя задачи»), считая, что намъ нечего дѣлать съ нимъ въ Европѣ, но это уже другой вопросъ (и вовсе не такой маленькій, такъ какъ это вопросъ о культурномъ посредничествѣ между Востокомъ и Западомъ), — но скрытыхъ въ Россіи силъ, предстоящей ей великой исторической судьбы, какъ видимъ, не могъ отрицать даже этотъ злѣйшій врагъ Россіи.

Итакъ, Россія не есть только какой-то государственный колоссъ на глиняныхъ ногахъ, въ ней несомнѣнно есть могучія творческія силы, которыя еще дадутъ о себѣ знать во всеміpной исторіи. Да позволено будетъ мнѣ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о русскихъ «возможностяхъ», вспомнить здѣсь еще слова нашихъ русскихъ авторитетныхъ и безпристрастныхъ людей, — Владиміра Соловьева: «Русскій народъ обладаетъ великими стихійными силами и богатыми задатками духовнаго развитія», — а также В. О. Ключевскаго: «Мы еще не начинали жить въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ, чувствуемыхъ, но еще не вполнѣ развернувшихся».

Итакъ, «силы» въ Россіи есть. Почему же эти силы до сихъ поръ не показали своего полнаго дѣйствія?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ также едва ли могутъ быть разногласія.

2.

Россія, какъ государство, въ началѣ своего историческаго развитія, вовсе не была страной отсталой, какъ въ настоящее время, по сравненію съ западно-европейскими государствами. Наоборотъ, всѣ историки наши единодушно свидѣтельствуютъ, что

* Treitschke, ibid. S. 130.

развитіе Кіевской Руси и въ экономическомъ, и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи было блестящимъ. Самый авторитетный изъ русскихъ историковъ Ключевскій рисуетъ передъ нами картину не только значительнаго внѣшняго благосостоянія Кіевской Руси, но и ея большихъ культурныхъ успѣховъ. И не было это чѣмъ-то только наноснымъ и подражательнымъ, а становилось уже глубокимъ и органическимъ. Приведу въ подтвержденіе этого только одинъ отрывокъ изъ классическаго «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго. — «Помощью переводной письменности выработался книжный русскій языкъ, образовалась литературная школа, развилась оригинальная литература, и русская лѣтопись XII вѣка по мастерству изложенія не уступаетъ лучшимъ анналамъ тогдашняго Запада» *. Еще болѣе подробно, но съ тѣмъ же основнымъ выводомъ, что и у Ключевскаго, рисуетъ намъ картину матеріальной и духовной культуры древней Руси также и авторъ новѣйшаго общаго курса русской исторіи проф. Д. И. Багалѣй **. Онъ также говоритъ «о чрезвычайномъ богатствѣ русской письменности въ областной періодъ и выдающемся значеніи многихъ сочиненій въ историко-литературномъ отношеніи» (op. cit., 335).

Что касается чисто политическаго развитія древней Кіевской Руси, то, можетъ быть, лучшимъ показателемъ, какъ быстроты, такъ и внутренней силы этого развитія, долженъ служить тотъ фактъ, который проф. Ключевскій называетъ «кореннымъ, самымъ глубокимъ фактомъ (того) времени», а именно образованіе въ Кіевской Руси *національнаго самосознанія*, «пробужденіе во всемъ обществѣ мысли о русской землѣ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, объ общемъ земскомъ дѣлѣ, какъ о неизбѣжномъ, обязательномъ дѣлѣ всѣхъ и каждаго». Къ этому факту, говоритъ проф. Ключевскій, «привели разноообразныя, несоглашенныя и нескладныя, часто противодѣйствовавшія другъ другу стремленія князей, бояръ, духовенства, волостныхъ городовъ, всѣхъ общественныхъ силъ того времени». И они привели къ нему потому, что это была

* В. Ключевскій „Курсъ русской исторіи" ч. I, стр. 338 (изд. 4, М. 1911)

** Д. И. Багалѣй „Русская исторія", т. I М. 1914 г., гл. 14—„Матеріальная культура" (296—319) и гл. 15—„Религіозное, умственное и нравственное состояніе общества" (319—337).

«историческая эпоха, въ дѣлахъ которой весь народъ принималъ участіе и черезъ это участіе почувствовалъ себя чѣмъ-то цѣльнымъ, дѣлающимъ общее дѣло». (Op. cit., стр. 248.) Развивая ту же самую мысль — объ образованіи въ Кіевской Руси національнаго самосознанія — проф. Багалѣй подчеркиваетъ въ немъ другую важную черту, а именно отсутствіе національной исключительности и, наоборотъ, присутствіе «идеи солидарности народовъ». Лѣтописецъ, говоря о побѣдѣ русскихъ князей надъ половцами въ 1111 г., «призываетъ къ сочувствію русской славѣ весь культурный западъ — и грековъ, и угровъ, и ляховъ, и чеховъ, и даже Римъ, связывая этимъ Русь съ Западной Европой». Съ другой стороны авторъ «Слова о полку Игоревѣ», воспѣвая событіе, печальное для Руси, также мыслитъ его въ «международной» обстановкѣ: «Ту Нѣмцы и Венедицы, ту Греци и Морава поютъ славу Святославлю, каютъ князя Игоря» (сожалѣютъ о его пораженіи). «Характерна,—справедливо говоритъ въ заключеніе проф. Багалѣй, — эта мысль относительно общности интересовъ православной Руси и христіанскихъ народовъ Запада. Между ними, очевидно, въ это время не было еще той стѣны, которая воздвиглась позже». (Op. cit., 336—337.)

Вотъ картина начала Руси. Мы воочію видимъ здѣсь работу могучихъ жизненныхъ силъ, мы видимъ экономическую, культурную и политическую дѣятельность, которая шла въ уровень съ вѣкомъ и которая уже приносила свои обильные плоды. Наконецъ, мы видимъ духовную связь съ остальной Европой, видимъ взаимное общеніе съ обѣихъ сторонъ, происходящее на равныхъ правахъ. Несомнѣнно, вся исторія Россіи, а, можетъ быть, и Западной Европы сложилась бы иначе, если бы такъ продолжалось и дальше.

Но къ нашему несчастью все это богатое и блестящее развитіе было опрокинуто и уничтожено,—уничтожено натискомъ на Россію азіатскихъ кочевниковъ. Натискъ этотъ происходилъ издавна. Еще въ VIII вѣкѣ онъ оттѣснилъ славянъ отъ тогдашняго ихъ «окна въ Европу» — отъ Чернаго моря, заставивши ихъ покинуть устье Днѣпра, которымъ они нѣкогда владѣли. Продвинуться вплотную къ этому морю, которое нѣкогда называлось Русскимъ, заселить его берега русскому населенію вслѣдствіе этого оказалось невозможнымъ. Съ великимъ трудомъ, съ огромными военными

усиліями Кіевская Русь ограждалась съ тѣхъ поръ отъ «степи» и степныхъ хищниковъ, да поддерживала по Днѣпру свои сношенія съ Византіей. Но степной натискъ на нашу бѣду все усиливался. Послѣ хазаръ и печенѣговъ, съ которыми русскіе частью ладили, частью справлялись, выступили на сцену половцы. Русскіе отчаянно боролись съ ними въ теченіе двухъ вѣковъ, но уже въ XII вѣкѣ напоръ ихъ сталъ столь разрушительнымъ, что Русь не могла передъ нимъ устоять: началось бѣгство русскаго населенія изъ Поднѣпровья и запустѣніе страны. Кіевская Русь стала приходить въ упадокъ — ея первоначальное блестящее развитіе было подсѣчено въ корнѣ. А затѣмъ, въ XIII вѣкѣ, не только на Кіевскую Русь, но и на всю Россію нахлынули татары, и политическая, культурная, экономическая жизнь страны была надолго остановлена въ своемъ нормальномъ развитіи. Понадобилось цѣлыхъ два съ половиною вѣка, чтобы сбросить съ себя это тяжкое татарское иго и вернуть себѣ прежнюю свободу развитія.

Такимъ образомъ, вотъ куда ушли «жизненныя силы» русскаго государства: на борьбу со стихійнымъ азіатскимъ натискомъ, отъ котораго Россія, принимая его на себя, прикрывала остальную Европу. Не удивительно, что за это время Россія во всѣхъ отношеніяхъ отстала отъ западной Европы. Ея экономическое, культурное, государственное развитіе оказалось скомканнымъ, задержаннымъ, изуродованнымъ, по сравненію съ западноевропейскими успѣхами во всѣхъ областяхъ жизни у насъ оказалось множество «недочетовъ». Но это было не отъ скудости или недостатка жизненыхъ силъ, а только отъ крайне неблагопріятныхъ историческихъ условій. По знаменитому выраженію проф. Ключевскаго, «тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ — это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни» (op. cit., стр. 73). А новѣйшій историкъ русскаго общественнаго развитія къ этимъ словамъ проф. Ключевскаго добавляетъ, что они справедливы, можетъ быть даже въ большей степени, «чѣмъ предполагалъ самъ проф. Ключевскій. Даже тѣ «европейскіе недочеты», говоритъ этотъ изслѣдователь, которые на первый взглядъ не имѣютъ прямого отношенія къ тысячелѣтнему сосѣдству съ кочевниками, при болѣе внимательномъ

разсмотрѣніи, оказываются слѣдствіями замедленнаго борьбой съ кочевниками экономическаго развитія Россіи» *.

Практически все это обозначало, что непреодолимою внѣшнею силою мы были задержаны въ своемъ развитіи на 2—3 вѣка по сравненію съ Западной Европой. Однако, задержка все же не стала роковой. Россія, сдвинувшись съ богатаго, плодороднаго юго-западнаго чернозема на сѣверо-восточный скудный суглинокъ, скрывшись въ дремучихъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ окско-волжскаго междурѣчья, все же собрала тамъ свои силы «воедино», отбросивъ то препятствіе, которое заступило ей историческую дорогу, вновь вернула себѣ свободу развитія и стала *догонять* Европу во всѣхъ тѣхъ «недочетахъ», которые у нея тѣмъ временемъ образовались. Русскій абсолютизмъ выдвинулъ въ это время такого гиганта государственнаго строительства, какимъ былъ Петръ Великій, и этотъ гигантъ мощною рукою двинулъ Россію на путь «европеизаціи». Наша «европеизація» не закончена еще и донынѣ, мы все еще позади Европы и въ правовомъ, и въ культурномъ отношеніи, но все же разстояніе, насъ когда-то отдѣлявшее, сильно сократилось. Если наше «отставаніе» отъ Европы нѣкогда равнялось 2—3 вѣкамъ, то теперь оно, примѣрно, не болѣе полувѣка, ибо на 50—60 лѣтъ отстали мы отъ Западной Европы съ такой важной соціальной реформой, какъ уничтоженіе крѣпостного права, и на такой же приблизително срокъ мы отстали отъ нея и съ нашей коренной политической реформой — уничтоженіемъ абсолютизма и введеніемъ въ государственный строй народнаго представительства.

Такимъ образомъ, наша отсталость по сравненію съ другими въ разрѣшеніи «правовыхъ» и «культурныхъ» задачъ несомнѣнна. Но едва ли она должна приводить насъ въ отчаянія. Принимая во вниманіе, какъ наше «отставаніе» отъ Западной Европы исторически образовалось и насколько оно уже преодолѣно, едва ли, не должны мы, наоборотъ, преисполниться бодростью и увѣренностью. Это отставаніе, конечно, вскорѣ будетъ совсѣмъ уничтожено, какъ только въ Россіи прочно установится новый государственный строй. Вѣдь даже и теперь линія нашего отставанія отъ

---

* Г. В. Плехановъ, „Исторія русской общественной мысли“ М., 1914 г., т. I, стр. 52—53.

Европы во многихъ мѣстахъ прорвана напоромъ внутреннихъ творческихъ силъ народа, и есть въ ней такіе пункты, какъ въ правовой, такъ и въ культурной области, гдѣ мы не только поравнялись съ Европой, но даже успѣли ее опередить. Въ области правовой укажу на наше освобожденіе крестьянъ «съ землей», на наше 19 февраля 1861 г., — этотъ «величайшій актъ соціальной справедливости въ нашей исторіи», по выраженію Владиміра Соловьева, или — это наше «соціальное евангеліе», по прекрасному выраженію И. С. Аксакова, которое мы принесли также и нашимъ полякамъ, за что они насъ теперь благословляютъ.

Въ области культурной укажу на нашу литературу. Достаточно назвать здѣсь одно имя Толстого, чтобы сказать, что мы стоимъ съ нимъ не только не позади Европы, но впереди нея, впереди цѣлаго міра, и даже въ двоякомъ отношеніи: не только въ художественномъ, но и въ нравственномъ. Толстой вѣдь не только великій міровой художникъ, но и величайшій нравственный учитель,—учитель, слово котораго прозвучало передъ цѣлымъ міромъ и оказало огромное и благотворное вліяніе на все человѣчество.

Наконецъ, чтобы прямо указать на тѣ творческія силы, которыя заложены въ русскомъ народѣ, позволю себѣ сослаться на русскую интеллигенцію. Эта интеллигенція, которой такъ часто удивлялись иностранцы, конечно, еще во многихъ отношеніяхъ составляетъ контрастъ съ культурнымъ состояніемъ народа, но все же она есть кость отъ кости и плоть отъ плоти этого народа. Она активна, героична, самоотверженна, потому что она вынесла все это изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ народа; долго ей пришлось быть одинокой среди своего народа, но теперь перегородки пали и самъ народъ сталъ выдѣлять свою «народную» интеллигенцію, которая вплотную примыкаетъ къ интеллигенціи культурныхъ классовъ, чтобы продолжать ея работу съ тѣмъ же самоотверженіемъ, но только ближе къ жизни, ближе къ ея непосредственнымъ нуждамъ, — въ болѣе практическомъ направленіи.

3.

Итакъ, фактъ нашей нынѣшней «правовой» и «культурной» отсталости отъ Запада, хотя онъ и не подлежитъ никакому сомнѣнію, не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ противъ

надеждъ на «великое» бытіе нашего государства въ будущемъ. Пройдетъ немного времени и эта отсталость будетъ устранена внутреннимъ общественнымъ развитіемъ.

Но удовлетворительное разрѣшеніе «правовой» и «культурной» задачи государствомъ есть, вѣдь, только подготовленіе, только необходимая предпосылка къ тому его историческому «величію», о которомъ мы говорили выше. Стать истинно «великимъ» государство можетъ, лишь правильно разрѣшивши свои «національныя» задачи. Какъ же обстоитъ у насъ это дѣло? Каковы наши «шансы» и «возможности» въ національной области?

Первое и самое важное, что мы здѣсь имѣемъ, — это то, что Россія уже есть одно изъ самыхъ большихъ и самыхъ многонаціональныхъ государствъ.

Кромѣ основного русскаго племени съ его тремя вѣтвями — великорусскимъ, малорусскимъ (украинскимъ) и бѣлорусскимъ — въ Россіи живетъ свыше 100 различныхъ народовъ и народностей; большихъ и малыхъ. Изъ нихъ до десятка стоятъ на одной культурной ступени съ русскими или даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше ихъ, это: финны вмѣстѣ со шведами (въ Финляндіи), поляки, евреи, нѣмцы, литовцы, латыши, эстонцы, грузины и армяне. Среди менѣе культурныхъ на первомъ мѣстѣ надо поставить весьма многочисленныхъ у насъ мусульманъ разныхъ народностей, въ общемъ стоящихъ, конечно, ниже перечисленныхъ наше народностей, но все же съ весьма сильно выраженными національными и культурными стремленіями и со своей, правда, не очень многочисленной, но сознательной и дѣятельной національной интеллигенціей. Изъ не-мусульманскихъ народностей нельзя особо не упомянуть бурятъ и якутовъ, у которыхъ также съ очевидностью уже сказалось стремленіе къ національному развитію; наконецъ, есть у насъ не мало и такихъ инородцевъ, которые остаются на ступени «этнографическаго матеріала», не показывая или почти не показывая никакихъ національныхъ усилій.

Итакъ, національный составъ Россіи — большой и разнообразный, но разрѣшеніе у насъ «національнаго вопроса» въ общемъ, къ сожалѣнію, стоитъ еще на болѣе низкой ступени, чѣмъ разрѣшеніе нашихъ правовыхъ и культурныхъ задачъ. Въ нашемъ государственномъ прошломъ только одна Финляндія могла не жаловаться на Россію, потому что до сравнительно очень не-

давняго времени ей была предоставлена полная свобода національнаго и культурнаго развитія, чѣмъ она воспользовалась въ полной мѣрѣ, огражденная въ своихъ правахъ своимъ особымъ государственнымъ устройствомъ. Царство Польское, «воскрешенное» на Вѣнскомъ конгрессѣ, хотя и не въ полномъ его объемѣ, императоромъ Александромъ I, очень недолго пользовалось благами предоставленной ему автономіи. Малороссія (Украйна) и Грузія, добровольно и на извѣстныхъ условіяхъ вошедшія въ составъ нашего государства, также очень скоро почувствовали на себѣ гнетъ, весьма неблагопріятный для ихъ національнаго и культурнаго развитія. Въ концѣ концовъ, и это произошло уже достаточно давно, эти три части Россіи, сперва занявшія въ ней особое, огражденное правомъ, положеніе, его потеряли и ничѣмъ уже теперь не отличаются отъ другихъ частей Россійскаго государства. Да въ послѣднее время и Финляндія испытала серьезное покушеніе на принадлежащія ей особыя права, и хотя это фактически пока нисколько не отразилось на ея національной и культурной самобытности, но во всякомъ случаѣ, внесло смуту и безпокойство въ ея до тѣхъ поръ вполнѣ безмятежное національное существованіе, и отравило собою добрыя отношенія между нею и Россіей. Что касается всѣхъ другихъ національностей, живущихъ въ Россіи, то онѣ никогда и не были ограждены въ своихъ національныхъ правахъ какими-либо договорными или особо установленными юридическими нормами и въ этомъ отношеніи находились въ полномъ распоряженіи русской государственной власти.

Въ результатѣ всего изложеннаго практическое разрѣшеніе у насъ національнаго вопроса (за исключеніемъ Финляндіи, которая все-таки остается на особомъ положеніи) является до послѣдней степени неудовлетворительнымъ и совершенно не соотвѣтствуетъ той идеѣ «великаго» государства, къ воплощенію которой стремится современное государственное развитіе. Отчасти (по крайней мѣрѣ по отношенію къ одной изъ нашихъ національностей: по отношенію къ евреямъ) разрѣшеніе національнаго вопроса стоитъ у насъ даже еще на той примитивной средневѣковой ступени, когда государство отказываетъ лицамъ чужой крови и чужого языка даже въ признаніи за ними элементарныхъ гражданскихъ правъ, напр., въ свободѣ выбора мѣстожительства, владѣнія собственностью, въ свободѣ промысла и занятія и т. п. Вѣдь

наша пресловутая «черта осѣдлости» для евреевъ, теперь только расширенная, но вовсе не уничтоженная, есть, въ сущности, самое настоящее средневѣковое гетто. Что касается другихъ нашихъ національностей, то разрѣшеніе для нихъ національнаго вопроса, конечно, перешло уже за эту средневѣковую ступень *, но оно и для нихъ заключается въ полномъ отрицаніи ихъ національныхъ правъ. Въ школѣ, въ мѣстномъ самоуправленіи, въ администраціи, въ судѣ — все обстоитъ у насъ такъ, какъ если бы повсюду у насъ жила одна «державная» народность. И мало того: цѣлымъ рядомъ законодательныхъ нормъ и актовъ управленія національная жизнь недержавныхъ національностей всячески препятствуется, задерживается или прямо насилуется. Внутреннимъ принципомъ, одушевляющимъ нашу государственную политику по отношенію къ инородцамъ, — является одно: денаціонализація, обрусѣніе. Не только не свобода національно-культурнаго самоопредѣленія и развитія, но полное ихъ загражденіе всею силою государственной мощи.

Все это и заставляетъ сказать, что къ правильному разрѣшенію національнаго вопроса мы еще и не приступали. Въ національномъ отношеніи мы притѣсняемъ живущіе съ нами народы, мы не даемъ имъ возможности свободно проявлять себя и свободно развиваться, мы стремимся къ ихъ денаціонализаціи.

Какъ же относятся къ намъ, къ нашему государству, всѣ эти живущіе вмѣстѣ съ нами народы?

4.

Само собою разумѣется, что они не могутъ быть довольны своимъ нынѣшнимъ положеніемъ въ государствѣ; они на насъ ропщутъ, они добиваются иного къ себѣ отношенія, они борются за свободу своего національнаго и культурнаго самоопредѣленія и желаютъ, чтобы эта свобода была ограждена для нихъ правовыми нормами. Да, все это такъ и, конечно, иначе и быть не можетъ. Но все же, какъ они относятся къ самой Россіи, къ этому

* Правда, существуютъ у насъ ограниченія въ гражданскихъ правахъ и для нѣкоторыхъ другихъ національностей, кромѣ евреевъ, но они не такъ обширны, отрывочны, случайны и не имѣютъ того принципіальнаго характера, какъ для евреевъ.

государству, въ которомъ они живутъ? разсчитываютъ ли они добиться желаемаго ими именно у насъ, въ Россіи, и потому хотятъ въ ней и оставаться, — или можетъ быть, они думаютъ, что ихъ національныя цѣли могутъ быть достигнуты ими только внѣ Россіи и что поэтому имъ лучше уйти изъ нашего государства — вотъ вопросъ, который имѣетъ величайшее значеніе для всего нашего послѣдующаго государственнаго бытія.

Позволимъ себѣ дать на него посильный отвѣтъ по отношенію къ каждой изъ живущихъ съ нами національностей. И прежде всего обратимся къ тѣмъ двумъ національностямъ, которыя стоятъ ближе всего къ національности «державной», великорусской.

Какъ это ни странно, но ближайшіе «родственники» великороссовъ *малороссы* (украинцы) и *бѣлоруссы* во многихъ отношеніяхъ подвергались, да еще и понынѣ подвергаются, гораздо большей «руссификаціи», чѣмъ другія національности, живущія въ Россіи. Достаточно сказать, что употребленіе ихъ языковъ въ печати подвергалось до самаго послѣдняго времени самымъ существеннымъ ограниченіямъ. Букварь на украинскомъ или бѣлорусскомъ языкѣ былъ совершенно невозможенъ, библія или евангеліе въ украинскомъ или бѣлорусскомъ переводѣ преслѣдовались, какъ самыя крайнія прокламаціи. Дѣлалось все это «по-родственному», подъ предлогомъ того, что какія же они въ самомъ дѣлѣ особыя національности, и какія могутъ быть у нихъ особыя «національныя» стремленія и требованія? Они, де, не болѣе, какъ областныя разновидности одного и того же великорусскаго племени, а языки ихъ — только «мѣстные» діалекты общерусскаго языка. И нельзя не замѣтить, что взглядъ этотъ былъ широко распространенъ не только въ правящихъ кругахъ, но и въ обществѣ. Представители русской интеллигенціи, столь свободолюбивой въ другихъ отношеніяхъ, здѣсь недоумѣвали, или даже негодовали на какія-то «странныя» претензіи «кучки» малорусской или бѣлорусской интеллигенціи, совершенно чуждыя, будто бы, самой народной массѣ. Достаточно здѣсь вспомнить однѣ статьи П. Б. Струве объ украинствѣ и «украинской» опасности. Публицистъ, который отлично понимаетъ и уважаетъ національныя стремленія финновъ или поляковъ, армянъ или грузинъ, эстовъ или латышей, — здѣсь считаетъ все національное

движеніе, съ одной стороны, «выдуманнымъ» и «искусственнымъ», а съ другой стороны, «крайне опаснымъ» для «единства» общерусской культуры.

Ясно, какую горечь должно все это вызывать въ представителяхъ украинства и бѣлорусскаго національнаго возрожденія. Какой кому вредъ можетъ причинять употребленіе своего природнаго языка въ устной рѣчи или въ печати, въ научной книгѣ или въ поэтическомъ произведеніи? Какой кому вредъ можетъ быть отъ разработки національныхъ художественныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ искусства? Какую опасность можетъ представлять вообще движеніе и развитіе національности во всѣхъ ея элементахъ? Неужели появленіе Шевченка наноситъ какой-то ущербъ Пушкину или Гоголю? — Вотъ вопросы, которые достаточно поставить, чтобы отвѣтить на нихъ отрицательно. А между тѣмъ во всемъ этомъ хотятъ отказывать украинцамъ и бѣлоруссамъ, и даже не представители нашего офиціальнаго національнаго правовѣрія, а такіе люди, какъ Струве, да еще провозглашая здѣсь какую-то величайшую опасность и для русскаго государства, и для русской культуры.

Но, добиваясь признанія своихъ національныхъ правъ, испытывая особую горечь отъ отказа во всемъ этомъ подъ предлогомъ ближайшаго родства съ державной народностью, наши украинцы и бѣлоруссы ни въ малѣйшей мѣрѣ не испытываютъ желанія или соблазна получить то, чего они добиваются, внѣ Россіи. Русское государство для нихъ такое же *свое*, какъ и для великороссовъ. Тутъ, конечно, племенное родство трехъ вѣтвей русскаго племени имѣетъ все свое значеніе. Украинецъ и бѣлоруссъ точно такъ же заклеймили бы названіемъ измѣны своему государству всякую попытку представителей своей народности уйти изъ Россіи, какъ это сдѣлалъ бы и великороссъ. Тутъ дѣйствительно между великороссами, украинцами и бѣлоруссами нѣтъ никакой разницы, тутъ они духовно сливаются воедино, тутъ они являются только братьями между собою. Для украинства, въ смыслѣ возможнаго сепаратизма, имѣлся нѣкоторый соблазнъ въ видѣ австрійской Галиціи, гдѣ національныя права украинцевъ все-таки до извѣстной степени признавались, — но, можно сказать, что этотъ соблазнъ ни въ малѣйшей мѣрѣ никогда не дѣйствовалъ на нашихъ украинцевъ и именно потому, что они считаютъ Россію своимъ, а не чу-

жимъ государствомъ. Ни такъ называемой «австрійской оріентаціи», ни стремленій къ «самостійной Украинѣ», у насъ на Украинѣ нѣтъ, и не только нѣтъ въ народныхъ массахъ, еще не затронутыхъ національнымъ движеніемъ, но и внутри самого національнаго движенія. Конечно, чудаки или фантазеры есть вездѣ, но, вѣдь, такъ они и остаются вездѣ въ этомъ званіи, не оказывая вліянія на ходъ реальной жизни. Пишущій эти строки изъ личнаго знакомства со многими дѣятелями украинскаго (а также и бѣлорусскаго) національнаго движенія, изъ множества непосредственныхъ заявленій по этому поводу, можетъ засвидѣтельствовать, что это именно такъ.

Переходя теперь къ національностямъ не русскимъ, прежде всего остановимся на Финляндіи. Почти цѣлое столѣтіе Финляндія жила вмѣстѣ съ Россіей, если можно такъ выразиться, «какъ у Христа за пазухой». Ея положеніе было таково, что едва ли она могла желать лучшаго. Избавленная отъ тяготъ и заботъ самостоятельнаго государства, она въ дѣйствительности пользовалась полной самостоятельностью во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, она могла на полной свободѣ развивать свои внутреннія національныя и культурныя силы, и, какъ мы замѣтили выше, она въ полной мѣрѣ воспользовалась этой возможностью. При такихъ условіяхъ финляндцамъ не могли приходить и въ голову мысли о какомъ-то «сепаратизмѣ», тѣмъ болѣе, что шведы составляютъ въ Финляндіи не очень большое меньшинство и, собственно, финны относятся къ нимъ даже съ нѣкоторой національной и культурной ревностью. Финляндцы, можетъ быть, только ошибались, предполагая, что они получаютъ все, что они имѣли, не отъ союза съ Россіей, а изъ рукъ русскаго абсолютизма. Но эта ошибка стала имъ вполнѣ ясной, когда они увидѣли, какъ съ одной стороны походъ на ихъ конституцію начался еще изъ нѣдръ русскаго абсолютизма, а съ другой стороны, «возстановленіе» этой конституціи послѣдовало въ непосредственной связи съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ. И я вспоминаю, какъ въ 1906 году, уже послѣ роспуска первой Думы, на одномъ собраніи въ Гельсингфорсѣ, гдѣ профессора гельсингфорскаго университета принимали, какъ своихъ гостей, бывшихъ тамъ русскихъ профессоровъ, мы слышали изъ устъ этихъ авторитетныхъ представителей финляндской интеллигенціи заявленія о томъ, что они отлично понимаютъ,

что возстановленіемъ своей свободы Финляндія вполнѣ обязана пробужденію русской свободы, и они выражали благодарность въ этомъ отношеніи русскому освободительному движенію.

Конечно, съ тѣхъ поръ времена измѣнились, и Финляндіи пришлось опять испытать на себѣ натискъ, — натискъ еще болѣе серьезный, чѣмъ было раньше, и онъ шелъ на этотъ разъ уже черезъ русскую Государственную Думу. Но все же это обстоятельство едва ли могло затемнить для кого-нибудь истинную сущность дѣла. Источникомъ натиска была русская реакція, и представители русской свободы противились этому натиску. Сопротивленіе оказалось недостаточнымъ, но выводъ ясенъ: пройдетъ въ Россіи пора реакціи, и государственная автономія Финляндіи будетъ въ полной мѣрѣ возстановлена. Конечно обѣ стороны понимаютъ, что въ ихъ юридическихъ отношеніяхъ есть пробѣлъ, — отсутствіе такъ называемаго общеимперскаго законодательства — но этотъ пробѣлъ долженъ быть заполненъ, конечно, съ обоюднаго согласія, а не одностороннимъ образомъ, какъ это было сдѣлано недавно. И когда это произойдетъ, Финляндіи уже не придется питать опасеній за свою дальнѣйшую судьбу, и она разъ навсегда будетъ ограждена въ своей свободѣ русскимъ свободнымъ развитіемъ.

Наши отношенія съ поляками были болѣе сложны и исторически болѣе запутаны, чѣмъ отношенія съ какою бы то ни было другою національностью въ Россіи. Было между нами и историческое соперничество двухъ сосѣднихъ государствъ, длившееся вѣками, сопровождавшееся попеременнымъ успѣхомъ для той и другой стороны и закончившееся въ пользу одной изъ нихъ. Было и наше участіе въ великомъ насиліи, учиненномъ надъ Польскимъ государствомъ, посредствомъ его троекратнаго раздѣла, правда, безъ нашей иниціативы, по предложенію прусскаго короля; были и возстанія поляковъ противъ насъ ради возстановленія Польскаго Королевства, усмиренныя нашею вооруженною рукою. Наконецъ, стало между нами полное уничтоженіе всякой національной самостоятельности Царства Польскаго, «воскрешеннаго» Александромъ I въ нашихъ предѣлахъ, переименованнаго затѣмъ въ «Привислинскій край» и подвергнутаго съ шестидесятыхъ годовъ режиму самаго суроваго обрусѣнія.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что не только между

русскими и поляками накопилось много взаимной вражды, взаимныхъ обвиненій и неудовольствій, но что поляки именно и были той національностью въ составѣ Россіи, которая хотѣла отъ насъ «отдѣлиться», нисколько этого не скрывала, наоборотъ, запечатлѣла свою рѣшимость въ этомъ отношеніи вооруженными возстаніями. Однако мотивъ этихъ возстаній былъ такъ, въ сущности, понятенъ, и даже болѣе того — такъ благороденъ, что это не могло сдѣлать вражду между нами и поляками неисцѣлимой и непоправимой. И пришло время, когда эта вражда стала таять и стала замѣняться со стороны поляковъ болѣе дружелюбнымъ отношеніемъ и къ намъ, и къ нашему государству. Поляки увидѣли что главный и, поистинѣ, безпощадный врагъ ихъ національности — не русскіе, а нѣмцы. Они увидѣли, что нѣмцы грозятъ духовнымъ рабствомъ всему славянству и самой Россіи, и они поняли, что защитой противъ этой грозной нѣмецкой опасности можетъ быть для нихъ только «могущественная» Россія, ибо она есть главный оплотъ всего славянства противъ германизма. И все это произвело переворотъ, если не сразу въ чувствахъ — человѣческія чувства тяжеловѣсны и не поддаются быстро перемѣнамъ — то въ мысляхъ поляковъ о своей исторической судьбѣ. Не отказываясь отъ мечты о самостоятельной Польшѣ, они признали лучшимъ для себя разрѣшеніемъ польскаго вопроса «автономію» Польши въ составѣ Россіи. Такимъ образомъ, польскій «сепаратизмъ» въ Россіи кончился, поляки перестали стремиться «уйти» изъ Россіи, они стали добиваться «автономіи» Польши въ Россіи, а такъ какъ за эту же автономію высказались (въ 1905—06 г.) и представители демократизма въ Россіи, то, такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и по отношенію къ Финляндіи, образовался внутренній союзъ между національными стремленіями Польши и демократическими стремленіями Россіи.

Перехожу къ евреямъ. Еврейскій вопросъ, какъ на это указывалъ когда-то еще покойный Чичеринъ, въ сущности, самый простой національный вопросъ въ Россіи, и это потому, что евреи, не занимая нигдѣ сплошной, только ими заселенной территоріи въ государствѣ, не выдвигаютъ и никакихъ «автономическихъ» требованій. Ихъ желаніе одно — избавиться отъ того средневѣковаго положенія, въ которое поставлены они одни въ Россіи: получить гражданское равноправіе. Если бы они получили это

равноправіе, то едва ли они не считали бы себя удовлетворенными. Что касается ихъ отношенія къ Россіи, то что бы по этому поводу ни говорили и какъ это, можетъ быть, ни странно въ виду тѣхъ стѣсненій и притѣсненій, которымъ они у насъ подвергаются, но евреи привязаны къ Россіи, съ большимъ сожалѣніемъ ее покидаютъ и всегда готовы въ нее вернуться. И, несомнѣнно, что тутъ не замѣшаны какіе-либо корыстные расчеты, а сказывается самое непосредственное чувство. Недаромъ многіе сіонисты и едва ли не вполнѣ серьезно говорятъ, что получи евреи въ Россіи равноправіе, и идея сіонизма будетъ этимъ практически убита. Во всякомъ случаѣ еврейская интеллигенція — а роль интеллигенціи едва ли въ этомъ отношеніи не рѣшающая — очень тѣсно примыкаетъ и къ русской культурѣ, и къ русской общественной жизни. Блага для своего народа она ждетъ исключительно отъ прогрессивнаго развитія Россіи.

Литовцы, латыши и эстонцы — я говорю здѣсь сразу объ этихъ трехъ народностяхъ, потому что и ихъ положеніе въ Россіи, и ихъ національныя стремленія — въ сущности аналогичны. Латыши и эстонцы, конечно, подвинулись дальше литовцевъ какъ въ культурномъ развитіи, такъ и въ національной самодѣятельности. Съ другой стороны, нѣмцы являются для латышей и эстонцевъ культурнымъ и національнымъ врагомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ для литовцевъ, потому что литовцы не имѣютъ того непосредственнаго соприкосновенія съ нѣмцами на нашей территоріи, какое имѣютъ латыши и эстонцы. Поэтому отношеніе латышей и эстонцевъ къ Россіи, если можно такъ выразиться, болѣе яркое, болѣе пламенное, чѣмъ у литовцевъ. Но въ сущности, разница здѣсь только въ степени, — отношеніе всѣхъ трехъ народностей къ нашему государству вполнѣ положительное. Всѣ три народности отлично понимаютъ, что имъ неизбѣжно быть въ составѣ какого-либо большого государства, и они въ этомъ отношеніи безусловно предпочитаютъ Россію Германіи. Ибо отъ Россіи они надѣются получить удовлетвореніе своихъ національныхъ стремленій (въ частности, литовцы, въ случаѣ побѣды Россіи надъ Германіей, ждутъ отъ нея также и своего возсоединенія съ прусскими литовцами), а что касается Германіи, то они болѣе чѣмъ увѣрены, что тамъ имъ не будетъ ни культурной, ни національной пощады. Кстати, нѣмцы въ этомъ отноше-

ніи всегда были откровенны, и я невольно вспоминаю здѣсь одно мѣсто въ знаменитой «Политикѣ» Трейчке, относящееся къ нашему Прибалтійскому краю. «Въ вопросахъ національности, говоритъ онъ здѣсь, рѣшающимъ факторомъ является крестьянство. И въ Эльзасѣ мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что народъ со временемъ станетъ опять нѣмецкимъ. Въ Лифляндіи же и Курляндіи дѣло стояло наоборотъ. Здѣсь не оставалось ничего другого, какъ держать покоренныхъ въ состояніи возможной некультурности, чтобы они не сдѣлались опасными немногочисленнымъ господамъ» *. Кажется, это такъ откровенно, что ничего не стоитъ и прибавлять къ этимъ словамъ «властителя нѣмецкихъ душъ».

Перехожу къ кавказскимъ народностямъ — грузинамъ и армянамъ.

Въ концѣ XVIII ст. Грузія добровольно вошла въ составъ русскаго государства, и едва ли могутъ быть какія-либо основанія, которыя заставили бы ее объ этомъ пожалѣть. Нѣтъ, — рѣшеніе Грузіи было правильное, лучшее, какое она могла тогда принять. Къ тому же между грузинами и русскими есть большое сходство, какъ въ свойствахъ характера, такъ и въ народной психологіи: грузины и русскіе совсѣмъ не чувствуютъ себя чужими другъ другу. Ихъ чувства, ихъ помыслы, ихъ стремленія, какъ бы уходятъ въ одну и ту же безсознательную народную подоплеку. На русской и грузинской интеллигенціи — это особенно ясно, потому что, кажется, самые недостатки ихъ одинаковы: при идеальности стремленій, при героичности настроенія, одинаковая безпечность въ дѣйствіи. Только, можетъ быть, у грузинъ все это выражено еще сильнѣе, чѣмъ у русскихъ.

Какъ бы то ни было, но между русскими и грузинами есть глубокая внутренняя гармонія, — внутренне взаимное пониманіе и взаимное сочувствіе. Но внѣшнія наши отношенія съ грузинами, какъ и съ другими народностями, сильно попорчены, — попорчены, само собою разумѣется, политикой обрусѣнія. А между тѣмъ, грузины — народъ съ вполнѣ развитымъ національнымъ самосознаніемъ, опирающимся на давнюю, многовѣковую культуру, на такую же многовѣковую, нѣкогда блестящую, но

* Treitschke, „Politik", Bd. I S. 127.

затѣмъ не устоявшую въ борьбѣ съ азіатскимъ натискомъ государственность. Грузины совершенно далеки отъ всякихъ мыслей о «сепаратизмѣ», они нисколько не противятся культурной близости съ Россіей, — наоборотъ, чрезвычайно ею дорожатъ, но они хотятъ быть и оставаться грузинами, — они желаютъ имѣть полную свободу національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія, — они ради этого мечтаютъ объ «автономной» Грузіи подъ покровомъ и въ составѣ Россіи, и они надѣются получить все это ни отъ кого другого, какъ отъ Россіи, конечно, отъ Россіи свободной и демократической...

Армяне также старый культурный народъ на Кавказѣ, — также имѣвшій нѣкогда свое государство, но теперь раздѣленный между Россіей, Турціей и Персіей. Армяне, какъ и грузины, какъ и другія народности въ Россіи, не мало страдали отъ нашихъ притѣсненій, одно время — при Плеве — сильно обострившихся, — но все это не оставило злыхъ чувствъ къ намъ въ армянской народной психологіи. Въ настоящее время армянскій народъ поглощенъ одной пламенной заботой — заботой о своихъ единоплеменникахъ въ Турціи. Армяне хотятъ изъ армянскихъ областей Турціи создать «автономную» Арменію подъ протекторатомъ Россіи, и всѣ ихъ надежды въ этомъ отношеніи возложены на Россію. Въ Россіи они видятъ будущую спасительницу ихъ народа и его національной жизни. Не только нѣтъ теперь размолвокъ или неудовольствій между нами и армянами, но, наоборотъ, взаимное политическое согласіе достигло своей высшей степени.

Изъ народовъ, стоящихъ на высокой ступени культурнаго развитія и живущихъ въ предѣлахъ Россіи, мнѣ остается упомянуть еще только о нѣмцахъ. Задача, надо признаться, крайне тягостная въ настоящую минуту.

Изъ всѣхъ нашихъ національностей нѣмцы всегда были по внѣшности наиболѣе «лойяльны» въ отношеніи къ русскому государству, но въ то же время и наиболѣе отъ него замкнуты. Кромѣ лицъ нѣмецкой національности, разсѣянныхъ по Россіи и нерѣдко вполнѣ обрусѣвшихъ, всю массу нѣмецкаго населенія въ Россіи надо раздѣлить на двѣ части: «прибалтійскихъ бароновъ» (да позволено будетъ намъ пользоваться этимъ, конечно, не научнымъ, а житейскимъ терминомъ) и «нѣмцевъ-колонистовъ».

И тѣ и другіе находятся у насъ не въ стѣсненномъ, а, наоборотъ, въ привилегированномъ положеніи, пользуясь которымъ, они не только держатся отдѣльно отъ окружающаго ихъ населенія, но и относятся къ нему свысока. Я не хочу говорить здѣсь больше, я не хочу касаться этого, такъ называемаго, «нѣмецкаго засилья» въ нашей государственной и экономической жизни, которое, конечно, не есть одинъ только миѳъ, — я хочу говорить исключительно объ отношеніи нѣмецкаго населенія къ нашей государственности. Это отношеніе, какъ я уже сказалъ, до послѣдняго времени было лойяльнымъ и, вѣроятно, искренно лойяльнымъ, въ особенности со стороны давно уже у насъ поселившихся нѣмцевъ-колонистовъ. Но нынѣшняя война въ связи со стремленіями германизма вообще, конечно, не могла оставить всего въ прежнемъ положеніи. Несомнѣнно, что среди нѣмецкаго населенія Россіи не могли не оказаться элементы, ставшіе прямо работать въ пользу Германіи, — порукой намъ за это можетъ служить фактъ двойного подданства у нѣмцевъ, а также и та энергія, съ какой нѣмцы вообще использовали все, что имъ могло быть благопріятно въ странахъ ихъ противниковъ. Но согласимся, что такихъ, покинувшихъ позицію «лойяльности» по отношенію къ Россіи нѣмцевъ сравнительно немного, что они составляютъ исключеніе, а не общее правило, какъ среди остзейскихъ бароновъ, такъ и среди нѣмцевъ-колонистовъ. Все же нельзя не видѣть, что положеніе остальныхъ по отношенію къ Россіи, также какъ и положеніе Россіи по отношенію къ нимъ, весьма тягостное. Культурно и національно — они чужды Россіи, замкнуты отъ коренного населенія и близки Германіи. Они, можетъ быть, останутся до конца безукоризненными въ своемъ внѣшнемъ поведеніи по отношенію къ Россію, но внутренно, духовно, культурно — они не съ нами и не могутъ быть съ нами. Здѣсь передъ нами тяжелая національная драма, — такая же, какъ и драма славянскихъ національностей въ Австро-Венгріи, вынужденныхъ сражаться вмѣстѣ съ нѣмцами и венграми, иногда прямо противъ своихъ братьевъ по крови, какъ это имѣетъ мѣсто для поляковъ.

До извѣстной степени въ аналогичномъ положеніи съ нѣмцами находятся теперь и мусульмане въ Россіи, благодаря нашей войнѣ съ Турціей, — но — надо тотчасъ же подчеркнуть —

только до извѣстной степени, далеко не вполнѣ. Мусульмане, гдѣ бы они ни жили, не могутъ не быть огорчены предстоящей участью Турціи. Ибо Турція — это единственное крупное мусульманское государство, къ тому же, казалось, вступившее съ 1908 г. въ періодъ обновленія и прогресса. Поэтому паденіе Турціи не можетъ не быть, до извѣстной степени, душевной драмой для мусульманъ всего міра. Но, съ другой стороны, все же здѣсь передъ нами связь только религіозная, а не племенная и не національная. Наши мусульмане — не турки, а татары, сарты, узбеки, таджики, киргизы, башкиры и пр. Никогда они не разсчитывали быть въ составѣ Турціи, ихъ связь съ Россіей — давнишняя и прочная. Къ тому же они не могутъ не сознавать, что Турція, даже при побѣдѣ, стала бы только жертвой германизма и что теперь къ роковому концу ее влечетъ та же Германія. Не могутъ не сознавать они того, что Турція сама затѣяла эту войну, и при томъ по указкѣ Германіи, а не по собственной волѣ. Пройдетъ эта война, переживется мусульманами горечь паденія Турціи, а связь ихъ съ Россіей останется такой же прочной, какъ была донынѣ, конечно, при условіи, если Россія такъ же обезпечитъ свободу національнаго и религіознаго развитія мусульманамъ, какъ и другимъ народамъ. Тяжесть нынѣшнихъ переживаній для русскаго мусульманства скорѣе нравственная, чѣмъ политическая, въ происходящихъ событіяхъ рушатся не ихъ политическіе расчеты, а, скорѣе ихъ нравственныя ожиданія, что Турція будетъ съ честью занимать въ мірѣ положеніе большого мусульманскаго государства. Поэтому и трещина, проводимая здѣсь событіями между нами и нашими мусульманами, совсѣмъ иного свойства, чѣмъ трещина между нами и нѣмцами

Кромѣ перечисленныхъ уже мною національностей въ Россіи живетъ много другихъ племенъ и народностей, стоящихъ на значительно низшей ступени культурнаго развитія, отчасти даже вымирающихъ. Но и среди нихъ есть такія, которыя явно обнаруживаютъ признаки дальнѣйшаго національнаго развитія. Таковы, по общему признанію, въ особенности киргизы, буряты, якуты, можетъ быть, еще калмыки. Подъ культурнымъ воздѣйствіемъ Россіи въ нихъ возникаетъ своя національная интеллигенція, а вмѣстѣ съ нею пробуждаются и культурно-національныя стремленія, идетъ культурная работа и пр. Само собою разумѣется, что всѣ эти

зарождающіяся національности мыслятъ свою судьбу только въ предѣлахъ Россіи, въ тѣсной связи съ ея культурой, и они ждутъ удовлетворенія своихъ культурно-національныхъ стремленій отъ той же Россіи, надѣясь, что она, подъ вліяніемъ своей собственной дальнѣйшей эволюціи, измѣнитъ и свою нынѣшнюю политику въ національномъ вопросѣ.

Предыдущій обзоръ, надѣюсь, въ достаточной мѣрѣ показываетъ, что между Россіей и подавляющимъ большинствомъ (можетъ быть, за исключеніемъ однихъ нѣмцевъ) живущихъ въ ней народовъ нѣтъ никакого сколько-нибудь глубокаго государственнаго антагонизма. Всѣ эти народности, конечно, стремятся, и не могутъ не стремиться, къ обезпеченію себѣ свободы національнаго развитія, но они надѣются добиться его въ предѣлахъ и подъ покровомъ Россіи, не связывая своего національнаго дѣла ни съ какимъ «сепаратизмомъ». И даже тѣ національности, которыя для обезпеченія своего національнаго развитія считаютъ нужнымъ достигнуть «автономнаго» положенія въ государствѣ, вовсе не считаютъ этого безнадежнымъ въ Россіи, а, наоборотъ, твердо вѣрятъ въ то, что выполнивъ задачу своего собственнаго политическаго освобожденія, Россія, — новая, свободная Россія — дастъ «автономію» и тѣмъ своимъ народамъ, для которыхъ она будетъ составлять настоятельную національную потребность.

5.

Если бы кто-нибудь усомнился въ томъ, что я только что изложилъ объ отношеніи къ Россіи тѣхъ народовъ, которые въ ней и съ нею живутъ, — если бы кто-либо потребовалъ здѣсь, такъ называемыхъ, фактическихъ доказательствъ, то эти доказательства у насъ имѣются. Они заключаются въ томъ, что мы видѣли со стороны этихъ народовъ въ 1905—06 гг., а также въ томъ, что мы видимъ теперь, во время нынѣшней войны.

Время 1905—06 гг. — это было время, когда, по выраженію пресловутаго нововременскаго публициста В. В. Розанова, «начальство ушло», — когда всѣ на полной свободѣ говорили все, что хотѣли, и когда въ политической и соціальной области было, дѣйствительно, сказано все, что только имѣлось въ оборотѣ отвле-

ченной европейской мысли. Тутъ была и соціальная революція, и республика, и анархизмъ, и все, что угодно, — все, что кому вздумалось. Все это печаталось, говорилось на митингахъ, циркулировало въ обществѣ и въ народѣ безъ всякихъ препятствій. И, вотъ, въ эту единственную, совершенно исключительную эпоху русской жизни, мы не слышали только одного: мы не слышали ни отъ одной изъ нашихъ національностей, что она хочетъ уйти изъ Россіи, что она хочетъ устроиться за ея предѣлами. Наоборотъ, въ эту эпоху мы увидѣли неожиданное, поистинѣ удивительное зрѣлище братанія всѣхъ народовъ Россіи, какъ между собою, такъ и съ «державной» народностью государства. Всѣ народы какъ бы забыли на время о своихъ особыхъ задачахъ и интересахъ и слились въ одномъ порывѣ: общими усиліями перестроить Россію, чтобы она стала государствомъ свободнымъ, правовымъ, культурнымъ. И зрѣлище нашего освободительнаго движенія съ этой стороны было совершенно необыкновеннымъ.

Въ основѣ этого общаго порыва, этого полнаго сліянія и единенія въ общемъ дѣйствіи всѣхъ національностей Россіи, лежалъ, очевидно, фактъ довѣрія ихъ, какъ другъ къ другу, такъ и къ «державной» національности. Освободительное движеніе, поскольку оно исходило изъ нѣдръ этой державной національности, съ ясностью и безъ обиняковъ написало на своемъ знамени признаніе правъ и интересовъ всѣхъ «недержавныхъ» національностей, предоставленіе имъ полной свободы національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія, — и эти «недержавныя» національности вполнѣ этому повѣрили, — настолько повѣрили, что въ порядкѣ переустройства государства онѣ съ своей стороны согласились на первый планъ выдвинуть именно политическую реформу государства, и не требовали никакихъ особыхъ гарантій того, что вслѣдъ за политической реформой со стороны «обновленной Россіи» послѣдуетъ также и реформа національныхъ отношеній. Такъ, напримѣръ, формально поступило польское коло въ первой Думѣ; свой извѣстный проектъ польской автономіи оно внесло только уже во вторую Думу, гдѣ онъ могъ имѣть— это было уже очевидно тогда, — только одно декларативное значеніе.

И подъ вліяніемъ взаимнаго довѣрія рождался тогда энтузіазмъ, — энтузіазмъ, охватившій всѣхъ безъ изъятія, слившій во-

едино всѣ народы Россіи. Въ переживаніяхъ этого энтузіазма было совершенно ясно, что сепаратизма у насъ нѣтъ, нѣтъ ни у одной народности, — что всѣ народы Россіи вѣрятъ въ Россію, вѣрятъ въ то, что она перестанетъ быть для нихъ мачехой, а сдѣлается для всѣхъ родной матерью. И, можетъ быть, самой удивительной перемѣной въ этомъ отношеніи была перемѣна польскихъ настроеній по отношенію къ Россіи. А между тѣмъ о ней свидѣтельствуютъ сами поляки. Позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ статьи Людвига Кржевицкаго, помѣщенной въ извѣстномъ сборникѣ «Формы національнаго движенія», который краснорѣчиво рисуетъ, что происходило тогда въ русскихъ междунаціональныхъ отношеніяхъ.

«Казалось бы, — говоритъ названный авторъ, — что именно въ этотъ періодъ 1905—06 гг. возрастающихъ надеждъ, безпрерывныхъ демонстрацій, а въ скоромъ времени и стачекъ — политическихъ и экономическихъ — должны были бы съ неслыханной силой прозвучать тѣ лозунги, которые такъ демонстративно выдвигались на первый планъ въ періодъ времени 1895—1904 гг. Я имѣю въ виду требованіе независимой Польши и соединенный съ нимъ лозунгъ вооруженнаго возстанія. — Въ дѣйствительности же мы замѣчаемъ нѣчто совершенно другое — лозунги эти исчезаютъ... Націоналъ-демократія уже въ 1904 году отбрасываетъ требованіе независимой Польши, какъ ненужный балластъ. Польская соціалистическая партія колеблется, но, бросаясь въ круговоротъ событій, начинаетъ говорить объ автономіи... Со всей настойчивостью подчеркиваемъ мы, — продолжаетъ Л. Кржевицкій, — этотъ фактъ отказа отъ столь громкихъ еще недавно лозунговъ. Онъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ эти требованія были прежде всего реакціей противъ тогдашняго политическаго положенія. Пока не было никакой надежды на пріобрѣтеніе національныхъ правъ при сохраненіи связи съ Россійской Имперіей, до тѣхъ поръ только и оставалось мечтать о возстановленіи независимости. Но съ того момента, какъ открылась возможность улучшеній въ предѣлахъ Россійскаго государства, партіи эти отказались отъ своихъ прежнихъ постулатовъ. Общественное настроеніе подвинулось еще дальше. Можно было слышать голоса, выражающіе надежду, что какъ только Царство Польское прі-

обрѣтетъ права на свободное національное развитіе, — и въ Галиціи и особенно въ Познани должна сказаться естественная тяга къ объединенію съ Царствомъ Польскимъ, и что объединенныя провинціи войдутъ въ составъ Россійскаго государства, образуя въ немъ автономную единицу... Довѣріе къ Россіи было настолько сильно, что не безъ основанія немногочисленныя группы, сохранившія еще старую позицію, жаловались на то, что въ Польшѣ происходитъ примиреніе самаго худшаго сорта, именно «примиреніе» со всѣмъ русскимъ обществомъ. Дѣйствительно, сразу исчезли всѣ тѣ формы ограниченія, которыя раньше систематически поддерживались: во многія польскія семейства проложила себѣ дорогу русская газета, — явленіе, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ нельзя было себѣ даже представить, польское общество, — и это не менѣе странно — стало посѣщать русскій театръ въ Польшѣ. Это были, однако, вполнѣ естественныя явленія. Съ того момента, какъ открылась возможность свободно и открыто развивать свою собственную національную культуру, исчезло прежнее стихійное бойкотированіе произведеній русской культуры, ибо ее перестали отождествлять съ продуктами бюрократическаго творчества. — Вмѣсто разговоровъ о независимой Польшѣ, — заключаетъ Л. Крживицкій, — появился лозунгъ *автономіи* Царства Польскаго» *.

Позволю себѣ привести и еще одно свидѣтельство, относящееся къ тому же времени 1905—06 гг. «Замѣчательный фактъ: въ этотъ бурный моментъ не раздалось ни одного сепаратистскаго голоса, всѣ народы были охвачены однимъ чувствомъ, всѣ жаждали только свободы, всѣ жаждали національнаго самоопредѣленія» **.

Вотъ что было у насъ въ это незабываемое время 1905—1906 гг.: было всеобщее *братаніе* народовъ Россіи, было совершенно необыкновенное *сліяніе* ихъ въ общемъ порывѣ сдѣлать Россію свободной и демократической, въ увѣренности, что эта

---

* „Формы національн. движенія въ современ. государств.“, СПБ., 1910, стр. 350—351.

** Статья г. Л. Штернберга „Инородцы“, въ томъ же сборникѣ, стр. 536.

новая Россія не будетъ больше притѣснять національностей, что она дастъ полный просторъ ихъ національному развитію. И въ этомъ смыслѣ время 1905—06 гг., это наше русское освободительное движеніе — есть такая же прочная основа для нашего дальнѣйшаго государственнаго бытія въ *національномъ* отношеніи, какъ и въ отношеніи *политическомъ*. Въ это время русская государственная жизнь прошла черезъ великое испытаніе, какъ испытаніе *политическое*, такъ и испытаніе *національное*, — и она это испытаніе выдержала вполнѣ благополучно. На мѣстѣ этого испытанія какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и въ отношеніи національномъ не только не получилось разрыва, но наоборотъ, образовалась прочная спайка между всѣми элементами, составляющими Россію. Народная масса прочно связалась съ сознательными элементами страны, всѣ національности прочно связались, какъ между собою, такъ и съ національностью державной въ государствѣ. Здѣсь въ этомъ политическомъ и національномъ единеніи, тогда осуществившемся вполнѣ реально и съ неудержимой силой — прочный фундаментъ для нашего дальнѣйшаго государственнаго развитія. На такомъ фундаментѣ государственная постройка можетъ выдержать какую угодно высоту дальнѣйшаго замысла и дальнѣйшаго творческаго устремленія.

Но отношенію народовъ, населяющихъ Россію, къ тому государству, въ которомъ они живутъ, суждено было пройти и еще черезъ одно великое испытаніе. Это — испытаніе нынѣшней войной — настоящее огненное испытаніе для всѣхъ внутреннихъ скрѣпъ государства. И опять эти скрѣпы выдержали, выдержали также въ національномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи. Въ нынѣшней войнѣ Россію *защищаютъ*, кровью отстаиваютъ ея самостоятельное государственное существованіе, — *всѣ* національности, ее составляющія. И онѣ ее защищаютъ — мы можемъ сказать это со всей серьезностью и со всей правдивостью, подобающими столь необыкновенному и критическому моменту въ жизни государства — *не за страхъ, а за совѣсть*. Я не хочу опять вспоминать здѣсь *нѣмцевъ*. Поскольку они сохранили свою національную связь съ Германіей, — ихъ положеніе у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ они живутъ, напримѣръ, въ С.-А. С. Штатахъ, передъ лицомъ этой великой міровой драмы, затѣянной Германіей, чрезвычайно тягостное, — тягостное въ отношеніи къ

тѣмъ государствамъ, которыя являются противниками Германіи или даже занимаютъ положеніе нейтральныхъ. Нѣмцамъ трудно не помогать Германіи или, по крайней мѣрѣ, ей не сочувствовать въ этой борьбѣ, въ которой ею поставлено на карту все ея міровое положеніе. И мы не можемъ по этой причинѣ не питать сомнѣній по адресу нашихъ подданныхъ нѣмецкой національности и даже не принимать противъ нихъ извѣстныхъ мѣръ предосторожности. Но что касается всѣхъ остальныхъ нашихъ національностей, то мы можемъ только еще разъ съ великой радостью констатировать, что ихъ связь съ Россіей оказалась прочна и что они защищаютъ Россію такъ же, какъ ее защищаютъ коренные русскіе. Тамъ, на фронтѣ, что-то не слышно объ различіи русскихъ солдатъ по національностямъ, всѣ они въ боевой линіи составляютъ совершенно однородную массу, выполняютъ свой долгъ передъ родиной съ обычнымъ героизмомъ и съ обычной трогательной простотой, какъ это всегда дѣлала русская армія.

Такимъ образомъ, нынѣшняя война даетъ намъ высокое удовлетвореніе еще разъ убѣдиться въ томъ, что Россія вполнѣ крѣпка въ національномъ отношеніи, что живущія въ ней національности не тянутъ врозь, не желаютъ разложенія Россіи, а, наоборотъ, считаютъ нужнымъ сохраненіе ея цѣлости и независимости, и ради этого съ готовностью приносятъ всѣ тѣ жертвы, какихъ потребовала эта тяжелая война. Связь Россіи съ ея народами еще разъ запечатлѣвается кровью, кровью добровольно приносимою на алтарь общаго отечества и проливаемою въ такомъ количествѣ, какъ этого не было еще никогда . . .

6.

Итакъ, мы имѣемъ фактическія доказательства того, что народы, живущіе въ Россіи, вовсе не ищутъ выхода изъ нашего государства, вовсе не заражены, такъ называемымъ, сепаратизмомъ, а, наоборотъ, хотятъ оставаться въ этомъ государствѣ и надѣются именно въ немъ получить удовлетвореніе своихъ національныхъ стремленій.

И когда думаешь о томъ, что Россія, какъ государство, донынѣ, вѣдь, только притѣсняла въ національномъ отношеніи жи-

вущіе съ ней народы, что она еще и не приступала къ правильному разрѣшенію національнаго вопроса,—наоборотъ, все время упорно шла противъ такого разрѣшенія, то невольно испытываешь удивленіе по поводу этой приверженности народовъ Россіи къ нашему государству, приверженности, проходящей черезъ столь серьезныя испытанія. И не только фактъ этотъ вызываетъ наше удивленіе, но и невольный вопросъ: *чѣмъ* его объяснить? въ чемъ лежитъ разгадка того, что люди, притѣсняемые государствомъ, тѣмъ не менѣе тяготѣютъ къ нему и упорно надѣются, что они не *внѣ* его, а въ *немъ* найдутъ удовлетвореніе своихъ стремленій?

Я думаю, что здѣсь мы соприкасаемся съ самой *глубокой* стороной во всемъ этомъ вопросѣ о соотношеніи между Россіей и живущими въ ней народностями: въ національномъ вопросѣ Россіи. Да, это вѣрно: Россія, какъ государство, *притѣсняетъ* живущіе въ ней народы, она до сихъ поръ противилась ихъ національнымъ стремленіямъ, — но *русскій народъ,* и при томъ въ самой глубинѣ своего народнаго характера, въ самой основѣ своей народной души, не имѣетъ того, что здѣсь ужаснѣе и злостнѣе всего: не имѣетъ презрѣнія къ человѣку другой расы и другой національности. Исходящее отъ него притѣсненіе, когда оно имѣетъ мѣсто, лежитъ на поверхности, не выростаетъ изъ глубины, поэтому оно, хотя и несправедливо, но поправимо,— конечно, тяжело, но не такъ оскорбительно. Русскій человѣкъ можетъ выбранить человѣка другой національности, — можетъ даже его ударить, но это всегда только озорство, раздраженіе, пусть даже прямое насиліе, но въ этомъ никогда нѣтъ холоднаго презрѣнія къ другому человѣку, нѣтъ жестокаго, оскорбительнаго отношенія, которое окончательно разрываетъ связь между человѣкомъ и человѣкомъ, которое логически равносильно формулѣ: я — человѣкъ, а ты — нѣтъ. И эти свойства русскаго народнаго характера, несомнѣнно, глубоко чувствуются тѣми, кто съ нимъ приходитъ въ соприкосновеніе. Особенно они чувствуются тѣми народами, которые стоятъ на сравнительно низкихъ ступеняхъ культуры по сравненію съ самими русскими, — тѣми инородцами, которые принадлежатъ скорѣе Азіи, чѣмъ Европѣ. Въ этомъ смыслѣ Россія, дѣйствительно, есть посредница между Европой и Азіей. Россія лучше понимаетъ Азію, чѣмъ остальная Европа, и лучше

къ ней относится. И Азія тоже это чувствуетъ и это понимаетъ.

И вотъ въ этомъ-то и лежатъ самыя глубокія, уходящія въ область безсознательнаго, основы для правильнаго разрѣшенія у насъ національнаго вопроса. Государство наше притѣсняетъ инородцевъ, но они чувствуютъ, что въ этомъ притѣсненіи нѣтъ ничего непоправимаго, что оно идетъ не изъ народной глубины, и что когда эта глубина народная выйдетъ на поверхность, получитъ возможность проявлять свои глубокія свойства, то это измѣнитъ всю картину національныхъ отношеній въ Россіи. Народы Россіи чувствуютъ, что нынѣшнее разрѣшеніе національнаго вопроса въ государствѣ — не принципіальное и не окончательное, а временное и случайное, что корни его не глубоки, а, наоборотъ, тамъ, на глубинѣ, такое отношеніе къ людямъ другихъ національностей, которое обѣщаетъ иное разрѣшеніе національнаго вопроса. И другія національности *ждутъ* этого иного разрѣшенія, онѣ въ него *вѣрятъ* и онѣ на него *надѣются*. Вотъ почему онѣ любятъ это государство, которое нерѣдко причиняетъ имъ столько горя, и онѣ хотятъ сохранить его въ цѣлости и неприкосновенности. Это потому, что онѣ любятъ русскій народъ, любятъ его въ лицѣ русскаго мужика, съ одной стороны, и въ лицѣ русскаго интеллигента, съ другой. Для народовъ, съ нами живущихъ, образъ русскаго народа, его лучшее воплощеніе — это Толстой, одновременно самый коренной русскій мужикъ и самый типичный русскій интеллигентъ, — Толстой — вмѣстѣ и самая глубокая глубина, и самая высокая высота русскаго народа. Они вѣрятъ, что народъ, который изъ нѣдръ своихъ выдвинулъ Толстого, не можетъ быть народомъ притѣснителемъ. И хотя все кругомъ этому сейчасъ противорѣчитъ, но тѣмъ не менѣе этотъ выводъ, вѣроятно, и есть самый правильный. Порукой этому то, что самый этотъ выводъ, столь противорѣчащій фактамъ сегодняшняго дня, идетъ изъ глубины вѣковыхъ переживаній народнаго сожительства, — тѣхъ переживаній, которыя оставляютъ свои слѣды въ самой глубинѣ безсознательнаго и рождаютъ тамъ вѣру, которая вѣритъ, вопреки доводамъ поверхностнаго разсудка.

7.

Вотъ данныя Россіи въ національномъ вопросѣ. Вотъ ея огромный многонаціональный составъ. Вотъ отношеніе къ ней народовъ, въ ней живущихъ. Вотъ коренное, глубокое отношеніе самого русскаго народа къ другимъ народамъ. Какіе же изъ всего этого выводы?

Я думаю, что выводъ изъ всего этого *можетъ* и *долженъ* быть только одинъ: Россія можетъ и должна стремиться къ тому, чтобы стать «великимъ» государствомъ въ описанномъ выше смыслѣ этого слова. Идеалъ «великой» Россіи, такъ понимаемый, не есть для Россіи ни химера, ни мечта, ни пустая претензія. Нѣтъ, это реальная цѣль, которую мы должны поставить передъ нашимъ государственнымъ развитіемъ. Для достиженія этой цѣли у насъ есть всѣ данныя, нужна только добрая воля работать въ эту сторону. «Судьба людей и націй, пока они живы, въ ихъ доброй волѣ», — говоритъ Владиміръ Соловьевъ. И это совершенно вѣрно. Идеалъ «великой» Россіи мы должны выдвинуть, какъ предметъ нашего государственнаго честолюбія, какъ предметъ нашей твердой государственной воли. И если мы это сдѣлаемъ, то самыми ревностными нашими сотрудниками въ этомъ дѣлѣ сдѣлаются всѣ другіе народы, вмѣстѣ съ нами живущіе. Позволю себѣ привести здѣсь по этому поводу личную справку.

Идеалъ «великой» Россіи, понимаемый такъ, какъ это выше изложено, мнѣ не разъ приходилось излагать публично въ лекціяхъ по національному вопросу, которыя я не разъ читалъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Не могу, съ сожалѣніемъ, не констатировать, что въ коренныхъ русскихъ городахъ интересъ къ національному вопросу не очень великъ. На меня всегда производило впечатлѣніе, что коренное русское населеніе по отношенію къ національному вопросу находится еще въ состояніи «святой невинности», оно еще и «не подозрѣваетъ» всего его значенія для русскаго государственнаго бытія, оно все цѣликомъ поглощено «правовыми» государственными вопросами. Но въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ, — тамъ, гдѣ національный вопросъ «болитъ» въ букваль-

номъ смыслѣ этого слова, интересъ къ нему жгучій и сознательность по отношенію къ нему весьма высока. И, вотъ, именно здѣсь идея «великой» Россіи, какъ я ее понимаю и излагаю, всегда встрѣчала горячее и всеобщее сочувствіе. Я могу засвидѣтельствовать объ этомъ непосредственно. Послѣ своихъ лекцій мнѣ не разъ приходилось вести откровенныя бесѣды съ представителями разныхъ національностей Россіи; въ этихъ бесѣдахъ они излагали свои жалобы на русскія притѣсненія, они страстно отстаивали свои права на національное существованіе, но когда дѣло доходило до излагавшагося мною идеала «великой» Россіи, они безъ оговорокъ къ нему присоединялись; они заявляли, что этотъ идеалъ они готовы признать своимъ, готовы работать для него изо-всѣхъ силъ, потому что онъ вполнѣ удовлетворяетъ то, что имъ дороже всего: ихъ національныя стремленія, — потому что онъ и для нихъ сдѣлаетъ Россію такимъ же «отечествомъ», какимъ она является для самого русскаго народа. — И не возникало на этой почвѣ даже никакихъ недоразумѣній. Признаюсь, я опасался этихъ недоразумѣній, — я боялся, что обращеніе къ инородцамъ, да еще терпящимъ притѣсненія въ Россіи, — обращеніе къ нимъ съ идеаломъ «великой» Россіи можетъ быть сочтено ими за проповѣдь обрусѣнія, но только болѣе тонкаго, если можно такъ выразиться: болѣе хитро подстроеннаго обрусѣнія. Но къ своему удовольствію могу засвидѣтельствовать, что мои опасенія абсолютно нигдѣ не оправдались. Всѣ наши національности ничего не имѣютъ противъ того, чтобы быть составной частью «великой Россіи», чтобы всѣмъ имъ помѣститься въ этомъ общемъ зданіи, но онѣ хотятъ, чтобы эта «великая Россія» была для нихъ «отечествомъ», чтобы онѣ нашли въ ней удовлетвореніе своимъ національнымъ стремленіямъ. И такъ какъ моя основная мысль заключается въ томъ, что Россія только тогда и можетъ стать «великой», когда она это выполнитъ, когда она сдѣлается «отечествомъ» для всѣхъ своихъ народовъ, то — повторяю — недоразумѣній здѣсь не возникало, идеалъ «великой Россіи» цѣликомъ принимался представителями «недержавныхъ» національностей. И этотъ фактъ краснорѣчиво указываетъ на то-же, о чемъ я говорилъ и раньше: въ Россіи нѣтъ «сепаратизмовъ», а есть только желаніе сдѣлать Россію, по выраженію покойнаго Антона

Менгера, «удобныхъ обиталищемъ» для всѣхъ живущихъ въ ней народовъ. И если бы наша государственная жизнь, дѣйствительно, направилась въ эту сторону, то у насъ не стало бы національныхъ антагонизмовъ, — всѣ силы огромнаго многонаціональнаго государства направились бы къ одной цѣли: развитію и процвѣтанію Россіи, какъ цѣлаго. И Россія выросла бы тогда въ огромный, могучій, своеобразный міръ среди человѣчества, — міръ, въ которомъ кипѣла бы разносторонняя и дружная культурная работа по всѣмъ направленіямъ: использованы были бы ея неисчерпаемые естественные рессурсы, обезпечено было бы благосостояніе ея населенія и на основѣ всего этого развернуты были бы ея духовныя силы, создана была бы духовная культура, объединяющая Западъ съ Востокомъ, осуществляющая взаимное пониманіе и взаимное уваженіе между этими двумя великими частями человѣчества.

Въ этомъ нашъ естественный и законный государственный идеалъ — другого у насъ быть не можетъ. Или мы будемъ жить изо-дня въ день, безъ всякой великой идеи въ нашей государственности, съ мелкими и жалкими цѣлями притѣсненія другихъ народностей, съ постоянными внутренними раздорами на національной почвѣ, — или мы усвоимъ себѣ идеалъ «великой» Россіи, какъ онъ описанъ выше, и тогда передъ нами откроются перспективы настоящаго мірового величія, — такой огромной роли въ міровой исторіи, съ которой можно будетъ мѣряться только очень немногимъ другимъ народамъ. Россія займетъ тогда одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ человѣчества, займетъ его безъ протеста противъ этого со стороны другихъ народовъ, живущихъ внѣ ея, при общемъ одобреніи и содѣйствіи народовъ, живущихъ внутри ея. И станетъ она тогда дѣйствительно великимъ міровымъ факторомъ, «оправдаетъ» свою величину и свое огромное мѣсто на земномъ шарѣ дѣйствительно «достойнымъ» существованіемъ.

Въ стремленіи къ этому должно заключаться наше государственное честолюбіе, долженъ состоять нашъ государственный и національный эгоизмъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ намъ надо перестроить и нашъ русскій патріотизмъ. Изъ мелкаго, заполненнаго домашними дрязгами, не имѣющаго передъ собою другой цѣли, кромѣ притѣсненія другихъ народовъ, яко бы во славу и

благоденствіе народа державнаго, — его надо сдѣлать большимъ, стремящимся дѣйствительно къ великимъ государственнымъ цѣлямъ, одушевленнымъ идеаломъ, выдвигаемымъ человѣческой жизнью въ ея міровомъ развитіи, достойнымъ народа, поставленнаго судьбою и своей предшествующей исторіей во главѣ многихъ другихъ народовъ. Изъ нашего патріотизма намъ надо выбросить эту животную, импульсивную, зоологическую вражду къ другимъ народамъ, которой его такъ усердно начиняли до сихъ поръ, и надо заполнить его сознательно-благожелательнымъ, человѣческимъ и человѣчнымъ отношеніемъ къ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ нами живетъ въ нашемъ государствѣ. Надо понять, что положеніе народа, стоящаго во главѣ многихъ другихъ народовъ, — *обязываетъ,* обязываетъ къ разуму, самообладанію, справедливости, великодушію, — и не только во имя *другихъ,* но и во имя *самихъ себя,* чтобы *сохранить* свое положеніе во главѣ другихъ народовъ.

Если бы надо было изобразить положеніе у насъ національнаго вопроса въ формѣ діалога, то я сказалъ бы такъ:

Національности, вмѣстѣ съ нами живущія, могли бы намъ сказать: мы не просимъ отъ васъ ни милости, ни жертвы, — мы хотимъ только своего права, мы требуемъ справедливости.

А русскій народъ имѣетъ всѣ основанія имъ на это отвѣтить: съ моей стороны возраженій противъ этого нѣтъ, я съ этимъ вполнѣ согласенъ, это какъ разъ мнѣ по пути.

Вѣдь, съ государственной точки зрѣнія національный вопросъ есть вовсе не вопросъ инородческій, а вопросъ, стоящій передъ главной, державной народностью. Это вопросъ о томъ, что она хочетъ сдѣлать со своей государственностью, куда и къ какимъ цѣлямъ хочетъ ее направить. И въ этомъ смыслѣ — это не вопросъ чувствъ или сантиментальности, а именно вопросъ политическаго разума, политическаго пониманія, — я даже готовъ сказать: политическаго честолюбія и политическаго эгоизма господствующей въ государствѣ національности, — чего она хочетъ: историческаго величія, великой міровой роли для своего государства, — или же его жалкаго прозябанія въ ежедневной мелкой внутренней враждѣ, въ постоянномъ антагонизмѣ между собою внутреннихъ государственныхъ и культурныхъ силъ.

Государственный разумъ, государственный эгоизмъ требу-

етъ того, чтобы господствующій въ государствѣ народъ, руководя своей государственной жизнью, направлялъ ее къ удовлетворенію интересовъ всѣхъ въ немъ живущихъ, ибо безъ этого государство не можетъ вырастать и крѣпнуть. Эта истина по отношенію къ отдѣльнымъ человѣческимъ личностямъ уже достаточно сознана: современное государство понимаетъ, что оно не можетъ быть внутренно крѣпкимъ безъ гражданскаго равноправія, безъ прочнаго обезпеченія въ немъ правъ человѣческой личности. Но то же самое необходимо и по отношенію къ правамъ національностей: государство, претендующее на міровую роль и міровое развитіе, не должно идти въ разрѣзъ съ ними, оно должно ихъ въ себя воспринять и ихъ въ себѣ удовлетворить, иначе въ немъ будетъ постоянное противорѣчіе, которое всегда будетъ источникомъ его ослабленія и внутренняго разложенія. — Да позволено будетъ пояснить эту мысль сравненіемъ. Старая торговля стояла на принципѣ: не обманешь, не продашь, т. е. на противоставленіи интересовъ покупателей интересамъ продавцовъ. Новая торговля стоитъ на обратномъ: на томъ, чтобы правильно удовлетворять интересы покупателей, потому что только при этомъ условіи возможенъ прочный ростъ торговли, возможно превращеніе ея изъ мелкой и мѣстной — въ крупную и міровую. Крупная, міровая торговля не можетъ быть построена на антагонизмѣ покупателей съ продавцами, ибо истинная функція торговли заключается въ согласованіи и удовлетвореніи взаимныхъ интересовъ ея участниковъ, и только тогда, когда это было понято, торговля стала принимать грандіозные размѣры.

Но, вѣдь, то же самое надо сказать и о государственной жизни. Чтобы получить крупный масштабъ, чтобы выйти на міровую арену, она должна правильно удовлетворять интересы всѣхъ, кто живетъ въ государствѣ, иначе государство или будетъ оставаться малымъ, или, становясь большимъ, не будетъ прочнымъ. Выбора здѣсь нѣтъ, какъ и въ торговлѣ, по отношенію къ принципу обмана: большая государственность не можетъ держаться на притѣсненіи тѣхъ, кто въ ней живетъ. Тамъ обманъ, здѣсь притѣсненіе — это внутреннее противорѣчіе, функція государства заключается въ согласованіи интересовъ всѣхъ, въ немъ живущихъ, и государство, идущее наперекоръ этой функ-

ціи, не можетъ дать всего того развитія, какое для него возможно и къ которому оно предназначено. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ это въ настоящее время понимаютъ, и не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ Европы, и тотъ великій міровой кризисъ, который теперь переживается человѣчествомъ, тѣсно связанъ именно съ этимъ непониманіемъ. Позволю себѣ въ заключеніе остановиться на этомъ вопросѣ, потому что отъ исхода нынѣшняго мірового кризиса будетъ зависѣть все дальнѣйшее государственное развитіе человѣчества.

8.

Если вдуматься въ происходящую нынѣ въ нѣдрахъ человѣчества жестокую и, несомнѣнно, рѣшающую для судебъ его войну, то нельзя не признать, что съ внутренней, идейной стороны, это есть больше всего война между *Англіей* и *Германіей*. Это наше великое счастье, что и наша борьба съ Германіей, — можетъ быть, надо сказать общѣе: борьба славянства съ германствомъ — попала въ это же русло.

Въ самомъ дѣлѣ, государственная жизнь, въ своемъ міровомъ развитіи, выдвинула къ нашимъ днямъ два могучихъ и, по-своему, соблазнительныхъ и соблазняющихъ образца или типа государственной жизни: одинъ въ лицѣ Германіи, другой въ лицѣ Англіи. Одинъ — основанный на авторитетѣ, на власти, на силѣ. Другой — основанный на свободѣ и самоуправленіи. Конечно, и авторитетъ, и власть, и сила есть въ Англіи — но они здѣсь на второмъ планѣ, на подчиненномъ мѣстѣ, не они опредѣляютъ собою государственную жизнь, а она ихъ собою опредѣляетъ. Въ Германіи какъ разъ наоборотъ: власть и сила выдвинуты на самое первое мѣсто и государственная жизнь находится въ полномъ имъ подчиненіи.

На этихъ же основахъ: власти, силы, авторитета Германія желаетъ строить и дальнѣйшее расширеніе своей государственной жизни, а также хочетъ подчинить имъ и международныя отношенія. Германія желаетъ стать большой, «великой» Германіей, расшириться далеко на востокъ, на югъ и на западъ, но она желаетъ сдѣлать это такъ же, какъ она уже построена сама.

Во главѣ Германіи стоитъ Пруссія, и стоитъ властно и сильно. По выраженію императора Вильгельма I, вся германская имперія есть только «продолженная Пруссія» («verlängertes Preussen»); и вотъ, теперь, по замыслу императора Вильгельма II, чуть ли не вся Европа должна сдѣлаться «продолженной Германіей». Но, конечно, власть и сила прусскихъ нѣмцевъ надъ остальными нѣмцами — это одно, а власть и сила нѣмцевъ надъ другими народами — это совсѣмъ другое. Быть Германіи — «продолженной Пруссіей» — это еще куда ни шло, но быть полякамъ, русскимъ, чехамъ, сербамъ, бельгійцамъ, французамъ, англичанамъ — «продолженной Германіей», или всегда дрожать передъ ея силой — это уже абсолютно невыносимо.

И, вотъ на этой почвѣ въ человѣчествѣ возникла борьба, борьба жестокая, неслыханная, борьба рѣшающая, — и *за что же?* — за иной, не германскій, типъ государственной и международной жизни; за тотъ типъ, который воплощенъ и развивается въ исторіи Англіи; за типъ внутренней политической жизни, насквозь проникнутой началами свободы, за типъ власти, построенной на гражданскомъ самоуправленіи, за типъ національной жизни въ государствѣ, тяготѣющей къ федераціи, наконецъ, за типъ международныхъ отношеній, покоящихся на основахъ взаимнаго уваженія и взаимной уступчивости народовъ.

Нынѣшняя война рѣшитъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дальнѣйшую судьбу человѣчества. Если бы побѣда досталась Германіи, то это и значило бы, что человѣческая жизнь рѣшительно перемѣщается на прусскія основы, — что человѣчество будетъ жить, какъ живетъ несовершеннолѣтній — подъ ферулой авторитета, власти и силы. Наоборотъ, если побѣдятъ противники Германіи, то съ внутренней, идейной стороны, это будетъ прежде всего и больше всего побѣда Англіи, — побѣда началъ свободы и самоуправленія въ человѣчествѣ, надъ началами подчиненія и силы, это будетъ какъ бы освобожденіемъ *совершеннолѣтняго* человѣчества отъ той опеки и принужденія, въ которыхъ Германія хотѣла бы его держать безконечно.

И когда эта побѣда наступитъ, тогда останется только ***одинъ*** образецъ могучаго, великаго государственнаго развитія; другой сойдетъ со сцены, сокрушенный въ своихъ безжалостныхъ, кровавыхъ усиліяхъ создать что-то въ родѣ новой римской импе-

ріи, которая пространствомъ была бы не меньше старой, и которая, какъ и старая, держалась бы на силѣ, но силѣ вооруженной всей техникой XX столѣтія. Побѣда въ этой борьбѣ будетъ одержана человѣкомъ, отстаивающимъ свою *свободу*, не желающимъ подчиниться насилію, — человѣкомъ, который достигъ *совершеннолѣтія*, и не желаетъ, чтобы его опекали, какъ малолѣтняго. Государствомъ и отечествомъ такихъ людей является, конечно, Англія, — и потому Англія будетъ главнымъ идейнымъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ. Глаза людей тогда раскроются,— мы всѣ воочію увидимъ, что истинная основа государственной жизни есть *свобода*, а не *сила*, — *англійское* государственное развитіе сдѣлается единственно привлекательнымъ для людей, оно станетъ *направляющимъ* во всей дальнѣйшей государственной жизни народовъ. Германское «навожденіе» въ государственной жизни сгинетъ окровавленное и проклинаемое человѣчествомъ, а ясный и свѣтлый англійскій образецъ останется одинъ передъ глазами, какъ всеобщій приматъ для подражанія. И это будетъ кореннымъ переломомъ во всей государственной жизни человѣчества.

Однако — увы! въ настоящую минуту мы еще далеки отъ этого перелома. Намъ еще надо бороться за его наступленіе, и наступитъ ли оно или нѣтъ, — это будетъ зависѣть отъ мѣры и настойчивости нашихъ усилій. Если мы не дадимъ этихъ усилій въ полной мѣрѣ, то онъ можетъ и не наступить, — объ этомъ надо помнить теперь, ибо потомъ раскаиваться будетъ уже поздно. Участь человѣчества рѣшается теперь, въ этой борьбѣ. О «великой» Англіи, о «великой» Россіи, въ томъ смыслѣ, какъ мы говорили выше, уже не можетъ быть и рѣчи, если побѣдитъ Германія, — тогда будетъ только великая Германія, — «великая» совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, — Германія, которая наложитъ свой бронированный кулакъ на всѣ остальные народы міра . . .

И потому въ настоящую минуту только одно рѣшеніе: борьба, борьба до конца въ этотъ роковой часъ великаго кризиса въ жизни человѣчества, — борьба за его рѣшительный переломъ въ сторону свободы, — борьба подъ знаменемъ «великаго» государства, основаннаго на дружномъ сожительствѣ народовъ. Что этого знамени никогда не склонятъ передъ нѣмцами англичане, что они не заключатъ иного мира, какъ только побѣднаго, что

они предпочтутъ умереть, но не подчиниться германскому кулаку — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но надо, чтобы такъ же вели эту борьбу и другіе союзники, надо, чтобы такъ же вела ее и Россія, и при томъ въ лицѣ всѣхъ своихъ народовъ. Ибо только побѣда надъ Германіей откроетъ намъ ту перспективу «великой» и вмѣстѣ свободной, національно-дружной Россіи, которая будетъ нашимъ общимъ идеаломъ послѣ этой борьбы.

Н. А. Гредескулъ.

II.

Отдѣлъ историко-литературный.

Литература Финляндіи.

I.

Происхожденіе финновъ.

Въ нѣдрахъ Сибири, у подножья Алтая стояла колыбель финскаго народа. Отдаленными своими родственниками онъ можетъ считать самоѣдовъ, тюрко-татаръ, монголовъ, манджуровъ и тунгузовъ, въ ближайшемъ же родствѣ съ нимъ стоятъ лопари, зыряне, вотяки, остяки, вогулы, венгерцы (угры) и др. По двумъ братьямъ, вышедшимъ, такъ сказать, въ люди, эту послѣднюю семью принято называть финно-угорской.

Когда финно-угорская семья распалась и отдѣльные ея члены разбрелись во всѣ четыре стороны, финны поселились въ сердцѣ восточно-европейской равнины. При послѣдующемъ ихъ размноженіи и разселеніи финны распались на двѣ группы: западные заняли бассейны Березины, сѣвернаго Днѣпра и Припяти, а восточные поселились въ бассейнѣ Оки и въ верхнемъ Поволжьѣ. Послѣдніе остались въ сторонѣ отъ европейской культуры и вплоть до сего дня сохранили свой элементарный образъ жизни, свои наряды, свои пѣсни и повѣрья. Это мордва и черемисы, для которыхъ потокъ времени уподобился какому-то вѣковому сну. Какъ различна съ ихъ умственной дремотой судьба западныхъ финновъ! Подъ вліяніемъ переселенческихъ движеній славянъ, они были принуждены отойти на сѣверъ вплоть до береговъ Балтійскаго моря. Здѣсь они столкнулись со скандинавами, и это когда мирное, когда враждебное общеніе съ народомъ, уже много столѣтій находящимся въ торговыхъ сношеніяхъ со средиземнымъ культурнымъ районамъ, впервые пробудило ихъ самосознаніе. Началось развитіе, умственное и экономическое, поднимавшее западныхъ финновъ все выше и выше по ступенямъ

цивилизаціи. Часть ихъ — курляндцы, ливы и эсты — остались жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они впервые вышли на большую дорогу, и живутъ тамъ понынѣ, другая же подвинулась еще дальше на сѣверъ, карелы (Karjalaiset) — облегая Ладожское озеро, Ямь (Hämälaiset) — осѣдая въ центральной Финляндіи, а Сумь (Suomalaiset) — населяя часть восточнаго берега Ботническаго залива около Раумы и Ньюстада. Ямь при своемъ переѣздѣ могла отчасти переправиться и моремъ черезъ Финскій заливъ, Сумь почти навѣрное пользовалась воднымъ путемъ.

Поселившись въ Финляндіи, финны не только не избавились отъ скандинавскаго вліянія, но напротивъ вступили съ этой чуждой расой въ еще болѣе близкое сношеніе. Оландскіе острова и часть финляндскаго прибрежья уже съ каменнаго вѣка посѣщались шведскими колонистами. Особенно густой волной послѣдніе потянулись начиная съ VIII вѣка, но ограничивались шхерами и прибрежной полосой въ 10—20 километровъ ширины. Лишь въ XIII вѣкѣ началось болѣе систематическое подчиненіе Финляндіи шведами, и съ этого времени строились замки-твердыни въ Обу, Тавастгусѣ, Нейшлотѣ, Выборгѣ и другихъ мѣстахъ, еще донынѣ поражающіе пріѣзжающаго своей суровой, мощной архитектурой.

Скандинавы прозвали Сумь, съ которыми имъ прежде всего приходилось встрѣчаться, финнами. Это названіе, вѣроятно, означаетъ то же самое, что и Сумь (Suomalaiset), т. е. обитатели болотъ, и вошло въ употребленіе у классическихъ писателей, начиная съ Тацита, называющаго народъ Fenni. Такъ какъ Сумь была самымъ западнымъ финскимъ племенемъ, чаще и ранѣе другихъ сталкивавшимся со шведами, то и Suomi стало обозначеніемъ всей страны на финскомъ языкѣ, а Suomalaiset названіемъ ея обитателей вообще, распространеннымъ и на Ямь, и на кареловъ. Финны и Finland шведскія имена, отъ которыхъ получились латинская форма Finlandia, а Fennia образованіе, восходящее къ варіанту Тацита — Fenni.

II.

Финское пѣснетворчество.

Отъ соприкосновенія съ чужими народностями, отъ тягостныхъ передвиженій и множества новыхъ впечатлѣній, встрѣчавшихся

на далекомъ пути отъ Полѣсья до Финляндіи, проснулась и творческая мысль финновъ, исходя изъ скромныхъ начинаній, сложившихся еще въ прародинѣ. Тамъ зародилась та религія шаманизма, которая у болѣе обездоленныхъ въ смыслѣ раціональнаго просвѣщенія сородичей дожила до нашихъ дней, принявъ причудливыя формы, у другихъ же постепенно затеривалась, уступая мѣсто христіанству и оставляя слѣдъ лишь въ поэтическомъ творчествѣ. Такъ возникли заклинанія (loitsurunot), которыми въ старину пользовался колдунъ. По повѣрью финновъ, особенной силой надъ какимъ-нибудь предметомъ или явленіемъ обладалъ тотъ, кто зналъ его происхожденіе. Въ виду этого образовались пѣсни о происхожденіи (syntysanat), которыя примѣнялись для колдовства. Главный герой финскаго народнаго эпоса, Вейнемейненъ также иногда выступаетъ въ роли заклинателя. Однажды онъ на едва окрѣпшемъ льду озера сталкивается санями съ молодымъ Юкахайненомъ. Вейнемейненъ предлагаетъ ему вступить въ словесное состязаніе. Юкахайненъ хвастается тѣмъ, что помнитъ то время, когда вспахивали и засѣвали морское дно, когда камни нагромождались на немъ и когда впервые волны покатились къ берегу. (Очевидно, въ этомъ вопросѣ и коренится то знаніе, которое придаетъ колдуну чрезвычайную силу.) Вейнемейненъ отвѣчаетъ, что все это дѣло его рукъ, и начинаетъ пѣть-ворожить:

Онъ запѣлъ, и разрослися
На дугѣ лапландца вѣтки,
На хомутъ насѣла ива,
На шлеѣ явилась верба.
Позолоченныя сани
Стали тальникомъ прибрежнымъ,
Кнутъ жемчужный обратился
Камышомъ на побережьи;
Конь лапландца бѣлолобый
Сталъ скалой у водопада.

Тогда Юкахайненъ сдается и проситъ Вейнемейнена вернуть все въ прежнее состояніе, обѣщая ему свою сестру въ жены. — Настолько велико значеніе колдовства въ финскомъ народномъ пѣснопѣніи, что терминъ „руна“ считали заимствованнымъ изъ скандинавскихъ языковъ въ смыслѣ заклинанія, но, вѣроятнѣе всего, „руна“ означала всегда только пѣснь.

Старыя пѣсни, какого бы содержанія онѣ ни были, сложены на одинъ и тотъ же размѣръ, напоминающій четырехстопный хорей и отличающійся повтореніемъ согласныхъ въ ударяемыхъ слогахъ (т. е. аллитераціей). Напримѣръ:

Tule tänne, pieni lintu.
Lennä tänne, linti rukka. *

Пѣсни лирическаго содержанія обыкновенно пѣлись однимъ лицомъ, эпическія же пѣсни исполнялись двумя пѣвцами. Они садились другъ противъ друга, брали другъ друга за обѣ руки и, раскачиваясь, пѣли: одинъ начинаетъ, на третьей стопѣ подхватываетъ другой пѣвецъ съ тѣмъ, чтобы одному уже повторить весь стихъ; тѣмъ временемъ первый обдумываетъ слѣдующій стихъ, начинаетъ его, а второй подхватываетъ и повторяетъ. Этотъ способъ исполненія отзывается, конечно, далекой древностью.

Эпическія пѣсни создали изъ первоначальныхъ демона вѣтра и водяного красочныхъ героевъ Ильмаринена и Вейнемейнена, ковача и пѣвца, къ которымъ еще присоединяется удалой охотникъ Лемминкейненъ. Вейнемейнену приписывается какое-то миѳическое значеніе; онъ участвуетъ при строеніи міра и уѣзжаетъ изъ Финляндіи, когда долженъ былъ родиться Іисусъ Христосъ. Вообще же эпическія пѣсни финновъ воспѣваютъ столкновеніе двухъ враждебныхъ другъ другу народовъ: Калевалы и Похьолы. Въ послѣдней странѣ господствуетъ злая Луохи. Герои Калевалы ѣдутъ въ Похьолу свататься за красавицу-дочь и подвергаются здѣсь разнымъ испытаніямъ. Другимъ предметомъ спора служитъ Сампо, загадочная мельница, искусно сдѣланная Ильмариненомъ такъ, что мелетъ золото и все, что угодно. Когда герои везутъ въ лодкѣ Сампо, Луохи прилетаетъ и набрасывается на нихъ. При этомъ Сампо разбивается; часть обломковъ идетъ ко дну, другая уносится морскими волнами. Кромѣ свадебныхъ поѣздокъ въ Похьолу и споровъ изъ-за Сампо, другія пѣсни, и можетъ быть, лучшія въ художественномъ отношеніи, посвящены побочнымъ эпизодамъ, напримѣръ, тревогѣ матери по поводу гибели Лемминкейнена и возвращенію его къ жизни благодаря ея стараніямъ, или увлеченію Вейнемейнена молодой Айно и самоубійству послѣдней. Самымъ

* Приди сюда, маленькая птичка; прилети сюда, птица-бѣдняжка.

глубокимъ въ смыслѣ психологическаго откровенія эпизодомъ является разсказъ о Куллерво. Это Гамлетъ финскаго эпоса. И не только по мотиву мести. Профессоръ Э. Сетеле доказалъ, что пѣсни о Куллерво черпали свой сюжетъ изъ скандинавскаго преданія, подобнаго тому, которымъ воспользовался датскій историкъ Саксонъ въ своемъ повѣствованіи о Гамлетѣ. Такимъ образомъ, передъ нами эпическое преданіе, на одномъ полюсѣ вдохновившее величайшаго драматурга-художника на самое интересное его произведеніе, а на другомъ поднявшее народныхъ пѣвцовъ до высшаго своего созданія.

Расцвѣтъ финскаго народно-эпическаго творчества совпалъ съ проповѣдью христіанства въ Финляндіи. Это доказывается многими христіанско-легендарными мотивами, вошедшими въ финскій эпосъ. Выше мы упомянули пѣснь о рожденіи Іисуса Христа. Убитый и вновь ожившій Лемминкейненъ, какъ это доказалъ профессоръ К. Кронъ, является отраженіемъ Христа подобно тому, какъ скандинавскій Бальдеръ сталъ отображеніемъ Христа въ эддическомъ преданіи. Такимъ образомъ, Лемминкейненъ — Христосъ — Бальдеръ одна изъ формулъ своеобразнаго претворенія христіанско-легендарныхъ мотивовъ въ языческое по существу эпическое преданіе. Столкновеніе съ христіанствомъ не только не отразилось пагубно на народномъ творчествѣ, коренящемся въ глубокомъ язычествѣ, но, напротивъ, влило въ него свѣжую силу, побудивъ обращенныхъ приноровить новыя легенды къ старому преданію. Такъ, въ странахъ Средиземнаго моря античные мотивы переплелись съ христіанскими, образъ Аполлона далъ земныя черты для Христа, а культъ лунной богини Селены - Елены перешелъ въ поклоненіе Мадоннѣ; на скандинавскомъ сѣверѣ ученіе о гибели и возрожденіи міра развилось подъ вліяніемъ христіанства, и Локи приблизился къ облику Сатаны по мѣрѣ того, какъ Бальдеръ уподобился Христу; а въ финскомъ эпическомъ преданіи Лемминкейненъ и Марьятта (т. е. Марія) являются неопровержимыми свидѣтельствами его христіанскаго періода.

Христіанскіе мотивы и соприкосновеніе со скандинавскимъ преданіемъ указываютъ также на мѣсто и время, гдѣ и когда болѣе или менѣе окончательно сложились финскія руны. Это происходило въ западной части Финляндіи, откуда руны потомъ

перекочевали въ Карелію (финскую и русскую), Ингерманландію и Эстляндію. Часть рунъ возникла и въ западной Эстляндіи, распространившись на востокъ и сѣверъ черезъ Ингерманландію и по Карельскому перешейку. Словомъ, мѣстами нахожденія финскихъ рунъ въ настоящее время служатъ острова Эзель и Даге, Эстляндія до Наровы, южно-прибрежная полоса Финскаго залива до Петрограда, западно-прибрежная полоса Ладожскаго озера отъ Невы до Сердоболя и восточная Карелія почти до линіи Торнео къ сѣверу. Такимъ образомъ, и финскій эпосъ подтверждаетъ общее правило, что эпическія пѣсни кочуютъ, и мѣсто ихъ записи находится вдали отъ мѣста ихъ зарожденія: южно-русскія былины дошли до Онеги и Бѣломорскаго края, скандинавскія пѣсни были собраны и закрѣплены на пергаментѣ въ Исландіи, западно-финскія же руны нашли себѣ пріютъ въ пограничныхъ областяхъ Финляндіи и Архангельской губерніи, а также по ту сторону Финскаго залива, распредѣлившись, такъ сказать, по двумъ резервуарамъ, южному и сѣверному. Время возникновенія финскихъ рунъ въ настоящемъ ихъ видѣ совпало съ проповѣдью христіанства въ Финляндіи т. е. XIII—XIV вѣками.

Однако, авторы финскихъ рунъ черпали свое вдохновеніе не только съ Запада. Правда, связь финскаго эпоса съ русскими былинами еще мало изслѣдована, но не подлежитъ никакому сомнѣнію. Укажемъ только на то, что Иванъ Годиновичъ, былинный герой, отразился въ финскихъ рунахъ подъ названіемъ Iivana Kojosen poika, и еще на то, что былинное отчество Колывановичъ является параллелью, если не переводомъ, Kalevanpoika (эстляндскаго Kalevipoeg). Сыномъ Калева* или Колывановичемъ называется упомянутый выше Куллерво; Вейнемейненъ, Ильмариненъ и др. являются представителями Калевалы, т. е. страны Калева. Такимъ образомъ, какъ уже сказано, можно разсматривать содержаніе финскаго эпоса какъ враждованіе Похьолы съ Калевалой. Между тѣмъ, значеніе и происхожденіе названія Калева не совсѣмъ ясно. Полагаютъ, что слово kalev балтійскаго происхожденія и означало въ общефинскомъ языкѣ „кузнецъ, ковачъ“. Это культурное пріобрѣтеніе финновъ, т. е. умѣніе обрабатывать металлы, въ частности желѣзо, олицетворено

* У Ленрута, варіантъ: Калерво.

въ образѣ Ильмаринена: онъ куетъ крышки неба, онъ дѣлаетъ солнце изъ золота и луну изъ серебра, онъ изъ тѣхъ же благородныхъ металловъ выковываетъ себѣ жену, онъ смастерилъ и Сампо. Но за этимъ богомъ-ковачемъ стоитъ представитель болѣе первобытной культуры — заклинатель-пѣвецъ и сѣятель Вейнемейненъ. Это онъ свалилъ міровой дубъ, закрывающій земную поверхность отъ лучей солнца, это онъ вырубилъ лѣсъ, пощадивъ только березу, чтобы птицы на ней отдыхали, это онъ, вспахавъ и засѣявъ поле, взмолился:

„Ты вставай, земля проснися,
Страны божьи, не дремлите,
Изъ себя пустите стебли:
Пусть поднимутся отростки,
Выйдетъ тысяча коло ьевъ,
Сотня вѣтокъ разрастется,
Гдѣ вспахалъ я и посѣялъ,
Гдѣ я много потрудился!“

Затѣмъ Вейнемейненъ изготовилъ себѣ кантеле (родъ гуслей) изъ челюсти щуки; струнами служили ему волосы коня. Бѣлка и медвѣдь, рысь и орелъ, щуки, семга и сиги, лѣшій и водяной, дѣвы воздуха и русалки — всѣ замерли отъ восторга, когда услышали пѣніе Вейнемейнена, а люди, отъ старцевъ до малютокъ, плакали, тронутые до слезъ. Это очарованіе финской пѣснью пережило вѣка и стало тѣмъ лучезарнымъ ядромъ, вокругъ котораго кристаллизовалась самобытная духовная культура Финляндіи.

III.

Начало финской письменности.

Начало крещенія Финляндіи пріурочивается къ походу шведскаго короля Эрика, сына Эдварда, имѣвшему мѣсто въ 1156 или 1157 г. и давшему поводъ католической церкви причислить короля Эрика къ лику святыхъ. Крестилъ народъ епископъ Хенрикъ, англичанинъ по происхожденію, на островѣ близъ Обу (Або), гдѣ еще теперь показываютъ источникъ, возлѣ котораго совершалось священнодѣйствіе. Король Эрикъ вернулся въ Швецію и тамъ скончался, епископъ Хенрикъ же остался въ Финляндіи распространять христіанство и въ концѣ концовъ былъ убитъ язычниками. Въ теченіе среднихъ вѣковъ чтили святого

Хенрика, какъ покровителя Финляндіи, и два раза въ году, въ день его мученической смерти и въ день перенесенія его мощей въ Обу, съ большимъ великолѣпіемъ въ древней столицѣ Финляндіи праздновали его память.

Христіанство, а съ нимъ и просвѣщеніе распространялись въ Финляндіи крайне медленно по причинамъ, лежавшимъ отчасти внѣ католической церкви, отчасти въ свойствахъ организаціи послѣдней. Къ первымъ нужно отнести внутреннія неурядицы въ Швеціи, лишившія шведскихъ дѣятелей въ Финляндіи необходимой поддержки и защиты, и безпрерывныя опустошенія, вызванныя набѣгами новгородцевъ на финскія земли въ теченіе XIII—XIV вв., ко вторымъ — властолюбіе католическаго духовенства и пренебрежительное его отношеніе къ языку мѣстнаго населенія. Тѣмъ не менѣе, въ прибрежныхъ областяхъ воздвигались изъ неотесанныхъ камней храмы съ остроконечными крышами и четырехугольными колокольнями, уцѣлѣвшіе до нашихъ дней и видавшіе въ своихъ стѣнахъ не одно поколѣніе благочестиво молящихся прихожанъ. Самымъ красивымъ памятникомъ католическаго зодчества въ Финляндіи слѣдуетъ признать соборъ въ Обу. Различные монашескіе ордены основали свои обители въ Обу, Раумо, Выборгѣ и на Оландѣ, но самымъ знаменитымъ и вліятельнымъ былъ дѣвичій монастырь ордена св. Бригитты въ Нодендалѣ. При этихъ монастыряхъ были учреждены первыя школы въ Финляндіи, главнымъ образомъ, для подготовки священнослужителей. Но достигаемое въ этихъ школахъ образованіе отвѣчало международному характеру католической церкви вообще и мало затрагивало національную культуру.

Реформація внесла въ этомъ отношеніи то улучшеніе, что отбросила латинскій языкъ, какъ языкъ богослужебный, и настаивала на сближеніи пасторовъ съ приходомъ. Къ религіознымъ вопросамъ финны въ то время относились настолько безразлично, что реформація прошла совершенно незамѣченной, не вызвавъ никакихъ волненій въ народѣ. Но зато одинъ изъ дѣятелей реформаціи, ректоръ школы и впослѣдствіи епископъ въ Обу, Микаэль Агрикола (1508—1557), учившійся въ Виттенбергѣ, сочинилъ первый финскій букварь, перевелъ Новый Завѣтъ на финскій языкъ и составилъ богослужебныя книги на томъ же мѣстномъ нарѣчіи. Эти его сочиненія являются первыми книгами,

изданными на финскомъ языкѣ. За неимѣніемъ книгопечатни въ Финляндіи, онѣ были напечатаны въ Стокгольмѣ. Агрикола умеръ на обратномъ пути изъ Москвы, куда его отправили въ качествѣ посла для заключенія мира, и былъ похороненъ въ Выборгѣ, гдѣ и сооруженъ ему памятникъ. Микаэль Агрикола — отецъ финской письменности.

Время, слѣдующее непосредственно за реформаціей, мало благопріятствовало духовному росту страны. Сыновья Густава Вазы ссорились между собой изъ-за власти, а дворяне хозяйничали въ странѣ въ интересахъ своего кармана. Въ особенности финляндскія помѣстья переходили изъ рукъ въ руки, въ зависимости отъ торжества того или другого претендента на корону. Но вотъ для Швеціи, измученной распрями правителей, наступаетъ новая эра внутренняго строительства въ лицѣ Густава Адольфа, коснувшаяся также Финляндіи. Правовое положеніе послѣдней уже въ то время колебалось сообразно съ общей политической конъюнктурой. Въ 1362 г. шведскій король Магнусъ Эриксонъ призналъ за Финляндіей право участвовать въ выборѣ короля черезъ своихъ представителей. Правда, это право осуществлялось не всегда и лишь въ такомъ видѣ, что представители Финляндіи собирались въ Обу и подтверждали выбраннаго въ Швеціи короля, но съ формальной стороны и въ этомъ актѣ все же проглядываетъ признаніе опредѣленной автономіи. Мѣстныя народныя собранія упоминаются нерѣдко въ памятникахъ среднихъ вѣковъ, а во всѣхъ важныхъ дѣлахъ шведское правительство сносилось съ представителями финскаго правительства, какъ съ особымъ органомъ. Въ 1602 г. сынъ Густава Вазы, герцогъ Карлъ, впослѣдствіи шведскій король Карлъ IX, лично открылъ въ Обу совѣщаніе, состоявшее изъ представителей финскаго дворянства и горожанъ. Его примѣру послѣдовалъ Густавъ Адольфъ, созвавшій представителей финскаго народа (дворянства, духовенства, войска, горожанъ и крестьянъ) въ 1616 г. въ Гельсингфорсѣ. Наконецъ, съ 1637—1650 г. генералъ-губернаторомъ Финляндіи былъ Пэръ Брахе, правленіе котораго считается одной изъ наиболѣе плодотворныхъ въ смыслѣ реформъ и экономическаго преуспѣянія эпохъ, пережитыхъ страной.

За это время и просвѣщеніе далеко шагнуло впередъ. Во всѣхъ городахъ были открыты школы, а въ Обу основана первая

въ Финляндіи гимназія, которая въ 1640 г. была расширена и преобразована въ университетъ. Черезъ два года стала дѣйствовать первая въ странѣ книгопечатня, а одновременно любекскій книгопродавецъ открылъ въ Обу свою лавку. Тогда же былъ предпринятъ и законченъ переводъ Библіи на финскій языкъ. Первый ректоръ Эскиль Петреусъ сочинилъ первую грамматику финскаго языка: „Linguae finnicae brevis institutio“. Содѣйствуя распространенію просвѣщенія среди финскаго народа и открывая двери для вторженія умственныхъ движеній Западной Европы, университетъ вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ интеллигенцію, возвышающуюся надъ народомъ и отъ него отдаляющуюся. Къ военно-помѣщичьей дворянской средѣ теперь присоединились юристы и богословы, отдѣляющіеся отъ тружениковъ земли не только своими познаніями и положеніемъ, но и шведскимъ языкомъ. Нужно оговориться, что шведскій языкъ, особенно со времени учрежденія университета, отнюдь не всегда служилъ показателемъ расы: коренные финны, благодаря академическому оброзованію, могли ошведиться, съ другой стороны, шведы, попавъ въ исключительно финскую среду, финнизировались. Въ началѣ XVIII в. финляндцы начинаютъ требовать болѣе внимательнаго отношенія со стороны шведскаго правительства къ финскому языку, и въ резолюціи риксдага 1739 г. было высказано пожеланіе, чтобы король при назначеніи судей и другихъ служащихъ въ Финляндію отдавалъ предпочтеніе лицамъ, знающимъ финскій языкъ. Съ этого момента финскій языкъ шагъ за шагомъ начинаетъ занимать въ странѣ подобающее ему мѣсто, но не столько законодательныя мѣры содѣйствовали смягченію антагонизма шведскаго и финскаго населенія Финляндіи, сколько духовныя цѣнности той и другой языковыхъ группъ, указавшія на значеніе взаимнаго культурнаго воздѣйствія. Если изъ нѣдръ финскаго народа вышла „Калевала“, то шведская среда вскормила Рунеберга.

IV.

Открытіе „Калевалы“.

Письменность заслонила финское пѣснетворчество и заставила его отодвинуться на востокъ въ Карельскіе лѣса. Интересъ къ

стариннымъ пѣснямъ ожилъ только во второй половинѣ XVIII в., когда романтическія теоріи расширили пониманіе поэзіи и указали на тѣ клады поэтическихъ цѣнностей, которые подчасъ зарыты въ дебряхъ народнаго быта. Центральной личностью того періода, который заслуживаетъ названія Обу'скаго романтизма, былъ Хенрикъ Габріэль Портанъ (1739—1804). Офиціально Портанъ занималъ каѳедру краснорѣчія, но излюбленная область его розысканій была исторія, и онъ по праву считается отцомъ исторіи Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совмѣщалъ въ себѣ разностороннія интересы, и всѣ общественные запросы того времени находили живой откликъ въ его душѣ, такъ что вліяніе его сказалось въ различныхъ областяхъ умственной жизни Финляндіи. Иногда онъ приносилъ съ собой на лекціи иностранныя газеты и толковалъ студентамъ ходъ и значеніе міровыхъ событій. Но его просвѣтительная дѣятельность не ограничивалась кругомъ студентовъ. Въ 1770 г. въ Обу было основано учено-литературное общество „Аврора“, душой котораго сталъ Портанъ. Это общество издавало еженедѣльникъ „Abo Tidningar“, находившійся подъ редакціей Портана и являвшійся первымъ періодическимъ изданіемъ Финляндіи. Портанъ основалъ историческое изслѣдованіе финскаго языка и указалъ на сородичей послѣдняго въ предѣлахъ финно-угорской семьи. Наконецъ, въ своемъ трактатѣ „De poesia fennica“ (1766) Портанъ, вдохновляемый къ тому „Оссіаномъ“ и сборникомъ народныхъ пѣсенъ Гердера, впервые раскрылъ двери къ забытому тогда въ интеллигентской средѣ міру народной финской поэзіи.

Итакъ, Портанъ сталъ родоначальникомъ финской національной науки, на первыхъ порахъ направившейся по двумъ русламъ — къ изученію финскаго языка въ его прошломъ и настоящемъ и къ собиранію и толкованію финской народной поэзіи. Единственнымъ въ своемъ родѣ языковѣдомъ и мученикомъ науки былъ Матіасъ Александръ Кастренъ (1812—1851), предпринявшій въ 1842 и 1849 гг. по порученію Россійской Академіи Наукъ два изнурительныхъ путешествія въ Сибирь для изученія на мѣстѣ зырянскаго, остякскаго, тунгузскаго и другихъ языковъ. Только благодаря его изслѣдованіямъ выяснились далекія развѣтвленія урало-алтайской языковой группы и открылась возможность обслѣдовать научно языки инородцевъ европейской Россіи и туземцевъ Сибири. Меньшей широтой отличались изслѣдованія

Шёгрена (Sjögren) и Альквиста, изъ которыхъ первый особенно изучилъ лифляндскіе и курляндскіе говоры, а второй мордовскій, черемисскій, вогульскій и вообще восточно-финскіе языки. Кастренъ, Шёгренъ и Альквистъ составили цѣнныя описанія своихъ путешествій по европейской Россіи и по Сибири.

Первымъ собирателемъ финскихъ старинныхъ пѣсенъ былъ врачъ Цакаріасъ Топеліусъ, издавшій пять выпусковъ своихъ записей въ 1822—1831 гг. Эти обнародованія заставили другого Эскулапова сына и друга народа Эліаса Ленрута (1802—1884) отправиться пѣшкомъ въ Карелію, гдѣ онъ открылъ громадный запасъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, заклинаній и загадокъ. Отнынѣ его жизнь стала сплошнымъ подвигомъ собиранія, записыванія и изданія богатѣйшихъ залежей финскаго народнаго творчества. Въ 1835 г. вышла „Калевала", а пять лѣтъ спустя сборникъ лирическихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ „Кантелетаръ". Съ 1853 г. до самой своей смерти Ленрутъ состоялъ профессоромъ Университета, но несомнѣнно счастливѣйшей порой его жизни было время, когда онъ съ котомкой на спинѣ странничалъ изъ деревушки въ деревушку въ поискахъ за пѣсенными варіантами. При этомъ онъ самъ превратился какъ бы въ народнаго пѣвца, но его знаніе пѣсенъ было гораздо обширнѣе обычнаго запас, безграмотныхъ старцевъ. Чувствуя связь отдѣльныхъ пѣсенъ между собой, Ленрутъ сталъ думать о томъ, что онѣ когда-то составляли одно цѣлое на манеръ „Иліады" или „Одиссеи", и принялся возстанавливать это утерянное, по его мнѣнію, единство финскаго эпоса. Такимъ образомъ, „Калевала" предстала передъ читателями не какъ ученое изданіе пѣсенъ, записанныхъ съ устъ народа, но какъ спаянная одной волей и продуманная однимъ умомъ связная эпопея.

„Калевала" переведена на шведскій, нѣмецкій, англійскій, французскій, венгерскій, эстляндскій, русскій (переводъ Л. П. Бѣльскаго) и чешскій языки. „Калевала", по выраженію итальянскаго ученаго Компаретти, сдѣлалась настоящимъ національнымъ символомъ финновъ, отличающимъ ихъ отъ другихъ народовъ опредѣляющимъ и характеризующимъ ихъ съ лучшей стороны. Профессоръ эдинбургскаго университета Джонъ Аберкромби выразилъ свою мысль о значеніи „Калевалы" въ томъ направленіи, что переворотъ, вызванный въ умахъ народа появленіемъ „Кале-

валы“, былъ такимъ же чудотворнымъ, какъ дѣйствіе вошедшихъ въ нее заклинаній: подобно Сампо она принесла Финляндіи много добра. Во Франціи „Калевалой“ восторгались Викторъ Гюго, Сентъ-Бёвъ, Меримэ, братья Тьерри, Гизо и многіе другіе представители ученаго и литературнаго міра; Гиньо (Gu gniaut) читалъ спеціальныя лекціи о „Калевалѣ“ въ Сорбоннѣ, а Леузонъ-ле-Дюкъ (Léouzon Le Duc) прервалъ свои занятія по собиранію матеріаловъ для исторіи Франціи въ Публичной библіотекѣ Петербурга, чтобы посвятить себя переводу и изученію „Калевалы“.

Если цѣнность какой-нибудь вещи опредѣляется ея рѣдкостью, то „Калевала“ должна быть чрезвычайно драгоцѣнна: никогда на финскомъ языкѣ не было и не будетъ произведенія, равнаго ей по народности мотивовъ и образовъ. Въ моментъ появленія „Калевалы“ финскій народъ какъ въ зеркалѣ увидѣлъ свое собственное лицо и обрѣлъ сознаніе своей психической особи. Все художественное творчество, имѣющее самостоятельную цѣнность, у финскаго народа исходитъ изъ „Калевалы“: финская музыка обязана своими высшими достиженіями композиціямъ Іохана Сибеліуса на мотивы изъ „Калевалы“, финская живопись свои оригинальнѣйшія созданія нашла въ картинахъ Акселя Галлэна, финская поэзія въ лицѣ Киви, Эрко и Эйно Лейно черпала свои сюжеты изъ національной эпопеи, Даже иностранные поэты вдохновнялись „Калевалой“: Лонгфелло сочинилъ свою „Гайавату“, заимствуя изъ финскаго эпоса тонъ и отдѣльные мотивы; Леконтъ-де-Лиль во Франціи и Антоніо Фогаццаро въ Италіи чаровали любителей поэзіи перепѣвами мелодій, впервые прозвучавшихъ у „финскихъ хладныхъ скалъ“.

На родинѣ у себя „Калевала“ служитъ предметомъ самыхъ тщательныхъ изысканій. Юліусъ Кронъ впервые пытался выяснить международное положеніе „Калевалы“ съ точки зрѣнія ея происхожденія, прослѣживая скандинавскіе корни съ одной стороны, съ другой — нити, ведущія въ область русскаго былиннаго творчества. Достойнымъ продолжателемъ этой задачи явился сынъ его Карлъ Кронъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, обнародовавшій исчерпывающую исторію финскихъ эпическихъ рунъ. Въ послѣднее время приступили къ изданію рунъ въ ихъ подлинномъ видѣ со всѣми варіантами, какъ они записаны непосредтвенно съ устъ народа. О смѣлости этой затѣи можетъ дать

нѣкоторое представленіе первая часть такого полнаго сборника финскихъ рунъ: она содержитъ только пѣсни, записанныя въ Архангельской губерніи, но обнимаетъ 1500 страницъ слишкомъ. Прибавьте къ этому еще пѣсни изъ Олонецкой и Петроградской губерній, изъ Финляндіи и Эстляндіи, и станетъ яснымъ, что изданіе всѣхъ этихъ рунъ, доведенное до благополучнаго конца, будетъ однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ памятниковъ словеснаго творчества человѣка.

V.

Іоханъ Людвигъ Рунебергъ.

Въ 1808 г., когда шведскія войска покидали Финляндію, уступая натиску русскихъ, въ Якобстадѣ остановился казацкій отрядъ, предводительствуемый Кульневымъ. Послѣдній часто бывалъ въ домѣ морского капитана Рунеберга и въ концѣ концовъ такъ освоился тамъ, что самъ доставалъ себѣ изъ стѣнного шкафа графинчикъ водки. Даже дѣти капитана перестали бояться его мохнатой бороды, сынишка садился къ нему на колѣни, а Кульневъ поднималъ его въ печную нишу къ всеобщему восхищенію. Иногда Кульневъ наклонялся и надъ люлькой и цѣловалъ лежавшаго въ ней ребенка. Въ теченіе войны Кульневъ еще нѣсколько разъ бывалъ въ Якобстадѣ и, конечно, не забывалъ заходить къ капитану Рунебергу.

Мальчикъ, сидѣвшій на колѣняхъ Кульнева и трепавшій его мохнатую бороду, впослѣдствіи воспѣлъ его въ одной изъ наиболѣе красочныхъ своихъ поэмъ, которую мы приводимъ ниже въ стихотворномъ переводѣ Я. К. Грота. Іоханъ Людвигъ Рунебергъ (1804—1877) вышелъ изъ среды шведскаго населенія Финляндіи, живущаго на восточномъ берегу Ботническаго залива. Онъ учился въ Улеоборгѣ и Вазѣ, а въ 1822 г. сдалъ экзаменъ для поступленія въ университетъ. Черезъ годъ уже, изъ-за недостатка средствъ, Рунебергъ поступаетъ на мѣсто домашняго учителя. Два года, проведенные имъ среди крестьянскаго населенія въ сердцѣ Финляндіи, сыграли огромную роль въ его умственномъ развитіи и выдвинули его изъ вереницы финляндско-шведскихъ поэтовъ. Фрезе, графъ Крейтцъ, Хореусъ, даже Францѐнъ, несмотря на свое несомнѣнное дарованіе, какъ по стилю, такъ и по сюжетамъ примыкали къ поэтическимъ школамъ въ Швеціи, Ру-

небергъ же сталъ національно-самобытнымъ выразителемъ чисто финскихъ настроеній. Наблюдая за жизнью въ финской деревнѣ, Рунебергъ, слѣдуя внушенному Портаномъ методу, составилъ „Очеркъ пейзажа, народнаго характера и быта въ Саріерви“. Отсюда уже только одинъ шагъ къ первой его поэмѣ „Стрѣлки лосей“, являющейся первымъ художественнымъ воспроизведеніемъ финской народной жизни.

Пожаръ въ Обу въ 1827 г., имѣвшій своимъ послѣдствіемъ перенесеніе столицы Финляндіи, а также и университета въ Гельсингфорсъ, заставилъ и Рунеберга переселиться сюда, гдѣ онъ пробивался учительствованіемъ и изданіемъ газеты, въ которой печатались его стихи и полемическія статьи, направленныя противъ шведскаго романтизма. Задолго до торжества реализма въ Скандинавіи, имѣвшаго мѣсто въ 80-хъ годахъ, Рунебергъ сознательно стремился къ безыскусственной правдѣ. Кромѣ чисто національной черты, сказавшейся въ реализмѣ Рунеберга, нельзя не отмѣтить его занятія сербскими народными пѣснями. Рунебергъ увлекся ими по нѣмецкому изданію П. фонъ Гётце и перевелъ ихъ на шведскій языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сочинилъ въ духѣ народной пѣсни серію лирическихъ пьесъ, названныхъ „Идилліи и Эпиграммы“. Для большихъ его поэмъ, написанныхъ гекзаметрами, образцомъ служилъ Гомеръ, тѣмъ болѣе что Рунебергъ былъ спеціалистомъ по древне-греческой литературѣ. Такихъ поэмъ три — „Стрѣлки лосей“, „Ханна“ и „Рождественскій вечеръ“. Онѣ замѣчательны своимъ прочувствованнымъ описаніемъ финскаго пейзажа, вѣрнымъ изображеніемъ финскаго народнаго быта, наконецъ, проникновенной передачей психики финна. Съ точки же зрѣнія стиля трезвый реализмъ Рунеберга въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка является столь же рѣзкимъ контрастомъ съ одновременными романтическими увлеченіями Запада, какъ геніальная простота Пушкина.

Съ 1837 г. до самой своей смерти Рунебергъ прожилъ въ Борго въ качествѣ преподавателя лицея, и здѣсь-то возникли, кромѣ поэмъ „Надежда“ изъ эпохи Екатерины II и „Король Фьяларъ“ изъ эпохи викинговъ, его шедевръ „Разсказы прапорщика Столя“, посвященные эпизодамъ войны 1808—9 гг., которая закончилась присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи на автономныхъ началахъ, скрѣпленныхъ Александромъ I при открытіи

сейма въ Борго 29-го марта 1809 г. Конечно, поэтическая цѣнность этихъ „Разсказовъ" была бы весьма невелика, если бы Рунебергъ имѣлъ въ виду какую-нибудь шовинистическую цѣль. Только поверхностное знакомство съ поэзіей Рунеберга и намѣренное желаніе придать ей неправильное освѣщеніе могли усмотрѣть въ „Разсказахъ" анти-русскую пропаганду. Во-первыхъ, Рунебергъ всегда съ большой симпатіей изображаетъ русскихъ и русскіе мотивы: вспомнимъ Кульнева и „Умирающаго воина", вспомнимъ „Надежду", дѣйствіе которой цѣликомъ происходитъ въ Россіи, вспомнимъ въ поэмѣ „Рождественскій вечеръ" благоговѣйное отношеніе поэта къ героямъ турецкой войны 1828—1829 гг., гдѣ финляндцы сражались бокъ-о-бокъ съ русскими войсками. Въ этой связи не лишнее вспомнить о дружбѣ Якова Карловича Грота съ Рунебергомъ: въ перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ (I—III, 1896) финскій поэтъ упоминается почти на каждой страницѣ — то русскіе друзья озабочены его недомоганіемъ, то знакомятъ его съ поэзіей Пушкина, то опасаются, какъ бы въ его поэму „Надежда" не вкрались ошибки въ изображеніи чуждаго ему быта, и вообще они проявляютъ трогательную о немъ заботливость.

Далѣе, Рунебергъ воспѣваетъ не дѣйственность, и психическія переживанія человѣка. Его „Разсказы прапорщика Столя" не фанфара, а реквіемъ. Не самое сраженіе привлекаетъ Рунеберга, а поле битвы, когда бой умолкъ. Такое настроеніе передаетъ „Умирающій воинъ". — „Прошелъ кровавый день, то было на берегу Лемо... Послѣдніе вздохи умирающихъ постепенно умолкали, мракъ окутывалъ землю и море, и ночь была тиха какъ могила". Тогда приходитъ дѣвица искать своего возлюбленнаго. „Она двигалась по стопамъ смерти какъ блуждающее привидѣніе. Она шла отъ трупа къ трупу, молча, — казалось лишь, она плакала... И вотъ она пришла, какъ будто слышала зовъ, такой тихой, спокойной и увѣренной походкой, какъ будто духъ ее водилъ. Она пришла. При блѣдномъ свѣтѣ ночи она уже узнала павшаго шведа. Взглянувъ, она громко крикнула его по имени, но отвѣта не послѣдовало. Она опустилась въ его объятья, но его руки ее не обняли. Пронзенная грудь его была холодна, все онѣмѣло, все завяло..." А рядомъ лежитъ русскій солдатъ, также раненый на смерть. Онъ роняетъ слезы и что-то

лепечетъ, умирая. О чемъ онъ плачетъ? „Не оплакиваетъ ли онъ тяжелый удѣлъ человѣка мучить другихъ и самому испытывать мученія?“

Въ другомъ разсказѣ — „Дочь торпаря“, отправившись на поле битвы искать своего жениха, возвращается въ отчаяніи. „Приготовь мнѣ могилу, дорогая мать, проситъ она, мой день истекъ. Тотъ мужчина, которому я отдала вѣру своего сердца, постыдно бѣжалъ изъ боя. Онъ думалъ обо мнѣ, онъ думалъ о себѣ, онъ слушался вашихъ предостереженій и обманулъ надежду собратьевъ и предалъ землю отцовъ. Когда отрядъ возвратился и его не было съ нимъ, то я оплакивала его участь, думая, что онъ лежитъ на полѣ брани среди убитыхъ, я горевала, но горе мое было сладко, не горько; тысячу лѣтъ я хотѣла бы жить, чтобы насладиться такимъ горемъ. О, мать, я искала его среди труповъ до послѣдняго проблеска дня, но никто изъ павшихъ не явилъ дорогихъ мнѣ чертъ лица. Теперь не хочу я дольше пребывать въ этомъ мірѣ лжи; его не было среди мертвыхъ, и поэтому я хочу умереть“.

Кто безъ волненія читалъ „Зрѣлище путешественника“? Въ осенній вечеръ путешественникъ ѣдетъ мимо богатой усадьбы и видитъ черезъ окно, какъ старая женщина молится на двѣ картины висящія на стѣнѣ. Кто она? Привидѣніе, лишенное покоя? Идолопоклонница? Нѣтъ, — то мать, потерявшая своихъ двухъ сыновей въ войнѣ. „Они совершали подвиги въ веснѣ жизни, они пали за вскормившую ихъ страну, одинъ двадцати одного года, другой девятнадцати лѣтъ.“ Мать живетъ воспоминаніями. Каждый вечеръ она проводитъ часокъ передъ портретами сыновей и желаетъ имъ покойной ночи.

Какъ страшна встрѣча „Двухъ братьевъ“ много лѣтъ спустя послѣ роковой войны. Одинъ изъ нихъ оказался трусомъ-предателемъ и поэтому бездомно странствуетъ по бѣлу свѣту. Но однажды, въ морозную зимнюю ночь онъ все-таки рѣшается предстать предъ братомъ. „Ни одинъ незлобивый чужестранецъ не держался такъ близко къ дверямъ, какъ пришелецъ, ни одинъ незнакомецъ не склонялся такъ безмолвно и ждалъ такъ робко и обнаружилъ такое смущеніе, какъ братъ здѣсь передъ братомъ“. На выстраданныя слова несчастнаго, на его горькія слезы, на его простертыя руки брать въ отвѣтъ беретъ со стѣны пистолетъ и

направляетъ на грудь брата. Но когда послѣдній ушелъ, онъ закрылъ лицо и заплакалъ. Не смыкая очей, онъ плакалъ весь вечеръ, плакалъ всю ночь и еще, когда уже занималось утро, онъ плакалъ навзрыдъ, какъ дитя.

Такое возвышенно-гуманное содержаніе „Разсказовъ прапорщика Столя“ можетъ только содѣйствовать примиренію людей, а отнюдь не растравить національную ненависть. Рунебергъ принадлежитъ къ тѣмъ художникамъ-изобразителямъ военныхъ темъ, которые, болѣя всей душой объ этомъ бичѣ человѣчества, будятъ совѣсть людей и ведутъ ихъ къ лучшимъ, мирнымъ идеаламъ жизни. Рунебергъ вполнѣ отчетливо выяснилъ себѣ политическую рознь Финляндіи и Швеціи и подчеркиваетъ ее въ своихъ стихахъ. Единственная сатирическая пьеса „Разсказовъ“ направлена противъ шведскаго короля, который не явился защищать Финляндію, а занимался бахвальствомъ во дворцѣ въ Стокгольмѣ. О шведскомъ фельдмаршалѣ говорится прямо: „Это вѣрно, онъ чужестранецъ; онъ не росъ въ нашихъ долинахъ, онъ не понимаетъ ни нашихъ обычаевъ, ни того языка, которымъ мы говоримъ“. Высшая похвала, которую генералъ Адлеркрейтцъ воздаетъ умершему популярному воину, заключается въ словахъ: „Онъ былъ финномъ!“

Пусть вождь финской партіи Іоханъ Снельманъ свидѣтельствуетъ о значеніи Рунеберга для Финляндіи. Въ своемъ надгробномъ словѣ у могилы Рунеберга Снельманъ, между прочимъ, сказалъ: „Онъ открылъ на этой землѣ, которую мы всегда любили, но которую только онъ научилъ насъ находить красивой, племя, въ которомъ мы едва дерзали узнавать самихъ себя — такъ великъ казался намъ землепашецъ финскихъ лѣсовъ, храбро борющійся съ опустошеніями мороза и въ твердомъ упованіи на милость Бога приказывающій мѣшать древесную кору къ собственному хлѣбу, для того, чтобы лишнюю муку отдать пострадавшему отъ недорода сосѣду, — такъ прекрасными казались намъ образы воиновъ, окропившихъ нашу почву своей кровью, защищавшихъ ее до послѣдней возможности, не думая о томъ, что ихъ могутъ назвать героями, а лишь выполнявшихъ то, что считали своимъ долгомъ, шедшихъ въ бой, какъ рабочій идетъ къ ежедневному своему труду, и встрѣчавшихъ смерть на полѣ брани, какъ морякъ встрѣчаетъ бурю и девятый валъ“.

Рунебергъ сталъ для Финляндіи національнымъ поэтомъ по преимуществу — тѣмъ, чѣмъ сталъ Шевченко для Украйны, Мицкевичъ для Польши и Пушкинъ для Россіи.

VI.

Новѣйшая литература Финляндіи.

Вслѣдствіе постигшаго его удара Рунебергъ уже съ 1861 г. сходитъ со сцены дѣйственной жизни, но его современники, друзья и пріятели еще долго продолжаютъ служить блюстителями добрыхъ старыхъ традицій, сложившихся подъ вліяніемъ идеаловъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Изъ этихъ ветерановъ эпохи пробужденія Финляндіи къ новой плодотворной жизни назовемъ Эліаса Ленрута (1802—1884), издателя „Калевалы", „Кантелетаръ", богатыхъ сборниковъ сказокъ, заклинаній и загадокъ, энергичнаго журналиста и воспитателя народа, — Іохана Снельмана (1806—1881), гегеліанца, автора двухъ капитальныхъ трудовъ „Идея личности" и „Ученіе о государствѣ", профессора и сенатора, много постаравшагося надъ офиціальнымъ положеніемъ финскаго языка, — Цакаріаса Топеліуса (1818—1898), сына упомянутаго выше собирателя рунъ, автора многотомнаго историческаго романа „Разсказы фельдшера" и чудесныхъ сказокъ, переведенныхъ также на русскій языкъ. Подъ эгидой этихъ Несторовъ финской общественной мысли сложилась современная литература Финляндіи.

Научная финская проза опередила финское поэтическое творчество, и первыми лицами, прославившимися своими стихами на финскомъ языкѣ были ученые профессора, уже названные нами Юліусъ Кронъ (какъ поэтъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ Суоніо) и Августъ Альквистъ (какъ поэтъ — Оксаненъ). Но во второй половинѣ XIX вѣка появляются и финскіе поэты съ ярко выраженной индивидуальностью, идущіе по стопамъ „Калевалы" съ одной стороны, Рунеберга съ другой. Такимъ классикомъ финской литературы является прежде всего Алексисъ Стенваль, извѣстный подъ названіемъ Алексисъ Киви (1834—1872). Его главными произведеніями, не утратившими своего значенія до сего времени, являются трагедія „Куллерво", первая финская оригинальная комедія „Захолустные сапожники"

и бытовой романъ „Семь братьевъ“ (1870). Особенно послѣдній сталъ любимѣйшей книгой финской молодежи, находящей откликъ собственныхъ душевныхъ задатковъ въ юмористическихъ похожденіяхъ семи братьевъ, этихъ дѣтей природы, которымъ, подобно былинному герою, грузно отъ силы-бремени и которые отъ избытка энергіи шалятъ и проказничаютъ. Это какіе-то архаическіе экземпляры той расы, которая расчищала финляндскіе лѣса и топи, которая впервые прокладывала дорогу черезъ пустыню и оспаривала дебри у медвѣдя и волка. Переживанія, выраженныя „Калевалой“ въ фантастическомъ синтезѣ, переданы у Киви въ реальныхъ тонахъ, хотя и съ примѣсью того особаго юмора, свойственнаго только землепашцу. Романъ Киви какъ бы безконечная варіація на мотивъ о финскомъ Санько Панзѣ. Рунебергъ схватилъ типъ финна съ патетической стороны — въ часъ испытанія стихійнаго и на полѣ брани, Киви развернулъ всю пестроту его внутренняго мірка — его игривыя и мрачныя думы, его упругія и мягкія чувства, его буйные и мирные инстинкты.

Киви можно считать основателемъ реалистической школы финской литературы. Изъ многочисленныхъ представителей последней назовемъ крестьянина Пьетари Пейверинта (род. 1827 г.), въ мелкихъ разсказахъ безыскуственно передавшаго жизненную правду о малыхъ сихъ, о сѣрыхъ труженникахъ, о молчаливыхъ страдальцахъ. Юхани Эрко (1849—1906) пошелъ по слѣдамъ Киви въ смыслѣ претворенія сюжетовъ „Калевалы“ и раскрылъ мятежный элементъ, содержащійся въ образѣ Куллерво, этого „перваго соціалиста“ финляндской литературы. Другое произведеніе Эрко, „Айно“, посвящено душевной драмѣ Вейнемейнена, созрѣванію его поэтическаго самосознанія подъ вліяніемъ сильной, беззавѣтной любви.

Особо стоятъ авторы историческихъ новеллъ и разсказовъ, примѣнившіе реалистическій методъ къ воспроизведенію прошедшихъ эпохъ и обрекшіе себя на необходимость ослабить яркость впечатлѣнія ученымъ трудомъ. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить финскаго историка и общественнаго дѣятеля Ирье Коскинена (1830—1903), отца старо-финской партіи. Его историческіе труды дали направленіе художественнымъ изображеніямъ финскаго прошлаго. Конечно, положеніе финновъ было не завиднымъ въ эпоху шведскаго владычества, и крестьянское возстаніе 1596 г., кото-

рому Ирье Коскиненъ посвятилъ особое изслѣдованіе, свидѣтельствуетъ о широкомъ недовольствѣ трудящихся классовъ. Только въ XIX вѣкѣ равновѣсіе между шведско-финской интеллигенціей и финскимъ крестьянствомъ постепенно возстанавливалось. Изображеніе судебъ финскаго народа съ точки зрѣнія угнетенной его части и стало тенденціей историческихъ разсказовъ Сантери Ивало (род. 1866).

Совершенно новое направленіе въ финской литературѣ начинаетъ собой писательница Минна Кантъ (1844—1897). До нея съ большой правдивостью изображалась тяжелая жизнь тружениковъ, но никогда послѣдняя не разсматривалась какъ соціальное зло, требующее своего смягченія. Мирились съ любой несправедливостью во имя мірового порядка и искали утѣшенія въ религіи. Вообще, религія была единственнымъ идейнымъ движеніемъ, руководящимъ героями Киви и его школы. У Минны Кантъ впервые прозвучала нота соціальнаго протеста и не глухо и отвлеченно, какъ въ образѣ Куллерво, но съ опредѣленнымъ конкретнымъ содержаніемъ. Положеніе женщины, эксплуатація труда, предразсудки общества — все подвергалось безпощадной критикѣ Минной Кантъ. Подъ вліяніемъ Ибсена она создала драмы „Жена рабочаго", „Семья пастора", „Сильви", но уже „Анна-Лиза" возникла подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ „Власти тьмы" Льва Толстого. И вообще струя соціальнаго обличенія въ финской литературѣ является непремѣннымъ плодомъ ея сближенія съ русскими идейными теченіями. Пусть внѣшняя организація рабочихъ партій отзывается нѣмецкой дисциплиной, но само чувство общественной отвѣтственности всѣхъ за каждаго внѣдрялось и развивалось изъ соприкосновенія съ русской литературой. Такъ, напримѣръ, міросозерцаніе Льва Толстого нашло безусловныхъ приверженцевъ въ Финляндіи — первая, усвоившая его идеи, была Минна Кантъ, въ настоящее же время финляндскіе толстовцы группируются вокругъ писателя Арвида Іернефельта (род. 1861). Достаточно прочесть его „Исповѣдь" или его „Дневникъ путешествія въ Россію", чтобы понять, какъ искренне онъ проникся ученіемъ яснополянскаго философа. Будучи сыномъ генерала и получивши прекрасное образованіе, Арвидъ Іернефельтъ отказался отъ юридической карьеры и роскоши обезпеченной жизни, одно время работалъ въ

кузницѣ, затѣмъ „сѣлъ на землю“, чтобы испытать горечь и радость крестьянскаго труда. Въ его романѣ „Елена“ встрѣтились вліяніе Толстого и Тургенева („Наканунѣ“). Аграрно-коммунальныя взгляды Іернефельта заставляютъ его изображать, какъ прозрѣвшіе совѣстью люди добровольно отдаютъ свою землю безземельнымъ крестьянамъ. Іернефельтъ имѣлъ большой успѣхъ и своими трагедіями, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаетъ „Титъ“, дающій новую концепцію римскаго императора, разочаровавшагося въ прелести власти.

Другія настроенія извлекъ изъ русской литературы корифей современной финской литературы Юхани Ахо (род. 1861 г.). Его элегически-созерцательная натура нашла себѣ духовныхъ сородичей въ лицѣ Гончарова и Тургенева. Съ какой удивительной нѣжностью рисуетъ Ахо робко просыпающуюся дѣвичью любовь, ея весеннюю бурю, краткій, какъ сѣверное лѣто, ея расцвѣтъ и осеннее увяданіе, когда береза медленно роняетъ листъ за листомъ. Въ этомъ отношеніи безподобными разсказами являются „Дочь пастора“ и „Жена пастора“. Обломовщиной навѣянъ его безутѣшно унылый романъ „Одинокій“. Но Ахо чрезвычайно многостороненъ: онъ и великолѣпный бытописатель деревни, о чемъ свидѣтельствуютъ такіе очерки, какъ „Желѣзная дорога“, или „Когда отецъ купилъ лампу“; онъ справился съ прекраснымъ историческимъ романомъ „Пану“; онъ остроумный и четкій мастеръ краткаго эскиза — „Стружекъ“; онъ не чуждъ и мѣткой политической сатиры. По этой своей многосторонности Ахо совершенно единичное явленіе въ финской литературѣ. Изъ послѣднихъ его произведеній интересно сопоставленіе финскаго крестьянина и русскаго въ романѣ „Юхо“. Какъ картинно здѣсь выдержанъ контрастъ между суровымъ финскимъ поселенцемъ въ дикомъ лѣсу съ его интимной любовной трагедіей и широкой привольной жизнью русской деревни съ ея откровеннымъ эротическимъ оргіазмомъ!

Ахо настолько крупная фигура, что заслоняетъ младшія поколѣнія поэтовъ и писателей. Однако, среди нихъ произошла весьма важная перемѣна въ сторону неоромантизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что среди другихъ факторовъ, каковы, напримѣръ, вліяніе Стриндберга и Ницше, этотъ сдвигъ былъ вызванъ и ознакомленіемъ съ творчествомъ Леонида Андреева и Максима Горькаго.

Ирью Вейола, Ларинъ Кейсти, Ильмари Кіанто, Іоханнесъ Линнанкоски, Ирмари Рантамала, Арни Коуданъ, Іоэлъ Лехтоненъ... могъ бы быть еще продолженъ списокъ всѣхъ тѣхъ молодыхъ силъ, которыя въ настоящее время подвизаются на нивѣ финской литературы. Не забудемъ и писательницъ — Хельми Сетеле и Айно Калласъ, дочерей вышеупомянутаго Юліуса Крона, Майла Тальвіо, авторши большого романа изъ гельсингфорскаго общества, „Дѣти Нинивы", Хильи Хахти и др. Лирическая поэзія обрѣла популярнаго представителя въ лицѣ Эйно Лейно. Въ связи съ лирикой находится и богатое развитіе финской пѣсенной композиціи: — Мериканто, Мелартинъ, Куула, Ханникайненъ, Армасъ Іернефельтъ (братъ писателя), Пальмгренъ заслужили себѣ въ этой области всеобщее признаніе.

И несмотря на эту богатѣйшую жатву финской литературы, все же и шведское творчество за послѣднее время не изсякло. Любопытнымъ представителемъ эпохи перелома въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка былъ Карлъ Тавастшерна (1860—1898), лучшія страницы котораго (напримѣръ, романъ „Тяжелыя времена") возвращаютъ насъ къ традиціи Рунеберга. Якобъ Аренбергъ (1847—1914) далъ любопытные очерки изъ восточной Финляндіи, гдѣ карельская народность переплетается съ русской. Лейтмотивомъ его романовъ является драма финна, полюбившаго русскую барышню и чувствующаго себя, выражаясь вульгарно, не въ своей тарелкѣ. „Семья въ Хапакоски" — романъ Аренберга, не только изображающій частью и русское общество, но и обнаруживающій близость къ русскимъ произведеніямъ (напр., къ „Аннѣ Карениной"). Наконецъ, Аренбергъ въ своихъ мемуарахъ съ большимъ тактомъ набрасываетъ портреты русскихъ дѣятелей въ Финляндіи и финновъ, состоявшихъ на русской службѣ. — Въ наши же дни среди шведской молодежи большое количество поэтовъ-лириковъ и новеллистовъ, изъ которыхъ уже выдвинулись, какъ несомнѣнныя дарованія — Арвидъ Мерне, Яльмаръ Прокопэ и Нино Рунебергъ (внукъ національнаго скальда).

Финляндскіе шведы отнюдь не собираются вымирать, какъ это, быть можетъ, было бы желательно руководителямъ угнетательной противъ Финляндіи политики, увѣрявшимъ себя и рус-

скую публику, что съ финнами легко будетъ справиться, лишь бы избавиться отъ строптивыхъ шведомановъ. Между тѣмъ, всѣ слои и всѣ партіи финскаго народа неоднократно имѣли случаи демонстрировать свое единодушіе въ отстаиваніи автономіи Финляндіи. Роль избавителей финновъ отъ угнетателей-шведовъ уже сыграна и больше успѣха не имѣетъ. Крупные помѣщики-шведы въ Финляндіи на перечетъ, политическая роль ихъ послѣ выборнаго закона 1906 г. равна нулю, общественныхъ привиллегій у нихъ нѣтъ никакихъ. Зато можно встрѣтить носителей старинныхъ дворянскихъ фамилій среди врачей, инженеровъ, морскихъ капитановъ, во главѣ коммерческихъ предпріятій, вообще, среди трудящейся интеллигенціи. Дѣленіе финляндскаго общества на шведовъ-помѣщиковъ и финновъ-землепашцевъ по аналогіи съ балтійскимъ дворянствомъ и эстонско-лифляндскимъ крестьянствомъ не оправдывается фактами. Далѣе, русская публика не даетъ себѣ отчета въ томъ, что въ Финляндіи обрѣтается шведское мелкоземельное и безземельное крестьянство. Трудно сказать, кому живется хуже — финну-батраку въ Кареліи или шведу-торпарю въ Нюландѣ. Но за послѣднее 10-лѣтіе шведское населеніе Финляндіи пріободрилось и совершило энергичную (экономическую и просвѣтительную) работу въ смыслѣ обереганія себя отъ распада, такъ что любимая ихъ мечта о возрожденіи университета въ Обу уже не кажется невыполнимой. Никто изъ финляндскихъ шведовъ не представляетъ себѣ возможнымъ и желательнымъ соединеніе со Швеціей, но необходимость сохраненія въ Финляндіи шведскаго элемента по принципу „два языка и одно убѣжденіе“ сознается всѣми, кто видитъ дальше своего носа.

Жизненность шведскаго элемента въ Финляндіи имѣетъ не только самодовлѣющій интересъ. Отъ жизнеспособности шведовъ зависитъ возможность Финляндіи оставаться однимъ изъ связующихъ звеньевъ восточно-европейскихъ народовъ съ Западомъ. Исчезновеніе финляндскихъ шведовъ означало бы разрушеніе этого стариннаго сѣвернаго моста между Востокомъ и Западомъ. Въ этомъ географическомъ положеніи Финляндіи ея историческая миссія и ея стихійное несчастіе. Экономическое и идейное тяготѣніе къ Россіи наталкивается на недовѣріе со стороны руководящихъ до сихъ поръ круговъ Россіи.

К. Тіандеръ.

Финскія руны.

Происхожденіе руны.

Кто родилъ меня — не знаю,
Кто вскормилъ меня — не знаю,
Кто послалъ блуждать по свѣту.
Можетъ быть, я у дороги
Выросла въ лѣсу черникой,
И сорвалъ меня прохожій.
Можетъ быть, мнѣ колыбелью
Были синія озера
И учила пѣснямъ утка
Или тишина лѣсная —
И мои сказанья эхо
Въ лунномъ свѣтѣ собирало.

Перевелъ ***Л. Андрусонъ.***

Кантеле.

Ошибаются, конечно,
Говорятъ неправду люди,
Будто мудрый Вейнемейненъ
Для кантеле звучнострунной
Челюсть щуки взялъ основой,
Будто нити струнъ пѣвучихъ
Свилъ изъ гривы коня Хійси.
Изъ нужды ее онъ сдѣлалъ
И скрѣпилъ всѣ части горемъ,
Слезы горькія страданій
Свилъ въ рыдающія струны.
И поэтому кантеле
Рѣдко радостно ликуетъ:
Въ звукахъ нѣжныхъ и печальныхъ
Льетъ кантеле стоны боли.

Перевелъ ***Л. Андрусонъ.***

Руна о лѣсѣ.

Лѣсъ крестьянину — защита
И двора его ограда.
Что луга, поля и пашни
И угодья всѣ безъ лѣса?
Лѣсъ въ землѣ зерно златое
Въ зиму долгую отъ стужи
Отъ морозовъ охраняетъ.
Въ лѣтній зной лѣсъ влажной тѣнью
Отъ лучей палящихъ солнца
Защищаетъ хлѣбъ насущный.
Если же зима и стужа
Жизнь зерна въ землѣ погубитъ,
Кто даетъ кору для хлѣба? —
Боръ столѣтній, боръ зеленый.
Лѣсъ даетъ новину-пашню —
Колыбель-золу для хлѣба.
Лѣсъ даетъ избу-защиту
Отъ суровой непогоды
И тепло и свѣтъ зимою.
Лѣсъ даетъ охоту-пищу:
Быстрый бѣгъ зимой на лыжахъ
Въ травлѣ волка и медвѣдя.
Глухаря и дичь другую
Лѣсъ даетъ, все — лѣсъ, а въ осень —
Ягоды, грибы... Весною —
Пѣсни малыхъ пѣвчихъ пташекъ.
Въ годы вражескихъ нашествій
Лѣсъ одинъ — защита-крѣпость.
Тотъ безъ лѣса жить не можетъ,
Кто въ Финляндіи живетъ.

Перевелъ ***Л. Андрусонъ.***

Калевала.

Дѣтство Куллерво.

То не туча поднималась,
То не дымъ густой стелился:
Храбрецы Унтамо вышли,
Шли къ Калерво на сраженье.
Вотъ пришли съ мечами мужи,
Храбрецы пришли Унтамо,
Всѣхъ убили у Калерво,
Все его большое племя,
И до тла весь дворъ спалили,
Весь съ землей его сравняли.
Лишь одна Калерво дѣва
Тамъ спаслась съ плодомъ во чревѣ.
Увела толпа Унтамо
И ее домой съ собою,
Чтобъ мела она тамъ избы,
Полъ почище подметала.
Мало времени проходитъ —
Родился малютка мальчикъ
Отъ той матери несчастной.
Какъ назвать того малютку?
Называетъ мать: Куллерво,
А Унтамо прозвалъ воинъ.
Положили тутъ малютку,
Безъ отца того ребенка,
Чтобъ качался въ колыбели,
Чтобы двигался онъ въ люлькѣ.
Вотъ качается онъ въ люлькѣ
Волосами повѣваетъ.
День качается, другой день,
Но когда насталъ ужъ третій,
Вдругъ толкнулъ ногами мальчикъ,
Взадъ, впередъ ногой толкаетъ,
Съ силой сбросилъ свой свивальникъ

* Перепечатка изъ серіи Памятниковъ міровой литературы. (Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.)

И ползетъ на одѣяло:
Поломалъ изъ липы люльку,
Разорвалъ свои пеленки.
Обѣщаетъ выйти мужемъ
И, казалось, будетъ бравымъ.
Ожидаетъ Унтамола *,
Что когда войдетъ онъ въ возрастъ
И получитъ смыслъ и силу,
Будетъ мужемъ, какъ и надо,
Будетъ стоить сотни сильныхъ,
Или тысячи, пожалуй.
Два три мѣсяца растетъ онъ,
Но уже на третій мѣсяцъ,
Бывши ростомъ по колѣно,
Такъ раздумывать онъ началъ:
„Если бъ выросъ я побольше,
Получилъ бы въ тѣлѣ силу,
За отца я отомстилъ бы“.
Услыхалъ ту рѣчь Унтамо,
Самъ сказалъ слова такія:
„Въ немъ семьѣ моей погибель,
Въ немъ растетъ второй Калерво“.
Размышлять тутъ стали мужи,
Стали женщины тутъ думать:
Гдѣ бы мальчика запрятать,
Какъ бы вовсе уничтожить?
Вотъ его сажаютъ въ бочку
Вотъ запрятали въ боченокъ,
Отнесли ребенка въ воду,
Опустили на теченье.
Посмотрѣть потомъ приходятъ,
Какъ прошли уже три ночи:
Погрузился ль мальчикъ въ воду,
Не погибъ ли онъ въ боченкѣ?
Но въ водѣ не утонулъ онъ
Не погибъ въ своемъ боченкѣ

* Унтамола — страна Унтамо.

Изъ боченка мальчикъ выползъ,
На хребтѣ волны усѣлся,
Удочку изъ мѣди держитъ,
Палку съ шелковою лескою;
Ловитъ мальчикъ въ морѣ рыбу,
Измѣряетъ въ морѣ воду:
Въ морѣ тамъ воды немного,
Развѣ будетъ на двѣ ложки,
Если жъ все совсѣмъ измѣрить,
Будетъ нѣсколько на третью.
Унтамойненъ разсуждаетъ:
„Какъ бы справиться съ ребенкомъ?
Какъ навлечь ему несчастье,
Чтобы смерть его настигла?“
Вотъ служителю велитъ онъ
Взять березовыхъ полѣньевъ,
Много сотенъ сучьевъ сосенъ,
Сосенъ толстыхъ и смолистыхъ,
Чтобы сжечь на нихъ ребенка,
Уничтожить бы Куллерво.
Вотъ собрали, наложили
Тамъ березовыхъ полѣньевъ,
Много сотенъ сучьевъ сосенъ,
Сосенъ толстыхъ и смолистыхъ,
Санокъ тысячу бересты,
Сотню ясеня саженей.
Былъ огонь въ полѣнья брошенъ
И по кучѣ разошелся,
Въ кучу бросили ребенка,
Въ самый жаръ туда, въ середку.
День тамъ жгутъ его, другой день,
Жгутъ его еще и третій.
Вотъ пришли туда и видятъ:
До колѣнъ сидитъ онъ въ пеплѣ,
До локтей въ золѣ зарылся,
Кочергу руками держитъ,
Увеличиваетъ пламя,
Разгребаетъ ею угли;

Волоска не потерялъ онъ,
Ни одной не сжегъ кудряшки.
Разсердился Унтамойненъ:
„Что же дѣлать мнѣ съ ребенкомъ,
Какъ навлечь ему несчастье,
Чтобы смерть его постигла?“
И на деревѣ повѣсилъ,
Притянулъ ребенка къ дубу.
Вотъ проходитъ ужъ три ночи,
Столько жъ дней проходитъ также.
Размышляетъ Унтамойненъ:
„Посмотрѣть пойти бы время,
Не погибъ ли ужъ Куллерво,
Тамъ не умеръ ли на дубѣ?“
И слугу онъ посылаетъ.
Такъ отвѣтъ слуга приноситъ:
„Не погибъ и здѣсь Куллерво,
Тамъ на деревѣ не умеръ:
На корѣ рисунки рѣжетъ,
У него въ ручонкахъ гвоздикъ;
Всѣ деревья тамъ въ рисункахъ,
Весь тотъ дубъ кругомъ изрѣзанъ,
Онъ мужей съ мечами сдѣлалъ,
По бокамъ придѣлалъ копья“.
Кто бы могъ помочь Унтамо
Съ этимъ мальчикомъ несчастнымъ
Какъ бы смерть ни приготовилъ,
Какъ бы гибель ни измыслилъ —
Все не гибнетъ этотъ мальчикъ,
Нѣтъ погибели на злого.
Наконецъ, ужъ утомился,
Погубить его желая;
Онъ воспитывать рѣшился,
Какъ свое дитя, Куллерво.

I. Л. Рунебергъ.

Нашъ край.

Нашъ край, нашъ край, нашъ край родной,
Намъ нѣтъ дороже словъ!
Вершину съ ясной синевой,
Долину и гранитъ съ волной,
Никто такъ не любилъ свой кровъ,
Какъ мы страну отцовъ!

И пусть для тѣхъ нашъ бѣденъ край,
Кто золотомъ богатъ;
Минуетъ странникъ насъ — пускай!
Отчизну все жъ мы любимъ, знай,
Мохъ, скалы, моря ароматъ —
Для насъ отчизна — кладъ!

Мы любимъ водъ стремленье съ горъ,
Журчанье ручейковъ,
И пѣснь, что шепчетъ мрачный боръ,
Въ сверканьи день и звѣздъ просторъ,
Все, что ласкало взоръ сыновъ
Финляндіи холмовъ.

Вели здѣсь дѣды наши бой
И плугомъ, и мечомъ,
Здѣсь, здѣсь, и въ бурю, и въ покой,
И въ добрый часъ и въ часъ дурной,
Боролись всѣ въ краю родномъ,
Страдая подъ ярмомъ.

О битвахъ кто сложилъ разсказъ,
Что велъ нашъ славный родъ,
Когда война терзала насъ,
И наставалъ голодный часъ,
И кровью истекалъ народъ
Подъ бременемъ невзгодъ?

Здѣсь, здѣсь, вѣдь, наша кровь лилась,
Здѣсь все омыто ей,
Здѣсь счастья пѣсня раздалась,
Здѣсь пѣсня вздоховъ родилась,
Подъ ношей гнулись здѣсь своей
Отцы за много дней.

Здѣсь наша чудная страна,
Все, все найдемъ мы въ ней;
Пусть гонитъ насъ судебъ волна —
Страна родная намъ дана,
И есть ли что-нибудь святѣй
Мнѣ родины моей?!

Вотъ здѣсь она, могу взглянуть,
На край родимый мой!
Могу я руку протянуть,
На цѣпи горъ, на моря муть
И молвить: здѣсь, здѣсь, предо мной
Лежитъ мой край родной!

И если намъ и суждено
Умчаться въ глубь лазури, въ рай,
И жить на небѣ намъ дано,
Гдѣ счетъ не знаютъ, — все равно,
Напрасно насъ не искушай —
Мы предпочтемъ нашъ край!

О, тысячи озеръ страна,
Созданье красоты,
Здѣсь жизнью пристань намъ дана,
Былого край, надеждъ страна —
И будь, въ оковахъ бѣдноты,
Вѣрна, свободна ты!

Хоть въ почкѣ цвѣтъ твой заключенъ,
Онъ скоро заблеститъ;
Взойдетъ, любовію вспоенъ,

Твой цвѣтъ, твой блескъ, и счастья звонъ
Сильнѣе, громче огласитъ
Угрюмыхъ скалъ гранитъ!

Перевелъ *Г. Крыжицкій.*

I. Л. Рунебергъ.

Кульневъ.

Еще не поздно, есть о чемъ
Намъ вспоминать; теперь два слова
Скажу про Кульнева: о немъ
Тебѣ, чай, слышать ужъ не ново?
Прямой солдатъ! Онъ жить умѣлъ.
Но и предъ смертью не блѣднѣлъ;
Онъ первымъ былъ и въ схваткѣ пылкой
И межъ друзьями за бутылкой.

Рубиться-то была въ немъ страсть,
Шутя платилъ онъ долгъ отчизнѣ
И вѣрилъ онъ, что жребій — пасть
Есть только цвѣтъ геройской жизни:
Какимъ оружьемъ ни владѣй,
Такъ думалъ онъ: но пасть умѣй —
Кто въ битвѣ, кто въ весельѣ пьяномъ,
Иль съ саблей острой, иль съ стаканомъ.

Въ любви — забавы онъ искалъ
И скоръ былъ въ выборѣ предмета;
Бывало, съ битвы — тотчасъ балъ
Затѣетъ онъ, и до разсвѣта
Все близъ красавицы своей,
А тамъ возьметъ башмакъ у ней
И, вливъ въ него струи шипящей,
Пьетъ тостъ прощальный предъ дрожащей.

Ты бъ посмотрѣлъ его черты!
Между картинъ убогой хаты

Еще порой увидишь ты
Какой-то обликъ волосатый:
Ты подойдешь — проглянетъ ротъ,
Улыбка кроткая блеснетъ
И взоръ привѣтливый, открытый —
Вглядись: то Кульневъ знаменитый.

Но тотъ лишь, въ комъ душа крѣпка,
При сшибкѣ съ нимъ не содрогался.
Кто лѣшихъ трусилъ хоть слегка,
Тотъ не шутя его пугался:
Вдали былъ видъ его лица
Страшнѣе стали и свинца,
И дрогли старые солдаты,
Смотря на чубъ его косматый.

Таковъ онъ былъ, когда на насъ,
Поднявши саблю, скокомъ мчался;
Таковъ же былъ, когда подчасъ
Безпечной лѣни предавался;
Когда въ тулупчикѣ своемъ
Онъ хаживалъ изъ дома въ домъ
И, гдѣ полюбится, порою
Живалъ, какъ другъ, съ семьей чужою.

Разскажутъ матери тебѣ
Про свой испугъ, когда, бывало,
Онъ прямо къ люлькѣ шасть въ избѣ.
Безъ спросу, не чинясь ни мало.
„Но какъ посмотришь“, скажетъ мать,
„Дитя онъ станетъ цѣловать
Съ улыбкой, съ кротостью такою,
Какъ на картинкѣ предъ тобою“.

Да, Кульневъ — рѣдкій былъ добрякъ,
Ему святое было свято;

Любилъ испить? Положимъ, такъ:
Въ томъ было сердце виновато.
Онъ сердце то носилъ съ собой
Бывалъ ли миръ, кипѣлъ ли бой;
И — цѣловалъ онъ или дрался —
Въ душѣ все тотъ же оставался.

Довольно славныхъ воеводъ
Въ дружинахъ русскихъ; до похода
Молва о нихъ ужъ напередъ
Дошла до нашего народа.
Барклай, Каменскій, Багратіонъ —
Кто здѣсь не слышалъ ихъ именъ?
И жаркихъ стычекъ ожидали
Вездѣ, гдѣ ихъ въ строю видали.

Но Кульнева никто не зналъ,
Пока война была далече;
Нагрянулъ онъ, какъ въ морѣ шквалъ,
И понятъ былъ при первой встрѣчѣ;
Упавъ, какъ молнія изъ тучъ,
Онъ былъ такъ новъ и такъ могучъ;
Одинъ ударъ — и цѣлымъ краемъ
Отважный былъ цѣнимъ и знаемъ.

Весь день дрались; усталъ солдатъ —
И шведъ и русскій; слава Богу,
Конецъ потѣхъ! и всякій радъ
Заспать кровавую тревогу.
Но вотъ, пока мы въ сладкомъ снѣ
Забыть успѣли о войнѣ,
„Къ ружью!“ раздастся вдругъ съ пикета,
И Кульневъ тутъ какъ тутъ до свѣта.

Отъ русской арміи вдали,
Лѣсами, медленно и мирно
Мы со своимъ обозомъ шли
И сладко пили, ѣли жирно,

Какъ вдругъ — чуть вѣрится глазамъ,
Незваннымъ гостемъ Кульневъ къ намъ.
Вотъ пыль взвилася... Топотъ... Клики —
И передъ нами блещутъ пики.

И если твердо усидимъ
Мы на коняхъ въ пылу защиты,
То съ пира нашего къ своимъ
Усачъ-наѣздникъ ѣдетъ бритый.
Но если шведъ иль финнъ плошалъ,
То наши фляги осушалъ
Исправно гость нашъ бородатый
И звалъ насъ къ Дону для расплаты.

И въ снѣгъ, и въ дождь, въ морозъ и зной,
При ясномъ днѣ, въ ночи туманной,
Вездѣ былъ Кульневъ удалой
И насъ тревожилъ безпрестанно.
И если въ свалкѣ боевой
Бросался дружно строй на строй,
То разомъ могъ замѣтить всякій,
Что шла борьба съ лихимъ рубакой.

Но финнамъ всѣмъ онъ дорогъ былъ,
И я не зналъ у насъ солдата,
Который впрямь бы не любилъ
Его, какъ добраго собрата,
И было весело смотрѣть,
Когда карельскій нашъ медвѣдь
Съ медвѣдемъ русскимъ гдѣ встрѣчался,
И каждый сладко ухмылялся.

И былъ обрадованъ тогда
Онъ лапъ знакомыхъ приближеньемъ;
Сразиться стоило труда —
И въ бой вступалъ онъ съ наслажденьемъ;
И жарко съ Кульневымъ у насъ
Кипѣла битва; дивный часъ!

Онъ нас, его мы не щадили,
Другъ другу съ лихвой долгъ платили.

Угасла жизнь его давно;
Онъ палъ съ мечомъ въ борьбѣ кровавой;
Но имя Кульнева — оно
Живетъ, сіяя вѣчной славой.
Кто имя то ни назоветъ,
Промолвитъ „храбрый" напередъ;
Какъ слово „храбрый" чудно, громко
Отъ благодарнаго потомка!

На насъ рука его несла
Бѣду и смерть и ужасъ боя;
Но честь его и намъ мила,
Какъ честь родного намъ героя.
Сильнѣе узъ родства племенъ,
Сильнѣй отеческихъ знаменъ
Дружитъ насъ въ битвахъ та же сила
Отваги, доблестнаго пыла.

Хвала же Кульневу, хвала!
Онъ въ нашихъ пѣсняхъ жить достоинъ;
Пусть нашихъ кровь предъ нимъ текла:
Что жъ? съ нами бился онъ, какъ воинъ.
Онъ былъ намъ врагъ — что нужды въ томъ?
Мы съ нимъ и знались, какъ съ врагомъ.
И онъ, какъ мы, героемъ въ дѣло
Кидался весело и смѣло.

Вражду лишь робкій заслужилъ —
Ему позоръ и посмѣянье!
Но честь тому, кто совершилъ
Безстрашно воина призванье!
Хвалу отъ сердца мы поемъ
Тому, кто бился молодцомъ,
Чѣмъ ни былъ намъ онъ въ жизни — братомъ
Или отважнымъ супостатомъ.

Перев. ***Я. К. Гротъ.***

I. Л. Рунебергъ:

Рождественскій вечеръ.

(Третья пѣснь поэмы.)

Лѣсъ одѣваетъ Онъ зеленью, птицѣ Онъ кормъ посылаетъ;
Мнѣ Онъ помощникъ и впредь, какъ помощникомъ былъ мнѣ донынѣ.

Старый солдатъ сидѣлъ въ избѣ и разсказывалъ. Онъ курилъ свою трубку и говорилъ про войну — и съ изумленіемъ внимали ему слушатели. Напослѣдокъ заговорилъ онъ о турецкой землѣ.

„Турку, — сказалъ онъ и пустилъ клубъ дыма къ потолку, — турку я знаю лучше, чѣмъ вы, хотя никогда съ нимъ не дрался. Бывало, въ лагерѣ, когда мы коротали вечеръ въ бесѣдѣ, я слыхалъ не разъ, какъ старые вояки, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, говорили о немъ и съ изумленіемъ вспоминали о его свирѣпости. Али, Мустафа-бей, Капуданъ-паша, Ахметъ, — имена, которыхъ не выговорить сразу непривычному человѣку — я слышалъ тогда эти имена и узнавалъ, какъ живетъ и дерется невѣрный. Турокъ, друзья мои, твердъ, какъ мѣдь — его не беретъ ни пуля, ни мечъ. Свалятъ его — онъ вскочитъ съ своей кривой саблей въ рукахъ, встряхнетъ густой бородой, словно левъ, и снова ринется въ бой. Въ бою никто не проситъ пощады, никто ея не даетъ. Счастливъ тотъ, кто убитъ — его, по крайней мѣрѣ, не сожгутъ живымъ. Когда порой начинается празднество въ честь языческихъ боговъ, они берутъ толпу плѣнниковъ, надѣваютъ на нихъ осмоленную одежду, поджигаютъ и заставляютъ горѣть, словно лампы. Часто мнѣ снился во снѣ молодой капитанъ, стоящій въ пламени передъ фронтомъ, и съ нимъ рядомъ мой сынъ, мой бѣдный сынъ. И наяву мнѣ часто казалось, что такая же участь ожидаетъ насъ всѣхъ“.

Такъ говорилъ онъ. Тѣмъ временемъ незамѣтно вошла въ избу и стала въ дверяхъ привѣтливая фрекенъ Августа. Въ юномъ сердцѣ ея боролись радость и горе, когда она подошла къ старику и сказала съ мягкимъ укоромъ: „Замолчите, старый болтунъ! Не думаете ли вы отпраздновать святочный вечеръ одними страшными разсказами? Погодите, въ другой разъ, когда вы придете и будете искать насъ, вы не найдете никого, кто бы сказалъ вамъ съ крыльца веселое „милости просимъ“. Нѣтъ,

лучше я выйду къ воротамъ, махну рукой и издали крикну: „Прочь отсюда, предвѣщатель несчастья! Ступайте къ своимъ туркамъ и грѣйтесь тамъ около горящихъ людей! Сегодня не будетъ вамъ супа! Обѣда не варимъ; проходите-ка мимо!“

На это престарѣлый воинъ съ усмѣшкой отвѣчалъ: „Не говорите такъ, фрекенъ, и не печальтесь: сердце есть и у турокъ, хотя бы они и были злы, какъ дикіе звѣри. Развѣ не видали мы здѣсь, въ послѣднюю губительную войну, еще худшихъ людей — башкировъ и дикихъ калмыковъ, страшныхъ, черныхъ, какъ сажа, кровожадныхъ, питающихся конскимъ мясомъ? Когда кто-нибудь изъ нихъ пилъ и осушалъ послѣднюю каплю, онъ поднималъ только бутылку: головы ему не нужно было подымать, такъ какъ носъ ему не былъ помѣхой, какъ у другихъ — онъ торчалъ кверху и не встрѣчался съ бутылкой. Глаза, черные, какъ уголь съ сверкающей искрою въ сажѣ, горѣли въ глубинѣ черепа, и ротъ съ оградой бѣлѣющихъ зубовъ зіялъ, точно раскаленная печь. Страшно было встрѣтиться съ такимъ чудовищемъ въ бою, когда онъ съ крикомъ бросался на тебя, верхомъ на своемъ бѣшеномъ жеребцѣ. Разъ — это было въ одинъ вечеръ, весною, въ началѣ войны — кругомъ было тихо и безмолвно, и мы отдыхали послѣ дневного боя, когда мы прогнали отрядъ подошедшихъ близко казаковъ. Я прокрался къ пустынному полю пограбить; очень мнѣ хотѣлось найти хоть серебряную копейку на убитыхъ, или серебряный поясъ или что другое подходящее. Когда я пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ шла кровавая сѣча, я нашелъ груды труповъ; я неутомимо бѣгалъ и искалъ, хотя все уже было ограблено заранѣе крестьянами. Въ досадѣ я бросилъ искать и приблизился къ лѣсу, гдѣ мы стояли лагеремъ, какъ вдругъ въ кустахъ, недалеко отъ дороги, я увидѣлъ еще одного убитаго, и у меня вновь явилась надежда. Я подошелъ ближе и нашелъ не казака, но чудовище — это былъ убитый калмыкъ. На осѣвшемъ сугробѣ между кочками лежалъ онъ рядомъ съ своимъ поверженнымъ конемъ, недвижный, страшный, съ окровавленнымъ лицомъ, обращеннымъ къ небу.

Я обомлѣлъ и уже готовъ былъ повернуть обратно. Но на немъ была одежда — красивая синяя куртка была у него на тѣлѣ; за нее дали бы мнѣ бутылку вина и даже больше, если бы продать ее пріятелямъ. Я не могъ оставить ее на добычу другимъ.

Я поспѣшно подошелъ къ нему и схватилъ его за воротъ. Онъ показался мнѣ мертвымъ и окоченѣлымъ; но, когда я коснулся его головы, онъ очнулся отъ боли и открылъ глаза; онъ изумленно глядѣлъ на меня, онъ стоналъ, говорилъ и кричалъ попеременно. Я не понималъ его словъ, но я понялъ его жалобы и муки. Мнѣ было больно видѣть его, лежащаго тутъ въ предсмертный свой часъ, покинутаго всѣми — вѣдь и онъ тоже былъ человѣкомъ. Я не могъ и не хотѣлъ взять его куртку; я взялъ вмѣсто того его шубу, которая была привязана къ сѣдлу, отвязалъ ее и покрылъ ею его дрожащіе члены.

Когда я все это сдѣлалъ, обвязалъ его израненную голову, стащилъ съ сугроба его тѣло и положилъ его на удобное мѣсто, онъ сѣлъ и все еще смотрѣлъ мнѣ въ глаза и громко жаловался, словно чего-то ему еще недоставало. У меня не было времени ждать и оставаться всю ночь въ лѣсу; я вытащилъ изъ кармана флягу съ виномъ, выпилъ самъ и далъ выпить калмыку: „На-ка, согрѣйся, товарищъ! Выпей, будь человѣкомъ и не кричи: это еще счастье, что ты умираешь съ бутылкой водки у рта!" — Такъ я сказалъ, и онъ протянулъ дрожащую руку, схватилъ флягу, пилъ изъ нея и пучилъ глаза отъ радости. Когда же онъ выпилъ все, и не осталось ни капли, онъ смолкъ, улегся спокойно на кочку и тотчасъ заснулъ.

Только что вернулся я въ лагерь, какъ дали сигналъ выступать (у насъ тогда было въ обычаѣ отступать, хотя и побѣждая). Войско выстроилось, и мы выступили въ походъ. Тутъ-то, шагая всю ночь напролетъ среди стужи, было мнѣ время вспомнить, что фляга моя была пуста, и мнѣ было досадно за мою глупость: я поддался, какъ женщина, и послушался своего нѣжнаго сердца. Ночь миновала, настало утро, и бои опять слѣдовали за боями; кровь лилась, съ каждымъ днемъ приходили новыя заботы, а старыя легко забывались. Такъ прошло лѣто, и на смѣну ему наступила осень. Никогда больше не думалъ я о старомъ, пережитомъ. Весна, весенніе труды и война исчезли изъ памяти, какъ снѣгъ, который растаялъ и безслѣдно сбѣжалъ въ озера. Я думалъ только объ одномъ — какъ бы сохранить свою милую жизнь, биться, какъ мужъ, за себя самого и за своего сосѣда въ строю, и еще о томъ, какъ бы дождаться вечерняго отдыха послѣ дневныхъ трудовъ. Случилось, что въ одну ночь, при выступленіи,

про меня забыли, и я остался стоять на посту. Одинокій, покинутый, стоялъ я и не думалъ, что товарищи уже ушли. Когда разсвѣло, я понялъ все; въ гнѣвѣ я ходилъ и думалъ, какъ быть: уйти или остаться на мѣстѣ и погибнуть. Выборъ былъ труденъ. Однако, я рѣшилъ, что лучше пасть отъ вражеской пули, чѣмъ покинуть свой постъ и умереть, можетъ быть, отъ пули своихъ. Я остался на мѣстѣ, ожидая прибытія непріятеля.

Сначала пришло ихъ немного. Только трое стрѣлковъ крались между кустами. Они увидали меня, подняли ружья, выстрѣлили, и всѣ трое промахнулись. Чувствуя, что живъ, я въ гнѣвѣ взвелъ курокъ, выстрѣлилъ и попалъ въ одного. Этотъ выстрѣлъ ожесточилъ моихъ враговъ. Оба они бросились на меня со штыками, чтобы отомстить; завязался бой, и я приготовился постоять за себя. Одинъ изъ нихъ уже былъ тяжело раненъ и лежалъ, распростертый на землѣ; другой начиналъ изнемогать. Самъ я стоялъ съ ружьемъ въ рукахъ, готовый защищаться до послѣдней крайности, и все еще не терялъ надежды, какъ вдругъ вдалекѣ показалась толпа всадниковъ — они мчались галопомъ на помощь товарищамъ. Все пропало. Скоро затрещали пистолеты; пули, какъ осы, зажужжали около моей головы, и, прежде чѣмъ я могъ опомниться, пуля ударила меня въ колѣно, и я охромѣлъ на всю жизнь. Я зашатался, но еще стоялъ на ногахъ и собирался убить своего врага, какъ передній изъ всадниковъ подоспѣлъ ко мнѣ на взмыленномъ конѣ и замахнулся саблей — я свалился на землю. Я ждалъ удара, нагнулъ голову и въ страхѣ поднялъ прикладъ, чтобы защититься; но что за чудо! Всадникъ не думалъ рубить — онъ соскочилъ съ коня и велѣлъ товарищамъ остановиться, бросился мнѣ на шею и громко зарыдалъ; слезы ручьями текли по его черному свирѣпому лицу. Съ удивленіемъ узналъ я въ немъ калмыка, которому я подкрѣпилъ силы и оказалъ помощь въ минуту невзгоды. Чего ему стоило ударить меня, когда онъ въ изступленіи кинулся на меня, — ему, дикарю? Почему же онъ не ударилъ? Что удержало его руку? Да, и у него въ глубинѣ души таилась искра благодарности, любви къ человѣку; и въ его суровомъ сердцѣ голосъ любви взялъ верхъ надъ гнѣвомъ. Не всякій отецъ такъ ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ этотъ дикій калмыкъ ухаживалъ за мной. Слухъ обо мнѣ скоро разнесся по всему вражескому войску, и гдѣ бы я ни появлялся,

какъ плѣнникъ, я находилъ друзей и почетъ. Самъ гордый генералъ ласково улыбался при моемъ приближеніи, подчасъ хлопалъ меня по плечу и спрашивалъ, какъ я поживаю и хорошо ли со мною обращаются. А съ калмыкомъ я все дѣлилъ пополамъ. Мнѣ доставались всегда лучшіе куски, ѣлъ я и пилъ до отвалу, — и лучшими днями въ моей жизни были дни моего плѣна. Такъ-то, друзья! Главное, быть храбрымъ; а турокъ тоже человѣкъ".

Такъ говорилъ старый солдатъ, и всѣ съ удивленіемъ слушали его. Примиренная съ нимъ дѣвушка, отдавъ распоряженіе о вечернемъ празднествѣ, покинула избу. Она поспѣшно вышла во дворъ и пошла по протоптанной дорожкѣ, съ трудомъ пробираясь въ темнотѣ между высокими сугробами снѣга. Подойдя къ господскому дому, она подняла взглядъ и — не повѣрила своимъ глазамъ — она увидѣла пріѣзжаго гостя: передъ крыльцомъ стояла высокая кибитка, запряженная запыхавшимися лошадьми.

Полная удивленія, она отошла въ сторону — она не хотѣла сразу войти въ залъ, хотѣла сначала пройти черезъ кухню и привести въ порядокъ свое платье, какъ вдругъ она увидала въ полутьмѣ, что дверь залы открылась, мелькнула фигура ея отца, и послышался его голосъ:

— Эй! Почему не зажжены свѣчи? Гдѣ же люди? Ужели некому вынести вещи капитана изъ саней?

Такъ онъ сказалъ, и сердце дѣвушки забилось отъ предчувствія. Поспѣшно, не ища обхода, побѣжала она прямо по снѣгу и подошла къ отцу, стоявшему на крыльцѣ. — „Кто это пріѣхалъ?" спросила она дрожащимъ голосомъ. — „Скорѣе, отецъ, скажи мнѣ, не мучь меня! О, если мое предчувствіе не оправдается, я погибну отъ горя. Возможно ли — это Адольфъ!"

Не отвѣчая, старикъ взялъ дочь за руку, отдалъ подошедшему слугѣ еще какое-то приказаніе и повелъ дѣвушку въ залъ. Крикъ удивленія и радости раздался изъ ея устъ; но она замедлила шагъ, остановилась и смотрѣла — смотрѣла, со слезами въ улыбающемся взорѣ.

Это былъ онъ, желанный — предчувствіе не обмануло. Прямо, съ воинской осанкой, держа на перевязи раненую лѣвую руку, сидѣлъ капитанъ рядомъ съ своей супругой. Бурная радость свиданія уже улеглась, и въ залѣ царило молчаніе, какъ

въ храмѣ, когда утихаетъ ревъ органа, и каждый въ тиши собирается съ мыслями передъ молитвой.

Едва ли кто видѣлъ ее, привѣтливую дѣвушку, пока она стояла у дверей большого покоя; теперь капитанъ поспѣшилъ къ ней навстрѣчу, обнялъ сестру здоровой рукой и поцѣловалъ ее въ пылающія губы.

Когда они поздоровались и обмѣнялись радостными словами, капитанъ вернулся къ своей женѣ, устремилъ на нее лучистый вопрошающій взглядъ и тихо прошепталъ: „Пойдемъ, здѣсь еще есть одинъ, съ кѣмъ нужно увидѣться. Онъ спитъ — сказала ты давеча; но сонъ его не будетъ же продолжаться вѣчно“.

Съ этими словами оба тотчасъ вышли изъ залы, и майорша въ испугѣ послѣдовала за ними, готовая прійти на помощь: какъ бы они не разбудили бѣдное дитя, и оно не испугалось страшныхъ отцовскихъ усовъ.

Благородный майоръ съ дочерью остались въ комнатѣ одни. Онъ уже не былъ угрюмъ; лицо его прояснилось, и онъ сидѣлъ, какъ прежде, въ качалкѣ, спокойно посасывалъ трубку и по временамъ пускалъ къ потолку клубы дыма и, довольный, покачивался взадъ и впередъ. Дѣвушка тихо подошла къ нему; сначала она молча подталкивала ногой полозъ качалки, потомъ, съ сердцемъ, полнымъ печали, она тихо проговорила: „Отецъ, въ радости мы думаемъ только о себѣ. Здѣсь есть одинъ человѣкъ. Какъ-то встрѣтитъ онъ праздникъ? Вернется ли радость къ старому Пистолю? Сидя въ избѣ, слышитъ онъ, можетъ быть, про наше счастье, смотритъ съ тревогою вверхъ и ищетъ и ждетъ напрасно своего сына“.

Едва она кончила, какъ въ сѣняхъ застучала деревянная нога стараго солдата, и скоро въ открытыя двери показался онъ самъ. Смиренно и робко вошелъ онъ въ покой и въ ожиданіи молча сталъ у порога.

Но благородный майоръ не остался на своемъ мѣстѣ; онъ подошелъ къ своему собрату и съ печалью въ сердцѣ дружески опустилъ руку на плечо сѣдовласаго воина. „Мужайся, старый Пистоль, — сказалъ онъ: — надежда обманчива — далеко, увы! далеко тотъ, кого ты ждешь; грустныя вѣсти принесъ капитанъ и тебѣ и всѣмъ намъ; но жить, значитъ — терпѣть“.

Такъ онъ сказалъ. Солдатъ понялъ его; онъ поднесъ руку

къ глазамъ и разомъ прогналъ дрожь съ волосатыхъ губъ. Онъ молча стоялъ нѣкоторое время, опираясь на палку, неподвижный, спокойный, снова устремивъ глаза кверху; наконецъ, онъ заговорилъ: „Господинъ мой, намъ не нужно напоминать о томъ, какъ непостоянна жизнь человѣка и какъ мало мы можемъ возлагать на нее надеждъ. Часто видали мы, какъ даже самыя цвѣтущія щеки теряли свой цвѣтъ и тускнѣли скорѣе, чѣмъ тускнѣетъ вечернее облако. Но должна ли бренность жизни ужасать насъ, какъ чудо? Много вечеровъ провелъ я, сидя въ одинокой избѣ у очага; я смотрѣлъ, какъ тлѣли уголья на огнѣ, и слышалъ, буря ревѣла на дворѣ и бросала въ стѣну снѣжные вихри. Но тогда у меня была радость надежды. Онъ вернется — думалъ я — наколетъ мнѣ дровъ и вновь зажжетъ пламя въ потухающихъ угляхъ. Легче мнѣ станетъ тогда, веселѣй доживу я свой вѣкъ. Господинъ мой, теперь онъ уже не вернется... Но нужно ли мнѣ жалѣть объ этомъ?

Вернись онъ — быть можетъ, и ему пришлось бы сидѣть, какъ и мнѣ, въ лѣсной лачугѣ, скорчившись, молча, глазъ на глазъ съ клюкою да съ старостью; у него не было бы ни одной родной души, съ кѣмъ перекинуться словомъ; никого, на комъ бы съ любовью и лаской покоить свой взоръ, кто былъ бы опорой дряхлому. Ужели такая жизнь болѣе желанна, чѣмъ вѣрный покой въ могилѣ. Счастливъ онъ, что избавился отъ нея. Мой день, какъ и раньше, тихо склоняется къ вечеру, и я привыкъ терпѣть“.

Такъ онъ сказалъ. Майоръ протянулъ руку старику. — „Старый Пистоль, — сказалъ онъ, — сынъ вашъ палъ за того, кто вновь приноситъ радость въ мой домъ, за жизнь моей дочери, за капитана, — такъ слышалъ я — и онъ палъ, какъ подобаетъ воину. Потому и вамъ не нужно уже оставаться одинокимъ въ лѣсу; вы переселитесь сюда; въ моемъ домѣ много мѣста и болѣе, чѣмъ достаточно, людей для услуги, когда силы ваши съ годами ослабѣютъ. Приходите сюда, товарищъ, будемъ вмѣстѣ мирно старѣть, какъ вмѣстѣ мы дрались когда-то во многихъ сраженіяхъ! Жизнь коротка — одинъ за другимъ уходятъ друзья, и все дороже становится для меня, старика, другъ моихъ юныхъ дней“.

Съ минуту солдатъ помолчалъ — казалось, онъ обдумывалъ

отвѣтъ. Потомъ онъ сказалъ: „Господинъ мой, щука еще бьется о тростники въ моемъ озерѣ, тетеревъ и глухарь еще пробѣгаютъ мимо моей избушки; у меня еще есть силы; я могу еще снарядить удочку и разставить сѣть, чтобы прокормить себя; немного надо тому, кто доволенъ малымъ. Если я буду жить здѣсь и получать свой насущный хлѣбъ отъ васъ, служитель или служанка въ домѣ легко могутъ сказать приживальщику слово, которое будетъ для него тяжелѣе нужды. Нѣтъ, тамъ, въ моей уединенной лачужкѣ, гдѣ я самъ себѣ господинъ, мнѣ будетъ лучше жить и пользоваться щедротами Всевышняго Подателя благъ. Лѣсъ одѣваетъ Онъ зеленью, птицѣ Онъ кормъ посылаетъ; Онъ — моя помощь донынѣ, и впредь мнѣ помощникомъ будетъ. Если я принимаю отъ Него свой хлѣбъ, то никто не посмѣетъ взглянуть презрительнымъ взоромъ на старика, который умѣетъ унижаться".

Такъ онъ сказалъ. Майоръ поднялся во весь свой ростъ; грудь его дышала полнѣе; яснымъ и мужественнымъ взоромъ онъ смѣрилъ солдата; онъ молчалъ, онъ чувствовалъ, какъ растетъ его сердце. Финляндія, холодная, бѣдная, уединенная, святая отчизна стояла передъ его умственнымъ взоромъ, и сѣрыя когорты съ береговъ Саймы, радость его жизни, его полувѣковая гордость, воскресли въ его памяти вмѣстѣ съ его боевымъ товарищемъ, какъ и прежде, — простымъ, угрюмымъ, спокойнымъ, съ твердымъ, какъ сталь, чувствомъ чести въ душѣ.

Напослѣдокъ онъ молча подошелъ къ столу и съ сердечнымъ радушіемъ наполнилъ дымящейся влагой стаканъ для гордаго воина; тѣмъ временемъ дочь его тихо скользнула въ дверь и подошла къ старому солдату. Прелестная въ своемъ дѣтскомъ простодушіи, подошла она, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, смущенно краснѣя, съ дрожащими чистыми слезинками на щечкахъ, взяла въ свои нѣжныя руки мощную руку старика и заговорила съ кроткимъ укоромъ: „Злой, жестокій Пистоль, гордецъ, вы отказываетесь прійти къ намъ? Вы думаете, что вы никому не нужны здѣсь, въ этомъ большомъ счастливомъ домѣ? Но взгляните — вотъ мой отецъ. Знайте, что трубка теперь для него дороже, чѣмъ я; моя мать живетъ только для внука; мой зять и сестра принадлежатъ другъ другу; обо мнѣ не думаетъ никто. Скоро я останусь одна; я лишняя здѣсь; тутъ ли, я или нѣтъ — все равно: никому отъ того ни лучше, ни хуже. Всякое счастье идетъ

отъ другого, а я никому не приношу радости. И для васъ ваша хижина, пустыня и лѣсъ дороже, чѣмъ мое дружеское участіе, даже если бы я радѣла о васъ, какъ родная дочь?"

Такъ сказала она, и старикъ, растроганный, отвѣчалъ ей: „Фрекенъ, не соблазняйте стараго филина оставить тьму и выйти на свѣтъ: порой ему спокойнѣе въ тѣни и въ ночной темнотѣ. Если же онъ будетъ показываться здѣсь чаще, чѣмъ бы слѣдовало, то помогайте тогда старику держаться подальше отъ домашней птицы, пока онъ сидитъ и смотритъ въ ваши лучистые глазки; потомъ онъ веселый опять уйдетъ въ свое гнѣздо и предастся покою".

Такъ онъ сказалъ, принялъ изъ руки майора дымящійся стаканъ, молча поднесъ его ко рту и медленно выпилъ до дна.

Переводъ ***Г. Я.***

А. Киви.

Семь братьевъ.

Романъ.

Дѣйствіе романа происходитъ въ области тавастовъ, среди старинной Ями, и въ то время, когда тамъ еще водились медвѣди, а крестьяне содержали большія стада быковъ. Дворъ Юкола принадлежалъ крестьянину съ семью сыновьями, которыхъ звали Юхани, Туомасъ (Ѳома), Апо (Абраамъ), Симеони, Тимо (Тимоѳей), Лаури и Эро. Крестьянинъ былъ не только трудолюбивымъ пахаремъ, но и храбрымъ охотникомъ. Однажды его нашли въ лѣсу растерзаннымъ медвѣдемъ, но рядомъ лежалъ и убитый имъ звѣрь. Вскорѣ умерла также ихъ мать и семь братьевъ остались одни на бѣломъ свѣтѣ. Молодецкая сила кипѣла въ ихъ жилахъ и, не находя приложенія въ работѣ, заставляла ихъ ссориться между собой и съ другими. Потерявъ родителей, братья рѣшаютъ начать новую, дружную жизнь. Однако, миръ между ними не налаживается, такъ какъ Юхани въ качествѣ старшаго требовалъ повиновенія себѣ другихъ братьевъ, но Туомасъ былъ сильнѣе его и поэтому не желалъ ему подчиняться.

Кромѣ того, всѣ влюбились въ одну и ту же дѣвицу Венлу, дочь бѣдной вдовы. Тогда братья спохватились, что они безграмотны, а между тѣмъ, по тогдашнимъ порядкамъ, только тотъ могъ обвѣнчаться, кто выучился грамотѣ и катехизису. И вотъ они отправляются къ пономарю учиться. Туго имъ давалась грамота. Пономарь не разъ запиралъ ихъ въ чуланъ и морилъ голодомъ.

Не мало приходилось имъ терпѣть и отъ другихъ, болѣе молодыхъ учениковъ. Однажды дѣло дошло до драки, при чемъ братья сильно

избили противниковъ. Боясь, что имъ попадетъ за эту драку, братья ушли со своего двора въ необитаемую мѣстность и здѣсь выстроили себѣ хижину, въ которой и зажили. Они охотились, били медвѣдей ловили рыбу и понемногу воздѣлывали землю.

Объ ихъ житьѣ-бытьѣ въ Импивара даетъ вѣрное представленіе помѣщаемое ниже описаніе того, какъ они справляютъ канунъ Рождества. Это веселье кончается пожаромъ ихъ хижины. Въ однѣхъ рубашкахъ и съ ружьями въ рукахъ имъ приходится въ трескучій морозъ искать себѣ убѣжища. По дорогѣ нападаютъ на нихъ волки. Отстрѣливаясь отъ послѣднихъ и промерзши до костей, они достигаютъ хижины крестьянина. Оправившись и наслушавшись фантастическихъ разсказовъ Таула-Матти, братья опять уходятъ въ лѣсъ, охотятся на медвѣдя и наталкиваются на стадо быковъ въ сорокъ головъ. Убѣгая отъ быковъ, они взбираются на высокій камень. Но быки окружаютъ камень, выжидая, когда братья сойдутъ внизъ. Выдержавъ четыре дня безъ ѣды на камнѣ, братья открываютъ пальбу по быкамъ и убиваютъ всѣхъ. Затѣмъ они сдираютъ шкуру съ убитыхъ животныхъ, а младшаго брата Эро посылаютъ къ помѣщику Віертола, владѣльцу быковъ, сообщить о происшедшемъ. Хозяинъ съ 10 батраками приходитъ на поле битвы, но послѣ нѣсколько рѣзкихъ словъ дѣло налаживается такъ, что братья обѣщаютъ уплатить стоимость быковъ хлѣбомъ. Тутъ случается несчастье съ продажей хлѣба, порученной Симеону и Эро. Продавъ хлѣбъ, они пропиваютъ всѣ деньги. Эро возвратился къ братьямъ безъ денегъ и былъ ими жестоко избитъ, но Симеонъ изъ страха и стыда спрятался въ лѣсу. Тогда братья, видя его раскаяніе, простили ему его проступокъ, отправились искать его и нашли его истощеннымъ и почти безъ памяти отъ голода.

Другой эпизодъ вызывается намѣреніемъ братьевъ посѣтить церковь. Приходятъ они въ церковное село въ будни, ошибясь въ счетѣ дней. Опять ихъ дразнятъ насмѣшками, и завязывается жестокая драка. Братья выходятъ побѣдителями, но, боясь послѣдствій этого столкновенія, собираются поступить въ солдаты. Ленсманъ, относящійся къ нимъ благожелательно, успокаиваетъ ихъ. Теперь братья не на шутку даютъ обѣтъ остепениться. Эро отправляется къ пономарю учиться грамотѣ, а затѣмъ онъ учитъ своихъ братьевъ. Тѣмъ временемъ прошло 10 лѣтъ, какъ братья переселились въ дикую мѣстность. Дворъ, унаслѣдованный отъ родителей, былъ сданъ въ аренду. Тогда братья возвращаются и чрезвычайно растроганы при видѣ родного очага. Юхани женится на Венлѣ и остается жить въ Юколѣ. Туомасъ же переселяется въ Импивара, также и Тимо. Лаури ведетъ жизнь охотника. Эро становится лѣсничимъ, а Апо урядникомъ, только Симеонъ спивается и живетъ то у одного, то у другого брата. — Таковъ разсказъ о семи братьяхъ, буйныхъ дѣтяхъ природы, храбрыхъ въ борьбѣ съ медвѣдями, неутомимыхъ въ превращеніи лѣса въ плодородныя поля, терпѣливыхъ въ перенесеніи стужи и голода и малоопытныхъ въ сношеніяхъ съ постороннимъ міромъ. ***К. Т.***

(Изъ главы VI.)

Канунъ Рождества. На дворѣ оттепель. Сѣрыя тучи покрываютъ небо; только что выпавшій снѣгъ покрываетъ горы и долины. Изъ лѣса доносится тихій шорохъ. Тетеревъ ужинаетъ на березѣ, усыпанной почками, стая свиристелей — на краснѣющей рябинѣ, а лѣсная проказница сорока носитъ прутики для будущаго гнѣзда. И въ бѣдной лачугѣ, и въ богатой усадьбѣ — радость и миръ; радость и миръ и въ избѣ братьевъ, на полянѣ Импивара. Передъ дверьми ея стоитъ возъ съ соломой, которую Бѣлый привезъ изъ усадьбы Віертолы — ею будутъ усыпаны полы въ избѣ по случаю праздника. Видно, что братья и на новомъ мѣстѣ не позабыли шелеста рождественской соломы — это было самое свѣтлое изъ ихъ дѣтскихъ воспоминаній.

Изъ избы слышится шипѣніе пара на горячихъ камняхъ очага и свистъ мягкихъ вѣниковъ. Сегодня у братьевъ большая рождественская баня. Напарившись досыта жгуче-горячими вѣниками, они, наконецъ, сошли внизъ, одѣлись и сѣли отдыхать на доскахъ, которыя были поставлены вдоль стѣнъ, вмѣсто лавокъ. Они сидѣли, отдуваясь и обливаясь потомъ. Пылающая лучина освѣщала избу; Бѣлый у своей колоды жевалъ овесъ — хозяева не забыли, что и у него тоже праздникъ; пѣтухъ, зѣвая, дремалъ на насѣсти; собаки, Килли и Кійски, положивъ морды на лапы, лежали около печки, и на колѣняхъ у Юхани мурлыкалъ старый сѣрый котъ, оставшійся еще отъ прежняго хозяйства.

Наконецъ, Тимо и Симеонъ начали накрывать ужинъ, а другіе братья внесли въ избу снопы соломы. Они развязали свясла и разбросали солому по полу, толщиной въ четверть, и еще гуще на полатяхъ, гдѣ обыкновенно проводили вечеръ и ночь.

Между тѣмъ ужинъ былъ готовъ: семь черныхъ хлѣбовъ — калачей, двѣ дубовыхъ тарелки съ дымящейся медвѣжатиной и жбанъ пива стояли на столѣ. Пиво они сварили сами — они хорошо помнили, какъ ихъ мать готовила этотъ напитокъ. Но они сдѣлали его крѣпче обыкновеннаго деревенскаго пива. Темно-красное, оно пѣнилось въ жбану; отъ одной кружки уже почувствуешь, какъ въ головѣ у тебя зашумитъ. И вотъ они всѣ семеро сидѣли за столомъ и лакомились мясомъ, хлѣбомъ и пѣнистымъ пивомъ.

Апо. Вотъ это ужинъ такъ ужинъ! Чего тутъ только нѣтъ!

Юхани. Ѣшьте, пейте, ребята: нынче, вѣдь, праздникъ у насъ, у всѣхъ праздникъ — и у людей, и у скотины. Плесни-ка, Тимо дружище, пива на овесъ бѣднягѣ Бѣлому въ колоду. Вотъ такъ! Пусть и ему хоть кружечка перепадетъ. Въ этотъ вечеръ негоже скупиться, всѣ должны быть сыты: и мы сами, веселые братья Юколы, и лошадь, и собака, и кошка. Ты, пѣтушокъ, спи себѣ спокойно, завтра получишь свою часть. Вотъ вамъ, Килли и Кійски, по хорошему куску медвѣжьей ноги, а это тебѣ, котишка. Только сперва дай лапку, круглоглазый! Вотъ такъ! А теперь обѣ лапки! Глядите-ка, какіе фокусы онъ выдѣлываетъ, и согласитесь, что и я немножко мастеръ своего дѣла. Онъ уже подаетъ заразъ обѣ лапки, а потомъ садится, какъ степенный старичокъ, и кладетъ обѣ лапки въ мою руку. Ахъ, ты, плутишка. Вотъ такъ!

Апо. Умора!

Туомасъ. Вѣкъ живи — вѣкъ учись!

Юхани. Да, взяла-таки времени эта наука. Я не давалъ малому покоя, пока онъ не научился благодарить учителя обѣими лапками. Теперь это онъ дѣлаетъ честь честью, и учитель вознагражденъ. — Вотъ это котъ такъ котъ! Гляди сюда! Возьми-ка кусокъ медвѣжатины. А теперь Килли и Кійски. Вотъ такъ! „Обидь человѣка, только не обижай его собаки“, говоритъ пословица. А я скажу: „Обидь Юсси Юколу, только не трогай его кота“.

Эро. Подвинь-ка жбанъ съ пивомъ, Юхани.

Юхани. Вотъ это дѣло! Пей, дружище, Божій даръ, пей: сегодня праздникъ, и въ кладовой еще большой запасъ. Это ли не житье! Хоть весь свѣтъ сгори до тла, что намъ до того, лишь бы была цѣла наша Импивара да ея округа? Мы живемъ здѣсь, словно въ раю, на всей своей волѣ, въ сторонѣ отъ злыхъ людей. Мы здѣсь, какъ у Христа за пазухой. Лѣсъ — нашъ лугъ, наша нива, наша мельница, наше гнѣздо на вѣки вѣчные.

Тимо. И наша мясная.

Юхани. Вотъ вотъ! Здѣсь мы, какъ у Христа за пазухой. Спасибо тебѣ, Лаури, что надоумилъ насъ уйти отъ суеты мірской. Здѣсь покой и свобода. Еще разъ скажу: если бы огонь

попалилъ всю землю — что намъ до того, лишь бы остался цѣлъ дворъ Юколы и его семеро сыновъ!

Тимо. Если когда-нибудь огонь опустошитъ всю землю, такъ и Юкола сгоритъ до тла, да и сынамъ ея тоже не сдобровать.

Юхани. Что говорить! Но не диво ли, какъ это человѣкъ можетъ думать обо всемъ, о чемъ захочетъ? Онъ можетъ представить себя и царемъ всей земли, и букашкой, которая роется въ землѣ. Онъ можетъ представить себѣ, что нѣтъ больше ни Бога, ни бѣсовъ, ни ангеловъ, ни рода человѣческаго, ни животныхъ — ни на землѣ, ни въ морѣ, ни въ воздухѣ; что земля, и преисподняя, и небо погибаютъ, какъ пакля въ огнѣ, и наступаетъ тьма кромѣшная, въ которой гордецъ во вѣки вѣчные не попроситъ свѣта Божьяго. Такъ-то порхаетъ, словно птица, мысль человѣческая, и кто можетъ поставить сѣть на ея путяхъ?

Тимо. Намъ ли, дуракамъ, понять всю эту премудрость! Не нашего ума это дѣло! Мы — что твои бараны: бе да ме — и все тутъ. Чего лучше: день да ночь — сутки прочь, а тамъ — хоть трава не расти. Будемъ себѣ здѣсь жить да поживать да добра наживать.

Юхани. И то сказать: чѣмъ намъ здѣсь не житье? Чего намъ не хватаетъ?

Тимо. „Ни милости Божьей, ни птичьяго молока“, какъ говорится. Домъ — полная чаша, въ избѣ тепло. Нѣжимся себѣ на соломѣ и знать ничего не знаемъ.

Юхани. Словно телки на хрустящей соломѣ. Топимъ баню, когда хотимъ, когда только вздумается; ѣдимъ, когда ѣстся. — Ну, однако, кажись, мы сыты, ребята. Остается только благословить суму да убрать со стола.

Симеонъ. Подождите, я прочитаю коротенькую молитву да пропою стишокъ.

Юхани. Обойдется и такъ на этотъ разъ. Гдѣ же ты былъ, когда за столъ садились? — Сходи-ка, Эро, братецъ, ты помоложе насъ, нацѣди пива изъ боченка.

Симеонъ. Такъ не дашь пропѣть стишокъ въ честь святого вечера?

Юхани. Какіе мы пѣвчіе, братецъ золотой! Сотворимъ молитву въ глубинѣ нашихъ сердецъ — это, вѣдь, самая угодная

жертва Богу. — А вотъ и пиво! Шипитъ и пѣнится, словно порогъ нашей рѣчки. Спасибо, паренекъ! Тутъ на всѣхъ хватитъ! Выпей-ка, братъ Туомасъ, да по-настоящему!

Туомасъ. За этимъ дѣло не станетъ!

Юхани. Ай да молодецъ! Отъ этакихъ глотковъ у насъ будетъ такая же луженая глотка, какъ у добраго пономаря.

Мы и прежде не тужили,
Хоть у лужи жили;
Мы изъ лужи лѣсъ ловили,
Съ лужи пиво пили.

Такъ-то! А теперь наше житье — багряная влага ячменя, топливо — дрова и смолистые пни, а подъ нами мягкая соломенная перина — хоть самимъ королямъ да князьямъ на ней бороться. — Скажу тебѣ словечко, Туомасъ. Братъ Апо какъ-то хвасталъ, будто силы у тебя уже много больше, чѣмъ у Юхо; только мнѣ что-то не вѣрится, Что бы намъ здѣсь побарахтаться; Давай-ка, попробуемъ!

Симеонъ. Ну васъ! Поберегите солому хоть до завтрашняго дня.

Юхани. Теперь-то и потѣшиться! „Канунъ — празднику голова"; да и, все равно, солома пойдетъ на подстилку. Ну, что же, Туомасъ?

Туомасъ. Можно попробовать.

Юхани. Въ рукопашную!

Туомасъ. Давай!

Юхани. Ну-ка, Господи, благослови!

Апо. Погоди, парень! Дай и Туомасу хорошенько ухватиться за шиворотъ.

Юхани. Пускай себѣ хватается! Пускай хватается!

Эро. Зубы-то чего скалишь, Юхо, да глазами ворочаешь, словно быкъ на плахѣ? Эхъ, братецъ! Смотри, какъ бы не осрамиться.

Апо. Все въ порядкѣ. Кому первому бросать?

Юхани. Пускай Туомасъ начинаетъ.

Туомасъ. Старшому начинать.

Юхани. Ну, такъ держись!

Туомасъ. Попробую.

Юхани. Держишься ли? Держишься ли?

Туомасъ. Пробую держаться.

Апо. Важно, ребята! Деретесь, словно витязи за вѣру. Юхо наступаетъ и изворачивается, какъ самъ Израиль, а Туомасъ „стоитъ, словно дубъ мамврійскій“.

Эро. „Пока Авраамъ съ Богомъ бесѣдуетъ“. А ротъ-то ротъ-то у Юхо — этакая страсть! Если теперь ему вставить стальную спицу между зубами — разъ! и спица пополамъ! Ой, страшно! Ой, страшно!

Апо. Чего тамъ! Какъ есть молодецкая борьба! Полъ-то подъ нами такъ ходуномъ и ходитъ.

Эро. Словно педали у органа; а Туомасъ ножищами-то деретъ полъ, точно большой сохой новь поднимаетъ.

Апо. Да, это, братъ, не грудные ребята пальчиками поглаживаютъ. Ахъ ты, лѣшій! Будь эта потасовка тамъ, на горѣ, отъ каблуковъ бы искры посыпались.

Эро. Золотыя звѣзды полетѣли бы въ лѣсъ, и отъ нихъ занялся бы славный пожаръ. — А Туомасъ-то все еще держится!

Туомасъ. Не довольно еще надергался?

Юхани. Теперь твоя очередь бросать.

Туомасъ. Попробую. Гляди-ка! Ажно полъ завертѣлся.

Эхо. Юхо, не плошай!

Апо. Вотъ это ударъ — такъ ударъ!

Эхо. Грохотъ-то, словно отъ „жезла Аманова“ или отъ „небеснаго огненнаго молота“.

Тимо. Лежитъ теперь нашъ Юхо, точно мѣшокъ со льдомъ.

Эро. Бѣдненькій „мальчикъ Юсси“.

Тимо. Да, вѣдь, такъ онъ себя называлъ, когда былъ маленькимъ.

Апо. Однако, надо же знать, какъ бросать человѣка. Опомнись, Туомасъ! Вѣдь тѣло человѣческое не изъ желѣза, а изъ мяса и костей.

Тимо. Вѣрно, хоть онъ и ходитъ въ штанахъ.

Туомасъ. Не зашибъ ли я тебя?

Юхани. Самъ смотри.

Туомасъ. Вставай.

Юхани. Встану и покажу тебѣ настоящую силу. Давай-ка тянуться на палкѣ. Вотъ на чемъ силу-то пробуютъ.

Туомасъ. Подай ка, Эро, вилы, вонъ тамъ, въ углу. — Ну-ка, Юхани.

Юхани. Здѣсь. Берись — рука къ рукѣ, пальцы кругомъ палки!

Апо. Когда я дамъ знакъ, начинайте. Только — чуръ — не рвать! Вилы къ ногѣ, какъ разъ къ самой ногѣ, ни вершка лишняго ни на чьей сторонѣ! — Ну, ребята!

Тимо. Юхо поднимается — ажно кряхтитъ.

Апо. Кряхти — не кряхти, не поможетъ.

Юхани. Тимо, поди, налей пива.

Тимо. Что, братъ, захромалъ?

Юхани. Пива налей, тебѣ говорятъ, чортова затычка! Слышишь ли? Или хочешь, чтобы я тебѣ по уху съѣздилъ?

Туомасъ. Никакъ я тебѣ ногу ушибъ?

Юхани. А тебѣ какое дѣло? Береги свои лапы! Чѣмъ я виноватъ, что у меня каблукъ соскочилъ? Отвалился, словно кожа съ рѣпины. Смотри за собой. Ну, такъ и быть, оба раза твоя взяла; давай теперь драться!

Апо. Насчетъ драки не было уговору.

Юхани. Эка важность! Была бы охота!

Туомасъ. Не хочу.

Юхани. Ага! Не смѣешь!

Апо. Борьба — та же игра.

Симеонъ. Хороша игра — нечего сказать — которая сплошь да рядомъ кончается дракой и смертоубійствомъ.

Юхани. Такъ и быть — пускай Туомасъ меня поборолъ. Зато ужъ изъ васъ никому со мной не справиться. Хоть побожиться! Выходи вся рота наперечетъ, всѣхъ положу, отъ перваго до послѣдняго.—Одинъ разокъ, Апо! Выдержитъ ли воротъ?

Апо. Дурья голова — больше ничего! Подожди ты! Бороться, такъ ужъ бороться по-настоящему.

Юхани. Славный ударъ!

Апо. Подожди, тебѣ говорятъ!—Вотъ такъ! Теперь бросай.

Эро. Юхо пляшетъ польку, какъ мальчишка, даромъ что прихрамываетъ.

Юхани. Теперь что скажешь, братъ Апо?

Апо. Скажу, что лежу подъ тобой.

Юхани. Ну-ка, выходи номеръ второй, Симеонъ — твоя очередь!

Симеонъ. Хоть озолоти — не нарушу великаго праздника.

Юхани. Честь и слава празднику! Но можетъ ли его нарушить безгрѣшная забава, при которой наши мысли свѣтлы и сердца чисты? Одинъ разокъ, Симеонъ!

Симеонъ. Чего ты ко мнѣ пристаешь?

Юхани. Только разокъ!

Симеонъ. Отвяжись, сатана!

Апо. Оставь его въ покоѣ, Юхани!

Юхани. Надо же попробовать. Вотъ такъ, разокъ другой рвануть за воротъ!

Симеонъ. Пошелъ къ чорту, нечистый духъ! Вѣрю на слово, что поборешь.

Туомасъ. Не повѣрю, пока не увижу. Неужто у Симеона сила, какъ у теленка?

Юхани. Вотъ потому-то и надо попробовать. Тогда и видно будетъ, какая у него сила — какъ у теленка или какъ у чернаго медвѣдя при облавѣ.

Апо. Оставь его. Пусть выходитъ кто-нибудь другой, которому борьба больше по душѣ. Ну ка, братъ Тимо, удалая голова!

Юхани. Хочешь?

Апо. Не робѣй, Тимо! Ты вѣдь не изъ трусливаго десятка.

Туомасъ. Ничуть не бывало. Всегда проворенъ, всегда, какъ у себя дома. Никогда не забуду того, что онъ сдѣлалъ въ славной битвѣ съ Тоуколайненами *. Сначала, положимъ, ему самому дали хорошаго тумака по макушкѣ; а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулся, выхватилъ у мужика жердь изъ рукъ да какъ начнетъ дубасить по башкѣ — палка пополамъ! Палка пополамъ, а мужикъ такъ и грохнулся на земь, какъ пустой мѣшокъ! Вотъ онъ каковъ Тимо Юкола! У него хватитъ силы постоять за себя.

Тимо. Выходи ка, парень!

Юхани. Мнѣ только того и надо. Дай-ка и мнѣ сцапать тебя за шиворотъ.

Апо. Пускай Тимо начинаетъ.

Юхани. Ладно. Я хоть передохну малость тѣмъ временемъ.

---

* Обитатели сосѣдняго хутора.

Тимо. Вотъ тебѣ!

Юхани. Нѣтъ, братъ, шалишь!

Туомасъ. Ого, довольно таки непріятный ударъ, Тимо, удалая твоя голова! Хватитъ ли у тебя пороху?

Юхани. Отсюда не уйдешь съ пустыми руками.

Туомасъ. Хватитъ ли пороху, Тимо?

Тимо. Должно бы хватить. Какъ тебѣ это понравится?

Юхани. „Отсюда не уйдешь съ пустыми руками", — сказалъ нищій изъ Хювямяки.

Апо. Еще разокъ, Тимо!

Туомасъ. Хватитъ ли пороху?

Тимо. Должно бы хватить. А это каково?

Юхани. „Отсюда не уйдешь съ пустыми руками", — сказалъ нищій изъ Хювямяки.

Туомасъ. Вотъ это ударъ такъ ударъ!

Эро. Не бѣда, только голосъ у Юхани немножечко какъ будто дрогнулъ.

Юхани. Стою крѣпко.

Туомасъ. Ну-ка, Тимо, еще разокъ.

Тимо. Попробуемъ, попробуемъ.

Юхани. Вента-холлъ! * Штаны падаютъ!

Тимо. „Ну ка, — сказалъ Кайтаранта".

Юхани. Штаны падаютъ! Слышишь ты?

Тимо. Вотъ тебѣ еще, братецъ!

Апо. Что это? Никакъ Юхани опять лежитъ да полъ цѣлуетъ!

Эро. Да, сопитъ, словно быкъ. Хорошо, что онъ успѣлъ „малость передохнуть".

Тимо. Малый лежитъ подо мной, точно мокрый лапоть.

Туомасъ. Штаны ему все дѣло испортили.

Апо. Что правда, то правда. Собственные штаны Юхани измѣнили своему хозяину и заключили союзъ съ Тимо.

Эро. Вѣрно. А потому скидывай, ребята, штаны да начинай игру сызнова!

Симеонъ. Заткни глотку, ворона! А то дамъ тебѣ по носу! Еще не довольно съ тебя этой дьявольской потѣхи?

---

* Шведская фраза — „подожди".

Эро. А мы изъ нея сдѣлаемъ ангельскую. Штаны и рубахи долой — и давайте бороться, какъ ангелы въ раю.

Туомасъ. Чего сидишь у него на загривкѣ, Тимо?

Тимо. Будь теперь хорошее полѣно подъ рукой, я бы тебя такъ отшлепалъ по задницѣ, что только трескъ бы пошелъ.

Апо. Зачѣмъ же? Вѣдь, это борьба, а не драка.

Эро. Никакъ нашъ Тимо осерчалъ?

Тимо. Ничего не осерчалъ. Я только говорю: будь теперь подъ рукой полѣно либо колъ, я бы тебя такъ отшлепалъ по задницѣ, что только трескъ бы пошелъ.

Туомасъ. Отпусти его.

Тимо. Вставай, человѣкъ Божій.

Юхани. Погоди ужъ — какъ встану да застегну штаны — и ты еще у меня поваляешься, да почище моего. У меня случилось несчастіе, а ты взялъ да и воспользовался, сапожная скобка!

Апо. Чуръ, не сердиться! Онъ не видалъ, что у тебя штаны свалились, пока не бросилъ тебя на земь. Въ азартъ вошелъ — до того ли тутъ, милый ты человѣкъ!

Юхани. Врешь — видѣлъ, выдра! А вы то что, точно вороны, накинулись на меня? Не зналъ — скажите, пожалуйста! Не я ли кричалъ во все горло, какъ оглашенный: вента-холлъ! Штаны падаютъ! А онъ хоть бы что — знай себѣ рветъ когтями да зубами, что твоя кошка. Безстыжіе твои глаза! Я тебя научу, какъ пользоваться чужими штанами, я тебя научу!

Тимо. Говорятъ тебѣ — сгоряча не замѣтилъ, милый человѣкъ.

Юхани. Я тебя научу — дай только застегну штаны да затяну потуже поясъ.

Тимо. А коли такъ, такъ наплевать мнѣ на всю вашу борьбу! Поборолъ, такъ поборолъ — что тутъ еще толковать. При чемъ тутъ штаны? Въ борьбѣ побѣждаетъ человѣкъ, а не штаны всякіе тамъ, чулки да портянки.

Юхани. Давай сызнова! Руками за воротъ, грудь съ грудью! Безстыжіе твои глаза!

Тимо. Пойти что ли, побаловаться?

Эро. Онъ еще спрашиваетъ! Иди себѣ съ Богомъ, пока можно.

Симеонъ. Не ходи, говорю тебѣ.

Эро. Коли боишься, такъ не ходи, пожалуй.

Юхани. Бойся, не бойся — это теперь не поможетъ. Ему теперь не миновать новаго боя и сію же минуту.

Эро. Смилуйся надъ нимъ, Юхани!

Тимо. Вотъ еще новости, Эро! Ничего! Потягаемся еще разокъ другой. „Терси-ка!“ *

Юхани. Ну-ка, парень!

Туомасъ. Важно, Юхо!

Апо. Важно! Точь-въ-точь голодные ястреба.

Симеонъ. Да, это драка, настоящая драка!

Апо. Умненько, Юхани!

Симеонъ. Ахъ, вы, злодѣи! Ахъ, вы, злодѣи!

Эро. Что ты душишь-то его — вѣдь онъ тебѣ братъ родной?

Симеонъ. Ага, Эро! И тебя страхъ беретъ. Расхлебывай-ка теперь кашу, которую самъ заварилъ!

Туомасъ. Юхани!

Симеонъ. Избу съ мѣста сдвинете, звѣри, нехристи!

Юхани. „Вотъ те, парень!“ — сказалъ русскій. Ага! Лежитъ таки, наконецъ, да глаза на потолокъ пялитъ!

Тимо. На этотъ разъ твоя взяла; однако дай срокъ — пройдетъ немного времени — ты будешь старикъ-старикомъ, а я окрѣпну и наберусь силы.

Юхани. Сама земля старится — что же сказать о насъ, грѣшныхъ? Время, братецъ, насъ всѣхъ равняетъ. Однако, вставай да хлебни глотокъ пива и сознайся, что у тебя золотника на два будетъ поменьше силы, чѣмъ у меня.

Тимо. Чего ужъ тутъ! Я лежалъ подъ тобой пластомъ, а ты на меня навалился медвѣдь медвѣдемъ.

Юхани. „Хлебни-ка, куцый Матюшка, изъ Хейкиной кружки!“ — Такъ, значитъ, выходитъ, что я въ здѣшнемъ стадѣ — второй силачъ. Правда, съ Лаури и Эро мы еще не тягались; да они знаютъ и такъ, что въ ушахъ бы у нихъ зазвенѣло, если бы сунулись; а Симеонъ самъ сознался, что ему противъ меня не устоять. Однако, какъ я посмотрю, всѣ мы братья Юколы, лицомъ въ грязь не ударимъ. Пускай приходятъ сюда хоть

Искаженное русское: „держи-ка“.

пятьдесятъ Тоуколайненовъ, одинъ на одинъ! Я поднимаю на спинѣ пять кулей — шутка сказать, лишь бы кто-нибудь накладывалъ ихъ на спину.

Туомасъ. А любопытно было бы посмотрѣть, какъ Лаури съ Эро стали бы бороться по-настоящему.

Апо. То-то было бы заглядѣнье! Одинъ степенный да тихій, словно зимняя оттепель; другой маленькій — отъ земли не видать, зато востеръ да проворенъ, что твоя молнія. Вотъ было бы сраженіе! Ни дать ни взять, горностай съ зайцемъ сцѣпились. Не хочу сказать, что ты трусливъ, какъ заяцъ — что говорить напраслину, — и не ради походки: вѣдь Лаури ковыляетъ, что кузнецовъ землекопъ, у котораго въ брюхѣ машина *. Мнѣ сдается, что это была бы, ни дать ни взять, схватка горностая съ матерымъ зайцемъ-самцомъ.

Юхани. Нуте-ка, ребята, одинъ разокъ другъ друга за шиворотъ, а то въ рукопашную!

Лаури. Съ Эро лучше не связываться! Отъ него не дождешься настоящаго тумака; онъ только и знаетъ, что лѣзетъ на тебя, какъ кошка, царапается и давитъ тебѣ виски такимъ чертовскимъ манеромъ, что нельзя духу перевести. Чай, помните, какъ прошлой осенью боролись въ Аронійту? ** Кто кого тамъ поборолъ, того и самъ чортъ не разберетъ. Очень мнѣ нужно съ нимъ связываться!

Эро. Я и на волосокъ не былъ сильнѣе тебя. Вѣрь, коли хочешь.

Лаури. Вѣрю, потому что знаю, что ты слабѣе меня.

Юхани. Вотъ вы и докажите это въ честномъ поединкѣ.

Лауры. Очень мнѣ нужно съ нимъ связываться!

Симеонъ. Давайте-ка лучше ложиться спать, не набѣсились еще.

Юхани. Успѣемъ еще надрыхаться — ночей-то много, а Рождество бываетъ разъ въ году. Давайте-ка веселиться! Радуйся, домъ нашъ! Радуйся, вся земля Израилева! Въ эту ночь, въ эту самую минуту случилось великое чудо въ городѣ Вавилонѣ. Будемъ веселиться! — Въ какую бы игру намъ сыграть?

---

* Имѣется въ виду примитивная машина для взрыванія земли.

** Мѣстность.

„Рождественское жаркое“ ѣсть? „Свинью рѣзать“? А то въ „сапожника“?*

Симеонъ. Еще чего! Не хватаетъ, чтобы мы еще стали дурачиться, какъ какіе-нибудь молокососы. Ну тебя!

Юхани. Молодому да холостому нѣтъ лучшей потѣхи, какъ поплясать. Не такъ ли, Тимо?

Тимо. Хи, хи, хи!

Юхани. Не такъ ли?

Тимо. Что правда, то правда.

Эро. Вѣрно, „Юсси золотой!“

Юхани. Сказала лиса зайчику. Правильно! Хороша жизнь человѣческая! Подчасъ бываетъ такъ весело, что пятки сами начинаютъ подпрыгивать. — Давайте плясать русскую — я на это мастеръ. Глядите-ка!

Апо. Ужъ не пиво ли тебѣ въ голову бросилось?

Юхани. Опрокинь-ка въ глотку кружечки три — сейчасъ почувствуешь, какъ у тебя зашевелится на чердакѣ. — Ну-ка, Эро, пой, а мальчикъ-Юсси будетъ плясать. Голоси!

Эро. Въ какомъ родѣ прикажете?

Юхани. Все равно, лишь бы побольше было звону да грому. Голоси, паренекъ, кричи такъ, чтобы нижнія бревна стали на дыбы! Пой, выдринъ сынъ; пой, а я буду плясать, буду прыгать козломъ, буду прыгать подъ самый потолокъ! Пой!

Эро. Попробую:

Веселись, честной народъ —
нынче у насъ праздникъ;
у насъ пива полны чаны,
и ковши и жбаны;
полны чаны, полны чаны,
и ковши и жбаны!

На ярмаркѣ въ Аньяпелло
пиво, вино пили;
быка чернаго продали —
невѣсту дарили,
дарили, дарили.

* Названія игръ.

Быка чернаго продали —
невѣсту дарили.

Ахъ ты, Юсси, Юкола Юсси!

Апо. Молчи, Эро: чего добраго, разсердишь его.

Юхани. Ничего, пой дальше; я не разсержусь; пой — какъ же мнѣ плясать безъ музыки.

Эро.
Ты, нашъ Юсси, Юкола Юсси!
Неумытое ты рыло,
ты свинячій золотарь...

Тимо. Хи, хи, хи! Ой, какія глупости ты поешь!

Юхани. Пой дальше, пой! Я не разсержусь.

Эро.
Неумытое ты рыло...

Буду пѣть да еще и пальцами прищелкивать.

Ты свинячій золотарь,
ты свинячій истопникъ!
Дурень Юсси, Юкола Юсси!

Пошла дѣвушка къ рѣкѣ,
написала на пескѣ
суженаго имя,
суженаго имя.

Какъ дружка я увидала,
его голосъ услыхала —
я отъ счастья обомлѣла,
точно на небо взлетѣла.
Я отъ счастья обомлѣла,
точно на небо взлетѣла.
Ты, нашъ Юсси, Юкола Юсси!

Помнишь ли, Майя —
землянику брали,
тѣшились — играли?
Фралла ралла ла!
землянику брали,

тѣшились — играли.
Фралла ралла ла!

Ты, нашъ Юсси, Юкола Юсси!

Ты, голубчикъ Апо,
Юсси не трогай;
у него — вѣдь знаешь —
силы очень много.

Юсси нашъ въ острогѣ,
клеймо на спинѣ;
всѣ мы, братцы, нынче
во одной цѣнѣ!
Фралла ралла ла!

Витка да Пійспа,
Сонни да Ялли!
Ралла ралла ла!
Сонни да Ялли!
Ралла, ралла ла!

Прогулялъ я свой умъ разумъ,
теперь пропадаю!
Чѣмъ бы жить на вольной волѣ —
кандалы таскаю.
Чѣмъ бы жить на вольной волѣ —
кандалы таскаю.

Юхани. Вотъ такъ! Вотъ такъ! Мы вѣдь не въ кандалахъ. Валяй дальше!

Эро. Ты, нашъ Юсси, Юкола Юсси!
Неумытое ты рыло,
староста свинячій,
пѣстунъ поросячій!
Ты, нашъ Юсси, Юкола Юсси!

Не довольно ли ужъ?

Юхани. Еще! Спляшемъ свадьбу скотника Матти! Еще! Еще! — Свадьбу скотника Матти!

Симеонъ. Да будетъ вамъ! Пѣтухъ — и тотъ ужъ кричитъ во все горло на этотъ чертовскій галдежъ и стукотню.

Юхани. Заткни глотку, Петька, не кудахтай!

Туомасъ. Довольно съ тебя, Юхани!

Апо. Этотъ басурманскій танецъ у тебя всю душу вымотаетъ.

Юхани. Не басурманскій, а русскій. Не такъ ли, Эро?

Эро. Не русскій, а юсскій *.

Юхани. Юсскій такъ юсскій. Пропляшу еще разъ двадцать этого самого юсскаго.

Симеонъ. Полоумный!

Тимо. Глядите-ка! Глядите! Хи, хи, хи! А, чортъ тебя побери!

Юхани. Прочь съ дороги! Не то растопчу тебя въ лепешку, какъ казацкая лошадь пьянаго мужика на ярмаркѣ. И-ихъ!

Апо. А ремень-то на спинѣ работаетъ, точно банный вѣникъ: и вверхъ, и внизъ, и по спинѣ и по задницѣ. Ахъ, ты!

Юхани. Лалла, ла, ла! Вотъ такъ трепка! Эге! Второй разъ пляшу на своемъ вѣку. Первый разъ это было на свадьбѣ скотника Матти. Женскаго полу тамъ было всего-навсего три старыхъ старухи, а мужиковъ цѣлая куча. Ну, вотъ, какъ заварилъ намъ Матти по чашкѣ-другой крѣпкаго кофе пополамъ съ пуншемъ, да какъ пошли мы, старики, нажаривать — ажно земля застонала. Старухи мои рады-радешеньки были, что избавились отъ бѣды — отъ нихъ бы однѣ тряпки остались. Ахъ ты, лѣшій! А теперь, ребята, скинемте все, кромѣ рубахъ, да и на полати Спать-то еще рано; будемъ себѣ полеживать въ теплѣ, да за жбаномъ пѣнистаго пива, при свѣтѣ смолистой лучины разсказывать веселыя сказки и побасенки.

Они раздѣлись, еще разъ наполнили жбанъ пивомъ и всей оравой полѣзли на полати. Тамъ они, въ однѣхъ рубахахъ, усѣлись на соломѣ, наслаждаясь тепломъ. Жбанъ съ пивомъ проворно двигался кругомъ, переходя изъ рукъ въ руки, и ярко пылало золотистое пламя сосновой лучины, воткнутой въ щель

* Прилагательное отъ „Юсси“.

стѣны. Тогда-то въ голову Юхани взбрела мысль, и изъ устъ его вылетѣло слово, отъ котораго случилась большая бѣда.

Юхани. Мы здѣсь жаримся, точно колбасы въ печи, и тепло намъ даютъ горячіе камни очага. Эро, вылей-ка кружку пива въ печку — узнаемъ, каковъ паръ отъ ячменнаго сока.

Туомасъ. Это еще что за дурацкая затѣя?

Юхани. Славная затѣя! Плесни-ка!

Эро. Слушаю-съ.

Юхани. Парочку кружекъ пива въ очагъ!

Туомасъ. Ни капли! Если тамъ хоть немного зашипитъ, бѣда тому, кто это сдѣлалъ.

Апо. Не стоитъ тратить зря хорошее питье.

Тимо. Мы не такіе богачи, чтобы поддавать пару пивомъ — не по карману.

Юхани. А хорошо бы попробовать!

Туомасъ. Я запрещаю строго-настрого.

Юхани. Хорошо бы попробовать! Туомасъ послѣ давешней побѣды поднялъ хвостъ и думаетъ, что ему можно здѣсь распоряжаться по-своему. Однако, не забывай, что, когда человѣкъ въ сердцахъ, то у него силы всемеро прибываетъ. Какъ бы то ни было, а только я не намѣренъ плясать по твоей дудкѣ.

Симеонъ. Вотъ она, борьба-то ваша!

Юхани. Лей, Эро. Я отвѣчаю за все и заступлюсь за тебя.

Эро. Коли старшой велитъ — надо слушаться; а то — чего добраго — всучатъ тебѣ заячій паспортъ въ самую рождественскую ночь.

Эро, осклабившись и плутовски усмѣхаясь, живо исполнилъ желаніе Юхани. Скоро на очагѣ послышался плескъ и вслѣдъ за нимъ сильное шипѣніе. Тогда Туомасъ, разсерженный, сорвался съ мѣста и кинулся на Эро, а Юхани поспѣшилъ на помощь къ младшему брату. Началась общая свалка. Горящая лучина упала съ полатей на полъ. Солома вспыхнула яркимъ пламенемъ. Какъ расходятся круги на водѣ, такъ же равномѣрно и быстро разрасталось на полу яркое огненное кольцо. Огонь поднимался все выше и выше и дошелъ уже до полатей, когда обитатели дома замѣтили опасность. Но они замѣтили ее слишкомъ поздно, чтобы успѣть спасти что-либо, кромѣ самихъ себя и животныхъ, которыя находились въ избѣ. Пламя разливалось

широкой волной. Поднялась невообразимая суматоха. Всѣ бросились къ дверямъ, черезъ которыя, давя другъ друга, почти въ одно время выскочили на дворъ люди, собаки, котъ и пѣтухъ. Казалось, какъ-будто изба извергла ихъ изъ своей дымящейся пасти на снѣгъ, гдѣ они теперь стояли, откашливаясь наперерывъ. Послѣднимъ вышелъ Лаури, ведя въ поводу Бѣлаго, который иначе, навѣрно, сдѣлался бы жертвою огня. Свирѣпое пламя уже вырывалось наружу черезъ узкія отверстія оконъ, а напослѣдокъ и черезъ дверь и крышу. Объятая пламенемъ, пылала дюжая изба Импивары. А на снѣжной полянѣ стояли, лишенные крова, ея хозяева. Уже и курная изба, ихъ первое убѣжище здѣсь, сгорѣла до тла, а кое какъ сколоченный амбаръ стоялъ, точно сорочье гнѣздо. Въ немъ теперь поселились братья, и единственной ихъ защитой отъ вѣтровъ и стужи были грубыя короткія рубахи. Даже шапокъ — прикрыть голову и лаптей — обуть ноги они не успѣли спасти изъ огня. Изъ прежняго имущества уцѣлѣли только ружья да туяса, которые до бани были вынесены въ кладовую. А братья стояли на снѣгу, всѣ спиной къ бушующему пожару, поднимая и отогрѣвая то правую, то лѣвую ногу; и ноги ихъ краснѣли, согрѣваясь отъ снѣга и огня, — краснѣли, точно гусиныя лапы.

Переводъ ***В. Я.***

Ю. Ахо.

Можжевельникъ.

Отнюдь не по одному лишь капризу слѣпого рока именно мы, финны, водворились здѣсь — на финляндскомъ берегу, и до сихъ поръ оставались здѣсь.

И другіе народы побывали здѣсь, отыскивая себѣ мѣста для поселенія. Но они или проѣхали черезъ дворъ, или поворотили назадъ у воротъ. Лапландецъ не могъ ничего своими ногтями сцарапать себѣ съ земной поверхности Финляндіи, и онъ на своихъ легкихъ санкахъ поѣхалъ мало по-малу туда, гдѣ пища сама растетъ для него. Шведы завладѣли плодороднымъ черноземнымъ прибрежьемъ, но они остановились, встрѣтившись черезъ двѣ мили отъ моря съ болотами и совершенно неплодородными мѣстами. Что же касается нашихъ восточныхъ сосѣдей, то ихъ плуги взбо-

роновали землю, кажется, только для капусты. Если здѣсь нѣкогда жили великаны, то они удовольствовались игрой съ мячиками, отъ которой и они, наконецъ, утомились *.

Финны, по всей вѣроятности, также нашли бы себѣ болѣе плодородную страну, по которой протекаютъ молочныя и медовыя рѣки. Но самая ихъ склонность, кажется, всегда влекла ихъ въ самыя скудныя мѣстности. Они, точно въ насмѣшку, отыскали сухія песчаныя пространства, покрытыя боромъ, сырыя болота и низменныя, неплодородныя мѣста съ промерзшей почвой.

Нѣкоторые называли это вынужденнымъ отступленіемъ передъ могуществомъ. Я же думаю, что это было ихъ самой практической, самой геніальной мыслью. Они чувствовали крѣпость въ своихъ жилахъ, и тамъ, гдѣ спинной хребетъ у другого сломался бы, ихъ только укрѣпалъ. Заступъ былъ ихъ мечомъ, и имъ они покорили страну, которую даже ихъ побѣдитель признавалъ ихъ собственностью. Какъ бы онъ ни назывался, говорилъ ли онъ по-шведски, по-датски или по-русски, — сраженія, происходившія между побѣдителями, имѣли лишь тотъ результатъ, что поле битвы оставалось за финнами. Для чужестраннаго поселенца эта страна являлась слишкомъ крѣпкимъ орѣхомъ, котораго ему было не раскусить. Такъ дѣло обстоитъ и посейчасъ. Если бы мы предложили ее иностранцу и сказали: „Вотъ оно... приди и возьми!“, то онъ все-таки не могъ бы ея взять.

Поэтому мы можемъ себѣ довольно спокойно здѣсь жить, и намъ нечего бояться, — „пусть гонитъ насъ судебъ волна“ **. Подобно можжевельнику, растущему на каменистой горѣ, мы можемъ спокойно слушать завываніе небесныхъ вѣтровъ. Молнія, ударяющая съ выси, разбиваетъ вдребезги высокую сосну въ глухомъ лѣсу, но она поражаетъ можжевельный кустъ, не причиняя ему вреда. Лошади ратниковъ перескакиваютъ черезъ него, а колесы пушечныхъ лафетовъ пригибаютъ его къ землѣ. Но можжевельникъ не ломается. Когда же шумъ пронесется мимо, маленькое

---

* Финскія народныя сказанія говорятъ о великанахъ, жившихъ когда-то въ Финляндіи. Эти великаны нерѣдко забавлялись киданіемъ огромныхъ камней и цѣлыхъ скалъ. Такъ объясняетъ народная фантазія массу отдѣльныхъ скалъ и огромныхъ камней, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ Финляндіи.

** Стихъ изъ національнаго гимна Рунеберга: „НашъКрай“

деревцо вытягиваетъ свой маленькій, крѣпкій стволъ, а вѣтви шепчутъ другъ дружкѣ: „ты расти туда, а я расту сюда“. Черезъ короткое время слѣды и мѣтки, оставленные колесами, исчезнутъ. Если проѣзжій завтра будетъ искать своихъ вчерашнихъ слѣдовъ, то онъ ихъ болѣе уже не найдетъ. Дорога снова заросла, и можжевельный кустъ1кажется нетронутымъ.

Тѣ изъ нашихъ братьевъ, которые искали себѣ болѣе плодородныхъ полей, болѣе насъ пострадали отъ проѣзда врага. Именно то обстоятельство, что мы избрали твердый, скалистый мысъ, гдѣ можетъ расти только подобный намъ можжевельникъ, было мудрымъ дѣяніемъ. Моисей, приведшій насъ сюда, въ нашу обѣтованную землю, несомнѣнно, понималъ, какая первобытная сила жила въ можжевельной натурѣ его народа.

Перев. ***В. М. Смирновъ.***

Ю. Ахо.

Стража у памятника Императору Александру II. *

У подножія памятника Александру II въ великій день цвѣтовъ.

Пьедесталъ памятника совершенно покрытъ цвѣтами. Площадь полна тысячъ людей. И шопота не слышно, повсюду тихо, какъ на похоронахъ. Тамъ и сямъ мелькаютъ жандармы.

Блюститель порядка — бывшій солдатъ — стоитъ на стражѣ у холма, образовавшагося изъ цвѣтовъ. Онъ стоитъ тамъ спокойный и серьезный, его лицо не выражаетъ ни радости, ни печали, но въ глубинѣ голубыхъ глазъ я читаю его мысли.

— Почему же меня поставили здѣсь? Караулить? Цвѣты?

---

* Дѣйствіе даннаго разсказа относится къ 1899 г., когда финны могли демонстрировать противъ политики ген. губ. Н. И. Бобрикова только тѣмъ, что украшали памятникъ Александра II цвѣтами и пѣли псаломъ „Нашъ Богъ намъ сильный оплотъ“ и финскій народный гимнъ „Нашъ Край“, переводъ котораго помѣщенъ выше. Аренбергъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, какъ Александръ III бралъ подъ козырекъ при исполненіи финскаго гимна. Но отъ ставленника В. К. Плеве, конечно, нельзя было и требовать бережнаго отношенія къ народнымъ чувствамъ.

Прим. К. Т.

Но никто, вѣдь, не собирается взять ихъ; всѣ хотятъ лишь принести сюда новые. Или же, быть можетъ, для поддержанія порядка? Но это лучше всего дѣлаютъ они сами. Мнѣ приказано стоять здѣсь, пока не уйдетъ отсюда послѣдній зритель. Въ такомъ случаѣ мнѣ придется, пожалуй, простоять здѣсь всю жизнь. Зато я стою на почетномъ караулѣ въ честь императора — и основныхъ законовъ...

Толпа затягиваетъ псаломъ. „Нашъ Богъ намъ сильный оплотъ", раздается со ступеней университета и эту мелодію подхватываютъ на терассахъ Николаевскаго собора. Всѣ стоятъ съ обнаженными головами. Блюститель порядка также снимаетъ свою шапку и стоитъ, держа ее въ лѣвой рукѣ, какъ во время походной молитвы.

— Это былъ красивый псаломъ...

Онъ медленно одѣваетъ шапку на голову. Слезы навертываются у него на глазахъ. Чтобы скрыть ихъ, онъ отворачивается и дѣлаетъ видъ, что разсматриваетъ цвѣты у подножія памятника.

— Это былъ удивительно красивый псаломъ.

Тутъ вдругъ раздается новая пѣсня. Это — „Нашъ Край". Снова обнажаются всѣ головы. Блюститель порядка быстро подноситъ свою руку къ шапкѣ Но онъ тотчасъ вздрагиваетъ, опускаетъ руку, опять поднимаетъ ее, но лишь наполовину, опускаетъ ее снова и, повидимому, не знаетъ, что ему дѣлать.

— Это запрещено... намъ запрещено отдавать честь нашей національной пѣснѣ. Жандармы стоятъ тамъ въ шапкахъ съ опущенными руками.

Онъ колеблется и борется съ собою, его рука то поднимается и опускается, то какъ бы пытается остаться у края шапки...

Онъ, можетъ быть, будетъ уволенъ... Лишенъ своей должности... Жена и дѣти останутся безъ куска хлѣба... Всѣ остальные блюстители порядка смѣщаются, отрѣшаются отъ должностей, можетъ быть, даже и начальникъ... Кто же займетъ наше мѣсто? Жандармы, которые стоятъ тамъ!

Его рука опустилась внизъ, поднялась и снова опустилась.

Но все съ бо̀льшимъ благоговѣніемъ, съ бо̀льшей надеждой и силой раздаются звуки изъ тысячъ грудей.

— Это — пѣсня моей родины! Это — пѣсня моего народа! Чему же мнѣ отдавать честь, какъ не ей!.. Пусть будетъ, что будетъ! Пусть случится, что угодно, я отдамъ честь!

Его рука взлетаетъ къ краю шапки и тамъ остается. Словно по командѣ, онъ становится во фронтъ передъ народомъ и вплоть до окончанія пѣсни въ честь родины онъ стоитъ тамъ, какъ прикованный къ своему мѣсту, стройный, какъ бронзовая статуя, онъ стоитъ лицомъ къ народу, имѣя щитъ основныхъ законовъ за собою. Спокойствіе, миръ и надежда озаряютъ его лицо и счастьемъ сіяетъ его взоръ. Его губы шевелятся въ тактъ съ послѣдними тонами пѣсни.

Откуда-то изъ народной массы поднимается женская рука, маленькій букетикъ описываетъ надъ головами въ воздухѣ дугу и упадаетъ передъ блюстителемъ порядка.

Онъ наклоняется, поднимаетъ цвѣты и пока раздается „ура“ въ честь отчизны, кладетъ ихъ у подножія льва — льва закона.

Перев. ***В. М. Смирновъ.***

Краткій очеркъ исторіи эстонской литературы.

Эстонскій народъ. Принадлежащіе къ семейству финно-угорскихъ народовъ, эстонцы, въ количествѣ около 1 милліона душъ, живутъ въ Эстляндской губерніи и въ сѣверной половинѣ Лифляндской, приблизительно до линіи Изборскъ—Валкъ—рѣка Салисъ. Эстонцы поселились сюда изъ нынѣшнихъ Псковской и Петроградской губерній въ началѣ 1-го тысячелѣтія по Р. Хр., не позже IV столѣтія и удержали здѣсь свою независимость въ постоянной борьбѣ съ сосѣдними народами въ теченіе 800 лѣтъ. Въ началѣ XIII столѣтія послѣ двадцатилѣтней непрерывной борьбы съ крестоносцами (съ 1208—1227) эстонцы подпали подъ нѣмецкое иго и были постепенно обращены въ полное рабство. По настоянію русскаго правительства эстонцы были въ 1817 г. въ Эстляндіи, въ 1819 г. въ Лифляндіи объявлены лично свободными съ правомъ арендовать крестьянскія усадьбы у нѣмецкихъ помѣщиковъ по свободному соглашенію, т. е. на условіяхъ, безконтрольно диктуемыхъ помѣщиками. Только съ того времени, какъ во второй половинѣ XIX вѣка крестьянамъ разрѣшается пріобрѣтать въ собственность арендуемыя усадьбы, положеніе эстонцевъ начинаетъ быстро улучшаться. Бросаются въ глаза успѣхи какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи; появляется довольно многочисленный образованный классъ, остающійся въ самомъ тѣсномъ единеніи съ народною массою; литература быстро прогрессируетъ какъ путемъ перевода классическихъ произведеній русскихъ и другихъ европейскихъ народовъ, такъ и болѣе или менѣе удачныхъ самостоятельныхъ попытокъ; языкъ, до того замкнутый въ тѣсный кругъ понятій крестьянскаго быта, съ замѣчательною гибкостью, безъ какихъ-либо слишкомъ рѣзкихъ переломовъ въ общемъ, при-

способляется къ выраженію идей и понятій культурнаго человѣчества.

Время владычества нѣмецкаго ордена въ Лифляндіи. У всѣхъ народовъ съ принятіемъ христіанства появляется и письменность. На народномъ языкѣ появляются кое-какія книги, обыкновенно духовнаго содержанія, чтобы ознакомить народъ съ началами христіанства. Ничего подобнаго мы не замѣчаемъ во владѣніяхъ нѣмецкаго ордена, основавшагося на берегахъ Балтійскаго моря въ началѣ XIII столѣтія и просуществовавшаго въ Прибалтійскомъ краѣ болѣе трехъ столѣтій. Не только не сохранилось за все это время никакихъ письменныхъ помятниковъ на эстонскомъ языкѣ, но не сохранилось и извѣстій, чтобы подобные памятники когда-либо существовали. Единственными памятниками эстонскаго языка за все это время въ очень богатой исторической литературѣ по Прибалтійскому краю являются лишь мѣстныя названія на эстонскомъ языкѣ. Даже гадательно не считается возможнымъ допускать существованіе какихъ-либо связныхъ эстонскихъ текстовъ, исключая развѣ словъ, произносимыхъ при крещеніи, такъ какъ родителямъ было разрѣшено самимъ крестить больныхъ новорожденныхъ.

Народная словесность. Языческая религія была объявлена запрещенною, познакомить народъ съ христіанствомъ никто не потрудился, но тѣлесное рабство не смогло окончательно погасить народнаго духа. Не встрѣчая ниоткуда отвѣтовъ на запросы своего ума и сердца, народъ самъ постарался, по силѣ умѣнья, дать отвѣты на эти запросы, создавъ богатую устную словесность, которая можетъ быть выражена приблизительно въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ 1896 г. у извѣстнаго собирателя эстонской народной словесности Я. Гурта было уже собрано до 40.500 нум. народныхъ пѣсенъ, 8.500 сказокъ, легендъ, преданій, 45.000 пословицъ и поговорокъ, 37.000 загадокъ, 52.000 пунктовъ народныхъ вѣрованій. Приблизительно въ то же время (въ 1897 г.) было у другого собирателя М. И. Эйзена—народныхъ пѣсенъ 10.314 (въ 1902 г. уже 11.419), 12.906 сказокъ, 23.215 пунктовъ народныхъ вѣрованій, 10.547 загадокъ, 7.093 пословицы и т. д. Почти все это создано народомъ въ самыя темныя времена орденскаго владычества и нѣсколько позже, тогда какъ все, созданное до прибытія нѣмцевъ, погибло вмѣстѣ съ пѣвцами въ крови 20-лѣтней войны за незави-

симость начала XIII вѣка, отъ которой уцѣлѣли лишь дѣти, случайно успѣвшія скрыться въ лѣсныя чащи съ своими матерями.

Обычная форма *эстонской народной пѣсни* — четырехстопный хорей; риѳма или вполнѣ отсутствуетъ или встрѣчается въ зачаточномъ состояніи; за то богато развитъ ассонансъ, т. е. тожество начальныхъ слоговъ въ двухъ, рѣже въ трехъ словахъ той же строфы; аллитерація — тожество однѣхъ только первыхъ буквъ, встрѣчается рѣже. Изъ другихъ внѣшнихъ отличій бросается въ глаза повтореніе той же мысли въ нѣсколькихъ варіаціяхъ: мысль тематично высказывается въ первой строфѣ и варьируется во второй, третьей, даже въ четвертой строфѣ; въ этихъ варіаціяхъ мысль то точнѣе и ближе оттѣняется при помощи частностей, то, наоборотъ, частная мысль обобщается. Всѣ эти внѣшнія украшенія, придающія глубокую прелесть эстонской народной пѣсни, или вовсе не переводимы, или теряютъ въ переводѣ всю свою прелесть, вслѣдствіе чего эстонская народная пѣсня въ переводѣ часто кажется прозаической и однообразной.

Пѣвцами эстонской народной пѣсни, за немногими исключеніями, являются женщины. Этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ указано и содержаніе ея. Это думы матери у колыбели дитяти, глубоко поэтическія пѣсни сироты, домашнія женскія занятія и крестьянскія работы. Всѣ мысли, думы, чувства высказываются эпически, чисто лирическихъ изліяній чувствъ почти вовсе не встрѣчается. Героинею безыскусственнаго повѣствованія является обыкновенно безымянная крестьянская дѣвушка — «я»; на всемъ разсказѣ разлита тихая грусть, переходящая, однако, иногда, особенно въ пѣсняхъ сироты и мызной батрачки, въ довольно энергическія ноты. Рѣзко расходятся съ этою женскою поэзіею описанія крѣпостного быта и характеристики помѣщиковъ-нѣмцевъ, созданныя пѣвцами-мужчинами, менѣе поэтическія, но дышащія неукротимою злобою и безграничною ненавистью къ поработителямъ.

Довольно хорошо изучены пути распространенія эстонской народной пѣсни. Пути эти ведутъ съ запада, съ береговъ Рижскаго залива (Перновскій и, главнымъ образомъ, Гапсальскій уѣзды) на востокъ, въ одномъ направленіи чрезъ Юрьевско-Верроскій уѣздъ къ искони повластнымъ псковскому княжеству православнымъ эстонцамъ Псковскаго уѣзда (т. наз. Сетукезамъ); въ другомъ направленіи по берегу Финскаго залива до рѣки Наровы,

гдѣ пѣсня перебрасывается къ финнамъ, живущимъ въ Петроградской губерніи; оттуда чрезъ Корельскій перешеекъ и рѣку Неву по западному берегу Ладожскаго и Онежскаго озеръ въ среду корелъ Архангельской губерніи. Приключенія эстонской безымянной дѣвушки въ окрестностяхъ своего дома на этомъ длинномъ пути, особенно въ устахъ корельскихъ пѣвческихъ фамилій, превращаются въ глубоко поэтическіе миѳы, и записанныя изъ устъ корелъ, какъ ихъ произведенія вошли въ финскій народный эпосъ, Калевалу. Позднѣйшія изслѣдованія, спеціально финскаго ученаго Карла Крона, доказали, однако, съ несомнѣнностью, что около половины всѣхъ пѣсенъ Калевалы получили свое начало въ Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ у береговъ Рижскаго залива. Тѣмъ же путемъ, только въ обратномъ направленіи, эстонцами заимствованы у финновъ почти всѣ заговоры.

Сказка у всѣхъ народовъ болѣе или менѣе интернаціональна. Ничего самобытнаго не представляетъ въ общемъ и эстонская народная сказка. Но насколько окружающая дѣйствительность была печальна и мрачна, настолько свѣтлою старался эстонецъ представить ее въ сказкѣ. Замѣчательно мало встрѣчается въ эстонскихъ сказкахъ злыхъ, враждебныхъ существъ; таковы собственно только мертвецы и русалки. Эстонскій національный чортъ Vanapagan («старый поганый») не только не представляетъ изъ себя чего-либо свирѣпаго, но скорѣе возбуждаетъ жалость къ себѣ; это одаренный большою физическою силою, но умственно очень недалекій господинъ, надъ которымъ «хитрый Гансъ» безжалостно продѣлываетъ свои часто довольно грубые и болѣзненные опыты. Всюду въ сказкѣ человѣка окружаютъ свѣтлыя существа, помогающія добрымъ и грозныя только для злыхъ и порочныхъ. Утромъ прекрасный юноша Койтъ (утренняя заря) беретъ изъ руки прекрасной дѣвицы Эмарикъ (вечерней зари) дневное свѣтило, зажигаетъ его и ставитъ на небо. Вечеромъ Эмарикъ тушитъ огонь и хранитъ свѣтило до утра. По ихъ просьбѣ Vanaisa (древній отецъ — богъ небеснаго пространства) разрѣшилъ имъ оставаться навсегда счастливыми влюбленными и даровалъ имъ вѣчную юность. Разъ въ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, влюбленные настолько приближаются другъ къ другу, что уста ихъ сливаются для поцѣлуя. Надъ лѣсами властвуетъ могучій лѣшій, всегда готовый помочь доброму человѣку и грозный только для злыхъ; на лѣсныхъ

полянахъ въ лунныя ночи играютъ дочери Муруэйта въ бѣлыхъ платьяхъ, и честнымъ юношамъ не разъ удавалось выбирать себѣ въ подруги жизни красивѣйшую изъ нихъ. «Что мнѣ пользы съ того, что лѣсною дѣвою я буду вѣчно молода и красива. Я полюбила человѣка и охотно готова переносить болѣзни и старость, потому что лучше любви нѣтъ ничего», отвѣчаетъ одна на увѣщанія матери возвратиться къ ней въ лѣсъ. Каждое дерево, каждый ручей, рѣчка, рѣка, озеро имѣетъ своихъ добрыхъ геніевъ, часто являющихся къ людямъ на помощь. Правда, въ водѣ обитаютъ также злыя русалки (näkid), всегда старающіяся погубить человѣка, но обыкновенно онѣ слишкомъ красивы, чтобы ихъ можно было бояться. Въ домѣ держитъ порядокъ домовой, предохраняетъ домъ и жильцовъ отъ несчастій, пожара, скотскаго падежа и пр. Таковъ былъ сказочный міръ, окружавшій средневѣковаго эстонца, міръ, заимствованный отъ сосѣднихъ народовъ, но во многомъ передѣланный по собственному вкусу.

Начало эстонской письменности. Древнѣйшимъ памятникомъ эстонскаго языка является значительное количество чисто-эстонскихъ мѣстныхъ названій и двѣ эстонскія фразы въ лѣтописи Генриха Латыша, написанной около 1230 г. и содержащей исторію покоренія эстонцевъ нѣмцами. Названіе «Латышъ» дано Генриху первыми издателями его лѣтописи по недоразумѣнію; національность его неизвѣстна, но эстонскимъ языкомъ онъ владѣетъ вполнѣ. Послѣ этого, на пространствѣ трехъ столѣтій, за время существованія Ливонскаго ордена, мы не находимъ ничего, что было бы написано по-эстонски, если исключить мѣстныя названія. Можно предположить, что въ 1517 г. былъ переведенъ на эстонскій языкъ римско-католическій катехизисъ (но напечатанъ ли, неизвѣстно), а въ 1553 г. переведенъ и, вѣроятно, напечатанъ лютеранскій катехизисъ. Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія отсутствуютъ. Первый связный эстонской текстъ — «Право ливонскихъ крестьянъ», 6 пунктовъ на 12 строчкахъ, составленъ въ городѣ Ревелѣ въ первой половинѣ XVI вѣка.

Исторія эстонской литературы XVII и XVIII вѣковъ. Рядъ эстонскихъ писателей открываетъ собою въ 1600 году *Georg Müller* (род. около 1575 г., ум. 1608), второй пасторъ эстонскаго Свято-Духовскаго прихода въ г. Ревелѣ, оставившій рукопись, содержащую 39 проповѣдей и впервые изданную въ 1891 г. Müller

заслуживаетъ вниманія не только какъ первый въ ряду писателей, но и какъ крупное литературное дарованіе, очень образованный для своего времени человѣкъ и истинный пастырь своихъ прихожанъ. Въ своихъ проповѣдяхъ, не назначенныхъ имъ для печати и только случайно сохранившихся, онъ касается всего, что такъ или иначе могло идти въ назиданіе его слушателямъ. Онъ цитируетъ древне-римскихъ и древне-греческихъ классиковъ, начиная съ Гомера; писателей средне-вѣковыхъ и своего времени; приводитъ примѣры изъ естественной исторіи; даетъ потрясающія картины ужасовъ войны своего времени и спутниковъ ея — голода и чумы, свирѣпствовавшихъ въ Ревелѣ. Озвѣрѣвшіе отъ голода пожираютъ валяющіеся по улицамъ трупы людей, умершихъ отъ чумы и умираютъ сами тамъ же. Жизнь потеряла всякую цѣнность. И у Мюллера вырывается изъ груди крикъ отчаянія о тщетѣ всего земного, облеченный въ глубоко-поэтическіе образы. Самъ Мюллеръ заболѣлъ чумой и умеръ отъ послѣдствій ея на 33 году жизни.

Главною задачею послѣдующихъ писателей XVII вѣка является переводъ на эстонскій языкъ книгъ, содержащихъ основныя начала христіанства и необходимыхъ при лютеранскихъ богослуженіи. Писатели, слѣдующіе за Мюллеромъ, почти всѣ очень прилежные, но мало способные ремесленники. Первымъ въ ихъ ряду стоитъ *Heinrich Stahl* (1600—1657), обыкновенно называемый отцомъ эстонской литературы, такъ какъ почти всѣ его многочисленные печатные труды сохранились по сіе время. Это былъ человѣкъ съ большою энергіей, поставившій себѣ задачею создать эстонскій литературный языкъ и составившій первую грамматику эстонскаго языка. Но въ основу его онъ положилъ не народный, разговорный языкъ, который онъ считалъ слишкомъ грубымъ, а сочиненную имъ самимъ варварскую смѣсь изъ языка народнаго и своихъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ искаженій его. Къ несчастью, этотъ невозможный языкъ сталъ закономъ и святыней для его послѣдователей до самаго конца XVII столѣтія. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія: современникъ Г. Сталя *Ioachim Rossihnius* (род. ок. 1600, ум. 1645), переводчикъ лютеранскаго катехизиса и воскресныхъ евангелій и апостоловъ на юрьевское нарѣчіе эстонскаго языка; *Iohann Gutslaff* (ум. 1656 г.; грамматика юрьевскаго нарѣчія; затерянный переводъ библіи; о языческихъ вѣрованіяхъ эстонцевъ); *Reinerus Brocmann* (1606—1647), восторженный любитель

эстонскаго языка, сочинявшій, однако, довольно безвкусныя стихотворенія свѣтскаго и духовнаго содержанія; *Heinrich Goeseken* (1612—1681), писавшій духовные гимны, переводившій библію (переводъ затерянъ) и издавшій въ 1660 году эстонскую грамматику съ приложеніемъ перваго эстонскаго словаря, по сіе время цѣннаго для исторіи эстонскаго языка; *Georg Salemann* (1597—1657), при соучастіи *Martin'a Gilläus'a* и названныхъ раньше Р. Брокмана и Г. Гезекена, издавшій въ 1656 г. впервые въ стихотворной формѣ и въ риѳмахъ лютеранскія церковныя пѣсни, раньше переведенныя Г. Сталемъ прозой; *Iohann Forsdius,* оставившій довольно богатый сборникъ народныхъ суевѣрій своего времени, и, наконецъ, *Adrian Verginius* (1663—1706), издавшій въ 1686 г. свой переводъ Новаго Завѣта на юрьевскомъ нарѣчіи.

Цѣлою головою выше перечисленныхъ писателей стоятъ на рубежѣ XVII и XVIII в.в. — основатель эстонской народной школы и первой учительской семинаріи *Bengt Gottfried Forsellius* (род. ок. 1660, ум. 1689 г.), безвременно погибшій вмѣстѣ съ лучшими своими учениками въ волнахъ Балтійскаго моря на возвратномъ пути изъ столицы Швеціи, гдѣ онъ былъ милостиво принятъ королемъ Карломъ XI, и, въ особенности, ровесникъ и другъ его — *Iohann Hornung* (род. ок. 1660 г., ум. 1715 г.), владѣвшій въ совершенствѣ эстонскимъ народнымъ языкомъ и, благодаря этому, создавшій эстонскій литературный языкъ, отличающійся своею близостью къ народной, разговорной рѣчи и по основнымъ своимъ началамъ находящійся въ употребленіи по настоящее время. Замѣтное вліяніе на Горнунга оказалъ при этомъ только что названный В. Forselius. Составленная Горнунгомъ эстонская грамматика, первая заслуживающая этого названія — сохраняетъ извѣстное значеніе и понынѣ, а употребляемые по настоящее время его переводы лютеранскихъ церковныхъ пѣсенъ и Новаго Завѣта, изданнаго уже послѣ его смерти въ 1715 г., по сіе время въ отношеніи языка являются образцовыми.

Великая Сѣверная война превратила эстонскій край въ пустыню. Нищенствовали даже помѣщики, поэтому не удивительно, что крестьяне въ царствованіе Анны Іоанновны были уравнены въ правахъ съ рабочимъ скотомъ помѣщиковъ, и тяжесть рабства чувствовалась сильнѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Не удивительно, что литературная работа почти прекращается. Въ приложе-

ніяхъ къ календарямъ появляются кое-какіе переводные разсказы духовно-назидательнаго содержанія, кое-какія прежнія книги выходятъ въ новыхъ изданіяхъ. И однако, этотъ ужасный XVIII вѣкъ, подарилъ эстонцамъ въ то же время, крупнѣйшій литературный трудъ — полный переводъ библіи, сдѣланный *Anton'омъ Helle'мъ* и напечатанный въ 1739 году.

Эстонская литература конца XVIII и первой половины XIX вѣковъ. Въ послѣднюю четверть XVIII столѣтія литературное движеніе возрождается и продолжается съ этого времени безостановочно, постепенно все болѣе приближаясь къ понятію о литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Молодежь, учившаяся въ заграничныхъ университетахъ, ознакомилась тамъ съ французскими идеями свободы, равенства и братства и стала болѣе или менѣе смѣлѣе проповѣдывать эти идеи и у себя дома. Въ то время, какъ въ южной Лифляндіи раздается энергичная и гнѣвная проповѣдь разоблаченія рабовладѣльческихъ нравовъ прибалтійскихъ нѣмцевъ Гарлиба Меркеля, въ эстонской части края писатели выступаютъ болѣе осторожно, стараясь дѣйствовать путемъ убѣжденія и доказательствъ, что эстонцы, несомнѣнно, люди; что хотя они грубы и невѣжественны, но лишь потому, что никто не позаботился о томъ, чтобы дать имъ образованіе; что эстонскій языкъ ничуть не менѣе способенъ развиваться, чѣмъ любой другой языкъ, только работою поколѣній пріобрѣвшій ту гибкость, глубину и богатство, которыя отличаютъ его теперь отъ эстонскаго яз. Эти мысли по цензурнымъ соображеніямъ высказывались только въ нѣмецкихъ предисловіяхъ къ эстонскихъ книгамъ, издававшимся съ цѣлью *учить* народъ, подготовить его къ воспріятію свободы. Рядъ этихъ писателей открываетъ собою наиболѣе талантливый изъ нихъ *Friedrich Gustav Arvelius* (1753—1805), состоявшій долгое время домашнимъ учителемъ въ разныхъ помѣщичьихъ семействахъ и хорошо изучившій нравы помѣщиковъ и положеніе крестьянъ. Имъ изданы два сборника мелкихъ разсказовъ въ 1782 и 1790 г., отчасти переводы и передѣлки съ нѣмецкаго, отчасти оригинальные. Идеи свободы и равенства его еще вовсе не коснулись, онъ стоитъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія рабовладѣльцевъ и считаетъ установившійся порядокъ вполнѣ нормальнымъ. Однако, эти взгляды не мѣшаютъ ему изображать дѣйствительность въ неприкрашенномъ видѣ, такъ, какъ она была на самомъ дѣлѣ,

гдѣ высшимъ достижимымъ для эстонца идеаломъ является должность кучера у помѣщика нѣмца, а для жены его мѣсто мызной прачки. На эти высшія ступени эстонскаго благополучія ведетъ только одинъ путь — безпрекословное исполненіе всѣхъ желаній и капризовъ помѣщика. Вполнѣ воспитаны уже на новыхъ идеяхъ свободы и братства три писателя-эзельца, на нѣкоторое время перемѣстившихъ центръ литературнаго движенія на островъ Эзель; именно, *Friedrich Wilhelm von Willman* (1746—1819 г.; разсказы и басни), *Peter Heinrich von Frey* (1757—1833 г.), оставившій значительное количество оригинальныхъ и довольно удачныхъ переводныхъ стихотвореній, и, въ особенности, наиболѣе многосторонній изъ нихъ *Iohann Wilhelm Ludwig von Luce* (1750—1819), издавшій сборникъ разсказовъ въ двухъ частяхъ (1807 и 1812), составлявшихъ долгое время любимое чтеніе народа, собиратель матеріаловъ по эстонскому языку и фольклору, основатель перваго общества для научнаго изученія эстонскаго языка, короткое время пасторъ, затѣмъ врачъ и инспекторъ народныхъ училищъ на Эзелѣ. Къ названнымъ писателямъ могутъ быть причислены еще поэтъ *Reinhold Iohann Winkler* (1767—1815), талантливые новеллисты *Reinhold von Holz* (1757—1828) и графъ *Mannteuffel* (1768—1842) и значительное число другихъ.

Наиболѣе крупными и вліятельными писателями этого періода являются, однако, не вышепоименованныя лица, а I. Г. Розенплянтеръ и О. В. Мазингъ.

Iohann Heinrich Rosenplänter (1782—1846) менѣе извѣстенъ какъ писатель, но какъ человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій привлеченію новыхъ литературныхъ силъ къ работамъ по эст. литературѣ, фольклору и языку, онъ не знаетъ себѣ равнаго. Издававшійся имъ съ 1813—1833 г.г. журналъ по эстонской литературѣ, фольклору и языку, «Beiträge zur genauern Kenntniss der ehstnischen Sprache», на нѣмецкомъ и эстонскомъ языкахъ, объединилъ вокругъ него всѣхъ писателей разсматриваемаго періода. Изъ своихъ очень ограниченныхъ средствъ онъ покрывалъ почти всѣ расходы по изданію журнала, такъ какъ подписка давала лишь минимальную долю ихъ. Вліяніе Розенплянтера на послѣдующее развитіе эстонской литературы еще далеко не въ должной мѣрѣ оцѣнено.

Otto Wilhelm Masing (1763—1832) считается первымъ по вре-

мени эстонскимъ классикомъ. Особенно любимое чтенiе составляли въ свое время его «Междувоскресныя чтенiя» (1818). Изъ очень большого количества его литературныхъ трудовъ слѣдуетъ указать на его «Сельскiй еженедѣльникъ» (Maarahva Nädalaleht), еженедѣльное перiодическое изданiе, издававшееся имъ въ 1821—1825 г., первое подобное изданiе на эстонскомъ языкѣ.

Совершенно особое положенiе занимаетъ подававшiй большiя надежды, но слишкомъ рано умершiй *Kristian Jaak Peterson* (1801—1822), оставившiй рукописный сборникъ своихъ стихотворенiй и дневникъ на эстонскомъ языкѣ, и помѣстившiй въ Beiträge'хъ Розенплянтера нѣсколько опытовъ по изслѣдованiю эст. языка и переводъ съ шведскаго на нѣмецкiй языкъ финской миѳологiи Ганандера съ многочисленными и существенно важными собственными дополненiями по эст. миѳологiи. По своимъ взглядамъ на значенiе поэта и на цѣли поэзiи онъ далеко опередилъ свое время, и поэзiя его не укладывается въ рамки дидактически-нравоучительной литературы его времени. Писатели индивидуалисты XX столѣтiя считаютъ его своимъ непосредственнымъ предшественникомъ.

Исторiя эстонской литературы (второй половины XIX вѣка). Исторiя эстонской литературы второй половины XIX в. рѣзко отличается отъ всей предыдущей во многихъ отношенiяхъ. Прежде всего составъ писателей радикально измѣняется. До сего времени эстонскими писателями являются только лица нѣмецкаго происхожденiя, конечно, съ тѣмъ же правомъ, какъ молдаванинъ Кантемiръ или эстонецъ Шеллеръ-Михайловъ, въ первые годы дѣтства не слышавшiй ни одного русскаго слова въ окружавшей его чисто-эстонской средѣ, являются чисто-русскими писателями. Разница только количественная, но не качественная. Эстонецъ и рабъ были синонимы, а находясь въ тѣлесномъ и духовномъ рабствѣ у нѣмецкаго помѣщика, эстонецъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности заниматься литературными работами. Съ освобожденiемъ крестьянъ эстонецъ сразу же выступаетъ на литературное поприще и въ короткое время совершенно вытѣсняетъ оттуда лицъ нѣмецкаго происхожденiя. Послѣ Розенплянтера нельзя указать ни одного писателя нѣмецкаго происхожденiя, котораго такъ или иначе стоило бы отмѣтить. О. В. Мазингъ и Я. Петерсонъ были оба эстонцы. Только въ научной разработкѣ эстонскаго

языка нѣмцы продолжаютъ и во второй половинѣ столѣтія оказывать существенныя услуги (*Eduard Ahrens,* 1803—1863 г., эстонская грамматика, *Alexander Heinrich Neus,* 1795—1876, «Ehstnische Volkslieder», *Dr. Ferdinand Wiedemann,* 1805—1887 г., эстонская грамматика и богатый эстонско-нѣмецкій словарь).

Вмѣсто исключительно господствовавшаго до сего времени въ литературѣ направленія *учить* «грубый и невѣжественный» народъ, литература выставляетъ обратный принципъ — *учиться у народа,* при чемъ, во время отъ 1840 до приблизительно 1880 г. писатели сильно идеализируютъ народъ, находя въ немъ идеальныя черты, которыя хотѣли найти, но которыхъ въ дѣйствительности народъ не имѣлъ.

Въ то же время вышеупомянутый *Eduard Ahrens* вводитъ своею грамматикою (1843), и въ особенности 2-мъ изданіемъ (1853), новое нормальное правописаніе, употребляемое по сіе время, вмѣсто употреблявшагося въ теченіе $1^1/_2$ столѣтій правописанія Горнунга.

Отцомъ новой эстонской литературы долженъ считаться *Friedrich Robert Fählmann* (1798—1850), первый принявшійся за собираніе произведеній народнаго творчества, не съ цѣлью бороться противъ народныхъ суевѣрій, какъ дѣлалось до сего времени, а чтобы ознакомиться съ міровоззрѣніемъ народа. Онъ полагалъ, что произведенія народнаго творчества суть остатки гораздо болѣе богатой словесности языческаго періода, что многое народомъ, несомнѣнно, забыто, но можетъ быть возстановлено на основаніи финскаго народнаго творчества, составляющаго, наравнѣ съ эстонскимъ, общее наслѣдіе обоихъ, близко родственныхъ народовъ. Большую услугу ему оказали при этомъ примѣчанія Хр. Я. Петерсона къ финской миѳологіи Ганандера, о чемъ выше уже говорилось. Вполнѣ добросовѣстно отыскивая въ эстонскихъ народныхъ вѣрованіяхъ то, что онъ хотѣлъ въ нихъ находить, но чего въ нихъ на самомъ дѣлѣ не было, дополняя это заимствованіями изъ финскихъ источниковъ, Фельманъ создалъ стройную, но не выдерживающую нынѣ никакой критики эстонскую космогонію и эстонскій Олимпъ, представилъ все это въ очень живыхъ поэтическихъ образахъ и оказалъ этимъ громадное вліяніе на всю послѣдующую литературу. Наиболѣе популярный изъ этихъ его созданій есть богъ поэзіи и музыки Ванемуйне, общій любимецъ эстонцевъ, образованныхъ и еле грамотныхъ,

на тысячи ладовъ воспѣтый, и какъ-то съ трудомъ вѣрится, что изъ-за этого симпатичнаго образа выглядываетъ не тысячелѣтняя древность, а богатая фантазія Фельмана.

Величайшимъ писателемъ, котораго вообще по сіе время былъ способенъ создать эстонскій народъ, является *Friedrich Reinhold Kreutzwald* (1803—1882), а самое выдающееся изъ его произведеній есть эпосъ *Kalevipoeg* (появ. въ 1862 г.), единственное произведеніе эстонской литературы, перешедшее въ міровую литературу. Эпосъ изображаетъ жизнь и сказочные подвиги баснословнаго эстонскаго царя Калевипоэга, жившаго во второй половинѣ XII вѣка, борьбу его съ непріятелями и съ разными темными силами, заботы его о благоденствіи своего народа и гибель его вслѣдствіе допущенныхъ имъ ошибокъ. Эпосъ этотъ долгое время считался народнымъ эпосомъ, наравнѣ съ Гомеромъ, финскимъ «Калевала» и пр., но это было недоразумѣніе. Самъ Крейцвальдъ, назвавшій свое произведеніе «эстонскою сказкою», неоднократно протестовалъ противъ присвоенія ему характера, котораго оно не имѣетъ. Правда, почти весь матеріалъ поэмы заимствованъ Крейцвальдомъ изъ эстонскихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и преданій, но самъ Калевипоэгъ, какимъ онъ является въ поэмѣ, есть созданіе Крейцвальда, вокругъ котораго Крейцвальдомъ сгруппировано все то, что въ народномъ творчествѣ приписывается разнымъ безыменнымъ «я». Народныя преданія знаютъ о Калевипоэгѣ только, что онъ отличался необыкновенною физическою силою и велъ борьбу съ нечистыми силами. Ходъ разсказа Крейцвальдъ заимствовалъ у Фельмана, развилъ подробнѣе и присоединилъ идею возмездія. Это дѣйствительно «плоть отъ плоти и кость отъ кости» эстонскаго народа, какъ его часто характеризуютъ, но только въ смыслѣ матеріала, изъ котораго сотканъ разсказъ, а не въ смыслѣ повѣствованія. Какъ на главные недостатки его указываютъ обыкновенно на частыя отступленія, на длинные эпизоды, ничѣмъ не связанные съ ходомъ разсказа, на отсутствіе фона, такъ что часто кажется, будто Калевипоэгъ съ своими товарищами совершаетъ свои подвиги въ какой-то безлюдной пустотѣ.

Появленіе этого эпоса оказало громадное вліяніе на все послѣдующее развитіе эстонцевъ. До этого времени нельзя было говорить объ эстонскомъ народѣ, существовали только приписан-

ные къ такой-то мызѣ мужики, которые сами называли себя «maamees» (туземецъ), а у другихъ народовъ носили названіе «не нѣмцы» (Undeutsche). Съ появленіемъ Калевипоэга пробуждается національное самосознаніе, сознаніе своей связи съ всѣми другими, говорящими на эстонскомъ языкѣ, какое бы положеніе говорящій ни занималъ, появляется самое названіе эстонецъ (Eestlane). Конечно, это пробужденіе національнаго самосознанія нельзя приписывать вліянію одного Калевипоэга; пожалуй, даже правильнѣе допустить, что и самъ «Калевипоэгъ» явился въ результатѣ измѣнившихся жизненныхъ условій эстонскаго народа, постепеннаго возрастанія народнаго благосостоянія, появленія среди эстонцевъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, не прервавшихъ связи съ народомъ и т. д. Какъ бы то ни было, отрицать извѣстную долю вліянія «Калевипоэга» нельзя.

Очень большое число другихъ произведеній Крейцвальда — повѣстей и разсказовъ, стихотвореній, драматическихъ произведеній, книгъ для юношества и пр., большею частью удачныя передѣлки на эстонскій языкъ нѣмецкихъ произведеній, остаются далеко позади Калевипоэга какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по своему вліянію. Названія заслуживаетъ здѣсь еще развѣ только поэма «Lembitu», вышедшее въ свѣтъ уже послѣ смерти автора; содержаніе ея отнесено авторомъ къ началу XIII вѣка, но въ дѣйствительности она не содержитъ ничего историческаго, а есть изложеніе взглядовъ самого Крейцвальда на разные, интересовавшіе его вопросы: народное образованіе, прекращеніе войнъ въ будущемъ, мирное сожительство народовъ и пр.

Только на фонѣ «Калевипоэга» становится вполнѣ понятнымъ міросозерцаніе эстонской женщины поэта Койдулы (*Koidula,* 1843—1886), дочери даровитаго литератора Янсена. Это былъ крупный талантъ, по сіе время занимающій первое мѣсто среди эстонскихъ поэтомъ по глубинѣ чувствъ и по разносторонности своихъ интересовъ. Ея стихотворенія, посвященныя печальному прошлому эстонскаго народа, не имѣютъ по силѣ и глубинѣ чувства ничего равнаго себѣ въ эстонской поэзіи, несмотря на безчисленное множество послѣдующихъ варіацій на ту же тему.

Отецъ Койдулы *Iohann Woldemar Iannsen* (1819—1890), публицистъ и редакторъ перваго эстонскаго изданія, заключавшаго и политическій обзоръ (съ 1857 года), впрочемъ, мало интересовав-

шійся политикою и болѣе извѣстный, какъ авторъ большого числа повѣстей и разсказовъ, только отчасти вполнѣ оригинальныхъ, обыкновенно пересказовъ прочитаннаго; часто бываетъ трудно установить, что у него оригинально, что является пересказомъ. Обыкновенно поверхностные по содержанію, но необыкновенно увлекательно написанные, пересыпанные народными выраженіями, поговорками, пословицами, эти разсказы жадно читались народомъ и лучше всего остального сроднили народъ съ самимъ процессомъ чтенія. Въ отношеніи увлекательности своего языка онъ не знаетъ равнаго себѣ въ эстонской литературѣ.

Первымъ серьезнымъ политическимъ писателемъ является талантливый публицистъ *Carl Robert Jacobson* (1841—1882) редакторъ-издатель газеты «Sakala» (1878—1882), выставившій лозунгомъ своей политической дѣятельности тѣснѣйшее единеніе съ русскимъ народомъ для совмѣстной борьбы съ искусственнымъ онѣмечиваніемъ Прибалтійскаго края со стороны малочисленнаго, но привилегированнаго нѣмецкаго элемента, сосредоточившаго, благодаря официальной поддержкѣ правительства, исключительно въ своихъ рукахъ все мѣстное самоуправленіе, школу и судъ, даже въ ущербъ поселившимся въ краѣ кореннымъ русскимъ, подвергавшимся онѣмеченію наравнѣ съ эстонцами. Вліяніе его на народъ было громадное, отношеніе народа ко всему русскому сдѣлалось самымъ восторженно-любовнымъ, но такъ какъ послѣ безвременной кончины Якобсона, вмѣстѣ съ изъятіемъ изъ-подъ нѣмецкаго вліянія школы и суда, было провозглашено безпощадное насильственное обрусѣніе края, пошло преслѣдованіе эстонскаго языка, эстонскихъ обществъ, такъ или иначе существовавшихъ при нѣмецкомъ единовластіи; собранный, съ надлежащаго разрѣшенія, народомъ по копейкамъ на устройство «высшаго эстонскаго училища» капиталъ около 100.000 руб., былъ употребленъ на содержаніе *городского* училища съ русскимъ языкомъ преподаванія въ *сельской* мѣстности (въ послѣдніе мѣсяцы возникла надежда, что капиталъ будетъ возвращенъ въ пользу эстонскаго земледѣльческаго училища — то народъ связалъ руссофильство Якобсона съ послѣдовавшимъ руссификаторствомъ, обвинилъ его уже въ гробу въ томъ, что именно онъ своею публицистическою дѣятельностью накликалъ руссификацію, и долгое время эстонецъ не могъ произносить имя этого бывшаго своего любимца безъ ненависти.

Изъ другихъ писателей этого времени слѣдуетъ назвать еще друзей и послѣдователей К. Р. Якобсона, филолога и популярнаго поэта д-ра М. Weske (1843—1890), автора удачныхъ народныхъ пьесъ и поэта *Johann'a Kunder'a* (1852—1888) и способнаго поэта-самоучку, еще живущаго *Ado Reinwald'a* (род. 1847).

Конецъ столѣтія менѣе богатъ выдающимися именами, но болѣе или менѣе талантливыхъ писателей появляется значительное число. Преслѣдованія, которымъ подвергается народный языкъ, порождаютъ въ литературѣ глубоко пессимистическое направленіе, хотя бдительная цензура не пропускаетъ и намековъ на причины пессимизма. Не задаваясь здѣсь цѣлью сколько-нибудь полно представить литературное движеніе конца столѣтія, назову здѣсь только слѣдующія, болѣе или менѣе случайно выхваченныя имена: изъ поэтовъ *Jacob Tamm* (1861—1907), удачный переводчикъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, искавшій отдохновенія отъ пессимизма въ мистицизмѣ; *Karl Eduard Sööt* (род. 1862), изображающій въ своихъ стихотвореніяхъ бѣдственное положеніе крестьянскаго бобыля и мызнаго батрака; *Anna Haawa* (род. 1864), находящая единственныя свѣтлыя минуты въ воспоминаніяхъ своего дѣтства и первой юности; изъ новеллистовъ — талантливый, но глубоко пессимистическій *Johann Liiw*, пессимизмъ котораго перешелъ въ помѣшательство, слишкомъ рано отнявшее его отъ литературы.

Особенное положеніе завоевалъ себѣ романистъ *Eduard Wilde* (род. 1865), долго не признанный критикой, но жадно читаемый народомъ, пока, наконецъ, и критика принуждена была уступить. Это крупный талантъ, единственный эстонскій романистъ, отличающійся большею изобрѣтательностью и мастерствомъ въ изложеніи, но долгое время слишкомъ небрежно относившійся къ литературной отдѣлкѣ своихъ произведеній, выбрасывая ихъ на книжный рынокъ чуть не въ черновыхъ наброскахъ; таково отчасти его крупнѣйшее произведеніе «Пророкъ Мальтсветъ». Въ послѣднее время онъ сталъ обращать больше вниманія на обработку своихъ произведеній. Впрочемъ, и среди прежнихъ многочисленныхъ его романовъ и повѣстей попадаются вещи, безупречныя также по формѣ, напр., разсказъ «Külmale maale» (Въ холодный край), дающій правильную картину превращенія честнаго крестьянскаго парня подъ вліяніемъ нужды и неблагопріятно сложившихся обстоя-

тельствъ въ ссыльно-поселенца. Цѣнными изслѣдованіями въ области эстонской литературы и изданіемъ многихъ первоклассныхъ литературныхъ памятниковъ, составилъ себѣ почетное имя *Wilhelm Reiman* (род. 1861).

Къ этому же времени относится обширная организація собиранія всѣхъ, сохранившихся въ устахъ народа памятниковъ народнаго творчества, извѣстнымъ фольклористомъ Яковомъ Гуртомъ (*Jacob Hurt,* 1839—1906). Сотрудники его, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, проникали во всѣ самые темные уголки Эстоніи, записывая народныя пѣсни, преданія и пр. Такимъ путемъ былъ собранъ громадный матеріалъ, изъ котораго отпечатана пока только минимальная часть—«Пѣсни Сетукезовъ», около 2000 страницъ (4000 столбцовъ), въ трехъ объемистыхъ томахъ.

XX-е столѣтіе.

Начало двадцатаго столѣтія немного дало эстонцу. Волна народнаго воодушевленія при обѣщаніи свободъ въ 1905 г. захватила и эстонцевъ. Но хотя эстонскій народъ въ происшедшихъ затѣмъ эксцессахъ никакого участія не принималъ, и эксцессы совершались пришлымъ, чужимъ народу людомъ, часто даже надъ самими же беззащитными крестьянами, тѣмъ не менѣе народъ былъ выданъ головою нѣмецкимъ баронамъ, воспользовавшимся случаемъ отомстить лицамъ, которыя когда-либо осмѣливались выказать свою самостоятельность предъ нѣмцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ даже тѣ немногія права, которыя были предоставлены эстонцамъ по выборамъ въ Государственную Думу, были отняты, и выборъ члена Думы отъ эстонцевъ представленъ нѣмецкимъ куріямъ. Результатомъ было опять жестокое разочарованіе въ своихъ надеждахъ, но теперь оно вылилось уже не въ пессимизмъ и въ пустыя жалобы, а, наоборотъ, замѣтно оживило народную энергію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, дало и болѣе правильное пониманіе дѣйствительности. Эстонецъ началъ разсуждать приблизительно слѣдующимъ образомъ: вѣдь, въ концѣ концовъ, виноватъ во всемъ этомъ вовсе не русскій народъ, котораго постигло такое же разочарованіе. И если нѣмецъ единолично продолжаетъ вершатъ дѣла въ краѣ, то въ значительной степени потому, что онъ богаче, интеллигентнѣе, дѣйствуетъ болѣе солидарно. Не будь всего этого,

нѣмецъ, при всей офиціальной поддержкѣ, не въ состояніи былъ бы, вслѣдствіе малочисленности нѣмецкаго элемента, удержать за собою свое привилегированное положеніе. Слѣдовательно, чтобы свергнуть нѣмецкое иго, эстонцу необходимо, прежде всего, достигнуть той же степени интеллигентности, солидарности въ дѣйствіяхъ, независимости въ матеріальномъ отношеніи. Въ этихъ цѣляхъ въ краѣ возникаетъ густая сѣть кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществъ и сельско-хозяйственныхъ коопераций; открывается на исключительно частныя, народныя деньги цѣлый рядъ просвѣтительныхъ учрежденій, школъ, низшихъ и среднихъ, вечернихъ классовъ, курсовъ, народныхъ домовъ съ постояннымъ театромъ, оркестромъ; въ деревняхъ возникаетъ институтъ сельско-хозяйственныхъ инструкторовъ, также содержимыхъ только на частныя средства; выставляется лозунгъ: побольше техниковъ, спеціалистовъ по различнѣйшимъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по коммерческимъ наукамъ и пр. Параллельно съ этимъ шествуетъ литература, указывая новые горизонты, раскрывая отсталость народной мысли и литературы прежнихъ годовъ. Писателей съ литературнымъ дарованіемъ появляется нѣсколько меньше, чѣмъ въ предыдущее двадцатипятилѣтіе, все молодежь, о которой рано составлять окончательное сужденіе. Какъ наиболѣе опредѣлившихся, можно назвать слѣдующихъ писателей: *Tuglas* (*Michelson*), талантливый новеллистъ и выдающійся критикъ, пожалуй, наиболѣе крупное литературное дарованіе среди молодыхъ (изъ произведеній его наиболѣе интересно по богатству и образности языка его символическій разсказъ «Zumala saar» («Божій островъ»); поэты *Gustav Suits* и *V. Ridala* (Wilhelm Grünthal), пишущіе только для образованнаго читателя; *August Kitzberg,* по возрасту принадлежащій къ старшему поколѣнію, но перешедшій въ послѣднее десятилѣтіе отъ менѣе замѣтныхъ деревенскихъ повѣстей къ драмѣ и являющійся въ настоящее время самымъ выдающимся драматическимъ писателемъ («Tuulte pöörises» и «Libahunt»). Эстонское литературное общество въ г. Юрьевѣ уже 8йй годъ издаетъ ежемѣсячный журналъ «*Esti Kirjandus*» («Эстонская литература»), посвященный исключительно научной разработкѣ эстонскаго языка, фольклора и исторіи литературы.

Въ общемъ нужно признать, что работа кипитъ. Предпринято много; сколько изъ этого удастся довести до счастливаго

конца, покажетъ будущее. Эстонецъ пріобрѣлъ уже ничѣмъ не поколебленную увѣренность, что русскій народъ рано или поздно свои права себѣ отвоюетъ, и тогда эстонцы, не выпрашивая подаяній изъ милости, считаютъ себя въ правѣ разсчитывать на полученіе того и въ той мѣрѣ, чего и въ какой мѣрѣ они заслужили, соотвѣтственно вкладу, внесенному ими въ общую сокровищницу цивилизацій всѣхъ народовъ единой Россійской Имперіи.

Такъ обстояло дѣло до послѣдняго времени. Возникшая война, конечно, измѣнила весь укладъ жизни и въ эстонскомъ краю. Какъ вездѣ, такъ и среди эстонцевъ все вниманіе было сосредоточено на одномъ единственномъ предметѣ — по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать одержанію побѣды надъ врагомъ, причемъ—для эстонца съ побѣдою или пораженіемъ самымъ непосредственнымъ образомъ связанъ вопросъ о жизни и смерти эстонскаго народа. Самый послѣдній эстонецъ вполнѣ отчетливо сознаетъ, что побѣда Германіи, есть смерть эстонскаго народа. Въ желѣзныхъ тискахъ Германіи эстонскій народъ будетъ задушенъ въ самое короткое время, и отъ цѣлаго народа останется одно воспоминаніе. Понятно, поэтому, съ какою лихорадочною возбужденностью эстонецъ слѣдитъ за ходомъ войны, не имѣя, однако, по большей части, возможности какимъ-либо образомъ открыто реагировать вслѣдствіе сосредоточенія всего мѣстнаго самоуправленія въ нѣмецкихъ рукахъ и отсутствія органовъ, чрезъ которые онъ могъ бы непосредственно проявлять свое участіе. Вслѣдствіе этого участіе его въ общей работѣ обыкновенно постороннему глазу не замѣтно, или же разсматривается, какъ работа не эстонцевъ, что, однако, его нисколько не смущаетъ, потому что полезная работа остается полезною, подъ какимъ бы наименованіемъ ее ни совершали, а претендовать за это на какуюлибо признательность ему и на умъ не приходитъ, такъ какъ борьба идетъ за его собственное существованіе.

И. Егеверъ.

г. Юрьевъ, Лифл.
Августъ 1915 г.

Изъ эстонской художественной литературы.

А. Г. Таммсааре.

Значительный день.

Это было въ первый день Троицы, когда хозяйка усадьбы Ку́зику по всегдашней привычкѣ разбудила пастушка скоро послѣ восхода солнца. Мальчикъ приподнялся на сѣнѣ, оглянулся, увидѣлъ, какъ батраки мирно продолжали спать и нѣкоторые повертывались на другой бокъ, и почувствовалъ, что сегодня вставать особенно трудно и что сонъ сегодня особенно сладокъ. Все же онъ долженъ былъ встать, такъ какъ зналъ, что хозяйка лодырничанья не терпитъ.

Мальчикъ спустился съ сѣновала, умылся, надѣлъ новую одежду и новый картузъ; штанины онъ уже дома подвернулъ, чтобы ихъ не замочило росою. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ свою бѣлоснѣжную котомку, которая лежала готовая на столѣ; онъ открылъ ее и заглянулъ внутрь: тамъ былъ кусокъ свѣжаго ржаного и другой ситнаго пшеничнаго хлѣба. Коробокъ онъ не открывалъ, — онъ и такъ зналъ, что тамъ было.

— Будь теперь молодцомъ, гони скотъ на хорошее пастбище, пусть нажрутся; когда станетъ припекать, можешь сегодня раньше пустить ихъ домой, — сказала хозяйка, входя съ подойникомъ въ избу. — Молока я тебѣ и не дала, — продолжала она черезъ нѣсколько времени, — думала, тебѣ сегодня и не захочется, когда есть ситный хлѣбъ и масло. Мяса тоже положила тебѣ кусочекъ въ уголокъ другой коробки; если самъ не съѣшь, не давай собакѣ, принеси обратно домой; для нея есть кусокъ ржаного хлѣба, сойдетъ ей и это... Ну, теперь пойди, выгони ихъ изъ загона, я приду помогу тебѣ скорѣе провести ихъ черезъ покосъ.

Мальчикъ пошелъ, а хозяйка осталась еще процѣживать

молоко. Но вскорѣ она также была на дворѣ и пошла вмѣстѣ съ мальчикомъ вслѣдъ за стадомъ по дорожкѣ внизъ. Въ концѣ дорожки ожидала ихъ бобылиха со своей коровой. Скоро появился и старикъ-бобыль изъ двери и взялъ у стѣны длинную хворостину.

— О-охъ, никакъ Юхку сегодня въ обновку нарядился, — сказала старуха, когда стадо поровнялось съ ней. — Сегодня тебѣ и не надо идти, мой старикъ самъ обѣщалъ пасти этотъ день.

— Вотъ дѣло-то, нашему хлопчику сегодня праздникъ, — отвѣтила хозяйка. — А все же далъ мнѣ наполнить сумку, такъ что лучше и не надо.

Мальчикъ отъ радости только и умѣлъ, что краснѣть и улыбаться.

— Ну, Юхку, иди же сюда, — сказалъ бобыль. — Ты хорошо смотрѣлъ за нашей коровой, — вотъ тебѣ за труды. Будешь молодцомъ, осенью еще получишь.

То были значительныя и серьезныя слова, Юхку это понималъ очень хорошо.

— Вотъ такъ разъ! — воскликнула хозяйка, — сегодня ему праздникъ, да еще и деньги... Скажи дядѣ спасибо... вотъ такъ.

— Сегодня можешь пойти въ церковь, — обновку ты уже надѣлъ, — продолжалъ старикъ.

— Чего же еще, отдай котомку дядѣ, — сказала хозяйка мальчику.

— Ахъ, не надо, — такъ рано мнѣ ѣсть и не захочется; пообѣдаю, когда въ полдень вернусь со стадомъ.

— Нѣтъ, прими все-таки котомку отъ мальчика, вѣдь, не Богъ знаетъ какая тяжесть; можетъ-быть, все же захочешь закусить, отвѣдать и нашего хлѣбца, если почувствуешь голодъ; не ахти какіе вышли, — дрожжи были плохи; въ печи чуть приподняло, стали съ большими скважинами и съ закаломъ, — объясняла хозяйка, послѣ чего бобыль взялъ у мальчика котомку и одѣлъ себѣ на шею.

— Поможемъ теперь вмѣстѣ погнать скотъ на болото, — сказала хозяйка.

Мальчикъ былъ подвиженъ и проворенъ; тяжесть и сладость сна сразу испарились, забылись. И какъ весело пѣли птицы

сегодня утромъ! У зяблика были какіе-то особенные праздничные напѣвы, а жаворонокъ какъ будто только-что вырвался изъ клѣтки — такъ гремѣло поднебесье отъ его пѣнія. Даже старая запасливая ворона, усаживаясь минуту-другую покачаться на молодой, гибкой верхушкѣ ели, старалась подобрать приличествующій дню тонъ. Покосъ звенѣлъ отъ колокольчиковъ и добродушнаго лая Муськи, когда та подгоняла то или другое отставшее животное.

— Смотри, денегъ не потеряй, что дядя тебѣ далъ, — поучала мальчика хозяйка. Теперь только онъ вспомнилъ, что у него монета еще въ рукѣ. Быстро посмотрѣлъ онъ, крупная ли.

— Двадцать копеекъ, — промолвилъ онъ, улыбаясь. И онъ почувствовалъ себя счастливымъ, хваля въ сердцѣ своемъ доброту и любезность бобыля и его жены и про себя рѣшивъ впредь усердно смотрѣть за ихъ коровой и больше никогда не лупить ее толстой дубиной, какъ онъ это до сихъ поръ съ досады часто дѣлывалъ.

Возвращаясь, бабы вели совсѣмъ будничный разговоръ и поэтому Юхку это ничуть не интересовало. Онъ шелъ за бабами, осматривалъ свою новую одежду, полученную монету и размышлялъ, какъ бы наилучше провести сегодняшній день. Это, навѣрно, единственный свободный день на все лѣто, но это длинный день, въ теченіе котораго успѣешь много совершить значительнаго.

Дома хозяйка сказала мальчику:

— Теперь пойди еще спать, пока всѣ другіе тоже встанутъ. Только сними новую одежду, когда пойдешь на сѣно, а то къ ней пристанетъ мохъ. Гдѣ монета? Спрячь ее, а то потеряешь; когда зимою придетъ коробейникъ, купимъ тебѣ красивый галстукъ.

Мальчикъ остановился посреди двора въ задумчивости, идти ли ему спать или нѣтъ. Или можно было бы вмѣсто этого сдѣлать что-нибудь иное? Но ничего не выдумалъ.

— Иди, иди-ка еще спать, — настаивала хозяйка, увидѣвъ, что мальчикъ сомнѣвается.

И мальчикъ пошелъ. Ставъ же на первую ступеньку лѣстницы, онъ еще разъ остановился. Но прежде чѣмъ что-нибудь успѣлъ придумать, ему вспомнилось, какъ онъ давеча одинъ дол-

женъ былъ встать когда въ тѣлѣ была еще сладкая сонная истома, и онъ полѣзъ на сѣновалъ. Повѣсивъ новую одежду на рѣшетину, онъ провѣрилъ, не пропала ли монета.

Лежа на сѣнѣ, онъ старался заснуть, но сонъ не приходилъ. Въ головѣ копошились мысли, въ груди стучало сладкое безпокойство. Онъ видѣлъ, какъ ласточки влетали и вылетали въ слуховое окошко, видѣлъ ихъ работу. У одной пары въ гнѣздѣ были уже яйца, на нихъ сидѣла самка; другая пара выстилала еще гнѣздо шерстью и пухомъ; третьи изъ грязи и соломинокъ закладывали основаніе гнѣзда.

— Не знаю, отчего онѣ не празднуютъ, — подумалъ мальчикъ. — Или у нихъ нѣтъ совсѣмъ праздника? Но вѣдь грѣхъ...

И онъ слѣдилъ за ласточками, слушалъ ихъ тихій, убаюкивающій щебетъ, пока сонъ не спустился на его вѣки, придя изъ окошекъ, закоулковъ или по лѣстницѣ неслышными шагами. Проснулся онъ лишь тогда, когда хозяйка позвала:

— Юхку, сойди теперь, другіе скоро сядутъ уже за завтракъ; иди скорѣй, умойся; тогда вмѣстѣ съ другими поспѣешь въ церковь.

По дорогѣ въ церковь Юхку встрѣтился съ другимъ пастушкомъ, обутымъ въ сапоги. Правда, это были не издѣліе сапожника, а купленные въ лавкѣ — „русаки“ *, но все-таки сапоги, съ голенищами и каблуками. И Юхку стало немножко стыдно за свои пастолы, за красивыя желтыя, изъ скрипучей дубленой кожи пастолы. Какъ ни старался онъ такъ ходить, чтобы пастолы хорошенько поскрипывали, на другого мальчика это не производило никакого впечатлѣнія, когда тотъ въ своихъ „русакахъ“ расхаживалъ тяжелой походкой чуть ли не взрослаго.

Въ церкви первой заботой обладателя сапогъ было взобраться на колокольню. Найдя дверь колокольни внизу открытой, онъ потащилъ за собою и Юхку вверхъ до самыхъ отверстій, откуда открывался такой обширный видъ. Даже усадьба Кузику съ ея густой, развѣсистой березой попалась Юхку въ глаза. Тутъ хотѣлось бы ему остановиться, собраться съ мыслями и чувствами, какъ бы дать себѣ отчетъ въ чемъ-то, но уже спутникъ

---

* Сапоги привозные, русскаго издѣлія.

торопилъ внизъ. Больно-сладкое чувство засѣло у Юхку въ груди при мысли, какъ высока церковь, и имъ овладѣла какая-то торжественная тишина.

Но на лѣстницѣ ихъ встрѣтилъ звонарь и хорошенько выбранилъ, прямо выругалъ ихъ, такъ что чудное настроеніе у Юхку совсѣмъ исчезло, уступая мѣсто печали и боязливости. Внизу онъ не смѣлъ даже глазъ поднять, боясь насмѣшливыхъ улыбокъ надъ тѣмъ, что его въ новой одеждѣ и скрипучихъ пастолахъ въ первый день Троицы выругалъ звонарь. Несмотря на то, что его бравый спутникъ тащилъ его впередъ, онъ пятился все дальше, въ самый дальній и темный уголокъ подъ хоромъ, гдѣ онъ упорно все раздумывалъ о высотѣ церкви, хотя ему мѣшали воспоминанія о ругани звонаря. Но и береза Кузику не выходила изъ памяти. Какая это должна быть громадина, если видна на такую даль черезъ болота, трясины, другія усадьбы и рощи, да еще такъ ясно — хоть начинай на глазъ идти домой.

Народу все прибывало, церковь скоро была биткомъ набита. И Юхку прижали въ уголъ, такъ что онъ и пошевельнуться не могъ. Онъ ничего не могъ видѣть, кромѣ запачканной штукатурки стѣны и потускнѣвшаго пола хоровъ. Какъ птичка въ клѣткѣ, онъ грустно разсматривалъ помятый козырекъ своего новаго картуза. Онъ слышалъ пастора, гдѣ-то вдали говорящаго о радости и блаженствѣ, и ему припомнилась бѣлая котомка съ бѣлымъ хлѣбомъ и коробками, новая одежда и старый бобыль, давшій ему двадцать копеекъ и обѣщавшій осенью еще дать; онъ слышалъ игру органа и снова припомнилась высота колокольни, „русаки“ спутника, и въ неизвѣстную даль, куда наяву не зналъ дороги и которой не могъ дать даже имени, залетѣли грезы пастушка, оставивъ печаль и безпокойство подъ сводами хоровъ. Но, наконецъ, стало скучно и съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ конца богослуженія.

Вышедши изъ церкви, онъ остановился подъ тополями, чтобъ посмотрѣть на народъ. Но и это не успокаивало. Онъ не чувствовалъ здѣсь того особеннаго, воскреснаго, чего искалъ. И съ поникшей головой шелъ онъ, толкаемый почти пренебрежительно народомъ, къ лавкѣ, откуда вскорѣ повернулъ домой, и въ груди у него тлѣла какая-то тайная боль. Въ ней таилось какъ бы

сожалѣніе, что онъ пришелъ въ церковь, и боль, что сегодняшній день пройдетъ и онъ ничего значительнаго не успѣетъ сдѣлать. Идя домой и въ одиночествѣ ломая голову, что бы еще предпринять, онъ охотно послушалъ бы колокольчики стада. Знакомый мальчикъ позвалъ его къ себѣ, чтобы оттуда вмѣстѣ пойти искать гнѣзда воронъ, но этого онъ не хотѣлъ. Онъ помнилъ очень хорошо, сколько разъ ему, карабкавшемуся на дерево, случалось рвать себѣ штаны на кончикахъ сучьевъ, и что было бы, если съ его новыми штанами случилось то же. Къ тому же ему припомнилась ругань звонаря, этого товарища онъ считалъ главнымъ ея виновникомъ.

— Ну, уже дома? Да и скорый же ты! Почему ты дольше не оставался? — сказала хозяйка Кузику, увидѣвъ пастушка входящимъ изъ дворовыхъ воротъ.

— Не хотѣлъ, — отвѣтилъ Юхку коротко.

— Проголодался?

— Нѣтъ.

— Я накрою столъ, иди закуси немного.

За столомъ мальчикъ отвѣдывалъ то одно, то другое, но ничего не понравилось. Хотѣлось бы, да не идетъ. А вѣдь тутъ было все, что можно пожелать: масло, какъ воскъ, простокваша, какъ каша, тушоная свинина и даже утиныя яйца, которыя онъ самъ, обложивъ ихъ въ карманѣ мхомъ, принесъ домой изъ далекой рѣчной чащи, заранѣе хорошенько попробовавъ въ лужѣ, не подымется ли вверхъ тупой конецъ.

Солнце близилось уже къ вечеру, когда Юхку вышелъ изъ избы на дворъ.

„Какъ низко уже солнце, — думалъ онъ. — Куда идти?“ — произнесъ онъ черезъ нѣкоторое время вполголоса, но отвѣта не находилъ. Въ иной, обыкновенный день онъ пошелъ бы на болотный островъ, гдѣ на лугу гладкій, стройный дягиль какъ будто созданъ былъ, чтобъ дѣлать изъ него дудки; или онъ побѣжалъ бы внизъ къ канавѣ, находящейся въ запольѣ, гоняться за молодыми, длиною съ иглищу щуками, на обратномъ пути пользуясь случаемъ, чтобъ нарвать въ березникѣ первоцвѣтовъ и купальницъ, — сегодня же его это не тянуло. На что-нибудь особенное онъ хотѣлъ бы употребить сегодняшній день.

Дворовыя ворота были открыты. Юхку вышелъ оттуда и направился по межѣ къ лѣсу. Дойдя до высшей точки холма, онъ остановился. Кругомъ залегало плоское болото, покрытое низкими, частыми березами, какъ бы сотканными въ сплошной зеленый коверъ, на которомъ рѣдкія корявыя сосны въ поэтическомъ безпорядкѣ выдѣлялись темными пятнами. Юхку хорошо зналъ это болото, — вѣдь, онъ два лѣта пасъ тутъ стадо. Отдѣльнымъ деревьямъ, кочкамъ, буграмъ и холмамъ онъ далъ названія и вездѣ помѣтилъ березы завитками, означая ими найденныя гнѣзда птицъ.

Мальчикъ прислушался, не доносятся ли колокольчики стада; но нѣтъ — все было тихо. Потомъ вдругъ залаяла Муська; это было возлѣ той кривой сосны, на которой такъ хорошо качаться. Мальчикъ сѣлъ на межу. Теперь Муська пролаяла долго; навѣрно, старикъ гнался за своей коровой-пестрянкой, вѣдь эта чертовка не удержится при другихъ. Странно было отсюда свысока слушать это и дѣлать предположенія. Мальчикъ осмотрѣлъ задумчиво свою новую одежду, желтыя пастолы, которыя успѣли уже значительно посѣрѣть, и картузъ съ помятымъ козырькомъ.

„Зачѣмъ я, дуракъ, забрался въ церковь“, сказалъ онъ тогда про себя. „Куда бы еще пойти до вечера?“ Но вмѣсто отвѣта ему вспомнилась полученная утромъ монета. Онъ вынулъ ее, повертѣлъ между пальцами, а въ ушахъ отдавались слова хозяйки: „На это купимъ тебѣ зимой у коробейника красивый галстухъ“.

„Лучше я купилъ бы цареградскихъ стручковъ; что я съ этимъ галстукомъ буду дѣлать? когда я его надѣну?“ подумалъ онъ какъ будто въ отвѣтъ на слова хозяйки. И потомъ: „Лучше взялъ бы я утромъ у стараго бобыля удочку и пошелъ бы удить“. И ясно онъ вообразилъ себѣ, какъ плаваетъ поплавокъ между широкими листьями кувшинчиковъ и вдругъ начинаетъ подергиваться. Но было уже поздно затѣять это. Уже онъ жалѣлъ, почему на зовъ товарища не пошелъ искать вороньи гнѣзда. На языкѣ шевелилось одно „кабы“ за другимъ, но это не успокаивало.

Онъ всталъ и оглянулся. Вдали за зеленымъ болотомъ виднѣлись отдѣльныя усадьбы. Мальчику казалось, что и имъ

скучно; по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе было отъ нихъ. Далеко, далеко за усадьбами стояла церковь, и казалось какъ будто сновидѣніемъ, что онъ сегодня еще смотрѣлъ съ колокольни этой церкви и видѣлъ березу Кузику. Близъ него поднялся жаворонокъ и сталъ заливаться; но какъ совсѣмъ по-иному онъ заливался утромъ! Или, можетъ быть, то былъ другой жаворонокъ? При свѣтѣ заходящаго солнца все стало пустымъ и печальнымъ.

И Юхку самъ даже не узналъ, отчего его губы скривились, и потекли слезы. Все это случилось какъ-то необдуманно, невзначай, незамѣтно. Только почувствовавъ, какъ что-то соленое съ вѣкъ скатывается на губы, онъ провелъ рукавомъ черезъ лицо, нахлобучивъ картузъ на бокъ.

Долго ли проплакалъ онъ тамъ высоко на холмѣ, потомъ онъ уже не помнилъ, а одно помнилъ твердо: онъ плакалъ горько, жалобно. И когда глаза, наконецъ, высохли, мутные отъ недавнихъ слезъ, замолкли всѣ вопросы и сожалѣнія.

Тупо поплелся онъ обратно домой, забрался, никѣмъ не замѣченный, на сѣновалъ и легъ на мшистое сѣно, не снявъ ни новой одежды, ни скрипучихъ пастолъ. Ласточки работали и щебетали какъ и утромъ, но мальчикъ не слышалъ и не видѣлъ ихъ.

Переводъ ***Эд. Лааманъ.***

Эдуардъ Вильде.

Аттестаціи старосты Карла.

Когда пожилому мызному старостѣ Карлу отказали отъ службы на прежнемъ мѣстѣ, онъ сказалъ старухѣ:

— Я то… почему мнѣ не получить новое мѣсто! Получалъ раньше, получу и теперь. У меня вѣдь хорошія аттестаціи.

— Можетъ быть, и другіе тебя старымъ сочтутъ, какъ нашъ, — сказала старуха.

— Одинъ сочтетъ, другой не сочтетъ. Ужъ я получу мѣсто. У меня прекрасныя аттестаціи.

И когда онъ былъ въ поискахъ и встрѣчался на пути съ людьми, онъ разсказывалъ имъ, что онъ ищетъ новое мѣсто и что у него прекрасныя аттестаціи. Если съ кѣмъ-либо ему при-

ходилось вести болѣе продолжительный разговоръ, онъ показывалъ и аттестаціи. Онъ выгребалъ изъ кармана, что за пазухой, старую истрепавшуюся карманную книжку, перевязанную поверхъ ремешка еще веревочкой. Изъ карманной книжки онъ вынималъ три бумажки, — двѣ старыя и пожелтѣвшія, третья — новая и бѣлая. Но такъ какъ аттестаціи были написаны по-нѣмецки, то мужички должны были, не читая ихъ, вѣрить, что онѣ прекрасны. Въ церковной корчмѣ разъ кутилъ подмастерье горшечника, который вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ. Онъ прочиталъ аттестаціи безъ запинки и сообщилъ другимъ, что онъ прочиталъ.

На первомъ листѣ Пяраверскій баронъ удостовѣрялъ, что Карлъ Райсмикъ служилъ у него въ качествѣ старосты двѣнадцать лѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ порядочно и честно. На другомъ листочкѣ владѣлецъ мызы Кобрасте свидѣтельствовалъ, что староста Карлъ Райсмикъ двѣнадцать лѣтъ былъ ему слугой аккуратнымъ, вѣрнымъ, старательнымъ и трезвымъ. Третья аттестація была короче, но не хуже. Графъ изъ Лійганди, который не охотникъ былъ до письма, сообщалъ только, что онъ девять лѣтъ вполнѣ былъ доволенъ службою Карла Райсмика.

Въ то время, какъ подмастерье объяснялъ аттестаты, а корчмарь хвалилъ ихъ хозяина, какъ человѣка добропорядочнаго, окинулъ Карлъ взглядомъ всю комнату, погладилъ свою сѣдую бороду и сказалъ:

— Д-да... это составляетъ лѣтъ сорокъ шесть! Не мало пришлось служить имъ, принуждать ихъ рабовъ и беречь ихъ добро. Сорокъ шесть лѣтъ служить помѣщику — вѣдь, это не шутка.

Когда же старый Райсмикъ показалъ свои аттестаты помѣщику, которому нуженъ былъ староста, то помѣщикъ сказалъ:

— У тебя очень хорошіе аттестаты, но мнѣ нуженъ болѣе молодой!

И другой помѣщикъ заявилъ:

— Да, ты очень долго былъ вѣрнымъ слугой помѣщика, но мнѣ нуженъ болѣе молодой!

И третій, который такъ внимательно на него не посмотрѣлъ, поднялъ отъ аттестатовъ глаза и спросилъ:

— Сколько же тебѣ лѣтъ на самомъ дѣлѣ?

Когда онъ услышалъ, что старому Райсмику ко дню Благо-

вѣщенія исполнится семьдесятъ лѣтъ, тогда онъ поспѣшно сложилъ бумаги и сказалъ:

— Нѣтъ, мнѣ нуженъ болѣе молодой!

Такъ остался Карлъ на этотъ годъ безъ мѣста и поселился на время, до полученія новаго мѣста, въ посадѣ около церкви. Старухѣ же сказалъ онъ:

— Проживемъ годикъ здѣсь, тогда ужъ получу! Я-то — вѣдь, у меня прекрасные аттестаты!

Годъ онъ прожилъ; сбереженнаго провіанта хватило, хватило и сбереженныхъ денегъ. Когда наступило время, Карлъ опять отправился искать себѣ мѣста службы, и всѣ пивныя лавки, переднія монополекъ и мелочныя лавки во всей окрестности слышали и видѣли, какіе хорошіе аттестаты у старосты Карла. И помѣщики, которымъ нуженъ былъ староста, могли ихъ читать и хвалить, и они немедленно взяли бы стараго Райсмика на службу, если бы онъ былъ моложе.

Но такъ какъ онъ не былъ моложе, то онъ долженъ былъ остаться еще годъ безъ привычной работы. Накопленный провіантъ давно уже вышелъ, но сбереженныхъ денегъ хватало еще. И такъ какъ онъ дѣлался не моложе, а старше, то на этотъ годъ онъ искалъ уже не столько мѣста мызнаго старосты, сколько „какой-либо другой, болѣе легкой работы“.

Но у помѣщиковъ не было возможности предложить ему болѣе легкихъ занятій, и одинъ сказалъ:

— Не ищи больше службы, теперь пора тебѣ на покой!

Старый Райсмикъ отвѣтилъ:

— А кто жъ меня будетъ кормить?

Помѣщикъ спросилъ:

— Развѣ у тебя нѣтъ кормильца?

Старый Райсмикъ сказалъ:

— Нѣтъ. Старшій сынъ былъ въ Падуферѣ кучеромъ, жеребецъ его разбилъ; младшій сынъ былъ въ имѣніи Саупа приказчикомъ, и умеръ отъ чахотки.

На это сказалъ помѣщикъ:

— Ахъ, такъ; тогда волость должна тебя кормить!

Но эта мысль была противна старому Райсмику, и онъ отвѣтилъ:

— Вѣдь, я всю жизнь работалъ не на шалопаевъ, я работалъ

сорокъ лѣтъ на важныхъ господъ. Не годится мызному старостѣ стать волостнымъ нищимъ.

Итакъ, такая мысль была ему противна; и онъ сталъ еще съ большимъ усердіемъ искать себѣ мѣсто.

Все равно какое мѣсто, только бы найти заработокъ раньше, чѣмъ выйдетъ послѣдняя копейка, только бы исчезла мысль сдѣлаться нищимъ, стать со старухой волостными нищими. И чтобы сбереженныхъ денегъ хватило на болѣе долгое время, пока найдено будетъ новое мѣсто, — денегъ, вѣдь, было не очень-то много, ибо обученіе младшаго сына обошлось дорого, — старикъ нанимался поденщикомъ, пока опять наступило время искать мѣста.

Уже третій срокъ.

Онъ не былъ уже такъ твердъ въ увѣренности получить мѣсто, онъ уже не показывалъ такъ охотно своихъ аттестатовъ. Но вѣра все-таки еще не исчезла. Старухѣ сказалъ:

— Если не старостой, то ночнымъ сторожемъ; если не ночнымъ сторожемъ, то хоть свинопасомъ.

Только о своихъ аттестаціяхъ онъ не промолвилъ ни слова, когда говорилъ о готовности быть свинопасомъ.

Вскорѣ послѣ Срѣтенія до Карла дошли слухи, что въ мызѣ Пэхула отказали служащимъ. Кому именно отказано, точно не знали, но многимъ. Карлъ взялъ изъ шкапа свои аттестаты и двинулся въ путь. Прошелъ онъ 25 верстъ въ одинъ духъ, хотя дорогу занесло сыпучимъ снѣгомъ. Дорогою онъ все молилъ Бога, чтобы удалось получить мѣсто въ Пэхула. Въ то же время старуха дома со слезами молила Господа о томъ же.

Но Господь былъ, вѣроятно, занятъ болѣе важными дѣлами, ибо старику и на этотъ разъ не было счастья. Владѣльцу Пэхула нуженъ былъ ночной сторожъ, но онъ сказалъ Карлу:

— Теперь не добрыя времена, простой народъ развратился, — я не смѣю оставлять свое имѣніе на ночь подъ надзоромъ такого старика.

Карлъ сталъ молить: онъ-де еще совсѣмъ бодрый, и если у него будетъ ружье, то онъ сейчасъ застрѣлитъ, если кто-нибудь придетъ.

Но баринъ сказалъ, что Карлъ не хорошо видитъ, и не слышитъ и заснетъ гдѣ-нибудь за угломъ.

На это старый Райсмикъ сказалъ:

— Засну! Я всю жизнь работалъ на помѣщика и оберегалъ мызное имущество! Скорѣе выколю себѣ глаза, чѣмъ засну, оберегая мызное имущество!

Но владѣлецъ Пэхула, улыбаясь, потрясъ головой:

— Иди, иди... ничего изъ этого не выйдетъ! Гляди — за дверью ждутъ болѣе молодые!

Нечего дѣлать, — побрелъ по старой дорогѣ обратно. Отиралъ на лѣсной дорогѣ слезы рукавицей — но могло ли это помочь! Считаютъ старымъ! Ничего не подѣлаешь — бракуютъ старыхъ! Не обращаютъ даже вниманія на аттестаты!

Карлъ думалъ идти, пока свѣтло, а потомъ поискать ночлега. Но сегодня стемнѣло рано, потому что поднялась метель. Была такая метелица, что чуть-чуть не стало дыханія и за три шага ничего не видно было. „Вотъ тебѣ разъ! — думалъ старый Райсмикъ, — потеряю такимъ образомъ, наконецъ, дорогу и заблужусь“. Но, думая объ этомъ, онъ дѣйствительно сбился съ дороги и заблудился. А такъ какъ эта сторона была ему совсѣмъ незнакома, то ни по какимъ признакамъ онъ не могъ отыскать пути. Становилось все темнѣе и темнѣе — весь міръ превратился во что-то черное; нигдѣ не видно было ни человѣческаго жилья, ни огонька изъ окошечка.

„Ужасно! — подумалъ старый Райсмикъ, — придется въ концѣ концовъ заночевать здѣсь“. Боролся онъ еще съ бурей и со снѣгомъ, съ усталостью отъ старости, и когда изнемогъ, бросился на снѣгъ и сказалъ: „Метелица, понеси поклонъ моей старухѣ, я здѣсь заночую“.

Метель же продолжалась день и ночь, потомъ наступила оттепель, а за оттепелью сильный морозъ, и когда снѣгъ отвердѣлъ, баронъ изъ Пэхула вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣдями поѣхалъ на охоту за зайцами въ Пурвита. Солнце ярко сіяло, снѣгъ сверкалъ, деревья были изукрашены стеклянными вѣтвями.

Вдругъ гончія остановились на одномъ мѣстѣ — однѣ залаяли, другія завыли. Звали ихъ, свистали, но онѣ не слушались. Когда господа прибыли, они нашли подъ сосною бородатаго старика, по поясъ въ снѣгу.

Онъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ раскрытыми глазами на солнце. Лѣвая рука была на половину приподнята, а правая держалась за пазуху, гдѣ хранились аттестаты. Сосновыя вѣтви

подобно вязальнымъ спицамъ звенѣли на вѣтру, и на снѣгу звенѣли тысячи булавокъ. Солнце блестѣло, и снѣгъ сверкалъ.

Баронъ изъ Пэхула всмотрѣлся повнимательнѣе въ старика и сказалъ:

— Вотъ какъ — это тотъ самый старикъ, который нанимался у меня въ ночные сторожа. Представилъ хорошія аттестаціи, но мнѣ нуженъ былъ болѣе молодой.

Переводъ ***М. Авика.***

А. П. Кицбергъ.

Въ вихрѣ.

Драма.

Дѣйствіе второе, явленіе третье.

Янъ *(выходитъ изъ дома и садится на скамью, что у крыльца).*

Лена *(медленнымъ шагомъ идетъ отъ воротъ двора и прислушивается къ звукамъ лѣтней ночи. Издали слышенъ пастушій рожокъ, слабые отзвуки пѣсни и игры на гармоникѣ. Замѣтивъ Яна у входа, теряется).* Почему ты не идешь спать?..

Янъ. Въ такую ночь?! Весь міръ ликуетъ, а мнѣ спать?..

Лена. Да, ночь, дѣйствительно, прекрасна...

Янъ. А ты?—А сосѣдъ Карлъ? Куда это онъ опять такъ торопился?

Лена *(со вздохомъ).* У него уйма дѣлъ. Поѣхалъ въ городъ получать машины.

Янъ. Значитъ, теперь и прислугѣ будутъ давать снятое молоко?

Лена. Съ какихъ это поръ, Янъ, тебѣ перестала нравиться наша пища?

Янъ. У васъ, вѣдь, прежде не было сепаратора,

Лена. Ну, вотъ какой вздоръ... Болтаютъ пустое тѣ, что мастера подстрекать другихъ! А сами любятъ пожить на чужой счетъ, да и негодны на что-нибудь другое.

Янъ. Это ты наслушалась опять отъ Карла, — вѣдь онъ насквозь пропитанъ подобной старозавѣтной мудростью. За-

крыты ваши глаза; не видите и не слышите вы, потому что не хотите видѣть и слышать. Всюду рабочій народъ возстаетъ противъ васъ.

Лена *(съ легкой ироніей).* Вотъ какъ! Я женщина и плохо разбираюсь въ дѣлахъ, которыми интересуются мужчины; но... если сбудется то, что ты говоришь, ты, конечно, будешь первымъ...

Янъ *(привставъ, какъ бы въ испугѣ).* Я?—Я? *(почти про себя.)* Я... подхваченъ вихремъ и пока еще не знаю, куда... онъ меня увлечетъ.

Лена *(холодно).* Въ такомъ случаѣ обождемъ, а теперь пора спать. Уже довольно поздно. Спокойной ночи, Янъ *(идетъ).*

Янъ. Лена!

Лена *(оборачивается).*

Янъ. Скажи, что тебя такъ привлекаетъ къ этому Карлу, который заставляетъ тебя годами ждать?

Лена. А я тебя спрашиваю, Янъ, почему ты ненавидишь Карла?

Янъ *(съ досадой).* Я его вѣдь не ненавижу.

Лена. Н-ну!

Янъ *(сквозь зубы).* Но и любить его у меня нѣтъ основанія.

Лена. Лучше бъ ты не говорилъ, что нѣтъ въ тебѣ ненависти къ нему. Ты, вообще, представляешься мнѣ загадочнымъ, Янъ.

Янъ. Какъ такъ?

Лена. Я тебя разъ уже спрашивала, но не получила отвѣта. Почему ты вернулся и сталъ сельскимъ батракомъ? *(Говоритъ съ запинками, какъ бы ожидая отвѣта.)* Ты... видѣлъ, понимаешь и свѣтъ и во всемъ толкъ знаешь. Неужели не нашелъ ты ничего другого? Не вѣрится мнѣ.

Янъ *(молчитъ).*

Лена. Ты упомянулъ о дружбѣ нашихъ дѣтскихъ лѣтъ. Такъ говори же.

Янъ. Когда я заговорю, заговоритъ и сердце мое, и ты услышишь вещи, о которыхъ тебѣ слышать не захочется.

Лена *(садится).* Говори все-таки. Я не боюсь и не убѣгу. Мнѣ жаль тебя, Янъ; ты никогда не бываешь веселымъ.

Янъ. Веселымъ не бываю... никогда! И радоваться-то мнѣ нечему.

Лена. Ну, облегчи же сердце свое, разскажи. Вообрази себѣ, что я твоя сестра.

Янъ *(горько улыбаясь).* Такъ и быть — *(пожимая плечами),* если ты приказываешь. Только коротко этого разсказать нельзя. Придется начать съ давно минувшихъ дней, точно сказку.

Лена. Время же есть и ночь такая чудная...

Янъ *(волнуясь).* Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь. *(Съ усиліемъ подавляя въ себѣ волненіе, то садясь, то вставая, разсказываетъ какъ бы во снѣ.)*

Три поколѣнія тому назадъ жилъ человѣкъ. Нашелъ онъ островъ среди болота. Въ болотѣ этомъ водились ужи и гадюки, которые ползали по острову и грѣлись тамъ на солнцѣ. На островѣ росъ ольховый лѣсъ, а въ лѣсу была медвѣжья берлога. Люди избѣгали этой мѣстности. Но человѣкъ этотъ сказалъ себѣ: гадюка боится табачнаго яда, а медвѣдя можетъ всякій убить, кто смѣлъ и кто сумѣетъ прицѣлиться ему въ морду. А гдѣ растетъ ольха, тамъ почва плодородная. — И не могъ онъ забыть про этотъ островъ, и мечталъ о немъ и днемъ и ночью.

Разъ ему удалось схватить за удила и укротить взбѣсившуюся верховую лошадь дочери помѣщика. Не будь онъ сыномъ раба, его, быть можетъ, сочли бы спасителемъ жизни молодой барышни. Но въ данномъ случаѣ отецъ барышни думалъ, конечно, о какой-нибудь должности при мызѣ или о пяти кружкахъ горѣлки, когда велѣлъ позвать его къ себѣ, и сказалъ ему: проси себѣ награду. Но человѣкъ этотъ не попросилъ себѣ ни должности, ни вина, а сказалъ: тамъ простирается болото, среди болота есть островъ. Позвольте мнѣ построить на островѣ хижину. Когда я выжгу лѣсъ и превращу необработанную землю въ пашню, я стану отбывать мызѣ повинность.

Помѣщикъ разсмѣялся. „Сумасбродъ ты, — сказалъ онъ, — на островѣ обитаетъ медвѣдь".

Мужикъ отвѣтилъ: „Я принесу вамъ его шкуру".

— „Такъ иди и строй", — сказалъ помѣщикъ.

Мужикъ и пошелъ.

Это былъ мой дѣдъ.

Лена *(съ сочувствіемъ).* Продолжай.

Янъ. Принесъ онъ шкуры медвѣдя и медвѣдицы и пойманныхъ имъ живыми медвѣжатъ и умолялъ помѣщика: „Есть у меня

братъ; позвольте и ему поселиться на островѣ". Помѣщикъ былъ въ духѣ: пускай и онъ поселится.

Лена *(смѣясь).* А ужи и гадюки?

Янъ. Ого! Въ сосѣднемъ приходѣ жилъ человѣкъ, по прозванію Экси-Аду; его и пригласили. Въ лѣтній вечеръ онъ развелъ костеръ на берегу болота и началъ играть на свой дудкѣ изъ птичьей кости. Тогда пришли всѣ дѣти болота и собрались кучами вокругъ огня. Когда же всѣ гады собрались, Аду всталъ и, продолжая играть на своей дудочкѣ, пошелъ впередъ, а змѣи, извиваясь, поползли за нимъ. Онъ увелъ ихъ за десять верстъ въ другое болото. Вотъ такъ и перевелись гадюки въ нашемъ болотѣ.

Лена *(смѣясь).* Какое зрѣлище!

Янъ. А братья рубили лѣсъ, жгли новину, землю пахали.. Такимъ образомъ возникли со временемъ на островѣ эти двѣ крестьянскія усадьбы, изъ которыхъ одна составляетъ нынѣ собственность твоего отца.

Лена *(вздрогнувъ).* Что ты сказалъ? *(Серьезно.)* Продолжай.

Янъ. Дѣдъ мой скончался. Онъ отбывалъ на своемъ вѣку повинности помѣщику работою на мызномъ полѣ, а его сынъ сталъ платить денежную аренду. Островъ былъ хорошъ, поля прекрасны; сынъ работалъ день и ночь...

Лена *(про себя).* День и ночь!

Янъ. Онъ успѣлъ кое-что сдѣлать на своемъ вѣку, но накопить денегъ не успѣлъ. Все израсходовалъ на усадьбу.

Лена *(волнуясь).* Продолжай.

Янъ. Въ Египтѣ возсталъ новый фараонъ, который ничего не зналъ о заслугахъ Іосифа. Мыза и деревня перешли во владѣніе новаго помѣщика и — когда изъ Феллинскаго уѣзда явился человѣкъ, который могъ внести наличными тысячу рублей, чего мой отецъ сдѣлать не могъ — помѣщикъ продалъ усадьбу пришельцу.

Лена. И это былъ — мой... отецъ?

Янъ. Да!.. это былъ твой отецъ!

Лена *(волнуясь).* Продолжай, продолжай...

Янъ. Онъ привезъ съ собою человѣка, который купилъ и вторую усадьбу. — Совсѣмъ обыденная исторія, не правда ли?

Лена *(глубоко вздохнувъ).* Разсказывай все.

Я н ъ. Осталось немного, чего бы ты сама не знала. Каждый камень, каждый клочекъ земли здѣсь были дороги моему отцу. Онъ какъ бы сросся съ этой почвой, которую онъ поилъ своимъ пóтомъ. Онъ не могъ разстаться съ нею и остался батракомъ у твоего отца. Теперь онъ работалъ только **днемъ**, а **ночью** оплакивалъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми свою горькую участь, пока не закрылъ свои глаза навѣки...

Л е н а *(тронутая, тихо).* А сыну основателя усадьбы пришлось скитаться по бѣлу свѣту...

Я н ъ. И да, и нѣтъ. И онъ могъ бы остаться. *(Холодно.)* Онъ ушелъ... копить деньги, чтобы вернуть усадьбу — добромъ или силою...

Л е н а *(съ сочувствіемъ).* Такъ вотъ почему ты вернулся...

Я н ъ. Потому? Только за этимъ?.. Не знаю.

Л е н а *(поднявъ глаза).* Такъ зачѣмъ же ты вернулся?

Я н ъ *(страстно).* Зачѣмъ? Неужели и объ этомъ разсказывать мнѣ?!

Л е н а *(взволнованно).* Да, и объ этомъ. Я требую...

Я н ъ *(какъ бы со скрытой угрозой).* Не требуй!

Л е н а. Я требую, Янъ!

Я н ъ *(съ грустью).* Итакъ, придется мнѣ разсказать еще исторію. Но смотри — отвѣтственность да падетъ на тебя, если это добромъ не кончится... Я разскажу... Жили были нѣкогда на одномъ и томъ же дворѣ дѣвочка да мальчикъ; они играли и рѣзвились вмѣстѣ, вмѣстѣ же посѣщали и школу. *(Взволнованно.)* Она была хозяйская дочь, а онъ — сынъ батрака. И жили они какъ молодые люди обыкновенно живутъ, не понимая жизни и... *(не въ силахъ удерживаться, страстно).* Лена! ты помнишь ли, какъ мы разъ во время молотьбы носили солому съ гумна и намъ досталось за то, что мы долго отсутствовали? Помнишь ли ты, какъ мы возились въ нагрѣтой соломѣ, насъ и не видно было подъ нею. Солома была горяча, горѣли и мы. Ты была въ одной рубашкѣ, подпоясанной подъ молодою, неразвитою грудью... *(Лена отводитъ глаза).* Помнишь ли, какъ я заключилъ тебя въ свои объятія? Лица и уста наши были покрыты копотью и, когда мы цѣловались, устами стирали съ устъ копоть. Твоя кожа была суха и вся ты какъ бы пылала...

Лена *(очень взволнована, дрожитъ).* Полно, перестань...

Янъ. Почему же? Мы ни въ чемъ не провинились. — Съ этого дня и часа, Лена... я не могъ забыть тебя на чужбинѣ. Тоска по тебѣ, по родинѣ уничтожила всѣ мои планы и... вотъ, вотъ я здѣсь! Теперь ты все знаешь, — дѣлай теперь, что хочешь.

Лена *(какъ бы во снѣ).* Теперь ты здѣсь, а... я — невѣста другого человѣка! Какъ же быть, Янъ!

Янъ *(страстно).* Какъ же быть?.. Лишь бы ты захотѣла, Лена...

Лена *(отмахиваясь руками).* Нѣтъ, нѣтъ! Ты бредишь, Янъ. Горячая кровь, да страсть снѣдаетъ сердце! *(Тихо.)* Я не должна... внимать твоимъ словамъ... *(Собирается уйти.)*

Янъ *(страстно бросается къ ней).* Лена!

Лена *(подступая къ нему на шагъ, но затѣмъ опустивъ руки и тяжело попятившись назадъ).* Нѣтъ, нѣтъ! Это убьетъ Карла и сведетъ въ могилу сѣдины моего отца! *(Тихо.)* Мой жизненный путь намѣченъ, Янъ... онъ ведетъ къ Карлу. Тутъ ничего не подѣлаешь! Спокойной ночи, Янъ! Спи, если можешь. *(Идетъ. Оглянувшись.)* Янъ, мнѣ жаль тебя; все это убиваетъ меня! *(Со стономъ.)* Янъ! Оставь ты насъ, уходи ради моего и твоего спокойствія. Исчезни опять... Это единственный путь. Мы... не должны имѣть никакого дѣла другъ къ другу... Судьба твоя ужасна... *(уходитъ, рыдая, въ комнату).*

Пер. ***А. Р. Крусбергъ.***

Примѣчаніе переводчика. Авторъ пьесы — „Въ вихрѣ“ Августъ Петровичъ Кицбергъ, является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ сторонникомъ романтическаго направленія, смѣнившагося впослѣдствіи реализмомъ. Данная драма написана въ періодъ перехода его отъ одного направленія къ другому. Историческимъ фономъ драмы служитъ 1905 годъ, когда широкая волна соціальнаго движенія хлынула съ востока къ намъ и занесла сюда цѣлый рядъ новыхъ понятій и вопросовъ. Янъ является соціалистомъ; но онъ не въ силахъ всецѣло отдаться новому движенію. Сюжетъ этой народной пьесы заимствованъ изъ сельскаго быта, чѣмъ и объясняется простота слога и интересы дѣйствующихъ лицъ.

Юганъ Лійвъ.

Обыденная исторія.

Всѣ разсказы начинаются съ того, что гдѣ-либо что-нибудь совершается, будетъ совершаться или совершилось, оставивъ за собою заслуживающія вниманія послѣдствія.

Въ данномъ разсказѣ нѣтъ ничего особеннаго: говорится здѣсь не о комъ иномъ, какъ о бѣдной Мари изъ Пунасоо.

И, дѣйствительно, въ жизни Мари изъ Пунасоо не случилось ничего особеннаго ни въ началѣ, ни въ концѣ ея. Какъ жила она, такъ провели свою жизнь и многіе другіе до нея. Наполняющіе кладбища кресты — одни поставлены сегодня, другіе уже сгнили, третьи покосились, четвертые развалились — всѣ повѣствуютъ намъ о людяхъ, которые родились, жили и умерли, подобно Мари изъ Пунасоо.

Ей было полгода, когда умерла ея мать. Ползая, она упала съ порога и ушибла себѣ лобъ. Съ того времени жена пастуха взяла ее къ себѣ на воспитаніе. Здѣсь она сидѣла на полу на клочкѣ старой шубы, пока не стала ходить.

Отецъ Мари умеръ еще до рожденія дочери.

Когда Мари прослужила нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ пастушкой и послѣ этого, лѣтъ въ шесть, успѣла нѣсколько вырасти, ей предстояло великое счастье: она сдѣлалась хозяйкой.

У кого въ деревнѣ недоставало узоровъ для новой ткани, тѣхъ посылали къ Мари; гдѣ хозяйки были недовольны своими служанками, тамъ указывали на Мари, какъ на примѣръ; гдѣ желали добиться состоянія и счастья, тамъ хотѣли быть такою же, какъ Мари изъ Пунасоо, а мѣстомъ, гдѣ нищіе и бѣдные находили кровъ и въ полночь, было Пунасоо.

Пунасоо было названіе усадьбы.

Мужъ Мари оставилъ послѣ смерти пятерыхъ сыновей: самый старшій изъ нихъ пасъ стадо, а самый младшій плакалъ въ колыбели. Средніе изъ братьевъ кричали еще всѣ въ одинъ голосъ.

Мари, то и дѣло, давала одному сыну хлѣба, другого обувала, третьему подвязывала фартукъ, мѣрила батракамъ сѣмя для посѣва, старалась, чтобы проценты ежегодно исправно уплачива-

лись въ дворянское кредитное общество, такъ какъ мужъ ея при покупкѣ усадьбы отдалъ послѣднiй рубль въ качествѣ задатка.

Иной разъ говорили, будто бы Мари слишкомъ строга по отношенiю къ дѣтямъ. Но не легко справиться съ мальчиками. Тѣмъ еще хуже, что ихъ было пятеро. То башмачный снурокъ оторванъ и привязанъ къ луку, то веревочка отъ прялки взята на вожжи для конька, то ходили въ огородъ за брюквой, или — глядишь, крыша на банѣ втоптана. Словомъ, на каждомъ шагу хоть угощай тумаками.

Но Мари выростила своихъ сыновей; и такъ какъ въ тѣ времена всячески освобождались отъ военной службы, то Мари опредѣлила одного изъ сыновей въ хозяева, другого въ помощники хозяина, третьяго въ оспопрививатели, четвертаго отдала въ прiемные сыновья, а пятаго въ учителя.

Всѣ сыновья остались ей „самой“, при чемъ она не нуждалась въ чужой помощи, точно такъ же, какъ она при воспитанiи сыновей никому не жаловалась на нихъ.

Сыновья выросли, какъ стройныя ели, но мать отъ старости все гнулась къ землѣ. Она не требовала отъ сыновей даже благодарности, сыновьямъ же и въ голову не приходило поблагодарить мать. Мари не уставала посылать сыновьямъ мѣшочки и узелки даже тогда, когда они зажили самостоятельною жизнью. Она никого изъ нихъ не спрашивала: „Когда заплатишь?“

Настало для Мари тяжелое время: четверо сыновей умерли въ теченiе одного года. Она проводила всѣхъ ихъ на кладбище. Что она дѣлала дома, этого никто не видѣлъ, но къ сосѣдямъ плакать она никогда не ходила.

Когда молнiя ударила въ ея избу, гдѣ хозяйничалъ старшiй братъ, то могли спасти только Мари, все остальное сдѣлалось жертвой пламени.

Новый хозяинъ прiютилъ Мари въ своей банѣ. Бывало, бредетъ она по воскресеньямъ, опираясь на палку, въ церковь на богослуженiе. Люди говорятъ ей:

„Потребуй же изъ волостной кассы для бѣдныхъ себѣ пособiя. Ты, вѣдь, имѣешь на это право“.

Глядитъ Мари спокойно на нихъ и говоритъ:

„Пока пальцы въ состоянiи двигаться со спицами, пособiя не надо“.

„Кто жъ тебѣ помогаетъ?“

„Хозяйка еще вчера дала ломтикъ чернаго хлѣба и горшочекъ молока. Много ли мнѣ, старухѣ, нужно“.

Таковъ разсказъ о Мари изъ Пунасоо.

Перевелъ ***К. Г. Вески.***

Эстонская поэзія.

Лидія Койдула.

За прялкой.

Я пряду и горько плачу.
По лугамъ весна идетъ.
Гдѣ мой милый, — кто мнѣ скажетъ,
Кто мнѣ вѣсточку пришлетъ?

Много, много слезъ горючихъ
Я за прялкой пролила.
Ни одна слеза о миломъ
Вѣсти мнѣ не подала.

Облака бѣгутъ и таютъ
Въ морѣ дали голубой.
Если бъ крылья мнѣ! Орлицей
Я взвилась бы надъ землей. —

Полетѣла бы за милымъ
За моря, за ширь полей,
Задушила бъ счастьемъ встрѣчи
Боль-тоску души моей.

Крыльевъ нѣтъ... Жужжитъ-вертится
Колесо и плачу я, —
Въ прялкѣ рвется нить: мой милый
Разлюбилъ, забылъ меня.

Перев. ***Л. Андрусонъ.***

Анна Хаава.

*
*

Не уснуть.
Я къ небу очи
Поднимаю. Въ дымкѣ ночи
Рѣютъ и роятся тѣни
Милыхъ сердцу сновидѣній.
Грезъ душа полна.

Не уснуть.
Мнѣ звѣздъ сіянье
Дней былыхъ поетъ сказанья,
Пѣсни старины глубокой...
И несутъ меня далеко
Крылья свѣтлыхъ грезъ.

Не уснуть.
А голубая
Ночь плыветъ межъ звѣздъ, роняя
Сны — цвѣты. Я засыпаю,
Въ свѣтлыхъ грезахъ утопаю:
Пѣсни и цвѣты.

Перев. ***Л. Андрусонъ.***

Густавъ Суйтсъ.

Бѣлая ручка.

Буря воетъ у окна,
Спать пора — да нѣту сна,
Помню — женщинъ видѣлъ мало,
Бѣлой ручкой сердце сжало.
Точно мраморъ въ ателье,
Та рука бѣла во мглѣ,
Сердце бьется, ярки щеки,
Локоть нагъ и шлетъ намеки.
Мысль одна мнѣ нелегка —
— Шею чью ты жжешь, рука?

Съ кѣмъ обвившись, въ сердце цѣлитъ?
Съ кѣмъ любовь и радость дѣлитъ?

Жутко. Грудь полна огня,
То, что сиръ, убьетъ меня,
Грудь, вздымаясь, больно ранитъ,
Все вокругъ печальнымъ станетъ.

Что за грезы мысль тѣснятъ?
Ласка ручки, нѣжный взглядъ,
Тайный даръ изъ устъ любимой
Медъ лобзаній льетъ незримо...

Перевели съ эстонскаго *А. Ратасепъ и Б. Г.*

К. Э. Сеетъ.

Два соперника.

И сомнѣнье и надежда
Истерзали грудь мою;
Днемъ и ночью перерыва
Жду напрасно въ ихъ бою.
Кто изъ нихъ побѣды солнцемъ
Будетъ ярко осіянъ?
Битва въ сердцѣ; и, больное,
Все краснѣетъ въ розахъ ранъ.
И когда въ исходѣ жизни
Вы безъ силъ, борцы мои,
Вы — Надежда и Сомнѣнье —
Сами отъ борьбы въ крови!

Юганъ Лійвъ.

* *
*

Моя краса златая,
О чемъ тоскуютъ сны?
Головка никнетъ мило,
Уста твои красны.

Моя краса златая,
Съ тобой что дѣлать мнѣ?
Твой взглядъ такъ дивно чуденъ:
„Гдѣ Мужъ моей веснѣ?“

Юганъ Лійвъ.

Больной поэтъ.

Улети, моя младость, легко,
Жить намъ въ мірѣ съ тобой несподручно
Гордость, спесь — вамъ уйти далеко,
Вы, какъ совѣсть, томили докучно.
Улети, огневая мечта,
Страсть дѣяній, и нѣга надежды,
Громы славы и цѣль, что чиста,
Улетите въ просторъ вашъ безбрежный.
Вы просили мнѣ боли — къ чему?
Сердце мѣрной тоской изводили,
Ѣдкой язвой приникли къ нему,
Грудь сжигали, что близка къ могилѣ!

Латышская литература.

Латыши, по языку своему, принадлежатъ къ такъ называемымъ лѣтскобалт(ій)скимъ племенамъ, составляя вмѣстѣ съ пруссами (аборигенами нынѣшней Пруссіи), ятвягами и дейновцами (вымершими обитателями южныхъ частей Гродненской, Сувалкской и части Виленской г. — Лидск. и Ошмянскаго уѣздовъ), судавитами (жителями Мазурскихъ частей Пруссіи) и Голадью или Галиндитами и, наконецъ, Литовцами (см. особую статью) одинъ пралѣтскій языкъ. Изъ своей прародины, находившейся въ Центральной Россіи, при истокахъ Нѣмана, Днѣпра и на среднемъ теченіи перваго, пруссолѣтскія племена, стремясь къ берегамъ Балтійскаго моря отъ Риги до Кенигсберга — Кролевца, натолкнулись на европейскихъ аборигеновъ, съ которыми слились, при чемъ въ языкѣ и миѳическо-магійскихъ пѣсняхъ латышей остались слѣды до-арійскаго, общеевропейскаго патріархата. Кромѣ потери патріархальнаго порядка родства, латыши въ этой новой, не-арійской средѣ потеряли еще до сихъ поръ сохранившееся у литовцевъ свободное удареніе. Латыши приняли на 200 лѣтъ ранѣе литовцевъ христіанство, вырабатывая еще до этого (то есть до появленія въ XII и XIII вв. епископовъ Мейнгарта и Альберта въ Икскюлѣ и Ригѣ) особую синкретистическую религію съ ясными чертами Іоанновскаго культа во время лѣтняго солнцеворота, фаллистическими пѣснями въ честь земного и аграрнаго плодородія, солнцепочитаніемъ и некрокультомъ. Фантастически театральная обстановка католическаго богослуженія отразилась въ цѣломъ ритуалѣ магическихъ дѣйствій, направленныхъ къ лѣченію человѣка, его скота и даже установленію благопріятной погоды для удачнаго всхода посѣвовъ и обильнаго собиранія земныхъ плодовъ. Это синкретистическое религіозное творчество въ миѳѣ и магической пѣснѣ выявило извѣстную даровитость,

и выдвинуло таланты личнаго народно-поэтическаго творчества, которое до послѣдняго момента нашей современности обнаруживается все въ новыхъ и новыхъ литературныхъ твореніяхъ Аспазіи, Райниса и многихъ другихъ писателей. Но до свободнаго расцвѣта и развитія своихъ литературныхъ и поэтическихъ способностей латышскій народъ долженъ былъ пройти стажъ почти 700-лѣтней духовной и нравственной борьбы съ нѣмецкой технической культурою и политикою порабощенія завоеванныхъ націй.

Благами не только технически усовершенствованной цивилизаціи, но и духовно-нравственной культуры — народы пользоваться могутъ только при благопріятныхъ условіяхъ экономической и хозяйственной самостоятельности. Только съ второй половины XIX вѣка, когда барщино-повинностныя отношенія въ Балтикѣ замѣнены были свободными договорными отношеніями между помѣщиками и крестьянами и, наконецъ, арендными, могъ развиваться латышскій бытъ и, послѣ полученія права пріобрѣтать землю въ собственность, наступило быстрое улучшеніе матеріальнаго положенія латышей какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ.

Появились въ 1860-хъ гг. представители земельной латышской собственности, городской буржуазіи и первые воспитанники русскихъ университетовъ и спеціальныхъ техническихъ заведеній,— учителя, врачи, адвокаты и техники — и положили твердыя начала латышской національной культуры и словесности. Кромѣ устной литературы, состоящей изъ 218.000 четверостишій или болѣе длинныхъ пѣсенъ, записанныхъв ъ 400 мѣстностяхъ, и систематизированныхъ въ 35.790 самостоятельныхъ мотивахъ, возникла съ 1585 года особая книжная письменность, обслуживающая духовно-нравственныя нужды народа подъ покровительствомъ католицизма, лютеранства, контръ-реформаціи и, со временъ царствованія императора Николая I, также и православной церкви.

Католическій катехизисъ 1585 года, переводъ сочиненія Петра Канизія для неученаго люда и подрастающаго поколѣнія, показываетъ, что кат. церковь, предписывающая своимъ іереямъ проповѣданіе и исповѣданіе мірянъ на мѣстномъ нарѣчіи, сначала ливскомъ, потомъ латышскомъ, заботилась своевременно и объ укрѣпленіи книжной культуры. Пропаганда же анти-реформаціонная имѣла большій успѣхъ среди деревенскаго люда, чѣмъ у

феодаловъ-помѣщиковъ и у горожанъ, обитателей, напр., Риги или Митавы. Благодаря удачному содѣйствію дѣламъ реформаціи со стороны Курляндскаго герцога Готгарда Кетлера прочно обосновалась реформаціонная литература, увѣнчавшаяся переводомъ библіи Э. Глюкомъ и Фюрекеромъ *. Въ Ригѣ изданы — въ 1685 годъ Новый Завѣтъ, а въ 1689 г. полный текстъ библіи, считающіеся по правильности литературной рѣчи и красотѣ слога образцовымъ памятникомъ латышской письменности. Вторымъ изданіемъ библія вышла въ 1739 году, а стереотипнымъ и окончательно исправленнымъ текстомъ въ 1877 году подъ редакціею извѣстнаго лингвиста и фольклориста Авг. Биленштейна. Установленіе латышскаго правописанія и грамматическихъ формъ, начатое въ Курляндіи придворнымъ проповѣдникомъ Манцелемъ, въ Лифляндіи Регегаузеномъ, въ польской и восточной Латвіи Элгеромъ, довершено было Дресселемъ въ Ригѣ и Адольфіемъ въ Митавѣ. Подъ вліяніемъ идей раціоналистовъ и энциклопедистовъ XVIII вѣка, явились литераторы и просвѣтители, какъ Г. Фр. Штендеръ (1714—1796), прозванный „Lettus"; Г. Меркель (1769—1796), проповѣдникъ новаго клича и лозунга о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нѣмецкій публицистъ, издавшій свои знаменитые памфлеты, — „Латыши и истор. легенды, Ванемъ Иманта, доисторической Лифляндіи"; Александръ Штендеръ (1744—1819), сынъ „Lettus'a"; основатель латышской драмы и первый драматургъ К. Г. Эльферфельдъ (1756—1819). Переходъ Лифляндіи (1710) и Курляндіи (1795) подъ владычество Россіи произвелъ важныя перемѣны въ экономическомъ быту и въ 1817—19 гг., по желанію Александра I, освобождаются крестьяне Латыши и Эсты безъ земли. Возстановляется (12 дек. 1802) и вновь основывается Дерптскій, съ 1893 года Юрьевскій университетъ, имѣющій не малое вліяніе на судьбы просвѣщенія балтійскаго края, на процвѣтаніе народной школы, латышско-нѣмецкой и, наконецъ, русской. Но главное воздѣйствіе русской общественности послѣдовало тогда, когда въ ней преобладали демократическія стремленія и въ коренной Москвѣ славяно-русскія тенденціи Самариныхъ и Аксаковыхъ, сочувствующихъ возрожденію окраинъ, защищающихъ судьбы и право новой латышской интеллигенціи

* Извѣстенъ въ русской исторіи, какъ воспитатель Екатерины I.

отъ притязаній и махинацій петербургской бюрократіи и „баронскихъ“ связей. Этотъ первый контактъ русскаго общества съ латышскимъ просвѣтительнымъ движеніемъ установленъ въ 1862—5 гг. Издавался, при извѣстныхъ льготныхъ условіяхъ столичной цензуры и возможности самозащиты, первый публицистическій органъ, свободный, вскрывающій недостатки привелигированнаго нѣмецкаго дворянства, вызывающій скрытныхъ и стыдливыхъ латышей-нѣмцевъ къ самосознанію, осмѣивающій недостатки полуобразованія и малограмотности народа... Временно пріостановленная агитація этого листка черезъ три года привилась въ центрѣ балтійскаго края, въ Ригѣ, съ выходомъ въ свѣтъ въ 1868 г. „Балтійскаго Вѣстника“ Б. Дирика и разрѣшеніемъ имѣть общества и кружки для національнаго самообразованія и кооперативной экономической самозащиты. Въ томъ же году основано Рижское Лат. Общ., вокругъ котораго группировалась латышская буржуазія, сознательная адвокатура и вообще интеллигенція, набиравшаяся всякаго свободнаго духа въ столичныхъ русскихъ университетахъ. Сдвигъ съ прежней позиціи совершенъ, преобладаніе въ городахъ исключительно нѣмецкой интеллигенція, ремесленниковъ и купечества прекращено, цѣлесообразная національная политика обнаруживается въ группировкѣ мелкихъ домовладѣльцевъ и латышей-капиталистовъ въ гор. кредитныхъ обществахъ, латышскомъ домостроительствѣ, предпріимчивости и, наконецъ, борьбѣ за право голоса и мѣста въ городскихъ думахъ и управахъ.

Въ это время отъ 1860—1880 гг. литература отличается сильнымъ подъемомъ національнаго чувства. Пресса, подъ вліяніемъ новой интеллигенціи, учившейся въ русскихъ университетахъ, преобразовывается, возникаютъ начатки національной лирики. Издается рядъ газетъ, ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, какъ „Рижскій Листокъ“ („Rihgas lapa“), „Голосъ“ („Balss“), подъ ред. адвоката А. Вебера (1878—1907), „Балтійскій земледѣлецъ“ („Baltijas Zemkohpis“), направленіе которыхъ опредѣляется, какъ національно-латышское, стремящееся оградить читателей отъ вліянія клерикально-нѣмецкихъ тенденцій пасторскихъ органовъ въ родѣ „Латышскаго Авизо“ („Latweesn awize“), при чемъ среднее, лавирующее въ обѣ стороны положеніе занимаетъ „Домашній Другъ“ („Mahjas Weesis“), издаваемый крупной нѣмецкой типографіею Эрнеста Платера.

Лучшими писателями этой эпохи являются представители латышскаго реализма въ романѣ „Времена землемѣровъ" („Mehrneeki laiki"). Бытописатели Рейнисъ (род. 1839) и Матисъ (род. 1848) Каудзиты изображаютъ крестьянъ Лифляндiи, старающихся подкупить землемѣровъ для полученiя лучшаго земельнаго участка. Такъ какъ землемѣры живутъ въ крестьянскихъ усадьбахъ, то крестьянамъ, устраивающимъ свое счастье, представляется возможность переговорить безъ свидѣтелей и устроить подкупъ...

Типы лифляндскаго крестьянства стараго времени (Пратнiека, Швaукотъ, Пеетукъ, Крустино, Олина), выведенные въ эпоху земельнаго переустройства, это первая попытка новаго культурно историческаго изученiя путемъ литературнаго творчества писателей изъ народа нацiональнаго романтизма, созданнаго силами аналитическаго, истинно Гоголевскаго юмора этихъ первыхъ реалистовъ на латышской литературной почвѣ. Главнымъ идеологомъ нацiональнаго лингвистическаго и общественнаго возрожденiя является Отто Кронвальдъ въ брошюрѣ Nationale Bestrebungen. Нацiональныя стремленiя съ боевымъ кличемъ; латышъ-крестьянинъ — не только мужикъ, но равноправный съ нѣмцемъ-бариномъ человѣкъ съ рѣчью, вполнѣ способной къ эволюцiи литературной и усовершенствованной при освобожденiи его отъ натиска господствующихъ, не-латышскихъ классовъ балтiйскаго народонаселенiя.

Андрей Пумпурсъ, авторъ народнаго эпоса Лачплесисъ, Аусеклисъ Крогземь-Микусъ (1850—1879), патрiотическiй лирическiй пѣвецъ и авторъ пѣсни о Стабурагсѣ (лат. Лорелея), Юрiй Нейкенъ — поэтъ духовныхъ пѣсенъ и мастеръ нацiональной новеллы, Трейландъ-Бривземнiяксъ, выдающiйся этнографъ и собиратель памятниковъ духовнаго творчества, Юрiй Аллунанъ, основатель нацiональной театральной сцены, и Лаутенбахъ-Юсьминтъ, изслѣдователь латышскаго пѣсеннаго творчества — всѣ они, въ свое время популярные писатели, отражали въ поэзiи и прозѣ, въ лирикѣ, эпосѣ и драмѣ настроенiе эпохи. Противъ формулъ нацiональной идеологiи и самовосхваленiя выступаютъ во второй половинѣ 1880-хъ гг. новонаправленцы (Jaunstaweneeki), главными борцами которыхъ являются редакторы и сотрудники основанной въ 1886 году газеты „Deenas Lapa" и

руководитель вмѣстѣ съ Ст. Стучкю и др. передъ временнымъ ея закрытіемъ Ив. Райнисъ-Плеекманъ въ 1897—8 гг. Латышская драма могла творчески развиваться только съ того времени, какъ въ 1868 году въ Ригѣ основалось „Рижское Латышское Общество“ и при немъ постоянный народный театръ. Первымъ его директоромъ, популярно прозваннымъ отцомъ лат. театра, былъ Адольфъ Аллунанъ. Онъ много писалъ для лат. театра, и лучшія его пьесы, снискавшія ему широкую популярность, имѣли громадный успѣхъ: такъ, напр., пьеса его изъ временъ барщины „Kas tee tahdi, kas dzeedaja“ („Кто эти, что пѣли“) въ 1908 году была 400 разъ представлена. Другая пьеса „Musu senczi“ („Наши предки, или Сказаніе о латышскомъ вождѣ Ванемъ Имантѣ“), изъ эпохи завоеванія Прибалтійскаго края нѣмцами, поставлена 7-го ноября 1915 г. Рижскимъ Новымъ театромъ въ Петроградѣ. Аллунанъ, замѣчательный комикъ и сатирикъ, въ другихъ своихъ пѣсняхъ осмѣивалъ недостатки современнаго ему латышскаго общества, отрицательныя явленія въ крестьянскомъ самоуправленіи (въ пьесѣ „Лельпильскіе волостные старшины — „Leelpils pagasta wecakie“, на манеръ извѣстной пьесы Кропивницкаго „По ревизіи“). Другое явленіе — общественной розни между хозяевами (усадьбовладѣльцами) и рабочими-батраками, проблема трактовавшаяся часто въ пьесахъ польскихъ и литовскихъ (сравни, напр., Hardyduszy Сарнецкаго-Оржешки, или „Америка въ банѣ“), представлено Аллунаномъ въ вопросѣ о заключеніи брака между хозяйскими дочерьми и батраками, или представителями бѣднаго, неимущаго класса въ пьесахъ — „Вся моя родня плачетъ“ (Wisi mani radi raud), „Ицигъ Мозесъ“ (Izigs Moses) и др. Послѣ ухода Аллунана, директоромъ Рижскаго Латышскаго театра назначенъ былъ нѣмецъ Германъ Роде-Эбелингъ, который устраивалъ и усовершенствовалъ технически сцену и остался ея завѣдующимъ до 1893 года, когда его смѣнилъ Петръ Озолинъ и въ короткое время перерыва дѣятельности Озолина 1904—5 гг. — Дубурсъ. Получивши техническое усовершенствованіе, театръ латышскій во время управленія Роде-Эбелинга выдвинулъ пьесы болѣе эффектныя не столько по внутреннему содержанію, сколько по внѣшнему блеску. Мелодраматическій характеръ пьесъ съ пѣніемъ и оперныхъ представленій (Жизнь за Царя на латышскомъ языкѣ) привлекъ массу публики и, успѣшно конкурируя съ нѣ-

мецкимъ театромъ, поднялъ національный духъ, приготовляя его къ новымъ проявленіямъ его оригинальности и даровитости. Но конечно, успѣшное процвѣтаніе національнаго театра мыслимо единственно при условіяхъ матеріальнаго обезпеченія его работниковъ и освобожденія его отъ националистическаго дилентатизма. Литературная цѣнность пьесъ эпохи Эбелинга весьма ограниченная. Замѣтно сильное вліяніе нѣмецкой романтической драмы, разрабатываются темы историческія въ духѣ Шекспира — въ пьесахъ Степермана „Земгалы“ („Semgaleeszi“), „Кровавая жертва Алтранстета“, изображающая трагедію извѣстнаго „Паткуля“, романтическіе темы сѣдой древности у Лаутенбаха, въ „Индульсъ и Арія“. Изъ современной жизни сантиментальная пьеса была представлена Степерманомъ въ драмѣ „Macitaja meita“—„Дочь пастора“ (студентъ-латышъ, влюбляющійся въ дочь нѣмца-пастора). Подражаніе всему нѣмецкому вызвало сатиру въ пьесахъ Дубура, Швенкиса и Пуриня, осмѣиваніе корпорантовъ-студентовъ нѣмецкаго образца и латышей, отказавшихся отъ своего происхожденія. Полный расцвѣтъ театра и литературнаго творчества вырисовывается только въ 1890 гг., когда появляются драмы поэтессы Аспазіи Розенбергъ, какъ, напр., „Потерянныя права“ (Saudetas teesibas), вызвавшія шумную полемику, бурю буржуазнаго негодованія не только въ Рижскомъ, но даже и въ Петербургскомъ Латышскомъ обществѣ. Кромѣ Аспазіи, изображающей женскую долю, смѣло поставившей вопросы женскаго равноправія, борьбы за женскія права, выступилъ Ю. Палевичъ съ пьесою „Purva“ (Въ болотѣ) и „Фрейлина“ (Freilenite), высмѣивающей непрочность демократическихъ идеаловъ молодости и студенчества въ борьбѣ за буржуазное счастье и сантиментально-романтическій идеалъ воспитанія латышскихъ дѣвушекъ въ городской средѣ. Выдѣляются еще слѣдующіе писатели: Янъ Порукъ, Рудольфъ Бауманъ, Андрей Ніадра, Саулетъ, Андрей Упитъ, Анна Бригадиръ и гордость современной латышской литературы, поэзіи и драмы, — Иванъ Плеекшанъ Райнисъ.

Характеристику латышскаго символизма въ драмахъ Аспазіи, „Серебряная вуаль“ и Райниса—„Огонь и Ночь“ мы дадимъ во II части своего очерка во второмъ выпускѣ Сборника (Общія свѣдѣнія читатель можетъ найти въ статьяхъ нашихъ въ Энц. Словарѣ Брокгауза-Ефрона).

Э. А. Вольтеръ.

Янъ Порукъ.

Бѣлая одежда.*

Какъ ничтоженъ человѣкъ и какъ ничтожны его обѣщанія, хотя бы онъ чувствовалъ себя Богъ знаетъ какимъ сильнымъ! Да, именно сильный чувствуетъ лучше всего, какъ тяжела жизнь.

Чѣмъ больше Кришьянъ размышлялъ о прошломъ, тѣмъ прочнѣе утверждалось въ немъ сознаніе, что во всѣхъ семейныхъ неудачахъ болѣе всѣхъ виновенъ былъ онъ. Зачѣмъ онъ женился на Евѣ? Развѣ она когда-нибудь напрашивалась? Никогда. Скорѣе она избѣгала его. Почему не было у него достаточно ума, чтобы владѣть чувствами, которыя не должны были имѣть рѣшающаго значенія въ такомъ дѣлѣ, какъ женитьба. Онъ былъ мужчина съ твердымъ характеромъ, дѣятельнѣе и настойчивѣе любого, и все же при выборѣ жены не разсудилъ, будетъ ли у нея столько физическихъ и духовныхъ силъ, чтобы быть его спутницей въ жизни. Ея пріятная наружность, ея красота побѣдили его. Но въ этомъ голосъ природы его обманулъ. Кришьянъ не сталъ бы упрекать Еву въ ея слабостяхъ и немощи, если бы она по крайней мѣрѣ подарила ему хорошаго ребенка. Но теперь старикъ сознавалъ съ безконечной болью, что вся его жизнь, всѣ его труды были напрасны. А если бы онъ придерживался старой деревенской морали, возложилъ свои надежды на лучшую жизнь въ будущемъ, на жизнь по смерти — на небѣ, и тогда онъ не могъ бы чувствовать себя счастливымъ, сознавая, что его сыновья должны будутъ терпѣть муки ада. Кришьянъ чувствовалъ, что тотъ, кто въ этомъ мірѣ не пришелъ къ полной ясности духа, не можетъ и на томъ свѣтѣ ждать блаженства.

Вотъ почему сонъ бѣжалъ отъ Кришьяна, хотя усталость охватила его тѣло. Его умъ продолжалъ работать, пока въ немъ не родилось сознаніе, что цѣлью его стремленій является какая-то высокая, крутая скала, вершина которой закутана туманомъ, одинаково грозная какъ вверху, такъ и внизу, и взойти на которую онъ напрасно пытается. Но затѣмъ его мысли и чувства снова отвращались отъ вершины этой скалы, и снова онъ возвращался къ своимъ близкимъ и слабымъ, къ тѣмъ, чей кругозоръ охватываетъ

* Отрывокъ изъ разсказа „Бѣлая одежда“, изд. Унив. Библіотеки.

всего одинъ день и одинъ шагъ назадъ и впередъ. Слезы ручьями потекли по щекамъ старика, ему было такъ жаль своей жены, своихъ дѣтей! Сочувствіе къ своимъ близкимъ, наконецъ, согнуло его характеръ, хотя сломать этого желѣзнаго человѣка оно не могло. Кришьянъ громко застоналъ и откинулъ руку на сѣно, словно хотѣлъ отбросить ее, эту руку, которая не сумѣла сдѣлать ничего хорошаго.

Уже занималась заря, а онъ еще не смыкалъ глазъ. Приподнявшись, онъ сѣлъ и началъ смотрѣть черезъ окно клѣти внизъ на садъ. Птицы уже начинали щебетать, и небо алѣло. Раньше онъ чувствовалъ, что и онъ имѣлъ свое мѣсто среди природы, но съ того времени, какъ его семья начала клониться къ упадку, природа, казалось, лишила его этого права. Онъ чувствовалъ, что ему ничто не принадлежитъ въ мірѣ, и злобно смотрѣлъ влажными глазами на востокъ, гдѣ должно было скоро взойти солнце, но не для него, а для лучшихъ, чѣмъ онъ... Этотъ садъ, эти поля и луга онъ раньше любилъ, но теперь онъ смотрѣлъ на нихъ глазами, полными непріязни. Много-много лѣтъ онъ здѣсь работалъ, больше, чѣмъ кто бы то ни было другой; хозяинъ, сосѣди и его окружающіе втихомолку и громко свидѣтельствовали объ этомъ, и все-таки плодовъ отъ всей этой работы онъ не имѣлъ ни щепотки. Все, все онъ дѣлалъ для другихъ! Быть можетъ, люди помянули бы его честью, если бы послѣ него остались дѣльные, работящіе сыновья. Но теперь повсюду, гдѣ онъ ни показывался, люди шептали: «Вотъ отецъ вора Яшки!»

Зачѣмъ все это такъ случилось?

Кришьянъ закусилъ губы, тяжело ударилъ кулакомъ по оконной рамѣ и упалъ въ сѣно, какъ раненый звѣрь, въ смертельной мукѣ.

Янъ Порукъ.

Чистые сердцемъ*.

Разсказъ.

По возвращеніи съ кладбища всѣ разбрелись: нѣкоторые сѣли въ саду, на травѣ, передъ клѣтью, другіе — на крылечкѣ клѣти; пили пиво или водку и закусывали, пока въ домѣ готовили ужинъ и накрывали на столъ.

* Перепечатка изъ „Латышскаго альманаха“, изд. В. Битнера.

Я чувствовалъ себя утомленнымъ, отошелъ въ сторону и прилегъ въ укромномъ уголкѣ сада на бѣлое льняное полотно, которое тамъ было развернуто для бѣленья.

Надвигались уже сумерки. Вѣтерокъ нѣжно тронулъ мое лицо. Странное чувство овладѣло мною; наполовину — тоска по только-что похороненномъ дядѣ, наполовину — радость, что я могу видѣть еще могучій міръ, глядѣть на голубое небо и могу еще жить...

Вспомнилось, что прошлымъ лѣтомъ мы оба съ дядей сидѣли здѣсь же и разговаривали. А теперь? Теперь онъ навѣки разлученъ съ нами!

Какъ будто дремота начала одолѣвать меня, какъ вдругъ изъ-за куста смородины мнѣ послышался дѣтскій плачъ.

— Не плачь, дочка! Снимемъ сапожки! — успокаивалъ дѣвочку старый, немного дрожащій, но мужественный голосъ, — снимемъ, ножки больше не будутъ болѣть!

Я поднялъ голову и увидѣлъ у парника маленькую дѣвочку, сидѣвшую на травѣ, и пожилого, почти уже сѣдого мужчину, который, стоя на колѣнкахъ, стягивалъ съ ногъ дѣвочки сапожки.

Уже сегодня на кладбищѣ я замѣтилъ этого человѣка. Онъ привлекъ мое вниманіе своимъ страннымъ поведеніемъ; кромѣ того, и глаза его глядѣли такъ привѣтливо, ласково, словно желая очаровать другихъ. Съ перваго взгляда я почувствовалъ, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ числу людей, губы которыхъ сжимаются изъ-за непонятныхъ душевныхъ страданій, но въ глазахъ которыхъ все-таки сіяетъ что-то блаженное.

Кто былъ этотъ человѣкъ?

Дядя мой, купившій усадьбу на чужой сторонѣ, — принявъ во вниманіе выгодное положеніе купленнаго участка, — построилъ на немъ мельницу. Я рѣдко пріѣзжалъ сюда, а когда случалось, то на нѣсколько дней только. Въ такихъ случаяхъ я, конечно, знакомился то съ однимъ, то съ другимъ изъ дядиныхъ друзей или сосѣдей, большинство которыхъ явилось и теперь на его похороны. Но этого страннаго человѣка я еще не видалъ.

— У дочки, навѣрно, сапожки узки? — спросилъ я, подходя къ парнику и какъ бы желая завязать разговоръ.

Мужчина посмотрѣлъ на меня исподлобья, но все-таки привѣтливо. Дѣвочка какъ будто испугалась и прильнула къ груди отца.

— Дрянь башмачки... Шили вотъ для похоронъ, но не годятся — узковаты! Ножки, вишь, совсѣмъ натерты... — сказавъ это, мужчина вздохнулъ и погладилъ дѣвочку по волосамъ.

— Папа, поѣдемъ домой! — просила она, обнявъ шею отца.

— Поѣдемъ, Аня, поѣдемъ! Подожди еще немного! Тетка-мельничиха, вѣдь, просила насъ на ужинъ остаться... нельзя же такъ уѣзжать!

Онъ присѣлъ на край парника и взялъ дѣвочку къ себѣ на колѣни.

Меня очень привлекалъ этотъ чудакъ. Но какъ начать разговоръ? Сначала я молчалъ. Молчалъ и мой сосѣдъ, задумчиво глядя въ сторону мельницы. Я между тѣмъ разсмотрѣлъ его поближе.

Его исхудалое тѣло покрывалъ длинный сѣрый сюртукъ, въ родѣ полукафтана, съ разрѣзомъ сзади. Вокругъ шеи у него обмотанъ бѣлый платокъ, на ногахъ были изношенные старые сапоги. Лѣвую руку онъ обыкновенно держалъ въ карманѣ сюртука, то и дѣло вынимая носовой платокъ и обтирая высокій лобъ, при чемъ каждый разъ легко вздыхалъ. Голова у него была наполовину голая; сѣдоватые волосы, словно вѣнчикъ, плохо прикрывали ее. Продолговатый подбородокъ покрывала рѣдкая, довольно длинная борода. Лицо у него было исхудалое и смуглое.

— Должно быть, горемыка! — подумалъ я.

Маленькая Аня спрыгнула съ колѣнъ отца, нарвала цвѣтовъ и начала плести изъ нихъ что-то въ родѣ вѣнка.

Я испытывалъ странное чувство. Трудно оставаться спокойнымъ, когда встрѣчаешь страннаго, необыкновеннаго человѣка, лицо котораго говоритъ тебѣ такъ много. Что-то ложится при этомъ на сердце: словно тайны, неудержимо жаждущія раскрытія, чтобы о нихъ можно было открыто судить всѣмъ.

— Далеко вамъ до дому? — началъ я, опираясь рукой на парникъ. Сосѣдъ мой пытливо посмотрѣлъ на меня и помолчалъ еще съ минуту.

— Нѣтъ, тутъ же, недалече, — тихо, какъ бы принуждая себя, сказалъ онъ. Но много было сказано въ этихъ словахъ. Голосъ дрожалъ, губы торжественно сжались. И я подумалъ:

— Этотъ человѣкъ никогда не въ состояніи солгать!..

Да, на свѣтѣ, дѣйствительно, существуютъ люди, которыхъ судьба жестоко караетъ, запрещая имъ болтать зря и лгать. Каждое слово, сказанное такимъ человѣкомъ, глубоко продумано и прочувствовано.

— Можно ли мнѣ къ вамъ зайти? Я нѣсколько времени проведу здѣсь, у своей тетки, — спросилъ я своего сосѣда.

— Зачѣмъ? Мой домъ не изъ красивыхъ, и мѣстность кругомъ — тоже. Что же вы станете дѣлать у меня?

— Такъ себѣ!.. — немножко смѣшался я, — желалъ бы посѣтить васъ, какъ своего сосѣда!

— У насъ есть пчелки и цвѣточки! — пролепетала маленькая Аня, расположившись у моихъ ногъ и невинно-печальнымъ взоромъ глядя мнѣ въ глаза.

Сосѣдъ мой снова вытеръ лобъ и вздохнулъ.

— Ты дашь мнѣ цвѣточки! Я принесу тебѣ рыбокъ. Согласна? — сказалъ я, гладя головку Ани.

Аня подбѣжала къ отцу.

— Рыбокъ! Слышишь, папа, онъ рыбокъ принесетъ! — радостно вскричала она, прильнувъ къ отцу и глядя на меня.

— Да, да! — какъ бы очнувшись, еле слышно сказалъ отецъ Ани, — ну, такъ приходите въ Салкшни... первый домъ за соснякомъ — вонъ тамъ! — онъ указалъ рукою направленіе.

Въ эту минуту у калитки показалась тетка, громко приглашая насъ къ ужину.

Разговоръ нашъ этимъ и кончился. Дядя Салкшней взялъ Аню за руку и пошелъ медленно въ комнаты. Я остался еще посидѣть.

— Какой чудакъ! — подумалъ я, — и у насъ попадаются же такіе странные люди.

Придя въ домъ, я увидѣлъ, что мѣста за столомъ всѣ уже заняты. Хотя тетка и приглашала меня жестомъ руки, мнѣ, однако, не хотѣлось тѣсниться среди гостей. Я вышелъ на дворъ пройтись. Съ полверсты отъ усадьбы дяди находилась мельница. Дойдя до нея, я усѣлся на толстомъ бревнѣ шлюзъ. Воды успѣло накопиться много, такъ что мельничный прудъ походилъ на озеро. По ту сторону пруда дремалъ темный, мрачный еловый лѣсъ, глядя съ берега въ воду, какъ бы желая погрузиться въ глубину ея. У опушки пылалъ костеръ, разведенный переплывшими туда на лодкѣ гостями.

Синева неба становилась все темнѣе и темнѣе. Звѣзды мерцали все ярче. Далеко кругомъ царила глубокая тишина, въ которой былъ слышенъ только легкій шумъ падающей черезъ шлюзы воды. Казалось, будто мельница дремлетъ, и только этой дремотой вода остановлена, задержана въ своей безпрестанной работѣ. Сколькими прекрасными качествами обладаетъ вода! Самое прекрасное, вѣдь, это — очищать, умывать, при этомъ жертвуя собой, становясь помоями, на которые всякій смотритъ съ отвращеніемъ и плюетъ на нихъ. Но вода оставляетъ тѣло-помои, становится воздушной, духовной, поднимается въ воздухѣ и опять падаетъ внизъ чистою, прозрачною, какъ жемчугъ, чтобы снова смывать грязную грудь земли. Это же качество украшаетъ и нѣкоторыхъ людей. Не изъ-за порока, или не вѣдая, что творишь, — нѣтъ, изъ принципа чистоплотности иной бросается въ грязную лужу человѣческой жизни, чтобы очищать ее. Конечно, онъ самъ при этомъ дѣлается грязнымъ, кровь заражается, мысли путаются, но жажда свѣта и чистоты не исчезаетъ никогда. Геній духовно переживаетъ вѣка и даже тысячелѣтія, хотя прахъ его гніетъ въ земной глубинѣ... Что связываетъ чистую воду съ грязнымъ пескомъ? Что связываетъ добро со зломъ? Одна только жажда дѣятельности. Мракъ и свѣтъ, грязь и чистота, добро и зло: вѣчно разлучающіеся неразлучные зубья колесъ, цѣпляющіеся одинъ за другого и вертящіеся, — они двигаютъ всю міровую машину. А ты, жалкій, гоняющійся только за добромъ, плачь, молись, рыдай, — ты не достигнешь своей цѣли! Сгинь, исчезни — и ты найдешь покой, найдешь только доброе, хорошее! Быть абсолютно добрымъ и при этомъ жить! Идея сумасшедшаго! Сгинь, исчезни!..

Въ моемъ воображеніи появился образъ дяди. Мнѣ казалось, что жернова вертятся, гремятъ, грохочутъ, что дядя снимаетъ запыленную мукою шапку, отвѣчая на поклоны то одного, то другого. Потомъ картина эта исчезаетъ. Передо мною является странный сосѣдъ моего покойнаго дяди, хозяинъ Салкшней, — такой же, какъ сегодня на кладбищѣ или въ саду: въ сѣромъ длинномъ сюртукѣ, съ носовымъ платкомъ, которымъ онъ вытираетъ лобъ; смотритъ онъ такъ же печально, какъ будто желая на что-то пожаловаться. Но глаза его при этомъ сіяютъ такъ ласково, словно прощая все, все...

Отдавшись мечтамъ своего воображенія, я пытался соединить образъ своего дяди и этого страннаго человѣка. Какого рода было ихъ знакомство? Были ли они друзьями, связанными сердечными узами, или же они наблюдали другъ за другомъ издалека, не завязывая болѣе близкихъ отношеній, хотя и чувствуя тяготѣніе одинъ къ другому? Хозяинъ Салкшней, будучи одинокимъ, все-таки явился проводить моего дядю въ его послѣдній путь. Неужели такой чудакъ, какъ онъ, дѣлалъ бы это только ради формы, повинуясь обычаю? Нѣтъ! Откуда это страданіе, такъ ясно запечатлѣвшееся на лицѣ этого человѣка? Принималъ ли когда-нибудь въ нихъ участіе и мой дядя? Эти вопросы тяготили мое сердце, словно они были проклятыми вопросами моей личной жизни.

Въ такомъ настроеніи я оставилъ мельницу и пошелъ домой. Гости уже разъѣзжались. Я хотѣлъ повидать еще разъ хозяина Салкшней, но его уже не было.

II.

Тетка моя была хорошая, практичная хозяйка, но очень плохо знала людей. Она цѣнила ихъ по внѣшнему лоску и блеску. Поэтому я отлично зналъ, что было бы напрасно разспрашивать ее о моемъ чудакѣ: ея сужденіе было бы невѣрнымъ. Я рѣшилъ лучше молчать объ этомъ и въ близкомъ будущемъ сходить въ Салкшни. Такъ какъ я маленькой Анѣ обѣщалъ принести рыбу, то въ одинъ день, наудивъ нѣсколько окуней и плотицъ, съ мѣшечкомъ въ рукахъ отправился въ Салкшни.

Былъ осенній день, время посѣва озими. Солнышко уже начинало бѣлить поля. На лугахъ въ это время исчезаетъ бодрая зелень, и на мѣсто ея появляется странный цвѣтъ старости. Природа какъ бы недомогаетъ. Но пѣсни пастуховъ звучатъ такъ же весело, какъ въ маѣ. Свинопасъ имѣетъ тотъ же оригинальный видъ: въ лохмотьяхъ, съ босыми ногами, грязными, хоть сохой пройди по нимъ. Мнѣ кажется, что такой пастушокъ только тогда пробуждается отъ своихъ странныхъ весеннихъ грезъ, когда у него начинаютъ зябнуть ноги. Онъ не знаетъ мрачнаго настроенія поэтовъ и ихъ погруженія въ свою душу; онъ живетъ беззаботно, и, пожалуй, ему можно позавидовать.

— Это — усадьба Салкшни? — спросилъ я довольно большого мальчугана, который копался въ пескѣ у дороги. Стадо

свиней, состоявшее подъ его надзоромъ, паслось на полѣ. Мальчикъ широко раскрылъ глаза и вдругъ вскочилъ, побѣжалъ къ свиньямъ и погналъ разбредшихся животныхъ на середину поля.

Я поманилъ мальчика рукою. Онъ медленно приближался, сгибая и кусая деревянный прутъ.

— Это — усадьба Салкшни? — еще разъ спросилъ я его.

— Да, это Салкшни! — недовѣрчиво поглядывая на меня, отвѣтилъ мальчуганъ.

— Гдѣ тутъ живетъ хозяинъ, у котораго длинный сѣрый сюртукъ и длинная сѣдая борода? — началъ я описывать ему заинтересовавшаго меня чудака.

— Въ нашемъ домѣ! — сказалъ мальчикъ и указалъ, куда идти.

— Хорошо, хорошо! — сказалъ я и пошелъ дальше.

Я вошелъ во дворъ Салкшней Все было тихо, словно вымерло. Передъ овиномъ стояла полусломанная телѣга, подъ которой, крадучись, притаилась черная кошка. Дверь въ избу была открыта настежь, и оттуда валилъ легкій дымъ или паръ.

Я уже хотѣлъ войти, какъ вдругъ на порогѣ показалась старуха въ очень грязной рубашкѣ и поношенной полосатой юбкѣ. Лицо у нея было тучноватое, полное безпокойства. Темные глаза недовѣрчиво глядѣли на меня.

— Добрый день! — сказалъ я.

— Добрый день! — проворчала въ отвѣтъ старуха.

— Хозяинъ дома?..

— Хозяинъ? Какой такой хозяинъ? Чего хочешь?

— Да такъ себѣ... поговорить хотѣлось!..

— Чего болтать! Теперь — время рабочее... Чего тебѣ надо? Денегъ или зерна къ посѣву? Вы же оберете этого человѣчка до послѣдней крохи!

— Какого человѣчка?

— Ну, этого же — хозяина, какъ ты величаешь его! А какой же онъ хозяинъ?! Стыдно да грѣшно говорить! Скоро ужъ придется совсѣмъ оставить эту хату и перебраться въ богадѣльню. И все только изъ-за одной глупости,.. Однимъ словомъ, что называется, совсѣмъ безумный... Столько должниковъ: одинъ только Густъ Тирумъ сотненьку долженъ! Но пойдетъ ли такой человѣкъ, какъ нашъ-то, судиться со своимъ должникомъ?!. Чего ты собственно хочешь!..

— Я принесъ рыбу! — сказалъ я, подавая старухѣ мѣшочекъ съ рыбою.

Старуха взяла мѣшочекъ и, посмотрѣвъ на его содержимое, очевидно, смягчилась, стала ласковѣе.

— Откуда же ты? — спросила она, стараясь распознать меня.

— Съ мельницы... Я — крестникъ мельничихи...

— Только вотъ и былъ человѣкъ, что покойный мельникъ: лишняго, что не слѣдовало, не бралъ, но и другому не давалъ. Да такъ и надо жить, а не то, что нашъ!

— Въ чемъ же вашъ хозяинъ провинился?

— Охъ, батюшка ты милый, какъ же онъ живетъ! Да такъ-то и совсѣмъ разориться немудрено: не пьяница онъ, не мотъ, а... ну, что тамъ и говорить, — умныхъ не образумишь! или, вѣрнѣе сказать, глупцовъ!.. Весной, къ примѣру сказать, приходитъ вотъ Сприцъ Цельминъ. Всякъ знаетъ, каковъ онъ, этотъ Цельминъ: и жида надуетъ! Гибокъ на языкъ — сатана! Приходитъ онъ къ нашему, наговорилъ ему цѣлый коробъ невѣроятнѣйшихъ вещей: времена скудныя, хлѣбъ не уродился, помѣщикъ съ молотка пустить собирается... Ну, проситъ, чтобы одолжили мѣръ десять ржи. А нашъ сейчасъ и готовъ, — это ничего, что у насъ у самихъ зубы, того и гляди, безъ работы станутъ. Тутъ я кинулась на нихъ, забрала отъ нашего ключи, да такъ и не дала! А то разгуливай, самъ не ѣвши, а другой и радъ твоей глупости. О, Боже мой, чего только я не насмотрѣлась на этомъ свѣтѣ! Пошли вотъ тутъ эти нищіе, лучше сказать, лѣнтяи-лодыри изъ богадѣльни. Такъ тѣ хлѣбъ, молоко, мясо даже черезъ замочную скважину утащатъ! Приходитъ хоть бы вотъ хромая Анна, ну и начинаетъ ныть: „Ради Бога, батюшка милый, помоги хоть ты мнѣ, а то съ голоду помру!“... Ноетъ, такъ и зудитъ, такъ и заливается... А поди, погляди да послушай, чѣмъ она въ богадѣльнѣ занимается. Языкъ такъ и бѣгаетъ, словно челнокъ. Обо всѣхъ сплетничаетъ, на всѣхъ клевещетъ! Другихъ лѣнтяями обзываетъ, всячески поноситъ, а сама лодырничаетъ, хотя грудь у нея стѣна стѣной. Мнѣ вотъ, трудно на ногахъ держаться, — а должна работать... Господи!.. какъ бы кашица не пригорѣла! — старуха юркнула въ дверь, но минутку спустя снова вышла на дворъ ко мнѣ.

— Хозяина нѣту дома, уѣхалъ дорожный участокъ чинить...

Аня заснула, спитъ въ комнатѣ... Капризничаетъ все, хлопотъ съ ней сколько: утромъ все просилась, чтобы хозяинъ ее съ собою бралъ. Ну, а теперь уснула, пусть поспитъ...

Старуха взяла мѣшочекъ съ рыбою и опять ушла въ кухню. Я пошелъ вслѣдъ за нею: хотѣлось повидать Аню.

— Я хотѣлъ бы посмотрѣть вашу избу, — сказалъ я старухѣ, которая выбрасывала рыбу въ ведро.

— Ничего хорошаго не увидишь тамъ: все туда же — къ концу идетъ... Ну, иди, иди, погляди!

Я вошелъ въ избу, стѣны которой были совершенно черныя, закоптѣлыя. На стѣнѣ съ тягучимъ стономъ тикали старые часы. За печью на перекладинахъ сушилась телячья шкура. Это была передняя комната, въ которой жили батраки. Въ задней стѣнѣ была дверь въ хозяйскую комнату. Я тихо пріоткрылъ дверь. Въ глубинѣ комнаты на постели спала Аня: тонкая ситцевая, уже изношенная и мѣстами заплатанная юбочка покрывала ея слабенькое тѣло. Вокругъ маленькаго ротика легла грустная улыбка. Тощія рученки были сложены словно на молитву. Пускай терпятъ горе взрослые, но почему оно угнетаетъ это маленькое сердечко, это утро жизни, которое еще невинно глядитъ на горы и долины нашего свѣта? Я хотѣлъ было разбудить ее: „Аня, я принесъ рыбокъ!" Но удержался отъ этого при мысли, что, быть можетъ, она чувствуетъ себя счастливою во снѣ.

Я сталъ осматривать маленькую комнатку, которая освѣщалась только однимъ окномъ. На старомъ столѣ возлѣ окна лежала библія въ крѣпкомъ кожаномъ переплетѣ и съ крючками изъ желтой мѣди. Этотъ столъ, постель, на которой спала Аня, одинъ стулъ и, кромѣ того, длинная скамейка около печки и маленькій шкапчикъ, привѣшенный къ стѣнѣ, составляли всю комнатную обстановку дяди Салкшней. На стѣнѣ висѣлъ образъ Спасителя съ надписью: „Пріидите ко Мнѣ, всѣ страждущіе и обремененные, и Я утѣшу васъ!" Надъ постелью висѣла другая картина: косматая бѣлая собачка съ высунутымъ языкомъ, — кажется, собственность маленькой Ани.

Еще разъ взглянувъ на спящую дѣвочку, я тихонька вышелъ.

Потомъ я сѣлъ на колоду подъ кустомъ сирени. На кучѣ дровъ сидѣла черная кошка, подсматривая и подкарауливая воробьевъ.

— Подожду, — думалъ я про себя, — быть можетъ, хозяинъ скоро вернется...

Старуха опять вышла изъ кухни, вытирая передникомъ мокрыя руки.

— Чего ты собственно отъ нашего хочешь? — спросила она меня построже прежняго.

— Какъ бы вамъ это сказать?! Я, правду сказать, больше ничего не хочу, какъ только поближе познакомиться съ нимъ. Мы уже видѣлись на похоронахъ моего дяди...

— Такъ, такъ!.. и ты хочешь дождаться его. Онъ скоро вернется. Работы-то у него на цѣлый день и не хватило, но если завернулъ въ гости къ звонарю, такъ ужъ не такъ скоро вернется.

— Какой это звонарь?

— Ну, да нашъ же кладбищенскій старый Сакнитъ. Это — такой же человѣчекъ: ни за пазухой у него, ни въ карманѣ, — вездѣ и все пусто... Дружитъ съ нашимъ очень... Раньше такъ даже и не знались, но, вотъ, съ того дня, какъ умерла мать Ани, и подружились оба.

Старуха погрузилась въ раздумье.

— Ну, все бы еще ничего, — опять начала она, — только вотъ жаль мнѣ Ани нашей... Сиротка какъ есть круглая — безъ отца, безъ матери!

— Какъ? Да развѣ хозяинъ — не отецъ Ани?

— Ни-ни! Такъ ты не знаешь даже этого?.. Ну, это — цѣлая исторія!..

— Разскажите, пожалуйста, — упрашивалъ я, видя, что языкъ у старухи двигался, точно машина.

— Ну, тому будетъ лѣтъ восемь... Женихъ обманулъ Анину мать... Ну, ты понимаешь, обманулъ, — тьфу, ты дьяволъ! — сердито плюнула старуха. — Самъ ушелъ на гонкахъ по Даугавѣ* въ Ригу и сдѣлался жуликомъ. Богъ знаетъ, гдѣ онъ теперь шляется, если живъ еще... Анина мать послѣ родовъ стала чахнуть, работать не могла, но ѣсть-то все же хотѣлось; груди высохли, дитя плакало безъ соски... И рѣдко кто подавалъ ей кусокъ хлѣба. Ея хозяинъ не хотѣлъ больше держать ее у себя. Ступай, говоритъ, въ богадѣльню, если не можешь зарабатывать

* Даугова — латышское названіе Западной Двины. *Прим. переводчика.*

себѣ хлѣбъ. И Анина мать пошла — не въ богадѣльню или къ старшинѣ, а въ лѣсъ, прямо въ лѣсъ. Ночью, когда свѣтила луна, нашъ хозяинъ, возвращаясь съ ярмарки, встрѣтилъ ее въ лѣсу, плачущую, въ горѣ и въ отчаяніи. Онъ привезъ мать и дитя сюда, кормилъ ихъ и заботился о нихъ, пока Анина мать не умерла. Люди смѣялись надъ нашимъ, что онъ пріютилъ у себя падшую женщину и заботится о ней. Незадолго до Рождества бѣдняжка-мать и померла. Хозяинъ оставилъ Аню у себя, какъ родную.. Охъ, тяжко, тяжко ребеночку, что подѣлаешь!..

Старуха, казалось, заплакала и въ эту минуту показалась мнѣ вовсе не такою сердитою, какою я считалъ ее въ началѣ.

— Такъ ты подождешь, пока нашъ пріѣдетъ? Ну, посиди посиди! — сказала старуха и поспѣшила въ кухню, — скоро и скотину домой пригонятъ!..

Солнце уже спускалось за опушкою сосенъ. Дымъ вяло, словно нехотя, поднимался изъ трубы и тутъ же расплывался въ воздухѣ... Какъ жалокъ этотъ домъ, какъ жалокъ и осмѣянъ всѣми хозяинъ его, — думалось мнѣ. Но сердце у него чистое, не знающее ни корысти, ни самолюбія, ни другихъ дурныхъ страстей. Тамъ, въ избѣ, на стѣнѣ виситъ образъ Спасителя, и, хотя хозяина и нѣтъ, дома картина эта все-таки призываетъ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ.

Человѣкъ, чистый сердцемъ!.. Да развѣ на свѣтѣ существуетъ такой? Тотъ, котораго толпа ругаетъ, надъ которымъ смѣются, тотъ и есть чистый сердцемъ.

III.

Совсѣмъ близко отъ меня заскрипѣла телѣга, и послышался голосъ, понукающій лошадь:

— Но, но!

Въ ту же минуту за воротами показалась тощая лошадка. Въ деревянной телѣгѣ сидѣли дядя Салкшней, самъ хозяинъ, а позади него другой человѣкъ, лицо котораго вначалѣ мнѣ не было видно.

Дядя Салкшней остановилъ лошадь передъ овиномъ и медленно слѣзъ съ телѣги. Другой человѣкъ выпрыгнулъ гораздо живѣе. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ бритымъ лицомъ, въ короткомъ сѣромъ пиджакѣ, въ сѣрой старомодной шляпѣ и

грубой рубашкѣ, которая застегивалась чѣмъ-то наподобіе большой брошки изъ желтой мѣди. Брюки у него были полотняныя, полосатыя — съ синими и бѣлыми полосами. Ноги были совершенно босыя. Не говоря ни слова хозяину и не замѣчая меня, онъ торопливо шелъ къ избѣ.

Хозяинъ распрягъ сначала лошадь и только потомъ подошелъ ко мнѣ. Молча пожавъ мнѣ руку, онъ присѣлъ подлѣ меня.

Въ это время пригнали во дворъ скотину. Старуха съ подоткнутой юбкой и съ подойникомъ въ рукахъ вышла на порогъ.

— Гдѣ Аня? — спросилъ ее хозяинъ.

— Да спитъ еще! — отвѣтила старуха, — вотъ, выспится теперь, а ночью и не заснетъ. Лучше бы взялъ сегодня ее съ собою. Скучно, вѣдь, дѣточкѣ! Учила бы ее грамотѣ, да некогда! Работы-то вѣдь сколько!.. — И старуха ушла на скотный дворъ.

— Ну, какъ вамъ понравился нашъ домъ? — спросилъ, наконецъ, меня хозяинъ.

Я сказалъ, что въ будущемъ нужно построить новыя службы, что заборъ обваливается, потому что столбы совсѣмъ подгнили.

— Но у васъ много ульевъ! — замѣтилъ я.

— Да... только въ этомъ году пчелы такія чахлыя: лѣто дождливое. Пойдемъ въ садъ, быть можетъ, по яблочку найдемъ, Въ саду, тутъ вотъ, почти вѣчно возится Аня. Только пчелъ она боится, хотя нельзя сказать, чтобы она ихъ не любила.

Дядя Салкшней улыбнулся.

Мы успѣли осмотрѣть всего нѣсколько яблонь, какъ въ садъ вошелъ и пріѣзжій незнакомецъ, веселый, живой старичокъ, неся на рукахъ Аню, которая забавлялась маленькой уточкой-свистулькой.

— Папа, папа! Посмотри, дядя мнѣ подарилъ маленькую уточку! — весело крикнула Аня.

Старикъ спустилъ Аню на землю. Дѣвочка побѣжала къ Салкшнису, чтобы показать ему свистульку.

— Вижу, вижу, дочка! Ну, а зачѣмъ ты утромъ такъ расплакалась?..

Онъ погладилъ Аню по головкѣ.

— Добрый вечеръ! — обратился ко мнѣ старикъ, — впервые, кажется, я встрѣчаю тебя? Нѣтъ, кажется, что не видалъ! Иначе, я узналъ бы тебя.

— Онъ, вѣдь, только и живетъ, что по школамъ... Гдѣ же

тебѣ было видѣть его? Онъ — крестникъ нашей мельничихи, — медленно проговорилъ хозяинъ и сѣлъ у дверей клѣти.

— Такъ-то! — улыбнулся старикъ и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Я — звонарь при кладбищѣ, Сакнитъ... А былъ ты на похоронахъ дяди, молодой человѣкъ? Ну, да, теперь я помню! Я видѣлъ тебя!

Онъ сѣлъ рядомъ съ Салкшнисомъ. Аня, играя уточкою, примостилась между ними, совсѣмъ не замѣчая меня. Сакнитъ вынулъ изъ кармана трубку, табакъ и огниво и затянулся такимъ густымъ дымомъ, что я чуть не задыхался.

Уже темнѣло; на небѣ стали мерцать звѣзды.

— Такъ ты завтра пойдешь и отдашь эти деньги Лизѣ! — сказалъ Салкшнисъ Сакниту. — Я дотащился бы и самъ, но завтра, вѣдь, день воскресный: почти всѣ разойдутся — кто куда. Нужно же кому-нибудь и дома оставаться. Такъ ужъ отнеси ты! Хотя долго она все равно не выживетъ.

— Какъ только отзвоню утромъ, такъ сейчасъ и пойду. Сегодня вечеромъ я оставилъ звонить свою старуху, хотѣлъ было сейчасъ же снести! Но... — опять Сакнитъ плюнулъ въ сторону.

— Ну, да, я знаю!.. У меня больше нѣтъ, только пять рублей. Но и малость въ нуждѣ пригодится.

Салкшнисъ всталъ.

— Пора ужинать! — сказалъ онъ и, сгорбленный, потащился въ избу.

Сакнитъ и Аня остались.

— Кто эта Лиза такая? — немножко смутившись самъ отъ своего вопроса, спросилъ я Сакнита.

Сакнитъ какъ-то странно поглядѣлъ на меня.

— Вдова... сломала ногу. Сынъ на военной службѣ, дочь въ городѣ живетъ, но только она о матери ничего и знать не хочетъ. Долженъ же кто-нибудь помочь!

Онъ замолкъ и, облокотившись руками на колѣни, принялся усердно курить. Аня няньчилась со своей уточкой. Наступила торжественная, тихая минута. Съ кладбища доносился вечерній звонъ. Сакнитъ вынулъ трубку изо рта и слушалъ съ благовѣніемъ.

— Кто умеръ? — спросила Аня. — Слышишь, звонятъ!

— Никто не умиралъ! — пояснилъ Сакнитъ. — Такъ звонятъ въ каждый канунъ воскресенья или праздника.

Мы всѣ на минуту пріумолкли.

— Аня, а съ гостемъ ты развѣ совсѣмъ не хочешь поговорить? — сказалъ Сакнитъ. — Поговори же! Онъ — добрый.

— Я принесъ рыбокъ для тебя! — сказалъ я Анѣ, наклоняясь къ ней.

— Рыбки, рыбки! — захлопала ручками дѣвочка. — Гдѣ онѣ?

— Въ кухнѣ, тетка высыпала ихъ въ ведро.

— Рыбки, рыбки! — радовалась Аня и побѣжала въ кухню.

— Пойдемъ ужинать! — сказалъ Сакнитъ и, спрятавъ трубку, торопливо всталъ.

Мы вошли въ избу. За ужиномъ у стола, кромѣ хозяина, Сакнита, Ани и меня, еще сидѣли знакомая уже мнѣ старуха, пожилой парень-батракъ съ честнымъ лицомъ и двѣ пожилыя служанки, очевидно — сестры. Во все время ѣды почти ничего не говорили. Послѣ ужина хозяинъ въ обгорѣломъ деревянномъ подсвѣчникѣ зажегъ свѣчу и пошелъ въ заднюю комнату, гдѣ, усѣвшись за столомъ, началъ перелистывать церковные псалмы. Всѣ остальные тоже вошли въ эту комнату. Сакнитъ, старуха и Аня усѣлись на скамейкѣ, служанки принесли съ собою сидѣнья и сѣли около дверей. Батракъ остался за дверью. Я тоже вошелъ и сѣлъ на кирпичной лежанкѣ у задней стѣны. Началась вечерняя молитва, которая длилась недолго. Хозяинъ читалъ текстъ изъ книги, и потомъ всѣ пѣли:

Оконченъ день, заботою повитый.
Все небо звѣздной свитой
Покрыто золотой!
Я буду такъ же ясенъ,
Когда уйду, прекрасенъ,
Къ тебѣ, Создатель мой!

На глаза у меня незамѣтно навертывались слезы. Здѣсь жила еще вѣра, здѣсь еще вѣрили въ то, что послѣ земной жизни нашей мы преобразимся, станемъ хорошими, прекрасными, ясными, такими же, какъ звѣзды, мерцающія въ слезахъ невинности. Хозяинъ прочелъ еще молитву, и все кончилось.

Въ людской огня не зажигали.

Служанки, батракъ и старуха съ Аней тотчасъ же легли спать.

— Не одной ли дорогой намъ идти? — спросилъ меня Сакнитъ.

— Я иду на мельницу!

— Ну, такъ идемъ вмѣстѣ! Добрый вечеръ, дядя Салкшней! Завтра все устрою, о чемъ мы говорили.

— Хорошо!.. — вздохнулъ хозяинъ и протянулъ руку мнѣ и Сакниту.

— Добрый вечеръ.

Мы съ Сакнитомъ пошли. Черная косматая собака вылѣзла изъ-подъ навѣса и отчаянно на насъ залаяла.

— Молчи, Пиксъ! Не воры же тутъ! Экая собака — людей не узнаетъ! Ну, стыдно, Пиксъ!

Собака, пристыженная, стала вертѣть хвостомъ и обнюхивать наши слѣды. Она выбѣжала за ворота и, слѣдя за нами, нѣсколько разъ еще залаяла, а потомъ вернулась обратно.

Былъ прохладный, но пріятный, ясный вечеръ. Есть своя красота и въ осенней ночи, когда она спитъ, спокойно-звѣздная, вся облитая блѣдноватымъ луннымъ свѣтомъ. Въ долинахъ дремлетъ туманъ. Тихо. О, давно знакомая прекрасная картина!..

— Завтра будетъ морозъ, — сказалъ Сакнитъ и встряхнулся; Онъ остановился; сталъ и я, ожидая, пока онъ закуритъ свою трубку.

— Въ какой собственно школѣ ты учишься?—спросилъ онъ меня.

Я сказалъ ему, что посѣщаю гимназію, что, кончивъ ее, хочу поступить въ университетъ.

— Все это очень хорошо, — сказалъ Сакнитъ, — но у васъ тамъ обыкновенно убиваютъ сердце и чувства. Вы дѣлаете все ради своей цѣли. А что такое эта цѣль? Суета! Чтобы стать „бариномъ“, чтобы нажить много денегъ, чтобы поблистать на улицѣ и въ собраніяхъ!.. Но въ вашихъ сердцахъ что? Испорченная кровь! Умираетъ у васъ тамъ въ городѣ кто-нибудь, объявляютъ тотчасъ же въ газетахъ, что такой-то умеръ. Родственники, друзья или просто знакомые одѣваются въ черное, сходятся на похороны, высказываютъ свое соболѣзнованіе. О, лицемѣріе, лицемѣріе!.. Все показное. У насъ же здѣсь люди идутъ на кладбище верстъ десять и того больше. Иногда идетъ дождь, въ соснахъ бушуетъ вѣтеръ, но провожающіе покойника снимаютъ шапки и молятся: „Научи насъ Боже, чтобы мы стали разумны сердцемъ“!.. Такъ-то, милый мой юноша! Не сердись на меня, что я такъ разобралъ тебя.

Могъ ли я сердиться на него? Вѣдь, онъ былъ правъ. Я молчалъ...

— Я не говорилъ бы съ тобою объ этомъ, но ты пришелъ въ Салкшни, ты не пренебрегъ этимъ золотымъ человѣкомъ, который послѣднюю каплю крови отдалъ бы для другого. Ты не пренебрегъ имъ, котораго всѣ поносятъ, надъ которымъ всѣ смѣются! Это хорошо, милый юноша! Хозяинъ Салкшней многимъ дѣлалъ добро, а ему — почти никто. Но скоро у него не хватитъ силушки. Съ каждымъ днемъ онъ слабѣетъ, съ каждымъ днемъ все болѣе гнется его спина. Настанетъ время, когда онъ совсѣмъ обезсилѣетъ и скажетъ; „Помогите и мнѣ!“ — или, можетъ быть, будетъ молчать, потому что ему стыдно будетъ вымолвить эти слова. Кто тогда поможетъ ему?.. Богадѣльня? О, эта тюрьма для бѣдняковъ! Туда сажаютъ безсильныхъ только потому, что они — нищіе. Да, дверь-то тамъ, конечно, не заперта, какъ въ тюрьмахъ преступниковъ, но заперта дверь къ жизни, дверь счастья и радости! Развѣ мы сыты только тѣмъ хлѣбомъ, который въ ротъ кладемъ? Нѣтъ, намъ нужно все, что служитъ содержаніемъ и питаніемъ для нашего тѣла! Хорошій воздухъ, спокойствіе, здоровье! А находимъ ли мы все это въ богадѣльняхъ? Мой милый юный другъ! Говори это тому, кто съ этимъ не знакомъ. Много на свѣтѣ такихъ, которые не знаютъ, что такое нужда, — разсказывай имъ такъ, чтобы они это поняли, чтобы они повѣрили этому! Разсказывай имъ, не упрекая ихъ, — нѣтъ! разсказывай такъ, какъ Христосъ говорилъ: „Что вы дѣлали одному изъ малыхъ сихъ, то вы дѣлали и мнѣ“.

Мы остановились, потому что вышли уже на перекрестокъ.

— Богъ знаетъ, встрѣтимся ли еще когда-нибудь?! — сказалъ Сакнитъ, протягивая мнѣ руку. — Будь здоровъ и не забывай насъ!

Я молча пожалъ его руку, какъ бы обѣщая не забыть его. Потомъ Сакнитъ ушелъ легко и торопливо и вскорѣ исчезъ въ ночныхъ сумеркахъ. Такъ легко и весело спѣшилъ бы всякій, кто хочетъ помочь другому! Торопись, торопись, безсмертный духъ любви! Какъ часто распинали тебя на крестѣ, какъ ненавидѣли и мучили тебя, какъ ругались надъ тобою, заковывали тебя въ цѣпи! Ты все же возвышаешься въ своей небесной красотѣ, все же сіяешь въ своей святости!

Развѣ я могъ чувствовать иначе, шагая въ темнотѣ домой послѣ того, что я сейчасъ видѣлъ и слышалъ? Не утирать ли мнѣ глаза свои, когда пѣсня людей, чистыхъ сердцемъ, опять звучитъ, словно эхо, въ ушахъ моихъ.

Оконченъ день, заботою повитый.
Все небо звѣздной свитой
Покрыто золотой!
Я буду такъ же ясенъ,
Когда уйду, прекрасенъ,
Къ тебѣ, Создатель мой!

Вода, протекая черезъ открытые шлюзы, глухо шумѣла. Я былъ уже около мельницы. Съ озера повѣяло пріятной прохладой: и, охваченный ею, постепенно успокаивался и я. Обыкновенно, нервныя возбужденія смѣняются утомленіемъ. Но сонъ не смыкаетъ глазъ, какъ ни силишься уснуть. Бывало, уже свѣтаетъ, когда, наконецъ, забудешься тяжелымъ, тревожнымъ сномъ, послѣ котораго чувствуешь себя совершенно разбитымъ.

IV.

Прошло лѣтъ пять. Я былъ уже студентомъ, и моя тетка часто оказывала мнѣ денежную поддержку. Однажды я рѣшилъ посѣтить старую мельницу.

По пріѣздѣ я узналъ, что тетка отдала мельницу въ аренду. Но сама она все-таки не жила безъ работы. Она устроила маленькую школу домоводства и рукодѣлій. Когда я въѣзжалъ во дворъ, на балконъ вышла тетка, въ бѣломъ чепчикѣ, окруженная встревоженною толпою дѣвочекъ. Послѣ сердечной встрѣчи я ушелъ въ свою старую комнату, устроенную на чердакѣ.

Когда я умылся и немного отдохнулъ съ дороги, меня позвали внизъ закусить. Уже за дверью въ столовой слышенъ былъ веселый смѣхъ. Я открылъ дверь и увидѣлъ прелестную картину: за длиннымъ столомъ сидѣли тетка и нѣсколько дѣвочекъ, занятыхъ шитьемъ и вязаньемъ. На другомъ концѣ стола былъ для меня одного поставленъ обѣдъ.

— Мы уже поѣли, „Herr studiosus“, но ты не стѣсняйся, пожалуйста, садись, — сказала тетка.

Только что я сѣлъ, какъ ко мнѣ подошла блѣдная дѣ-

вочка и посмотрѣла на меня своими темно-голубыми, вопрошающими глазами. Она протянула мнѣ руку.

— Аня, ты здѣсь? — удивился я.

Ограничившись единственнымъ словомъ: „здравствуйте! — она сѣла на прежнее мѣсто. Тетка посмотрѣла какъ-то странно-недоумѣвающе то на Аню, то на меня, словно спрашивая, съ какихъ это поръ мы знакомы.

— Аня, ты еще мнѣ ни разу не говорила, что уже знакома съ моимъ крестникомъ. Это нехорошо! — весело упрекнула она дѣвочку.

Аня только покраснѣла, но промолчала.

Ясный весенній день клонился уже къ вечеру. Окна были, открыты, и въ нихъ вливалось ликованіе весны: ароматъ цвѣтовъ, пѣніе птицъ, шумная возня дѣтей, стукъ мельницы. Мы всѣ, сидѣвшіе въ комнатѣ, почувствовали, что и мы должны вторить общему веселому гаму и радостнымъ привѣтамъ весны. И, вотъ раздались звуки пѣсни. Веселая толпа дѣвочекъ пѣла:

„Приди, весна, насъ украшай
Небесной красотой;
Намъ радость, счастье, солнце дай
Съ улыбкой золотой.
Какъ всѣ луга, сады блестятъ,
Пусть наша мысль цвѣтетъ,
Пусть и сердца въ насъ задрожатъ,
Гдѣ все цвѣтетъ, поетъ!"..

Пѣвшія дѣвочки были еще совсѣмъ дѣти. И какими хорошенькими онѣ здѣсь выросли! Онѣ цвѣли не только наружно, но и внутренно: казались хорошими, неиспорченными. Какая противоположность городу!

Позавтракавъ, я вышелъ на дворъ, потому что тетка начала урокъ языковъ. Дѣвочки какъ бы конфузились въ моемъ присутствіи, и я не хотѣлъ мѣшать имъ.

Усѣвшись въ саду, я задумался о томъ, какъ здѣсь все хорошо и пріятно. Быть можетъ, это только такъ казалось, потому что я только что перемѣнилъ дымный и пыльный городъ, на глубокое деревенское небо и свѣжій, здоровый воздухъ полей. Только теперь я понялъ, отчего городскія дамы иногда мнѣ нравились, отчего я любовался ихъ тонкими таліями и пышными

нарядами, но при этомъ обыкновенно мысленно спрашивалъ: „можетъ ли подобное существо честно любить и быть вѣрнымъ одному до гроба?“ Я инстинктивно чувствовалъ, что разсудительный мужчина не можетъ пасть на колѣни передъ „настоящей городской дамой“ и сказалъ ей: „Я люблю тебя!“ А если и случится, то такой мужчина самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ лжетъ, думая, что говоритъ правду.

Блестящія кареты, лакеи, визитныя карточки, почтительные поцѣлуи рукъ, улыбки, интрижки, болтовня... Боже мой! Гдѣ тутъ мѣсто для любви и для счастья?

Размышляя объ этомъ, я свято далъ себѣ слово любить только дѣвушку, воспитанную въ деревнѣ. Уже нѣсколько разъ я влюблялся въ городѣ, но это была не любовь. Это было желаніе подавить отчаяніе. Это было только бѣгство отъ одиночества!

Разговоръ о литературѣ, объ искусствѣ, наукахъ!.. Хитрые, лукаво сіяющіе глаза! Умъ, глубина, очарованіе, богатство! Все, все тамъ можно получить, всего вкусить. Только не любви! Любви я въ городѣ не нашелъ и не видалъ ея также у другихъ.

А сердце все-таки жаждало этой бездѣлицы — любви. Иной богачъ отдалъ бы всѣ свои деньги, чтобы его искренно полюбило хоть одно женское сердце. Но, къ сожалѣнію, много есть женщинъ, любящихъ его деньги, но нѣтъ ни одной, которая любила бы его самого. Хотя бы даже онъ былъ красивъ! Даже красота въ городѣ не въ силахъ обезпечить себѣ прочную, искреннюю вѣрность.

— Онъ красивъ, но страшно скученъ, — думаетъ иная нарядная салонная дама и ищетъ себѣ другого — менѣе скучнаго.

Вечеромъ мы съ теткой и дѣвочками, которыя шли впереди насъ, пошли въ лѣсъ погулять.

— Какимъ это образомъ ты познакомился съ Аней? — спросила меня тетка.

Я ей все разсказалъ. Она внимательно слушала меня. Разсказъ мой ей, очевидно, понравился.

— Видишь, раньше я не была такою, какою стала теперь! Судьба другихъ людей не интересовала меня, не вызывала моего участія. Но умеръ мой старикъ. Дѣти тоже на кладбищѣ. Я стала нуждаться въ людяхъ, я хотѣла жить съ ними сердечнѣе. Кромѣ того, одно письмо-завѣщаніе, оставленное моимъ покой-

нымъ старикомъ..., Потомъ я тебѣ его прочту. Отчимъ Ани, когда мы переселились сюда, помогалъ намъ. Сосѣди съ нами, какъ съ чужими, держались недружелюбно, даже враждебно. А дядя Салкшней намъ помогалъ. Мой старикъ и завѣщалъ мнѣ, чтобы я ему помогала, когда онъ въ этомъ будетъ нуждаться. Мой старикъ предвидѣлъ заранѣе все... Хозяйство Салкшней съ каждымъ годомъ все падало. Не потому, что хозяинъ не заботился о немъ, нѣтъ! Много нашлось людей, которые безсовѣстно пользовались его добрымъ сердцемъ: занимали у него, но отдавать долгъ не отдавали. А Салкшнисъ никогда не жаловался на другого и не ходилъ по судамъ. Прошлою весною онъ долженъ былъ оставить свою усадьбу. Помѣщикъ больше не хотѣлъ ждать, а дядя не могъ ручаться, что долгъ будетъ уплаченъ. Но до самой послѣдней минуты онъ вѣрилъ, что тѣ, которымъ когда-то онъ помогалъ, теперь придутъ и выручатъ его. Напрасно! Никто не пришелъ. Въ Юрьевъ день утромъ я поѣхала въ Салкшни. На кучѣ досокъ сидѣлъ старикъ съ непокрытой головой. Онъ мутнымъ взоромъ посмотрѣлъ на меня. Это былъ уже не человѣкъ, это была тѣнь, — тѣнь любви и умиленія. Я объяснила ему, зачѣмъ пришла, сказала, что пріѣхала просить его, чтобы онъ переѣхалъ ко мнѣ на мельницу, что мой покойный мужъ, предвидя все, желалъ этого. Дядя Салкшней на минуту призадумался, потомъ поднялъ глаза, въ которыхъ показалось что-то но-подобіе слезъ. Вяло схватилъ онъ мою руку и еле слышно прошепталъ:

— Правда ли это?..

Да, это была правда. Мы многимъ были обязаны ему.

— Но что станется съ моею дочкою Аней? — какъ-то нерѣшительно еще спросилъ онъ.

— Понятно, и она съ нами поѣдетъ.

— Слава Богу! Какъ вы все это хорошо дѣлаете! Я буду работать, насколько у меня хватитъ силъ.

— Чего тебѣ, дядя, работать, ты вѣдь старъ уже, — замѣтила я.

— Старъ-то и хилъ, что и говорить, но такъ совсѣмъ безъ работы жить нельзя. Какъ же мнѣ можно будетъ смотрѣть въ глаза другимъ, когда на дворѣ мельницы я буду встрѣчать людей. знающихъ, что я живу не въ своемъ домѣ, а только изъ милости!?

— Дядюшка! — сказала я, — не издѣвайся надъ самимъ собою. Всѣ, которыхъ ты встрѣтишь на дворѣ мельницы, большей частью будутъ твои же должники!..

Наконецъ, онъ успокоился. Въ тотъ же день я велѣла перевезти его съ Аней на мельницу. Но онъ никакъ не могъ привыкнуть къ жизни здѣсь, на мельницѣ. Никакъ не могли убѣдить его садиться за столъ вмѣстѣ съ нами. Онъ садился въ кухнѣ на скамейку, пробовалъ немного изъ ѣды и сейчасъ же ставилъ поданное въ сторону, говоря служанкѣ:

— Возьми, я покушаю потомъ!

Только иногда, — когда ему прислуживала Аня, — онъ ѣлъ, какъ слѣдуетъ.

Съ каждымъ днемъ онъ замѣтно дряхлѣлъ. Наконецъ, въ одно утро, когда прудъ около береговъ сталъ уже покрываться льдинками, онъ спокойно закрылъ навѣки глаза; казалось, будто онъ спитъ. Мы похоронили его недалеко отъ могилы моего старика.

О, лѣсъ, о, лѣсъ!
Зеленый лѣсъ!..“

— пѣли дѣвочки. Лѣсъ отдавалъ пріятнымъ запахомъ смолы. Въ верескѣ еще жужжали запоздавшія пчелки, которыя быстро поднимались одна за другой и улетали домой, такъ какъ наступалъ уже вечеръ.

— Въ воскресенье пойдемъ на кладбище! — сказала тетка, вытирая глаза.

— Служанокъ тоже возьмемъ съ собою, украсимъ могилы.

Солнце уже исчезло за темнымъ боромъ. Румяныя тучки медленно плыли къ сѣверу.

— Ла, ла, ла!

— Ло, ло, ло!

— Тра-ла, ла, ла!..

Ликовали дѣвочки. Уже совсѣмъ смеркалось, когда мы вернулись домой.

V.

Въ воскресенье утромъ за кофе возлѣ тетки сидѣли только четыре дѣвочки, среди которыхъ была также Аня. Остались только она и живущія подальше, остальныя же въ субботу вечеромъ ушли домой, къ родителямъ.

Послѣ кофе мы тотчасъ стали собираться на кладбище.

Было жарко. Мы шли очень медленно. Дѣвочки несли завернутые въ платкахъ вѣнки для могилъ. Аня была въ бѣломъ платьицѣ, съ платкомъ, натянутымъ на лобъ, чтобы солнце не пекло и не свѣтило въ глаза.

Мы шли молча до самого кладбища. Тетка и дѣвочки усѣлись въ тѣни немножко отдохнуть. Я немедленно отправился къ могилѣ моего дяди. Недалеко отъ нея, между кустами акацій. виднѣлся довольно большой бѣлый деревянный крестъ. Подойдя къ нему ближе, я прочелъ:

„Блаженны чистые сердцемъ,
Ибо они Бога узрятъ".

Не нахожу словъ для описанія того, что я почувствовалъ въ эту минуту. Единственное, что я въ силахъ передать словами, было жгучее желаніе пріобрѣсти къ концу своей жизни такую же могилу, съ такимъ же бѣлымъ, ярко сіяющимъ крестомъ, съ такими же акаціями, въ листьяхъ которыхъ мерцали еще росинки, съ такою же тѣнистою березою и осиною, которыя шептались, какъ бы разсказывая о вѣчномъ мирѣ и покоѣ.

Мы разукрасили могилы моего дяди и его дѣтей, а также и могилу дяди Салкшней. Тетка присѣла на скамейку. Дѣвочки разбрелись по кладбищу. Со мною осталось только Аня. Она не плакала и только печально глядѣла на могилу своего отчима, разставляя вѣнки. Разъ она посмотрѣла на меня. Но она не спрашивала. Въ эту минуту я почувствовалъ, что она — единственная, которая могла бы осчастливить меня. Она была еще молода, но скоро она подрастетъ и станетъ дѣвушкой, — тогда, тогда...

— Какъ бодро цвѣтутъ эти цвѣточки, — тихо сказала она. Сакнитъ каждый вечеръ ихъ поливаетъ и постоянно ухаживаетъ за ними. Добрый старичокъ.

Не было ли уже это для меня большимъ счастьемъ? Не склонялся ли передо мною надъ могилой добрый ангелъ, ласковый ко мнѣ? Что же мнѣ еще больше? Вотъ самыя высшія минуты любви, когда она священна, когда не нужно бояться, что кто-нибудь подсмотритъ, когда весна улыбается и молодая кровь, струясь въ груди, готовитъ силы для стремленья ко всему доброму и высокому...

И когда кончится эта жизнь, полная добрыхъ дѣлъ и стремленій, когда утихнетъ сердце и закроются глаза, — не будетъ ли счастьемъ, что молодое поколѣніе станетъ украшать наши могильные кресты, на которыхъ будетъ начертано:

„Блаженны чистые сердцемъ,
Ибо они Бога узрятъ"...

Перевелъ ***Я. Вайновскій.***

Райнисъ.

Зеленое вино.

Ты утомился, замолчалъ,
И пустъ остался твой бокалъ.
Въ немъ изумрудъ горѣлъ — вино,
Теперь же сухо даже дно.
— Нѣтъ, не совсѣмъ умретъ оно —
Нѣтъ, что-то тамъ еще лежитъ,
На днѣ забытое, блеститъ —
Какъ капля крови, сердце въ немъ
Горитъ огнемъ.

Перев. ***В. Дамберга.***

Янъ Порукъ.

Музѣ.

Съ осанкой юной королевы,
Въ вѣнкѣ изъ розовыхъ цвѣтовъ
Глядишь ты взоромъ ясной дѣвы
И будишь рѣзвую любовь.
Когда жъ насмѣшкою гонимый,
Бѣгу я отъ толпы людей
Въ свой домикъ, бѣдный и родимый,
Безъ ласки дѣвъ и безъ друзей, —
Ко мнѣ ты двери отворяешь,
Какъ сонъ прелестная, идешь,
Меня улыбкою ласкаешь,
И мнѣ какъ другу руку жмешь.

Къ груди нетлѣнно ароматной
Невольно голову клоню
И — полонъ силы благодатной —
Я пѣсню новую пою.

Райнисъ.

Пѣсня дѣвушки.

Не пой такъ грустно, соловей,
Дай отдохнуть душѣ моей,
Въ слезахъ томилась я всю ночь,
Тоски не въ силахъ превозмочь.
Душа моя темна, грустна,
Твоими пѣснями полна.
Съ постели встану я чуть свѣтъ —
Въ тѣхъ комнатахъ и солнца нѣтъ,
Тамъ копоть лампъ, тамъ пыль одна,
Тамъ жизнь моя погребена,
Тамъ, гдѣ подъ бой часовъ въ тѣни
Проходятъ вечера и дни.
И ночь и утреннюю тишь
Ты звонкой пѣсней огласишь.
Ты не замолкнешь до утра,
Когда къ работѣ мнѣ пора.
Не пой такъ грустно, соловей,
Дай отдохнуть душѣ моей.

Перев. ***Вирза.***

Янъ Порукъ.

Весенняя симфонія.

Вотъ тихо небеса раскрылись
И книзу ринулись лучи,
Они съ землею примирились,
И, пѣнясь, снѣгъ сбѣжалъ въ ручьи.
Улыбкой небо освѣтилось,
И сердце встрепенулось вдругъ
Смотри, кому здѣсь чудо снилось:

Творятся чудеса вокругъ!
Звучно пчелы
Проносились,
Почки къ свѣту
Запросились.
Жаворонокъ
Въ высь несется,
Звонко пѣсня
Раздается.
Вотъ больной,
Кому не спится,
Влѣзъ въ окно
Повеселиться.
Парнямъ некогда
Обуться,
Невзначай
Къ красоткамъ
Жмутся.
Философъ вонъ изъ кабинета,
Гдѣ фоліанты червь грызетъ,
Идетъ вдохнуть тепла и свѣта,
Ошеломленный счастья ждетъ.
А тамъ поэтъ, стихи спалившій,
Стыдясь, за рощей видитъ долъ,
Такъ дивно все заворожившій, —
Что трудъ онъ свой излишнимъ счелъ.
Онъ видитъ: пахарь въ дымкѣ нѣжной
Бредетъ по темной бороздѣ,
Надъ нимъ рой птицъ изъ рощи смежной
И пастуховъ рожки вездѣ.

Перев. *В. Эглитъ.*

Райнисъ.

Бурное время.

1.

На небѣ облако высоко поднялось,
И солнца ликъ въ тяжеломъ мракѣ скрылся.

Подъ нимъ огонь, что пламенѣлъ и лился,
Растрепанъ падаетъ, какъ золото волосъ.

Но облако растетъ — въ испугѣ сердце ноетъ;
Полнеба темнотой уже заволоклось.
Гнететъ упавшій духъ и блѣдность щеки кроетъ.

Ложится на душу невѣдѣнье и сплинъ,
Желанья жаждутъ дальнихъ солнечныхъ равнинъ.

2.

Но облако ползетъ все выше и темнѣй, —
Лучи и свѣтъ давно у тьмы въ неволѣ...
Ужъ небеса гудятъ, молчитъ угрюмо поле,
И ласточки кружатъ такъ низко средь полей.

Вдругъ грянулъ громъ и вотъ внезапно буря
Все превращаетъ въ ревъ, и свистъ, и трескъ, и вой.
Ломаетъ лѣсъ, рѣчныя глади хмуря,

Ломаетъ, топчетъ жизнь безжалостной ногой,
Терзаетъ ликъ земли отъ ярости слѣпой.

3.

Вотъ все подавлено — покрылась мракомъ твердь.
Зарницъ несмѣлый блескъ. Ночь въ ужасѣ застыла.
И дождь заморосилъ во мглѣ туманной. Сила
Взяла свое, — стоитъ, какъ стража, смерть.

Безсиленъ духъ и тяжелѣютъ вѣжды —
Въ сердцахъ лишь рѣдкихъ скрытъ огонь, чтобъ вновь
Мысль разжигать, души вспугнуть надежды.

Ночь холодна, дождь проникаетъ въ кровь,
Въ болотахъ стоны мрачныхъ голосовъ...

Перев. ***Вирза.***

Латышскія народныя четверостишія.

1.

Пойте, дѣвы, вечеромъ,
Вечерами даль звучнѣе,
Вечерами даль звучнѣе,
Пѣсню слышно издалече.

2.

Не отъ радости пою,
Не отъ радости ликую, —
Пѣсней грудь миротворю,
Въ пѣснѣ время коротаю.

3.

Тотъ, кто пѣсенъ не пѣвалъ,
И работы не знавалъ;
А работникъ кто лихой —
Запоетъ, что соловей.

4.

Какъ зальется соловей
Въ темныхъ ивахъ надъ рѣкой —
Уроню стаканъ съ виномъ
Я отъ пѣсни той лихой.

5.

Вздумали меня затмить
Пѣсней звонкою чужіе, —
А меня-то конь понесъ,
Крытый пѣсенной попоной.

Пер. ***В. Эг.***

Райнисъ.

Поднимающійся въ гору.

Что годъ, то болѣе ты станешь одинокимъ,
Прочь отъ тебя уйдетъ за другомъ другъ;

Лишь рѣдкій путникъ, съ духомъ родственно глубокимъ,
Да скалы будутъ съ рѣдкимъ мхомъ вокругъ.
Исчезнутъ и онѣ; и въ горной дали
Тишь сдавитъ сердце тяжкимъ грузомъ мукъ.
Во льдахъ ты мира не найдешь, въ печали:
Отъ всѣхъ ты мерзлымъ будешь скрытъ щитомъ,
И духъ сожжетъ недугъ земной тоски огнемъ.

Перев. *Э. Брессе.*

Сквозь лепестки маковъ.

Хоть я и не дочка солнышка, —
Вѣдь я это знаю, я знаю, —
Но въ садикѣ розъ алѣющихъ
Я все же вѣнки сплетаю.
И вотъ, черезъ маковъ звѣздочки,
Словно рунъ сквозь алыхъ узоры, —
На меня ты поднялъ, сынъ божескій,
Свои горящіе взоры.
Охъ, да вѣдь онъ не божескій сынъ, —
Я все это знаю прелестно:
Мнѣ солнце не мать, онъ не роду боговъ, —
Наше племя богамъ неизвѣстно.
Ничто вѣдь не наше: даже для розъ
Нѣтъ садика подъ горою!
Но кладовъ много у насъ: вѣдь, ты мой,
А я, я твоя всей душою.
И тайна впредь ясной станетъ намъ,
Отчего мы разбогатѣли:
Лишь бы сквозь звѣздочки, рой лепестковъ,
Вѣкъ другъ на друга глядѣли.

Э. Брессе.

(Tá nevar palikt un nepaliks.)

Нельзя такъ дальше, впредь не будетъ такъ,
Надежда тщетна, чтобъ потокъ изсякъ,

Чтобъ воды, хлынувъ, снова улеглись,
И дни, какъ раньше, ровно понеслись.
Пусть крѣпокъ ледъ и ярко пусть блеститъ —
По волѣ новой сердце всѣхъ грустить,
Нельзя такъ дальше, впредь не быть тому:
И обновиться до основъ всему!

Перев. *Э. Брессе.*

Райнисъ.

Блудный сынъ.

Льетъ дождь, и вѣтры воютъ; часъ ночной.
Въ лохмотья онъ одѣтъ, босыя ноги.
Вамъ кажется, что блудный сынъ съ душой
Истерзанной спѣшитъ къ отцу въ чертоги?
Но вамъ не видно-ль: гордъ, стопой прямой
Идетъ онъ; тѣло, слабое съ дороги,
Въ лохмотьяхъ кроетъ пурпуръ огневой.
Нѣтъ, не идетъ въ ярмѣ, чтобы упасть предъ вами, —
А какъ судья васъ въ гнѣвѣ гнать изъ храма.

Перев. *Э. Брессе.*

Райнисъ.

Въ сердцѣ раны.

Безпріютной
Сѣрой мглою
Тучи небо заступали,
И подъ мутной
Пеленою
Тихо нивы засыпали..

*

Надъ безплоднымъ
Запустѣньемъ
Вѣтры саванъ колебали

И холоднымъ
Дуновеньемъ
Стебли руты колебали...

*

Стебли руты
Сквозь туманы
Тусклый жемчугъ осыпали...
Въ сердцѣ путы,
Въ сердцѣ раны,
Въ сердцѣ слезы накипали...

Росы.

Гасла даль въ лѣсистыхъ перевалахъ,
Устилали росы ликъ долины,
Тихій ликъ, мерцавшій въ искрахъ алыхъ...

*
*

И всю ночь во мракѣ непробудномъ
Устилали росы ликъ долины,
Тихій ликъ въ уборѣ изумрудномъ...

И глядѣли утреннія стрѣлы,
Какъ заплакалъ въ росахъ ликъ долины,
Тихій ликъ, завитый въ саванъ бѣлый...

Впередъ.

Тамъ, за собой, свой мостъ ты уничтожилъ.
Имъ путь лежалъ въ тотъ сладостный предѣлъ,
Гдѣ бъ снова ты въ объятьяхъ страсти ожилъ
И холодъ рукъ у милыхъ устъ согрѣлъ...
Разрушенъ мостъ. Онъ поглощенъ пучиной,
Свергаетъ штормъ утесы въ бездну водъ.
Кричитъ бакланъ надъ пѣнистой равниной.

Скользятъ шаги... Рука въ крови... Впередъ, —
Тамъ даль въ огняхъ... Тамъ солнце... Тамъ — Восходъ...

Элегія.

1.

Отецъ, отецъ, я дольше не могу.
Смотрѣть кругомъ на все открытымъ взоромъ
И не возстать, чтобъ дать отпоръ врагу —
И быть нѣмымъ предъ собственнымъ позоромъ!
Плюютъ на все, въ чемъ правда, честь и свѣтъ,
Все топчется неправымъ приговоромъ
И ничего святого больше нѣтъ!..

И все дрожитъ... О, встать на споръ съ судьбою!
Въ груди огонь, и руки рвутся къ бою!

2.

И онъ увялъ... Что было дѣлать съ нимъ...
На кличъ борьбы, на зовъ побѣдныхъ пѣсенъ
Смѣнилъ онъ домъ... И вотъ онъ въ домъ принесенъ,
Спокоенъ, тихъ и странно недвижимъ...

О, какъ горѣлъ въ немъ пламень битвы страстной...
Какъ жегъ намъ грудь своимъ святымъ огнемъ...
Какъ легъ покой на ликъ его безгласный.

Лишь гнѣвъ еще оскалился на немъ!
О, тише, грудь... Мы видимъ... Мы пойдемъ...

Перев. ***Д. Глушкова.***

Соціально - психологическія предпосылки Литовской литературы.

Kada isipildys kentejimo laikas, Aukopirmas pazvelgs i Lietuvos kapines ů—kelsis Milzinas".

Jaunutis — Vienuolis.

„Когда исполнится время страданій, Первожертва взглянетъ на могилу Литвы и — воскреснетъ Исполинъ".

Юный — Отшельникъ.

Велика роль, выпавшая на долю литовскаго искусства въ національномъ пробужденіи литовскаго народа. Литва была подобна сфинксу, отъ котораго отлетѣла душа. Но пришло искусство, провело своимъ рѣзцомъ по застывшимъ чертамъ и вдохнуло жизнь. Приподнялись вѣки сфинкса, и во взорѣ засвѣтилась тихо струящаяся радость воскресенія, *мечта о подвигѣ*. И всякій, на кого падалъ этотъ взоръ, проникался тоской по синтезу распыленной національной души, становился ея воиномъ.

«Литва прошла черезъ ужасный опытъ могилы» *. Дѣйствительно, «послѣднія пять столѣтій жизни литовскаго народа прошли подъ знакомъ упорной, непрерывной борьбы за культурный и политическій авторитетъ имени Литвы» **.

Ужасна трагедія націи, таящей въ себѣ преданія Индіи, сквозь тысячелѣтія пронесшей колыбельный языкъ народовъ, создавшей наиболѣе законченный культъ огня, дуба и руты *** и . . . и низве-

* Изъ статьи художника V. Staneik'и.

** Изъ проведеній Iaunucio Vienuolio.

*** Рута — литовское національное растеніе — цвѣтокъ. Въ народныхъ пѣсняхъ рута символъ дѣвственности, юности. Рута въ большемъ почетѣ у литовцевъ. При каждомъ домикѣ рутяной садикъ, за которымъ тщательно ухаживаютъ литовскія дѣвушки.

денной къ концу XVIII—XIX столѣтій до положенія крѣпостной массы, до положенія народа-молчальника. И все-таки литовскій народъ пережилъ эту трагедію и не завялъ. Нѣтъ древняго римлянина, но литвинъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ эпоху сказочнаго Вайдевуты *, несмотря на постоянный прибой чужестранныхъ волнъ.

«Ученая Европа ошиблась, когда хотѣла представить литовскій народъ милліономъ памятниковъ на развалинахъ былой мощи» **. Изъ могильной пыли воскресла воля къ жизни, и Литва, ея искусство, ея литература уже вступаютъ въ полосу разрѣшенія тѣхъ заданій, ростки-побѣги которыхъ завѣщаны богатымъ прошлымъ.

За это трагическое полутысячелѣтіе созрѣла лишь великая боль неизреченнаго слова. Эта боль настраивала струны каиклей ***, когда литвинъ-крѣпостникъ пѣлъ сѣдыя пѣсни и этимъ ткалъ связующую нить отъ прошлаго къ будущему. Эта боль пріодѣла народную поэзію въ своеобразную мистику музыки и замкнула ее въ рамки печали. Этой болью помѣчено каждое произведеніе литвина отъ «Постиллы» **** Даукши, изданной на исходѣ XVI вѣка, вплоть до нашихъ дней. Эта боль творческимъ порывомъ пронизываетъ юную Литву. Эта боль въ геніи Чурляниса разсыпàла перламутровыя глади, вздымала алмазныя волны, возносила къ небу тоскующія руки и пѣла красками печаль.

Но боль, претворенная въ творческое дѣйствіе, утихаетъ. Ее смѣняетъ *радость достиженія*. Тогда духъ празднуетъ побѣду и окружаетъ себя ореоломъ величія. Предчувствіемъ этой побѣды дышитъ литовская литература въ твореніяхъ Юнаго Отшельника — І. Горбачевскаго, Винцаса Кревеса — В. Мицкевича, Видунаса — Сторостàса и ихъ юныхъ спутниковъ. А гимнъ мірозданію, разсыпанный по полотнамъ Чурляниса — это уже сама побѣда.

---

* Вайдевутъ—одинъ изъ легендарныхъ вождей-героевъ Литвы. Преданіями относится къ VIII-IX вѣку.

** Изъ произведеній Iaunucio Vienuolio.

*** Каикли — національно-литовскій музыкальный инструментъ.

**** „Постилла" — книга, изданная въ 1599 г. Переводъ Евангелія съ соотвѣтствующимъ каждой притчѣ словомъ, переводъ исполненъ Н. Даукшой. Одно изъ первыхъ печатныхъ изданій на литовскомъ языкѣ.

«Вы не хотите разстаться съ землей — возьмите ее съ собой» *. Гордымъ, самонадѣяннымъ призывомъ звучитъ эта мысль, брошенная Литвѣ, полудремлющей, полуушедшей въ кропотливую работу дня, и правдиво отображаетъ господствующее настроеніе въ литовскомъ искусствѣ среди его избранниковъ, таящихъ сокровенную мечту.

И все же! Я не могу не сказать правды. Хотя эта правда — наслѣдіе исторіи — грустью щемитъ сердце Литвы.

Литовская живопись?

Да. Это первая раскрывшаяся почка національно-индивидуальнаго творчества; первымъ же взмахомъ крыла она стала у вершины міроваго искусства. Да. Она дуновеніемъ вселенной овѣяла земное, лаской вѣчнаго поборола смерть. Она сплела яркость востока съ туманностью сѣвера, бросила міру эстетическое откровеніе, религіозно-философскую загадку, выраженную красочными, символическими письменами. Да. Она пріоткрыла то отдаленное будущее, когда въ потокахъ Духа растворятся физическіе атомы, и вселенная станетъ одной великой волной гармоніи, сѣющей волшебныя чары.

Но это только *единичные, яркіе огни, а намъ нуженъ огненный вѣнецъ твореній.*

Литовская литература?

Она принесла самоотверженную дань патріотическому сентименту возрожденія и потому въ ней такъ много жалобы. Она вихрь исканій, тоска по грядущему полету и потому она поетъ влюбленныя пѣсни порыву и ждетъ, когда сама станетъ порывомъ. Она переживаетъ ту стадію, когда отшлифовываются драгоцѣнные камни. Но пыль шлифовки еще не успѣла разсѣяться и поглощаетъ блескъ-сіяніе камня.

Литовская литература лишь *на зарѣ радости жизни.*

Литовская скульптура? Милый дѣтскій лепетъ. Ея почти нѣтъ.

Литовская архитектура? Гладь, на плоскости которой красуются лепестки народнаго творчества, разсыпанные по полямъ и кладбищамъ, по деревнямъ и святынямъ, и ждутъ творческаго синтеза.

Изъ статьи художника А. Varnas'a.

Литовская музыка? Ея колыбель — народная пѣсня. Ея настоящее — журчаніе маленькаго ручейка, а будущее... въ рукахъ будущаго.

Отчего такъ?

Оттого, что появленіе генія знаменуетъ фактъ геніальной атмосферы, непрерывно проявляющейся въ творческой спирали стиля и мысли. Геній нуждается въ сателлитахъ. Оттого, что искусство, предопредѣляющее вѣхи реальной жизни, все же само въ реальномъ мірѣ. А этотъ *реальный міръ тисками огня, желѣза и произвола сковывалъ развитіе самобытной литовской культуры въ теченіе семи вѣковъ.*

Смыкались и размыкались круги бытія. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ XII столѣтіи къ побережью Двины стали причаливать бременскіе и любекскіе купцы, и подъ личиной религіознаго рвенія основали орденъ меченосцевъ; съ тѣхъ поръ, какъ польскіе князья мазовецкіе стали организовывать крестовые походы на наиболѣе западный отпрыскъ литовскаго народа — Пруссовъ, а въ 1228 г. князь мазовецкій Конрадъ окончательно поселилъ орденъ крестоносцевъ, и устье Вислы было сковано тевтонскими замками: Торунь, Эльбингъ и Маріенбургъ — солнце Литвы померкло. Чуть тлѣли безпризорные огни Габіи *, но зато высоко вздымалось пламя пожаровъ и по всей Литвѣ пробѣгала кривуле **, вѣщавшая опасность тевтонскаго набѣга. Такъ было въ теченіи двухъ столѣтій до Грунвальдскаго дня — 15 іюля 1410 г.

А за это время все наиболѣе культурное прусское племя, на землѣ котораго находились обще-литовскія святыни и священныя рощи, легло костьми въ борьбѣ съ крестоносцами, и на развалинахъ культуры пруссовъ выросли колоніи нѣмцевъ и мазуровъ. За это время все литовское племя Ядзвинговъ погибло подъ ударами поляковъ, а латыши и часть Жемайтіи *** стали рабами тевтоновъ.

---

* Габія — постоянно поддерживаемый огонь домашняго очага древнелитовской семьи.

** Кривуле — палка-жезлъ. Въ рукахъ особыхъ глашатаевъ онъ являлся символомъ военной тревоги, призыва на войну.

*** Жемайтія — такъ называется по-литовски нижняя часть Литвы, прилегающая къ Балтійскому морю, въ отличіе отъ верхней Литвы, называемой — аугштайтія (жемасъ — низкій; аугштасъ — высокій).

Такъ сжимались границы литовской культуры въ тискахъ dilecti filii Римскаго папы — рыцарей Христа, сѣявшихъ смерть и страданія. *Просторная Айстува* * *стала тѣсной Лѣтувой* **.

Вотъ жалоба жемойтскихъ бояръ, поданная властелинамъ Европы въ 1402 г.

«Слушайте, слушайте, вы, князья міра и церкви! Мы свободные и знатнаго происхожденія люди, но орденъ хочетъ вырвать у насъ нашу свободу. Они не ищутъ того, что справедливо, что божественно. Они погрязли въ порокахъ стяжанія и сладострастія. Они не ищутъ возсоединенія нашего съ Богомъ, ими проповѣдуемымъ. Они ищутъ нашихъ земель и нашего скарба. Развѣ такіе могутъ быть крестителями? Кто хочетъ другихъ омыть, самъ долженъ быть чистъ. Развѣ могутъ они, черными родившіеся, очистить другихъ? Они вырвали у насъ посѣвы нашихъ полей и плоды, нашихъ улей пчелы. Они отняли у насъ право охоты. Они — монахи — вырываютъ у насъ нашихъ женъ, потому что имъ не хватаетъ нашихъ похищенныхъ дѣвушекъ. Если бы мы приняли вѣру, мы бы раздѣлили участь пруссовъ. Всякій разъ, когда они совершаютъ набѣги на чужія земли, они выставляютъ въ передовые отряды покоренныхъ пруссовъ на погибель. Мы готовы креститься, но лаской воды — не кровью разрушенія. Вы, которымъ истина и правда дорога, слушайте, слушайте!» ***

Вотъ свидѣтельства исторіи.

«Они завоевали земли, но не народы. Тамъ, гдѣ жизнь била ключемъ, они оставляли дымящіеся кресты на сплошной могилѣ и... кучкѣ выжившихъ слезы для того, чтобы эти слезы смывали кровь павшихъ отъ ненавистнаго креста». ****

«Въ XIV вѣкѣ въ Европѣ сталъ общепринятымъ особый спортъ — охотиться на литовцевъ. Разлагающееся уже рыцар-

---

* Айстува — это литовское названіе области, которая простиралась отъ устья Вистулы (Вислы) до устья Даугувы (Зап. Двины) и, включая въ себя все теченіе Нѣмана, касалась истоковъ Днѣпра. Область была населена прусско-литовско-латышскимъ народомъ извѣстнымъ подъ общимъ именемъ — айсты. (Въ запискахъ Тацита: Aestiorum gentes.) „Aistiski studijai". K. Вида. Imperatoriskosios Mokslo Akademijos spaustuvė. Peterburgas. 1908.

** Лѣтува — такъ на литовскомъ языкѣ звучитъ Литва.

*** Danitowicz. „Skarbiec dyplomatow".

**** A. von Kotzebue. „Preussens ältere Geschichte".

ство какъ будто было одержимо идеей отправляться въ землю пруссовъ и тамъ, въ возможно большемъ числѣ похожденій уничтожать возможно большее число литовцевъ» *.

Вотъ литовская народная пѣсня ** въ вольномъ переводѣ-модуляціи Бальмонта.

Пой, сестрица, ну, пой, сестрица!
Отчего ты не поешь?
Раньше ты была какъ птица.
— То, что было, не тревожь.
    Какъ мнѣ пѣть, какъ быть веселой?
    Въ маломъ садикѣ бѣда:
    Съ корнемъ вырванъ кустъ тяжелый,
    Розъ не будетъ никогда. —
То не вѣтеръ ли повѣялъ?
Не Перкунъ ли прогремѣлъ?
— Вѣтеръ! Нѣтъ, онъ легкимъ рѣялъ.
Богъ Перкунъ? Онъ добръ, хоть смѣлъ.
Это люди, люди съ моря
Растоптали садикъ мой,
Міръ дѣвическій позоря,
Межъ цвѣтовъ прошли чумой.
Разорили, изказнили
Бѣлый цвѣтъ и алый цвѣтъ,
Было много розъ и лилій,
Много было — больше нѣтъ.
Я сама, какъ ночь съ ночами
Съ тихимъ трепетомъ души
Еле скрылась подъ вѣтвями
Ивы, плачущей въ тиши.

Такъ говорятъ литературные памятники о тевтонскомъ ураганѣ разрушенія. Такъ причитываетъ народная рауда *** надъ своимъ же собственнымъ могильнымъ холмомъ.

Правда, за то же время Литва успѣла стать великимъ государствомъ. Она сумѣла, благодаря высоко развитому чувству права

Al. Horn „Culturbilder aus Altpreussen". Эти три отрывка цитированы и переведены по труду: „Is krikscionijos santykiu su senovès Lietuviu tikyba ir kultura". I. Basanavicius.

** „Dainuok sesytė! Ko nedainuoji?" Изъ сборника: „Dainos oder Littauische Volkslieder" von L. Rhesa. Königsberg. 1825.

*** Рауда — особый видъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ — надгробныя причитанія, древне-римскія neniae.

и уваженія къ другимъ народамъ, объединить вокругъ себя юго-западную Русь. Но это было результатомъ внѣшней политической экспансіи, это былъ надрывъ, желаніе создать кажущуюся видимость роста, плохо скомбинированная компенсація отторженныхъ чисто-литовскихъ земель. Не борьба съ тевтонами, не гибель нѣсколькихъ литовскихъ племенъ окончательно подрубила самостоятельность литовскаго народа, а именно, ростъ политическаго обаянія за счетъ культурнаго ослабленія, *подчиненіе государственному началу національной политики*. Выросло литовско-русское государство, но обѣднѣла чисто литовская культура. Да и какъ могли смоленскія земли компенсировать развалины прусскаго Ромове! *

Подъ Грунвальдомъ мощь орденовъ была сокрушена. Но, обезкровленная борьбою, расточившая свою политическую мудрость, Литва не сумѣла разгадать хитроумной польской дипломатіи и, поставивъ выше реальныхъ интересовъ литовскаго народа лично-княжескія комбинаціи, приняла на себя польское бремя. Геній Витовта не успѣлъ распутать мертвой петли, закинутой руками Ягайлы на шею литовскаго народа.

И въ исторіи есть что-то символическое! Молодой Ягайла, еще не предвидѣвшій своей будущей роли — гробовщика самостоятельности Литвы — заточилъ въ подземелье Кейстута, который и понынѣ является воплощеніемъ самобытности литовскаго народа, любимымъ героемъ Литвы.

Долго еще жила идея Витовта: разорвать искусственную унію, сантиментальнымъ налетомъ прикрывавшую экономическія выгоды Польши и . . . части литовскихъ бояръ, уже прельщенныхъ пѣснями польскихъ Наядъ.

Еще на люблинскомъ сеймѣ было сказано властное слово литовской оппозиціи, стоявшей на точкѣ зрѣнія свободной уніи двухъ народовъ-государствъ. Жемойтскій староста Иванъ Коткевичъ **, выражая убѣжденіе Литвы и борясь съ тенденціей

---

* Ромове — обще-литовская святыня со своимъ Криве — первосвященникомъ литовскаго культа. Впрочемъ, распространеніе вліянія Ромове и власти Криве на всю Литву спорно.

** Онъ же Янъ Ходкевичъ. Еще и сегодня въ Жемайтіи сохранилась фамилія Коткевичей въ литовскомъ произношеніи — Ķatkus, также какъ въ Восточной Пруссіи среди литовцевъ встрѣчается фамилія Ķantas (Кантъ).

сейма — разсматривать актъ Ягайлы, какъ инкорпоративный, — бросилъ вѣскую мысль: «Великіе князья литовскіе черпали свою власть не отъ Ягайлы. Они княжили Dei gratia, волею свободнаго избранія литовскаго народа».

Еще теплились мечты князей Радзивилловъ, чуть не увѣнчавшіяся успѣхомъ въ соглашеніи князя Януша Радзивилла со шведами 1655 г. *

Но это былъ уже споръ юридическій, споръ изъ-за власти, *состязаніе между польскими и литовскими магнатами изъ-за руководящихъ вліяній.* Интересы литовскаго народа, какъ культурной единицы, мало принимались во вниманіе. Уже чувствовался разладъ между офиціальными представителями Литвы и литовской культурой. Трещина все болѣе расширялась. Именно благодаря этому тѣ, которые юридической правдой пытались отстоять тѣнь самостоятельности, не находили реальной опоры и точки отправленія.

Литва, пропитываемая сословнымъ строемъ Польши съ ея порабощеніемъ народныхъ массъ и рѣшающей ролью сеймовой шляхты, становилась все болѣе провинціей, а не самодовлѣющей политической единицей. Политика верховъ погибла. Иначе и быть не могло, ибо было забыто основное положеніе національнаго существованія: политическая самостоятельность только слѣдствіе самостоятельности культурной; государство мыслимо только какъ выраженіе воли всѣхъ сословій. Осталась только неудовлетворенность и та отчужденность, которая и теперь еще характеризуетъ по традиціи литовскіе, по языку польскіе дворянско-аристократическіе роды Литвы. И сегодня еще они предпочитаютъ висѣть въ воздухѣ, но упорно отмежевываются отъ крулеваковъ ** Былое Литвы, мятежная литовская кровь даетъ себя чувствовать. Исчезла культурная общность, но *осталась историческая, географическая.*

---

* Въ этомъ соглашеніи, между прочимъ, говорится: „Великое Княжество Литовское не будетъ инкорпорировано Шведскимъ Королевствомъ, но будетъ соединено съ нимъ также, какъ до сихъ поръ было соединено съ Польшей". E. Kottucaj „Zucie Ianusza Radziwilla". Такимъ образомъ, въ теченіи болѣе двухъ съ половиною вѣковъ польское толкованіе уніи, какъ инкорпораціи Литвы Польшей, оспаривалось Литвой.

** Крулевякъ — такъ называетъ ополячившаяся литовская аристократія кровную польскую аристократію.

Осталась затаенная боль, которой, быть можетъ, суждено вернуть заблудшихся къ былой святынѣ — литовской культурѣ.

Съ перваго же дня крещенія Литвы и возсоединенія ея съ Польшей, начался процессъ вытравливанія литовской культуры. Это была отчасти строго организованная, за предѣлами Литвы задуманная, акція ради усиленія польской ставки въ Литвѣ; отчасти внутренне литовскій, стихійный процессъ таянія самобытныхъ началъ въ верхахъ литовскаго народа.

Властолюбивая католическая церковь, представляемая проводниками польскихъ вліяній, задалась цѣлью произвести религіозно-культурную ломку и, намѣренно забывъ концепцію эволюціоннаго развитія, принялась за работу. Обуреваемая узкимъ фанатизмомъ, видящая въ религіи лишь комплексъ внѣшнихъ признаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно сознающая политическій вѣсъ внѣшней стороны религіи, она обрушилась на литовскую культуру. *Шелъ процессъ не приспособленія, не совмѣщенія національно-литовскихъ началъ съ христіанствомъ, а оргія разрушенія.* Лично-эгоистическіе мотивы, хищническо-націоналистическіе инстинкты сплелись съ религіозной миссіей.

Значительная роль русско-православнаго элемента въ жизни Литвы, возрастающее вліяніе протестантизма, побуждали польско-католическую акцію къ проявленію особенной энергіи. Въ результатѣ получилась странная ситуація. Самостоятельная Литва стала какъ бы объектомъ воздѣйствія различныхъ христіанскихъ системъ, борющихся изъ-за преобладанія; какъ бы фономъ спора польскаго и русскаго государствъ изъ-за первенства. Литва стала брускомъ стали, распростертымъ на польской наковальнѣ, дробимой русскимъ молотомъ.

А безгласная литовская культура постепенно сжималась. Каждый шагъ назадъ литовской культуры использовался польской колонизаціей, особенно полюбившей полосу соприкосновенія литовцевъ съ бѣлоруссами, какъ наиболѣе поддающуюся денаціонализирующимъ вліяніямъ. Литовскій языкъ постепенно вытѣснялся. Онъ уступилъ свое мѣсто въ церкви, онъ былъ изъятъ изъ экономически-правового механизма, онъ былъ загнанъ вглубь Литвы и

притаился въ убогой избѣ простолюдина-крѣпостника, въ немногочисленныхъ помѣстьяхъ байорасовъ *.

Литва раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Одинъ малочисленный, но власть имущій. Другой — вся Литва, но безправный. Въ средѣ перваго литовскій языкъ становится презираемымъ холопскимъ говоромъ, литовская культура — идолопоклонническимъ пережиткомъ, литовскій народъ приравнивается къ крѣпостной массѣ. Gente Lithuanus, natione Polonus sum — вотъ лозунгъ, который формируется въ этой аристократической средѣ. Второй — проникнутъ вѣрой въ будущее, въ неизсякаемыя богатства національной культуры; онъ — самоотверженный хранитель литовской традиціи и языка.

Но только хранитель. Творчество застыло. И такъ было долго — нѣсколько столѣтій. Литовскій народъ пришелъ къ сознанію, что бѣгъ времени не всегда означаетъ прогрессъ и что исторія знаетъ также и мертвыя точки.

Сравнивая до-грунвальдскій и по-грунвальдскій періоды жизни Литвы, приходимъ къ печальному выводу.

До-грунвальдскій періодъ оставилъ намъ красоту борьбы, величіе подвига. Своимъ эхомъ онъ наполнилъ слѣдующіе вѣка и вдохновлялъ творческую Литву. Это онъ выковалъ цѣльную литовскую націю и выростилъ крикъ души современной Литвы — *хочу жить радостью творческой жизни.*

По-грунвальдскій — это періодъ національной анеміи. Это черная полоса униженій, медленнаго разъѣданія литовскаго, не народа уже, а лишь элемента. Потому что не было больше борьбы равнаго съ равнымъ, а лишь злобное состязаніе всесильнаго со слабымъ и рдѣющее пятно измѣны. Денаціонализирующія волны размывали порубежный молъ этнографической Литвы, перекатывались черезъ него и заливали глубь. Огнемъ гнѣва горятъ глаза литвина, краской стыда покрывается его лицо, когда онъ вспоминаетъ этотъ періодъ. Онъ кажется ему медленнымъ похороннымъ шествіемъ, къ счастью . . . не дошедшимъ до кладбища. Не до-

* Байорасъ — на литовскомъ языкѣ древне-русскій бояринъ, современное слово — помѣщикъ, или съ польскаго — шляхтичъ.

шедшимъ лишь потому, что насильственная денаціонализація, хотя и прикрывающаяся фиговымъ листочкомъ законности, даже добродѣтели, никогда не уничтожаетъ націи и не создаетъ новой національности — для этого она слишкомъ слаба. Но она достаточно сильна, чтобы вытравлять традиціонную структуру народной души. И мы видимъ, что денаціонализація разрушаетъ цѣльность народной психики, не создавая взамѣнъ ничего. Нѣтъ музыки въ говорѣ денаціонализированной области — слышенъ только гадкій волапюкъ. Нѣтъ личности — ее замѣняютъ каучуковые манекены. Нѣтъ этики — единственнымъ закономъ жизни признается балансированіе канатнаго плясуна.

То, чего не сумѣла спасти большая политика, возродилось въ низахъ въ видѣ кропотливой, вѣковой работы возсозданія, ведущей свое лѣтосчисленіе съ половины XVI вѣка. Это процессъ лелѣянія-возрожденія литовскаго языка, процессъ спаиванія и медленнаго рощенія литовской культуры.

Задача предстояла не легкая. Нужно было поставить запруду денаціонализирующимъ вліяніямъ, нужно было оживить прошлое и возстановить творческую стезю.

И вотъ въ 1599 г. прозвучалъ первый голосъ въ защиту самобытности Литвы:

«Гдѣ же подъ небомъ находится тотъ грубый и подлый народъ, который не чувствовалъ бы врожденными привязанности къ землямъ, обычаямъ и языку своей родины! Нѣтъ въ мірѣ такого подлаго угла, который бы пренебрегалъ своимъ языкомъ. Не плодовитостью земли, не отличіями одежды, не веселостью края, не крѣпостью зàмковъ и городовъ существуютъ народы, а сохраненіемъ своего родного языка, который воспитываетъ общественность, пріумножаетъ согласіе и братскую любовь. Забудь языкъ, и затмится солнце на небѣ, разстроится порядокъ міроздані, отлетитъ жизнь и слава» *.

* Цитирую изъ предисловія Н. Даукши къ его „Постиллѣ“. Нѣкоторые утверждаютъ, что Великимъ Княземъ Литовскимъ Витовтомъ былъ разработанъ планъ официальнаго введенія литовскаго языка въ литовскомъ государствѣ — вопросъ споренъ.

Съ этого момента слово литовскаго народа начинаетъ звучать восходящимъ аккордомъ.

Но созидательное начало дало свой первый ростокъ среди духовной пустыни. Въ раскаленномъ тиглѣ борьбы погибло буквально все. Нѣтъ слѣдовъ литовской письменности изъ эпохи Великаго Княжества Литовскаго и доисторической. Упорно хранимое Литвою преданіе о древне-литовскихъ рутахъ * перешло въ область миѳа. Лишь археологическія раскопки смутно напоминаютъ о томъ быломъ, когда самобытная литовская культура жила во всемъ обиходѣ литовца и проявлялась въ каждой линіи матеріальнаго міра Литвы. А лѣтопись? Исторія Литвы, выявившая столько творческаго размаха, заключавшая въ себѣ совершенно оригинальныя соціальныя концепціи и политическія формы, проведшая глубокую борозду по міровой исторіи, потонула въ морѣ забвенья. Вся эпоха борьбы съ орденами, вся напряженная атмосфера политическихъ хитросплетеній, весь дипломатическій геній великихъ князей литовскихъ не оставили слѣдовъ въ формѣ литовской лѣтописи на литовскомъ языкѣ. До такой ли степени все приносилось въ жертву борьбѣ за само существованіе, что не было даже возможности выдѣлить изъ своей среды лѣтописца, что стоявшимъ у руля не было времени даже для отрывчатыхъ записей? Или же, что-то было, но погибло среди разрушительныхъ стихій? Налицо лишь жестокая истина — нѣтъ, а можетъ быть и не было родной лѣтописи, нѣтъ ни одного клочка родныхъ мемуаровъ. А стало быть, нѣтъ и радости и боли повѣствователя, нѣтъ живого нерва повѣствуемаго. Все, что написано, написано чуждой Литвѣ рукой. Сказанія о Литвѣ лишь спорадически вплетались русскими, польскими, нѣмецкими лѣтописцами въ свой родной разсказъ.

Что же оставалось Литвѣ на исходѣ XVI вѣка, къ моменту

---

* Единственное, что сохранилось и подкрѣпляетъ гипотезу объ оригинальномъ литовскомъ письмѣ — это снимокъ со знамени эпохи Вайдевуты съ изображеніемъ трехъ литовскихъ боговъ и надписью по краямъ, прочитанной (текстъ проблематиченъ) проф. Явнисомъ. „Литовская Хрестоматія" сост. Э. Вольтеръ.

Д-ръ И. Бассановичъ утверждаетъ, что существовала оригинальная литовская Библія, представлявшая собою систему литовскаго культа, вѣрованій, морали и правоотношеній. По предположеніямъ И. Бассановича, Библія уничтожена лишь въ XIX вѣкѣ ревнителями католической церкви.

появленія «Постиллы» Даукши, предтечи литовской литературы? Оставалась только многогранная человѣческая душа и тлѣющее въ ея тайникахъ національное «я». Оставалось только интуитивно-индивидуальное творчество, излучавшееся на ближайшій тѣсный кругъ и просачивавшееся отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Консервативный складъ литовской психики, ея стальная гибкость и упругость способствовали сохраненію національнаго лица. Еще въ 1614 г. іезуиты находили алтари литовскаго культа и деревенскихъ вайделотовъ *, а можно привести болѣе позднія посланія католическихъ патеровъ, борющіяся съ тѣмъ, что по ихъ мнѣнію, составляло идолопоклонническіе пережитки и клеймившія неугасающую привязанность литовца къ своей традиціи. Въ сборникѣ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ L. Rhes'омъ и изданныхъ въ 1825 г., сохранились миѳологическіе осколки былого культа Перкунаса. Тамъ еще живы боги и богини древней Литвы, живъ огненный культъ солнца и обаятельность мерцанія Утренней Звѣзды, жива мистическая ткань, просвѣчивающая тайну человѣческаго бытія. Еще сегодня литовскія вѣнчально-обрядныя народныя пѣсни заступаютъ мать — солнцемъ, сестеръ — звѣздами и братьевъ — мѣсяцемъ. Еще сегодня въ архитектурѣ литовской деревни составнымъ элементомъ орнамента входитъ восходящее солнце, а на могильныхъ и придорожныхъ крестахъ щебечутъ рѣзныя птички и виднѣется замысловатая древняя символика.

Такимъ образомъ, эстетическое чутье простолюдина въ смертномъ, казалось бы, непосильномъ состязаніи сумѣло отстоять себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою націю. Оказалось достаточнымъ исключительно на фундаментѣ человѣческаго «я» (по соціальному капризу даже — крѣпостническаго «я») начать возсозиданіе разрушеннаго національнаго зданія.

Sta sys Silingas.

Статья приватъ-доцента Э. А. Вольтера, посвященная исторіи литовской литературы, войдетъ во второй выпускъ сборника.

---

* Вайделотъ — священническій санъ древне-литовскаго культа.

Литовская лирика.

Въ переводѣ **Балиса Сруога.**

Казись Бинкисъ.

(Kazys Binkis.)

Волна зелени.

На горѣ тюльпаны,
Подъ горой сирени,
А въ лѣсу фіалки
Расцвѣли, какъ въ сказкѣ.

По холмамъ, по склонамъ,
По лугамъ зеленымъ
Разбрелись цвѣточки,
Словно зыбь морская.

Вѣтеръ тихій, южный
Чуть колышетъ травку,
Чуть качаетъ вѣтви
Полноцвѣтныхъ вишенъ.

Съ высоты лазурной
Солнце, словно дѣва,
Свѣтлыми волнами
Все цѣлуетъ нѣжно.

Море жизни юной
Безпредѣльность міра
Вновь волной зеленой
Залило всесильно.

Зеленью — коврами
Убрались всѣ горы.

Вѣтеръ тихій съ юга
По землѣ ожившей

Грезы — сны разноситъ
О цвѣтахъ, о маѣ...

. .

А тѣ сны, взвиваясь,
Какъ туманъ весенній,
Точно отзвукъ пѣсни,
Опьяняютъ воздухъ.

Сѣютъ — навѣваютъ
Огневыя думы,
Огненныя чувства
Навѣваютъ — сѣютъ.

.

Въ зелени стрекозы,
Мотыльки въ цвѣточкахъ,
Птицъ-пѣвуній хоры,

Съ солнцемъ всѣ поднялись,
И, вздохнувши жизнью,
Всѣ хвалы слагаютъ.

Про Того, кто красилъ
И поля, и долы,
И лѣса, и горы,

Кто растилъ-лелѣялъ
На горѣ тюльпаны,
Подъ горой сирени.

Адомасъ Іуодасай.

(Adomas Juodasai.)

Чудовѣйныя чешуйки,
Кристаллическія струйки...
То зима дохнула...

И на сонный голосъ сосенъ
Откликалась далей просинь —
Въ ней мечты витали.

Вѣтра нѣжащія руки
Послѣ дѣвственной разлуки
Лобызали зиму — сонъ.

Только отзвукъ грезъ небесныхъ
Затаился въ чащахъ тѣсныхъ,
Тайны раскрывая...

Эти тайны сердце знаетъ:
Ледъ отъ нихъ въ немъ весь растаетъ,
Воцарится пламя.

Балисъ Сруога.

(Balys Sruoga.)

Изъ цикла „Пѣсни заката“.

Весь день прошатавшись,
Какъ волкъ, безъ привѣта —
По солнцу, угасшему въ грезахъ, я смертную тризну справляю.

Нарвавъ гіацинтовъ
И вѣтокъ березы,
И звѣздамъ, сжигающимъ небо зеленымъ лучомъ, не внимаю...

Не нужно мнѣ неба,
Не нужно мнѣ звѣздъ, —
Я крылья раскину, лазури постигну и пѣснями ихъ озарю!

Пусть мѣдные лики
Поблеклой луны,
Почуявъ случайно мои просвѣтленья, застынутъ, увянутъ, умрутъ!

Одинъ я блуждаю, —
Предвѣстій не знаю:
Созвѣздья — вотъ путь мой, а небо — мечта огневая моя!

Но сердце... Но сердце тревожно,
Какъ соколъ могучій,
Какъ волны томленій глухихъ, безотвѣтныхъ — такъ мечется,
рвется...

Умолкни! Пусть зори угаснутъ,
Заката забудется боль:
И небо, и звѣзды, какъ радость, какъ пѣсня зажгутся въ тебѣ!

М. Вайткусъ.

(M. Vaitkus.)

Послѣдніе лѣтніе дни.

Дни лучезарные, дни свѣтлотканные,
Словно здоровье — легкіе, ясные,
Тихо проходите, осенью званые,
Дни лучезарные, дни свѣтлотканные...
Грустью наполнены чаши желанныя...
Капля за каплею — боль ихъ напрасная...
Дни лучезарные, дни свѣтлотканные,
Словно здоровье — легкіе, ясные...

Майронисъ.

(Maironis.)

Пѣсня старины.

Зовъ тримитовъ у границы
Слышишь, конь мой вѣрный?..
Крестоносцевъ у Мальбýрга
Собралось безмѣрно!

— Ты, сестрица, здѣсь останься
И не плачь, родная!

Я вернусь веселымъ, смѣлымъ
Изъ чужого края.

Много клада у пруссаковъ —
Міръ давно ужъ знаетъ,
Шелкомъ, златомъ, — яркимъ свѣтомъ
Все у нихъ сверкаетъ.

Принесу себѣ я саблю
Стали твердой, синей,
А тебѣ, сестрица, ленту,
Свѣтлую, какъ иней!

Расцвѣла весна въ долинахъ,
Растеклись туманы,
Не вернулся отъ Мальбурга
Жданный, лобызанный...

День смеркался. Схватка длилась.
Кровь лилась рѣкою.
Поплатился за отчизну
Милый головою...

Всѣ подруги веселятся,
Воспѣваютъ руты, —
Мнѣ могилы только снятся
Да вѣнецъ Бируты...

Не промолвишь, мой желанный,
Словъ умильныхъ, нѣжныхъ,
Не пожмешь, прощаясь утромъ,
Ручекъ бѣлоснѣжныхъ!..

Примѣчанія. Тримиты — своеобразная труба, которой у древнихъ литовцевъ подавали сигналъ къ битвѣ.

Рута — цвѣтокъ, воспѣваемый въ литовскихъ народныхъ пѣсняхъ, символъ дѣвственности и невинности.

Бирута — литовская княгиня, воспѣваемая во многихъ пѣсняхъ, пользующаяся особой популярностью у народа.

Софія Чурлянисъ (Кимонтъ).

(Sofija Ciurlioniene [Kimantaite]).

Бѣлыя лиліи
Изъ воды смотрятъ
Въ глаза глазами прямо.
Но до корней ихъ
Въ водѣ —
Кто доберется?
. . .
Улыбку нѣжно
Роняютъ очи,
Неся дары отъ солнца тихо.
Ея рожденья
Часъ —
Кто разгадаетъ?

Каролисъ Вайрасъ.

(Karolis Vairas.)

Вѣсти.

Изъ далекихъ странъ, изъ южныхъ,
Какъ блуждающая тучка,
Принесла ей вѣсти птица.
Отъ вѣстей кровь закипѣла,
И изъ сердца, словно пѣсни,
Въ небеса хотѣнья рвутся,
Жаждутъ счастьемъ опьяниться.

Уста расцвѣтаютъ, какъ розы лиловыя,
Глаза загораются пламенемъ страждущимъ,
Въ душѣ раскрываются таинства новыя,
И пѣсни сплетаются смѣлыя, вольныя...

„Нужно время“. Такъ сказала,
И замолкла. А на землю
Двѣ жемчужины скатились.

„Ждать ли старости придется?..“
Вся душа въ великомъ гнѣвѣ:
„Только нынѣ жить и нужно
Вмѣстѣ съ майскими цвѣтами!..“

Зигмасъ Гелэ.

(Zigmas Gele.)

Пѣсенка.

Встала рано я сегодня —
    На зарѣ.
Побѣжала въ лѣсъ дремучій —
    Радость мнѣ!

Скатерть полную орѣховъ
    Нарвала,
И домой съ веселой пѣсней
    Понесла.

Коль ко мнѣ пріѣдетъ милый
    Поутру —
Дамъ орѣховъ горстью полной
    Я ему!

Дамъ и матери родимой —
    И она
Любитъ — нѣжитъ и ласкаетъ
    Такъ меня!

И отцу дамъ тоже много —
    Онъ платокъ,
Какъ поѣдетъ въ городъ дальній,
    Привезетъ!

Имъ и утро, и орѣхи,
    И привѣтъ:

Коль такъ любятъ — не забуду
Я ихъ, нѣтъ!

Балисъ Сруога.
(Balys Sruoga.)

Эскизъ балета.

Прибѣжала
Вольной — дикой, вольной — дикой...
Ноги босы, русы косы,
Въ страстныхъ очахъ —
Небеса!

Взоръ лишь бросить —
Солнце всходитъ, солнце всходитъ...
Какъ березки, вешней лаской
Улыбаются
Уста!

Ходитъ — таетъ,
Словно серна, словно серна...
Такъ трепещетъ листъ осины
Раннимъ утромъ
Въ сентябрѣ!

Дышитъ счастьемъ,
Вся, какъ роза, вся, какъ роза...
Голосъ рога, грусти полный,
Чуть услышитъ
Вдалекѣ —

Вмигъ подпрыгнетъ,
Содрогаясь, содрогаясь...
Закружится вихремъ буйнымъ,
Въ сердцѣ небо
Сотворитъ!

Пр. Вайчайтисъ.

(Pr. Vaicaitis.)

Пловцы.

Намъ не чужды вѣтры-бури,
Безпредѣльный вой морской.
Много звѣздъ въ ночной лазури,
Въ сердцѣ — жизни молодой!..

Смѣло, братья! Парусъ полный
Весь надулся, весь дрожитъ!
Широка̀ дорога — волны!
Кубокъ скорби не испитъ!

Яро смотритъ туча въ море —
Скоро буря загудетъ...
Мало насъ, пловцовъ, въ просторѣ,
Но въ насъ дерзость не умретъ!..

Смѣло, братья! Вотъ ужъ воды
Ропщутъ искрами на насъ!
Славься, славься, часъ невзгоды,
Дерзновеній свѣтлый часъ!..

Тамъ, за моремъ, за великимъ
Есть свободная страна...
Кто сражался съ вихремъ дикимъ —
Приласкала тѣхъ она...

Нашъ челнокъ крылатый, вольный
Ждалъ смятеній ужъ давно...
Смѣло, братья! Море-волны —
Насъ не примутъ все равно!

Адомасъ Іуодасай.

(Adomas Juodasai.)

Цвѣтнички въ лугу зеленомъ
Посвятите ль вы меня

Въ тайну нѣжныхъ дуновеній,
Въ тайну храма своего?

Хоть бы разъ еще упиться
Колыханіемъ цвѣтовъ,
Насладиться лаской солнца,
Пѣсней жизни молодой!..

Хоть бы разъ еще, хмѣлѣя,
Пробираться сквозь листву,
Улыбнуться тихимъ счастьемъ
Озареннымъ небесамъ!..

Игнасъ Шейніусъ.

(Ignas Séinius.)

Бездна.

Спрятавшееся за верхушками елей маленькое бѣлое облачко ждетъ солнышка.

Оно приближается, близится. Не спѣшитъ. Теплыми взорами ласкаетъ волнистыя нивы и зеленѣющіе луга и цѣлуетъ окна дальнихъ деревень.

Уже близко, близко.

Раскрыло объятія бѣлое облачко. Быстро въ высь поднялось. Встрѣтило его и обняло. Нѣжно приласкало и унесло, унесло.

Побагровѣли — загорѣлись макушки лѣса. Сосны устали гудѣть. Устали шептаться о тайнахъ дня. Призадумались. Ушли за солнышкомъ-матерью.

Въ голубой безднѣ неба души бѣлыхъ барашковъ собрались.

Одна на другую не смотритъ. Въ себѣ замкнулись. Радуются другъ другу. Весь міръ позабыли. Не тянетъ ихъ туда.

Низко, на востокѣ, вихремъ сгущаются черные валы. Тайно ввысь поднимаются. Подстерегаютъ что-то и стремятся и, завистью исполненные, хотятъ скорѣе достигнуть. Достигнуть и свергнуть.

Ползутъ — вздымаются.

Гдѣ вечерняя заря, залившая небо, притихла, всплыли ряды вѣстниковъ. Побѣжали они, полетѣли сквозь синеву къ душамъ бѣлыхъ барашковъ.

Торжественно несутъ вѣсть.

И встревожились души. Въ цвѣты, въ вѣнцы сплелись. Ждутъ, неспокойныя. Какъ-то жутко. Опечалила вѣсть. Не ждали ея, не чаяли.

Вотъ подплываютъ ряды за рядами. Спутники-провожатые, провожатые одни!

Большой, великій гробъ. Позади идутъ двѣ печальныя, согнувшіяся, пролившіяся тучи. И грозны въ своей печали.

Сторонятся валы съ востока. Уходятъ въ даль. Назадъ грозно поглядываютъ, грозятъ безпощадною местью.

Гробъ исчезъ въ голубой безднѣ. Все шествіе разсѣялось.

Все утонуло въ безднѣ, все растаяло. Бездна раскрылась по всему небу. Только валы съ востока вновь взбираются ввысь.

Люди расходятся съ почты. Идутъ — бѣгутъ съ письмами, газетами.

И посмотрятъ на нихъ и опять поспѣшно спрячутъ.

Разошлись, разбѣжались. Въ мѣстечкѣ никого не осталось. Оно поникло въ печали.

А люди уже далеко.

Юліусъ послѣднимъ вышелъ.

Письма, газеты зажаты въ рукѣ. Еще не видѣлъ, что есть въ нихъ.

— Все то же. Все то же. Все то же неразгаданное стремленіе куда-то.

Душа умолкла, успокоилась.

Мысли въ глазахъ сосредоточились и замерли.

Легкіе шаги домой тянутъ.

— Но кто дома?

— Ни одной родной души.

— Куда же?

— Въ плебанію?

— Но и тамъ не ждетъ родное.

— Да. Домой.

Вдругъ голову приподнялъ. Словно кто-то что-то шепнулъ на ухо.

— Откуда же она?! Она идетъ въ плебанію?

— Пойду и я. Все равно.

И влекомый послѣдовалъ за ней. Издали. Не хотѣлъ, чтобы замѣтила. Не спѣшитъ, поэтому. Задерживается. А такъ хотѣлось бы поскорѣе!

Она вошла. Скрылась въ домѣ.

И онъ поспѣшилъ.

Двери вездѣ открыты. Большими черными глазами смотрятъ.

Внутри ни голоса, ни шелеста. Всѣ словно позваные ушли куда-то. Еще не возвращаются.

Въ большихъ, высокихъ комнатахъ скука. Гудитъ мрачно. Свинцовымъ эхомъ на потолкѣ, по стѣнамъ ползетъ. Зіяющіе углы прислушиваются къ нему. И вторятъ неясно, осторожно.

Въ портьерахъ, занавѣскахъ спряталось спокойствіе. Затаилось.

Подъ мягкой мебелью скользятъ и шепчутся, улыбаясь, хрупкія тѣни.

Юліусъ прошелъ однѣ двери, другія, пока попалъ въ богатую гостиную. Утонулъ въ ней. Углы протянули къ нему свои невидимыя руки. Обняли, сжали. Острые когти глубоко въ голову вонзили.

Спутались въ ней спугнутыя мысли.

— И здѣсь нѣтъ никого. И ея нѣтъ.

Точно уставшій, опустился въ кресло. Мягкое оно, нѣжное. Вмѣстѣ съ тѣмъ жесткое, какъ будто сѣлъ онъ на груду камней.

Тяжело оперся о столъ.

Коверъ подъ ногами шепчется, шуршитъ.

Юліусъ призадумался. Разрозненныя мысли въ одно собираетъ.

Словно вышелъ изъ этой гостиной, изъ этого дома. Въ дальнюю бездну.

Блуждаетъ, ищетъ.

Ей конца, края нѣтъ. Ничего не постигнешь. Ни одна искорка не сверкнетъ.

— А вверхъ такъ хочется, такъ манитъ! Поднять, вынести можетъ только она одна. Только она!

И выноситъ она уже давно... Но когда совсѣмъ освободитъ

и подастъ сверкающій цвѣтокъ счастья? Сладчайшимъ дуновеніемъ усыпитъ? Когда, когда?!

Снова гостиная, черные углы.

Заглянулъ въ блѣдное окно.

Окно ни слова не промолвитъ. Молчитъ оно.

Ближе вокругъ себя оглянулся.

— Кто тутъ?!

Напротивъ сидитъ какая-то тѣнь. Не двинется. Откинувшись, вперила въ него свои черные глаза.

Встала. Впотьмахъ, полукругомъ къ нему приближается. Протягиваетъ руку:

— Будемъ знакомы.

Это не тѣнь, это ея голосъ. Дрожащій, спугнутый чѣмъ-то.

— Эмилія, — назвалась.

— Юліусъ... — не докончилъ голосъ, оборвался.

Оба замолчали. Не знаютъ, о чемъ бесѣду завязать.

Стоятъ. Другъ на друга смотрятъ. Отойти не могутъ.

Только вдругъ поспѣшно усѣлись на свои мѣста, словно сбросивъ что-то.

Другъ противъ друга.

Тѣсно, тишина давитъ. То нѣжнѣе, то больнѣе одного къ другому прижимаетъ.

— Давно-давно уже я васъ все вижу. Съ дѣтства, во снѣ, въ мечтахъ, — проговорила, прервала она тишину. Голову наклонила внизъ.

А онъ молчитъ. Слушаетъ. Въ глазахъ радостнѣе, свѣтлѣе. Вотъ совсѣмъ разсвѣтетъ. Край бездны мерещится. Манитъ, къ себѣ зоветъ.

Скорѣе! Скорѣе!

Сердце стучитъ, спѣшитъ.

— Вы и въ дѣтствѣ какой-то иной были, — шепчетъ она дальше. — Я смотрѣла на васъ.

— Она! — родилась въ немъ радость.

— Рада была, что вы учитесь. Ждала вашихъ успѣховъ вашихъ подвиговъ.

— Да, я шелъ, стремился куда-то... Ждалъ... — чего, не досказалъ, не докончилъ. А горячее слово вырваться хотѣло. Но затерялось гдѣ-то, кануло въ бездну.

Снова оба замолкли, не о чемъ говорить.

Одно думаютъ, одно видятъ. Ало вспыхиваютъ минувшія мгновенія, когда ихъ взгляды мощная сила связывала — сочетала. Вотъ встаетъ костелъ. Люди, преклонивъ колѣни, молятся, сокрушаются. Органъ гудитъ тихо, нѣжно, молитву чарами одаряетъ. Они часто, украдкой, поднимаютъ глаза и связываютъ взгляды. И такъ близки тогда другъ къ другу. И огонекъ въ сердцѣ тепло трепещетъ.

И вдругъ такіе далекіе! Цѣлая бездна. На одной сторонѣ цвѣты цвѣтутъ, расцвѣтаютъ, зеленымъ вѣнцомъ вѣнчаютъ бѣлые терема; птицы не жалѣютъ пѣсенъ; на другой — черныя поля, избушка, мохомъ поросшая, и ни одной искристой пѣсни...

Гдѣ-то далеко распахнулись двери. Вздохнули — вздрогнули. Скука по стѣнамъ въ углы поползла. Мягче воркуетъ тамъ.

Шаги приближаются. Тихіе, легкіе.

— А, гости!

У стола выросла черная статуя кунигаса. На одного, на другого взглянула. Протянула руку.

— Я къ вамъ... — встала Эмилія.

— Да. А что?

— Вы знаете...

— Не помню.

— Нѣтъ?..

— Вы замужъ выходите? Вспомнилъ...

— Мнѣ скоро нужно. Завтра уже ѣду. Сегодня можно будетъ?..

— Да. Я приготовилъ. Сейчасъ. Подождите немножко...

Вышелъ. Тѣни изъ-подъ мебели погнались сзади. Словно его шаги счесть желаютъ.

Застылъ Юліусъ. Утонулъ на днѣ бездны. Вокругъ длинныя серебристо-сѣрыя рыбы ныряютъ. Къ нему приближаются, сверкаютъ глазами, назадъ — исчезаютъ въ тинѣ.

— Кто вашъ женихъ? — вырвался изъ глубины вопросъ.

— Товарищъ-студентъ, — прозвучалъ на поверхности отвѣтъ.

Вошелъ кунигасъ. Бѣлѣютъ въ рукахъ бумаги. Черные углы, удивляясь, вперили въ нихъ свои мутные глаза.

— Спасибо! — промолвила Эмилія.

— Да благословитъ тебя Господь! — участливо вздохнулъ кунигасъ.

— Пойдемте вмѣстѣ? — обернулась она къ Юліусу.

Юліусъ всталъ. Словно привязанный, пошелъ за ней. Зацѣпиться за дверь хотѣлось. Она оторвала быстро. Не успѣлъ.

— Дайте вашу руку. Боюсь собакъ. Онѣ васъ знаютъ?

— Да.

Собаки залаяли, бросились изъ своихъ конуръ.

Окружили со всѣхъ сторонъ. Не выпустятъ, казалось.

Прислонилась къ нему, прижалась.

Собаки узнали Юліуса. Успокоились немножко и побрели обратно. Какъ бы застыдились. Но и сердились. Долго ворчали.

Юліусъ съ Эмиліей вышли за ворота. Идутъ дальше. Онъ уже прошелъ свою дорогу. Нужно было свернуть, проститься, навсегда съ нею проститься. Не свернулъ, не простился. Шелъ дальше. Точно забылъ.

— Почему вы со своимъ товарищемъ у насъ никогда не бываете? — спросила веселымъ голосомъ.

— Все не было какъ... — оправдывается, вздохнувъ.

— Вы музыку любите?

— Да.

— Мои сестры хорошо играютъ. И я — оборвала.

— Что сестры? — Призадумался.

Тишина сковала мысли.

Гаснетъ вечерняя заря. Ея послѣдніе лучи еще прячутся и съ тьмой еще пытаются бороться. Но лишь раздражаютъ ее. А она ихъ все сметаетъ и сметаетъ съ неба. Злится.

Звѣзды мерцаютъ въ безпредѣльности. Слезинки горятъ въ ихъ глазахъ.

На лугу трещатъ кузнечики. Ищутъ что-то и жалуются. Трудно найти.

— Вы не знаете моего жениха?

— Нѣтъ.

— Хорошій мнѣ другъ. Очень любитъ науку. Будемъ учиться вмѣстѣ. Другъ другу будемъ помогать, другъ друга подкрѣпимъ. Одною тропой пойдемъ за звѣздою — жизнью.

— Счастливъ онъ!

— Но вѣдь и вы?...

— Что я?.. — поглядѣлъ въ даль.

Она ничего не отвѣтила.

Мало говорили. Мало что сказали одинъ другому. — Много осталось затаеннаго.

— И никогда это не вскроется.

— Затаится въ груди, — полушопотомъ закончила Эмилія.

Засверкало большое бѣлое зданіе. Деревья своими верхушками нагибаются къ нему. Тѣни по стѣнамъ качаются, колышутся.

Домъ сокровенныя думы хранитъ. Открытыми глазами въ прошлое смотритъ:

— Многое знаю!

Остановились они у высокихъ воротъ. И вздрогнули нечаянно. И пріугасшее пламя внутри вдругъ запылало.

Жарко отъ него. Все таетъ.

И кинулись другъ другу въ объятія. Потонули во взорахъ другъ друга.

— Дорогой! Мой дорогой!

— Не достигъ я до тебя, дальній цвѣтокъ. Сорвалъ тебя иной. Ты уже для другого...

Встрѣтились горящія пламенѣющія уста. Встрѣтились и замерли.

Вдругъ погасли, охладѣли. Двѣ свѣтящіяся слезинки погасили огонь.

— Прощай!!

— Прощай!!

Чуть успѣли промолвить. Бездна разверзлась.

Эмилія быстро отошла. Въ зеленомъ саду, въ бѣлыхъ теремахъ спряталась.

А его опять проглотила страшная пасть.

Красная кровавая луна высунула голову изъ-за кустовъ.

Улыбнулась и поднялась выше. Провожала его.

Бѣлой тканью — сѣтью покрыла, заволокла бездну.

Ночь окоченѣла.

Золотыя слезинки звѣздъ все обильнѣе сыпятся. Омываютъ, орошаютъ живою росой землю. Въ черную бездну просачиваются. И горятъ.

Пер. ***Балисъ Сруога.***

Малорусская литература.

Старинная украинская литература.

(XV—XVIII вв.)

Для многихъ самый вопросъ объ украинской литературѣ, да еще старинной, является совершенно неожиданнымъ. Тенденціозно составленные учебники, по которымъ учился рядъ поколѣній русской интеллигенціи, а также малая разработанность исторіи литературы Южной и Западной Руси XV—XVII вв. — создали такое положеніе, при которомъ, берясь освѣдомить читателя о судьбахъ старинной украинской литературы, невольно приходится затрагивать рядъ вопросовъ, совершенно излишнихъ, неумѣстныхъ, когда рѣчь идетъ о литературѣ русской (великорусской). А между тѣмъ, вслѣдствіе того, что къ вопросу о началѣ и судьбахъ украинской литературы всегда примѣшивается элементъ политически-охранительной полемики — необходимо начинать рѣчь ab ovo, съ выясненія условій, въ которыхъ можетъ вообще создаться «особая» литература въ нѣдрахъ одной племенной группы, но въ силу историческихъ и культурныхъ условій раздѣлившейся на подгруппы съ весьма замѣтными индивидуальными для каждой различіями.

Въ самомъ дѣлѣ, что создаетъ «особую» литературу? Что сообщаетъ ряду литературныхъ произведеній признаки, позволяющіе трактовать совокупность этихъ произведеній, какъ явленіе, независимое отъ ближайшихъ племенныхъ родственныхъ отношеній? Прежде всего новыя творческія *идеи,* создающія особыя тенденціи у этой «особой» группы писателей; идеи — объективирующіяся въ *своеобразныхъ формахъ,* неизвѣстныхъ въ соотвѣтствующій моментъ литературѣ ближайшихъ родственниковъ данной племенной группы. Затѣмъ — *языкъ,* являющійся важнѣйшимъ эле-

ментомъ въ созданіи литературы, и въ образованіи особой литературы, по сравненію съ тою, вѣтвь которой она образуетъ. Языкъ — необходимый субстратъ всякой національной литературы — особенно рельефно отвѣчаетъ потребностямъ среды — и творящей, и воспринимающей. Далѣе, даже первоначально близкія по общности происхожденія, по своимъ литературнымъ вкусамъ, по идейнымъ стремленіямъ, по языку — группы, въ силу географическаго положенія, культурныхъ связей, политической зависимости — оказываются иногда въ разныхъ полосахъ литературныхъ вліяній и, какъ показываетъ исторія, — опережаютъ одна другую въ литературномъ развитіи. Отсюда — и судьбы языка, и культурной и политической жизни, и литературныя воздѣйствія — все это слѣдуетъ имѣть въ виду при выясненіи вопроса, какъ сложилась та или иная «особая» литература, въ частномъ случаѣ — украинская, о первыхъ вѣкахъ существованія которой будетъ далѣе наша рѣчь.

Украинская литература существуетъ не со вчерашняго дня: она имѣетъ многовѣковую исторію. Уже въ древнѣйшую эпоху существованія письменности у восточныхъ (русскихъ) славянъ замѣтно выдѣляются блестящіе образцы творчества южно-руссовъ — въ поэтической и величественной рѣчи митр. Иларіона (XI в.), еп. Кирилла Туровскаго (XII в.), въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ южно-русскихъ лѣтописяхъ — кіевской и галицко-волынской, отличающихся отъ сѣверныхъ своими литературными особенностями. Но южно-русская литература до XIII в. не была еще обособленной отъ сѣверно-русской ни по языку, ни по содержанію: памятники, написанные на югѣ, читались свободно на сѣверѣ и наоборотъ, идеалы и вкусы южнаго культурнаго слоя были тѣ же, что и на сѣверѣ. Господствовали идеалы воинскіе и религіозные, находившіе себѣ основаніе въ обширной, переведенной съ греческаго, литературѣ, налагавшей общую печать и на оригинальное творчество южанъ и сѣверянъ.

Характерныя черты зарождающейся украинской литературы начинаютъ выясняться замѣтно только тогда, когда обнаруживаютъ свое воздѣйствіе на словесное творчество три новыхъ фактора:

1) Перестройка соціальныхъ отношеній въ пользу новаго, впервые замѣтно выступившаго на арену культурной дѣятельности, городского класса;

2) энергичное культурное и литературное вліяніе сосѣдей съ Запада, въ связи съ ослабленіемъ вліянія грековъ;

3) видоизмѣненіе живого языка, постепенно проникающаго въ традиціонную церк.-славянскую рѣчь и создающаго новый литературный языкъ, далекій отъ того, которымъ пользовалась восточная Русь.

Эти три фактора замѣтно обнаруживаютъ свое дѣйствіе со времени нашествія татаръ (перв. полов. XIII в.), внесшаго громадную дезорганизацію въ культурную среду древней Руси, творившую литературныя произведенія. Татарское нашествіе нанесло непоправимый ударъ верхнему, культурному слою южно-русскаго общества. Оно, повидимому, и до этой катастрофы было немногочисленно; группировалось около князей и епископовъ, около монастырей; своимъ творчествомъ писатели обслуживали интересы этого круга, напоминавшаго феодальное общество Западной Европы (воины и духовенство). Разорившій южную Русь набѣгъ и, затѣмъ, почти двухвѣковое владычество татаръ — все это, разрѣдивъ ряды прежнихъ творцовъ и любителей литературы, ослабило ея жизнеспособность и понизило интересъ къ дружинному эпосу, къ воинской повѣсти, сохранивъ влеченіе читателей къ религіозному чтенію и назидательной литературѣ. Не находя спроса, старая поэтическая литература (чуждая горожанину и смерду) постепенно замирала. Грамотные люди въ средѣ духовенства и горожанъ питались старыми литературными запасами, но, не обладая эстетическими потребностями, создавшими, напр., «Слово о полку Игоревѣ», не создали въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ ничего подобнаго ему.

Самостоятельная литературная продукція пріостановилась до того времени, пока не выступилъ на поприще культурной работы достаточно созрѣвшій, новый, городской элементъ, третье сословіе, сформировавшееся и окрѣпшее подъ вліяніемъ нѣмецкаго, магдебургскаго права.

Только со второй половины XV в. можно говорить о возрожденіи литературы въ Юго-Западной Руси: къ этому времени послѣдняя вступила въ государственную связь съ Польшею (Червонная Русь — 1340 г., Литовско-русскія земли — 1386 г.). Горо-

дельская унія 1413 г. усилила политическо-общественное вліяніе Польши; Флорентійская унія — 1439 г. скрѣпила и религіозную связь съ католическою Польшею и Западною Европою, а съ основаніемъ особой кіевской митрополіи въ 1470 г., послѣдовало отдѣленіе отъ Москвы, отразившееся особенно на культурной жизни Юго-Западной Руси. Культурно-политическая связь Украйны съ Польшею завершается Люблинскою уніею 1569 г., а религіозная — Брестскою уніею 1596 г., хотя и разорвавшей украинцевъ какъ и бѣлоруссовъ на два враждующіе лагеря, но все же привлекшей не мало простого народа и интеллигенціи къ тѣсному единенію съ Западомъ и его религіозными идеалами. Одновременно украинская интеллигенція сближается съ представителями гуманистическаго движенія, а позже — участвуетъ въ великомъ религіозномъ реформаціонномъ движеніи, наполняющемъ весь XVI вѣкъ и захватывающемъ начало XVII в. Бѣлорусская и волынская шляхта оставляютъ религію отцовъ и увлекаются ученіемъ Кальвина, аріанствомъ Социна, давая изъ своихъ рядовъ также и защитниковъ православія во имя свободы исповѣданія. Городская интеллигенція въ концѣ XVI в. образуетъ союзы, извѣстные подъ названіемъ «братствъ», и энергично участвуетъ въ возрожденіи національной жизни и защитѣ родной религіи противъ покушеній католицизма, призвавшаго для пропаганды своихъ идей испытанныхъ ученыхъ и талантливыхъ борцовъ — оо. іезуитовъ съ знаменитымъ Скаргою во главѣ. Въ этой-то борьбѣ идей, культурныхъ вліяній и интересовъ, зародилось новое литературно-просвѣтительное движеніе на Украйнѣ и Бѣлой Руси, въ концѣ XV в. Первые шаги его скрыты отъ насъ условіями тогдашней жизни.

Отъ страшной эпохи татарскаго погрома дошло до насъ 20—25 рукописей южнаго и западнаго происхожденія, отъ XV в. — болѣе 30; но это — лишь жалкіе остатки былой письменности. Число книгъ въ XV в. было гораздо больше, чѣмъ дошло ихъ до насъ: по описи Слуцкаго монастыря 1494 г. ихъ значилось около сорока; почти столько же «русскихъ книгъ» было въ библіотекѣ кор. Сигизмунда, въ Вильнѣ, въ 1510 г. По описи Суздальскаго мон. 1557 г., до 1532 года было minimum 42—45 книгъ. Книги эти и имъ подобныя, конечно, были, преимущественно, церковно-богослужебнаго и религіознаго содержанія. Самый языкъ ихъ — не былъ уже тѣмъ, который мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ рус-

скихъ книгахъ; отличался онъ и отъ языка книгъ Московской Руси. Уже въ XII ст. отмѣчено было ак. Соболевскимъ нѣкоторое количество характерныхъ особенностей южно-русской рѣчи, нашедшихъ себѣ мѣсто въ тогдашнихъ рукописяхъ. Со временемъ число этихъ особенностей росло, они болѣе и болѣе проникаютъ въ литературное употребленіе. Въ теченіе XIII—XV вв. народный языкъ, какъ въ Бѣлоруссіи, такъ и на Украйнѣ, объединенныхъ политически подъ властью польско-литовскаго государства — обнаруживаетъ большія измѣненія: подъ наплывомъ новыхъ культурныхъ понятій съ Запада, чрезъ Польшу — вырабатывается масса новыхъ словъ, новая фразеологія, видоизмѣняется синтаксисъ; въ XV—XVI столѣтіяхъ завершается въ общихъ чертахъ развитіе украинской фонетики и около этого времени создается новый *языкъ*, дѣлающійся орудіемъ культурной мысли; онъ настолько чуждъ жителямъ сѣверо-восточной Руси, что въ концѣ XV в. памятники западно-русскіе, попавшіе въ Москву, *переводятся* на московскій книжный языкъ того времени (напр., «Повѣсть о 3-хъ волхвахъ»). Московская литература въ XVI в. является мало доступной для читателя — западно-русса; наконецъ, книжныя богатства церковно-славянской старины начинаютъ переводиться на «простую» народную рѣчь, или постепенно проникаются ея элементами (Четья-Минея, 1489 г. и др.).

Слѣдуетъ оговориться, что въ XV и XVI вв. литературный языкъ, создавшійся тогдашними сторонниками народной рѣчи — былъ одинъ и у бѣлоруссовъ и у украинцевъ, съ ничтожными различіями; этотъ языкъ, имѣя въ основѣ языкъ дѣловой, актовый, употреблявшійся въ литовскихъ канцеляріяхъ — былъ своего рода итогомъ молчаливаго компромисса: украинцы не внесли въ письменные памятники характерныхъ для нихъ дифтонговъ, сохранили ѣ на мѣстѣ образовавшагося изъ него *i*; бѣлоруссы поступились дзеканьемъ и цоканьемъ, а также характернымъ для нихъ аканьемъ. Культурное вліяніе Польши сказалось въ массѣ полонизмовъ.

Въ XV в. въ письменности Западной Руси преобладала бѣлорусская стихія, которую трудно, почти невозможно выдѣлить изъ памятниковъ эпохи возрожденія письменности. Помимо перелицовки старыхъ памятниковъ, въ это время переводятъ нѣчто и заново, пользуясь латинскими и, м. б., чешскими оригиналами. Къ

числу такихъ переводовъ можно отнести, напр., Никодимово Евангеліе, Повѣсть о трехъ царяхъ-волхвахъ, Житіе св. Алексѣя. Къ самому началу XVI в. относится дѣятельность замѣчательнаго дѣятеля-гуманиста, д-ра Ф. Скорины изъ Полоцка, питомца Краковскаго университета, патріота и сознательнаго труженика на поприщѣ просвѣщенія своего народа. Дѣятельность его протекала въ 1517—1535 г. и выразилась, между прочимъ, въ изданіи (печатномъ *) Библіи, въ переводѣ на Бѣлорусскую рѣчь того времени. Въ предисловіи къ книгѣ Левитъ, пишетъ онъ: «Мы, братія, не можемъ ли во великихъ послужить посполитому люду руского языка — еще малые книжки праци нашего приносимо имъ». Всюду главнымъ мотивомъ его трудовъ является «посполитое доброе» («bonum publicum»). Его попытка дать доступный широкимъ массамъ библейскій текстъ — была въ концѣ XV в. предварена анонимомъ, оставившимъ переводъ нѣсколькихъ книгъ библейскихъ съ древне-еврейскаго языка, дошедшій до насъ въ Виленской рукописи. Эти опыты были не единичными. На помощь умственному и литературному пробужденію, обозначившемуся въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ, въ нач. XVI в., приходятъ новыя религіозныя стремленія и ими ставится опредѣленно вопросъ о необходимости имѣть доступный текстъ Св. Писанія, взамѣнъ уже непонятнаго церковно-славянскаго. Вслѣдъ за Виленскимъ переводомъ и Библіей Скорины, въ 1556—1561 годахъ на Волыни заканчивается великолѣпный въ художественномъ отношеніи трудъ — Пересопницкое Евангеліе, свидѣтельствующее о томъ, что гуманистическія и реформаціонныя теченія захватили краемъ и православныхъ монаховъ, побудивъ ихъ создать уже для украинцевъ переводъ Евангелія на «простой мовѣ». Языкъ Пересопницкаго Евангелія и его копій (Житомирскаго и Лѣтковскаго)—уже отражаетъ черты не только бѣлорусскія, но и украинскія, напр.: «...велми ся стережѣте отъ учителей, которыи хотять ходити въ краснумь одѣаніи и любять поздоровленія на торжищехъ и переднѣйшее сѣдѣня на зборищехъ, и абы напередъ были прошены на вечерѣ»... или: «Петръ пакъ ставши побѣглъ ко гробу

---

* Юго-Зап.-Русь имѣла печатныя славянскія книги задолго до Москвы: съ 1491 года.

и прихилившися до него уздрѣль простирала самыи положеныи и отошолъ прочь, дивуючи ся тому, што ся стало» и т. п. *

Одновременно, въ XVI же вѣкѣ примѣръ польскихъ postyll возрождаетъ на Украинѣ временно дремавшее проповѣдничество. Создаются громадные томы «Учительныхъ Евангелій», т. е. сборниковъ проповѣдей на праздничные и воскресные дни; но эти сборники — далеко не всегда повторяютъ таковые же, ранѣе извѣстные въ церк.-слав. одеждѣ. Среди зародившихся теперь «Учит. Евангелій» мы видимъ сборники различнаго состава и тенденцій, православнаго и реформаціоннаго оттѣнка.

Приводимъ небольшой отрывокъ изъ «Учит. Ев.» XVI в., чтобы читатель могъ судить о литературной манерѣ и о языкѣ: «Господь правдивый Христосъ и правдивый Богъ а невымовная глубина и щирое милосердіе также изъ своей доброты и великого милосердія простыи а убогыи люде возвалъ на урядъ апостольскый и учинилъ ихъ пастырми церкви своеи святои и сыны вѣчного живота. Обамо жъ христіане, що за особы возвалъ Христосъ на тотъ зацный и великый урядъ апостольскый: не возвалъ жадныхъ людий поважныхъ, то естъ яко царевъ и князевъ и иныхъ людий преложеныхъ. А для чого жъ тое Господь учинилъ? Того дѣля, ижь бы приневоляли убогыхъ людий, абы поневоли вѣрили Христу для закону и боязни ихъ. Але Христосъ тако не хотѣлъ подневольнои вѣры таковои мѣти, ажь бы люде поневоли вѣрити мали» . . .

Для развитія литературнаго языка эти сборники были чрезвычайно важны: въ нихъ «простая мова» возвысилась до орудія богословской и философской мысли и, наконецъ (Уч. Ев. 1616 г.) становится какъ бы санкціонированной въ печатномъ изданіи.

Наряду съ этимъ, чисто религіознымъ теченіемъ, возникаетъ полусвѣтская и чисто свѣтская литература. На почвѣ традиціи, основанной игум. Даніиломъ (XII в.), возникаютъ передѣлки его хожденія въ Св. Землю, изъ коихъ особо замѣчательна передѣлка игум. Даніила Корсунскаго; переводятся вновь съ латинскаго —

* Здѣсь и далѣе въ цитатахъ изъ памятниковъ, передаваемыхъ обычнымъ правописаніемъ, слѣдуетъ читать *ѣ* — какъ *і*; *е* — твердо, если оно не іотировано; конечное — *лъ* въ прош. врем. какъ — *въ*; буквою *и* — передается и *и* твердое (= ы) а иногда и *і* мягкое современнаго украинскаго правописанія.

описаніе Іерусалима аббата Адрихома, съ греческаго — Путникъ о св. градѣ Іерусалимѣ, съ польскаго — описаніе Палестины Ансельма Краковскаго. Чтобы не возвращаться вновь къ этому жанру, назовемъ и болѣе позднія хожденія украинцевъ, ими описанныя: іером. Макарія, Сильвестра, Варлаама Линицкаго, Ипполита Вишенскаго.

Историческая литература, унаслѣдованная отъ древности, была, повидимому, отчасти позабыта въ XVI в. Но на смѣну ей возникаютъ западно-русскія лѣтописи, примыкающія къ галицковолынской и хронологически, и по литературной манерѣ, — а за симъ — хронографы южно-русской редакціи, тянущіеся до XVIII в.

Что касается чисто свѣтской повѣсти, то здѣсь мы находимъ явленія, совершенно немыслимыя въ средѣ московской интеллигенціи того времени: это — рыцарскіе романы, съ апоѳеозомъ земной любви, съ культомъ женщины, этого «сосуда діавола», по мнѣнію старинныхъ русскихъ книжниковъ. Разумѣемъ романы о Тристанѣ и Изоттѣ, о Бовѣ, переведенные съ старо-французскаго, и повѣсть объ Атиллѣ, вѣроятно, усвоенную при посредствѣ польскаго перевода; всѣ три повѣсти дошли до насъ въ познанской рукописи XVI в. *

Нельзя не признать, что вся эта литература, какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго характера, носитъ на себѣ печать какой-то случайности. Знаменитый Петръ Скарга справедливо укорялъ украинцевъ въ томъ, что они не имѣютъ ни школъ, ни ученыхъ

---

* Какъ образецъ, приводимъ конецъ романа о Тристанѣ — послѣднюю его битву съ Ердиномъ: „... колися вдарыли, сулицы поломали и ударылися щытами и плечыма, и пали оба с коньми, и ухватив ся почали ся рубати як два лвы. Трыщан велми много умѣл, нижли раны были его зняли от многих вдаров, а однакож в том недбал и тял наостаток Ердина всею моцью што мог, а онъ палъ мертвъ. И вчынившы тое рыцерство добрый рыцер панъ Трыщан и поехал до церкви в опатию. А в тотъ часъ прышол ему листъ от красное Ижоты говоречы: „Пане, якъ рыба безъ воды неможе быти жыва, такъ я безъ тебе не могу жыва быти". И Трыщанъ от великого смутку и отъ ранъ сомлѣлъ, занюжъ было дивно, якъ могъ терпети таковые раны, бо кровъ съ него вельми шла. И отправилъ до короля Марка с тымъ: „Пане дядько, не могу ехати а ни стерпети, штобъ мя несли; если-мъ вамъ добре послужилъ, еще може мене вамъ потреба быти; пошли ми кролевую Ижоту, ачей бы мя злечила, ижъ она лѣкарство добре умѣетъ; а я лежу въ Пазарейской земли подъ градомъ Барохомъ"......

людей; онъ подвергалъ сомнѣнію самую возможность создать серьезную, научную литературу на языкѣ тогдашнихъ обитателей южной и западной Руси. Выходецъ изъ Москвы, не мало потрудившійся на пользу своего новаго отечества, кн. А. М. Курбскій, свидѣтельствуетъ также объ упадкѣ образованія на Украйнѣ: не было людей, знавшихъ и хорошо понимавшихъ даже церковно-славянскій языкъ, необходимый для богослуженія. Историческій ходъ событій ставилъ передъ сознательными людьми конца XVI в. неотложное требованіе — организовать школу, необходимую для борьбы за національныя права и свободу исповѣданія. Первыя попытки въ этомъ направленіи, какъ извѣстно, принадлежатъ львовскому братству и кн. В. К. Острожскому. Школа, основанная львовскими мѣщанами, не преслѣдовала особыхъ высокихъ цѣлей, хотя и не чужда была стремленія хорошо поставить, напр., преподаваніе греческаго языка, столь цѣнимаго гуманистами. Кн. Острожскій, хотя и не обладалъ, по мнѣнію новѣйшихъ историковъ, запасомъ общественнаго чувства, однако, былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, толерантнымъ; въ религіи онъ цѣнилъ не догматику, а мораль, нравственную дисциплину и ея культурное воздѣйствіе. Въ 1570-хъ годахъ Острогъ сталъ прибѣжищемъ для культурныхъ дѣятелей, разнообразныхъ стилей и оттѣнковъ: тутъ и бѣжавшій отъ московскихъ мракобѣсовъ печатникъ Иванъ Ѳедоровъ, тутъ и гонимый католическимъ духовенствомъ за споръ о календарѣ краковскій гуманистъ Янъ Лятосъ. Школа, организованная въ Острогѣ, называемая современниками «треязычнымъ лицеемъ», «коллегіею», «академіею», считала въ числѣ своихъ преподавателей ученыхъ грековъ Кирилла Лукариса, Никифора, Діонисія Палеолога, Мосхопула, свящ. Василія; главою ея былъ, повидимому, Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій. Позднѣйшій ученый украинецъ, Зах. Копыстенскій, вспоминая о школѣ острожской, пишетъ: «Найдовалисе на дворѣ его мовцы, оному Демостенови ровныи, философове и иные розличные любомудрцы. Найдовалисе и математикове и астрольогове превыборные, межи которыми онъ презацный маѳематикъ, философъ и астрольогъ Янъ Латосъ, который календаръ новый славне зганилъ и перомъ доводне презъ друкъ доказалъ, же есть омылный». Итоги дѣятельности школы сказались въ появленіи ряда питомцевъ, оставившихъ замѣтный слѣдъ въ литературѣ и богословской наукѣ; таковы, свящ.

Даміанъ Наливайко, Максимъ (въ монашествѣ Мелетій) Смотрицкій, Андрей Рымша, архид. Кипріанъ и др. Преподаватели школы были не чужды литературныхъ интересовъ. Свящ. Василій, авторъ «Книжицы о единой истинной православной вѣрѣ» 1588 г., былъ серьезнымъ ученымъ богословомъ. Но Герас. Дан. Смотрицкій — былъ болѣе публицистомъ, литераторомъ, чѣмъ богословомъ и въ своей книжкѣ, «Кличъ царства небеснаго», написанной по поводу спора о новомъ (Григоріанскомъ) календарѣ, пускаетъ въ ходъ шутки и иронію. Онъ, «худый простакъ», берется за полемику «з великимъ мушенемъ, а найболше за росказанемъ», не какъ настоящій борецъ, а «якъ плохій а голый за збройного рыцаря воевати». Идея книги: свобода папъ въ дѣлахъ вѣры привела ихъ до абсурда, противъ котораго протестуетъ сама природа: она въ дѣлѣ календаря не слушаетъ папъ, «тые новоперемѣнные квѣтни (апрѣли) и маи вмѣсто зеленое барвы все бѣлою намъ зверху притрясаютъ». Едва ли не самымъ важнымъ трудомъ острожскаго кружка ученыхъ было изданіе въ 1581 г. полной библіи на славянскомъ яз. Въ основаніе былъ положенъ доставленный изъ Москвы экземпляръ Геннадіевой библіи, подвергшейся въ Острогѣ исправленіямъ. Ученые нашего времени не считаютъ эти исправленія удачными; но, принимая во вниманіе историческія условія, мы должны признать трудъ Гер. Смотрицкаго и его товарищей — замѣчательнымъ явленіемъ XVI в. Острожская школа существовала сравнительно недолгое время, но ея культурное значеніе громадно. Она, какъ и виленская, дала первыхъ борцовъ за національную религію, когда возникла долголѣтняя и ожесточенная полемика послѣ неудачнаго Брестскаго собора 1596 г., имѣвшаго цѣлью путемъ уніи привлечь къ католичеству православное населеніе Украины.

Эта литература, созданная Христофоромъ Филаретомъ (Броневскимъ), авторомъ замѣчательнаго «Апокрисиса» или отвѣта на іезуитское сочиненіе о Брестскомъ соборѣ, Смотрицкими — отцомъ и сыномъ, З. Копыстенскимъ, Мужиловскимъ, Петромъ Могилою и др., частью на «простой мовѣ», т. е. на украинскомъ литературномъ языкѣ, частью на польскомъ — тянется черезъ все XVII столѣтіе, временно ослабѣвая, а затѣмъ, снова оживляясь. Эта литература — чисто богословскаго характера и, значитъ, требовала большой учености и немалаго трудолюбія и талантовъ. Уже

первые застрѣльщики въ этой полемикѣ, напр., Клирикъ Острожскій — владѣютъ обширнымъ аппаратомъ гуманистической учености (цитаты изъ писемъ Петрарки и др.). Мелетій Смотрицкій въ своемъ Ѳриносѣ (Плачѣ) 1610 г. обнаруживаетъ недюжинное дарованіе публициста и лирическаго поэта. «Увы мнѣ бѣдной», восклицаетъ Православная Церковь, «увы мнѣ несчастной, со всѣхъ сторонъ оборванной и поставленной для поруганія тѣла моего, лишеннаго одежды. Руки мои въ оковахъ, ярмо на шеѣ, путы на ногахъ, равнодушный мечъ надъ головою, подъ ногами бездонная пучина, кругомъ огнь неугасимый, отовсюду вопль, ужасъ, гоненіе. Смерть грозитъ мнѣ въ городахъ и селахъ, смерть въ поляхъ и дубравахъ, въ горахъ и пропастяхъ земныхъ. Нигдѣ нѣтъ спокойнаго мѣста и безопаснаго жилища. День мой — въ страданіяхъ, ночь — въ стонахъ и воздыханіяхъ. Знойное лѣто лишаетъ меня силъ, морозная зима убиваетъ. Жалкую наготу терплю я и гоненіе — до смерти». «Была я когда-то прекрасна и богата», говоритъ Православная Украина; «теперь я изуродована и убога. Нѣкогда я была царицей, любимой свѣтомъ; теперь — у всѣхъ въ презрѣніи. Сойдитесь народы всего свѣта... и узнайте кто я была, и удивитесь. Я — нынѣ посмѣшище для людей — была прекрасна, какъ заря на восходѣ, прекрасна, какъ мѣсяцъ, одна у моей матери, чиста, какъ голубка — на удивленіе людямъ и ангеламъ... Родила я дѣтокъ и выкормила ихъ, — и они отреклись отъ меня, стали для меня стыдомъ и позоромъ. Они содрали одежды мои и нагую выгнали изъ моего дома, отняли красоту мою и прелесть лица. Мало этого — и днемъ и ночью стараются они погубить и бѣдную душу мою... Священники мои ослѣпли... пастыри мои онѣмѣли — и не хотятъ вѣрить, что дѣло идетъ о душѣ. Старцы поглупѣли, юноши одичали, дочери — пошли на распутство. И отовсюду сѣти, подкопы и ядовитыя жала... Куда обратиться мнѣ? Гдѣ преклонить голову? Кого просить о защитѣ?..» Эти поучительныя строки вдохновеннаго пѣвца страданій Украины XVII в. въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохранили свое значеніе и до нашего времени. И хотя вопросы богословскіе не тревожатъ нашей эпохи съ такою настойчивостью, какъ триста лѣтъ тому назадъ, — вся полемическая украинская литература XVII в. имѣетъ то значеніе и для современности, что въ ней отразилась вся энергія души, всѣ силы лучшихъ представите-

лей украинскаго народа, боровшагося за національность, которой угрожала полонизація, захватившая уже верхи общества, и — за свободу исповѣданія религіи праотцевъ, противъ которой государственная власть польско-литовскаго государства вооружилась на бой, призвавъ испытанныхъ борцовъ за католичество — орденъ оо. іезуитовъ...

Но не только эта борьба занимаетъ умы украинскихъ писателей интересующей насъ эпохи. Одновременно съ ученой полемической литературой, съ оживленіемъ проповѣдничества, пользующагося живымъ народнымъ языкомъ — развиваются и собственно литературные жанры. По Украинѣ, съ послѣднихъ годовъ XVI в. расходятся сатирико-обличительныя посланія инока Ивана изъ Вишни, громящаго пороки своего времени, роскошь магнатовъ, бояръ и князей, забывающихъ о голодающемъ простонародьѣ; не жалѣетъ онъ укоровъ и по адресу тѣхъ, кто прельщается европейской наукой и философіей, вмѣсто которой рекомендуетъ изучать Псалтирь и «плачивый Охтаикъ»; осуждаетъ заводимыя по польскому образцу школы, въ которыхъ, подражая школьнымъ обычаямъ оо. іезуитовъ, «комедіи строятъ и играютъ». Это — самое раннее въ украинской литературѣ упоминаніе о театрѣ; но пьесы дошли до насъ лишь отъ конца XVII в.

Къ концу XVI в. относится появленіе первыхъ опытовъ украинскаго стихотворства. Для представителей тогдашней учености, вскормленной образцами латинской и польской поэзіи — было невозможно подражать народной пѣснѣ. Приходилось выбирать между греко-римской метрикой и польской. Осилила вторая, и силлабическій стихъ прочно обосновался въ украинской искусственной поэзіи, и даже повліялъ на народную пѣсню. Старшіе образцы виршъ встрѣчаемъ, правда, еще въ Библіи Фр. Скорины (десятословіе); но это — скорѣе случайность, обязанная своимъ появленіемъ рабской передачѣ польскаго оригинала. Первыми замѣтными произведеніями въ стихахъ являются два стихотворенія Г. Смотрицкаго, предшествующія тексту Остр. Библіи 1581 г., и рядъ стихотвореній на гербы выдающихся дѣятелей западной Руси — Андрея Рымши. Вирши Г. Смотрицкаго на гербъ кн. Острожскаго являются первою «одой» въ украинской литературѣ. Авторъ объясняетъ, почему «не туне и не безъ причины» кн. Константинъ носитъ свой гербъ. Онъ, подобно воину,

копьемъ поражаетъ супостатовъ, умышляющихъ зло на Русь, и подаетъ своему народу мечъ — слово Божіе, которымъ «отсѣкаетъ мракъ идольскія лести»! Звѣзда въ гербѣ — напоминаетъ автору ту звѣзду, которая пророчествовала о рожденіи Христа и привела царей-волхвовъ къ вертепу; въ заключеніе, авторъ молитъ Бога увѣнчать кн. Константина нетлѣннымъ вѣнцомъ за его труды по просвѣщенію родного народа. Рымша, кромѣ «Хронологіи» въ стихахъ, помѣщаетъ при Виленскихъ изданіяхъ 1585—1591 г. похвальныя эпиграммы на гербы западно-русскихъ дѣятелей. Если у Смотрицкаго стихъ не всегда отличается правильностью, — у Рымши онъ безукоризненъ; но зато языкъ — не церковно-славянскій, а та «простая мова», которая характеризуетъ вкусы широкихъ круговъ. Вотъ стихотвореніе въ честь канцлера Льва Сапѣги: «Мы можемъ своимъ окомъ видѣть все, измѣрить длину и ширину вещей, даже человѣка можемъ разгадать по лицу, если въ немъ нѣтъ притворства. Для той же цѣли служатъ гербы». Рымша приглашаетъ присмотрѣться къ гербу Сапѣги, объясняя каждую подробность его. Вотъ заключеніе:

„Смотри жъ выше: узришь тамъ надъ сельмомъ коруну,
Которая даетъ знать, ижъ тамъ Богъ фортуну
И цноту съ сильнымъ мужствомъ коронуе
Чого у нихъ ани моль, а ни ржа не попсуе.
Живите жъ Сапѣгове вси в многія лѣта,
Ваша слава будетъ саветь, покуль станетъ свѣта.
Подавайте жъ потомкамъ, што маете зъ предковъ,
Ведже вашихъ цныхъ справъ весь свѣтъ полонъ свѣдковъ".

Стихотвореніе Рымши, посвященное Ѳ. Скумину, воеводѣ новгородскому, заканчивается такими словами:

„Вѣрь мнѣ, гербовъ не даютъ въ дому сѣдящому,
Але зъ татарми въ полю часто гулящому,
Не зъ голою рукою — съ шаблею острою
Завжды будучи готовъ до смертного бою.
Живи жъ зъ тыми гербами ты, зацный Скумине,
А буяй въ своей славѣ — навѣки и нынѣ".

Нельзя считать первыхъ похвальныхъ стихотвореній украинской литературы — только льстивыми панегириками. Посвященія, которыя мы выше привели, написаны въ благодарность за поддержку при изданіи книгъ, въ которыхъ нуждалось не ограниченное общество типографщиковъ и ученыхъ, а все населеніе Ма-

лой и Бѣлой Руси. Въ глазахъ стихотворцевъ — Острожскій, Скуминъ, Сапѣга и др., совершаютъ подвигъ на пользу родного народа, поддерживая культурныя предпріятія, направленныя на его пользу. Съ теченіемъ времени, въ XVII в., виршевая литература усваиваетъ себѣ преувеличенно-панегирическій тонъ, слѣдуя модѣ, занесенной гуманистическою литературой. Въ украинской литературѣ XVII в. мы можемъ назвать рядъ панегириковъ, напр.: «Просфонима» (1591 г.), «Визерункъ цнотъ превел, Елисея Плетенецкаго (1618 г.), сочиненный А. Митурою, «Имнологія (1630 г.), «Евфонія весело брмячая» (1633 г.), «Анатема» (1641 г.), «Еводія» (1642 г.) и др. Они весьма любопытны — и не только по содержанію, но и по формѣ: авторы пользуются разнообразными размѣрами, а въ сапфической строфѣ порою достигаютъ виртуознаго совершенства.

Кромѣ панегирическихъ виршъ пользовались широкимъ распространеніемъ въ украинскомъ народѣ вирши религіознаго содержанія. Онѣ — то полемическаго — противъ иновѣрцевъ — содержанія, то торжественнаго. Множество ихъ относится къ событіямъ, священнымъ для православныхъ: къ Рождеству Хр., Воскресенію Его, Богоявленію, Вознесенію и др., а также воспѣваетъ подвиги и мученія святыхъ. Среди авторовъ, большею частью анонимныхъ, можемъ назвать Памву Берынду, автора виршъ на Рождество Хр. 1616 г., А. Митуру, автора «Коляды», свящ. І. Волковича, автора виршъ пасхальныхъ 1630—1631 г. Какъ образецъ, приводимъ «Коляду», Митуры:

„Кождый вѣрный сего дня духомъ веселися,
А на пристье Христови пыльно готовися.
Онъ къ намъ зъ неба на землю позволилъ зступити,
Бы отъ владцы шатана моглъ освободити
Людъ, творенье рукъ своихъ, и такъ ся понижилъ,
Же ся до насъ нендзниковъ ведлугъ тѣла зближилъ.
Яко жъ его витати, о то ся стараймо,
Якъ може быть напенкней въ тое потрафляймо.
Дяки чинѣмъ всѣ сполне зато навѣженье,
Же презъ пристье на землю справилъ намъ збавенье
Абы тежъ день тотъ святый свого Нароженя
Въ веселлю далъ отправить, просѣмъ узыченя".

Берында — писалъ болѣе ученымъ, тяжелымъ языкомъ, хотя въ посвященіи еп. Іереміи Тиссаровскому и предлагалъ:

„За коляду и Щодрый день книжечку тую
Праздника зацного на памятку святую,
Котрая-то през дѣтокъ естъ деклямована
И для утѣхи на день тотъ з друку выдана“.

Здѣсь впервые же встрѣчаемъ любопытныя черты «идиллической» поэзіи, широко извѣстной уже въ то время въ зап.-европейской и польской гуманистической литературѣ. «Пятый отрокъ», изображающій виѳлеемскаго пастыря, вноситъ этотъ новый элементъ въ серьезную рождественскую декламацію; поклонившись Христу, говоритъ онъ:

„Хоть простачкове, чимъ могли Пана почтили,
И речь южъ отшедши почалисьмы спѣвати
И зъ радости оное гойне выскакати,
Презъ поле до стадъ своихъ що въ скокъ ся маючи,
Въ пищалки весело собѣ заграваючи.
Потомъ пѣсни почалихмы просто складати
И при музыцѣ пастырской кориговати.
Наконецъ, гдысьмы южъ до кошарнь своихъ пришли,
Тамехмы якъ и перше все зась вцале нашли.
Где тыжъ и овечки намъ веселья додали,
Гдысь мы имъ в пищалки наши разне заграли;
Бо бегечучи почали рѣзко скакати,
Радости и веселья намъ збыть додавати,
По горахъ и падолахъ ся уганяючи
Насъ скоки своими удобромысляючи“.

Повидимому, къ XVII в. относится возникновеніе громаднаго количества рождественскихъ, пасхальныхъ и вообще праздничныхъ виршъ. Къ этой же эпохѣ, вѣроятно, относится процессъ проникновенія въ народную пѣсню литературной манеры произведеній этого рода и созданіе на почвѣ взаимодѣйствія пѣсни и вирши — любопытнѣйшаго литературнаго жанра, украинскихъ думъ, въ которыхъ особенно рельефно отразились переживанія украинскаго народа XVI и XVII вв. въ недосягаемой иногда поэтической формѣ.

Любопытны надгробныя стихотворенія — панегирическаго содержанія, напр., «Ляментъ дому кн. Острожскихъ» и «Вѣршъ на честный погребъ П. Конашевича Сагайдачнаго» въ 1622 г. Въ этомъ послѣднемъ стихотвореніи, принадлежащемъ перу Кассіана Саковича, одного изъ талантливыхъ, но неустойчивыхъ людей ста-

рой Украины — мы наблюдаемъ проникновеніе пріемовъ стиля барокко: изобиліе внѣшнихъ украшеній рѣчи, масса классическихъ ременисценцій; пристрастіе къ классицизму — обнаруживается не безъ вліянія школы, которая первоначально была греко-славянской, а со второго десятилѣтія XVII в. постепенно становится латино-польской. Основанное трудами митр. Петра Могилы, въ Кіевѣ, въ 1629 г. первое высшее училище связало особенно прочно украинскую науку и литературу съ западно-европейской. Изъ этого училища — «Кіево-Могилянской Академіи» вышелъ впослѣдствіи цѣлый рядъ ученыхъ богослововъ, проповѣдниковъ и писателей, несшихъ идеи тогдашней науки не только въ родную украинскую среду, но и далеко на востокъ, въ единовѣрную Москву. Среди питомцевъ Академіи особенно замѣтно выдѣляются проповѣдники, какъ представители наиболѣе тогда цѣнимаго литературнаго жанра (тоже наблюдаемъ и въ Польшѣ).

Въ исторіи украинской проповѣди XVII вѣка наблюдаются два періода: въ первомъ десятилѣтіи — проповѣдь проста, безъ риторическихъ фокусовъ, содержитъ обычно, какъ и въ Учительныхъ Ев. XVI в. и у Кирилла Транквилла—истолкованіе отрывка Св. Писанія. Во второмъ періодѣ проповѣдь отливается въ стройную форму, блещетъ ученостью и иногда свѣтскимъ остроуміемъ. Авторомъ этихъ проповѣдей, подчиненныхъ правиламъ ораторскаго искусства, является уже М. Смотрицкій (Казанье на честный погребъ о. Леонтія Карповича, 1620 г.), позже — о. Игн. Старушичъ (на смерть кн. Иліи Четвертинскаго, 1641 г.) арх. Іоанникій Галятовскій (Ключъ Разумѣнія, 1659 г.), Антоній Радивиловскій (Огородокъ, 1676 г., Вѣнецъ Христовъ, 1688 г.); крупнѣйшимъ представителемъ этой группы является І. Галятовскій, давшій впервые на украинскомъ яз. теоретическія правила для оратора: «Кто хочетъ казане учините», пишетъ онъ, «найперше маетъ положити зъ Писма святого Ѳему, котрая естъ фундаментомъ всего казаня, бо ведлугъ Ѳемы муситъ ся повѣдати все казане въ которомъ знайдуться три части», именно экзордіумъ, нррація и конклюзія. «Тыи всѣ части мають ся згажати зъ Ѳемою, бо якъ з малаго жродла выходитъ великая рѣка, еднакъ вода въ рѣцѣ згожаетъ ся з тоею водою, которая есть въ жродлѣ, — такъ зъ малои Ѳемы великое походитъ казане, зачимъ части, котрыи ся въ казаню знайдуютъ, повинны ся зъ Ѳемою згажати,

жебы що ся въ Ѳемѣ знайдуетъ, тое въ Ексордіумъ и въ Нарраціи и въ Конклюзіи ся знайдовало». «Простая мова» господствовала въ сочиненіяхъ проповѣдниковъ-украинцевъ второй половины XVII ст.; особо стоитъ архіеп. Лазарь Барановичъ, старавшійся въ проповѣдяхъ употреблять церковно-славянскій языкъ, принятый въ то время и въ Москвѣ. На грани XVII и XVIII в. видимъ св. Димитрія Ростовскаго, отъ котораго сохранился сборникъ его украинскихъ проповѣдей. М. Сильвестру Коссову принадлежитъ изданіе Кіево-Печерскаго Патерика; Иннокентій Гизель, пользуясь трудами предшественниковъ и современниковъ, составляетъ первый обзоръ исторіи Руси, преимущественно южной — «Синопсисъ», 1674 г. Почти всѣ названные писатели оставили также значительное количество чисто богословскихъ сочиненій; нѣкоторые — были усердными стихотворцами, какъ, напр., Лазарь Барановичъ.

Съ первыхъ десятилѣтій XVII в. обнаруживается теченіе, шедшее съ Запада, изъ Украйны въ Москву. Бѣлорусскіе и украинскіе писатели и ученые приходятъ туда, частью за милостыней, частью принося свои сочиненія и предлагая свои услуги для цѣлей просвѣщенія. Характерною чертою литературы, имѣющей самостоятельное и серьезное значеніе въ культурномъ отношеніи, является ея способность переноситься изъ одной среды въ другую, отъ одного народа къ сосѣднему и, появляясь въ средѣ его, оплодотворять его зарождающуюся или уже существующую литературу новыми идеями, формами, образами, обогащать ее новыми созданіями творческой мысли. Эту способность обнаружила въ XVII в. украинская литература по отношенію къ московской. Первые піонеры украинскаго вліянія были приняты далеко недоброжелательно: «Учительное Евангеліе» Кирилла Транквилліона Ставровецкаго было сожжено въ Москвѣ рукою палача, какъ содержащее папистическое ученіе; Лаврентій Зазаній, прибывшій нѣсколько позже въ Москву съ предложеніемъ напечатать составленный имъ катехизисъ, былъ обвиненъ въ ересяхъ: ему было поставлено въ вину именно то, что составляло отличительную черту украинскихъ богослововъ — стремленіе пользоваться научными доказательствами... Но къ концу столѣтія отношеніе къ украинцамъ въ Москвѣ мѣняется: они уже признаются важною культурною силой; Епифаній Славинецкій съ товарищами выписывается въ Москву для исправленія и перевода священныхъ книгъ, а питомецъ

Кіевской Академіи, бѣлоруссъ Сим. Полоцкій становится воспитателемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича. Въ связи съ этими обстоятельствами ширится вліяніе украинцевъ въ литературѣ: въ Москву проникаетъ школьная драма, уже пустившая корни въ украинскихъ училищахъ; широко распространяется не только религіозная поэзія, но и легкая любовная лирика, слагавшаяся на Украйнѣ не безъ вліянія таковой же польской. Въ эпоху реформъ Петра I украинское вліяніе широко развивается по всей Московской Руси. Проводникомъ его являются дѣятели церкви и школы — Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стеф. Яворскій, Ѳеофанъ Лопатинскій, Гавр. Бужинскій и др. епископы, монахи, учителя, нашедшіе примѣненіе для своихъ силъ и познаній въ преобразуемой Петромъ Россіи. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ — начиная съ первыхъ десятилѣтій XVIII ст. мы замѣчаемъ, какъ постепенно все болѣе и болѣе Украйна отдаетъ на службу Россіи своихъ питомцевъ; они оставляютъ родину, чтобы искать счастья на Сѣверѣ, и часто не возвращаются обратно. Внося свой вкладъ въ русскую жизнь, они порою отрываются отъ родной почвы и становятся чуждыми ея интересамъ. Такимъ образомъ наблюдается нѣчто подобное тому, что имѣло мѣсто въ XVI и нач. XVII в., когда верхи украинскаго общества измѣняли родинѣ и ея культурѣ, переходя въ польскій лагерь... Нельзя не замѣтить, что, въ зависимости отъ ухода съ Украйны способныхъ и дѣятельныхъ людей, и самый характеръ литературы ея въ XVIII в. пріобрѣтаетъ свои особенности. Еще первыя десятилѣтія продолжаютъ традиціи XVII вѣка. Въ Кіевской Академіи расцвѣтаетъ довольно обширная драматическая литература; зарождается изъ схематическихъ первоначально интермедій — національная украинская комедія на простонародномъ живомъ языкѣ, черпающая содержаніе изъ живого, текущаго быта. Рамки серьезной отвлеченной школьной драмы раздвигаются внесеніемъ общественнаго элемента. Трофимовичъ, Довгалевскій, Лищевскій, Г. Конискій и др., создаютъ театръ не только для узкошкольнаго употребленія, но и для широкихъ массъ. Продолжается жизнь «козацкихъ хроникъ» и лѣтописей, изображавшихъ героическій періодъ жизни Украйны, боровшейся за національныя права съ польскимъ государствомъ. Создаются — народная вертепная драма и думы, завершающія старый періодъ жизни Украйны.

На смѣну этихъ явленій съ половины XVIII в. выступаютъ

новыя. Литература пріобрѣтаетъ тотъ характеръ, какой мало былъ ей свойственъ въ предыдущія эпохи, когда жизнь предлагала для рѣшенія важныя общественныя задачи: украинская литература XVIII в. становится болѣе интимной, обывательской; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней постепенно усиливается культъ формы при тенденціи пользоваться народнымъ языкомъ, вопреки стремленіямъ центральнаго правительства и сочувствовавшихъ ему іерарховъ (Сам. Мисловскій) — къ обрусѣнію школы и общества. Вторая половина XVIII в. оставила потомству рядъ сатиръ на общественные недостатки, посланій, небольшихъ сценъ, юмористическихъ и любовныхъ стихотвореній. Вирши Некрашевича, А. Головатаго, Семержинскаго, Гр. Лютенскаго и другихъ многочисленныхъ авторовъ, иногда отличавшихся незауряднымъ талантомъ, оставались въ рукописяхъ, какъ и сочиненія философа Гр. С. Сковороды. Представители высшаго слоя общества, уже подвергшіеся обрусѣнію, считали недостойными вниманія и печати произведенія авторовъ, не брезгавшихъ роднымъ языкомъ. Эти произведенія опускаются въ среду средняго класса, затѣмъ — въ среду сельской духовной и свѣтской интеллигенціи. Они доступны ей и широкимъ кругамъ грамотнаго народа: языкъ ихъ — живой простонародный, какъ, напр., въ «Исповѣди» Ив. Некрашевича (1789 г.). Приводимъ отсюда рѣчь «кающейся» дѣвицы:

„А я що зогрешила? Що я можу знати?
На вечюрки не хожу — не пускае мати.
Шѣсть разъ мене и торікъ моя мати била
За те, що на юлицю разівъ съ пять ходила.
Единъ тилько разъ колись пѣсню заспѣвала —
Дай вигнала изъ хати, щой не ночовала.
Все жъ теперь добре роблю, у грѣхахъ не чуюсь.
Одъ тей доби й доси усе я шануюсь".

Приведемъ еще, какъ образецъ любовной лирики этого времени, отрывокъ пѣсни неизвѣстнаго автора:

„Смутно на сердцу, хвиля наступаетъ,
Що моя дѣвчина мене не кохаетъ.
Щожъ я чинити теперь, бѣдный маю,
Когда милую зъ очій построждаю.
А инщои не маю...
Бѣдна пташина и та пару мае,

Доколь не знайде, дотоль ей шукае.
А я нещасливый все то уважаю
Що своей любости користи не маю.
Лучше було не знати“ ...

Украинская искусственная лирика къ концу XVIII в. уже вырабатываетъ устойчивыя формулы и постепенно сливается съ народною пѣснею. Но въ печать она не попадаетъ, за исключеніемъ немногихъ любовныхъ пѣсенъ, занесенныхъ въ свои «Пѣсенники» Чуресовымъ, Новиковымъ, Прачемъ. Не удостоивается печати и часто весьма остроумная сатирическая украинская литература XVIII в.

Едва ли не единственныя произведенія украинской поэзіи, удостоившіяся печати — были «пѣсни благоговѣйныя», изданныя въ Почаевскомъ «Богогласникѣ», 1790 г., и то потому, что онѣ для уніатской среды имѣли значеніе священныхъ пѣсенъ. Повидимому, уже въ XVIII в. установилось то иронически-насмѣшливое отношеніе къ украинской «хохлацкой» рѣчи, которое наблюдается въ русской литературѣ и жизни XIX в. Годы Руины, тяжело отразившіеся на судьбахъ икраинской литературы, наложили особую печать и на того поэта, который впервые рискнулъ выступить изъ потемокъ и въ шутливой поэмѣ сказать горькое слово обличенія. Откуда бы ни взялъ свой сюжетъ Котляревскій, но онъ, по выраженію одного изъ ученыхъ, «влилъ въ этотъ старый мѣхъ новое вино украинскаго народнаго творчества». Изъ среды, гдѣ таилась полвѣка украинская творческая мысль, онъ добылъ краски для освѣщенія на новый ладъ міровой темы. Героемъ «Энеиды» Котляревскаго (1798) въ лицѣ скитальцевъ казаковъ былъ его родной украинскій народъ.

Мы коснулись лишь немногихъ произведеній старинной украинской литературы, — лишь намѣтили общій ходъ ея жизни. Резюмируя сказанное выше, можемъ заключить нашъ бѣглый очеркъ слѣдующимъ итогомъ. Старинная украинская литература, какъ таковая, зародилась вмѣстѣ съ бѣлорусской въ эпоху Ренессанса; отдавъ должное требованіямъ эпохи реформаціи, она должна была вступить въ полосу борьбы за національность и религію отцовъ; въ XVII в. подъ вліяніемъ Запада она вырабатываетъ своеобразныя, по сравненію съ литературой московской, черты, создаетъ новые, неизвѣстные ранѣе жанры. Въ XVIII в., теряя и творцовъ и

читателей въ высшемъ слоѣ интеллигентнаго общества, она временно замираетъ и пробуждается къ жизни съ появленіемъ «Энеиды» Котляревскаго, справедливо считающагося основателемъ новой украинской литературы *

Акад. ***В. Н. Перетцъ.***

Новая украинская литература.

Исторію новой украинской литературы начинаютъ обычно съ конца XVIII в. И это вполнѣ справедливо — не только потому, что именно въ указанное время появилось произведеніе, отмѣченное сильнымъ талантомъ и печатью новыхъ запросовъ, но и потому еще, что это время было вообще критическимъ въ исторіи украинскаго народа, моментомъ, когда рѣшалась судьба его, какъ національной особи. „На рубежѣ“ отжившихъ формъ политической и соціальной жизни и вновь нарождающихся, „на перевалѣ“ между прежнимъ инстинктомъ безпредметнаго, часто абстрактнаго „любительства“ по отношенію къ родному краю и грядущимъ сознаніемъ необходимости активной любви и дѣятельности на пользу конкретнаго народа, „на переломѣ“ старой письменности и новой литературы — таково было положеніе Украины въ концѣ XVIII в. Старое, очевидно, отходило въ область преданій, — вопросъ былъ въ томъ, что придетъ еще на смѣну. И вовсе не случайно, поэтому, 1798 годъ, годъ появленія знаменитой „Енеїди“ Котляревскаго, сдѣлался исторической датой не только литературнаго, но и національно-общественнаго возрожденія Украины. Къ этому времени, какъ уже сказано, произошло

*) Важнѣйшими пособіями для ознакомленія съ исторіей старинной украинской литературы являются: *С. Ефремовъ,* Історія українського письменства; *М. Грушевський,* Історія України-Руси; *П. Владиміровъ,* Обзоръ южнорусскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. 1890; *его же,* Докторъ Францискъ Скорина, 1888; *А. С. Архангельскій,* Очерки изъ исторіи западнорусской литературы XVI—XVII вв., 1888; *С. Т. Голубевъ,* Исторія Кіевской Дух. Академіи, и *его же,* Петръ Могила, т. I и II. *В. Н. Перетцъ,* Историко-литер. изслѣдованія и матеріалы, I, 1900; *Н. И. Петровъ,* Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вв., 1911 *К. В. Харламповичъ,* Западно-русскія школы; *П. И. Житецкій,* Мысли о малор. думахъ, 1893; *его же,* „Энеида“ Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ общимъ обзоромъ малор. литературы XVIII в., 1900.

отмиранiе старыхъ формъ украинской жизни, — и живой народный организмъ, повинуясь безотчетному, быть можетъ, но могущественному инстинкту самосохраненiя, ищетъ, приспособляясь къ новымъ условiямъ, и новыхъ путей для своего развитiя. Такими путями въ условiяхъ жизни культурныхъ народовъ новаго времени являются — общественное реформаторство, нацiональное возрожденiе, вливанiе началъ общечеловѣческаго содержанiя въ нацiональныя формы. Проводникомъ же по этимъ путямъ всегда служитъ нацiональная литература съ ея болѣе широкимъ размахомъ творческихъ силъ нацiи.

Къ указанному нами моменту собственно закончилась уже старая борьба Украины за свое политическое и соцiальное обособленiе въ процессѣ общаго созиданiя новообразованной на развалинахъ стараго москвитизма Россiйской Имперiи. Испытанный централизмъ средневѣковой Москвы, по наслѣдству доставшiйся и новому Петербургу, при томъ еще усиленный внѣшней европеизацiей быта, уже почти привелъ къ благополучному концу работу „собиранiя наслѣдiя Владимiра Святого“ и занялся внутреннимъ его устройствомъ. Оно могло продолжаться только по готовымъ рельсамъ традицiонной здѣсь централизацiи, — и Украину захватилъ и захлестнулъ этотъ потокъ централистическаго устроенiя. Отбившись отъ шляхетской Польши, Украина, повидимому, исчерпала до конца свою силу и уже не въ состоянiи была сопротивляться новымъ государственнымъ экспериментамъ, производимымъ за ея счетъ. Одно за другимъ рушатся ея „старожитныя права и вольности“, конвульсивныя попытки отстоять ихъ неизмѣнно наталкиваются на непреоборимую преграду государственнаго уклада, неуклонно и равномѣрно давящаго по всѣмъ направленiямъ. Командующiе классы на Украинѣ за соцiальныя преимущества, за чины и жалованье, измѣняютъ своимъ автономистическимъ стремленiямъ („умоначертанiя прежнихъ временъ“), почти сплошь заражаются прiобрѣтательскимъ пыломъ и отворачиваются отъ родины, жертвуя ея интересами для своихъ личныхъ выгодъ. Въ ту же сторону идетъ и высшее украинское духовенство, еще раньше привыкшее тянуться къ центру, чтобы оттуда расходиться за почестями по всей широкой Россiи. Нетронутымъ оставался еще народъ, напоминавшiй о себѣ такими грандiозными движенiями, какъ „колiївщина“ и „гайдамаччина“; но

лишенный ясно сознанной цѣли и дальновидныхъ, въ глубь будущаго прозирающихъ руководителей — онъ, конечно, не могъ остановить уходящую изъ-подъ ногъ почву: къ концу XVIII в. онъ оказался въ крѣпостной зависимости у своихъ собственныхъ „пановъ“, продѣлавшихъ операцію закрѣпощенія въ союзѣ съ центральнымъ правительствомъ... И потокъ объединительныхъ мѣропріятій, постигшихъ Украину во второй половинѣ XVIII в. (уничтоженіе гетманства и Запорожской Сѣчи, распространеніе на Украину губернскихъ учрежденій, переименованіе казацкой старшины въ благородное дворянское сословіе, рядъ запретительныхъ мѣръ въ области языка и просвѣщенія и т. п.) — постепенно превратилъ автономную страну въ рядъ россійскихъ губерній, сравненныхъ съ центральными областями общимъ безправіемъ, произволомъ, темнотой и крѣпостнымъ режимомъ. Украинская стихія еще разъ была низведена на уровень простонародности, изъ котораго ей, повидимому, уже не суждено было подняться.

Но именно въ этотъ тяжелый моментъ украинской исторіи, когда безнадежная, казалось, темь окутала покинутый и закрѣпощенный народъ — возникаетъ новая украинская литература. Возникаетъ съ мыслью о народѣ, отъ него беретъ форму — языкъ и живую обстановку дышащаго жизненнымъ темпомъ быта, усваиваетъ интересы народа и наполняетъ принятыя формы новымъ общечеловѣческимъ содержаніемъ. Это былъ воистину свѣтлый лучъ, вдругъ прорѣзавшій сплошной мракъ темнаго царства и освѣтившій дорогу къ лучшему будущему, достойному великаго народа. И съ этого времени украинская литература становится на цѣлое столѣтіе единственнымъ представителемъ родного народа, ходатаемъ за него предъ живыми силами страны, грознымъ судьей для непомнящихъ родства съ народомъ, колоколомъ, громко зовущимъ всѣхъ остальныхъ подъ сѣнь демократическихъ идеаловъ, напоминающихъ о необходимости пробужденія... Для народа, лишеннаго національныхъ учрежденій, школы, интеллигенціи, повременной печати — всего, что вскармливаетъ и питаетъ мозгъ націи — значеніе этого единственнаго національнаго органа поистинѣ безпримѣрно. Лишь слабую, отдаленную аналогію этой роли новой литературы мы можемъ видѣть въ возрожденіи другихъ славянскихъ народовъ, съ которымъ украинское движеніе

несомнѣнно имѣетъ самыя тѣсныя внутреннія связи. Въ началѣ новаго пути всѣ возрождавшіеся народы лишены были формъ для публичнаго проявленія своихъ стремленій, но нигдѣ эти первые шаги неокрѣпшаго движенія не сопровождались такими муками, нигдѣ оно не было обставлено такими препятствіями внутренняго и внѣшняго характера, какъ на Украинѣ. И самое преодолѣніе этихъ препятствій обнаруживаетъ уже какъ громадную потенціальную энергію, неизсякаемымъ запасомъ таящуюся среди народа, такъ и не меньшую силу сопротивляемости, развитую его сознательными представителями. Видимымъ проявленіемъ этой могучей энергіи и этой упругой силы и явилась новая украинская литература, прошедшая въ теченіе XIX в. тернистый путь отъ появленія первыхъ ростковъ до широкаго расцвѣта, поставившаго ее на равноправное мѣсто въ ряду другихъ литературъ славянскаго міра.

Какъ было уже указано, не случайно возникновеніе новаго литературнаго теченія на Украинѣ пріурочивается къ моменту крайняго упадка внутренней жизни страны. Всякое время избираетъ свое оружіе, — и потому съ крушеніемъ и ликвидаціей политическихъ надеждъ и комбинацій выдвигаются на сцену чисто культурные пріемы, направленные все къ той же цѣли — отстаиванію національной самобытности. Съ другой стороны, восторженный пріемъ, оказанный первому произведенію новой украинской литературы, показываетъ, что для нея существовала готовая почва и обезпеченный кругъ поклонниковъ и послѣдователей. Почвой этой была письменность предшествовавшаго времени, давшая, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, и въ области „вірші", и въ области драмы, и даже въ области политическо-исторической публицистики цѣлый рядъ популярныхъ произведеній, находившихъ сочувственный откликъ не только среди образованнаго общества того времени, но и среди болѣе широкихъ общественныхъ низовъ. Вопреки центростремительнымъ тенденціямъ государственнаго механизма и замѣтной денаціонализаціи высшихъ классовъ украинскаго общества, на Украинѣ существовалъ болѣе или менѣе обширный кругъ лицъ, не рвавшихъ съ традиціями прошлаго и интересовавшихся всякимъ проявленіемъ украинской самобытности. Уже само по себѣ „усерднѣйшее посвященіе" перваго произведенія

новой украинской литературы „любителямъ малороссійскаго слова“ указываетъ, куда направлялось вниманіе лицъ, принадлежащихъ къ отмѣченному сейчасъ теченію. Очевидно, лозунгъ возрожденія народнаго слова путемъ литературной обработки носился въ воздухѣ, и Иванъ Петровичъ Котляревскій (1769—1838), справедливо считаемый отцомъ новой украинской литературы, лишь удачно осуществилъ эту общую мысль и придалъ ей вполнѣ конкретныя формы. Какъ талантливый исполнитель общаго настроенія, онъ не только подчинялся потребности времени, но создалъ ярко индивидуальныя произведенія, чѣмъ въ свою очередь содѣйствовалъ расширенію и углубленію представляемаго имъ теченія и прежде всего интереса къ родному слову и вмѣстѣ съ тѣмъ къ его носителю — народу. Въ этомъ заключается двухстороннее значеніе дѣла Котляревскаго: съ одной стороны онъ, примыкая къ своимъ предшественникамъ и окружающей средѣ, является завершеніемъ многовѣковой литературной традиціи на Украинѣ; съ другой — самъ служитъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія, сразу же поставивъ неясныя стремленія на вполнѣ опредѣленную почву демократическихъ лозунговъ, оформивъ ихъ и сообщивъ имъ громадную жизненную силу удачнымъ сочетаніемъ новыхъ формъ и содержанія со старыми настроеніями, неизсякавшими среди широкихъ общественныхъ круговъ на Украинѣ. Благодаря тому, что Котляревскій смѣло порвалъ съ языковымъ макаронизмомъ и обѣими руками началъ черпать изъ богатѣйшей сокровищницы народнаго слова, онъ создалъ истинно народныя произведенія по формѣ. Съ другой стороны, зная прекрасно народную жизнь и понимая духъ ея, настроенія и чаянія народныхъ массъ, онъ далъ и глубоко національныя по существу, по своему содержанію творенія. Это случилось, несмотря даже на далекую отъ украинской жизни, троянско-латинскую оболочку его главнѣйшаго произведенія, знаменитой „перелицованной Енеїди“.

Эта оболочка долгое время затемняла дѣло Котляревскаго не позволяя недальновиднымъ людямъ за чужой внѣшностью различить близкую, родную обстановку и весьма знакомыхъ лицъ. „Умная шалость“, — сказали по поводу сатиры Котляревскаго представители современнаго Олимпа, вплоть до Императора Николая, и успокоились, даже и не подозрѣвая, что можетъ изъ

этой „шалости“ выйти, не догадываясь, какъ искусно авторъ перенесъ на Олимпъ нравы современныхъ ему бюрократическихъ „небожителей“. „Это былъ, — говоритъ о Котляревскомъ изслѣдователь, — умъ трезвый и наблюдательный, сознательно направлявшій орудіе сатиры противъ соціальнаго зла, тяготѣвшаго надъ его современниками“ (Житецкій). Въ вѣкъ одъ и пастoралей, въ виду „богоподобныхъ Фелицъ“ и звѣздоносныхъ льстецовъ — дерзкой до крайности, революціонной была уже самая мысль — совлечь небожителей съ царственнаго Олимпа, разоблачить ихъ до нага и показать въ истинномъ освѣщеніи мелкихъ интрижекъ, непотизма, себялюбія, взяточничества, разврата, гомерическаго пьянства и тому подобныхъ пороковъ современности. Изложить при томъ же все это языкомъ закрѣпощеннаго народа, презираемымъ „нарѣчіемъ подлой черни“ — замыселъ, достойный соціальнаго реформатора. „Богини, которыя „в гніві так же баби“, боги, „на сутяжників похожі“, земные владыки, безъ устали льющіе кровь своихъ подданныхъ, ведущіе беспрерывныя войны ради своихъ мелкихъ интрижекъ и дрянныхъ интересиковъ — таковы дѣйствующія лица знаменитой сатиры, только по недоразумѣнію возбуждавшей смѣхъ среди аристократіи, не услышавшей еще грознаго вопроса: „надъ кѣмъ смѣетесь“ И послѣдователь нравственнаго ученія Сковороды, масонъ и сознательный гражданинъ, современникъ наполеоновскихъ кровопролитій — Котляревскій не скрываетъ своего личнаго отношенія къ этому Олимпу, держащему судьбы міра въ своекорыстныхъ рукахъ.

Війна в крівавих ризах тут;
За нею рани, смерть, увіччя,
Безбожність і безчоловіччя
Хвіст мантії її несуть.

(Здѣсь война господствуетъ въ окровавленныхъ ризахъ; за ней тянутся — раны, смерть, увѣчья; безбожность и безчеловѣчность несутъ шлейфъ ея мантіи.) Безчеловѣчнымъ поступкамъ („гибкой панской правдѣ“) вершителей судебъ міра авторъ противопоставляетъ „колючую мужицкую правду“, разумѣя подъ ней просто общечеловѣческія начала личной и соціальной справедливости.

Этой общечеловѣческой правдой полна уже „Енеïда“, въ которой мы найдемъ и протестъ противъ соціальной и національ-

ной несправедливости современнаго строя, и яркую картину народныхъ бѣдствій и угнетенія („пекло“), и сожалѣніе о несчастно сложившейся исторіи родного края, и горячіе призывы къ защитѣ чести и „общаго добра“, и теплыя нотки участія къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“. Какъ въ безсмертной комедіи Гоголя, къ слову сказать, многимъ обязаннаго отцу украинской литературы, такъ и въ поэмѣ этого послѣдняго найдемъ лишь „одно честное, благородное лицо“ — это смѣхъ, сатирическое отношеніе къ современности, безпощадное бичеваніе ея пороковъ и недостатковъ во имя этой „колючей мужицкой правды“, т. е. интересовъ широкихъ народныхъ массъ. Ту же правду, но уже въ ея положительныхъ проявленіяхъ, выдвигаетъ Котляревскій и въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ — въ безсмертной „Наталкѣ Полтавкѣ“ и „Москалѣ-Чарівникѣ“. Столкновеніе двухъ правдъ, панской и мужицкой, здѣсь представлено уже въ современной обстановкѣ и не въ сатирическомъ, а романтическомъ освѣщеніи, — и эти произведенія уже не оставляютъ никакого сомнѣнія, гдѣ лежатъ симпатіи автора. И формой (языкомъ), и содержаніемъ (обличеніемъ современности) своихъ произведеній Котляревскій сразу же влилъ въ нарождающуюся украинскую литературу настолько сильную демократическую струю, что она доминируетъ уже во все послѣдующее время. Дитя своего вѣка, со всѣми его недостатками, Котляревскій здоровымъ, непосредственнымъ чутьемъ сумѣлъ все-таки уловить потребность момента и, не будучи геніемъ, произвелъ въ сущности геніальное дѣло — давъ толчекъ къ національному возрожденію народа, надъ которымъ, казалось, исторія уже поставила крестъ и перешла къ очереднымъ задачамъ дня. Величіе Котляревскаго состоитъ въ томъ, что онъ выдвинулъ въ первую очередь украинское движеніе, какъ дѣло неотложной необходимости, и при этомъ заложилъ подъ нимъ крѣпкій, по условіямъ момента единственно возможный фундаментъ.

Дѣятельность Котляревскаго встрѣтилась съ пробужденіемъ общаго интереса къ народности на почвѣ романтическаго увлеченія народной стариной, современнымъ бытомъ и произведеніями народнаго творчества, да и сама не мало способствовала этому теченію на Украинѣ. Въ началѣ XIX в. появляются опыты этнографическихъ изысканій въ работахъ Доленги-Ходаков-

скаго, Павловскаго, кн. Цертелева, затѣмъ Лукашевича, Срезневскаго и въ особенности перваго ректора кіевскаго университета — Максимовича и Бодянскаго. Матеріалъ, собранный названными и другими изслѣдователями, открылъ чрезвычайное богатство чисто народнаго творчества, вызвавшаго интересъ къ народу-творцу даже среди людей, которые не примыкаютъ прямо къ украинскому движенію, но пользуются украинскимъ матеріаломъ въ смежныхъ литературахъ. Таковы были, съ одной стороны, дѣятели такъ называемой украинской школы въ польской литературѣ (Мальчевскій, Гощинскій, Б. Залѣсскій и др.), а съ другой Гоголь съ цѣлой плеядой болѣе или менѣе извѣстныхъ послѣдователей въ русской литературѣ. На украинской почвѣ этотъ рядъ перемежающихся вліяній въ 20—30 годахъ XIX в. выдвинулъ болѣе или менѣе талантливыхъ писателей, отчасти непосредственно примыкающихъ къ Котляревскому, отчасти развивающихъ далѣе данныя имъ положенія въ литературѣ. Къ числу первыхъ нужно отнести: талантливаго неудачника Пузину, Рудиковскаго, Бѣлецкаго-Носенка, Корсуна, Кореницкаго, Писаревскихъ, Александрова Думитрашка, В. Гоголя, Тополю, Кухаренка и многочисленныхъ анонимовъ; произведенія нѣкоторыхъ еще и теперь время отъ времени открываются изслѣдователями. Многіе изъ нихъ не воспользовались въ свое время печатнымъ станкомъ и распространяли свои произведенія въ болѣе или менѣе многочисленныхъ спискахъ, хуторскихъ альбомахъ и т. п. Но въ то же время появляется уже на Украинѣ рядъ изданій, которыя ставятъ себѣ чисто мѣстныя задачи и цѣли. Благодаря основанію въ 1805 г. перваго на Украинѣ Харьковскаго университета, стянувшаго въ Харьковъ выдающіяся интеллектуальныя силы, центромъ новаго литературнаго движенія дѣлается Харьковъ („Харьковскія Извѣстія“, „Украинскій Вѣстникъ“, „Украинскій Журналъ“ и рядъ альманаховъ: „Украинскій альманахъ“, „Утреняя звѣзда“, „Запорожская Старина“, позже „Сніп“ и „Молодик“). Преимущественно въ этихъ изданіяхъ, а также въ такихъ столичныхъ журналахъ, какъ старый „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго, сосредоточивается украинская литературная продукція того времени. Помимо доказательствъ фактами, возможность и необходимость существованія украинской литературы приходится аргу-

ментировать и отъ разума, ибо уже тогда кое-кто изъ централистовъ началъ, по выраженію Квитки, „ворчать“ противъ нарождающейся литературы. Но вначалѣ этотъ „споръ южанъ и сѣверянъ“ велся въ добродушныхъ формахъ, не принимая пока того отвратительнаго характера доноса, травли и наушничества, какимъ онъ отличается въ позднѣйшее время.

Первымъ замѣтнымъ послѣ Котляревскаго украинскимъ писателемъ былъ Петръ Артемовскій-Гулакъ (1790—1866). Въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ („Пан та собака“, подражаніе „Одамъ“ Горація, „До Пархома“ и др.) онъ выступаетъ продолжателемъ манеры своего предшественника, ударяя особенно въ соціальную струну своимъ обличеніемъ крѣпостныхъ порядковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Артемовскій обладаетъ тонкимъ лиризмомъ, и своими граціозными пьесами („Справжни добрість“, „Любка“, „Рибалка“) прокладываетъ дорогу полусантиментальному романтизму. Къ сожалѣнію, чиновникъ и карьеристъ убилъ въ Артемовскомъ поэта. Рядомъ съ Артемовскимъ стоитъ Левъ Боровиковскій (1811—1889), представитель чистаго романтизма въ духѣ Жуковскаго („Маруся“), давшій, кромѣ того, нѣсколько удачныхъ опытовъ украинской басни. На послѣднемъ поприщѣ особенно выдвинулся извѣстный въ свое время и въ русской литературѣ Евгеній Гребенка-Гребінка, (1812—1848), басни котораго („приказки“) отличаются остроумной композиціей, ясностью основной мысли и чисто-народнымъ юморомъ, не говоря уже объ изящномъ, прекрасномъ языкѣ. Немногочисленныя лирическія произведенія Гребенки по основному тону примыкаютъ къ произведеніямъ Артемовскаго и Боровиковскаго. Этнографъ Амвросій Метлинскій (1814—1870), больше извѣстный подъ псевдонимомъ Могила — наиболѣе типичный изъ украинскихъ романтиковъ, приближающійся къ западно-европейскому и особенно польскому романтизму. Въ его стихотвореніяхъ встаетъ предъ нами старая Украина, съ ея поэтическими преданіями, могилами, борьбой за волю и разочарованіями въ виду безуспѣшности этой борьбы. Въ качествѣ украинскаго писателя началъ свою литературную дѣятельность и знаменитый впослѣдствіи историкъ Николай Костомаровъ (1817—1885), издавшій свои украинскія произведенія подъ всевдонимомъ Іеремія Галка. Въ лирикѣ и переводахъ Костомарова („На добра ніч“, „Зорі“,

„Еллада“, переводы изъ Байрона) преобладаетъ теоретизирующая разсудочность и стремленіе дать законченную политическую программу („Славянам“). Будущій историкъ уже въ это время сказывается въ трагедіяхъ на историческія темы („Сава Чалий“, „Переяславська нич“), въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ изображеніе украинско-польскихъ отношеній. За названными болѣе крупными именами слѣдуетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ поэтовъ, преимущественно выступившихъ въ 40-хъ годахъ и сошедшихъ со сцены, какъ только украинскую литературу постигъ первый серьезный ударъ со стороны правительства. Таковы — Викторъ Забѣлла (Забіла), Михаилъ Петренко, Александръ Афанасьевъ-Чужбинскій, участвовавшій и въ русской литературѣ, Михаилъ Макаровскій и др.

Къ первой же половинѣ XIX в. относятся и опыты украинской повѣсти, какъ и вообще разработка украинской прозы. Удачное начало въ этомъ отношеніи положено уже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Артемовскаго-Гулака и Гребенки. Но истиннымъ отцемъ украинской повѣсти былъ Григорій Квитка (1778—1843), скрывавшійся подъ обычнымъ псевдонимомъ Основьяненко. Въ своей дѣятельности Квитка исходилъ изъ положенія, высказаннаго имъ въ письмѣ къ Максимовичу: „мы должны пристыдить и заставить умолкнуть людей съ чуднымъ (т. е. страннымъ) понятіемъ, гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 милліоновъ говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты, неудобоизъяснимыя на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка“. Квитку считаютъ обычно представителемъ сантиментальнаго направленія въ украинской литературѣ, но это мнѣніе можетъ быть принято лишь съ значительными оговорками. Мягкій, добродушный гуманистъ, Квитка дѣйствительно придавалъ большое значеніе непосредственнымъ движеніямъ чувства, но его повѣсти, всегда служащія доказательствомъ какого-нибудь нравственнаго положенія, никогда не впадаютъ въ слезливую манерность, въ черезчуръ афектированную приподнятость, въ тотъ неестественный тонъ, къ которому пріучили насъ представители, напр., русскаго сантиментализма. Напротивъ, оправданіе своихъ нравственныхъ теорій Квитка неизмѣнно искалъ въ жизни, въ живыхъ людяхъ, и его „чувствительныя“ повѣсти полны непод-

дѣльной жизни, изобилуютъ жизненными положеніями и характерными фигурами невыдуманныхъ людей. Къ лучшимъ произведеніямъ этого рода относятся „Маруся“, „Перекати поле“, „Добре роби, добре й буде“, „Козирь-дівка“, „Сердешна Оксана“ и другія повѣсти изъ народнаго быта, которыми украинскій писатель опередилъ вообще народоописательную повѣсть въ другихъ литературахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Квитки была и сильно развитая юмористическая жилка, толкавшая его къ обличенію и сатирѣ. Рядъ повѣстей и разсказовъ сатирическаго содержанія („Солдацький патрет“, „Конотопська відьма“, „Підбрехач“, на русскомъ языкѣ „Панъ Халявскій“ и др.) заканчивается его комедіями („Шельменко“, „Пріѣзжій изъ столицы“ и пр.), въ которыхъ встрѣчаются прямо-таки гоголевскія положенія.

Время постепеннаго развитія украинской литературы принесло національное возрожденіе и той части украинскаго народа, которая въ силу историческихъ судебъ осталась за предѣлами Россіи; дѣятельность украинскихъ писателей нашла живой откликъ и въ Галичинѣ, той части закордонной Украины, которая тѣснѣе другихъ была связана съ обще-украинской жизнью. Здѣсь теоретическая склонность къ употребленію народной рѣчи, строго говоря, никогда не изсякала, составляя необходимое звено въ исторической традиціи. Но практическое воплощеніе этой мысли осуществляется лишь въ 30-хъ годахъ XIX в., когда проникшія въ Галичину произведенія украинской музы и сборники этнографическихъ матеріаловъ дали галицкимъ писателямъ уже готовые образцы, сейчасъ же вызвавшіе подражаніе. Появляются сначала собранія пѣсеннаго народнаго творчества (Waclaw z Oleska — Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego, Lozyn'ski-Ruskoje wesile и др.), а затѣмъ и попытка самостоятельной обработки народнаго языка въ литературѣ. Кружокъ львовскихъ семинаристовъ, во главѣ котораго стоялъ Маркіанъ Шашкевичъ (1811—1843), издаетъ сборникъ „Русалка Днiстровая“ (1837), имѣющій для галицкой Украины то же значеніе, которое у насъ принадлежитъ первому изданію „Енеїди“. Первые галицкіе писатели, какъ упомянутый уже Шашкевичъ и его товарищи — Иванъ Вагилевичъ (1811—1866), Яковъ Головацкій (1814—1888), Николай Устіяновичъ (1811—1885), Антонъ Могильницкій (1811—1873) и др., въ началѣ своей литературной дѣя-

тельности примыкают къ тому же народническому направленію, которое ясно обозначилось на Украинѣ, съ ярче только выраженными общеславянскими тенденціями. Впрочемъ, политическія условія въ Австріи до 1848 г. препятствовали національнымъ успѣхамъ украинскаго народа въ Галичинѣ еще въ большей степени, нежели россійская дѣйствительность николаевскихъ временъ.

Какъ бы то ни было, но уже первая половина XIX в. обнаружила значительные успѣхи украинскаго національнаго движенія, по условіямъ времени, заключеннаго почти исключительно въ литературныя рамки. Рядъ талантливыхъ писателей этого времени смѣло ставитъ волнующія лучшія общественныя круги проблемы и стремится къ посильному ихъ разрѣшенію на родной почвѣ. Внимательное отношеніе къ родному народу, крѣпостное безправіе, права личности въ закрѣпощенномъ крестьянствѣ, современныя нестроенія и маленькіе недостатки механизма — все это получаетъ болѣе или менѣе яркое освѣщеніе уже въ произведеніяхъ начальнаго періода украинской литературы. Это, вмѣстѣ съ несомнѣнной талантливостью и художественными средствами отдѣльныхъ ея представителей, завоевываетъ новой литературѣ симпатіи украинскаго общества и создаетъ ту созвучную среду, въ которой она можетъ успѣшно развиваться. Среда эта, достаточная уже сама по себѣ, въ качествѣ резонатора для литературы, расширяется въ силу тѣхъ характерныхъ чертъ, которыми отличается украинская литература. Уже употребленіе, вопреки господствующимъ обрусительнымъ тенденціямъ, народнаго языка обязываетъ къ болѣе внимательному отношенію именно къ народу, къ широкимъ массамъ крестьянства, закрѣпощеннаго, темнаго и потому безгласнаго. Украинская литература была, такимъ образомъ, первымъ голосомъ, раздавшимся отъ имени этихъ массъ и въ ихъ защиту, и естественно поэтому-то народническо-демократическое направленіе, тотъ гуманный въ общемъ тонъ, который она усвоила, какъ основную черту, съ первыхъ же дней своего появленія. Другой такой же неотъемлемой чертой украинской литературы былъ ея реализмъ. Украинскій національный характеръ, съ его наклонностью къ раздумью и рефлексамъ, съ развитой юмористической складкой ума — сообщилъ возрожденной литературѣ тотъ сатирически-обличительный оттѣнокъ, кото-

рый ищетъ для себя матеріала въ дѣйствительности, черпаетъ его изъ жизни, не прикрашивая ея и не пускаясь въ туманныя абстракціи. Вотъ почему украинскіе писатели первой половины XIX в., отдавая извѣстную дань увлеченіямъ времени, всѣмъ этимъ моднымъ романтизмамъ и сантиментализмамъ, все-таки обѣими ногами стояли на реальной почвѣ, жизнью и ея требованіями подкрѣпляя свои положенія и творческіе образы. Съ другой стороны, и общеизвѣстный лиризмъ украинской литературы являлся скорѣе результатомъ національнаго характера, чѣмъ скоропреходящимъ вѣяніемъ времени, легко отпадающей модой. Ложноклассическія увлеченія и плащъ байронизма менѣе всего подходили къ этому характеру, — вотъ почему на украинской почвѣ они не оставили никакого слѣда, хотя отецъ украинской литературы начинаетъ съ классическаго сюжета, а послѣдующіе писатели много и усердно переводили изъ Байрона. Примыкая къ европейскимъ литературнымъ теченіямъ, украинская литература сумѣла сохранить свою самостоятельность, намѣтила свою собственную основную линію и такимъ образомъ сразу же вноситъ въ общую сокровищницу нѣчто свое, ей только свойственное и ей одной принадлежавшее.

Но были и значительные недостатки въ этой нарождавшейся литературѣ, зависѣвшіе какъ отъ условій даннаго времени, такъ и отъ состава ея дѣятелей. Первая половина XIX в., отъ „дней александровыхъ прекраснаго начала“ и до мрачной эпохи николаевскаго режима, всецѣло основанная на абсолютизмѣ — просвѣщенномъ или непросвѣщенномъ, все одно — на угнетеніи и крѣпостномъ правѣ, вообще мало располагала къ открытой и ясной постановкѣ вопросовъ во весь ихъ ростъ. Давая нѣкоторый просторъ конкретнымъ обличеніямъ, время препятствовало возвышаться до системы, окруженной къ тому же ореоломъ непобѣдимаго могущества. Отсюда лойялизмъ перваго поколѣнія украинскихъ писателей, ихъ почти восторженное отношеніе къ системѣ, особенно странное въ людяхъ, которые знали всѣ отрицательныя стороны окружающей обстановки. Радикальные въ вопросахъ личной морали и общественнаго поведенія, они робко останавливаются предъ вопросами политики, да мало и интересуются ими, почти не заглядывая въ заповѣдную область, робко останавливаясь предъ конечными выводами изъ собственныхъ наблюденій.

Котляревскій, съ его сатирой на небожителей еще, пожалуй, наиболѣе рѣшительно ставилъ неудобные вопросы; его же преемники дошли до патріотическихъ гимновъ въ честь абсолютизма (Артемовскій и Метлинскій), или до оправданія крѣпостного права, какъ системы, при условіи справедливыхъ отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ (Квитка). Зависѣло это отъ того, что украинскіе писатели перваго, такъ сказать, призыва были большею частью людьми владѣльческаго класса, психологія и идеологія котораго, даже противъ ихъ воли, отражалась на ихъ взглядахъ и настроеніяхъ. Хорошо зная народную жизнь и сочувствуя народу, они тѣмъ не менѣе были слишкомъ „панами“, чтобы отказаться отъ своихъ привиллегій и вполнѣ стать на точку зрѣнія крестьянина. Защиту его интересовъ они допускали лишь въ той степени, которая не противорѣчила ихъ сословнымъ интересамъ и поддерживалась ихъ личнымъ гуманизмомъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи. Вотъ почему, при всемъ своемъ несомнѣнномъ, глубокомъ демократизмѣ и народолюбіи, украинская литература до 40-хъ годовъ XIX в. страдаетъ и очевидной недоговоренностью. Вотъ почему, открывъ въ крѣпостномъ человѣческую личность, и при томъ раньше другихъ литературъ, она забываетъ пока о гражданинѣ. Этотъ послѣдній выступаетъ во весь свой ростъ уже тогда, когда на украинскомъ горизонтѣ появился „послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ новой славянской литературы“ — Шевченко, представитель подлиннаго народа, вышедшій изъ самыхъ низовъ украинской народной стихіи.

II.

Крѣпостной, испытавшій на самомъ себѣ весь адъ кромѣшный крѣпостныхъ отношеній, заплатившій весьма дорого за свой жизненный опытъ и до конца своей жизни не избывшій его цѣпкихъ послѣдствій — („мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ было тяжко вспоминать въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ крѣпостные. Да, м. г., они крѣпостные до сихъ поръ!“ — заканчиваетъ онъ незадолго до смерти написанную автобіографію) — Шевченко (1814—1861 г.г.) не могъ уже удовлетворяться добродушнымъ отношеніемъ даже въ обличительномъ тонѣ къ порядку, осуждавшему людей на рабство физическое и духовное. Онъ разскажетъ объ этомъ порядкѣ такую „исторію-правду“, что —

перелякать
Само пекло можна! А Данта старого
Полупанком нашим можна здивувать.

(даже адъ можно привести въ ужасъ и видавшаго виды Данте ошеломить нашимъ захудалымъ дворянчикомъ). Испившій до дна чашу безобразнаго политическаго режима въ видѣ тюрьмы и десятилѣтняго заточенія „в незамкнутій тюрьмі“ — онъ призоветъ къ отвѣту и этотъ режимъ, при которомъ

Од Молдаванина до Фінна
На всіх язиках все мовчить —
Бо благоденствує…

отъ „финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“ на всѣхъ языкахъ все безмолвствуетъ, такъ какъ благоденствуетъ). Пережившій всѣ превратности судьбы, сопряженныя съ жизнью „геніальнаго горемыки“, онъ знаетъ хорошо цѣну и трусливому, себялюбивому обществу, дрожащему за свое дешевенькое „благоденствіе“ —

А ми дивились і мовчали
Та мовчки чухали чуби —
Німії, подлії раби.

(мы смотрѣли и молчали и молча почесывались — нѣмые, подлые рабы). И картины современности, одна другой ужаснѣе, одна другой преступнѣе — развертываются предъ читателемъ въ этой несравненной книгѣ, которая называется „Кобзаремъ“.

Он глянь — у тім раї, що ти покидаєш,
Латану свитину з каліки знімають,
З шкурою знімають, — бо нічим обуть
Панят недорослих. А он розпинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Единого сина, едину дитину,
Едину надію — в військо оддають,
Бо його, бач, трохи… А он-де під тином
Опухла дитина голодная мре,
А мати пшеницю на панщині жне…

(смотри — въ оставленномъ тобой раю снимаютъ заплатанную одежу съ калѣки, — съ кожей снимаютъ, чтобы обуть барчатъ; а вонъ распинаютъ вдову за подати, а сына, единственное дитя, единую надежду, сдаютъ въ солдаты — мало ихъ еще! — а вонъ,

подъ заборомъ, опухшее отъ голода околѣваетъ дитя въ то время какъ мать убираетъ пшеницу на барскомъ полѣ.) Великимъ гнѣвомъ великаго сердца, облитаго кровью, загорается поэтъ и безпощадно изобличаетъ дѣйствительность, возвышаясь часто до чисто пророческаго паѳоса въ своемъ святомъ негодованіи.

Но этотъ много вынесшій и перестрадавшій и потому сильно ненавидѣвшій зло человѣкъ — умѣлъ и любить столь же сильно и ярко, какъ и ненавидѣть. Онъ любитъ своихъ униженныхъ и оскорбленныхъ героевъ — своихъ „покрытокъ", своихъ сиротъ, своихъ чумаковъ и гайдамакъ, осѣняя ихъ тихой, теплой лаской. Онъ любитъ родной народъ и Украину, онъ любитъ природу, любитъ жизнь въ ея многогранномъ сіяніи, — и для всего этого у него находятся совсѣмъ иныя слова, падающія цѣлебной росой нѣжной любви и привязанности, а не расплавленнымъ свинцомъ тяжелой ненависти. Прочтите у Шевченка — и при томъ въ подлинникѣ, такъ трудно поддающемся переводу — его несравненныя по красотѣ и изящной простотѣ картины природы, прочтите гомеровскими штрихами набросанную исторію „Наймички" или хватающую за душу поэму чистаго сердца „Катерини", остановитесь на потрясающихъ переживаніяхъ оторваннаго отъ родины изгнанника, на цѣломудренной тоскѣ по разбитой жизни, и вы согласитесь съ отзывомъ покойнаго Ѳ. Е. Корша: „Шевченко есть такое же божество, какъ Пушкинъ, но живущее на своемъ особомъ солнцѣ". Божество, прибавимъ, не олимпійскаго пошиба, а переживающее всѣмъ великимъ сердцемъ своимъ всѣ горести и радости родной стихіи, болѣющее болями человѣчества, но въ то же время и указывающее ему выходъ изъ тяжелаго положенія. Выходъ этотъ для Шевченка — въ правдѣ человѣческихъ отношеній, во всепрощеніи, очищающемъ и возвышающемъ человѣка, въ любви ко всему широкому божьему міру въ мельчайшихъ его проявленіяхъ.

Правда оживе
Натхне, накличе, нажене
Не ветхее, не древле слово
Розтліннее, а слово нове
Між людьми криком пронесе
І люд окрадений спасе...

(Возродится правда, вдохновитъ она, родитъ и вызоветъ уже не

старое слово обветшалое и растлѣнное, — а слово новое бурей пронесетъ среди людей и спасетъ обездоленное человѣчество.) И лучезарнымъ идеаломъ сіяетъ предъ Шевченкомъ то время, когда прекратитъ свое существованіе соціальная „табель о рангахъ“ со всѣми ея послѣдствіями.

І на обновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син і буде мати
І будуть л ю д е на землі.

(Не будетъ въ обновленномъ мірѣ ни враговъ, ни супостатовъ, а будетъ сынъ и будетъ мать и будутъ люди на землѣ.) Аккордомъ всеобщаго равенства заключилъ Шевченко свою жизненную философію, являющуюся одновременно и возвышенной проповѣдью истинно-человѣческихъ отношеній.

Такова была та новая струя, которая влилась въ украинскую литературу съ Шевченкомъ. Яркая и сильная, она должна была вызвать и столь же яркія послѣдствія. Впервые на украинскомъ языкѣ прозвучало слово, отмѣченное печатью геніальности, и уже современники поняли и оцѣнили это, передавая о томъ колоссальномъ впечатлѣніи, которое производили стихотворенія Шевченка, и сравнивая ихъ съ „звукомъ трубы архангела, возвѣщающей о воскресеніи изъ мертвыхъ“. Если до Шевченка можно было, снисходительно похлопывая по плечу украинскихъ писателей, говорить о провинціализмѣ, областной литературѣ, узкихъ рамкахъ и т. п., то съ нимъ украинское слово выходило уже на міровую арену, дѣлаясь достояніемъ человѣчества. Правда, современной русской критикѣ Шевченко оказался не по плечу, она не сумѣла ни понять, ни оцѣнить все значеніе новаго явленія на Украинѣ. Лучшимъ показателемъ этого служатъ отношенія къ Шевченку Бѣлинскаго: чуткій и тонкій цѣнитель современной литературы не нашелъ ничего лучшаго, какъ обмолвиться по поводу Шевченка фразой насчетъ „простоватости крестьянскаго языка и дубоватости крестьянскаго ума“. Но уже за этой растерянностью, за единодушнымъ глумленіемъ россійской критики чувствуется, что появилась какая-то новая сила — пусть незначительная и вредная съ точки зрѣнія литературнаго ареопага, но съ которой тѣмъ не менѣе необходимо считаться. И уже послѣдующее поколѣніе русской критики сознало ошибку предше-

ственниковъ (отзывы Добролюбова, Григорьева и др.) и приблизилось къ настоящей оцѣнкѣ значенія Шевченка, какъ явленія, выходившаго изъ рамокъ какого бы то ни было провинціализма. Если и въ дальнѣйшемъ ведутся еще споры о желательности и возможности украинской литературы, то характеръ ихъ уже существенно мѣняется, такъ какъ борьба переносится на почву, ничего общаго съ литературой не имѣющую. Здѣсь подвизаются теперь почти исключительно ренегаты, мракобѣсы и сикофанты, въ родѣ Аскоченскаго, Говорскаго, Юзефовича и всевозможныхъ претендентовъ на наслѣдіе Каткова. Собственно, литературную сторону вопроса жизнь окончательно рѣшила съ появленіемъ такого мощнаго таланта, какъ Шевченко.

Было и еще одно послѣдствіе дѣятельности Шевченка, не столь тріумфальное, но болѣе соотвѣтствующее условіямъ дѣйствительности, затравившей Пушкина и Лермонтова, отправлявшей на каторгу Достоевскихъ, выбрасывавшей за черту осѣдлости Герценовъ. На украинскую литературу обратила свое тяжелое вниманіе власть, доселѣ державшаяся въ данномъ вопросѣ довольно пассивно еще со времени запретительныхъ опытовъ Петра I и Екатерины II. Внѣшнимъ поводомъ къ этого рода „полемикѣ“ послужило обнаруженіе въ 1847 г. въ Кіевѣ извѣстнаго Кирилло-Меѳодіевскаго Братства, лелѣявшаго мечты о федеративно-демократическомъ переустройствѣ славянскаго міра и о возрожденіи Украины въ качествѣ равноправнаго члена въ семьѣ славянскихъ народовъ. Кіевъ, со времени открытія въ немъ университета въ 1834 г., дѣлается умственнымъ центромъ обширнаго края, близкаго къ зарубежному славянству и сохранившаго даже подъ нивелляторской рукой россійскаго правительства федералистическія традиціи. Появленіе здѣсь такихъ людей, какъ Максимовичъ, а затѣмъ, уже въ 40-хъ годахъ, Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ — естественно перенесло сюда и центръ украинскаго національнаго движенія. Кирилло-Меѳодіевское Братство не вполнѣ еще сформировавшееся, но обладавшее большими связями въ мѣстномъ обществѣ и особенно среди молодежи, было первой на украинской почвѣ попыткой широкой общественно-политической программы, безъ сомнѣнія опередившей россійскую современность. Провалъ братства, арестъ и ссылка его членовъ, въ особенности Шевченка, Костомарова и Кулиша, на время остано-

вили общественную работу на Украинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, рикошетомъ, ударили и по украинской литературѣ. Конфирмаціей имп. Николая I, опредѣлившей участь братчиковъ, была запрещена почти вся наличная украинская литература, сверхъ того, ссланнымъ воспрещалась и дальнѣйшая литературная дѣятельность. Вслѣдствіе насильственнаго прекращенія дѣятельности лицъ, уже заявившихъ себя въ литературѣ, первая половина 50-хъ годовъ представляетъ какую-то мрачную дыру, въ которой только изрѣдка мелькаютъ отдѣльныя украинскія книги, большею частью не возвышающіяся надъ уровнемъ посредственности. По фатальному стеченію обстоятельствъ нѣчто подобное, хотя и по другимъ причинамъ, случилось въ то же время и въ Галичинѣ, которая послѣ бурнаго подъема и надеждъ 1848 г. вновь вступила въ полосу реакціи, положившей мертвящую руку на общественно-національное и литературное движеніе. Упадокъ вѣры въ народныя силы сказывается здѣсь нарожденіемъ такъ называемаго „москвофильскаго“ теченія, которое ставило дѣло возрожденія на самоубійственную почву отказа отъ мѣстныхъ формъ народной жизни и въ дальнѣйшемъ сдѣлалось очагомъ самой безнадежной реакціи тупого обскурантизма.

Всеобщее благоденствіе, обусловленное всеобщимъ же молчаніемъ, оборвалось Крымской кампаніей, достойно завершившей царствованіе Николая I. Возвращается изъ 10-лѣтней ссылки Шевченко, вновь начинаетъ оборвавшуюся литературную и издательскую дѣятельность Кулишъ („Записки о Южной Руси“ и др.); въ Петербургѣ собирается кружекъ украинскихъ дѣятелей, которые съ 1861 г. выступаютъ съ журналомъ „Основа“ и другими литературными предпріятіями; на Украинѣ возникаютъ первыя національныя организаціи („громады“), примкнувшія къ общественной работѣ по освобожденію и просвѣщенію крестьянскихъ массъ (воскресныя школы, популярныя издательства, научныя изысканія). Національное пробужденіе, явившееся результатомъ этой дружной работы, вновь перебросилось за границу, и благодаря произведеніямъ Шевченка, Марка Вовчка и „Основѣ“, вызвало въ Галичинѣ приливъ свѣжихъ силъ на ниву національной работы. На Украинѣ стоитъ на очереди введеніе народнаго языка въ школахъ, изданіе перевода Евангелія, школьныхъ учебниковъ и популярной литературы, выясненіе цѣлей и задачъ украинскаго

движенія, установленіе отношеній къ сосѣднимъ народамъ, великорусскому и польскому... 1863-й годъ, принесшій извѣстный запретительный циркуляръ Валуева съ его знаменитымъ „не было, нѣтъ и быть не можетъ“ по адресу украинскаго языка — все это ликвидировалъ и отчасти вогналъ выступавшее уже на широкую арену движеніе въ подполье, отчасти же изгналъ за предѣлы досягаемости — въ Галичину.

Несмотря на всю кратковременность „эпохи великихъ реформъ“ и соединенной съ ней передышки для украинскаго движенія, литература этого времени успѣла проявить себя довольно замѣтно, выдвинувъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ силъ, занявшихъ почетное мѣсто рядомъ со своими предшественниками. Онѣ группировались главнымъ образомъ, вокругъ „Основы“ (1861—1862), выбросившей, въ цензурныхъ формахъ, старое знамя Кирилло-Меѳодіевскаго Братства. Душой изданія, въ виду смерти Шевченка, сдѣлался Пантелеймонъ Кулишъ (1819—1897), развившій чрезвычайно энергичную дѣятельность во всевозможныхъ направленіяхъ — и какъ поэтъ, и какъ беллетристъ, и какъ ученый изслѣдователь, и какъ популяризаторъ. Произведенія его, всегда немного аффектированныя и тенденціозныя, являются плодомъ не столько художественнаго таланта, сколько резонирующаго ума, — но въ свое время они значительно расширили кругъ темъ, затрагиваемыхъ украинской литературой, и въ особенности способствовали выработкѣ языка (первый опытъ историческаго романа „Чорна Рада“, многочисленныя повѣсти и разсказы, научныя сочиненія). Къ сожалѣнію, Кулишъ не долго удержался на позиціи украинскаго народника и, выступивъ въ 70-хъ годахъ съ извѣстной „Исторіей возсоединенія Руси“, сжегъ то, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжигалъ. Послѣ этого онъ отходитъ отъ непосредственнаго участія въ украинскомъ движеніи, хотя до конца своей долголѣтней жизни продолжаетъ работать на литературномъ поприщѣ, преимущественно въ области переводовъ (библія, сочиненія Шекспира, Байрона и др.).

Талантливый разсказчикъ Алексѣй Стороженко (1805—1874) темы для своихъ разсказовъ („Матусине благословенне“, „Закоханий чортъ“, „Голка“, „Вуси“, „Вчи лінивого не молотом, а голодом“ и др.) заимствуетъ преимущественно изъ народныхъ преданій, обрабатывая ихъ съ неподражаемымъ юморомъ, — черта,

сближающая автора съ Гоголемъ въ его украинскихъ разсказахъ.

Наиболѣе замѣтнымъ талантомъ того времени было лицо, выступавшее подъ псевдонимомъ Маркъ Вовчокъ (Марія Марковичъ, 1834—1907), главной заслугой котораго считается литературная борьба съ крѣпостнымъ правомъ, принесшая автору репутацію украинской Бичеръ-Стоу. Всѣ ея разсказы того времени („Казачка", „Ледащиця", „Викуп", „Інститутка" и др.) отличаются искреннимъ сочувствіемъ къ судьбѣ закрѣпощенной массы и въ то же время представляютъ изъ себя изящныя по формѣ картинки, полныя художественныхъ черточекъ и бытовыхъ подробностей. Впослѣдствіи Маркъ Вовчокъ обратилась къ литературной разработкѣ народныхъ темъ, выступая, впрочемъ, въ печати рѣдко и спорадически. Плодовитый въ русской литературѣ Даніилъ Мордовцевъ (1830—1905) украинской удѣлялъ лишь крохи своего досуга; между его разсказами лучшіе — „Дзвонарь" и „Салдатка", бытовыя картинки во вкусѣ Марка Вовчка. Болѣе значительныя по объему произведенія Мордовцева, историческія повѣсти „Дві долі", „Полій" и др., при внѣшней занимательности страдаютъ поверхностностью изображенія и манерностью, переходящей мѣстами въ чрезмѣрную болтливость. Безвременно угасшій Анатолій Свидницкій (1834—1871) оставилъ замѣчательную хронику „Люборацькі", воспроизводящую съ художественнымъ реализмомъ жизнь и нравы старой духовной школы на Украинѣ; по производимому впечатлѣнію названная хроника не уступаетъ знаменитымъ „Очеркамъ бурсы" Помяловскаго, хотя написана раньше ихъ. Незаурядный беллетристъ сказывался въ лицѣ Александра Конисскаго (1836—1900), изображавшаго преимущественно распадъ по-реформенной деревни („Наймичка", „В день святої волі", „Козарський ланок", „Грошолюбка" и др.) съ нѣкоторымъ уклономъ къ общественной сатирѣ. Слабѣе въ художественномъ отношеніи тенденціозныя повѣсти Конисскаго на темы дня („Юрій Горовенко", особенно „Грішники"), а также его стихотворные опыты. Конисскому, кромѣ того, принадлежитъ рядъ статей на публицистическія и литературныя темы, а также лучшая по настоящее время біографія Шевченка. Среди поэтовъ этого поколѣнія первое мѣсто занимаетъ талантливый, но, къ сожалѣнію, рано сошедшій со сцены Степанъ Руданскій

(1830—1873). Его лирика отличается силой чувства и замѣтной гражданской струей, обезпечившими ей широкую популярность на Украинѣ. Большимъ, однако, вниманіемъ читателей пользуются до сихъ поръ его остроумныя по замыслу и изящныя по формѣ „спiвомовки“, пьески анекдотическаго, часто слишкомъ мелкаго содержанія. Болѣе выдержаннымъ гражданскимъ характеромъ своего творчества отличается Яковъ Щеголевъ (1824—1898), особенно любившій останавливаться на картинахъ мирнаго труда („Ткач“ и др.). Леонидъ Глѣбовъ (1827—1893) удачно продолжилъ дѣло первыхъ украинскихъ баснописцевъ (Гребенка и Боровиковскій); его „байки“ интернаціональные басенные сюжеты представляютъ въ такихъ національно вѣрныхъ формахъ и обстановкѣ, что кажутся совершенно оригинальными, чуждыми всякаго заимствованія. Оставляя въ сторонѣ второстепенныхъ писателей этого времени, какъ мѣстныхъ (Александръ Кулишъ, Петръ Кузьменко, Митрофанъ Александровичъ, Симоновъ, Носъ, Александровъ, Мова и др.), такъ и закордонныхъ (В. Шашкевичъ, Згарскій, Климковичъ, братья Воробкевичи, братья Барвинскіе, Навроцкій), упомянемъ о выдающемся представителѣ Буковинской Украины — Осипѣ Федьковичѣ (1814—1888), заслужившемъ титулъ „буковинскаго кобзаря“, намекающій на его сходство съ Шевченкомъ. Большое, но, къ сожалѣнію, недисциплинированное дарованіе этого мастера живого слова, опиралось на непосредственное участіе автора въ жизни народныхъ низовъ. Федьковичъ былъ первымъ на закордонной Украинѣ, обратившимъ въ своихъ стихотвореніяхъ и повѣстяхъ на народъ исключительное вниманіе. Пѣвецъ родной Гуцульщины, Федьковичъ при общей художественности своихъ произведеній далъ яркія картины украинскихъ горъ и ихъ своеобразнаго населенія. Мѣстный колоритъ, въ связи съ оригинальными оборотами языка, придаетъ произведеніямъ талантливаго буковинца своеобразную красоту.

Какъ сказано выше, Валуевскій циркуляръ 1863 г. стремился поставить крестъ надъ украинской литературой — покушеніе съ явно негодными средствами, если принять во вниманіе, что эта заживо погребаемая литература обладала уже писателемъ такой величины, какъ Шевченко, и цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе талантливыхъ его продолжателей. И дѣйствительно, запретительныя мѣропріятія могли сдерживать нарастающее движеніе

лишь самое незначительное время. Уже въ концѣ 60-хъ годовъ въ Кіевѣ возобновляется національная работа, сосредоточившая какъ научныя, такъ и литературныя силы вокругъ Юго-Западнаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Появляется рядъ крупныхъ дѣятелей во всѣхъ областяхъ національной жизни (наукѣ, литературѣ, музыкѣ и театральномъ дѣлѣ); осуществляется грандіозное предпріятіе Чубинскаго, извѣстное подъ именемъ „Этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край", но охватившее и смежныя области Украины; растетъ популярная литература, предназначенная для просвѣщенія народныхъ массъ. Энергичная работа украинскаго общества вызываетъ новыя противодѣйствія со стороны сикофанствующихъ круговъ, нашедшихъ пріютъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и мѣстномъ рептильномъ органѣ „Кіевлянинъ". Доносы мѣстныхъ героевъ сыска и вздорныя обвиненія, по тогдашней терминологіи, „украинофильства" въ „сепаратизмѣ" закончились учрежденіемъ особаго совѣщанія изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, шефа жандармовъ и, въ качествѣ „эксперта", тайнаго совѣтника Юзефовича. Составленное такимъ образомъ особое совѣщаніе пришло къ продиктованному упомянутымъ тайнымъ совѣтникомъ заключенію, что „вся литературная дѣятельность такъ называемыхъ украинофиловъ должна быть отнесена къ прикрытому только благовидными формами посягательству на государственное единство и цѣлость Россіи". Въ результатѣ — указъ 18/30 мая 1876 г., названный по имени вдохновителя „lex Josephoviana", которымъ воспрещена вся украинская литература въ предѣлахъ Россіи, за исключеніемъ беллетристики, воспрещенъ украинскій театръ, воспрещено даже печатаніе украинскаго текста „къ музыкальнымъ (!) нотамъ". Граница для ввоза украинскихъ изданій изъ Галичины, само собой разумѣется, была закрыта...

Такимъ образомъ, на пути развитія украинской литературы была сооружена новая бумажная преграда, благополучно просуществовавшая около 30 лѣтъ. Главнымъ ея результатомъ можно считать болѣе крѣпкую спайку раздѣленныхъ государственными границами частей этнографической Украины: украинскіе писатели послѣ нѣкотораго перерыва переносятъ свою дѣятельность въ Галичину и въ теченіе 80—90 гг. создаютъ здѣсь прочный фундаментъ для дальнѣйшаго развитія литературы и общественности.

Болѣе свободныя учрежденія даютъ галицкимъ украинцамъ возможность, при содѣйствіи закордонныхъ земляковъ, успѣшно бороться за національныя пріобрѣтенія и шагъ за шагомъ отвоевывать открывающіяся перспективы полной національной жизни. Школа, начиная съ народной и оканчивая высшей (нѣсколько каѳедръ во львовскомъ университетѣ), подготовляетъ кадры общественныхъ работниковъ и вызываетъ къ жизни общественныя учрежденія культурнаго характера („Просвіта“, „Товариство ім. Шевченка“, „Товариство педагогичне“ и рядъ другихъ), которыя мало-по-малу пріобрѣтаютъ всеукраинское значеніе, какъ очаги національно-культурнаго строительства. Развивается довольно значительная пресса, отъ литературныхъ до политическихъ и профессіональныхъ органовъ. Благодаря всему этому, Галичина послѣ 1876 г. пріобрѣтаетъ значеніе центра всего украинскаго движенія и привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе и заботливость украинскихъ круговъ изъ Россіи. Но даже и здѣсь, на Украинѣ, бумажная плотина Юзефовича долго не могла устоять въ полной сохранности и неприкосновенности; время и жизнь пробили въ ней чувствительныя бреши, несмотря на то, что практика стремилась еще усилить содержавшіяся въ указѣ 1876 г. ограниченія, распространивъ ихъ и на лучшія произведенія изящной словесности. Силою вещей ранѣе всего были возстановлены въ правахъ неизвѣстно почему потерпѣвшіе „тексты къ музыкальнымъ нотамъ“; затѣмъ, въ началѣ 80-хъ годовъ возобновляется украинскій театръ и, упорно преодолѣвая поставленныя ему стѣсненія, завоевываетъ всеобщее признаніе. Историческій журналъ „Кіевская Старина“ (съ 1882 г.), занявшій мѣсто закрытаго происками сикофантовъ „Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества“ и носившій вначалѣ чисто научный характеръ, постепенно расширяетъ свои рамки, вводя въ нихъ украинскую беллетристику, и сдѣлавшись такимъ образомъ предтечей періодической печати на украинскомъ языкѣ. Популярныя научныя сочиненія, безусловно воспрещенныя въ 1876 г., контрабандой пробираются сквозь цензурныя тѣснины, сначала подъ беллетристическимъ (!) соусомъ, а затѣмъ и въ своемъ натуральномъ видѣ. Въ 90-хъ годахъ, благодаря энергичному нажиму на цензурное вѣдомство, появляются уже украинскія издательства (Б. Гринченка въ Черниговѣ, „Вік“ въ Кіевѣ, „Благотворительное

Общество" въ Петербургѣ), конечно, немыслимыя при неуклонномъ примѣненіи указа 1876 г. Это были скачки съ большими, казалось даже — непреодолимыми, препятствіями, но капля долбитъ и камень, и опытъ доказалъ, что на безуспѣшность была обречена во всякомъ случаѣ не литература, явившаяся результатомъ жизненной энергіи. Законъ Юзефовича уже задолго до своего упраздненія въ 1905 г. представлялъ изъ себя изодранные лоскутья, силившейся отстоять себя, но безнадежно отмиравшей системы.

Подъ градомъ запрещеній и гнетомъ неслыханнаго въ новое время акта развивалась новѣйшая украинская литература, — все-таки развивалась, выросла и окрѣпла, привлекая къ себѣ все большее вниманіе заложенными въ ней внѣшними и внутренними цѣнностями. Рядъ писателей послѣднихъ десятилѣтій окончательно ввелъ ее въ кругъ европейскихъ литературъ.

Открываетъ это дѣло европеизаціи родного края ученый и публицистъ Михаилъ Драгомановъ (1841—1895), добровольно промѣнявшій послѣ указа 1876 г. обезпеченное положеніе профессора кіевскаго университета на полную лишеній жизнь эмигранта. Будучи прямымъ продолжателемъ дѣла украинскихъ федералистовъ 40-хъ годовъ, Драгомановъ свои федералистическіе идеалы связалъ съ европейскимъ соціализмомъ, углубилъ демократическое основаніе родной литературы и представилъ теорію возникновенія ея снизу, отъ потребностей народныхъ массъ („Галицько-руське письменство", „Шевченко, украïнофили і соціализм", „Література російська, великоруська, украïнська и галицька", „Чудацькі думки про украïньску національну справу", статьи въ „Громадѣ" и рядъ другихъ работъ на украинскомъ, русскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ). Какъ публицистъ и литературный критикъ, Драгомановъ будилъ мысль, раскрывая широкіе горизонты общечеловѣческихъ идеаловъ въ мѣстной оболочкѣ, безпощадно разрушая всякое дилетантство, узкое самодовольство и преклоненіе предъ внѣшнимъ національнизмомъ. По руслу, указанному Драгомановымъ, пошла въ дальнѣйшемъ украинская общественная мысль, представляемая литературой, упорно борясь противъ внѣшнихъ стѣсненій и расширяя кругъ своего вліянія и темъ. Въ области художественной прозы на первое мѣсто выдвинулся Иванъ Нечуй-Левицкій (род. въ 1838), луч-

шій бытописатель пореформенной Украины и испытанныхъ ею соціальныхъ и общественныхъ перемѣнъ, несравненный бытовикъ, создавшій необыкновенно типичныя фигуры и положенія, особенно изъ жизни крестьянства и духовенства (повѣсти: „Микола Джеря", „Булачка", „Хмари", „Причепа", разсказы: „Рибалка Панас Круть", „Баба Параска та баба Палажка", „Дві московки" и др.). Далѣе отъ этнографизма, въ область личной и массовой психологіи, отошелъ Панасъ Мирный (псевдонимъ), по темамъ имѣющій много общаго съ предыдущимъ писателемъ, но превосходящій послѣдняго широтой и пластичностью рисунка (романы: „Хиба ревуть воли, як ясла повні?", „Повія"; повѣсти: „Лиходавне і свогочасне", „Лихі люде", разсказы: „П'яниця", „Лихий попутав" и т. д.). Правдоискательство на соціальномъ фонѣ — обычный пріемъ Мирнаго. Поэтомъ борьбы выступаетъ галичанинъ Иванъ Франко (род. въ 1856 г.), обнаружившій замѣчательную разносторонность дарованія, здоровый реализмъ и боевой темпераментъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ (сборники стихотвореній: „З вершин і низин", „Мій ізмарагд", „Зів'яле листя", „З днів журби" и др.; разсказы: „В поті чола", „Бориславські оповидання"; повѣсти: „Boa constrictor", „Захар Беркут", „Болислав сміється", „Для домашнього огнища", „Перекрестні стежки" и т. д.; поэмы: „Іван Вишенський", „Мойсей"). Изображеніе жизненныхъ контрастовъ, свойственное Франку, освѣщено въ его произведеніяхъ возвышеннымъ гуманизмомъ и неустаннымъ искательствомъ человѣка въ человѣкѣ. Пѣвцомъ тяжелой современности былъ Михаилъ Старицкій (1840—1904) въ своей поэзіи, настроенной на высокій гражданскій ладъ, прославлявшей преимущества терноваго вѣнца предъ лавровымъ. Одинъ изъ основателей украинскаго театра, Старицкій далъ для современнаго репертуара много драматическихъ произведеній, изъ которыхъ лучшія: „Не судилось", „В темряві", „Богдан Хмельницький", „Маруся Богуславка", „Остання ніч". Истиннымъ отцомъ украинскаго театра считается Маркъ Кропивницкій (1841—1910), выступавшій и въ качествѣ драматическаго писателя. Пьесы его, преимущественно изъ крестьянскаго быта („Дай сердцю волю, заведе в неволю", „Глитай", „Олеся", „Дві сем'ї", „Зайдиголова"), искрятся блестками народнаго языка, свойственными старой, этнографической, школѣ. Зачатки соціальнаго эле-

мента въ украинской драмѣ развилъ Иванъ Тобилевичъ (1845—1907), извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ Карпенко-Карый. Его живая наблюдательность, умѣнье схватывать интересныя положенія и даръ композиціи отдѣльныхъ сценъ въ стройное, охваченное одной идеей цѣлое — выдвинули его, какъ лучшаго украинскаго драматурга. Цѣлая галлерея живыхъ, типическихъ фигуръ содержится въ произведеніяхъ этого писателя („Бурлака", „Наймичка", „Безталанна", „Сто тисяч", „Хазяїн", „По-над Дніпром", „Суета", „Сава Чалий", „Гандзя" и др.), особенно любившаго останавливаться на явленіяхъ изъ міра эксплоатаціи и наживы, — этого въ своемъ родѣ темнаго царства современности. Изъ второстепенныхъ литературныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ слѣдуетъ упомянуть: переводчика „Иліады", „Одиссеи" и „Антигоны" Петра Нищинскаго, поэтессу и беллетристку Ольгу Косачъ (Олена Пчілка), поэта-горемыку Ивана Манжуру, публицистовъ О. Терлецкаго и Михаила Павлика, библіографа и критика Михаила Комарова и др.

80-е годы, въ свою очередь, выдвинули не мало заслуженныхъ именъ, имѣющихъ право на видное мѣсто въ исторіи украинской литературы. Поколѣніе 80-хъ годовъ уже освоилось съ внѣзаконнымъ своимъ положеніемъ и быстро приспособилось къ нему, развивая значительную энергію въ преодолѣніи и обходѣ цензурныхъ требованій. Наиболѣе выдающейся фигурой среди этого поколѣнія является Борисъ Гринченко (1863—1910), пѣвецъ труда и самоотверженія ради общественнаго дѣла, распявшій, можно сказать, себя на требованіяхъ текущаго момента, приковавшій къ нимъ всѣ свои недюжинныя силы. Его произведенія посвящены то выясненію задачъ украинской интеллигенціи („Соняшний промінь", „На роспутті", „Байда", „Зустріч"), то изображенію новыхъ теченій среди народа („Серед темної ночі", „Під тихими вербами"), то движенію темныхъ инстинктовъ, господствующихъ на низахъ соціальной лѣстницы („Хата", „Без хліба", „Каторжна", „Нелюб" и др.). Какъ публицистъ, Гринченко отстаиваетъ самостоятельность украинской стихіи во всѣхъ проявленіяхъ жизни („Листи з України Наддніпрянської"), много и плодотворно работая въ то же время въ области популярной литературы. Къ публицистическимъ взглядамъ Гринченка примыкаетъ дѣятельность Т. Зиньковскаго (1861—1891), уже

въ первыхъ своихъ работахъ обнаружившаго много вдумчивости и критическаго пониманія дѣйствительности. Димитрій Марковичъ (род. въ 1849 г.) въ своихъ разсказахъ („Два платочки“, „Шматок“, „У найми“, „На Вовчому хуторі“ и т. д.) выказываетъ секретъ пониманія человѣческой души, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на моментахъ возрожденія и просвѣтленія. Извѣстная поборница женскаго равноправія въ Галичинѣ Наталія Кобринска (род. въ 1855 г.) даетъ рядъ женскихъ образовъ въ борьбѣ за самостоятельность женщины. Лучшій разсказъ ея „Виборець“ рисуетъ яркую картину политической жизни галицкихъ массъ. Галичане Андрей Чайковскій (род. въ 1857 г.), Осипъ Маковей (род. въ 1867 г.) и Григорій Цеглинскій (род. въ 1853 г.) явились бытописателями мелкой шляхты, первые два въ области повѣсти, послѣдній — драмы. Галичанинъ же Стефанъ Ковальов (род. въ 1848 г.) пріобрѣлъ большую извѣстность изображеніемъ „галицкой Калифорніи“, нефтеноснаго района въ окрестностяхъ Борислава. Въ противоположность картинамъ мрачнаго распада заводской полосы, встрѣчаемымъ нами въ разсказахъ Ковалева, его младшій землякъ Тимофей Бордулякъ (род. въ 1863 г.) предпочитаетъ останавливаться на поэзіи земледѣльческаго труда и патріархальныхъ отношеніяхъ деревни („Перший раз“, „Дай Боже здоровля корові“, „Самітня нивка“); сильную картину эмиграціонной горячки даетъ его повѣсть „Іванъ Бразиліець“.

Въ области стихотворной поэзіи 80-е годы дали опять таки нѣсколько крупныхъ именъ, внесшихъ въ украинскую литературу новые мотивы и формы и послужившихъ развитію той музыкальной виртуозности стиха, которая замѣчается у лучшихъ современныхъ представителей украинской поэзіи. Владиміръ Самійленко (род. въ 1864 г.), поэтъ съ философской складкой въ лирикѣ, ювеналовскимъ стихомъ бичуетъ недостатки украинскаго общества и общеполитическія условія россійской жизни („На печі“, „Патріотична праце“, „Ельдорадо“, „Божій приклад“ и др.). Павелъ Грабовскій (1864—1902) — поэтъ-гражданинъ, сознательно отталкивавшій отъ себя утѣхи чистой поэзіи; особенно чистымъ чувствомъ запечатлѣны стихотворенія, изображающія тоску по родинѣ этого изгнанника, извѣдавшаго ужасовъ Кары и Акатуя. Высоко подымается гражданская скорбь и въ

стихотвореніяхъ Ларисы Косачъ (1872—1013), популярной Лесі Українки. Мужественный гнѣвъ и возмущеніе противъ угнетателей родного края и рабской психологіи терпящихъ этотъ гнетъ перемежается въ ея произведеніяхъ съ тонкой, изящной лирикой мягкаго женскаго сердца („Contra spem spero“, „Fiat nox“, „До товарищів“, „Товарищі на спомин“, „Поет під час облоги“, „Горит мое сердце“). Большой общественный, не говоря уже о художественномъ, интересъ представляютъ оригинальные драматическіе этюды Косачъ, эти драматизированныя поэмы, въ которыхъ прекрасная форма такъ гармонируетъ съ глубокимъ содержаніемъ („Одержима“, „Касандра“, „У пущі“, „Лісова пісня“, „В дому роботи̂“...). Не чуждается гражданскихъ мотивовъ и Агаѳангелъ Крымскій (род. въ 1871 г.), хотя его дарованію несомнѣнно болѣе свойственны порывы глубоко мятущагося сердца, страстно ищущей души, тоскующей по далекомъ идеалѣ. Пантеистическое настроеніе автора проявляется особенно ярко въ его экзотическихъ сюжетахъ, которыми онъ обогатилъ украинскую литературу. Оригинальны по формѣ изящныя поэмы въ прозѣ Днѣпровой Чайки (псевдонимъ).

Перечисленные сейчасъ писатели не представляютъ уже пройденной ступени, не являются исключительно достояніемъ исторіи литературы. Нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ до сихъ поръ дѣйствовать, другіе же, „отошедшіе“, слишкомъ ярко отразили въ себѣ біеніе жизни, слишкомъ тѣсно связаны съ современностью, чтобы между ними и нею можно было провести ясную разграничительную черту. И если, тѣмъ не менѣе, я выдѣляю литературу двухъ послѣднихъ десятилѣтій, то лишь въ интересахъ удобства— для того, чтобы яснѣе представить читателю наличный составъ дѣятелей украинской литературы, послѣднее ея слово, сказанное при томъ при значительно измѣнившихся условіяхъ „конституціонной“ Россіи.

III.

Поколѣніе 90-хъ годовъ видѣло передъ собой примѣръ предшественниковъ, на своихъ плечахъ вынесшихъ всю первоначальную тяжесть ограничительной практики. Къ этому времени запретительная энергія начала нѣсколько ослабѣвать, расшатываемая требованіями жизни. Съ другой стороны, растетъ и протестантское настроеніе среди общества. На Украину проходятъ

галицкія изданія литературнаго („Зоря“) и политическаго содержанія („Правда“, „Буковина“, „Народ“, „Жите і Слово“ и др.), въ которыхъ читатели встрѣчали статьи Драгоманова, Франка, Гринченка, Павлика и др., разъясняющія требованія момента и обязанности общества въ виду этихъ требованій. Происходитъ пересмотръ старыхъ позицій украинофильства, зарождается теорія новаго направленія — „украинства“, національнымъ требованіямъ отводящаго соотвѣтственное мѣсто, въ жизни, но проводящаго ихъ послѣдовательно и неуклонно. Прежнія разномысленныя „громады“ начинаютъ перестраиваться по партійнымъ признакамъ. Въ началѣ новаго вѣка этотъ процессъ внутренняго броженія уже былъ законченъ, и къ моменту общественнаго подъема 1904—1905 гг. украинство могло уже выступить въ качествѣ компактной массы, включающей не только представителей интеллигенціи, но и подлинныхъ людей народа, солидарной, несмотря на партійныя разногласія, по вопросамъ національной жизни, домогающейся полнаго равноправія украинскаго народа, какъ самостоятельной націи, во всѣхъ областяхъ публичной жизни (пресса, школа, общественныя и государственныя учрежденія съ украинскимъ языкомъ, политическія требованія, автономія Украины). Возникшая съ 1905 г. украинская пресса и фактическая отмѣна указа 18 мая 1876 г., несмотря на начавшіяся вскорѣ новыя ограниченія, все таки дала нѣкоторую возможность ставить украинскія требованія на новомъ основаніи — правовой жизни. Перемѣны сказались и въ области литературы, возросшей прежде всего количественно и расширившей свои рамки на счетъ находившихся прежде подъ запрещеніемъ темъ. Въ общемъ можно сказать, что украинская литература этого періода шла въ ногу съ общественной жизнью, отражая ея запросы и сохраняя свой народный и демократическій характеръ.

Истолкователемъ и главнымъ выразителемъ этого времени является профессоръ львовскаго университета и организаторъ научной работы въ Галичинѣ М. С. Грушевскій (род. въ 1866 г.), начавшій свою литературную дѣятельность въ качествѣ беллетриста, продолжившій ее научными сочиненіями (капитальная „Історія України-Руси“) и съ начала освободительнаго движенія выступающій съ живыми, талантливыми откликами на злобы дня сборникъ статей „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ„

„З бижучя хвилі“, „Наша политика“ и др.). Послѣдовательная до конца постановка національной проблемы на демократической почвѣ („украинцы должны стать націей, если не хотятъ оставаться паріями среди народовъ“) и объединеніе всѣхъ украинскихъ элементовъ на почвѣ національныхъ требованій — таковъ лейтъ-мотивъ публицистики Грушевскаго. Въ художественной литературѣ наиболѣе законченнымъ дѣятелемъ разсматриваемаго періода былъ Михаилъ Коцюбинскій (1864—1913), перешедшій отъ народническаго реализма къ художественному импрессіонизму и всюду искавшій идеала красоты („На віру“ „Ціпов'яз“, „Въ путяхъ шайтана“, „На камені“, „Fata morgana“, „Intermezzo“, „Тіні забутнэ предків“ и т. д.). Сильное впечатлѣніе производятъ художественные рефлексы писателя на темы событій 1905 г. („Сміх“, „Невідомий“, „Persona grata“ и др.). Мягкимъ характеромъ тихой мечтательности и рефлексіи отличаются лирика и разсказы Николая Чернявскаго („Пісні кохання“, „Донецкі сонети“, „Зорі“). Психологическія проблемы современнаго человѣка, основы гармоніи и счастья занимаютъ Любовь Яновскую (разсказы и драмы). Сильный реалистическій талантъ, объективно изображающій современную деревню, проявился въ лицѣ Грицька Григоренка (псевдонимъ). Гуманизмомъ и симпатичнымъ юморомъ блещутъ очерки Модеста Левицкаго, посвященные преимущественно повседневнымъ трагедіямъ маленькихъ людей. Будничную жизнь сѣрыхъ представителей толпы изображаетъ Владиміръ Леонтовичъ. Символическія произведенія Ольги Кобылянской, проникнутыя духомъ ницшеанскаго аристократизма и эстетизма, даютъ прекрасныя картины горной природы и процессы сложныхъ психическихъ переживаній. Несравненный миніатюристъ Василій Стефаныкъ подмѣтилъ новую „великую пѣснь боли“ на мужицкомъ лицѣ и далъ потрясающія сцены изъ народной галицкой жизни. Большой, хотя нѣсколько эксцентричный талантъ Владиміра Винниченка особенно ярко проявился въ изображеніи соціальныхъ контрастовъ („Краса і сила“, „Контрасти“, „Голота“, „Боротьба“ и др.); менѣе удачны его художественныя экскурсіи въ область „новой морали“. Поэтъ бури и натиска, пѣвецъ возрожденной родины О. Олесь выступилъ съ высокими образцами политической лирики, полной гнѣва и возмущеннаго чувства. Изысканность формы, доходя-

щую до виртуозности, обнаруживаютъ М. Вороный и Г. Чупринка. Жизнь новой деревни, съ ея возникшими на политической почвѣ запросами, отразилась въ прекрасныхъ разсказахъ А. Тесленка и С. Васильченка. Среди сотрудниковъ украинской печати, въ ея литературномъ отдѣлѣ, встрѣчаемъ и другія имена (Бурякъ, Капельгородскій, Карманскій, Кибальчичъ, Комарова, Майорскій, Пахаревскій, Романовичъ, Старицкая, Черкасенко, Щуратъ, — беллетристы и поэты; Бѣлоусенко, Грушевскій, Доманицкій, Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, Евшанъ, Левинскій, Лозинскій, Матушевскій, Никовскій, Панейко, Писнячевскій, Прокоповичъ, Смутокъ и др. — критики и публицисты), произведенія которыхъ привлекаютъ вниманіе читающей публики. Большое вниманіе украинская литература всегда посвящала практикѣ народнаго просвѣщенія, и отъ популяризаціи не отказывались лучшіе мастера украинскаго слова, какъ Шевченко, Кулишъ, Кашевскій, Франко, Гринченко. Въ этой области имѣется и въ настоящее время рядъ талантливыхъ и опытныхъ популяризаторовъ по различнымъ отраслямъ знанія, обогатившихъ литературу цѣнными произведеніями (Е. Чикаленко, М. Загірня-Грінченко, Г. Коваленко, М. Левицкій, О. Степовыкъ, Доманицкій, Королевъ и др.). Всесторонне отражая въ своихъ произведеніяхъ современную жизнь со всѣми ея запросами, представляя различныя теченія общественности, примыкая къ разнымъ направленіямъ въ области искусства — наличныя силы украинской литературы неустанно творятъ то великое дѣло возрожденія, которое заключается въ процессѣ созиданія націи, пріобщенія ея къ культурному движенію человѣчества. Эта работа уже сама по себѣ такова, что пройти мимо нея въ наше время не представляется возможнымъ. И тѣмъ болѣе въ виду ближайшихъ задачъ и перспективъ недалекаго, быть можетъ, будущаго.

Украинская литература на своемъ терпистомъ пути испытала многое, составляющее только ея исключительное, хотя и печальное достояніе, ея privilegium odiosum. Раздѣляя вмѣстѣ съ литературами всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, всѣ послѣдствія гнета, ограниченій и непрошеннаго вмѣшательства постороннихъ и враждебныхъ литературѣ силъ, украинская литература подвергалась еще спеціальнымъ воздѣйствіямъ. Усилія вырвать языкъ у цѣлаго народа, обезличить его не только мѣрами полицейской

государственности, но и путемъ духовнаго развращенія, внушивъ что этотъ языкъ не способенъ къ развитію, что онъ является признакомъ „мужичества“, дикости и безнадежной отсталости что его „не было, нѣтъ и быть не можетъ“ — это мы встрѣчаемъ только на Украинѣ. И съ первыхъ же шаговъ, уже самимъ фактомъ своего возникновенія, существованія и непрерывнаго развитія, украинская литература протестуетъ противъ такого человѣкоубійственнаго утвержденія. Отражая народные нравы и чаянія, раскрывая силы, таящіяся въ массахъ, давая выходъ творческой энергіи украинскаго народа — литература ставитъ вопросъ духовной эмансипаціи родного народа, указываетъ ему на возможность и настоятельную необходимость своего собственнаго пути къ лучшему будущему, открываетъ предъ нимъ дверь, ведущую къ этому будущему. Разбудить великій народъ, составляющій значительную часть человѣчества, къ сознательной жизни, вдунуть душу живую въ убаюканнаго историческими условіями великана, перевоплотить сырую этнографическую массу въ сознательную и сильную своей сознательностью націю — такую грандіозную задачу взяла на себя украинская литература. И недаромъ великій норвежецъ Бьёрстерне-Бьёрнсенъ, которому также была близка и понятна эта грандіозная задача, заявилъ, ознакомившись съ украинскимъ движеніемъ: „жизнь моя сдѣлалась полнѣе, и надежды на человѣчество возросли съ тѣхъ поръ, какъ я живу съ этимъ чувствомъ о возрожденіи великаго народа“.

До извѣстной степени указанная сейчасъ задача выполнена, несмотря на всѣ офиціальныя, офиціозныя и добровольческія противодѣйствія. По мѣрѣ пробужденія сознательности, все лучшее на Украинѣ примыкаетъ къ національному движенію, воплощая общечеловѣческія требованія въ національныхъ формахъ, привлекающихъ все новыхъ адептовъ своими цѣнностями. Литература этому содѣйствовала больше всего.

Съ первыхъ же дней своего существованія она сумѣла взять вѣрный тонъ — гуманности и демократизма, просвѣщенія и культурности, правды и свободы. Въ забитомъ крѣпостномъ она открыла человѣка, въ темномъ мужикѣ — гражданина, въ этнографической массѣ — великій народъ, въ его презираемой рѣчи — свободное человѣческое слово. Выдвинувъ этотъ народъ на арену исторіи какъ равнаго между равными, украинская литература

вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческія и гражданскія чувства несла въ массы и на ближайшую очередь дня ставила вопросы равноправія и равноцѣнности не только личности, не только гражданина, но и націи. О послѣднемъ часто забывали тѣ счастливцы, которые никогда не испытывали національнаго угнетенія и съ снисходительной усмѣшкой привыкли смотрѣть на „узость“ воскресающихъ націй. Изъ украинской литературы они многому могли бы научиться и прежде всего — тому уваженію къ правамъ другихъ національностей, безъ котораго немыслимо правильное развитіе и своей собственной, какъ немыслимъ и истинный демократизмъ, подлинная свобода.

Въ гармоніи съ свободнымъ духомъ украинской литературы стоитъ и ея форма, пріемы ея разработки. Взявъ для всесторонняго употребленія живое народное слово, она стремилась сдѣлать его орудіемъ общечеловѣческой мысли, поднять его на высоты культуры и ея запросовъ, не расплываясь въ вульгарности. Оставаясь всегда демократической и народной, украинская литература въ лицѣ ея лучшихъ представителей никогда не была простонародной. Уже Котляревскій, съ его классическимъ сюжетомъ, въ сущности разломалъ рамки простонародности, уже послѣ Шевченка, съ его широкимъ размахомъ общечеловѣческаго содержанія, было недоразумѣніемъ говорить о простонародности, вульгарности, провинціализмѣ и тому подобныхъ фиктивныхъ грѣхахъ украинской литературы. За простонародность принимали нѣчто иное, именно ту яркую и живую народность формы и выраженій, которая остается неотъемлемой чертой украинской литературы вплоть до послѣдняго времени. Неосновательны, съ другой стороны, также и упреки въ искусственности, сдѣлавшіеся для иныхъ изъ противниковъ украинскаго движенія единственнымъ конькомъ, на который они охотно садятся при своихъ набѣгахъ на украинство. Украинская литература, несмотря на массу внесенныхъ ею въ народный оборотъ новыхъ понятій, въ сущности, гораздо менѣе отошла отъ народнаго ствола, чѣмъ, напримѣръ, русская; она болѣе близка и понятна своему народу, и уже по тому одному менѣе искусственна. Эти не совсѣмъ умные упреки зависятъ лишь отъ того, что господа критики мѣряютъ различнымъ аршиномъ явленія одного порядка, берясь за бока отъ смѣха при видѣ, напр., Гамлета, говорящаго по-украински, и находя вполнѣ естественной въ ус-

тахъ датскаго принца великорусскую рѣчь. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что количество такихъ односторонне смѣшливыхъ лицъ замѣтно таетъ на нашихъ глазахъ, и дни этой провинціальной обывательщины очевидно уже сочтены.

Сочтены несомнѣнно дни и болѣе злостной обывательщины, держащей въ рукахъ нити власти и всегда пользовавшейся ею для нанесенія болѣе или менѣе чувствительныхъ ударовъ украинской литературѣ. Великая европейская война, одно время называвшаяся въ Россіи освободительной, неожиданно для многихъ отразилась на украинской литературѣ мѣрами прямо противоположными. Въ первые же дни послѣ открытія военныхъ дѣйствій по постановленію кіевскихъ властей была закрыта украинская политическая пресса (газеты „Рада“ и „Маякъ“), а затѣмъ то же положеніе было распространено и на всѣ остальные органы, литературные, научные, профессіональные и т. д. (всего 15 изданій) а также и на украинскія книги. Одновременно съ „освобожденіемъ“ Галичины была и тамъ уничтожена вся украинская пресса (всего 50 изданій). Сразу, какъ бы по волшебному мановенію, на всей украинской этнографической территоріи умолкаетъ украинское печатное слово... Литература возвращается къ самымъ худшимъ временамъ своего существованія, вновь очутившись предъ перспективой полнаго уничтоженія. И дирижеры, завѣдующіе волшебной палочкой, не скрываютъ своихъ цѣлей, съ торжествомъ заявляя, что съ завоеваніемъ Галичины можно и слѣдуетъ не церемониться съ украинской литературой, можно и должно нанести ей „послѣдній ударъ“...

Волшебники упустили однако изъ виду одно обстоятельство — что „послѣдній ударъ“ наносился украинской литературѣ уже неоднократно, но послѣ каждаго такого удара почему-то возникала для нихъ необходимость въ новомъ ударѣ, „на этотъ разъ дѣйствительно послѣднемъ“. „Послѣдній ударъ“ нанесъ украинской литературѣ въ 1847 г. гр. Бенкендорфъ, „послѣдній“ ударъ чувствуется въ Валуевскомъ „не было, нѣтъ и быть не можетъ“(!) 1863 г., несомнѣнно „послѣднимъ“ ударомъ представлялось вдохновителямъ и творцамъ указа 1876 г. ихъ хилое дѣтище... При сумасшедшихъ попыткахъ гальванизировать завѣдомо разложившійся трупъ мы присутствуемъ и въ настоящее время; лиллипуты, консисторскимъ аршиномъ примѣряющіе явленіе непреходящаго и

вѣчнаго порядка, опять забѣгали и засуетились около непонятнаго имъ и вызывающаго лишь безсильную злобу великана... Но дѣятели по существу неискоренимой литературы, перевидавшіе уже въ своемъ прошломъ не мало „послѣднихъ“ ударовъ, могутъ спокойно взирать на эту безпорядочную возню озвѣрѣлыхъ и захлебнувшихся отъ преждевременнаго торжества лиллипутовъ, завладѣвшихъ волшебной палочкой и потому вообразившихъ себя въ роли спасителей отечества. Ибо дѣятели украинской литературы ближе, чѣмъ кто иной, присмотрѣлись, „какъ это дѣлается“ — какъ жизнь смѣется надъ усиліями всевозможныхъ маговъ и кудесниковъ и шутя опрокидываетъ ихъ замыслы. Rira bien qui rira le dernier, — и можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ смыслѣ послѣдними наши кудесники не будутъ. Также съ несомнѣнностью можемъ утверждать, что послѣдній очередной ударъ по украинской литературѣ является дѣйствительно **послѣднимъ**, — но лишь по системѣ, съ которой никакая честная и свободная литература несовмѣстима.

С. Ефремовъ.

Т. Шевченко.

1. Завѣщаніе.

Какъ умру я — схороните
На Украйнѣ милой;
Пусть курганъ въ степи широкой
Будетъ мнѣ могилой.
Мнѣ оттуда будутъ видны
Днѣпръ, луга и кручи;
Будетъ слышно, какъ волнами
Днѣпръ реветъ могучій...
Схоронивъ, соединитесь
Въ братствѣ вольномъ, новомъ
И меня не позабудьте
Вспомнить добрымъ словомъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

---

2. Мертвымъ, и живымъ, и ненарожденнымъ землякамъ моимъ, въ Украинѣ и не въ Украинѣ находящимся, мое дружеское посланіе.

„Ащо кто речетъ, яко люблю
Бога, а брата своего ненавидитъ — ложь есть."

Солнце всходитъ и садится, —
Божій день проходитъ,
И уставшій, утомленный
Людъ покой находитъ;
Только я, какъ окаянный,
День и ночь все плачу, —
Окруженъ толпою шумной
Даромъ слезы трачу, —
Видѣть ихъ никто не хочетъ,
Словно и не чуютъ. —
И оковами мѣняясь,
Правдою торгуютъ;
И людей въ ярмо впрягая,
Бога унижаютъ;
Пашутъ ими и бѣдою
Поле засѣваютъ.
А что будетъ? — Посмотрите —
Что тамъ выйдетъ въ полѣ!
Опомнитесь, недолюдки,
Дѣти злой недоли!
Полюбуйтесь, посмотрите
На рай — Украину,
И всемъ сердцемъ полюбите
Родину-руину...
Цѣпь порвавъ, соединитесь
Вы и на чужбинѣ;
Не ищите понапрасну
Чего нѣтъ въ поминѣ
И на небѣ, — а не только
У чужого поля; —

Въ своей хатѣ — своя правда
И сила, и воля!..
Другой Украйны нѣтъ на свѣтѣ,
Другого нѣтъ нигдѣ Днѣпра! —
А вы стремитесь на чужбину
Тамъ добывать себѣ добра, —
Добра святого, братства, воли,
Любви и истины... Нашли, —
Несли, несли съ чужого поля
И въ Украину принесли
Одни слова! — Слова — и только;
А кто изъ васъ намъ не кричалъ,
Что вы избранники, пророки,
Что самъ Господь васъ къ намъ послалъ
Не для того, чтобъ предъ неправдой
Склонялись головы у васъ!
А гнетесь вы, какъ гнулись прежде,
Дерете шкуру такъ же съ насъ,
Съ людей и темныхъ и убогихъ,
И снова въ правдѣ подкрѣплять
Себя въ нѣметчину стремитесь...
О, если бы съ собою взять
Могли все доброе, что дѣды
Для васъ награбили, — тогда
И Днѣпръ и горы бъ сиротами
Безъ васъ остались навсегда!...
Когда бы такъ сталось, что вы не вернулись,
Тамъ сгибли, гдѣ свѣтъ вамъ пришлось увидать, —
Не плакали бъ дѣти, и мать не рыдала бъ, —
Не стали бъ напрасно на Бога роптать!
И вы не носились бы гнойной заразой
Надъ чистой, широкой, свободной землей;
И что за орлы вы — не знали бы люди,
И не кивали бъ на васъ головой!...
Оглянитесь! Или скоро
Къ вамъ бѣда нагрянетъ:
Людъ порветъ свои оковы
И свободный встанетъ.

Судъ придетъ, — и Днѣпръ, и горы
Скажутъ вамъ — о, горе!..
Кровь рѣками разольется
И польется въ море.
Братъ отъ брата отречется;
Мать свою родную
Не признаетъ сынъ въ ту пору —
Въ ту годину злую.
И дымъ тучею закроетъ
Солнце передъ вами,
И навѣки проклянетесь
Вашими сынами!...
Умойтесь, образъ Божій
Грязью не скверните,
Господами быть надъ нами
Дѣтокъ не учите.
Будетъ время — правда Божья
Въ душу имъ заглянетъ
И суда, расправы грозной
День для нихъ настанетъ.
Когда бъ учились вы какъ нужно,
То мудрость бы была своя,
А то залѣзете на небо —
„И мы — не мы! и я — не я!
И все-то вижу, все-то знаю
И ада нѣтъ, и нѣту рая,
И Бога нѣтъ! — а только я
Да нѣмецъ мудрый и ученый...“
— Такъ въ чемъ же мудрость-то твоя?
— Пусть за насъ отвѣтитъ нѣмецъ, —
Мы про то не знаемъ!
— Такъ вотъ какъ вы просвѣтились
Чужеземнымъ краемъ!“
Нѣмецъ скажетъ: „Вы монголы!“
— Монголы, монголы!
Золотого Тамерлана
Мы внучата голы!
Нѣмецъ скажетъ: „Вы славяне!“

— Мы славяне, вѣрно —
Нашихъ прадѣдовъ великихъ
Правнуки мы скверны!..
Шафарика и Коляра,
Ганку изучаютъ
И брататься со славянствомъ
Отъ души желаютъ.
Всѣ исторіи, языки —
Все вы изучили,
Научиться лишь родному
Языку забыли.
— „Какъ понять родное слово,
Нѣмецъ намъ укажетъ,
А пока онъ намъ же нашу
Жизнь всю поразскажетъ.
Вотъ тогда мы разойдемся!“
Ну, и заходили, —
По нѣмецкому показу
Всѣ заговорили,
Такъ что нѣмецъ самъ не понялъ —
Учитель великій;
Гдѣ же вникнуть сѣрымъ людямъ?
А гвалту, а крику!
И гармонія, и сила, —
Музыка Эдема!
А исторія, — народа
Вольнаго поэма!
Что тамъ съ Брутами своими
Старый Римъ надменный! —
У насъ Бруты и Коклесы
Въ славѣ незабвенной!
У насъ воля выростала,
Днѣпромъ умывалась,
Подъ головы горы клала,
Степью укрывалась.
И не разъ ей приходилось
Кровью умываться!..
Сномъ тяжелымъ на казацкихъ

Трупахъ забываться!..
Пораздумайте объ этомъ,
Прочитайте снова
То, что сказано о славѣ
Отъ слова до слова.
И ни титлы, и ни знака
Вы не пропускайте, —
Что такое вы за люди —
Подлинно узнайте
Кто отцы? и чьи вы дѣти?
И кому въ неволю
Вы запродали навѣки
Свою вольну волю!

Польской знати соръ и грязь
Ваши славные гетманы;
Чѣмъ же чванитеся вы, —
Вы украинскіе паны?
Тѣмъ, что носите ярмо
Лучше дѣдовъ, какъ бывало?
Съ васъ теперь дерутъ ремни,
А изъ нихъ топили сало!..
И конецъ пришелъ Украйнѣ! —
Пусть про это знаютъ, —
Что, какъ ляхи, свои дѣти
Ее распинаютъ.
Словно пиво, кровь изъ реберъ
Праведную точатъ, —
Современными огнями
Просвѣтить, вишь, хочутъ, —
Мать сѣдую и слѣпую
Повести за вѣкомъ,
По нѣмецкому указу
Сдѣлать человѣкомъ.
— Что жъ, — ведите и учите, —
Будетъ вамъ награда:
Передъ вашими очами
Упадетъ преграда:

И поднимется и встанетъ,
Передъ вами слава
Вашихъ прадѣдовъ и дѣдовъ
И отцовъ лукавыхъ!..

Учитеся, братцы мои, —
Учитесь, читайте;
Но чужому научаясь,
Свое не бросайте:
Кто забудетъ мать родную, —
Тѣхъ Господь караетъ,
Отъ людей тотъ ни привѣта,
Ни ласки не знаетъ.
Свои дѣти — какъ чужія;
И нигдѣ для злого
На всей землѣ безконечной
Нѣтъ пріюта, крова!

Я рыдаю, — только вспомню
Про дѣла былыя
Нашихъ дѣдовъ. Чтобъ забыть ихъ,
Годы молодые
Я бы отдалъ, — не жалѣлъ бы
Жизни половины, —
Вотъ какая наша слава,
Слава Украины!
Глубже вдумайтесь, вчитайтесь,
Чтобы передъ вами
Вся неправда поднялася
Съ вашими дѣлами.
Чтобъ раскрылися могилы
И вамъ показали
Тѣхъ, кого за правду люди
Въ прошломъ распинали...
Обнимите же, о, братья,
Брата бѣдняка, —
Пусть у матери не льется

Горькихъ слезъ рѣка.
Пусть она благословитъ ихъ
Твердыми руками,
Вы же братьевъ поцѣлуйте
Вольными устами; —
И забудется навѣки
Давняя година, —
Снова въ доброй славѣ встанетъ
Наша Украина;
Свѣтъ великій разольется
По родному краю...
Обнимитесь же, о, братья,
Я васъ умоляю...

Ив. Бѣлоусовъ.

Иванъ Франко.

Звѣриный бюджетъ.

Не за горами, не за Бескидами, а въ нашемъ краю жилъ нѣкогда великій и могучій царь, котораго звали Левъ, а по прозвищу „Сытый ѣсть не хочетъ". Добрый онъ былъ царь и справедливый; никто на него никогда не жаловался, а если изрѣдка кто вздумалъ пожаловаться, то обыкновенно не успѣвалъ и оглянуться, какъ былъ уже покойникомъ и возлежалъ въ царскихъ зубахъ. А былъ онъ царемъ надъ всѣми звѣрями, надъ всѣми птицами, и всѣ ему повиновались.

А надо вамъ знать, что въ звѣриномъ царствѣ существовала уже издавна такая конституція: неотмежеванной власти никто не имѣлъ, а каждый пожиралъ только того, кого могъ поймать, задушить и ободрать со шкуры. Передъ царемъ всѣ были равноправны; онъ былъ самый сильный и имѣлъ право каждаго поймать, задушить, ободрать и съѣсть. Ему были подчинены младшіе губернаторы, какъ-то Медвѣди, Волки, и изъ нихъ каждый имѣлъ такую-же власть надъ ниже себя стоящими.

Долго-ли, коротко-ли жили звѣри подъ такою конституціею, этого я вамъ не скажу. Довольно того, что настало время, когда она имъ опротивѣла хуже хрѣна, и они сказали царю-Льву:

— Свѣтлѣйшій государь, упраздни ты эту собачью конституцію! Если равноправіе, — то пусть ужъ будетъ равноправіе. — Ты — царь, и всѣ мы хотимъ быть подъ твоею властью. Ты у насъ одинъ — ѣшь, кого хочешь, дери, кого хочешь — твоя воля. Но если каждый изъ твоихъ губернаторовъ захочетъ пользоваться такою же властью и скажетъ, что онъ тоже равноправный, что онъ — „шляхтичъ на загородѣ*, равный воеводѣ", то намъ, мелкотѣ, овцамъ, курамъ да зайцамъ — просто дышать станетъ невозможно. Такое придетъ, что либо пропадай, либо смерть твоя!

Выслушалъ царь Левъ эту рѣчь и такъ какъ самъ онъ былъ сытъ и въ хорошемъ настроеніи, то сказалъ:

— Что-жъ, мои вѣрные подданные, ваша правда! Самъ вижу, что вамъ ни въ уголъ, ни въ двери, если каждый Волкъ да каждый Коршунъ захочетъ надъ вами издѣваться. Будетъ, дѣтки, по-вашему. Нынѣшнюю конституцію я упраздню, если она вамъ допекла, и введу новую, такую, что всѣ вы будете равны передъ закономъ, а законъ, — это только я одинъ. Я одинъ, дѣтки, буду имѣть власть надъ вами, а всѣ остальные пусть сидятъ тихо да смирно, и да будетъ во всемъ царствѣ Божье благоденствіе. Никто не смѣетъ на другого нападать, ни убивать, ни обижать, а если-бы кто отважился на такое злодѣяніе, вы только поспѣшите ко мнѣ съ жалобой, и я накажу злодѣя по всей строгости закона!

Чрезвычайно обрадовались всѣ звѣри, услышавъ такое ласковое слово отъ своего царя, и разошлись по домамъ. И дѣйствительно, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, царь велѣлъ по всему царству трубить и бить въ барабаны, чтобы никто не смѣлъ убивать другого, обдирать и ѣсть, и чтобы во всемъ царствѣ было Божье благоденствіе.

Ой, ой, что было, какъ услышали о той новой конституціи Медвѣди, Волки и иные кровожадные звѣри! Стоило посмотрѣть, какой переполохъ среди нихъ поднялся. Не приведи Господи! Такой ревъ да вой подняли во всѣхъ дебряхъ, оврагахъ да пещерахъ!.. А потомъ снюхались и всѣ вмѣстѣ побѣжали къ царю. Обступили его столицу, что твоя черная туча, и такой

---

* Сельскій дворянинъ.

гамъ подняли, что Левъ не зналъ, какой у него день, и гдѣ его голова. А больше всѣхъ голосили Волчицы: „Что же наши дѣточки будутъ кушать? Нашихъ бѣдныхъ Волчатокъ чѣмъ мы будемъ кормить? Травою будутъ питаться? Кору съ деревьевъ грызть? Если бы мы, въ чаяніи тяжкой бѣды, хоть капусты насолили! Да и что стоитъ постная капуста безъ солонины! Ой-ой-ой, головушка наша бѣдная, доля наша безсвѣтная!"

Слушалъ, слушалъ царь Левъ этотъ крикъ и причитанія, да какъ разсвирѣпѣетъ, какъ заскрежещетъ зубами, какъ махнетъ хвостомъ и рыкнетъ своимъ здоровеннымъ голосомъ — всѣ звѣри со страху чуть на мѣстѣ не попадали. Тихо стало такъ, хоть макъ сѣй. А Левъ и говоритъ:

— Молчать, мерзкіе бунтовщики! Кто отзовется, тотъ живой съ мѣста не тронется. Что вы себѣ думаете? За кого вы меня принимаете? Развѣ я не всѣмъ звѣрямъ царь? Или я только овечій опекунъ, козлиный пріятель, телячій доброжелатель, куриный отецъ? Развѣ вы всѣ, Медвѣди, Волки, Тигры, Орлы да Ястребы не такіе-же, и даже лучшіе мои подданные и дѣти, какъ тѣ? Думаете ли вы, что я для того ввелъ конституцію, чтобы вы съ голоду дохли, а та голытьба чтобы безпрепятственно множилась? Дуракъ, кто такъ думаетъ!

Всѣ кровожадные звѣри съ облегченіемъ вздохнули, услышавъ такія царскія слова. Съ души у нихъ отлегло, хоть они и не знали еще, какъ собственно царь полагаетъ съ той конституціей поступить, чтобы и Волки были сыты, и Овцы цѣлы. А Левъ продолжалъ дальше такъ:

— Слушайте же, какая моя воля! Первый параграфъ новой конституціи гласитъ: „Всѣ звѣри равны передъ закономъ, а законъ — это царь". Такъ вотъ отнынѣ я установляю слѣдующій законъ: всѣ губернаторства упраздняются, и вы всѣ будете находиться при мнѣ, будете составлять мой дворъ, мою личную охрану и мою армію. А прочіе звѣри должны поставлять для меня и для моего двора пропитаніе. Составимъ бюджетъ, какое количество пищи надобно въ день для всѣхъ васъ и для вашихъ семействъ, передадимъ этотъ бюджетъ на обсужденіе звѣринаго совѣта, совѣтъ одобритъ его, и тогда всѣ вы будете жить, какъ у Бога за дверью, и увидите, что при новой конституціи живется гораздо лучше, нежели безъ нея. Потому что если прежде вы и

имѣли право хватать и ѣсть всякаго, кого только могли осилить, то все же вы должны были бѣгать, подстерегать, ловить, не разъ бороться и надрываться, не разъ и голоду натерпѣться. Теперь же всему этому конецъ. Выполненіе одобреннаго бюджета мы возложимъ на отдѣльныя общества, и они должны будутъ сами все добыть и доставить намъ, такъ что каждый только бери и ѣшь готовое. Теперь вы знаете, что значитъ новая конституція?

Кровожадные звѣри чуть изъ шкуръ не повыскакали отъ радости, услышавъ такое мудрое разъясненіе новой конституціи. Дѣйствительно — подумалъ каждый, — если звѣриный совѣтъ одобритъ нашъ бюджетъ, то всякій тогда скажетъ: что-жъ, сами одобрили, сами такъ хотѣли, такъ и давайте добровольно. А ужъ царь для того и есть царь, чтобы звѣриный совѣтъ одобрилъ все, что ему надобно, и чего онъ потребуетъ.

И всѣ начали скакать отъ радости, какъ только могли выше, и выть, и ревѣть, и пищать, и кричать всевозможными голосами: „Слава, слава, слава нашему мудрому царю!“ А потомъ, взявшись за переднія лапы, давай выплясывать передъ царскимъ престоломъ національный танецъ, а хоръ изъ отборнѣйшихъ пѣвцовъ затянулъ въ двадцать четыре голоса пѣснь славословія:

„Многая-гая-гая,
Многая-гая-гая
Лѣта-та-та-та-та-та-та,
Лѣта-та-та-та-та-та-та,
Многая лѣта!“

Не нужно вамъ и досказывать, что все въ дѣйствительности сбылось такъ, какъ говорилъ Левъ. Медвѣди, Волки, Рыси, Коршуны, Орлы и всякіе кровожадные звѣри очень тщательно разсчитали, сколько имъ и всему ихъ роду и приплоду надобно на годъ припасовъ. На основаніи этихъ расчетовъ царь велѣлъ своимъ министрамъ составить бюджетъ, созвалъ большой звѣриный совѣтъ со всей державы и сказалъ:

— Ну, дѣтки, вотъ вамъ, во славу Бога, новая конституція. Что-жъ, по нраву она вамъ?

— По нраву, ваше царское величество! — закричали всѣ звѣри.

— Хорошо, дѣтки! Очень меня это радуетъ. А теперь обратите вниманіе на то, что я вамъ скажу. Всѣ вы обязаны охра-

нять ее, какъ глазъ въ головѣ, и въ случаѣ надобности всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, что у васъ есть, даже жизнью своею пожертвовать ради нея!

— Во всякое мгновеніе мы готовы это сдѣлать! — закричали въ патріотическомъ воодушевленіи Ослы, Волы, Бараны и другіе звѣри.

— Очень меня радуетъ вашъ патріотизмъ, — сказалъ Левъ. — Вѣрьте, что я умѣю его цѣнить. Конституція, которую я вамъ далъ, и которая во вѣки вѣковъ будетъ составлять славу моего царствованія, дорога мнѣ такъ же, какъ и вамъ. Чтобы соблюдать ее, хранить, какъ высшую святыню, и оберегать отъ всякаго нарушенія внѣшняго и внутренняго, я не только готовъ самъ трудиться день и ночь, не жалѣя пота и крови, но даже учредилъ постоянную стражу, подъ бдительнымъ надзоромъ которой каждый изъ васъ, даже самый слабый, можетъ спать спокойно.

— Дай тебѣ Богъ много лѣтъ прожить, нашъ мудрый и милостивый царь! — крикнули всѣ звѣри, хотя уже не такъ радостно, какъ первый разъ. А царь продолжалъ дальше:

— Вотъ вамъ смѣта. На содержаніе мое и моей стражи вы должны будете давать добровольно то, что здѣсь указано, а я ручаюсь вамъ, что во всей странѣ на вѣчныя времена воцарится Божье благоденствіе.

Слуги раздали всѣмъ звѣринымъ депутатамъ печатные экземпляры смѣты. Заглянули депутаты въ эту смѣту — и морозъ прошелъ у каждаго по кожѣ. Но что было дѣлать! Пусть хоть есть чернымъ по бѣлому: если кому надо что дать, то больше этого съ него не потребуютъ.

— Секретарь, — сказалъ Левъ, — прочти бюджетъ. Можетъ быть, кто-нибудь захочетъ по этому вопросу высказаться.

Тогда поднялся одинъ старенькій Оселъ и сказалъ:

— Я подаю голосъ за то, чтобы освободить господина секретаря отъ чтенія. Всѣ мы прочли этотъ бюджетъ и поняли сразу, что безъ бюджета нельзя. Всѣ мы вѣримъ нашему царю и готовы для него на все. Поэтому я подаю голосъ за то, чтобы совѣтъ принялъ этотъ бюджетъ безъ преній, сразу. Кто съ этимъ согласенъ, пусть встанетъ съ мѣста.

Всѣ встали. Бюджетъ былъ принятъ. Съ той поры въ звѣриномъ царствѣ утвердилось истинное Божье благоденствіе.

Перев. ***Е. Нечуя.***

Михаилъ Коцюбинскій.

Тучи.

Когда я смотрю на тучи, на этихъ дѣтей земли и солнца что, умчавшись въ высоту, поднимаясь все выше и выше, странствуютъ по голубой дорогѣ, — мнѣ кажется, что я вижу душу поэта.

Я узнаю ее. Она плыветъ, чистая и свѣтлая, жаждущая неземныхъ очарованій, прозрачная и легкая, съ золотою улыбкою на розовыхъ устахъ, звенящая любовью къ пѣснѣ.

Я вижу ее. Большая и тяжелая, полная печали и невыплаканныхъ слезъ, обремененная всѣми скорбями міра, потемнѣвшая отъ боли за несчастную землю, она клубится черными извивами, тяжело дышитъ переполненной грудью, прячетъ лицо отъ солнца и горько плачетъ теплыми слезами до тѣхъ поръ, пока ей не станетъ легче.

Я знаю ее. Она... Мятежная, вся насыщенная огнемъ, вся пламенѣющая великимъ и праведнымъ гнѣвомъ, мчится бѣшено по небу и подгоняетъ лѣнивую землю золотой хворостиной. Впередъ!.. впередъ!.. скорѣе вмѣстѣ съ нею!.. въ милліонъ разъ скорѣе въ пространствѣ!.. И зоветъ такъ, чтобы всѣ услышали, тобы никто не спалъ, чтобы всѣ проснулись...

Я понимаю ее. Вѣчно неудовлетворенная, вѣчно ищущая съ вѣчнымъ вопросомъ — „зачѣмъ? для чего?“ — она опустила сѣрыя крылья надъ землею, чтобы не было видно солнца, чтобы утонула въ тѣни земля, и сѣетъ мелкую, туманную печаль...

Поэтъ, я не удивляюсь, что ты любишь тучи. Я сочувствую тебѣ, когда съ печальною завистью ты слѣдишь за облачкомъ что тонетъ, расплывается и исчезаетъ въ голубой пустынѣ...

Усталость.

Душа моя утомлена — и даже печаль, испытываемая мною подобна улыбкѣ, застывшей на лицѣ мертвеца...

Я завидую небу, потому что тучи, проходящія по небу, не оставляютъ на немъ никакого слѣда: оно опять становится яснымъ и голубымъ.

Я завидую землѣ, потому что тѣни, покрывающія ее, пере-

двинутся на другое мѣсто, и гдѣ было темно и печально, тамъ снова ляжетъ золото солнца.

Съ завистью смотрю я на воду: подобно зеркалу, отражаетъ она красу міра и даже когда недовольна — ломаетъ всѣ линіи и краски и творитъ свое.

И чувствую я зависть къ осеннему растенію: каждое хранитъ въ себѣ надежду жизни и дастъ новые ростки.

Тогда какъ я...

Тогда какъ пепелъ надеждъ моихъ недвижною тучею нависъ надо мною, тогда какъ солнце счастья не сгонитъ съ души тѣней, тогда какъ зеркало души моей померкло, потемнѣло, не отражаетъ ничего, тогда какъ то, что облетѣло и стало обнаженнымъ — не распустится снова...

Почему не живу я, вѣщее существо, какъ это безмолвное небо, какъ неживая земля, какъ вода, какъ растеніе?

Спросить?..

Нé хочу... я усталъ...

Одинокій.

Я слушаю пѣніе, какого не слышитъ никто: это поетъ моя душа.

Всегда и вездѣ я слышу ея любимый припѣвъ:

— А ты одинокій!

И ничто не заглушитъ — я это знаю — ничто не заглушитъ тихое пѣніе: сквозь завыванья вьюги, сквозь смѣхъ весны, сквозь рокотъ грома и плескъ волнъ я неизмѣнно слышу:

— Одинокій!.. Одинокій!..

Кругомъ люди. Блестятъ ихъ глаза, звучатъ ихъ голоса... прядетъ серебряную нить разумъ и золотую — сердце, мгновеніе бытія выходитъ изъ береговъ, шумитъ, играетъ — и когда къ устамъ моимъ приникаетъ чаша наслажденія — я слышу уже знакомый реквіемъ души:

— А ты одинокій!..

Я плачу. Изъ моего сердца тоже льется ручеекъ въ море людского горя. И хоть тепла моя рука, протянутая для дружескаго пожатія туда, гдѣ оно нужно, хоть моя душа открыта для

чужого горя, какъ цвѣтокъ для росы, а между тѣмъ... а вмѣстѣ съ тѣмъ — я чувствую — изъ глубины встаетъ, какъ вѣчное проклятье:

— Ха-ха! Ты все же одинокій!..

И когда даже около моего сердца бьется любящее сердце, когда двѣ искры сливаются въ пламя счастья, когда кажется, что сфинксъ уже разгаданъ — и тогда даже...

И тогда даже чернымъ клубомъ прокатывается въ моей груди мучительный и гордый крикъ:

— А я... одинокій!.. Перев. ***Е. Нечуя.***

Иванъ Семанюкъ.

Святой Николай подъ арестомъ.

— Тсс! Уже идетъ!

— Куда?

— Къ намъ!

— Тятя!

— Тсс! Вотъ они уже у Пріймакова перелаза. Вася! скачь-ка еще на чердакъ.

— Зачѣмъ?

— Прикрой кострикою одежду, привали камнемъ доску.

— Я уже привалилъ.

— Да скинь тулупъ, а то возьметъ...

— Нѣтъ, я убѣгу.

— Мамка спрятала запаску?*

— Спрятала.

— А какъ яма?

— Я присыпалъ ее золою, не увидитъ...

— Тятя!

— Чего тебѣ?

— Дайте мнѣ вашу шляпу.

— На, бѣги!

У плетня показалась фигурка, вся въ черномъ, на головѣ шапка съ черно-желтою нашивкою на нижнемъ краю и съ круглымъ значкомъ спереди, подъ плоскимъ дномъ. Подъ лѣвою

---

* Родъ юбки.

рукою — продолговатая книга, въ правой рукѣ палка. За фигуркою слѣдуютъ двое. Одинъ несетъ большой узелъ мужицкой одежды, другой съ пустыми руками.

— Дома Кирило Сивчукъ?

Молчаніе.

— Дома Кирило Сивчукъ? — громче крикнула фигура.

— Почему мнѣ не быть дома, прошу милости Божьей и вашей, — послышался изъ низенькой, безоконной хаты хриплый, придушенный голосъ.

Вслѣдъ за этимъ скрипнула черная, закопченная дверь и выпустила на дворъ человѣка средняго роста. Его худое, морщинистое лицо, космы нечесанныхъ волосъ, сухоребрая грудь, которую не закрывала грязная, заплатанная рубаха, потертые красноватые штаны и худыя, босыя ноги — сами говорили вмѣсто него, кто онъ такой. Ему не было надобности представляться. Его внѣшность вырабатывали вѣка нужды и начертали на немъ четкую надпись: мужикъ.

— Я дома, на милость Божью и... — повторилъ Кирило Сивчукъ, низко кланяясь.

— Почему ты не откликаешься, когда тебя зовутъ? — сердито спросила фигурка.

— Какъ же нѣтъ? Я дома, прошу милости...

— Будемъ тебя описывать за неплатежъ подати.

— Что-жъ дѣлать, панъ приставъ.

— Скотъ у тебя есть?

— Скотинку Богъ дастъ! Давненько уже мы не ѣли скоромнаго.

— Что же есть у тебя изъ движимаго?

— Четыре голыя стѣны и больше ничего. Бѣдно живемъ милостивый, да достойный, да честный паночекъ.

— Врешь!.. Присяжный, идемъ внутрь!,

— Развѣ я выпроваживаю милостиваго пана?

Судебный приставъ толкнулъ палкою дверь, наполовину открытую. Дверь заскрипѣла и отворилась до самой стѣны. Приставъ согнулся и переступилъ порогъ, за нимъ вошелъ присяжный, а сзади Сивчукъ. Другой присяжный остался со своимъ узломъ на дворѣ и приготовлялъ веревки для новаго узла.

— Гдѣ же твои вещи? — спрашивалъ раздраженный приставъ.

— Бѣдно живемъ, ясный и добрый паночекъ, четыре стѣны и... Сами изволите видѣть, пусть Богъ пошлетъ вамъ здравствовать!

— Я ничего не вижу.

— Га! потому что не на что и смотрѣть панскимъ очамъ бѣдность да забота!

— Это твоя жена?

— Это, милостивый панъ, жена.

Кирилиха Сивчучка, до сихъ поръ стоявшая неподвижно въ грязной рубахѣ, безъ запаски, выступила на шагъ впередъ и исподлобья глянула въ глаза приставу.

— Ничего нѣтъ, благородный и добрый паночекъ, безъ запаски хожу.

— Дѣйствительно, ничего нѣтъ, хоть пропадай, — прибавилъ Сивчукъ.

— Гдѣ же вы спите?

— Съ почтеніемъ къ честной головѣ пана, къ святымъ образамъ и къ намъ, крещеннымъ, мы спимъ на полу, а дѣти на лавкѣ.

— На чемъ спите?

— Да на полу.

— А подушки гдѣ?

— Га! Подушки пошлетъ Богъ, на кулакѣ спимъ.

— Врешь!

— Что глаза видятъ, то и есть. Я не мѣшаю искать.

Судебный приставъ быстрыми шагами прошелъ по хатѣ и стукнулъ палкою въ одинъ, другой, третій уголъ. Онъ видѣлъ, что ему нечего здѣсь взять: у передней стѣны доска подлиннѣе, на трехъ брускахъ — это лавка; у боковой стѣны доска покороче, на двухъ брускахъ — это „столъ"; посрединѣ хаты яма, присыпанная золой — это печь. Онъ хорошо видѣлъ все это, но по привычкѣ „искалъ". Минуту спустя онъ остановилъ свой взглядъ на стѣнѣ, у которой стоялъ „столъ". Тамъ висѣлъ образъ. Онъ былъ весь черный, закопченный, и лишь темно-желтыя полоски намѣчали ликъ, голову и сіяніе надъ головою какого-то святого. Одна только рама, видимо, вышедшая изъ-подъ мастерского гуцульскаго рѣзца, придавала образу цѣну и привлекала взоръ. Сивчукъ замѣтилъ, что „панъ" уставился на образъ, и озабоченно почесалъ затылокъ.

— Рама ничего себѣ.

— Это еще мой прадѣдъ вырѣзалъ.

— Откуда у тебя этотъ образъ?

— Это милостивый панъ, отъ дѣда и прадѣда.

— Присяжный! Сними образъ!

— Какъ же такъ, паночекъ? Смилуйтесь ранъ Божьихъ ради, оставьтѐ святого, — взмолился Кирило.

— Смилуйтесь ранъ Божьихъ ради, достойный и благородный панъ приставъ! — голосила Кирилиха.

Присяжный, не дожидаясь, поспѣшно снялъ образъ и вынесъ на дворъ. Только пыль взметнулась, да затянутый паутиной пустой уголъ остался на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ образъ,

— Какъ же безъ образа въ хатѣ, прошу яснаго пана? — плакался Кирило.

— Не оскверняйте намъ хату, честный панъ приставъ! — голосила Кирилиха.

— Напрасныя слова! И сама хата пойдетъ въ продажу если не заплатишь подати, я закона не могу упразднить! — крикнулъ сердито судебный приставъ и вышелъ на дворъ.

— Присяжные! Къ Грицу Саину!

Пошли.

На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло, когда Кирилиха Сивчучка съ маленькою дочкою Аничкою раскапывала посрединѣ хаты яму и доставала изъ нея „посуду“: два глиняныхъ горшка, пять деревянныхъ ложекъ, столько же красноватыхъ тарелочекъ и горшечковъ. Кирило, отваливъ камень отъ прогнившей доски на чердакѣ, вынималъ одежду и подавалъ Васильку и Петрику, которые бѣгомъ относили ее въ хату.

— Все уже, Василекъ? — спрашивалъ отецъ сына, подавая ему лапти съ онучами.

— Все, тятя. Ваша свитка да сорочка, мамкина безрукавка, запаска да сорочка, наши тулупы да рубашки, оба рядна, мѣшокъ муки, боченокъ съ огурцами, аничкинъ платокъ да ваши лапти.

— Ступай принеси воды на кулешъ, а я съ Петрикомъ нарублю дровъ.

— Ладно, тятя.

Въ то время, какъ богачъ Пріймакъ, выдоивъ своихъ шесть овецъ, несъ въ подойникѣ молоко въ хату, его сосѣди Сивчуки

сидѣли за столомъ и доѣдали горячій кулешъ и миску огурцовъ, а посрединѣ хаты догорали въ ямѣ угли.

— Мамка, я пойду спать, прочитайте „Отче наше“, — просила маленькая Аничка, которая, насытившись, дремала за столомъ.

— Стань на колѣни, дочка, и сложи ручки.

Аничка стала на колѣни, сложила ручки и подняла свои глазенки вверхъ, къ тому мѣсту, гдѣ находился до сей поры образъ. Тамъ была голая стѣна. Она обвела глазами всѣ стѣны, но образа не нашла. Пытливымъ взглядомъ она посмотрѣла въ глаза матери и жалобно проговорила:

— Мамка! Гдѣ святой Николай?..

Василекъ и Петрикъ глянули на стѣны и тоже заголосили:

— Тятя! Мамка! Гдѣ святой Николай?..

Грустно стало Кирилу. Онъ смотрѣлъ на жену, а жена молча смотрѣла на него. Оба тяжело вздохнули и отвѣтили дѣтямъ въ одинъ голосъ:

— Святой Николай подъ арестомъ!

— Судебный приставъ взялъ?

— Да, дѣтки, — святой Николай подъ арестомъ.

Перев. ***Е. Нечуя.***

Бѣлорусскій отдѣлъ (обзоръ бѣлорусской литературы и переводы произведеній ея) войдетъ во II-ой томъ Сборника.

Еврейскія литературы.

Древне-еврейская литература новѣйшаго времени.
(1785—1915)

„Древне-еврейская литература новѣйшаго времени" — это, въ сущности, contradictio in adjecto. Новая литература немыслима на древнемъ языкѣ, развѣ если этотъ языкъ самъ станетъ новымъ. Такъ, древне-греческій, доживщій до нашихъ дней, сталъ ново-греческимъ. И точно такъ же древне-еврейскій сталъ ново-еврейскимъ. Только потому, что русскій языкъ не имѣетъ слова, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы французскому hébreu или hébräique, англійскому Hebrew, Hebraic, и нѣмецкому hebräisch (въ отличіе отъ juif, judäique, Jewisch, jüdisch — еврейскій), такъ что легко принять ново-еврейскій за разговорно-еврейскій (жаргонъ), — только поэтому приходится говорить о древне-еврейской литературѣ XIX и XX вѣка. На самомъ же дѣлѣ древне-еврейскій языкъ еще задолго до начала христіанской эры видоизмѣнился и сталъ ново-еврейскимъ. Языкъ Мишны и Барайты (древнѣйшихъ частей Талмуда) является совершенно новой формаціей языка пророковъ, отъ котораго онъ весьма существенно отличается и этимологически и синтаксически. А позднѣйшія лексическія наслоенія привели къ тому, что прозаическій языкъ Бялика не на много ближе къ языку Исаіи, нежели ново-греческій языкъ Венизелоса къ языку Демосѳена.

Но и библейскій языкъ остался живъ до извѣстной степени. Отъ времени до времени появлялись подражатели языку Исаіи и Іова, особенно среди поэтовъ, которые вообще не чуждаются архаизмовъ. И древне-еврейскій языкъ Библіи, на ряду съ ново-еврейскимъ Мишны, нѣсколько разъ переживалъ періоды Ренессанса. Такъ онъ, напр., достигъ небывалаго расцвѣта въ арабской Испаніи

и въ Италіи временъ Ренессанса (отъ XI до XV вв.). Знаменитое „созвѣздіе“, воспѣтое Генрихомъ Гейне въ его „Romanzero“ — Іегуда Галеви, Соломонъ ибнъ Габироль и Моисей ибнъ Эзра, а также другъ Данте—Иммануилъ Римскій (1270—1330) подняли еврейскую поэзію на древне-еврейскомъ языкѣ на недосягаемую высоту. Бурная жизнь благодатныхъ южныхъ странъ клокочетъ и пѣнится въ ихъ полнокровныхъ, красочныхъ и страстныхъ лирическихъ и дескриптивныхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ національно-еврейскіе мотивы чередуются съ чисто-человѣческими, причемъ пышная южная природа и чарующая красота восточной женщины занимаютъ тутъ не послѣднее мѣсто. — И не только поэзія процвѣтаетъ на еврейскомъ языкѣ въ средніе вѣка. Философія, естествознаніе, математика, астрономія, — все это находитъ свое выраженіе на значительно видоизмѣненномъ и обогащенномъ цѣлой новой терминологіей языкѣ Библіи и Мишны.

Лишь начиная съ XVI вѣка, послѣ изгнанія евреевъ изъ Испаніи (1492), когда во всей Европѣ (за исключеніемъ Турціи и Польши) положеніе евреевъ становится страшнѣе и безпросвѣтнѣе даже, чѣмъ въ средніе вѣка, древне-еврейская литература перестаетъ быть свѣтскою и становится почти исключительно богословскою. Древне-еврейскій языкъ искажается до неузнаваемости и испещряется множествомъ арамеизмовъ (словъ и выраженій, заимствованныхъ у арамейско-сирійскаго нарѣчія); пишутся на немъ лишь книги по религіозно-обрядовымъ вопросамъ или по еврейской религіозной мистикѣ („Каббала“). Ни свѣтской наукѣ, ни поэзіи съ общечеловѣческимъ содержаніемъ нѣтъ мѣста среди евреевъ. Какъ будто толстая стѣна гетто, которою христіане отдѣлили себя отъ евреевъ, отрѣзала еврейскій народъ отъ всего общечеловѣческаго. Болѣе того: даже книги древне-еврейскихъ пророковъ евреи стали изучать все рѣже и рѣже. Слишкомъ далеки были эти пламенные борцы за свободу, правду и справедливость отъ ихъ втоптаннаго въ грязь, лишеннаго всѣхъ правъ, гонимаго и угнетаемаго народа...

Но стóило XVIII-ому вѣку прокламировать „права человѣка“ и зажечь яркій свѣточъ „просвѣщенія“, какъ евреи тотчасъ же потянулись за новымъ свѣтомъ, и на древне-еврейскомъ языкѣ зародилась новая свѣтская литература.

I.

Новѣйшая литература на древне-еврейскомъ языкѣ датируетъ съ 1785 г., когда зародилось первое еврейское періодическое изданіе подъ именемъ „Hameassef“ (Сборникъ), цѣлью котораго было какъ распространеніе просвѣщенія среди евреевъ, такъ и возрожденіе древне-еврейскаго языка и улучшеніе литературнаго вкуса. И 130 лѣтъ, протекшихъ со дня основанія „Сборника“ (1785—1915), можно раздѣлить на 2 или на 4 періода, смотря по тому, имѣемъ ли мы въ виду страны, въ которыхъ ново-еврейская литература нашла свое развитіе, или же — главныя теченія этой литературы.

По странамъ развитія первый періодъ (1785—1850) можно считать западнымъ, или германо-итало-австрійскимъ, а второй (1850—1915) восточнымъ, или русско-польско-палестинскимъ.

А по литературнымъ теченіямъ — первый періодъ (1785—1860) можно назвать романтическимъ, второй (1860—1880) — реалистическимъ, третій (1880—1900) — неоромантическимъ, и, наконецъ, четвертый (1900—1915) — модернистскимъ.

Само собою разумѣется, что есть писатели, опередившіе свое время, и есть писатели запоздалые, какъ есть принадлежащіе къ двумъ періодамъ одновременно и есть такіе, которые не укладываются ни въ какія рамки.

Романтическій періодъ ознаменовался въ европейскихъ литературахъ, между прочимъ, и глубокой тоской по идеализированному и опоэтизированному средневѣковью. Романтики-гебраисты звали назадъ не къ среднимъ вѣкамъ, которые, за исключеніемъ арабско-испанскаго періода, были мрачной тюрьмой для еврейства, а къ древнѣйшей эпохѣ еврейской исторіи — къ свѣтозарнымъ временамъ пророковъ и царей. Этотъ золотой вѣкъ еврейскаго народа, вѣдь, былъ золотымъ вѣкомъ и еврейскаго языка, и еврейской поэзіи, и еврейской мысли. И еврейскій Ренессансъ конца XVIII вѣка, естественно отвращаетъ свои взоры отъ непригляднаго настоящаго и обращаетъ ихъ къ этому отдаленнѣйшему, но свѣтлѣйшему прошлому. Виднѣйшій представитель этого Ренессанса въ Германіи, Н. Г. Вейзель или Вессели (1725—1805), стяжаетъ себѣ громкую славу не столько своими научными изслѣдованіями по еврейской филологіи и даже не своими публицистическими

работами, въ которыхъ онъ выступаетъ за радикальное измѣненіе еврейскаго традиціоннаго воспитанія, сколько написанною имъ на старости лѣтъ (1789—1802) героическою поэмою подъ именемъ „Schirei Thiphereth“ (Величественная поэма). Эта поэма описываетъ рожденіе и переживанія Моисея, исходъ евреевъ изъ Египта и странствованіе ихъ по Синайской Пустынѣ подъ предводительствомъ великаго вождя-законоучителя. Это—нѣчто въ родѣ „Моисеяды“ и нѣсколько напоминаетъ „Мессіаду“ Клопштока, не безъ вліянія котораго появилась и древне-еврейская поэма. Но, несмотря на центральное мѣсто, которое занимаетъ въ поэмѣ Вейзеля величественная фигура Моисея, эта фигура не заслонила собою грандіознаго образа цѣлаго народа, который появляется передъ нами въ моментъ его зарожденія. Вотъ почему эта поэма, которая находится на границѣ между псевдо-классицизмомъ и романтикой, имѣла въ свое время такой большой успѣхъ, была переведена на нѣмецкій и французскій языки и стала краеугольнымъ камнемъ въ зданіи новѣйшей литературы на древне-еврейскомъ языкѣ.

Стремленіе къ воскрешенію библейскаго языка и библейской старины естественно пробудило интересъ къ еврейской исторіи вообще. И это въ свою очередь привело къ научному изученію какъ библейской и талмудической, такъ и средневѣковой еврейской письменности. А въ Италіи появился тогда великій поэтъ-мыслитель, который объединилъ въ своемъ лицѣ глубокаго знатока еврейской исторіи и еврейской письменности всѣхъ временъ съ весьма оригинальнымъ теоретикомъ еврейскаго романтизма. Это — падуанскій профессоръ С. Д. Луццато (1800—1865). Всю жизнь свою боролся Луццато съ раціонализмомъ. Онъ едва ли не первый въ новѣйшее время указалъ на то, что іудаизмъ — больше „ученіе сердца“, чѣмъ религіозно-философская система съ „катехизисомъ“ и догматами. И одновременно съ Гейне, и независимо отъ него, онъ развивалъ въ цѣломъ рядѣ статей ту ставшую теперь общимъ мѣстомъ мысль, что весь міръ дѣлится на эллиновъ и іудеевъ. Эллинизмъ и іудаизмъ — двѣ противоположныя, вѣчно борющіяся между собою силы. Іудаизмъ основанъ на чувствѣ и стремится къ правдѣ-справедливости, къ этическому добру и къ общественному благу. Эллинизмъ же основанъ на разумѣ и стремится къ правдѣ-истинѣ, къ внѣшней красотѣ и силѣ и къ ин-

дивидуальному благополучію. А между тѣмъ, науки насъ не дѣлаютъ счастливѣе, и внѣшняя культура не гарантируетъ противъ ухудшенія взаимоотношеній между людьми и націями. Одно лишь стремленіе къ соціальной справедливости и къ добру, основанному лишь на внутреннемъ чувствѣ, можетъ дать счастье какъ обществу, такъ и личности. А эту справедливость и это добро слѣдуетъ искать не у Гомера и не у Аристотеля, а у Моисея и и пророковъ еврейскихъ, у которыхъ заимствовало свое моральное ученіе и христіанство, которое нарушило чистоту еврейской этики, примѣшавъ къ ней элементы стоической философіи эллиновъ. И именно изъ-за этическихъ идеаловъ іудаизма Луццатто высоко цѣнитъ еврейскую старину и, заодно съ ней, еврейскую религію. Есть нѣчто Карлейлевское въ его приверженности къ религіи онъ цѣнитъ въ ней не обрядность и догматику ея сами по себѣ, а поэзію ея и ея великую этическую сущность. Догматы и обряды — проводники добра, и лишь какъ таковые они имѣютъ свою цѣнность. Луццатто — глубоко религіозная натура, какъ всѣ романтики начала XIX вѣка. Но во многомъ онъ напоминаетъ также такъ называемыхъ „моральныхъ философовъ", вродѣ Томаса Карлейля и Джона Рескина.

Какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи древне-еврейская литература не могла пустить глубокихъ корней: здѣсь и тамъ недоставало народа, т. е. крупныхъ народныхъ массъ еврейскихъ, которыя дали бы ей почву и жизненные соки. Вотъ почему уже черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ „Hameassef" гегемонія переходитъ въ страну, лежащую между Западной Европой и Восточной. Въ австрійско-польской Галиціи есть сплошное еврейское населеніе, сохранившее свой національный обликъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недалекое отъ западно-европейскаго просвѣщенія („Haskalah"). Вотъ почему этой странѣ суждено было сыграть роль переходнаго пункта отъ Германіи и Италіи къ Россіи. И, дѣйствительно, въ Галиціи еврейская литература пускаетъ болѣе прочные корни. Прежде всего появляется тамъ глубокій изслѣдователь еврейской исторіи С. Л. Рапопортъ (1790—1867), по справедливости прозванный отцомъ „еврейской науки", т. е. научныхъ изслѣдованій по еврейской исторіи, филологіи, философіи и т. п. Одновременно съ нимъ появляется въ Галиціи оригинальный еврейскій философъ Нахманъ Крохмалъ (1785—1840), авторъ круп-

наго философскаго труда „Moreh nebhuchei hazeman“ (Путеводитель для блуждающихъ современниковъ). Это — первый опытъ философіи еврейской исторіи въ современномъ смыслѣ слова. Крохмалъ — гегельянецъ и, какъ Гегель въ исторіи всего человѣчества, онъ находитъ въ исторіи еврейства знаменитую гегелевскую тріаду (тезисъ, антитезу и синтезъ). На протяженіи своей трехтысячелѣтней исторіи еврейскій народъ нѣсколько разъ переживаетъ расцвѣтъ, упадокъ и новый расцвѣтъ. А конечная цѣль? И тутъ Крохмалъ, основываясь на великихъ видѣніяхъ Исаіи (преимущественно Исаіи Второго, т. е. Исаіи, гл. XL—LXVI) и религіозной философіи вышеупомянутаго поэта мыслителя Іегуды Галеви, провозглашаетъ теорію „еврейской миссіи“. Разсѣяніе еврейскаго народа имѣетъ цѣлью распространеніе этическаго монотеизма; и источникомъ страданій еврейскаго народа является то, что пока человѣчество еще не возвысилось до этическихъ требованій пророковъ и послѣдователей ихъ — Гиллеля, Акибы, Маймонида и др. Лишь когда все человѣчество проникнется этимъ чистымъ монотеизмомъ, имѣющимъ абсолютную справедливость своимъ основаніемъ и своей конечной цѣлью, миссія еврейскаго народа будетъ выполнена и настанетъ конецъ страданіямъ и разсѣянію его, т. е. наступятъ „мессіанскія времена“. Эта философская концепція еврейской исторіи имѣла огромное вліяніе на все міровоззрѣніе еврейства XIX вѣка, особенно западнаго.

Въ Галиціи появился и значительный ново-еврейскій поэтъ, М. Леттерисъ (1807—1871). И его влекло больше всего къ еврейской старинѣ: онъ перевелъ библейскія драмы Расина на древне-еврейскій языкъ. Кромѣ того, онъ напечаталъ передѣлку первой части „Фауста“, для котораго поэтъ отыскалъ еврейскую историческую фигуру въ лицѣ вѣроотступника II вѣка по Р. Хр. Элиши-Ахера, перевелъ „Еврейскія мелодіи“ Байрона, и т. д. А изъ его оригинальныхъ произведеній особенно извѣстна національная пѣсня „Ionah homyah“ (Воркующая голубка), въ которой еврейскій народъ символизируется одинокою, загнанною голубкою, которая не можетъ найти успокоенія, пока не вернется къ старому, родимому гнѣзду.

Но эта тоска по старинѣ смѣняется къ концу западнаго періода новымъ вѣяніемъ, которое приближаетъ ново-еврейскую ли-

тературу къ реализму. **Исаакъ Эртеръ** (1792—1851) бичуетъ въ своихъ сатирическихъ очеркахъ, собранныхъ въ одну книгу подъ названіемъ „Hazofeh lebeth Isroel“ (Наблюдатель дома Израилева), современный ему строй еврейской жизни въ Галиціи въ частности и въ Польшѣ вообще. Эти очерки, написанные на чисто-библейскомъ языкѣ, полны неподдѣльнаго юмора и во многомъ напоминаютъ также ѣдкую сатиру современниковъ и соплеменниковъ Эртера — Гейне и Берне. Въ этихъ очеркахъ зло осмѣиваются выродившійся хасидизмъ съ его каббалистикой и чудотворствомъ, религіозныя суевѣрія всего польскаго еврейства и ханжество и мракобѣсіе духовныхъ заправилъ и общественныхъ воротилъ его. Эртеръ первый открыто и смѣло выступилъ противъ всего отжившаго въ старомъ еврействѣ, первый открылъ глаза еврейской молодежи на язвы и болячки національнаго организма. И вмѣстѣ съ нимъ, древне-еврейская литература перестала озираться назадъ въ романтическомъ воздыханіи о золотомъ вѣкѣ, о теряющемся въ дали временъ отдаленнѣйшемъ прошломъ. Началась строгая критика всего еврейскаго быта, всего уклада жизни еврейства начала XIX-го вѣка. Древне-еврейская литература отъ тоски по минувшемъ переходитъ къ обличенію настоящаго. Отъ романтики она переходитъ къ реализму.

Но прежде чѣмъ завершился процессъ перехода, романтика пережила свой періодъ расцвѣта и среди **русскаго еврейства.**

II.

Первые толчки къ просвѣщенію и къ возрожденію древне-еврейскаго языка и литературы русское еврейство получило отъ евреевъ Германіи и Австріи. Новое движеніе „маскилизма“ (Maskil-просвѣщенный, интеллигентъ) породилось на Волыни, по близости съ Галиціей, и на Литвѣ, по близости съ Германіей. На Волыни первые лучи „гаскалы“ (просвѣщенія) распространялъ **Исаакъ Беръ Левинсонъ** (1788—1860). Въ царствованіе Николая I евреи еще всецѣло были поглощены или изученіемъ Талмуда и его многочисленныхъ комментаторовъ, или же — торговлей. Занятіе земледѣліемъ или ремеслами и изученіе государственнаго языка или свѣтскихъ наукъ считались недопустимыми: это можетъ отдалить отъ изученія религіозной письменности и совратить съ

„пути истины“. Это опасеніе имѣло тогда нѣкоторое основаніе: Николай I, стоявшій за пріобщеніе евреевъ къ земледѣлію и къ русской культурѣ, дѣйствительно, помышлялъ о томъ, какъ бы вербовать среди евреевъ побольше прозелитовъ. Но евреи, вмѣсто того, чтобъ само просвѣщеніе приспособить къ условіямъ ихъ національнаго существованія, заперлись въ духовномъ гетто и знать не хотѣли, что за стѣнами его происходитъ великая переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Левинсонъ произвелъ опытъ такого приспособленія. Цитатами изъ древней и средневѣковой письменности онъ доказывалъ, что евреи были земледѣльцами не только до разрушенія Второго Храма, но и много вѣковъ послѣ этого; что выдающіеся талмудисты были ремесленниками; что лучшіе люди во Израилѣ знали греческій, арабскій и испанскій языки и даже писали на этихъ языкахъ религіозно-философскіе трактаты и т. д. Такимъ образомъ, Левинсонъ боролся съ предразсудками его современниковъ ихъ же орудіемъ.

На Литвѣ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, но другими средствами М. А. Гинцбургъ (1795—1846). Онъ популяризировалъ свѣтскія науки на древне-еврейскомъ языкѣ, который у него, какъ и у И. Б. Левинсона, обогатился и по-библейскими словами и формами. М. А. Гинцбургъ руководится правиломъ: „Не бороться съ тьмой, а вносить свѣтъ“. Онъ пишетъ „Всеобщую Исторію“, переводитъ повѣсти и разсказы общаго содержанія, въ художественной біографіи своей („Абіезеръ“) наглядно показываетъ всю безсмысленность стараго еврейскаго воспитанія. А въ цѣляхъ сближенія русскихъ евреевъ со страной, въ которой они живутъ, онъ составляетъ краткую „Исторію Россіи“ — первую въ этомъ родѣ — и пишетъ книгу объ Отечественной войнѣ подъ именемъ „Hazarphathim be-Russiah“ (Французы въ Россіи). — Но романтика въ древне-еврейской литературѣ все еще преобладаетъ, и главный трудъ М. А. Гинцбурга — „Debhir“ (Дворецъ) изобилуетъ далекими отъ жизни оригинальными и переводными статьями, имѣющими болѣе характеръ научныхъ курьезовъ, чѣмъ серьезныхъ научныхъ работъ.

И появившійся въ то же самое время и въ той же Литвѣ поэтъ А. Б. Лебенсонъ (отецъ), болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ „Адамъ Гакогенъ“ (1794—1878), также еще чистый романтикъ. Лучшія его стихотворенія, это — тѣ, въ которыхъ

(какъ, напр., въ стих. „Hachemlah“ — Жалость, или „Hamitheonen wehameschorer“ — Пессимистъ и Оптимистъ) лирика соприкасается съ философіей, и Weltschmerz превращается въ богоборчество, — въ обвинительный актъ противъ самого Творца и Зиждителя вселенной. Только на старости лѣтъ (въ 1866 г.) онъ опубликовалъ аллегорическую драму „Emeth we-emunah“ (Правда и Вѣра), въ которой бичуются религіозное лицемѣріе еврейскихъ „праведниковъ“ и легковѣріе толпы, и восхваляется лишь разумная вѣра, основанная на „просвѣщеніи, дщери небесъ“. Вообще же, его творчество далеко отъ жизни, а также, несмотря на его мощный талантъ, отъ чистаго искусства. Это объясняется тѣмъ, что онъ не имѣлъ достаточнаго свѣтскаго образованія вообще, а въ особенности — образованія эстетическаго.

Поэтомъ въ современномъ смыслѣ слова былъ сынъ А. Б. Лебенсона, Михаилъ Лебенсонъ (1828—1852). Этотъ геніальный юноша, унесенный въ могилу чахоткой на 24-мъ году жизни, оставилъ послѣ себя, кромѣ перевода III и IV книгъ „Энеиды“ Виргилія, 2 небольшія книжки стихотвореній, одну подъ названіемъ „Schirei Bath Zion“ (Пѣсни Сіона), а другую — подъ названіемъ „Kinnor Bath Zion“ (Арфа Сіона). Первая содержитъ — какъ и можно было ожидать въ то время — 6 историческихъ поэмъ. Больше всего — поэмъ библейскаго содержанія. Самая крупная изъ нихъ — „Schelomoh we-Koheleth“ (Соломонъ и Экклезіастъ). Царю Соломону традиція приписываетъ и жизнерадостную эротическую „Пѣснь Пѣсней“ и проникнутую глубокимъ пессимизмомъ книгу „Экклезіаста“ съ ея рефреномъ: „Суета суетъ — все суета“. И вотъ Лебенсонъ-сынъ рисуетъ юношу — царя, полнаго жизни и силъ, ярко-пламеннаго въ страстной любви своей къ пастушкѣ Суламиѳи, не вѣрующаго даже въ возможность существованія зла на землѣ; а затѣмъ — достигшаго мудрости царя-старца, который не вѣритъ больше ни въ любовь, ни въ счастье, для котораго румянецъ на щекахъ прекрасной женщины, это — лишь „волокна, испачканныя кровью“, а розы, лиліи, ландыши — лишь „красивый тлѣнъ“, „цвѣтущая смерть“, и даже честность и порокъ — кто знаетъ, не зависятъ ли они отъ измѣненія одного нерва, отъ прибавленія или убавленія одной капли крови?.. Очевидно, древняя канва служитъ для вышиванія по ней совершенно новыхъ узоровъ...

Новымъ узоромъ на древней канвѣ является также его поэма „Іаиль и Сисара“ (Jaël we-Sisera). Полководецъ Сисара потерпѣлъ пораженіе на войнѣ съ Израилемъ, предводительствуемымъ пророчицей Деборой. Онъ бѣжитъ съ поля битвы и ищетъ убѣжища въ палаткѣ Іаили. Долгъ гостепріимства трижды святъ у восточныхъ кочевниковъ. И Іаиль пріютила Сисару, накормила и напоила его; а онъ, въ порывѣ благодарности, называетъ ее „ангеломъ-спасителемъ“. — Но у Іаили есть еще одинъ долгъ — гражданки, дочери народа своего. Она обязана избавить дружественный ея племени народъ израильскій отъ опаснѣйшаго врага. И поэтъ мастерски изобразилъ внутреннюю мучительную борьбу между доброй и гостепріимной женщиной и между вѣрной и глубокой патріоткой. Мягкая женщина взываетъ къ „Духу Смерти“: „Прійди изъ глубинъ ада и наполни сердце мое змѣинымъ жаломъ! Одѣнь меня въ кровавый плащъ и, вмѣсто человѣческаго сердца, дай мнѣ сердце каменное!“ — И когда любовь къ народу одержала верхъ, и Сисара убитъ, а ликующій народъ, во главѣ съ пророчицей Деборой, привѣтствуетъ ея геройскій подвигъ, чувство радости чуждо ей. „Увы! — восклицаетъ Іаиль — это ликованіе — не мое: не врага убила я, а гостя, искавшаго у меня убѣжища“. Порывъ героизма прошелъ, и Іаиль снова — кроткая, молодая женщина, ужасающаяся убійства. И лишь „гласъ народа“, ее прославляющаго, нѣсколько успокаиваетъ ее: вѣдь, онъ — „гласъ Божій“, и въ немъ оправданіе и очищеніе.

Въ „Арфѣ Сіона“ собраны мелкія стихотворенія Лебенсона-сына, оригинальныя и переводныя. Есть въ ней переводы изъ Горація, Виргилія, Шиллера, Гете, Мицкевича, Альфіери, и др. Оригинальныя стихотворенія — перлы древне-еврейской лирики. Эротическія стихотворенія Лебенсона-сына полны красоты и дышатъ непосредственностью и искренностью. Они то игривы и полны прелестнаго юношескаго задора, то глубоко-скорбны и преисполнены страданій отъ нераздѣленной любви и неутолимой страсти. А слогъ ихъ столь ярокъ и красоченъ, что трудно повѣрить, что они написаны на неразговорномъ языкѣ. — Почти всѣ остальныя лирическія стихотворенія Лебенсона-сына оплакиваютъ его быстротечную и безрадостную молодость. Поэтъ любитъ жизнь, хочетъ жить, но онъ знаетъ, что онъ — обре-

ченный: губительная болѣзнь медленно и вѣрно приближаетъ его къ могилѣ. И въ отчаяніи онъ восклицаетъ:

„Проклята смерть, проклята и жизнь!“

Товарищъ Михаила Лебенсона, Іегуда-Лейбъ (Левъ Осиповичъ) Гордонъ (1830—1892), впослѣдствіи былъ прозванъ „еврейскимъ Некрасовымъ“. Но въ первый періодъ его творчества (1857—1868) и онъ, какъ почти всѣ предшественники его, обрабатывалъ историческія темы въ духѣ чистѣйшей романтики. Таковы его крупныя поэмы: „Ahabhoth Dawid u-Michal“ (Любовь Давида и Михали), „Dawid u-Barzilai“ (Давидъ и Варзилаи) „Asnath bath Potiphera“ (Аснаѳь, дочь Потиферы), и др. Онѣ гораздо ниже поэмъ Лебенсона не только по яркости образовъ, но и по глубинѣ проблемъ, хотя Гордонъ много философствуетъ въ нихъ, или именно поэтому. Весьма выдающимися можно считать его сравнительно болѣе позднія поэмы. Первая изъ нихъ „Bimzulath jaw“ *, рисуетъ изгнаніе евреевъ изъ Испаніи (1492). Въ одинъ день было выселено 300.000 человѣкъ. Не было пощады ни старикамъ, ни груднымъ младенцамъ. Куда идти изгнанникамъ? — На корабли сѣли они — и очутились въ полной власти фанатиковъ-капитановъ. Многіе были высажены на необитаемые острова и погибли отъ голода и жажды; а другіе были прямо брошены въ море:

И снова изгнаніе... Рядъ мрачныхъ вѣковъ
Скитанья, презрѣнья и злобы враговъ
Насталъ для несчастныхъ. Европы столицы
Имъ дали одни лишь гробы и темницы,
Ихъ въ Африкѣ ждали неволя и цѣпь,
Поила ихъ кровь азіатскую степь;
Наполнилась трупами бездна морская,
И крови потоки по сушѣ текли...
Но скрылся Всевышній съ небесъ, не взирая
На слезы и муки земли.

И когда на одномъ кораблѣ въ партіи еврейскихъ изгнанниковъ оказалась красавица-дѣвушка Пепипа, которая приглянулась капитану, — что остается дѣвушкѣ этой и матери ея, какъ

* Имѣется русскій переводъ подъ названіемъ „Въ пучинахъ моря“, въ сборникѣ стихотвореній Л. Яффе—„Грядущее“. Гродна, 1902, стр. 86—97

не пообѣщать капитану, что его вожделѣніе будетъ удовлетворено послѣ спуска всѣхъ евреевъ съ корабля на обитаемый берегъ. А когда насталъ часъ „выбора между позоромъ и смертью“, обѣ женщины, не колеблясь, бросаются въ море... И еврейскій поэтъ не можетъ сохранить эпическаго спокойствія, и онъ снова напоминаетъ о равнодушіи Неба къ страданьямъ людскимъ:

И море дрожитъ, разбѣгается море,
Чуть слышно рокочутъ валы на просторѣ,
Волна за волной убѣгаетъ отъ суши, —
И въ глубь погрузилися чистыя души.
И тамъ, въ глубинѣ, успокоились обѣ,
Забывъ о страданіяхъ, о гнетѣ и злобѣ.
Ихъ памятникъ — скалы, глубь моря — могила,
И саванъ ихъ — небо, а надпись — свѣтила...
Никто ихъ не видѣлъ, не плакалъ надъ ними,
Лишь ярко блеснувъ надъ волнами морскими,
Зори ихъ увидѣлъ трепещущій лучъ.
Ихъ видѣло Око Вселенной изъ тучъ, —
То Око, что видитъ и гибель, и гнетъ,
Но горькой слезы никогда не прольетъ.

Вторая поэма называется: „Bein Schinei arajoth“ (Въ пасти льва). Передъ нами картина Великой Іудео-Римской войны временъ Веспасіана и Тита (70 по Р. Хр.). Одинъ изъ отважныхъ борцовъ за свободу Іудеи, Симеонъ, раненъ въ бою. Возлюбленная его, Мареа, перевязываетъ ему рану и снова отправляетъ его на защиту родины. Но все геройство еврейскихъ львовъ ни къ чему. Іерусалимъ разрушенъ, храмъ сожженъ. Симеонъ попадаетъ въ плѣнъ и долженъ услаждать взоры римскаго побѣдителя, вступая на аренѣ римскаго цирка въ борьбу со львами въ качествѣ гладіатора. А Мареа была продана въ рабство къ римской матронѣ, которую она сопровождаетъ въ циркъ на зрѣлище состязанія побѣжденныхъ іудеевъ съ ливійскими львами. Симеонъ въ самый опасный моментъ борьбы замѣчаетъ стоящую возлѣ матроны, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ, любимую имъ Мареу... Какъ будто потокъ новыхъ силъ влился въ нѣдра его: вотъ онъ, побѣдивъ льва, выйдетъ на свободу, освободитъ и Мареу. Со всего размаху онъ ударяетъ льва мечемъ; но мечъ разбился о кости льва, и безоружный, безпомощный стоитъ Симеонъ предъ лицомъ безжалостной толпы — пока окровавленный и разъ-

яренный левъ не кидается на него, не раздавливаетъ его и не рветъ когтями въ клочья іудейскаго героя. Симеонъ „свободенъ“: левъ освободилъ его отъ цѣпей рабства. Но и Мароа „свободна“: она не пережила ужасной смерти возлюбленнаго...

Вмѣстѣ съ исторической поэмой появился на древне-еврейскомъ языкѣ и историческій романъ. Историческій романъ „Ahabhath Zion“ (Сіонская любовь), появившійся въ 1853 г., былъ первымъ еврейскимъ романомъ вообще, и авторъ его, Авраамъ Мапу (1808—1867), былъ отцомъ еврейскаго романа. Но „Сіонская Любовь“ — больше, чѣмъ обыкновенный историческій романъ. Это — полное возсозданіе самой блестящей эпохи Перваго Храма — временъ пророка Исаіи и царя Езекіи. Если какой-нибудь археологъ вздумалъ бы выдать книгу Мапу за найденную рукопись какого-нибудь пророка VIII или VII вѣка до Р. Хр., ничто не обнаружило бы этой мистификаціи, — настолько выдержана вся эта книга какъ по содержанію, такъ и по языку, въ древне-библейскомъ духѣ. Какою-то поистинѣ божественною интуиціей бѣдный литовскій учитель постигъ эпоху, столь отдаленную отъ его собственной, и положенія, столь отличныя отъ того, въ которомъ находился онъ самъ. Здѣсь исторія не конструируется, а живетъ, — живетъ своей полной жизнью, какъ будто исчезла даль временъ и передъ внутреннимъ окомъ поэта — одного изъ вдохновеннѣйшихъ ясновидцевъ всѣхъ временъ и народовъ — открылась самая блестящая, самая лучезарная, самая заманчивая пора еврейской самостоятельной жизни. И онъ живописуетъ эту жизнь какъ пережитое, какъ современность. Исаія является въ романѣ Мапу дѣйствующимъ лицомъ, а Езекія проходитъ передъ нами во всемъ блескѣ восточнаго монарха. Кипучая и обаятельная жизнь древняго Іерусалима со своими пророками и лже-пророками, со своимъ политическимъ и духовнымъ величіемъ и своими страшными моральными и соціальными язвами представляется здѣсь не какъ исторія: какъ будто авторъ видѣлъ все это воочію, какъ будто онъ только что прибылъ изъ Іерусалима Исаіи и Езекіи и разсказываетъ о видѣнномъ. Вотъ почему этотъ романъ является эпохальнымъ въ древне-еврейской литературѣ. — Но онъ имѣлъ неотразимое дѣйствіе на еврейскую молодежь не только потому, что онъ воскресилъ передъ ней свѣтлое прошлое Израиля.

„Сіонская любовь“ косвенно задѣвала и россійскую дѣйствительность. Контрастъ между обаятельнымъ прошлымъ и между незавидной современностью слишкомъ билъ въ глаза. Блестящій, свободный и самоопредѣляющійся Іерусалимъ временъ Езекіи — и крайняя приниженность еврейства временъ Николая I; лучезарный свѣтъ этическаго ученія глубочайшаго изъ пророковъ — Исаіи — и кромѣшная тьма узкихъ фанатиковъ и мракобѣсовъ русскаго еврейства 50-хъ годовъ, — какъ мало гармонировало все это одно съ другимъ! Какъ трудно было себѣ представить, что забитый и темный русскій еврей николаевской эпохи есть прямой потомокъ Езекіи и Исаіи!.. И именно этотъ контрастъ чаровалъ и плѣнялъ молодыхъ евреевъ — современниковъ Авраама Мапу. Отъ неприглядной дѣйствительности они бѣжали къ романическому прошлому, — и первый романъ Мапу, какъ и послѣдовавшій за нимъ въ 1865 г. второй его романъ подъ названіемъ „Aschmath Schomron“ (Самарійскія козни), стали для еврейскихъ „маскилимъ“ (просвѣтителей) второю Библіей. Такимъ образомъ, эти два романа Мапу дѣйствовали одновременно въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, они картинами свѣтлой жизни свободной Іудеи возбуждали отвращеніе къ темной жизни стараго гетто и будили чувство гражданственности, а съ другой, они этими-же картинами будили національное самосознаніе и достоинство еврея, показавъ ему, что не всегда онъ былъ рабомъ и мракобѣсомъ. Вотъ почему какъ просвѣтительное, освободительное, такъ и національно-сіонистское движенія среди евреевъ очень многимъ обязаны этимъ романамъ.

Мапу написалъ еще третій романъ, „Aït Zabhna“ (Ханжа). Но этотъ романъ уже всецѣло принадлежитъ реалистическому періоду ново-еврейской литературы, къ которому мы теперь и переходимъ.

III.

Послѣ Крымской кампаніи, съ воцареніемъ Александра II (1855), наступила эпоха крупныхъ реформъ. И, вмѣстѣ съ общимъ положеніемъ, улучшилось и положеніе евреевъ. Это не было полнымъ раскрѣпощеніемъ еврейскаго народа; но наступило несомнѣнное облегченіе его положенія въ сравненіи съ николаевской эпохой. Евреи поощрялись въ ихъ стремленіи къ просвѣ-

щенію. Были даны разныя льготы преимущественно евреямъ съ высшимъ образованіемъ. И въ русской литературѣ повѣяло чѣмъ-то новымъ и въ отношеніи къ евреямъ. Въ прогрессивной печати стали раздаваться голоса въ защиту евреевъ. Естественно, что передовая часть еврейства потянулась къ просвѣщенію — единственному средству къ пріобрѣтенію человѣческихъ правъ и человѣческаго достоинства. И тогда древне-еврейская литература сбрасываетъ съ себя романтическіе покровы и снисходитъ къ проблемамъ дѣйствительности и запросамъ реальной жизни. Нарождается еврейская періодическая печать: въ 1857 г. появляется первая древне-еврейская еженедѣльная газета „Hamagid“ (Вѣстникъ), а въ 1860 г. появляются сразу 2 еженедѣльныя газеты на древне-еврейскомъ: „Ha-Karmel“ (Кармелъ) въ Вильнѣ и „Hameliz“ (Посредникъ) въ Одессѣ, послѣдній изъ которыхъ, переведенный въ Петроградъ, просуществовалъ, съ нѣкоторыми перерывами, цѣлыхъ 44 года (1860—1904). Къ нимъ присоединяется въ 1862 г. 4-ая газета „Hazephirah“ (Заря) въ Варшавѣ, которая существуетъ, съ перерывами, вотъ уже 53 года (1862—1915). Такимъ образомъ, нарождается еврейская публицистика, трактующая о вопросахъ живой жизни; и, вмѣстѣ съ нею, вся еврейская литература не витаетъ болѣе въ эмпиреяхъ.

Въ этотъ періодъ еврейской литературы (1860—1880) особенно сильно сказывается на ней вліяніе русской литературы. Болѣе либеральныя вѣянія сблизили еврейскую интеллигенцію съ русской, и русскій реализмъ, даже въ его крайнихъ проявленіяхъ, сильно чувствуется во всей еврейской письменности этого періода. Вліяніе Писарева, Добролюбова, Чернышевскаго, Некрасова и др. весьма замѣтно въ произведеніяхъ лучшихъ представителей просвѣтительно-обличительнаго теченія еврейской литературы. Нарождается критическая литература на древне-еврейскомъ языкѣ (критическіе этюды Ковнера, Паперны, Абрамовича, Смоленскина), которая глубоко проникнута идеями Писарева и Добролюбова. Вмѣстѣ съ этимъ появляется цѣлый рядъ книгъ по естествознанію („Tholdoth Hatebha“ Абрамовича), по исторіи и географіи („Dibhrei je mei olam“ и „Mechkrei Erez“ К. Шульмана), по исторіи Россіи („Dibhrei je mei Russia“ Мандelькерна) и др. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ сквозитъ стре-

мленіе пойти рука объ руку съ прогрессивной Россіей и „заслужить“ равноправіе, осуществленіе котораго считалось тогда предстоящимъ въ близкомъ будущемъ.

И древне-еврейская беллетристика измѣнилась тогда кореннымъ образомъ. Тотъ-же Мапу, который въ вышеупомянутыхъ двухъ романахъ своихъ какъ будто совершенно слился съ прошлымъ, печатаетъ, начиная съ 1857 г., новый романъ, „Ханжа“, изъ современной жизни. Въ этомъ романѣ онъ рисуетъ бытъ русско-литовскаго еврейства съ небывалымъ до той поры реализмомъ, бичуетъ еврейскихъ святошъ и мракобѣсовъ, еврейскихъ кулаковъ-воротилъ и типичныхъ еврейскихъ талмудовѣдовъ-тунеядцевъ („batlanim“), которые тяжкимъ бременемъ ложатся на бѣдный злосчастный еврейскій народъ. А. С. М. Абрамовичъ, ставшій впослѣдствіи столь извѣстнымъ подъ именемъ „Менделе Мохеръ-Сфоримъ“, изображаетъ въ своемъ романѣ „Haobhoth we-Lhabanim“ (Отцы и дѣти) бытъ волынскихъ и подольскихъ хасидовъ и показываетъ всю безсмысленность религіозныхъ суевѣрій и весь вредъ соціальныхъ предразсудковъ этой тогда особенно отсталой части еврейства. И Абрамовичъ зло высмѣиваетъ также гебраиста-романтика, для котораго библейская фраза („Meliza“) стала фетишемъ и который запросовъ новой жизни знать не хочетъ.

И, подобно романисту Мапу, мѣняется и поэтъ Гордонъ. Онъ, который въ 50-ыхъ и въ началѣ 60-ыхъ годовъ занимался, главнымъ образомъ, историческими сюжетами, теперь становится грознымъ обличителемъ всего традиціоннаго еврейства. Еще въ введеніи къ вышеизложенной поэмѣ „Въ пасти льва“ онъ обрушивается на „таннаитовъ“ (творцовъ Мишны) конца Второго Храма за ихъ крайнюю приверженность къ религіи, приверженность, которая, по мнѣнію поэта, убила еврейскую государственность:

Жить бездушнымъ обрядомъ учили тебя,
Мертвой буквой одной, противъ жизни ходить,
Мертвымъ быть на землѣ, быть живымъ въ небесахъ,
Видѣть сны наяву и во снѣ говорить.

Погубили тебя. Въ сердцѣ соковъ ужъ нѣтъ,
Пали силы твои, мощный духъ твой угасъ.
Книжной пылью покрытъ, словно мумія, ты
Бродишь въ мірѣ, грядущимъ вѣкамъ на показъ.

А начиная съ 1869 г., Гордонъ выступаетъ и какъ публицистъ, присоединяясь къ сильной борьбѣ за реформированіе еврейской религіи, которую велъ одинъ изъ лучшихъ еврейскихъ публицистовъ, М. Л. Лиліенблюмъ (1843—1910). Этотъ публицистъ съ душою пламеннаго борца напечаталъ въ вышеупомянутой газетѣ „Гамелицъ" за 1869—1870 г. цѣлый рядъ статей, въ которыхъ доказывалъ, что позднѣйшія наслоенія еврейской обрядности сдѣлали исполненіе всѣхъ требованій еврейской религіи для современнаго еврея-человѣка совершенно немыслимымъ. А въ 1876 г. Лиліенблюмъ издаетъ свою замѣчательнѣйшую книгу „Chatoth neiirim" (Грѣхи молодости), въ которой онъ, подъ вліяніемъ Писарева и Чернышевскаго, раскрываетъ съ искренностью Руссо всѣ язвы своей исковерканной души, которыя онъ считаетъ результатомъ извращеннаго воспитанія, основаннаго на исключительномъ изученіи отжившей, отсталой, чурающейся жизни, старой чисто-богословской письменности.

Въ этихъ радикальныхъ взглядахъ на еврейскую традицію поддерживаетъ Лиліенблюма поэтъ Гордонъ въ своихъ публицистическихъ выступленіяхъ. А, начиная съ 1871 г., Гордонъ печатаетъ въ основанномъ П. М. Смоленскинымъ ежемѣсячномъ журналѣ „Haschachar" (Заря), просуществовавшемъ 15 лѣтъ (1869—1884) и сыгравшемъ въ древне-еврейской литературѣ роль „Отечественныхъ Записокъ" въ русской, цѣлый рядъ поэмъ обличительнаго характера. Въ этихъ поэмахъ изъ современной жизни русскаго еврейства, изъ которыхъ самою извѣстною является „Kozo schel Jod" (Вѣнчикъ іоты), зло высмѣивается тупоуміе раввиновъ, устарѣлость многихъ еврейскихъ обрядовъ, оторванность отъ жизни всего стараго жизненнаго уклада гетто, а также безтолочь еврейскихъ заправилъ и мракобѣсіе старой еврейской quasi-интеллигенціи. Недаромъ Гордонъ былъ прозванъ „еврейскимъ Некрасовымъ": есть нѣчто некрасовское въ этихъ послѣднихъ твореніяхъ. Ѣдкая сатира чередуется тутъ съ глубокой скорбью о судьбѣ нѣкогда великаго народа, который сталъ набальзамированной обрядами „египетской муміей", способной существовать, но не жить.

Гордонъ не остановился передъ обличеніемъ однихъ раввиновъ, древнихъ и современныхъ. Его поэма-монологъ „Zidkijahu b'bheith hapakudoth" (Седекія въ темницѣ), это — обвинитель-

ный актъ противъ израильскихъ и іудейскихъ пророковъ отъ Самуила до Іереміи. Седекія, послѣдній царь изъ дома Давидова, сѣтуетъ на пророковъ за то, что они своимъ ригоризмомъ и своимъ признаніемъ въ государственной жизни примата религіи и этики, которымъ они подчинили политику и экономику, убили въ зародышѣ еврейскую государственность въ эпоху Перваго Храма точно такъ-же, какъ книжники-раввины это сдѣлали къ концу Второго Храма. Здѣсь Гордонъ является ницшеанцемъ до Ницше. А послѣдовательное чередованіе въ душѣ несчастнаго царя Седекіи горькихъ мыслей объ участи его народа и горькихъ чувствъ, вызванныхъ въ немъ его личными страданіями, исполнено съ необыкновеннымъ мастерствомъ.

То, что публицистъ Лиліенблюмъ и поэтъ Гордонъ обличали въ статьяхъ и поэмахъ, воплотилъ выдающійся романистъ Р. А. Браудесъ (1851—1902) въ крупномъ романѣ „Hadath we-hachajim" (Религія и Жизнь), мѣстами напоминающемъ „Одинъ въ полѣ — не воинъ" Шпильгагена, а галиційскій новеллистъ М. Д. Брандштетеръ (род. въ 1844 г.) — въ цѣломъ рядѣ юмористическихъ разсказовъ, выявляющихъ суевѣріе, косность и отсталость галиційскихъ евреевъ.

Въ это-же время появился великій научный трудъ, базирующій на воззрѣніяхъ, которыя защищали Лиліенблюмъ и его сподвижники. Это — „Dor Dor we-dorschorb" (Исторія еврейской традиціи). Черезъ всю эту капитальную книгу красной нитью проходитъ идея, что еврейское устное вѣроученіе такъ-же подвержено законамъ эволюціи, какъ и всякая свѣтская письменность. Слѣдовательно, это вѣроученіе отнюдь не сверхестественнаго происхожденія, и оно можетъ быть видоизмѣняемо сообразно съ обстоятельствами мѣста и времени.

Но самое интересное явленіе этого періода, это, быть можетъ, то, что вліяніе русской литературы на древне-еврейскую сказалось и въ нарожденіи соціалистической литературы на древне-еврейскомъ языкѣ. Первая соціалистическая прокламація, предназначенная исключительно для еврейской молодежи, появилась на древне-еврейскомъ языкѣ въ Лондонѣ въ 1875 г. А въ 1876 г. выходилъ въ Вѣнѣ даже спеціальный соціалистическій ежемѣсячникъ „Haemeth" (Правда) подъ редакціей А. Либермана-Фримана (ум. въ 1880 г.),

писавшаго подъ псевдонимомъ „Bar Derora“. Соціализму отводилось значительное мѣсто и въ журналѣ „Assephath Chachamim“ (Соборъ мудрыхъ), издававшемся въ Кёнигсбергѣ въ 1877—1878 гг. Кромѣ ставшаго извѣстнымъ впослѣдствіи въ американско-еврейскихъ соціалистическихъ кругахъ Бенъ-Неуа (Винчевскаго), въ этомъ журналѣ принималъ участіе и Лиліенблюмъ, который опубликовалъ въ немъ трактатъ о рабочемъ и женскомъ вопросѣ подъ названіемъ „Mischnath Elischa ben Abnujah“ (ученіе Элиши, порвавшаго съ традиціоннымъ іудаизмомъ).

Такимъ образомъ, древне-еврейская литература представляла въ 60-хъ и 70-хъ гг. почти всѣ теченія европейской мысли. Но особенный откликъ нашла въ ней пробудившаяся тогда благодаря объединенію Италіи и волненіямъ на Балканахъ идея націонализма. Отцомъ ея въ древне-еврейской литературѣ былъ вышеупомянутый основатель журнала „Гашахаръ“, Перецъ Моисеевичъ Смоленскинъ (1842—1885), литературное творчество котораго является какъ бы переходной стадіей отъ реализма къ нео-романтизму.

Смоленскинъ — центральная фигура въ новѣйшей литературѣ на древне-еврейскомъ языкѣ. Онъ одинаково крупенъ и какъ беллетристъ, и какъ публицистъ. И въ то время, какъ Смоленскинъ-беллетристъ почти всецѣло примыкаетъ къ реалистическому направленію, онъ, какъ публицистъ, поднимающійся до историко-философской выси, уже принадлежитъ къ слѣдующему періоду — къ періоду нео-романтическому.

Шесть крупныхъ романовъ написалъ онъ, кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ разсказовъ. И почти во всѣхъ нихъ онъ — истый бытописатель-реалистъ, который изображаетъ неприглядныя стороны еврейскаго быта и даетъ мрачныя картины нравовъ русско-еврейскаго гетто. Особенно широкую картину старо-еврейской жизни онъ нарисовалъ въ своемъ четырехъ-томномъ романѣ „Hathoëh bedarkhei hachaim“ (Блуждающій по путямъ жизни), гдѣ онъ продемонстрировалъ передъ читателями почти всѣ бытовыя разновидности еврейской націи въ Россіи и внѣ ея и далъ эпопею жизненныхъ судебъ еврейскаго юноши, который переходитъ отъ среды къ средѣ, отъ міровоззрѣнія къ міровоззрѣнію, пока не находитъ успокоенія въ смерти за свой народъ во время греческаго разгрома евреевъ въ Одессѣ въ 1871 г. А въ его романѣ

„Kebhurath chamor“ (Ослиное погребеніе) онъ показалъ неизбѣжность коллизіи между личностью еврея, стремящагося къ свѣту и свободѣ, и обществомъ еврейскимъ, застывшемъ въ своемъ старомъ укладѣ жизни. Только въ романѣ „Gemul jescharim“ (Воздаяніе праведныхъ) уже просвѣчиваетъ новое міровоззрѣніе Смоленскина: на примѣрѣ польскаго возстанія, изображеннаго въ этомъ романѣ, мы видимъ, какъ мало евреи могутъ надѣяться на чужія силы и какъ имъ необходимо вести свою собственную политику и творить свою собственную исторію. А въ послѣдней повѣсти его, написанной имъ незадолго до смерти, „Nekum berith“ (Завѣтная месть), онъ уже указываетъ на переломъ, совершившійся въ душѣ ассимилированнаго еврейства подъ вліяніемъ антисемитской травли и погромовъ 1881 г.

И этому перелому способствовалъ и самъ Смоленскинъ своими публицистико-философскими сочиненіями.

Реалистическій періодъ древне-еврейской литературы породилъ то просвѣтительно-обличительное литературное теченіе, которое проповѣдывало евреямъ приспособленіе къ обще-европейской и даже къ чисто-русской культурѣ. Положительной стороной этого теченія было значительное ослабленіе силы религіозныхъ суевѣрій и національныхъ предразсудковъ. Но оно имѣло и отрицательную сторону: въ погонѣ за общечеловѣческой культурой оно проглядѣло все то, что было общечеловѣческаго въ специфически-еврейскомъ. Выходило, что все чужое хорошо, а все свое должно быть предано забвенію. Народу, ведущему политически-самостоятельную жизнь на собственной территоріи, это, быть можетъ, не страшно: все равно все общечеловѣческое окрашивается у него, даже помимо воли каждаго изъ членовъ его, въ національную окраску. Но у народа, живущаго меньшинствомъ среди чужихъ, лишеннаго территоріи и разговорнаго языка и не имѣющаго своей собственной экономической структуры, общечеловѣческое волей-неволей окрашивается въ національную окраску коренного народа, среди котораго народъ-меньшинство живетъ, даже если коренной народъ этого не требуетъ. И, такимъ образомъ, еврейскій народъ, со вступленіемъ его въ сонмъ европейскихъ націй, сталъ обезличиваться. Стало замѣтно такое явленіе: рѣзко-національными чертами отличался лишь еврей гетто, суевѣрный и фанатичный, а еврей интеллигентный всѣми силами

старался быть не похожимъ на еврея. И, если это ему не всегда удавалось, онъ зато достигалъ другого: онъ полякомъ, французомъ, нѣмцемъ не становился, но сознательнымъ евреемъ переставалъ быть, — онъ оставался имъ лишь по инерціи. И мало-по-малу распространилась теорія, что еврейской націи нѣтъ, а есть лишь „поляки, французы, нѣмцы Моисеева закона“. Точно такъ же, какъ есть нѣмцы-католики и нѣмцы-лютеране, есть и „нѣмцы-израэлиты“. Все дѣло въ вѣрѣ, а не въ національности.

Противъ этого взгляда возсталъ со всей свойственной ему горячностью П. М. Смоленскинъ. Въ появившейся въ 1872 г. въ его журналѣ „Гашахаръ“ книгѣ его „Am Olam“ (Вѣчный народъ) онъ создаетъ впервые доктрину еврейскаго прогрессивнаго націонализма. Этотъ націонализмъ, столь далекій отъ „зоологическаго“, не можетъ противорѣчить идеѣ равенства и братства людей: никто больше Смоленскина не цѣнитъ великаго пророческаго универсализма, самаго драгоцѣннаго дара, который еврейство преподнесло человѣчеству. Націонализмъ Смоленскина это — стремленіе къ сохраненію и свободному развитію разнообразнѣйшихъ формъ культурной жизни человѣческихъ группъ, объединенныхъ общимъ происхожденіемъ и общими историческими переживаніями, — формъ, благодаря сочетанію которыхъ и возможна гармонія духовной жизни всего человѣчества. Стремиться не къ универсализму, который есть однообразіе во многообразіи, а къ космополитизму, т. е., къ исчезновенію самаго этого многообразія, значитъ стремиться къ обѣдненію человѣчества.

И въ гаммѣ національно-культурныхъ формъ не послѣднее мѣсто должна занимать національная культура еврейства. Ибо евреи — нація, а не только религіозная разновидность другихъ націй: у нихъ общее происхожденіе, общая исторія и общій языкъ, хотя и не разговорный. Иначе, т. е., если евреи не нація, а лишь религіозная конгрегація, — чѣмъ объяснить то, что евреями остаются и атеисты? — И, исходя изъ этого взгляда, Смоленскинъ обрушивается въ своей книгѣ „Eth lataath“ (Пора насаждать) на всѣхъ придерживающихся теоріи, что евреи — лишь „x'ы Моисеева закона“. Не религія сохранила еврейскій народъ, а національное самосознаніе. Ключа къ тайнѣ столь поразительнаго долголѣтія еврейскаго народа надо искать не столько въ

религіозной спайкѣ его, сколько въ великой надеждѣ на возрожденіе, политическое и духовное.

Но этотъ ходъ мыслей уже вводитъ насъ въ 3-й періодъ древне-еврейской литературы — въ періодъ нео-романтическій (1880—1900).

IV.

Двѣ причины вызвали къ жизни еврейскій нео-романтизмъ, одна положительная, а другая отрицательная. Положительной была борьба за освобожденіе балканскихъ народностей, а отрицательной — погромы 1881 г. и послѣдовавшая за ними реакція. Освобожденіе славянъ усилило, какъ въ свое время объединеніе Италіи, идею политическаго націонализма, основаннаго на національной свободѣ, а погромы и реакція, естественно, звали къ обособленности и идеализаціи прошлаго. И эти два момента прогрессивный и реакціонный — идутъ рука объ руку въ древнееврейской литературѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ. Политическій націонализмъ вылился еще до погромовъ, въ 1879 г., въ самый разгаръ войны за освобожденіе славянъ, въ стремленіе къ возстановленію еврейской національной свободы путемъ колонизаціи Палестины и къ возстановленію еврейской національной культуры путемъ воскрешенія древне-еврейскаго языка въ разговорной рѣчи. Это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ статьяхъ Л. Бенъ-Іегуды (род. въ 1858 г.), который, переселившись въ Палестину и основавъ въ Іерусалимѣ первую газету европейскаго типа, первый ввелъ древне-еврейскую разговорную рѣчь въ семью и школу. Обнаружился недостатокъ новыхъ словъ, оборотовъ рѣчи и техническихъ терминовъ, — и этотъ недостатокъ былъ восполненъ какъ неологизмами, такъ и забытыми словами, находящимися въ изобиліи въ сокровищницѣ 3,000-лѣтней еврейской письменности. И съ этого момента датируетъ воскресеніе древнееврейской рѣчи. Теперь уже имѣется въ Палестинѣ цѣлый рядъ сельскихъ и городскихъ школъ, гимназій, учительскихъ семинарій и т. п., въ которыхъ языкомъ преподаванія является древнееврейскій, которымъ пользуется и дома, и на собраніяхъ, и на улицахъ все молодое поколѣніе новой Палестины. И даже въ Россіи, Англіи, Галиціи и Америкѣ имѣются тысячи евреевъ, которые свободно изъясняются на обновленномъ языкѣ пророковъ.

Усилившійся интересъ къ Палестинѣ не могъ не повлечь за собою нарожденія цѣлой литературы, воспѣвающей „обѣтованную землю“, и не могъ не будить любви къ старинѣ вообще. Поэты М. М. Долицкій (род. въ 1856 г.) и Н. Г. Имберъ (1856—1909) воспѣли тоску по „прекрасной дочери Сіона“, а крещеный еврей — иронія судьбы! — К. А. Шапиро (1841—1900) воспѣлъ еврейскія народныя легенды, связанныя съ идеей искупленія и избавленія черезъ Мессію. А рано ушедшій въ могилу М. Г. Мане (1860—1887) сочеталъ пламенную любовь къ Сіону со страстнымъ упоеніемъ природой и великой тоской по красотѣ. Давидъ Фришманъ (род. въ 1865 г.), талантливый критикъ и фельетонистъ, зоветъ въ своихъ статьяхъ къ вѣчно прекрасному и къ вѣчно человѣчному, но въ своихъ новеллахъ, отличающихся изяществомъ формы, онъ — романтикъ чистѣйшей воды. А В. Явефъ (род. въ 1847 г.), авторъ многотомной „Исторіи Израиля“ въ ортодоксальномъ духѣ и цѣлаго ряда публицистическихъ статей и полу-беллетристическихъ картинокъ, зоветъ насъ къ самобытности и къ строгой религіозности, при чемъ, по его мнѣнію, отъ Европы намъ слѣдуетъ позаимствоваться лишь однѣми внѣшними формами жизни и литературы.

Совершенно особнякомъ стоитъ Менделе Мохеръ-Сфаримъ („Менделе Книгоноша“, псевдонимъ С. М. Абрамовича, съ которымъ, какъ съ авторомъ реалистическаго романа „Отцы и дѣти“, мы познакомились въ предыдущей главѣ; род. въ 1836 г.). Послѣ долгихъ лѣтъ, которыя онъ отдалъ почти всецѣло разговорно-еврейскому жаргону, онъ вернулся къ древне-еврейской литературѣ и подарилъ ей цѣлый рядъ выдающихся беллетристическихъ произведеній. Менделе — первоклассный бытописатель-художникъ. Его бытописаніе — настоящій эпосъ. Его произведенія въ цѣлокупности ихъ, это — грандіозная эпопея изъ патріархальной жизни русскаго еврейства временъ Николая I, прежде, чѣмъ начался еврейскій „ледоходъ“, когда еврейская семья и еврейская община представляли собою мощную скалу, о которую разбивались всѣ наступленія враговъ и всѣ приставанія „друзей“. Какъ истый „просвѣтитель“-семидесятникъ, Менделе относится отрицательно къ патріархальному быту; но духъ времени сказывается въ этихъ произведеніяхъ не только въ совершенно обновленномъ языкѣ ихъ, но и въ теплой ноткѣ, проры-

вающейся у него каждый разъ, когда дѣло касается народныхъ страданій и народнаго подвижничества. Въ общемъ же Менделе не психологизуетъ; онъ живописуетъ. Однимъ незначительнымъ жестомъ онъ часто воспроизводитъ цѣлый міръ живѣйшихъ чувствъ. Вотъ почему его бытописаніе, тамъ, гдѣ оно сохраняетъ эпическое спокойствіе древнихъ, приближается къ пластическому искусству. Движенія тѣла у него отображаютъ движенія души. А типы его имѣютъ не индивидуальный характеръ, а характеръ народно-групповой, но со специфически-еврейской окраской. И его сатира также чисто-еврейская: она столь же остра, сколь и глубока. И даже природа у него „объевреилась": зимнія, покрытыя снѣгомъ и качающіяся отъ вѣтра деревья, это — евреи, раскачивающіеся на молитвѣ въ синагогѣ, покрытые бѣлыми молитвенными ризами; садъ послѣ лѣтняго дождя, это — дѣти, вымытыя любящею рукою матери въ канунъ субботы, и. т. д. Всѣ эти качества художественнаго творчества Менделе сдѣлали его „дѣдушкой" молодой еврейской литературы, на которую онъ имѣлъ огромное вліяніе.

Ибо въ 80-е годы древне-еврейская литература какъ бы вся помолодѣла. До 1886 г. на древне-еврейскомъ языкѣ были лишь ежемѣсячники и еженедѣльники. Въ 1886 г. д-ръ Л. О. Канторъ (1848—1915), публицистъ и ученый, сталъ издавать первую ежедневную древне-еврейскую газету подъ названіемъ „Hajom" (День). Вслѣдъ за этой газетой вышеупомянутые еженедѣльники „Гамелицъ" и „Гацефира" стали также выходить ежедневно. Позже появились др.-еврейскія ежедневныя газеты и въ Іерусалимѣ. Народилась еврейская журналистика, которая трактовала обо всѣхъ вопросахъ общечеловѣческой жизни наравнѣ съ европейской прессой. Особенно отличились, какъ крупные журналисты, Н. Соколовъ, редакторъ „Гацефиры", вышеупомянутые д-ръ Канторъ и Д. Фришманъ, публицисты-ученые д-ръ С. Бернфельдъ и д-ръ Л. И. Каценельсонъ, фельетонистъ Э. Л. Левинскій, поэтъ-публицистъ З. Эпштейнъ и др. Нѣсколько раньше появились солидные ежегодники, нѣсколько позже — литературные альманахи. Предпріимчивый издатель, новеллистъ Бенъ-Авигдоръ, создалъ „Грошевую Библіотеку" (Siphrei Adoroh) — библіотеку отборныхъ беллетристическихъ книжекъ для народа, продававшихся по весьма дешевой цѣнѣ.

Позже издательства „Ахіасофъ“ и „Тушія“ обогатили древне-еврейскую литературу большимъ числомъ оригинальныхъ и переводныхъ книгъ какъ общечеловѣческаго, такъ и еврейскаго содержанія. Появились древне-еврейскіе переводы Пушкина и Лермонтова, Толстого и Тургенева, Короленка и Чехова, а изъ иностранной литературы — Шекспира и Байрона, Виктора Гюго и Эмиля Зола, Гете и Гейне, Кнутъ Гамсуна и Стриндберга, Ницше, Спенсера, Эмерсона и др.

Къ концу 80-хъ годовъ въ древне-еврейской литературѣ появляется, какъ бы на смѣну Смоленскину и его журналу „Гашахаръ“, крупный писатель, который также занялъ центральное мѣсто въ литературѣ послѣдняго 25-лѣтія (1889—1914) и также основалъ (въ 1896 г.) ежемѣсячникъ („Гашилоахъ“), существующій подъ новымъ редакторствомъ и понынѣ. Это — творецъ такъ называемаго „духовнаго сіонизма“ А. И. Гинцбергъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ „Ахадъ-Гаамъ („Одинъ изъ народа“; род. въ 1856 г.).

Этотъ крупный публицистъ-мыслитель выступилъ на литературное поприще къ тому времени, когда еврейскій патріархальный строй, описанный Менделе, сталъ давать трещины. Писатели-просвѣтители сдѣлали свое дѣло. Просвѣщеніе, несмотря на ограниченія временъ Александра III, проникло во всѣ поры еврейства — и началось бѣгство изъ гетто. Съ тѣмъ большимъ рвеніемъ еврейская ортодоксія, поддержанная реакціей съ ея ограничительными законами, ухватилась за все старое и отжившее. И получилось такое положеніе: съ одной стороны стояла ортодоксія, чуждая жизни, окаменѣвшая и застывшая на обрядности, а съ другой — интеллигенція, которая, вмѣстѣ съ оставленіемъ религіи, отвернулась и отъ родныхъ массъ и ихъ національнаго достоянія. Еврейству грозилъ полный развалъ.

И въ это самое время является „Ахадъ-Гаамъ“. Вся его долголѣтняя литературная и общественная работа, это — исканіе синтеза между старымъ и новымъ еврействомъ. Онъ видитъ все „еврейское зло“ въ томъ, что, если выразиться нѣсколько утрированно, „еврей — не человѣкъ, а человѣкъ — не еврей“, т. е., ортодоксальный еврей, свято хранящій всѣ національно-религіозныя цѣнности народа, въ обособленности своей, отворачивается отъ всего общечеловѣческаго, а еврей — общечеловѣкъ чуждается

всего національно-еврейскаго. Это — спеціальная язва народа безъ территоріи, безъ національной политики и безъ разговорнаго общенаціонально-историческаго языка. У всѣхъ другихъ народовъ человѣкъ помимо его воли окрашиваетъ всѣ свои дѣла и думы въ національную окраску и, такъ сказать, самимъ своимъ существованіемъ способствуетъ бытію и развитію своей націи. Еврей-интеллигентъ говоритъ на чужомъ языкѣ, находится подъ вліяніемъ чужой культуры и — насколько ему это дозволено — участвуетъ и непосредственно въ чужомъ государственномъ строительствѣ. Его же собственная нація чахнетъ отъ недостатка національно-настроенныхъ интеллигентныхъ силъ.

Что можно предпринять противъ этого? — Проповѣдывать обособленность и шовинизмъ? — Но, помимо того, что это не въ духѣ еврея и не въ духѣ времени, мы уже видѣли, что это приводитъ лишь къ мракобѣсію и окаменѣлости самаго іудаизма: традиціонный еврей — „только еврей", а не „еврей-человѣкъ". И вотъ Ахадъ-Гаамъ не находитъ иного средства не только для спасенія еврейства какъ національности, но и для установленія синтеза между еврейскимъ и общечеловѣческимъ, кромѣ созданія еврейскаго духовно-національнаго центра въ Палестинѣ. Такой центръ, не разрѣшая ни чисто-экономической, ни чисто-политической сторонъ еврейскаго вопроса въ діаспорѣ, разрѣшитъ національный вопросъ всего еврейства. Создастся мало-по-малу уголокъ на земномъ шарѣ, гдѣ евреи будутъ имѣть свою собственную — хотя бы и ограниченную суверенными правами другой державы — государственность, будутъ творить свою собственную національную культуру, будутъ говорить на своемъ собственномъ національномъ языкѣ и, вообще, будутъ какъ всѣ территоріальныя націи. А такъ какъ этимъ уголкомъ будетъ Палестина, т. е. не только историческая родина еврейства, но и колыбель пророчества и христіанства, то есть основаніе предполагать, что евреи тамъ возьмутся снова за прерванную почти 19 вѣковъ тому назадъ нить ихъ исторіи и вновь создадутъ культурныя цѣнности, которыя, подобно Библіи и христіанству, станутъ достояніемъ всего человѣчества.

Таковъ „духовный сіонизмъ" Ахадъ-Гаама, который, въ отличіе отъ „политическаго сіонизма" Герцля, стремится къ тому, чтобъ — по собственному выраженію Ахадъ-Гаама — „центромъ

всего стало живое стремленіе сердца къ объединенію и возрожденію націи и къ свободному ея развитію, соотвѣтственно духу ея, на общечеловѣческихъ началахъ“.

Эта весьма интересная доктрина* поставила проблему стараго и новаго еврейства и тѣсно связанную съ нею проблему еврейскаго и общечеловѣческаго во всю ширь. И этимъ она послужила толчкомъ къ новымъ идеямъ и стремленіямъ, которыя тѣсно сплетаются съ новѣйшимъ теченіемъ еврейской литературы — съ модернизмомъ.

V.

Первымъ еврейскимъ модернистомъ былъ недавно скончавшійся И. Л. Перецъ (1851—1915). Еще въ 1894 г. онъ издалъ небольшую книжку эротическихъ стихотвореній подъ именемъ „Ha-ugabh“ (Флейта), стихотвореній, въ которыхъ проявляются черты импрессіонизма и которыя поражаютъ новизной поэтическихъ формъ, тонкостью поэтическихъ настроеній и своеобразіемъ поэтическаго языка. Нѣсколько позже Перецъ сталъ творцомъ небольшой художественно-законченной картинки, тонкаго силуэта, бѣглаго, но изящнаго эскиза, символическаго разсказа и аллегорической сказки. Какъ Менделе-Мохеръ-Сфаримъ, и онъ писалъ одновременно на древне-еврейскомъ языкѣ и на разговорно-еврейскомъ жаргонѣ. И, если реалистъ Менделе является „дѣдушкой еврейской литературы“, то модернистъ Перецъ — „отецъ“ ея. Въ противоположность Менделе, который рисуетъ групповые типы народа, Перецъ изображаетъ типы индивидуальные, личности; и въ то время, какъ Менделе рисуетъ еврея въ человѣкѣ, Перецъ изображаетъ человѣка въ евреѣ. Однако, и модернистъ Перецъ отдалъ обильную дань еврейской нео-романтикѣ. Онъ, вмѣстѣ съ Бердичевскимъ, о которомъ рѣчь впереди, и съ весьма талантливымъ новеллистомъ Іегудой Штейнбергомъ (1863—1908), подмѣтилъ лучшія черты хасидизма, на который такъ нападали еврейскіе просвѣтители: онъ узрѣлъ поэтическую философію, легшую въ основу этого родного дитяти еврейскаго мистицизма. И онъ выявлялъ и отображалъ жизнерадостное служеніе Богу, которое проповѣдуетъ хасидизмъ, его своеобразный пантеизмъ, не

* Подробнѣе о ней см. мою книгу: „Ахадъ-Гаамъ и его духовный сіонизмъ“. Изданіе 2-е. Одесса 1905.

идущій въ разрѣзъ съ пророческимъ монотеизмомъ и т. д. „Хасидскіе разсказы“ Переца, это — нео-романтика, поднимающая изжившій себя хасидизмъ до степени новаго философско-поэтическаго міропониманія („нео-хасидизмъ“). А его „Народныя сказки“ поднимаются до выси тончайшихъ символическихъ твореній лучшихъ модернистовъ.

Развалъ патріархальнаго строя вызвалъ въ душѣ молодыхъ еврейскихъ писателей то двойственное чувство, которое присуще всѣмъ художникамъ въ переходныя эпохи. Съ одной стороны, глубокое чувство, что старое должно уйти безвозвратно, что побѣда новаго неминуема; а съ другой — тоска по лучшемъ, что сохранило старое, и страхъ передъ неизвѣстнымъ, что принесетъ съ собою новое. А у молодыхъ евреевъ эта тоска и этотъ страхъ еще усугубляются опасеніемъ: кто знаетъ, будетъ ли это новое — еврейскимъ? — И есть ли уходъ стараго — результатъ внутренне-еврейскаго процесса, или же — результатъ внѣшняго давленія, ничего общаго съ внутреннимъ развитіемъ не имѣющаго?.. Эту двойственность, этотъ душевный разладъ еврейскаго интеллигента выразилъ въ мягкихъ лирическихъ тонахъ безвременно погибшій М. З. Фейербергъ (1874—1899) въ своихъ чудныхъ эскизахъ „Nakamea“ (Амулетъ) „Hazelalim“ (Тѣни) „Baërew“ (Вечеромъ) и въ повѣсти „Lean?“ (Куда?). Тутъ выступаетъ тотъ специфическій Iudenschmerz (Zaar ha-umah — „Скорбь націи“), который въ молодой еврейской литературѣ пришелъ на смѣну общечеловѣческому Weltschmerz'у. Народъ, который благодаря своеобразной культурѣ своей выдержалъ натискъ эллинизма, испанской инквизиціи, безконечныхъ гоненій и ограниченій, — неужели такой народъ можетъ пожертвовать всѣми своими національно-культурными цѣнностями во имя эмансипаціи и пойти навстрѣчу ассимиляціи, т. е. національному самоубійству?.. И тихая, но глубокая скорбь охватываетъ молодого мечтателя, который за неимѣніемъ выхода ухватывается за синтезъ Ахадъ-Гаама, т. е. за территоріальный національзмъ, базирующій на общечеловѣческихъ началахъ.

Совершенно иного взгляда на разрѣшеніе проблемъ, поставленныхъ Ахадъ-Гаамомъ и отображенныхъ въ произведеніяхъ Фейерберга, придерживается публицистъ-художникъ М. І. Бердичевскій (род. въ 1865 г.). Ахадъ-Гаамъ — моралистъ. Его

„духовный сіонизмъ“ базируетъ на томъ, что евреи были „народомъ духовнымъ“ (am haruach), и этимъ они должны остаться. Историческій іудаизмъ долженъ быть продолженъ въ существенныхъ частяхъ своихъ; онъ лишь долженъ европеизироваться и — главное — опочвиться. Коренная ломка невозможна; да, она и нежелательна: иначе историческая эволюція будетъ нарушена и еврейство превратится въ „не-еврейство“. Бердичевскій — ницшеанецъ. Уже древнѣйшее пророчество онъ считаетъ роковой ошибкой: пророки, напирая на мораль и на служеніе Богу, убили въ еврейскомъ народѣ любовь къ земному и вмѣстѣ съ этимъ къ государственности. Это они убили въ немъ стремленіе къ завоеваніямъ. Это они сдѣлали его народомъ безъ родины: они сдѣлали Бога его родиной и Тору — его государствомъ. И то, что начали пророки, закончили фарисеи и творцы Талмуда. Они подмѣнили живую національную жизнь и убили любовь ко всему земному; взамѣнъ этого возвеличили безплотную духовность и создали культъ книги. Такимъ образомъ, іудаизмъ поглотилъ еврейство. И пока евреи не перестанутъ все отдавать своему Богу, жить неземными идеалами и считать себя „избраннымъ народомъ“, они будутъ непригодны ни къ возрожденію Палестины, ни къ полной государственной и культурно-экономической жизни опочвившагося народа. Необходима переоцѣнка всѣхъ цѣнностей: необходимо на мѣсто книги поставить жизнь, на мѣсто разума — чувство, а на мѣсто отвлеченныхъ идей — земную красоту и земныя здоровыя чувства. И только тогда будетъ возможно воскресеніе народа и возрожденіе страны для народа. Пока же въ еврействѣ господствуютъ дряблость, безвкусіе, надорванныя души, половинчатость и безкровность. И въ своихъ многочисленныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ Бердичевскій рисуетъ эту еврейскую молодежь съ „надрывомъ“ (Kera' schebalebh), этихъ еврейскихъ интеллигентовъ, которые отъ еврейскаго отстали и къ общечеловѣческому не пристали, этихъ безкровныхъ юношей, которые не умѣютъ ни сильно любить, ни цѣльно наслаждаться природой, ибо они — ходячія идеи, ибо рефлексія и резонерство заѣли ихъ — ихъ, дѣтей народа-книжника. Декадентство даетъ себя чувствовать въ романахъ и повѣстяхъ Бердичевскаго. Лишь въ хасидизмѣ съ одной стороны и у еврейскаго простонародья — съ другой, онъ находитъ еще цѣльныя натуры, нетронутыя книгой

или преодолѣвшія ея сильную власть надъ евреемъ-интеллигентомъ, старымъ, какъ и молодымъ.

Очевидно, разногласіе между Ахадъ-Гаамомъ и Бердичевскимъ коренится въ томъ вѣчномъ антагонизмѣ между „эллиномъ" и „іудеемъ", который уяснили намъ Генрихъ Гейне и Самуилъ-Давидъ Луццатто (см. выше, гл. I). Этотъ антагонизмъ сильно занималъ и продолжаетъ занимать древне-еврейскую литературу. Противъ суженія границъ іудаизма возсталъ цѣлый рядъ видныхъ писателей: Р. Брайнинъ, талантливый эссеистъ и критикъ, д-ръ М. Эренпрейзъ, критикъ и публицистъ съ чуткой душой, д-ръ О. Тонъ, соціологъ, написавшій солидную книгу о Спенсерѣ, д-ръ Д. Неймаркъ, глубокій философъ съ оригинальными взглядами, Г. Цейтлинъ, поэтъ-публицистъ и мистикъ, С. І. Гурвичъ, самый крайній изъ „расширителей" границъ іудаизма, и т. д. Но эта борьба за и противъ эллинизма отразилась также на творчествѣ трехъ крупнѣйшихъ еврейскихъ поэтовъ современности — Х. Н. Бялика (род. въ 1873 г.), Саула Черниховскаго (род. въ 1875 г.) и З. Шнеура (род. въ 1887 г.).

Бяликъ — единственный пока еврейскій поэтъ, который стяжалъ себѣ міровую извѣстность: сборники переводовъ его стихотвореній появились на русскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а отдѣльныя его стихотворенія имѣются и во французскомъ, англійскомъ, польскомъ и венгерскомъ переводахъ *. И все-таки я бы не рискнулъ провозгласить его величайшимъ еврейскимъ поэтомъ современности. Въ изяществѣ поэтической формы и ясности поэтическаго созерцанія онъ уступаетъ Черниховскому, въ шири философско-поэтическаго горизонта онъ уступаетъ Шнеуру, а въ глубинѣ поэтико-философской концепціи онъ уступаетъ обоимъ. Но онъ превосходитъ ихъ и всѣхъ остальныхъ еврейскихъ поэтовъ бурностью и выразительностью поэтическихъ изліяній и свѣжестью и непосредственностью поэтическаго чувства. Онъ также — мастеръ древне-еврейскаго языка, какихъ немного.

Но, главное — онъ далъ выраженіе всему, что обуревало еврейство, какъ націю, за послѣднюю четверть вѣка.

* Русскій переводъ, наиболѣе полный: Х. Н. Бяликъ. Пѣсни и поэмы. Авторизованный переводъ съ еврейскаго и введеніе Вл. Жаботинскаго. Изданіе 3-е. Петроградъ, 1914.

Его литературная дѣятельность разбивается на два періода. Въ первомъ (1891—1902) онъ еще нео-романтикъ. Онъ страстно любитъ еврейскую старину и воспѣваетъ еврейскій „домъ ученія“ („бетъ-гамидрашъ“), который онъ считаетъ источникомъ вѣчной жизни еврейскаго народа. И онъ, какъ и Фейербергъ, глубоко скорбитъ о томъ, что вся прежняя святость и величіе еврейскаго духа идетъ на смарку благодаря разлагающему дѣйствію чужой культуры. Но уже и въ этотъ періодъ онъ въ поэмѣ „Подвижникъ“ (Hamathmid), вмѣстѣ съ возвеличеніемъ подвижничества цѣлаго народа, горячо сѣтуетъ на безконечныя жертвы еврейства, которыя не искупили и не спасли стараго іудаизма, а только лишили носителей его свѣта, красоты, земной любви и полноты національной жизни. А въ стихотвореніе „Какъ сухая трава...“ (Akhen Chazir ha-am) онъ изобличаетъ и пророчески караетъ еврейскій народъ, который настолько ушелъ въ религіозную обрядность, съ одной стороны, и въ погоню за золотомъ, съ другой, что исчахъ и истлѣлъ, и не способенъ подняться и возстать противъ своей судьбы, даже когда „прогремѣлъ гласъ Божій“, а подымаютъ его лишь скорпіоны да погромы... Но въ общемъ онъ въ этотъ періодъ поетъ гимны традиціонному іудаизму, или же, какъ въ стихотвореніи „Послѣдній“ (Lebhahdi), даетъ яркое выраженіе бездонно-глубокой тоскѣ, которая не можетъ не охватить душу при видѣ крушенія стараго, величественнаго зданія. А поэма „Мертвецы пустыни“ (Methei Midbar) — единственно истинно-художественно эпическое произведеніе Бялика — есть великое аллегорическое изображеніе свѣтовыхъ и тѣневыхъ сторонъ стараго гетто. Пустыня-діаспора скрываетъ въ своихъ безконечныхъ пескахъ людей-великановъ. Они — мертвецы, но даже въ смерти своей они страшнѣе врагамъ, нежели живые пигмеи современности. Ни хищный орелъ, ни ехидная змѣя, ни гордый левъ не могутъ одолѣть этого сорока-вѣкового гранита... Нерѣдко „пустыня“ оживаетъ, и мнимо-умершіе великаны бросаютъ вызовъ Самому Творцу. Начинаются мессіанскія движенія, великія дерзанія народа, который весь былъ закованъ въ цѣпяхъ религіи и въ кандалахъ безправія. Однако, песокъ „пустыни“ снова покрываетъ дерзновенныхъ великановъ. Но и тогда одно напоминаніе о нихъ приводитъ народы въ содроганье... Мнимо-умершая еврейская нація, скитающаяся по пустынѣ — „галутѣ“ (из-

гнанія) и лишенная аттрибутовъ живого народа, но набальзамированная іудизмомъ, — вотъ эти грозные „Мертвецы пустыни“, наводящіе страхъ на народы и обладающіе тайной страшнаго безсмертія.

Во второмъ періодѣ литературной дѣятельности (1903—1915) Бяликъ прощается съ нео-романтикой. Кишиневскій погромъ 1903 г. вызвалъ появленіе его „Сказанія о погромѣ“ (Beïr haharegah). Это — не поэма, а пророческое видѣніе. Не противъ громилъ и вдохновителей ихъ направлено оно: противъ нихъ нѣтъ словъ у поэта. Но онъ имѣетъ пророчески-мощныя слова священнаго гнѣва противъ дряблости и пассивности народа, который считаетъ среди своихъ предковъ Маккавеевъ и великомучениковъ. И страшно поэту за безцѣльность и безсмысленность новыхъ еврейскихъ гекатомбъ: вѣдь, и религіознаго мученичества тутъ не было, и защита національнаго достоинства тутъ не имѣла мѣста... Страшно ему то, что это — банкротство народа, банкротство его культуры, банкротство всего того, чѣмъ еврейство жило вѣками, болѣе того — банкротство самаго Неба:

Вы бьете въ грудь и плачете, и громко
И жалобно кричите Мнѣ: грѣшны...
Да развѣ есть у праха, у обломка,
У мусора, у падали вины?
Мнѣ срамъ за нихъ, и мерзки эти слезы!
Да крикни имъ, чтобъ грянули угрозы
Противъ Меня и неба, и земли, —
Чтобы, въ отвѣтъ за муки поколѣній,
Проклятія взвилися къ горней сѣни
И бурею престолъ Мой потрясли!

А послѣ погромовъ 1905 г. у него уже и возмущенія нѣтъ: великая ложь восторжествовала и наложила на весь міръ печать Каина.

— Есть такая месть! — утверждаетъ „грозный мужъ“ въ сложной аллегорической поэмѣ „Свитокъ о пламени“ (Megillath ha-ësch). Народъ изнасилованный оскверняетъ своимъ прикосновеніемъ все святое для его насильниковъ. Душа еврея насильственно опустошена, — и онъ въ свою очередь опустошаетъ своимъ скептицизмомъ и раціонализмомъ и своимъ сатанинскимъ

смѣхомъ все, что дорого его притѣснителямъ... Одно только ужасаетъ поэта: что въ долгомъ скитаніи по пустынѣ „Галута“ (изгнанія) еврейство мало-по-малу теряетъ охранявшую его отъ ассимиляціи ненависть къ притѣснителямъ, какъ и сохранившую его надежду на возрожденіе. Земная жизнь, европейская культура современности со всѣми ея соблазнами, сильнѣе „огня Божьяго“, который старый еврей носилъ въ душѣ, и опасность рокового конца становится все грознѣе и ближе...

И самъ поэтъ отворачивается отъ чисто-еврейскихъ сюжетовъ и поетъ пѣсни свѣта и пѣсни любви, изъ которыхъ многія — въ особенности, ярко рисующія русскую зиму „Зимнія пѣсни“ — отличаются богатствомъ красокъ и глубиной элегическаго элемента. Но пѣсни свѣта Бялика выражаютъ лишь неутолимую жажду свѣта, а пѣсни любви — лишь сильную тоску по неизвѣданной любви. Старый іудаизмъ крѣпко держитъ Бялика въ своихъ цѣпяхъ...

Истиннымъ пѣвцомъ свѣта, красоты и любви является Саулъ Черниховскій. Это — самый эллинистическій изъ іудеевъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ древне-еврейскую литературу, которая столѣтіями не знала ничего, кромѣ плача и стенаній, ворвалась могучая струя эллинской жизнерадостности и почти діонисійскаго упоенія земнымъ и чувственнымъ. Ни слѣда плаксивости и сантиментальничанья. „Страсть огневая“ — его стихія. Радости жизни — его божество. Свѣжимъ ароматомъ лѣсовъ благодатной Украйны и степей чарующаго Крыма, откуда онъ родомъ (род. въ 1875 г. въ с. Михайловкѣ, Таврической губерніи), вѣетъ отъ каждаго стиха его. Любовь къ природѣ, любовь чисто-эллинская, удивленно-созерцательная, сплетается во всѣхъ его твореніяхъ съ яркой и полнокровной эротикой, которая, однако, нигдѣ не переходитъ въ извращенность или пресыщенность чувства. И, вмѣстѣ съ безграничнымъ преклоненіемъ передъ красотой, его воодушевляетъ все мощное и величавое въ природѣ и въ исторіи. Онъ жаждетъ не удовлетворенія и успокоенія, а борьбы и волненій; вѣдь, только они способствуютъ полному проявленію жизненныхъ силъ. Пророкъ Магометъ, который не дрогнулъ, когда левъ зарычалъ, вызываетъ въ немъ благоговѣйный восторгъ („Muchammad“). Падшій въ неравной борьбѣ съ императоромъ Адріаномъ, мощный гигантъ Баръ-Кохба, вслѣдствіе неудачи полу-

чившій презрительную кличку „Сына Лжи“ и „Лжемессіи“, для него неизмѣнно остается „Сыномъ Звѣзды“ („Lenokhach ha-jam“— Къ морю). А средневѣковые монументальные за́мки и башни, пережившіе вѣка, вызываютъ въ немъ восхищеніе „гордыми поколѣніями“, великими „въ своей вѣрѣ и въ своихъ преступленіяхъ“, и пламенное желаніе быть, какъ и они, „молотомъ на наковальнѣ бытія“.

Черниховскій — одинъ изъ немногихъ міровыхъ поэтовъ, которые не пріемлютъ разрыва, происшедшаго благодаря культурѣ и условностямъ, между природой и человѣкомъ. Человѣкъ и природа сливаются въ его творчествѣ воедино. Онъ часто называетъ земныя стихіи „братьями“, отъ которыхъ въ незапамятныя времена отдѣлился человѣкъ, но съ которыми у него остался общій корень жизни („Siach kedumim“ — Древній лепетъ). А въ одномъ изъ сильнѣйшихъ его стихотвореній („Nocturno“) онъ обращается къ этимъ стихіямъ и проситъ ихъ, чтобъ онѣ надѣлили его частью ихъ собственнаго могущества: чтобъ и онъ могъ, подобно имъ, „утолить жажду бытія“, „кружиться въ вихрѣ пылающей страсти, испытать опьянѣніе мощью и дурманъ ея“, а „когда буря жизни стихнетъ“, чтобъ онъ имѣлъ „силу всецѣло и безстрашно предаться небытію и стать, при вѣчномъ круговращеніи формъ и временъ, одной петлицей въ сѣти всѣхъ вѣчныхъ міровыхъ силъ, прядущихъ въ тайнѣ и ткущихъ въ-явь во-вѣки неразгаданную загадку жизни...“

Особенно ярко проявляется это пантеистическое сліяніе человѣка со всѣмъ бытіемъ въ его стихотвореніи „Kismei Jaar“ (Лѣсныя чары). Заросшіе мхомъ камни и пробивающійся изъ-подъ земли ручеекъ, логовище зайца и нора крота, муравейникъ и „семьи“ грибовъ, — все это ему одинаково дорого, всѣхъ ихъ онъ привѣтствуетъ словами: „Живите и здравствуйте! Благословенны незначительнѣйшіе среди васъ, какъ и важнѣйшіе!“ — Ибо развѣ природа знаетъ болѣе важное и менѣе важное? Развѣ не жаль виноградной ягодки, кожица которой поздно порозовѣла, или ящерицы, которую „врагъ“ подстерегаетъ въ травѣ, или переломленной бурею сосны, или того дуба, который палъ подъ ударами топора жертвой промышленности? И развѣ можно не радоваться счастью матери птенчиковъ въ гнѣздышкѣ чернаго дрозда и не улыбаться водяному пауку, плавающему въ лужѣ послѣ лѣтняго

дождика? — Земныя стихіи, лѣсъ, поле, ручеекъ, ящерица, водяной паукъ, грибъ — все это родные братья поэта. Онъ радуется ихъ радостямъ и печалится ихъ печалью. Ибо все это имѣетъ одинъ корень, одну основу — великое „Одно и Все“ (*"Ἓν καὶ Πᾶν*) древнихъ греческихъ мудрецовъ. И откуда только взялась эта сокровенная мудрость вѣчно-юной Эллады у сына древней Іудеи, для Единаго Бога которой природа лишь — „глина въ рукахъ горшечника?“

Черниховскій обожаетъ Элладу. Никто не говорилъ о странѣ Гомера и Анакреона въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ, въ какихъ описываетъ ее древне-ново-еврейскій поэтъ въ своей несравненной поэмѣ „Деянира“. И никто, какъ онъ, не стоялъ колѣнопреклоненный „передъ статуей Аполлона“ и не звалъ громко и повелительно къ богу Красоты больной народъ свой („Lenokhach pesel Apollo“). Такъ обращается іудей-поэтъ къ свѣтозарному богу эллиновъ:

„Я пришелъ къ тебѣ — узналъ ли ты меня? — Я — іудей; вѣчная вражда между нами. Воды океана, протекающія между твердью земною, не могутъ заполнить обиліемъ своимъ зіяющую между нами бездонную пропасть. Необъятность небесъ и ширь степей не въ состояніи заполнить бездну, отдѣляющую вѣроученіе моихъ предковъ отъ религіи поклоняющихся тебѣ“.

Поэтъ-іудей пришелъ къ богу эллинскому потому, что этому іудею съ эллинской душой невыносима „вѣчная агонія“ народа, который не можетъ умереть, но и жить не въ состояніи. Душа іудея разбила духовныя оковы и прикоснулась къ земной жизни — и онъ пришелъ къ источнику земной красоты:

„Чувства, убитыя людьми безкровными, ожили и вышли изъ-подъ гнета безчисленныхъ поколѣній. Свѣта Божьяго требуетъ каждый фибръ моей души! Жизни требуетъ каждый нервъ мой! Свѣта и жизни — и я пришелъ къ тебѣ. Я пришелъ къ тебѣ, я преклоняюсь передъ твоей статуей, ибо она — символъ всего свѣтлаго въ жизни. Я преклоняю колѣни и падаю ницъ передъ всѣмъ лучшимъ и возвышеннымъ, передъ всѣмъ мощнымъ, что во вселенной, передъ всѣмъ прекраснымъ, что въ бытіи, передъ всѣмъ волнующимъ, что въ сокровенныхъ тайникахъ естества. Я преклоняюсь передъ жизнью, передъ силой, передъ красотой. Я преклоняюсь передъ великими доблестями, которыя отняли насильственно люди-трупы, люди-гниль, люди, чурающіеся свѣта, у моего Всемогущаго (Schaddaj), — Бога величавыхъ пустынь, Бога отважныхъ завоевателей Ханаана, Котораго взяли и связали ремнями филактерій“...

И этотъ іудео-эллинъ, вѣрнѣе, эллино-іудей, когда онъ рисуетъ специфически-еврейскія страданія, они являются передъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ. Бяликъ въ „Сказаніи о погромѣ“ умѣлъ пророчески карать дряблость и страдальческую пассивность еврейскаго народа. Черниховскій въ великой исторической поэмѣ „Барухъ изъ Майнца“ (Baruch mi-Magenza) показалъ намъ отравленную душу гонимаго еврея со всей накипѣвшей въ ней злобой и жаждой мести. Во время погрома въ католическомъ Майнцѣ XII вѣка еврей Барухъ, послѣ того, какъ жена его была убита погромщиками, собственноручно зарѣзываетъ своихъ дочерей — лишь бы онѣ не попали въ руки враговъ. А когда онъ самъ, полупомѣшанный, принимаетъ католичество и попадаетъ въ монастырь, онъ изъ злобы и мести поджигаетъ монастырь и, вмѣстѣ съ нимъ и родной городъ, и собственный любимый домикъ... Ласточка свила себѣ гнѣздышко на уступѣ этого домика, и, когда крыша загорѣлась, ласточка-мать стала кружиться надъ гнѣздышкомъ и хотѣла спасти птенцовъ, но не могла. Это можетъ сдѣлать Барухъ, но — не хочетъ: развѣ сжалились надъ его гнѣздомъ, надъ его малыми птенчиками и матерью ихъ? — И проклятье, вырывающееся изъ устъ Баруха, страшнѣе всего, что знаетъ міровая литература въ этомъ родѣ.

Черниховскій знаетъ и великую трагедію разсѣяннаго народа. Въ поэмѣ „Въ тупикѣ“ („Bein hamezarim“) онъ повѣствуетъ, какъ во время греко-турецкой войны 1897 г. оба сына салоникскаго еврея Самуила отправились добровольцами, одинъ — въ турецкую армію, а другой — въ греческую. И только мелькающій огонь выстрѣла освѣщаетъ роковое событіе: братъ убилъ брата во имя чуждыхъ имъ обоимъ интересовъ...

Но эта трагедія разсѣяннаго народа, и даже страшный распадъ его, котораго поэтъ не можетъ не замѣтить, не мутятъ яснаго взора еврейскаго жреца Аполлона. Если въ Бяликѣ есть много отъ Лермонтова, то въ Черниховскомъ можно найти нѣчто отъ Пушкина. Великая вѣра въ жизнь не покидаетъ его ни на минуту. Особенно она проявляется въ его „Идилліяхъ“ — величайшихъ эпическихъ твореніяхъ современной еврейской поэзіи. На фонѣ мягкой Украйны и солнечнаго Крыма Черниховскій набрасываетъ широкія картины еврейскаго народнаго быта, въ которыхъ отражается свѣтлая сторона іудаизма не какъ ученія, а

какъ modus vivendi для еврейскихъ массъ. Что-то гомеровское разлито по всѣмъ этимъ величавымъ описаніямъ, гдѣ сливаются природа и люди, бытъ и мать-земля, евреи и христіанскіе сосѣди ихъ. Мирное сожительство еврейской массы съ русскимъ простонародьемъ нигдѣ не нашло болѣе красиваго освѣщенія, при томъ — лишеннаго малѣйшей тенденціозности. Въ этихъ „Идилліяхъ" раскрыта — быть можетъ, помимо воли поэта — тайна безсмертія іудаизма, какъ таковаго: онъ сумѣлъ одухотворить все земное и сдѣлать земнымъ — благодаря красиво-обставленной обрядности — все духовное...

Такимъ образомъ, если Бяликъ — величайшій печальникъ современнаго страждущаго еврейства и провозвѣстникъ еврейскаго Ренесанса, то Черниховскій — воплощеніе самаго этого Ренессанса.

3. Шнеуръ — поэтъ большого города. И поэтъ съ большимъ размахомъ. Нѣтъ больше святынь для этого „жестокаго таланта". Въ большой поэмѣ „Chazon haschimamon" (Видѣніе о скукѣ) онъ изображаетъ пресыщенность современнаго человѣка: женщина, слава, даже возрожденный культъ Аполлона и Венеры, не могутъ спасти жителя большого города отъ скуки, которая преслѣдуетъ его, какъ результатъ доступности всего и дозволенности всего. Сознаніе относительности морали, познаванія, правды, красоты, сознаніе, что все преходяще, лишило современное человѣчество Бога, идеала, абсолюта, и horror vacui страшенъ человѣку XX вѣка. И еще страшнѣе онъ современному еврею — сыну народа безпочвеннаго, отъ своей культуры отставшему и къ чужой культурѣ не приставшему. Даже великій мессіанскій идеалъ Исаіи ему ненавистенъ, какъ и идеалъ соціалистическаго уравненія (Поэма: „Wehaja beachrith"... — „И будетъ въ концѣ"...). Въ чемъ искать спасенія? — И поэтъ ищетъ спасенія, подобно Бодлеру, въ грѣхѣ. Но вотъ онъ и грѣхомъ пресыщенъ — и онъ обращается къ вѣчной Матери-Утѣшительницѣ — къ Природѣ. Онъ пишетъ лирическую поэму „Beharim" (Въ горахъ), въ которой нанизаны одна на другую всѣ красоты швейцарской горной природы. Есть въ этой поэмѣ симфонія красокъ и гамма музыкальныхъ звуковъ, которыя слѣдуетъ считать чудомъ міровой литературы. Есть въ ней философско-поэтическія рефлексіи, которыя напоминаютъ лучшія страницы второй

части „Фауста“, — Но, какъ еврейскій поэтъ, Шнеуръ одной природой жить не можетъ. Въ другой лирической поэмѣ „Im Zelilei ha-mandolinah“ (Подъ звуками мандолины) онъ, послѣ ожесточенныхъ нападокъ на религію вообще, которая, по словамъ поэта, убила жизнерадостность на землѣ, обращается къ Риму, разрушителю Іудеи. Римъ возжелалъ уничтожить Іерусалимъ. Римъ сжегъ храмъ Іеговы, разсѣялъ Его сыновъ, разграбилъ Его святыни. Но Іерусалимъ жестоко отомстилъ: онъ далъ Риму Бога. И вмѣстѣ съ этимъ Богомъ Іерусалимъ іудаизировалъ всю греко-римскую культуру и ея наслѣдницу — культуру Европы:

„Смотри: есть ли страна, на которой мой Богъ не наложилъ бы печати моей крови, моего духа и галилейской красоты? Есть ли книга святая, изъ которой не доносится журчаніе водъ Іордана и шумъ лѣса Ливанскаго? Есть ли дворецъ или храмъ, гдѣ нельзя уловить отголосковъ творенія Моисеева и псалмовъ Давидовыхъ? Есть ли полотно, мраморъ или бронза, которые не лепетали бы языкомъ пробуждающейся матеріи нѣчто изъ вѣщаній моихъ пророковъ и ихъ свѣтлыхъ предвидѣній, изъ первозданной росы, покоющейся на легендахъ книги „Бытія“, изъ осенней красоты и тоски „Экклезіаста“, изъ радостнаго гимна „Пѣсни Пѣсней“ и аромата ея виноградниковъ, и изъ тайнаго обаянія моихъ „Апокрифовъ“? — Какъ тонкій ароматъ райскаго яблока ощущается благовоніе мое среди ароматовъ зеленыхъ цвѣтовъ, и всѣ народы наслаждаются имъ, не зная этого. Я сталъ таинственной приправой во всѣхъ явствахъ твоихъ (т. е. римско-европейскихъ) народностей. Вотъ моя вѣчная месть за то, что я былъ разрушенъ тобою!“

Но есть и другая месть. Живетъ теперь у молодыхъ помѣщиковъ, лишь недавно возведенныхъ въ дворянство, одинъ обѣднѣвшій, но исконный и настоящій дворянинъ, у котораго молодые дворяне отняли дворянскій гербъ и титулъ: это на его духовномъ богатствѣ покоится ихъ благосостояніе. Но они не хотятъ платить по векселю. При жизни они унаслѣдовали Израиля и нынѣ они готовы самый вексель его объявить подложнымъ. И вотъ народъ-творецъ, народъ, духовно обогатившій весь міръ, теперь сталъ нищимъ и нуждается въ милостынѣ тѣхъ, которые отняли у него при жизни все его достояніе... Но у этого народа — короля Лира — осталось одно, единственное сокровище: презрѣніе — безграничное презрѣніе къ обездолившимъ его выскочкамъ, презрѣніе, которое проявляется въ скепсисѣ и сатирѣ и въ непріятіи современнаго міра и настоящаго міропорядка... Весь міръ составилъ заговоръ противъ Израиля и не хочетъ при-

знать его права на избавленіе, а Израиль не признаетъ ни этого міра, ни справедливости „народовъ міра" („Uervoth haolam"). И даже если Іегова Самъ придетъ и скажетъ ему: „Я усталъ. Разорви послѣдній документъ. Сломай мою печать. Смирись!" — Израиль не смирится. Онъ можетъ умереть лишь смертью Самсона, который уничтожилъ, умирая, больше враговъ, чѣмъ при жизни. Но раньше онъ добьется своего права на избавленіе. Онъ стремится „къ солнцу", къ жгучему солнцу Востока, тамъ гдѣ онъ долженъ дожидаться своего Мессіи — избавителя еврейскаго народа отъ страданій и избавителя всего человѣчества отъ міровой несправедливости.

Таково яркое „созвѣздіе" современной поэзіи на древне-еврейскомъ языкѣ: Бяликъ, Черниховскій и Шнеуръ. Они-бы дѣлали честь любой европейской литературѣ. И очень жаль, что лишь одинъ Бяликъ нашелъ своего переводчика на русскій языкъ. Черниховскій и Шнеуръ были бы русской читающей публикѣ не менѣе интересны.

Но, кромѣ трехъ крупнѣйшихъ поэтовъ, современная еврейская литература обладаетъ цѣлымъ рядомъ поэтовъ второй величины, также довольно талантливыхъ. Самый выдающійся изъ нихъ, Яковъ Коганъ — лирикъ съ нѣжной душой, стихъ котораго обладаетъ рѣдкой музыкальностью. За нимъ идутъ Д. Шименовичъ, Я. Фихманъ, И. Каценельсонъ, Я. Штейнбергъ и др.

Изъ молодыхъ романистовъ и повѣствователей достойны упоминанія: І. Бершадскій (1870—1908), романы котораго обнаруживаютъ сильное вліяніе новѣйшей русской литературы; І. Х. Бреннеръ, ярко рисующій типы раздвоенныхъ и надломленныхъ еврейскихъ мечтателей, революціонеровъ, какъ и сіонистовъ, и находящійся подъ вліяніемъ Достоевскаго; С. Бенъ-Ціонъ, бытописатель мягкій и задушевный, понимающій душу ребенка какъ никто и красочно изображающій пышную природу Бессарабіи; Г. Шофманъ — тонкій художникъ-ваятель, набрасывающій двумя-тремя штрихами характеристику цѣлаго типа и являющійся оригинальнымъ сочетаніемъ Чехова и Кнута Гамсуна; У. Н. Гнесинъ (1880—1913) — самый индивидуалистическій изъ всѣхъ еврейскихъ художниковъ, всю короткую жизнь свою изображавшій нѣмыя души и употреблявшій лишь полусвѣтъ и полу-тона;

Д. Г. Наумбергъ — типичный еврейскій декадентъ и bohémien, и мн. др.

Таковъ краткій — быть можетъ, слишкомъ краткій — очеркъ новѣйшей литературы на древнѣйшемъ языкѣ*. Изъ него легко убѣдиться, насколько ошибочно представленіе многихъ, что на ревне-еврейскомъ языкѣ имѣется лишь религіозная литература евреевъ. Языкъ, на которомъ издаются нынѣ ежедневныя и еженедѣльныя газеты и ежемѣсячные журналы и на который переведены десятки произведеній лучшихъ европейскихъ классиковъ, не можетъ быть выраженіемъ одной лишь религіозной мысли народа, принимающаго участіе во всѣхъ политическихъ и соціальныхъ движеніяхъ современной Европы. И, дѣйствительно, всѣ теченія европейской мысли и европейскаго искусства нашли себѣ болѣе или менѣе полное отраженіе въ древне-еврейской литературѣ послѣднихъ 130 лѣтъ (1785—1915). А что̀ эта литература связана съ политической жизнью Россіи и съ теченіями русской литературы — очевидно. Тяжелый дореформенный режимъ, равно какъ реформы Александра II и послѣдовавшая за ними реакція 80-хъ и 90-хъ годовъ, положили свой отпечатокъ и на древне-еврейскую литературу. Такіе крупные таланты, какъ Гордонъ и Лиліенблюмъ, Бершадскій и Бреннеръ, находились подъ вліяніемъ русской литературы. А въ „Зимнихъ пѣсняхъ“ Бялика или въ „Идилліяхъ“ Черниховскаго проявилась тѣснѣйшая связь древне-еврейской поэзіи съ русской природой и даже съ русскимъ бытомъ. Но, несмотря на все это, древне-еврейская литература сохранила свою самобытность. Она не только отражала всѣ переживанія еврейскаго народа за послѣднія 130 лѣтъ, но и разрабатывала всѣ специфически-еврейскія проблемы, вызываемыя исключительнымъ положеніемъ разсѣяннаго и гонимаго народа. И въ центрѣ этихъ проблемъ стояло соотношеніе между специфически-еврейскимъ и между общечеловѣческимъ. Еврейская литература вотъ уже цѣлыя десятилѣтія какъ ищетъ синтеза между эллинскимъ и іудей-

* Болѣе обстоятельный разборъ этой же литературы читатель найдетъ въ моей книгѣ: Ново-еврейская литература (1785—1910). Изданіе второе. Одесса 1912. См. также: N. Slousch: La renaissance de la littèrature hèbräique (1743—1910). Paris 1903, и его же: La poèsie lyrique hèbräique contemporaine (1882—1910). Paris 1911.

скимъ, между арійскимъ и семитическимъ. А этого синтеза, вѣдь, въ сущности, доискивается все мыслящее человѣчество. Отсюда, — не говоря уже о самодовлѣющей цѣнности новѣйшей литературы на древнѣйшемъ и вѣчно-обновляющемся языкѣ культурнѣйшаго народа, — и огромный интересъ, который еврейская литература представляетъ для всякаго, и не-еврейскаго, читателя. А для русскаго читателя она представляетъ интересъ сугубый: вѣдь, главнымъ образомъ, на его родинѣ эта литература выросла, развилась и достигла расцвѣта.

Одесса. Д-ръ *I. Л. Клаузнеръ.*

Сентябрь 1915.

Кончина Аарона.

Когда наступило время Аарону покинуть земной міръ, Господь сказалъ Моисею:

— Иди къ Аарону и скажи ему, что часъ его пришелъ.

Всталъ Моисей рано утромъ, подошелъ къ шатру Аарона и сталъ звать его: „Ааронъ, братъ мой, выйди ко мнѣ!“

Вышелъ Ааронъ и спрашиваетъ:

— Что заставило тебя встать такъ рано и придти ко мнѣ?

— Этой ночью, размышляя о мудрости божественной, я остановился надъ однимъ вопросомъ, котораго никакъ уяснить себѣ не могъ. По этому поводу я и пришелъ къ тебѣ.

— А какой это вопросъ?

— На память я объяснять этого не могу; требуемое мѣсто находится въ книгѣ „Бытія“. Принеси книгу эту, и почитаемъ ее.

Принесъ Ааронъ книгу „Бытія“, и стали они вмѣстѣ читать главу за главой, и послѣ каждаго повѣствованія Ааронъ приговаривалъ: „Какъ хорошо сдѣлано все Господомъ, какъ прекрасно все сотворено Имъ на свѣтѣ!“

Когда дошли до разсказа о сотвореніи человѣка, Моисей заговорилъ:

— Что сказать объ Адамѣ, который грѣхопаденіемъ далъ смерти доступъ къ міру? И меня, который бралъ верхъ надъ духами небесными, и тебя, который былъ въ силахъ ангела смерти останавливать — даже насъ не тотъ ли ждетъ конецъ? Долго ли намъ жить осталось?

— Недолго, братъ мой!

Продолжая такимъ образомъ, Моисей постепенно подготовилъ Аарона къ мысли о близости кончины его. Почувствовалъ Ааронъ, что приблизился часъ его, и говоритъ:

— Не въ виду ли этого ты и разговоръ весь завелъ?

— Да, братъ мой!

Видѣвшіе Аарона въ эту минуту замѣтили — точно умалился сразу ростъ его.

И взмолился Ааронъ:

— Сердце мое трепещетъ во мнѣ и ужасы смертные наполнили меня.

— Готовъ ли ты къ смерти? — продолжалъ Моисей.

— Я готовъ, — былъ отвѣтъ.

— Взойдемъ на гору Оръ.

Поднялись на гору втроемъ: Моисей, Ааронъ и Елеазаръ, сынъ Аарона.

Видѣлъ это народъ, но не зналъ, что идетъ Ааронъ въ послѣдній путь свой. „Господь призвалъ его на гору“, — подумали израильтяне.

На вершинѣ горы открылась передъ ними пещера. Они вошли туда и нашли тамъ зажженный свѣтильникъ и готовый, чуднаго вида гробъ.

Началъ Ааронъ снимать одежды свои; снималъ одну за другою, и Елеазаръ надѣвалъ ихъ на себя, а вокругъ Аарона туманъ клубился и точно пеленою обвивалъ его.

— Братъ мой! — воскликнулъ Моисей, — когда умерла сестра наша, я съ тобою позаботились о ея погребеніи; при твоей кончинѣ находимся я и Елеазаръ. Кто же въ мой смертный часъ будетъ находиться при мнѣ?

Въ это мгновеніе раздался голосъ Предвѣчнаго:

— Клянусь, Я самъ приму душу твою!

И сказалъ Моисей:

— Войди, братъ мой, и ложись въ этотъ гробъ.

Ааронъ легъ.

— Протяни руки свои, — продолжалъ Моисей. — Закрой глаза. Смежи уста.

Одно за другимъ исполнилъ Ааронъ. Тогда сошла Шехина, облобызала его — и отлетѣла отъ Аарона душа его.

Моисей и Елеазаръ склонились къ усопшему и стали цѣловать ланиты его. Но сошло Облако Славы и заволокло гробъ Аарона, а гласъ небесный прозвучалъ: „Удалитесь отсюда“. И едва Моисей и Елеазаръ вышли изъ пещеры, входъ закрылся за ними.

Израильтяне стояли у подножія горы, ожидая ихъ возвращенія. Замѣтивъ сходящими съ вершины Моисея и Елеазара и не видя между ними Аарона, стали недоумѣвать, предчувствуя недоброе. А народъ любилъ Аарона за миролюбіе и миротворчество его. Этой минутою воспользовался сатана и началъ подстрекать народъ противъ Моисея и Елеазара. Пошелъ ропотъ кругомъ. Одни говорили: „Это Моисей убилъ Аарона изъ зависти“. Другіе: „Убилъ его Елеазаръ, дабы поскорѣе унаслѣдовать санъ первосвященника“. Третьи допускали возможность и естественной кончины его. Когда же приблизились Моисей и Елеазаръ, всѣ окружили ихъ и стали допрашивать:

— Куда дѣвался Ааронъ?

— Господь принялъ его для жизни вѣчной, — отвѣчалъ Моисей.

— Мы не вѣримъ тебѣ! — закричалъ народъ, — онъ, быть можетъ, обидное слово сказалъ тебѣ, и ты приговорилъ его къ смерти.

Съ камнями въ поднятыхъ рукахъ сталъ наступать народъ на Моисея и Елеазара, угрожая тутъ же покончить съ ними. И вдругъ — открылась пещера; ангелы подняли гробъ съ тѣломъ Аарона и вознесли его высоко надъ землею. Медленно плылъ гробъ въ лазурной вышинѣ, и пѣніе ангельское раздавалось вокругъ него:

„Онъ отходитъ къ миру, — пѣли ангелы, — да будетъ покоиться на ложѣ своемъ“.

„И оплакивалъ смерть Аарона тридцать дней весь народъ Израилевъ“.

Плакали мужчины, плакали женщины. Въ то время какъ Моисей былъ неумолимъ въ отношеніи малѣйшаго закононарушенія, Ааронъ кротостью своей очаровывалъ каждаго. Никто отъ него не слыхалъ: „Ты — грѣшникъ“, или „ты грѣшница!“

Встрѣтится онъ съ человѣкомъ злымъ, преступнымъ, онъ первый обратится къ нему съ привѣтствіемъ и слово ласковое скажетъ. Придетъ тому на умъ дурное дѣло совершить, вспомнитъ онъ объ Ааронѣ и подумаетъ: „Горе мнѣ! Какъ же я послѣ этого въ лицо ему взгляну?“ Или — узнаетъ Ааронъ о распрѣ между двумя людьми. Придетъ онъ къ одному и говоритъ: „Вотъ, ты въ злобѣ на товарища своего, а послушалъ бы, что онъ втайнѣ говоритъ про тебя: „Сердце мое, — говоритъ, — сжимается отъ боли. Я глубоко раскаиваюсь и готовъ волосы на себѣ рвать отъ отчаянія, что не смѣю въ глаза взглянуть товарищу моему, передъ которымъ я одинъ во всемъ виноватъ“. И не уйдетъ, покуда не увидитъ, что не осталось болѣе ни капли злобы въ душѣ этого человѣка. Отъ него пойдетъ Ааронъ къ другому съ тѣми же увѣщательными и ласковыми словами. Встрѣтятся эти люди и кинутся въ объятія другъ къ другу. Вотъ почему смерть Аарона вызвала глубокую скорбь во всемъ народѣ. *(Изъ легендъ Агады Талмуда, Бялика и Равницкаго, перев. Фруга.)*

Іегуда Галеви.

XI вѣкъ.

I.

Проснись, мой другъ, скорѣй отъ сна, хочу — тебя,
Хочу твой ликъ испить до дна, хочу — любя,
Когда во снѣ твоемъ лобзанье жжетъ уста,
То разгадать твой сонъ зоветъ меня мечта.

II.

Изъ розъ ланиты, ихъ глаза срываютъ,
И грудь — гранаты, жатва дерзкихъ рукъ,
Уста къ устамъ — угольямъ приникаютъ
Щипцами, а коса — въ ней тайный демонъ мукъ!

III.

Въ тотъ день баюкала его я на колѣняхъ,
И увидалъ въ моихъ зрачкахъ онъ образъ свой.

Проказникъ милый, цѣловалъ мнѣ очи:
Не ихъ онъ цѣловалъ, а образъ, мнѣ родной.

IV.

Могла, шутя, нарядъ обмыть, обмыть въ ручьѣ
Изъ слезъ моихъ, и солнцемъ чаръ его сушить.
Родникъ съ водой не нуженъ ей: глаза при мнѣ,
И солнцу ликъ ея сіянью не учить!

Перев. ***Бориса Гуревича.***

Іегуда Галеви.

И стихли волны, сразу замолчали,
Какъ овцы, прилегли и замолчали,
И Ночь надъ ними тихо появилась.
Горящей лѣстницей спускалось солнце въ дали.
И рать небесная, съ Вождемъ-Луной, сверкнула,
И Ночь-Цыганка въ златотканной шали,
Гдѣ темной золото оправлено лазурью.

И въ сердцѣ моря звѣзды трепетали,
Какъ странники, изгнанники безъ крова;
И отсвѣты, какъ звѣзды, свѣтъ рождали,
Блуждая въ сердцѣ моря словно пламя;
И Ликъ волны, и Ликъ небесъ предстали
Подобны ночи, морю — все въ сверканьи,
Прозрачно все, и небо — море дали,
И оба моря страстно обнялися.

Средь нихъ мое трепещетъ третьимъ сердце,
Въ волнахъ напѣвовъ мчась, какъ море, въ дали.

Перевелъ ***Борисъ Гуревичъ.***

Изъ М. І. Лебенсона.

Поэма „Іегуда Галеви".

Въ Солимъ, къ вратамъ небесъ священнымъ,
Гдѣ въ храмѣ жилъ святой напѣвъ,

Пришелъ Галеви къ дряхлымъ стѣнамъ,
Принесъ имъ стихъ, гдѣ скорбь и гнѣвъ.

Смятенный духъ тоской окованъ,
Слезами траура омытъ,
И, вѣщей грустью зачарованъ,
Свободной Музы гласъ молчитъ.

Оставилъ родину, съ Любовью,
И златокудрый рой дѣтей,
Какъ птицѣ надъ осенней новью
Ему Востокъ всего святѣй.

Въ страну вернувшагося Рая
Съ познанья древомъ на землѣ,
Гдѣ древо жизни, расцвѣтая,
Святилось Богомъ въ древней мглѣ!

Врата страны священны были,
Великолѣпенъ Богъ — ихъ Царь,
Слова пророковъ въ свѣтлой силѣ
И каждый камень былъ Алтарь!

Къ скалѣ Сіона, что вѣнчаетъ
Іерусалима склепъ святой,
Орлинымъ летомъ увлекаетъ
Поэта духъ, одной мечтой:

Уснуть въ гробу святыни славной,
Послѣдній вздохъ съ прошедшимъ слить —
А волны стаей своенравной
Шумятъ, и мыслей рвется нить...

Такъ дико воютъ ихъ потоки,
Корабль пугаетъ бѣлый хоръ,
Живыя башни такъ высоки,
И небо рушитъ ихъ просторъ.

...Стоитъ онъ, объятый разбуженной Ночью,
И слышитъ пылающій хоръ голосовъ,
Но смерть изъ глубинъ не придетъ. Онъ воочью
Увидитъ страну, всемогущъ ея зовъ.

И въ сердцѣ онъ слышитъ священное пѣнье,
И Муза встаетъ для небесныхъ рѣчей,
На флейтахъ наяды сплетаютъ томленья
Съ пылающимъ псалмомъ средь бурныхъ ночей.

И молкнутъ волны дико вольные шумы,
И грома смолкаетъ всевластный раскатъ,
И вѣтры вздыхаютъ, какъ чистыя думы,
При пѣсняхъ Галеви, что тайной звучатъ.

И скоро корабль у слѣпительной цѣли,
И къ берегу взоры несутся пѣвца,
Затеплились въ сердцѣ надежды, что тлѣли
Подъ пепломъ изгнанья и ждали конца.

...Но страшная вѣсть пронеслась укоризной,
И горькія слезы звучатъ средь святынь:
— Разбой съ нищетой овладѣли отчизной,
И правятъ орды изъ голодныхъ пустынь!

У гроба Исаіи стоитъ потрясенный
Галеви и борется съ горемъ въ слезахъ.
— Святой, ты вѣщалъ, словно громъ съ небосклона,
А гробъ твой покрыли лишь падаль и прахъ.

— Тамъ спитъ Іеремія, что скорбною грезой
И стѣны Сіона къ рыданью склонялъ,
Одинъ отрыдалъ онъ Израиля слезы,
И всѣмъ истребленнымъ молитву воздалъ. —

Напрасно онъ стонетъ, надъ гробомъ простертый,
Бушуетъ надъ камнями вѣтеръ степной,

— И съ кѣмъ среди праха склоняешь свой споръ ты?
Лишь волки завыли, пьяны тишиной.

И Кармелъ, вѣнецъ огневѣйный Сіона,
Гдѣ къ вѣщимъ пророкамъ клонились цвѣты,
Какъ павшій титанъ возстаетъ, обнаженный,
Сурово чернѣя во мглѣ пустоты.

И если на саванъ сѣрѣющій праха
То лилій, то розъ наклонятся лучи —
Онѣ увѣдаютъ въ пустынѣ отъ страха.
Уснули цвѣты, отзвенѣли мечи.

И дѣвъ вдохновенныхъ воздушные хоры,
Что празднично розы сплетали въ вѣнокъ,
Въ позорное рабство ушли на просторы
Въ оковахъ надъ нѣгой танцующихъ ногъ.

И нѣжны, и пылки зари пробужденья,
Но въ пламя ихъ арфы не бросятъ свой звонъ,
Прекрасны цвѣтовъ расцвѣтающихъ сѣни, —
Но пѣсенъ пророка не слышитъ Саронъ.

И сердце пѣвца замираетъ сурово,
Онъ шагъ направляетъ туда, гдѣ Ливанъ,
Что слышалъ Сіона расцвѣтшее слово·
И видѣлъ его истомленнымъ отъ ранъ.

Дѣлилъ онъ съ Сіономъ и трауръ, и пѣсни,
Онъ кедромъ дворцы и границы дарилъ,
И арфы, и лютни, чья жизнь безтѣлеснѣй,
И склепы, и гробы, преддверья могилъ.

Вы, кедры, могучіе тучамъ собратья,
Съ главой посѣдѣлой средь вѣчнаго льда,
Съ плечами, гдѣ бурныхъ потоковъ заклятья,
Вы стары, какъ время, мудры, какъ года.

Стояли они, — какъ былое; Галеви
О смерти Сіона, дрожа, вспоминалъ,
И скорби вставали въ угрюмомъ напѣвѣ,
И пѣсня звучала средь мертвенныхъ скалъ.

И пѣлъ онъ великій псаломъ поминанья,
Склонялися листья, въ былое глядя,
И жизнь возставала отъ чаръ заклинанья,
И скорбь Іереміи въ тѣняхъ бытія.

Онъ пѣлъ еще — скорбно внимали вершины,
Сіону привѣтъ его грозный звучалъ.
Но вѣки сомкнулись. И грезы картины
Мистическій сонъ озарилъ среди скалъ.

По царству тѣней пронесли его крылья
Бездоннаго, вѣщаго, темнаго сна.
Вставали умершіе въ жуткомъ безсильи,
Святой хороводъ все испившихъ до дна.

Провидцы Сіона, смуглы и суровы,
Отдавшіе жизни за вѣру одну,
Ихъ раны зіяли, какъ вѣщее слово
О варварахъ, кровью залившихъ страну.

Казненные гладомъ, пронзенные сталью,
Съ улыбкою павъ среди хищныхъ звѣрей...
За Бога отцовъ ихъ сердца трепетали
И сдѣлались прахомъ по волѣ Царей.

Пришли они — язвой одѣтыя кости,
Съ очами, горящими правдой былой,
Изъ древнихъ темницъ собрались на погостѣ,
Какъ мстители, скрытые вѣчною мглой.

И гробъ покидали Пророки Сіона,
— Исаія, съ Божественной рѣчью въ устахъ,

Но онъ окровавленъ, но горькіе стоны
Роняетъ его истомившійся прахъ.

И съ нимъ — Іеремія; рука костяная
Подъ пылью земною на свитокъ легла,
Упали власы на чело ледяное,
Но мукѣ и скорби — ни мѣръ, ни числа.

Захарія, Урій вставали изъ праха,
Сердца ихъ сочились кровавой рѣкой,
И всѣ, что погибли въ бореньяхъ безъ страха,
Кто пытку встрѣчалъ съ вдохновенной душой.

Къ пѣвцу приближались ихъ жуткіе хоры,
Безгранна, безмѣрна почившая рать,
Костлявыя руки зовутъ изъ простора,
Нетлѣнныя очи велятъ создавать.

Тяжелыя цѣпи, глухія вериги,
Кудрей благовонныхъ темнѣющій рой,
И алыя раны, и злыя квадриги
Надъ старцевъ и мученицъ чистой толпой.

И онъ, окрыленный святыней погибшихъ,
Къ бѣлѣющей Безднѣ рванулся, дрожа,
— Какъ мечъ заостренный рукою ожившей
Пронзилъ ему сердце, гдѣ смерти межа.

Кто властной рукою пронзилъ его тѣло?
Убитый къ убитымъ уходитъ Пѣвецъ!
Никѣмъ не оплаканъ, земные предѣлы
Оставилъ, а тѣни зовутъ — наконецъ!

Вы — вмѣстѣ! Безъ стона, безъ думъ, безъ желаній —
Упалъ онъ къ землѣ просвѣтленнымъ лицомъ...
Видѣнья возставшихъ погасли въ туманѣ,
И очи закрылись предъ ночью и днемъ.

— Твердятъ, что, когда онъ былъ прошлымъ лелѣемъ,
Подкрался убійца, бродячій арабъ,
Собратъ и гіенѣ, и тигру, и змѣямъ,
И сердце пронзилъ, какъ предатель и рабъ.

Почилъ онъ съ тѣнями — но скорбный Израиль
Его не забудетъ, и пѣснь о быломъ
Въ напѣвъ Іереміи Галеви вплетаетъ
Въ молитвенномъ гимнѣ, навѣки живомъ.

Перев. ***Б. Гуревичъ.***

С. Черниховскій.

Пѣсня.

Луной очаровано море
Колышится словно во снѣ,
И шепчется вѣтеръ съ листвою
Въ безмолвной ночной тишинѣ.
„Приди ко мнѣ, юноша, въ горы,
Въ жилище мое среди скалъ“,
Таинственно шепчутъ чинары.
И мѣсяцъ надъ рощею всталъ.
Ко мнѣ!.. Ночь застыла и дремлетъ,
Пернатый умолкнулъ пѣвецъ...
Приди! Мой отецъ въ котловинѣ
Пасетъ свое стадо овецъ.
Весной своей жизни свѣжа я,
Прекрасна, смугла и гибка,
Волной грудь встаетъ молодая
И зубы бѣлѣй молока...
То вспыхнутъ, то гаснутъ зарницы
Бездонныхъ загадочныхъ глазъ...
Я пламя, я страсть огневая!..
Приди! День давно ужъ угасъ...

С. Черниховскій.

Credo.

Смѣйся, смѣйся, что донынѣ
Я, мечтая и любя,
Свято вѣрю въ человѣка,
Вѣрю въ счастье и въ тебя, —
Что я вѣрю: сердце друга
Я найду, и скорбь свою,
Всѣ стремленья и надежды
Въ это сердце перелью...
Да, тельцу я золотому
Не пожертвовалъ душой,
Вѣря въ душу человѣка
Вѣрой мощной и живой:
Онъ отвергнетъ предразсудки,
Онъ низвергнетъ гнетъ оковъ, —
И тогда не будетъ сирыхъ,
Ни голодныхъ, ни рабовъ...
Вѣрю: будетъ день въ грядущемъ —
Пусть тотъ день еще далекъ —
Онъ придетъ: вражду народовъ
Смоетъ братскихъ чувствъ потокъ...
И тогда свободный, мощный
Зацвѣтетъ и мой народъ,
Онъ расторгнетъ цѣпи рабства,
Полной жизнью заживетъ, —
Заживетъ не въ грезахъ только,
Не въ однихъ лишь небесахъ..,
Пѣсню новую о жизни
На землѣ, о лучшихъ дняхъ,
Къ красотѣ и правдѣ чуткій
Запоетъ тогда пѣвецъ...
Изъ цвѣтовъ моей могилы
Для него сплетутъ вѣнецъ.

Перев. *Яффе.*

М. Мане.

Стремленіе души.

Вечерѣетъ и прекрасенъ
Солнца вешняго закатъ;
Сводъ небесный алымъ блескомъ
Догорающимъ объятъ.
Тишь и нѣга... Все застыло,
И въ листвѣ движенья нѣтъ.
На холмѣ сидитъ печальный
И задумчивый поэтъ.
Какъ хорошъ ты, праздникъ вешній,
Несказанныхъ полный чаръ!
Въ сердцѣ вновь цвѣтутъ надежды,
Въ сердцѣ снова юный жаръ.
Духъ больной опять волнуетъ
Новыхъ, мощныхъ думъ приливъ;
Скорбь и боль смѣняетъ вѣра
И къ высокому порывъ.
Тишь кругомъ, покой и нѣга...
Чу!.. въ безмолвьи крыльевъ взмахъ!
Вѣтерокъ въ лицо повѣялъ,
Шелестъ въ дрогнувшихъ вѣтвяхъ...
Это аистъ чернокрылый
Съ тѣломъ бѣлымъ, точно снѣгъ,
Выше, дальше закружился,
Глубь пурпурную разсѣкъ.
Если бъ силы мнѣ, больному,
Если бъ крылья мнѣ въ удѣлъ! —
Изъ чужбины непривѣтной
На Востокъ бы я летѣлъ.
Въ край волшебный, гдѣ Галеви,
Сіониду спѣвъ, почилъ;
Тамъ на нивахъ, вновь расцвѣтшихъ,
Наберусь я новыхъ силъ.
Гдѣ ты, гдѣ ты, край священный?..
Страстно рвусь къ твоимъ полямъ:

Воздухъ твой душѣ отрада,
Онъ цѣлебенъ, какъ бальзамъ.
    Воздухъ твой душѣ отрада...
    Тамъ изъ сердца льется стихъ.
    Чудный видъ, картины счастья
    Въ грезахъ вижу я моихъ:
Нивы, долъ, росы алмазы
Отблескъ солнца золотитъ,
Пѣснь здоровой, новой жизни,
Пѣсня пахаря звучитъ.
    Звукъ свирѣли... гонитъ стадо
    Тамъ пастухъ на водопой,
    Пѣсня дѣвушки живая
    Раздается за спиной...
На поляхъ цвѣтущихъ съ пѣснью
Я возьмусь за вольный трудъ; —
И, быть можетъ, силы снова
Къ изнемогшему придутъ.
    Скорбь забуду, гнетъ душевный
    И разбитыя мечты,
    Тамъ узнаю дни отрады,
    Дни любви и красоты.
Гдѣ ты, край мой? Я къ отчизнѣ
Рвусь, какъ узникъ изъ тюрьмы.
О, когда бы вмѣстѣ къ жизни
Возродились оба мы!..

Перев. ***Яффе.***

Х. Н. Бяликъ.

Предъ закатомъ.

Выйди, встань передъ закатомъ на балконъ, у порога,
    Обними мои плечи,
Приклони къ нимъ головку, и побудемъ немного
    Безъ движенья и рѣчи.
И прижмемся, блуждая отуманненымъ взоромъ
    По янтарному своду;
Наши думы взовьются къ лучезарнымъ просторамъ —
    И дадимъ имъ свободу.

И утонетъ далеко ихъ полетъ голубиный
И домчится куда-то —
Къ островамъ золотистымъ, что горятъ, какъ рубины,
Въ свѣтломъ море заката..
То — міры золотые, что въ видѣньяхъ блистали
Нашимъ грезящимъ взлядамъ;
Изъ-за нихъ мы на свѣтѣ чужеземцами стали,
И всѣ дни наши — адомъ...
И о нихъ, объ оазахъ лучезарнаго края,
Какъ о родинѣ милой,
Наше сердце томилось и шептали, мерцая,
Звѣзды ночи унылой.
И навѣки остались мы безъ друга и брата,
Двѣ фіалки въ пустынѣ,
Два скитальца въ погонѣ за прекрасной утратой
На холодной чужбинѣ.

Перев. ***В. Жаботинскій.***

Х. Н. Бяликъ.

Надъ бойней.

Небеса! Если въ васъ, въ глубинѣ синевы,
Еще живъ старый Богъ на престолѣ
И лишь мнѣ Онъ незримъ, — то молитесь хоть вы
О моей окровавленной долѣ!
У меня больше нѣтъ ни молитвы въ груди,
Ни въ рукахъ моихъ силъ, ни надеждъ впереди...
О, доколѣ, доколѣ, доколѣ?
Ищешь горло, палачъ? На! Свой ножъ приготовь,
Рѣжь, какъ пса, и не думай о страхѣ:
Кто и что я? Самъ Богъ разрѣшилъ мою кровь,
Въ цѣломъ мірѣ я — будто на плахѣ...
Брызни, кровь моя, лей, заливая поля,
Чтобъ осталась навѣки, навѣки земля,
Какъ палачъ, въ этой красной рубахѣ...
Если есть Высшій Судъ — да свершится тотчасъ!
Если жъ я въ черныхъ мукахъ исчезну,

И тогда онъ придетъ, слишкомъ поздно для насъ, —
    То да рухнетъ престолъ его въ бездну,
Да сгніетъ ваше небо, кровавая грязь,
И убійцы подъ нимъ да живутъ, веселясь
    И глумясь надъ Десницей возмездной...
И проклятье тому, кто поетъ намъ про месть!
    Мести нѣтъ, слишкомъ страшны страданья:
Какъ за дѣтскую кровь казнь отмѣрить и счесть?
    Сатана бъ не нашелъ возданья...
Пусть сочится та кровь неотмщенная въ адъ,
И да роетъ во тьмѣ, и да точитъ, какъ ядъ,
    Разъѣдая столпы мірозданья...

Перев. ***В. Жаботинскій.***

Народно-еврейская литература съ XIX-го вѣка.

Начало XIX вѣка характерно для еврейскаго историка своими двумя духовными теченіями, т. е. хасидизмомъ и просвѣтительными движеніями. Хасидизмъ пытался обновить религіозное самосознаніе еврейской массы, а просвѣтительное теченіе стремилось къ тому, чтобы переродить еврейскую массу въ болѣе продуктивную и сдѣлать её внѣшне похожей на городскую европейскую.

Оба теченія, находившіяся въ разныхъ плоскостяхъ и практически враждовавшія между собой, носили въ себѣ сѣмена революціоннаго духа.

Между еврейской массой и ученой раввинской кастой, носительницей религіозныхъ традицій, растояніе всё болѣе увеличивалось. Между Богомъ и вѣрой цѣлые вѣка нагромоздили несмѣтное количество фоліантовъ, полныхъ всякихъ комментарій и богословскихъ тонкостей для истолкованія всякаго мелочнаго обряда. Не хватало цѣлой жизни, чтобы усвоить хотя бы небольшую часть этого вѣкового наслѣдія.

Изъ-за лѣса книгъ исчезли даже ихъ первоисточники, давшіе имъ нѣкогда жизнь и смыслъ, исчезла сама библія. И раввины, единственные представители тогдашняго еврейскаго самосознанія, не имѣли возможности и времени входить въ житейскіе интересы своей паствы.

Простой человѣкъ изъ народа, заглядывая въ квартиру своего раввина, съ благоговѣйнымъ страхомъ останавливался передъ громаднымъ шкафомъ съ толстыми фоліантами, который былъ единственной внушительной мебелью въ аскетически-убогой обстановкѣ. Но одновременно съ чувствомъ благоговѣнія закрадывался въ его душу страхъ за себя, за свою вѣру, которая такъ невѣжественна.

Хасидизмъ съ вѣрнымъ чутьемъ сталъ проповѣдывать религію чувства, относясь съ пренебреженіемъ къ богословской наукѣ и ея жрецамъ, которые оставили прямой путь къ вѣрѣ и больше увлеклись наукой о вѣрѣ, чѣмъ ею самой.

Источникъ вѣры — живое трепещущее сердце, а не сверкающіе хоромы холоднаго разума. Проникновенная молитва простодушнаго сердца во сто разъ пріемлемѣе, чѣмъ десятки лѣтъ корпѣнія надъ старымъ богословскимъ фоліантомъ. Ученые въ своей гордынѣ дальше отъ Бога, чѣмъ послѣдній изъ массы, который по своей невѣжественности не знаетъ даже словъ молитвы, а молится однимъ безсознательнымъ порывомъ сердца.

Просвѣтительное движеніе, ведущее свое начало отъ философа Мендельсона и тѣсно связанное съ гражданской эмансипаціей евреевъ во многихъ европейскихъ странахъ, проникало въ народъ благодаря своей проповѣди объ отсталости еврейской массы, въ смыслѣ экономической непродуктивности. Во внѣшнемъ обликѣ еврея (каррикатура захудалаго шляхтича XVI вѣка), просвѣтитель видѣлъ громадную помѣху для установленія правильнаго общенія между евреями и кореннымъ населеніемъ страны.

Какъ хасидизмъ, такъ и просвѣтительное теченіе не затрагивали коренныхъ основъ вѣры. Оба теченія стойко стояли на старыхъ принципахъ еврейства. Но хасидизмъ поставилъ себѣ цѣлью уменьшить растояніе между Богомъ и простолюдиномъ, превознося жизнь сердца надъ творчествомъ ума, а просвѣтитель доказывалъ, что знаніе ремесла, изученіе полезныхъ свѣтскихъ наукъ и европейская внѣшность нисколько не идутъ въ разрѣзъ съ истиннымъ благочестіемъ.

Однако, не взирая на то, что идеологія какъ того, такъ и другого движенія не шла въ разрѣзъ съ коренными основами стараго еврейства, она тѣмъ не менѣе внесла большой расколъ, и съ теченіемъ времени разбила густую, почти недиференцированную еврей-

скую массу на три рѣзко отличающіяся общественныя разновидности, которыя для поверхностнаго наблюдателя какъ бы распадаются на три разныхъ этническихъ группы.

Проповѣдь хасидизма въ теченіе вѣковой работы создала современный типъ галиційско-польскаго еврея. Просвѣтительное движеніе, съ своей стороны, вызвало къ жизни еврея-гражданина, гражданина своей страны, болѣе тѣсно связаннаго съ идеалами и чаяніями своего политическаго отечества, чѣмъ съ нуждами своей собственной родной стихіи, словомъ — создало типъ интелигентнаго еврея, оторваннаго отъ своего собственнаго народа и силою вещей не могущаго примкнуть къ другому народу.

Остальная часть еврейства осталась какъ бы въ срединѣ между двухъ притягательно-отталкивающихъ силъ, и ей естественно суждено было надолго пребывать въ безсознательномъ стремленіи къ какому-то новому духовному синтезу, къ сліянію своего духовнаго специфически еврейскаго прошлаго съ требованіями современной европейской культуры.

Эта третья часть еврейства, наиболѣе многочисленная, является самымъ творческимъ элементомъ въ дальнѣйшей еврейской исторіи прошлаго вѣка. Ей же мы обязаны и развитіемъ еврейской свѣтской литературы, какъ на мало доступномъ библейскомъ, такъ и на народно-разговорномъ языкахъ.

II.

Каково же было отношеніе этихъ двухъ упомянутыхъ движеній къ народно-еврейскому языку?

Вопросъ о будущемъ языка евреевъ существовалъ лишь для однихъ идеологовъ просвѣщенія. Для представителей хасидизма онъ существовалъ постольку, поскольку языкъ не являлся помѣхой въ общеніи съ простолюдиномъ въ его религіозныхъ исканіяхъ. А такъ какъ масса говорила на такъ называемомъ „жаргонѣ“, то духовные отцы хасидизма широко имъ пользовались, не пускаясь въ оцѣнку „святости“ библейскаго языка и „низменности“ разговорно-еврейскаго.

Испоконъ вѣковъ еврейская масса относилась съ большимъ благовѣніемъ къ языку библіи и къ арамейскому діалекту, на которомъ составленъ талмудъ.

Но „священный“ языкъ давно пересталъ быть языкомъ обиходной рѣчи, и лучшіе люди въ народѣ не могли не считаться съ тѣмъ, что національныя „сокровища прошлаго“ становятся для массы, особенно для женской ея части, все болѣе и болѣе недоступными. И съ XVI вѣка выростаетъ литература на разговорно-еврейскомъ языкѣ, которая популяризуетъ духовно-богословское и сказочное содержаніе много-вѣковой литературы на библейско-арамейскомъ И таковой она остается, за малымъ исключеніемъ, до начала прошлаго вѣка.

Хасидизмъ, который преимущественно заботится о своемъ новомъ религіозномъ содержаніи (протестъ противъ аскетически интеллектуальнаго раввинизма и проповѣдь мистически-религіознаго сенсуализма), весьма мало интересуется внѣшней формой еврейскаго быта. Къ старой народной еврейской литературѣ онъ прибавляетъ свое въ видѣ поученій, сказочнаго житія святыхъ учениковъ Бэшта (Израеля Бал-шем-товъ, основателя хасидизма, жившаго во второй половинѣ XVIII вѣка), серіи легендъ о старинныхъ кабалистахъ и цѣлаго ряда аллегорій отцовъ хасидизма и ихъ учениковъ.

Иное отношеніе должны были имѣть къ народному языку адепты просвѣщенія, для которыхъ важно было пріобщить еврейство къ общей европейской культурѣ. Сдѣлать еврея болѣе продуктивнымъ, внѣшне измѣнить его средневѣковый обликъ, привлечь его къ ремесленному и земледѣльческому труду, пріобщить его къ интересамъ, умственнымъ и матеріальнымъ, того государства, коего онъ состоитъ подданнымъ, это значило, другими словами, дать ему главное орудіе человѣческаго общенія, то есть, орудіе рѣчи. А потому вопросъ о будущемъ языкѣ евреевъ для просвѣтителя долженъ былъ невольно стать въ центрѣ всѣхъ его разсужденій. И въ самомъ дѣлѣ, съ началомъ эпохи просвѣщенія, среди общихъ проблемъ еврейской жизни выступаетъ вопросъ о языкѣ, абсолютно не существовавшій у евреевъ до XIX вѣка.

Народный еврейскій языкъ, какъ факторъ, обособляющій отъ Европы, или отъ коренного населенія, признается чѣмъ-то низменнымъ. Сохраняется благоговѣйное отношеніе къ языку библіи и пророковъ, который навсегда останется нашимъ языкомъ сердца,

нашей былой гордостью, золотою грамотою нашего древняго дворянства. Настоящее требуетъ, однако, отъ насъ такого языка, который бы сразу пріобщилъ насъ къ странѣ, съ которой мы связаны политически и гражданственно.

Народный языкъ низводится до понятія „жаргона", въ которомъ нѣтъ ни правилъ, ни логики, который представляетъ вавилонское смѣшеніе всѣхъ нарѣчій и языковъ, съ какими сталкивалась еврейская масса въ своемъ вѣковомъ скитаніи.

Жаргонъ облѣпляетъ духовное тѣло еврейской массы, какъ длиннополый костюмъ и пейсы физическое. Она духовно съ нимъ не связана, и можетъ его легко скинуть, какъ всякое полинявшее и износившееся платье.

Жаргонъ для просвѣтителя не болѣе, какъ временное средство для проповѣди своихъ новыхъ еврейско-общественныхъ требованій. Онъ пользуется имъ печатно отнюдь не для развитія его, а совершенно напротивъ — для проповѣди самоуничтоженія жаргона во всѣхъ закоулкахъ народнаго быта.

Слѣдствіемъ такого прямолинейно-раціональнаго отношенія къ народному языку явился новый родъ книгъ на рынкѣ народнаго читателя. Въ сатирически-обличительномъ тонѣ авторы старались вскрыть устарѣлыя и отжившія стороны патріархальной жизни еврейской массы, и съ большимъ паѳосомъ рисовали идиллическую прелесть ремесленнаго и, въ особенности, земледѣльческаго труда. Въ грошевыхъ народныхъ изданіяхъ высмѣивали разныя суевѣрія еврейскаго быта и въ полу-публицистической и полу-повѣствовательной формѣ звали молодежь въ правительственныя школы, изливая при этомъ свою желчь на хедеръ, талмудъ-тору и ешиботъ (три рода народныхъ школъ старо-еврейскаго уклада), откуда выходятъ люди никудышные, не приспособленные къ современной культурной жизни народа со всѣми ея разнообразными и законными требованіями.

Характерною особенностью бѣгло охарактеризованной народной литературы просвѣтительной эпохи является ея языкъ. Просвѣтитель, пользуясь народною рѣчью, какъ временнымъ средствомъ, меньше всего заботился о ея чистотѣ и развитіи. Болѣе того, онъ самъ ее коверкалъ, то приближая ее къ нѣмецкому языку, то перегружая ее библейскими и арамейскими словами. Благодаря литературѣ просвѣтителя, насиловавшаго духъ своей родной

рѣчи, еврейскій языкъ на самомъ дѣлѣ сталъ похожимъ на „жаргонъ“.

Послѣ сказаннаго становится яснымъ, что оба выше охарактеризованныя теченія не могли способствовать литературному развитію народной рѣчи. И нѣтъ сомнѣнія, что враждебное отношеніе къ языку просвѣтителей привело бы къ вымиранію народной рѣчи, если навстрѣчу ихъ общимъ требованіямъ въ еврейскомъ быту шла бы также правительственная власть, вплоть до полной эмансипаціи евреевъ въ Россіи. Однако, дальнѣйшая судьба евреевъ въ Россіи крайне не благопріятствовала проповѣди слiянiя (дальнѣйшее развитіе идей раціоналистическаго просвѣщенія), и вмѣстѣ съ этимъ появились первыя попытки къ пересозданію еврейскаго быта на болѣе разумныхъ народныхъ началахъ.

Во второй половинѣ XIX вѣка хасидизмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи все болѣе и болѣе сталъ обнаруживать свои реакціонныя черты; также значительно поблекли отвлеченные идеалы эпохи просвѣщенія. Стала очевидной ошибка просвѣтителей, сплошь отрицавшихъ настоящее еврейской жизни, всю ея статику, признавшихъ за нашимъ прошлымъ источникъ нѣкоторой доли романтизма, ничего общаго со строеніемъ нашего дальнѣйшаго существованія не имѣющаго, годнаго только какъ сладкій привкусъ послѣ терпкаго напитка реальной жизни, и разсматривавшихъ наше будущее въ образѣ средняго лакированнаго европейца, сѣраго гражданина той страны, куда судьба его забросить, безъ роду и племени, съ выскобленнымъ прошлымъ и безъ всякой стихійной связи съ молекулярной жизнью большого родного коллектива.

Соотвѣтственно этимъ измѣнившимся взглядамъ среди нѣкоторой части еврейскаго общества измѣняются такъ же ея отношенія и къ народному языку, какъ и къ его литературѣ.

Начиная съ XVI вѣка сплошь до первой половины XIX вѣка, письменность на народномъ языкѣ была чѣмъ-то придаточнымъ, вульгарной популяризаціей тѣхъ идей, которыя ярко господствовали либо въ старо-богословской, либо модернизованной древнееврейской литературѣ, а позже, въ разгарѣ эпохи просвѣщенія, въ русско-еврейскихъ журналахъ. Народная литература была въ положеніи мертвой луны, на которую падаетъ слабый отблескъ живого свѣтила.

Со второй же половины XIX вѣка это отношеніе кореннымъ образомъ мѣняется. Народная литература начинаетъ жить самостоятельной жизнью, сама выдвигаетъ свои проблемы и по-своему ихъ же разрѣшаетъ. Появляются крупные художественные таланты, которые отдаются ей всецѣло, силою своего генія превращая ее въ орудіе своего творчества и сами находя въ ней живой источникъ творческой силы.

III.

Во второй половинѣ XIX вѣка появляется цѣлый рядъ писателей, изображающихъ съ большимъ или меньшимъ дарованіемъ жизнь народной массы. Возникаетъ также первый правильно функціонирующій еженедѣльникъ на народномъ языкѣ. Въ мѣшкахъ странствующихъ книгоношей, рядомъ съ молитвенниками и другой „женской" благочестивой письменностью, покоятся занимательныя полу-лубочныя книжки, скроенныя по типу французскихъ романовъ эпохи Дюма и Поль де Кока, болѣе или менѣе удачно изображающія разные простонародные типы, какъ положительные, такъ и отрицательные.

Критикъ, хотя и сразу угадываетъ въ нихъ тенденціи просвѣтительной эпохи, но тутъ же замѣчаетъ въ нихъ нѣчто до сихъ поръ не бывалое. Подъ рѣзко выступающей тенденціей робко пробивается безкорыстное стремленіе не только поучать, но и изображать. Поучительный тонъ, правда, все еще преобладаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается желаніе автора быть правдивымъ въ изображеніи дѣйствительности, которая не всегда совпадаетъ съ намѣченной тенденціей. Постепенно выдѣляется это особое „пониманіе", свойственное одному художественному чутью, въ силу чего авторъ равно удаляется какъ отъ огульнаго осужденія, такъ отъ полнаго одобренія. Благодаря этому новому отношенію къ народной книгѣ сразу улучшается языкъ, постепенно очищается отъ сорной травы, посаженной въ него рьяными просвѣтителями. Сначала въ діалогѣ, а потомъ въ изобразительной прозѣ авторъ инстинктивно старается быть вѣрнымъ духу народной рѣчи, какъ она выработалась въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, вслѣдствіи изолированнаго положенія еврейской массы. Аксенфельдъ на югѣ Россіи и д-ръ Этингеръ въ Польшѣ (дѣйствовавшіе въ 30—50

годахъ XIX вѣка) вносятъ новыя литературныя формы въ однообразную полу-публицистическую литературу народнаго языка (басню, алегорію, стихотвореніе и драму), и съ врожденнымъ инстинктомъ кладутъ первый фундаментъ будущаго правильнаго развитію народной рѣчи.

Въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка народная письменность находилась какъ разъ въ періодѣ робкаго произрастанія, когда лишь нужно было появиться крупному художественному таланту, чтобъ сразу подняться до уровня самодовлѣющаго языка съ постояннымъ литературнымъ творчествомъ. И къ этому времени, въ самомъ дѣлѣ, появляется тотъ, которому суждено было, стать (какъ его всенародно называютъ) „дѣдушкой" современной народно-еврейской литературой, а именно Шолемъ Яковъ Абрамовичъ, или по псевдониму — Мендель Книгоноша (род. въ 1835 г.). Ш. Я. Абрамовичъ, отдавая въ первый періодъ своей литературной дѣятельности дань идеямъ просвѣтительной эпохи (какъ публицистъ-популяризаторъ естественно-научныхъ знаній и какъ романистъ на древне-еврейскомъ языкѣ), къ 30 годамъ своей жизни сталъ писать на народномъ языкѣ. Какое-то инстинктивное влеченіе заставило его взяться за народную рѣчь, считавшуюся въ кругу его единомышленниковъ чѣмъ-то низменнымъ. И сталъ онъ сочинять на этомъ языкѣ не по общему тогдашнему шаблону, а дерзнулъ выдвигать на немъ такія проблемы, какія до сихъ поръ считались прерогативой одной древне-еврейской литературы.

Абрамовичъ подходитъ къ жизни еврейской массы съ тонкимъ знаніемъ ея быта и ея разговорной рѣчи, которая для художника является живой физіономіей своего народа. Онъ не довольствуется однимъ тѣмъ, что вскрываетъ темныя стороны еврейскаго быта; онъ также не настолько догматиченъ, чтобъ видѣть въ одномъ распространеніи взглядовъ своихъ единомышленниковъ панацею противъ всѣхъ золъ еврейской жизни. Рядомъ съ признаніемъ необходимости цѣлаго ряда реформъ онъ нащупываетъ главный корень отсталости еврейской массы, находящейся подъ тяжелымъ прессомъ исключительныхъ законовъ и безправія.

Въ своей полу-лирической и полу-публицистической повѣсти „Кляча" онъ рѣзкой кистью набрасываетъ картины еврейской массовой жизни, безпощадно относится, какъ къ массѣ, которая въ вѣчномъ безпокойствѣ и вѣчной погонѣ за кускомъ хлѣба те-

ряетъ человѣческій обликъ, такъ къ ея заправиламъ и коноводамъ, очерствѣвшимъ душой и являющимся часто паразитарнымъ наростомъ на тѣлѣ полуголоднаго народа. Его глубокое недовольство еврейской общественной жизнью, ея неорганизованностью, ея отсталостью — диктуетъ его перу самые язвительные афоризмы. Одновременно съ этимъ рѣзкимъ отношеніемъ къ еврейской дѣйствительности, онъ отчетливо видитъ и другое зло — еврейское безправіе, которое гонитъ всѣхъ и все въ какую-то безпросвѣтную дыру, гдѣ общественные инстинкты становятся безполезными и гдѣ бывшіе люди только внѣшне связаны вмѣстѣ, какъ клубокъ перепутавшихся между собой земляныхъ червей.

Съ горькой ироніей онъ обращается къ тѣмъ, кто строитъ какія-то программы относительно формальнаго преобразованія еврейской массы и забываетъ о бичѣ сверху, пригибающемъ къ землѣ всякое робкое начинаніе, независимо отъ его цѣнности.

Его герой, — извѣрившійся просвѣтитель — въ бредовомъ экстазѣ молитъ только объ одномъ: оставьте насъ, жалкихъ и голодныхъ, со всякими наростами суевѣрія и пережитковъ былыхъ традицій; оставьте насъ на время въ покоѣ, будьте только къ намъ немного справедливѣе, и вы увидите, какъ быстро мы выпрямимся и какъ скоро придетъ оздоровленіе нашей жизни.

Въ томъ же произведеніи Абрамовичъ предвосхитилъ также взгляды, ставшіе позже весьма популярными, по которымъ кажущаяся непривлядность еврейской жизни есть прямой продуктъ экономическаго положенія массы, опять таки тѣсно связаннаго съ общимъ нашимъ безправіемъ.

Рядомъ съ изученіемъ непривлекательныхъ сторонъ еврейской статики, Абрамовичъ не забываетъ прошлаго своего народа, и въ его живыхъ остаткахъ видитъ гарантію для будущаго.

Просвѣтитель является передъ массой въ мантіи судьи безъ любви и жалости. Абрамовичъ же жалѣетъ свой рѣзко критикуемый народъ, жалѣетъ и любитъ. Въ своихъ главныхъ произведеніяхъ и цѣломъ рядѣ другихъ менѣе значительныхъ, онъ показываетъ намъ еврейскій бытъ съ разныхъ сторонъ, не упуская изъ виду глубокую черту народной психики, склонной къ мечтательности и авантюристичности, которая, благодаря ограниченности кругозора обусловленной подпольнымъ существованіемъ еврейской массы, принимаетъ часто весьма уродливыя формы.

„Въ Фишкѣ хромомъ“ Абрамовичъ символизируетъ еврейскую массу въ образѣ нищихъ, у которыхъ почти атрофировался желудокъ отъ долгаго недоѣданія. Несмотря на такое экономическое паденіе, въ ней пробивается цѣлый рядъ благородныхъ чертъ, представляющихся особенно трагикомичными при общей неказистости матеріальной обстановки. Для Абрамовича этотъ трагикомизмъ есть одновременно источникъ жалости и надеждъ.

Въ „Гершеле“ Абрамовичъ показываетъ намъ эту массу не на ярмаркахъ, въ погонѣ за скуднымъ заработкомъ, а въ ея интимной жизни, особенно въ ея жизни въ синагогѣ, которая для массоваго еврея представляетъ собою и храмъ Божій и народный домъ. Тамъ, за толстымъ фоліантомъ Талмуда, за кабалистически-мистическимъ сочиненіемъ „Зогаръ“, слѣдя за публичнымъ чтеніемъ своего „рэбэ“ (законоучитель) или за рѣчью странствующаго проповѣдника („магидъ“), онъ укрѣпляетъ свой умъ, питаетъ свое сердце и уносится въ дивныхъ мечтахъ о томъ, что надъ нами или за нами. Тамъ эта еврейская масса совершенно другая, чѣмъ въ обстановкѣ погони за хлѣбомъ. Еврейская масса не только по субботамъ принимаетъ человѣческій обликъ („загнанная собака становится вдругъ принцемъ“, по выраженію Гейне), но каждый разъ, когда она оставляетъ базаръ и заворачиваетъ въ свою молельню, гдѣ молится трижды въ день и проводитъ вечера въ атмосферѣ своеобразной, старинной духовной культуры.

Въ произведеніи „Путешествіе Веніамина III“ (прозванномъ еще — „еврейскій Донъ-Кихотъ“) Абрамовичъ съ особеннымъ юморомъ рисуетъ характерную черту еврейской мечтательности, соединенной одновременно со скоропалительной предпріимчивостью, приводящей всякій разъ къ самымъ забавнымъ результатамъ. Ибо мечтатель строитъ свой планъ дѣйствій не на реальныхъ данныхъ живой жизни, а на фантастическихъ представленіяхъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ старинной литературѣ, писанной для иныхъ людей, иной эпохи и въ обстановкѣ иной природы.

Народъ книги, ставшій рабомъ своей книги, становится жалкосмѣшнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно забавнымъ.

Ш. Я. Абрамовичъ, несмотря на его преклонный возрастъ, еще не положилъ своего творческаго пера. Послѣдняя его работа

(не окончена еще) даетъ намъ широкій холстъ изъ жизни русскихъ евреевъ въ 50—60-хъ годахъ прошлаго вѣка, писанный спокойной эпической кистью.

Однако, самая выдающаяся заслуга Абрамовича заключается не только въ томъ, что онъ шире раздвинулъ рамки народной письменности, а еще въ томъ, что, пользуясь для своего творчества народной рѣчью, онъ ее поднялъ до уровня литературнаго орудія. Благодаря ему, усвоившему геніальнымъ чутьемъ духъ простонародной рѣчи, послѣдняя почти сразу избавилась отъ всякихъ наростовъ, и стала обнаруживать всѣ качества природнаго языка съ внутренней грамматической логикой, съ тѣмъ особымъ привкусомъ простонародной сатиры и „юмора висѣльника", что такъ характеренъ для психики народной массы. Эта масса, хотя и убога и придавлена, но она необычайно интеллектуальна и способна на безпощадную самокритику.

IV.

Для того, чтобы въ краткомъ очеркѣ по возможности охарактеризовать духъ и художественныя проблемы народно-еврейской литературы до конца XIX вѣка, слѣдуетъ остановиться подробнѣе еще на Шолемъ-Алейхемѣ и І. Л. Перецѣ, завершившихъ то зданіе, которое началъ строить Абрамовичъ. Упомянутые три писателя являются создателями и завершителями задачи, долженствовавшей поднять разговорно-еврейскую письменность до уровня литературы, способной выдержать сравненіе съ ея болѣе старшей сестрой, съ новой древне-еврейской.

Шолемъ Алейхемъ (род. въ 1857 г.), преимущественно занимавшійся изображеніемъ еврейской массы 80-хъ годовъ, въ извѣстной мѣрѣ, является ученикомъ Абрамовича, однако, во многихъ отношеніяхъ далеко переросшимъ учителя. То, что у Абрамовича было лишь намѣчено, у него получаетъ дальнѣйшее развитіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вноситъ въ манеру изображенія своеобразный еврейскій юморъ, заставляющій съ освобождающимъ и очищающимъ смѣхомъ читать то же самое, о чемъ у Абрамовича читаешь изъ-за его сарказма со смѣсью брезгливости, презрѣнія и жалости. Шолемъ-Алейхемъ не только сталъ первымъ юмористомъ въ народной литературѣ, за нимъ признана пальма первенства въ смыслѣ выразителя еврейскаго національнаго юмора, вездѣ,

гдѣ только живетъ скученная масса, независимо отъ того, признаетъ ли она литературу народнаго языка, или нѣтъ.

Шолемъ-Алейхемъ напалъ на главный источникъ, изъ-за котораго еврей, несмотря на интеллектуальность его и сдержанность его аффективной жизни, часто представляетъ комическій объектъ, какъ со стороны внѣшней, такъ со стороны его внутренней жизни.

Съ внѣшней стороны еврейство 70—80-хъ годовъ представляло собою объектъ для юмора, благодаря логическому противорѣчію (а всякій юморъ основанъ на логическомъ противорѣчіи) между его духовной культурной жизнью и общественными формами, навязанными ему извнѣ и имѣющими свои корни въ совершенно иномъ мірѣ, — арійско-христіанскомъ.

Еврей въ длиннополомъ кафтанѣ и въ пейсахъ, совершающій биржевыя операціи на кіевской или одесской биржѣ, внѣшне комиченъ.

Еврей, ломающій русскій языкъ, торгуясь съ крестьяниномъ на ярмаркѣ, и торопливо, затѣмъ, убѣгающій въ какую-нибудь маленькую молельню наскоро помолиться, чтобы потомъ, съ тою же нервною тревогою, поспѣть еще и къ концу ярмарки, — представляетъ собою для внѣшняго наблюдателя забавное зрѣлище. Половинчатость его двойного существованія, купаго и тутъ и тамъ, вызываетъ невольную улыбку на губахъ посторонняго.

Масса сама уже давно подмѣтила это противорѣчіе; ея разговорная рѣчь кишмя-кишитъ остроумными поговорками и пословицами, полными юмора.

Съ внутренней же стороны, еврей бываетъ комиченъ, благодаря его нервной психикѣ, одновременно сближающей его съ величайшими авантюристами и отпѣтыми дураками, и, съ другой, съ людьми проницательнѣйшаго и талантливѣйшаго ума.

Для того, чтобы быть яснѣе относительно послѣдняго пункта, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ теченіе тысячелѣтій еврейскому коллективу приходилось жить въ атипическихъ условіяхъ экономической жизни. Удаленному отъ крупныхъ артерій хозяйственнаго обмѣна, ему приходилось постоянно обращать свое вниманіе на еле замѣтныя теченія общаго русла для того, чтобы находить нѣкоторые источники существованія. Прогнанный съ поверхности основныхъ тканей, онъ долженъ былъ ютиться въ промежуточныхъ, а въ иныя, особенно тяжелыя эпохи, и оттуда его удаляли, загоняя

въ тѣсный микроскопическій уголъ между-клѣточнаго пространства міроваго хозяйственнаго организма. Это вѣковое удаленіе отъ нормальнаго, типическаго, должно было развить въ немъ особое отношеніе къ атипическому, большинствомъ не принимаемому. Говоря языкомъ психологіи, должна была выработаться въ евр. коллективѣ толерантность ко всему чуждому, не такъ скоро классифицируемому, простымъ умомъ легко отбрасываемому, какъ нѣчто непривычное, которое, однако, талантливымъ умомъ охотно принимается въ соображеніе и часто, благодаря этому, приводитъ къ новымъ выводамъ и открытіямъ. Вѣдь, талантливость, въ общемъ, не что иное, какъ толерантность индивидуальной психики къ тому, что удаляется отъ нормы, не похоже на обыденщину, и все же въ основѣ немногимъ отличается отъ нормальнаго и привычнаго.

Бѣлый негръ, входящій внезапно въ нашъ домъ, есть негръ, минусъ одинъ признакъ. Простой умъ испугается этого необычнаго явленія и, возможно, что еще отвернется въ страхѣ отъ того, что не сразу укладывается въ его мозгу. Болѣе толерантная психика узритъ въ бѣломъ негрѣ нормальное представленіе о негрѣ, минусъ его цвѣтъ.

Наша мысль движется обычно по рельсамъ неподвижной колеи. У психики болѣе толерантной, у талантовъ и еще въ большей степени — у генія, колея, по которой идетъ мысль, подвижна, то съужаясь, то раздвигаясь, соотвѣтственно задачамъ подлежащей умственной работы.

Послѣ этого схематическаго разсужденія становится понятнымъ, почему у еврейской массы, имѣющей на своихъ плечахъ тяжелый опытъ двухтысячелѣтняго соціально-экономическаго прошлаго, должна была выработаться подвижность въ сдвиганіи и раздвиганіи путей, по которымъ проходитъ умственная работа мышленія.

Ясно, что такая терпимость ко всему атипическому, должна соединяться съ сильнымъ критическимъ умомъ въ періодъ классификаціи необыденныхъ воспріятій. Если же обѣ чашки умственнаго аппарата не одинаковаго вѣса, то мы получаемъ, вмѣсто талантливой умственной работы, глупѣйшую фантасмагорію маньяка, у котораго тоже преобладаетъ чуткая воспріимчивость рядомъ съ болѣзненной поверхностностью критической мысли.

Шолемъ-Алейхемъ, въ своемъ главномъ типѣ Менахемъ Мендлѣ изъ Егупеца и въ цѣломъ рядѣ варіацій къ нему, рисуетъ намъ специфическую еврейскую глупость. Она вытекаетъ, въ отличіе отъ другихъ народовъ, народовъ земли, крестьянскаго труда, не отъ тупоумія, недомыслія, тяжелаго скрипучаго движенія умственнаго колеса, а отъ легкомыслія, отъ слишкомъ большой подвижности ума, дѣлающаго скоропалительные выводы на основаніи поверхностныхъ, плохо понятыхъ наблюденій.

Его собирательный типъ, подъ именемъ Менахемъ-Мендль, кидающійся во всѣ стороны, то въ роли биржевика, маклера, лѣсоторговца, свата, агента страхованія жизни, то въ роли мужа, отца, воспитателя своихъ дѣтей, члена разныхъ обществъ, эмигранта, вносящій повсюду тревогу, переходящій отъ самонадѣяннаго оптимизма къ мрачной меланхоліи (и то ненадолго: его коренная черта — неисправимый оптимизмъ) и всегда забывающій „о самомъ главномъ“ (его вѣчный припѣвъ: „О, Господи, я забылъ о самомъ главномъ“), этотъ Менахемъ Мендль до того забавенъ, до того является видимой химерической тѣнью внутренней жизни подвижной и поверхностной психики, что онъ сталъ для современнаго русскаго еврея не менѣе многозначительнымъ понятіемъ, чѣмъ Донъ-Кихотъ Сервантеса или шекспировскій Гамлетъ.

Но химеричность жизни Менахемъ-Мендля не всегда свободна отъ извѣстной доли трагизма, особенно тогда, когда ему приходится путаться не только въ тенетахъ своихъ экономическихъ предпріятій, но также въ запутанномъ узлѣ исключительныхъ законовъ, нормирующихъ у насъ въ Россіи еврейское безправіе.

Еврейскій читатель, слѣдя за авантюрами Менахемъ-Мендля на почвѣ его политическаго безправія, смѣется „mit jastscherkes“, т. е. смѣхъ выжимаетъ у него мокренькія ползущія капельки, похожія на мелкихъ гадовъ.

Кромѣ національнаго типа своего, Менахемъ-Мендля, Шоломъ-Алейхемъ создалъ еще второй типъ — подъ именемъ Тувья Молочника, нѣчто совершенно противоположное Менахему.

Тувья Молочникъ — представитель массоваго консерватизма. Современной жизни онъ почти не замѣчаетъ. Живетъ однѣми традиціями прошлаго. Поскольку Менахемъ Мендль есть „перекати-поле“, постольку Тувья Молочникъ пустилъ глубокіе корни

въ землѣ, которая находится за Іорданомъ и еще на томъ свѣтѣ, въ сіяніи Божественной эманаціи. Собирательный типъ стараго еврейства прекрасенъ только своимъ спокойствіемъ, въ родѣ памятника минувшихъ временъ. Но дѣти его уходятъ отъ него одинъ за другимъ, оставляя его одинокимъ, недоумѣвающимъ, еще болѣе поглощеннымъ представленіями потусторонняго міра.

Однако, Шолемъ-Алейхемъ рядомъ съ изображеніемъ двухъ сторонъ еврейской жизни 80-хъ годовъ прошлаго вѣка обрѣлъ еще особый уголокъ для своего творчества, гдѣ искрится не одинъ его юморъ только (радующій лишь нашъ умъ, часто жалящій наше сердце), но также особая душевная мягкость. Я имѣю сказаннымъ въ виду его многочисленные разсказы изъ еврейской дѣтской жизни, гдѣ изображается еврейское дитя въ наиболѣе яркіе моменты дѣтства, въ дни еврейскихъ праздниковъ. Этими душевными разсказами о золотыхъ дняхъ еврейскаго существованія, Ш.-А. какъ бы хотѣлъ намъ сказать: старое умираетъ, настоящее до тоскливости забавно, но еврейская масса еще не устарѣла настолько, чтобы не обновляться новыми ростками для достиженія лучшей доли. Посмотрите только на золотые дни еврейскаго дѣтства, и яркимъ пламенемъ затеплятся у тебя, читатель, новыя надежды.

Шолемъ-Алейхемъ, не смотря на свою болѣзненность и немолодые годы, еще неересталъ работать. Его поклонники (а ихъ много, почти весь читающій еврейскій народъ), привыкшіе къ новой варіаціи на тему о Менахемъ-Мендлѣ, увѣрены въ томъ, что послѣ войны онъ еще покажетъ намъ своего героя на войнѣ, или около войны.

V.

І. Л. Перецъ (1851—1915 г.) — уроженецъ южной Польши — является третьимъ въ созвѣздіи крупныхъ талантовъ, поднявшихъ народную еврейскую письменность до уровня литературы, ставящей себѣ самостоятельныя цѣли и задачи.

Перецъ въ теченіе сорокалѣтней литературной дѣятельности работалъ, какъ новеллистъ, поэтъ, драматургъ и публицистъ, давая въ каждомъ жанрѣ выдающіеся образцы, во многихъ отношеніяхъ не превзойденные послѣдующими литераторами. Въ своей первоначальной дѣятельности онъ находился подъ вліяніемъ поль-

скихъ новеллистовъ, вродѣ Свентоховскаго и др., но скоро нашелъ свой собственный тонъ вмѣстѣ со своими собственными проблемами.

Въ цѣломъ рядѣ новеллъ и большихъ поэмъ онъ ополчается противъ аскетическаго міросозерцанія еврейской массы, принадлежащей преимущественно къ духовному классу, превращающаго молодость въ пытку и горячечное исхудавшее тѣло — въ средневѣковый сосудъ, гдѣ перемѣшивается святость со всякими пороками.

Въ другихъ новеллахъ онъ саркастически высмѣиваетъ ханжество благочестиваго еврейства, которое систематически душитъ все молодое, свѣжее, порывающееся къ проявленію своей молодости и своихъ не тронутыхъ силъ.

Перецъ первый сталъ воспѣвать еврейскую молодую любовь, наподобіе европейскихъ поэтовъ, и въ его раннихъ произведеніяхъ эмансипація плоти отъ средневѣковаго духа является почти постояннымъ лейтмотивомъ. Нѣкоторыя его стихотворенія могутъ смѣло сойти за Гейневскія, до того сильно прерывается нѣжащій мотивъ рѣзкимъ дьявольскимъ аккордомъ.

Но вскорѣ Перецъ, захваченный соціалистическими идеями эпохи и сознаніемъ необходимости органической работы среди своего народа, берется со свойственномъ ему жаромъ за созданіе вокругъ себя соотвѣтственной аудиторіи изъ трудящейся еврейской массы для возвѣщенія новыхъ освободительныхъ идей и распространенія среди нея правильныхъ свѣдѣній о природѣ и объ обществѣ. Онъ вызываетъ къ жизни новыя изданія — „Праздничные листки“ и позже сборники „Народной библіотеки“, привлекая къ нимъ цѣлый рядъ новыхъ силъ, стоявшихъ до того вдали отъ народной литературы, и самъ съ особой горячностью кидается въ пучину публицистической дѣятельности.

До Переца зарождавшаяся народная литература еще не обладала значительнымъ резонансомъ. Ни Абрамовичъ, ни Шолемъ-Алейхемъ не старались расшевелить широкіе общественные круги въ интересахъ будущности народной литературы; они творили свои произведенія, не заботясь о томъ, чтобъ начатая работа не обрывалась съ ихъ смертью.

Перецъ былъ первый изъ народныхъ писателей, заинтересовавшихъ широкую массу ростомъ народной литературы. Бла-

годаря ему, она стала факторомъ еврейской жизни, съ которой стали считаться и мечтавшіе о скоромъ исчезновеніи разговорной рѣчи изъ устъ народа.

Перецъ, какъ писатель и публицистъ, да еще съ большимъ общественнымъ темпераментомъ, успѣшно работалъ на двухъ флангахъ. Съ одной стороны, онъ старался во всеоружіи своихъ большихъ дарованій создать благопріятную атмосферу для правильнаго роста народной литературы, чуя въ ней могучій родникъ демократическихъ силъ. А съ другой стороны, онъ въ эту литературу все щедрѣе вносилъ новыя художественныя формы вмѣстѣ съ новыми художественными элементами.

И въ томъ и въ другомъ онъ за 40-лѣтнюю дѣятельность достигъ столь многого, что можно безъ преувеличенія сказать: дальнѣйшій быстрый ростъ народной литературы въ первое десятилѣтіе XX вѣка всецѣло обязанъ одному Перецу, который обладалъ лирой поэта, острымъ перомъ публициста и строгостью, архитектоникой и афористичностью драматурга.

Самая выдающая заслуга Переца, однако, заключается не въ одномъ томъ, что онъ успѣшно бился на двухъ флангахъ противъ инертности еврейской мысли. Вѣнцомъ его творчества является то, что на ряду съ внесеніемъ всевозможныхъ жанровъ, общихъ всѣмъ литературамъ, создалъ онъ еще свой собственный, чисто еврейскій художественный жанръ, общеизвѣстный теперь подъ названіемъ „Хасидская новелла".

„Хасидская новелла" — своеобразная по формѣ и тонкая художественная передача разныхъ хасидскихъ толковъ, какъ у людей массы, такъ и вождей хасидизма, т. н. „цадиковъ".

Хасидскій міръ, загаженный, осмѣянный и оплеванный въ просвѣтительную эпоху, получилъ благодаря Перецу свою реабилитацію. Подъ толстымъ слоемъ средневѣковья, облекающимъ нынѣ хасидизмъ, Перецъ старался откопать здоровое зерно этого міра идей, проникавшихъ съ XVIII вѣка въ еврейскую жизнь, какъ новая революціонная сила.

Хасидское міровоззрѣніе, глубоко мистическое, берущее свое ф и л о с о ф с к о е начало отъ неоплатонизма Кабалы и средне-вѣковой философіи еврейскихъ мистиковъ, воспитывало въ теченіе 5-6-ти поколѣній своихъ приверженцевъ на постулатахъ, совершенно противоположныхъ направленію гипертрофированной ин-

теллектуальности еврейской массы. Для хасида — жизнь чувствъ и яркихъ фантастическихъ представленій о Богѣ и Вселенной, какъ объ одной изъ эманацій Божества, во сто кратъ цѣннѣе жизни логическаго сухо-анализирующаго ума.

Богъ, Истина познается интуитивно, синтетически, не аналитически. Пути, ведущія къ интуитивности—пламенный экстазъ, горячая приверженность къ Богу и радостное отношеніе ко всѣмъ формамъ бытія. Полная отрѣшенность отъ себя, могучая сосредоточенность является и слѣдствіемъ и причиной пламеннаго экстаза, сразу разрывающаго завѣсу между человѣкомъ, Вселенной и Богомъ. Въ яркомъ безымянномъ Свѣтѣ, проникающемъ между клочьями разорванной завѣсы, все живое и мертвое, все крупное и малое переплавляется въ нѣчто Единое и Цѣльное, въ которомъ все Любовь и непрерывный гимнъ источнику всего сущаго, Единому Богу.

Само собой понятно, что подобное міровоззрѣніе должно было развить такія качества и бытовыя формы въ еврействѣ, въ отсутствіи которыхъ насъ обвиняютъ и други и недруги. Стопятидесятилѣтній хасидизмъ безспорно накоплялъ въ еврейской народной душѣ громадную энергію въ смыслѣ жизни сердца, въ противовѣсъ жизни ума, и эта энергія, при извѣстномъ направленіи, можетъ стать источникомъ быстраго и болѣе полнаго національнаго возрожденія. Эта же энергія можетъ стать творческой не только въ узко-національномъ смыслѣ, а также и въ общечеловѣческой жизни, какъ мы это видимъ у еврейско-французскаго мірового философа Бергсона, прямого потомка польско-хасидской семьи.

До Переца этотъ міръ экстаза и радостнаго отношенія къ жизни, почти пантеистическаго, проходилъ еле замѣченнымъ, въ смыслѣ признанія за нимъ громаднаго хранилища еврейской душевной силы. Только благодаря Перецу и его художественному проникновенію въ хасидскій міръ, затаенныя силы послѣдняго выступили съ особенной яркостью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, открывая новый уголокъ народно-духовной жизни, Перецъ внесъ въ народную литературу глубокій, здоровый романтизмъ, т. е. связалъ эту литературу не только съ проблемами дня (перспектива времени еврейской жизни у Абрамовича и Шолемъ-Алейхема ограничивается нѣсколькими ближайшими

десятилѣтіями), но съ не менѣе важными проблемами далекаго прошлаго, не потерявшаго еще своего значенія и для ближайшаго будущаго.

Перецъ, такимъ образомъ, не только обогатилъ народную литературу новыми формами, но еще далъ ей новое направленіе и какъ разъ такое, какимъ всего больше гордилась новая древне-еврейская литература. Онъ косвеннымъ образомъ уменьшилъ разстояніе между литературой народной рѣчи и библейской, аристократической, и сталъ невольно виновникомъ того, что съ начала XX вѣка между этими двумя литературами почти не было разницы ни въ художественныхъ жанрахъ, ни въ литературныхъ направленіяхъ, ни въ общихъ проблемахъ. Вкратцѣ можно опредѣлить значеніе Переца слѣдующими словами: ему мы обязаны тѣмъ, что зданіе народной литературы поднялось почти до той высоты, на которой находится старшая ея сестра, — литература на новомъ древне-еврейскомъ языкѣ.

* *

Въ виду ограниченности мѣста мнѣ пришлось довольствоваться характеристикой трехъ самыхъ крупныхъ представителей разбираемой народной литературы. Слѣдуетъ, однако, упомянуть еще цѣлый рядъ менѣе выдающихся талантовъ, не мало способствовавшихъ ея росту, какъ — Линецкаго, Шацкесса, Я. Динесона, Спектора, Гольдфадена, основателя еврейскаго народнаго театра и народной оперы, народныхъ поэтовъ — М. Гордона, Э. Цунзера и множество другихъ.

VI.

Въ заключеніе приходится еще сказать пару словъ о связи еврейской народной литературы съ русской, какъ и о тенденціяхъ народныхъ писателей насчетъ сближенія національностей Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что народническія движенія, какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, косвеннымъ образомъ сыгралисвою роль въ смыслѣ привлеченія еврейской интеллигенціи къ изученію еврейской массы и ея разговорной рѣчи. Въ смыслѣ художественнаго вліянія также не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголь сильно повліялъ на Абрамовича, хотя это познается только послѣ тонкаго литературнаго анализа,

Что касается Переца, то онъ, какъ польскій еврей, рано познакомившійся съ лучшими произведеніями польскаго творчества, не могъ, въ значительной степени, избѣгнуть его вліянія. Однако, не слѣдуетъ думать, что вліяніе было такъ сильно, что бы изъ-за него портилось общее впечатлѣніе, какъ отъ чего-то не вполнѣ оригинальнаго.

Національная литература народовъ, не обладающихъ автономіей, отличается тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что надѣляетъ своего читателя правами экстерриторіальности. Еврей, армянинъ, полякъ, склоняясь надъ книгою родной литературы, чувствуютъ себя, какъ русскій посолъ въ Парижѣ или въ Вашингтонѣ въ своемъ посольствѣ. Въ силу сказаннаго, становится понятнымъ, почему угнетенныя національности относятся къ своей литературѣ съ такимъ чрезмѣрнымъ пристрастіемъ, превознося иногда даже то малое, что не поднимается надъ общимъ уровнемъ литературной посредственности. Экстерриторіальность есть тоже своего рода территорія.

Было бы очень прискорбно для національной литературы, если бъ вліяніе другихъ литературъ доходило бы до явнаго подражанія.

Матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ еврейскій писатель, всегда будетъ иной, чѣмъ тотъ, надъ которымъ работалъ геній Достоевскаго и Толстого. Въ то время, какъ въ душѣ русскаго народа совмѣщаются глубокія черты буддизма (культъ сострада-нія) съ христіанствомъ, у еврейскаго народа художникъ родной стихіи видитъ совмѣщеніе пророческихъ идеаловъ о соціальной справедливости вмѣстѣ съ мистическими стремленіями, берущими свое начало еще отъ Филона Александрійскаго, въ соединеніи съ большимъ интеллектуальнымъ паѳосомъ, вытекающимъ изъ понятій чистаго монотеизма.

Изъ предыдущихъ главъ явствуетъ также отношеніе еврейской литературы къ вопросу сближенія національностей Россіи.

Для евреевъ весьма важно, съ одной стороны, уравненіе въ правахъ еврейской націи на всемъ обширнѣйшемъ пространствѣ русской земли; и съ другой стороны, установленіе добрососѣдскихъ отношеній между поляками и евреями въ имѣющей получить автономію Польшѣ. Ни въ одномъ изъ произведеній еврейской народной литературы не найдется страницы, которая была бы

направлена противъ русскаго народа, въ смыслѣ возбужденія розни или неправильной оцѣнки его. Для многихъ писателей, въ родѣ Абрамовича, еврейскій вопросъ является скорѣе вопросомъ русскимъ, вопросомъ справедливости. Для евреевъ не существуетъ „еврейскаго вопроса“, какъ нѣтъ для русскихъ русскаго вопроса. Для насъ существуютъ общееврейскія національныя проблемы независимо отъ того, находимся ли мы временно подъ прессомъ исключительныхъ законовъ, или пользуемся благами доброжелательныхъ къ себѣ отношеній.

У Переца и у большинства другихъ еврейскихъ представителей художественнаго слова — несокрушимая вѣра въ наше полное уравненіе въ правахъ вмѣстѣ съ полученіемъ права на культурное національное самоопредѣленіе.

И тѣ, которые связываютъ идеалъ своей будущности съ Палестиной, тѣмъ не менѣе прекрасно понимаютъ, что жизнь еврейской народной массы сразу улучшится съ оздоровленіемъ общаго положенія русскаго народа, и считаютъ своимъ долгомъ идти рука объ руку съ тѣми изъ русскихъ общественныхъ силъ, которыя борются за здоровую, крѣпкую и свободную Россію.

И. З. Эльяшевъ.

Шоломъ Іаковъ Абрамовичъ.

Кляча*.

Глава одиннадцатая.

Исроликъ философствуетъ о міровомъ порядкѣ.

Дулъ свѣжій и пріятный вѣтерокъ; тихо, отъ тучъ, отъ грозы не осталось и слѣда. Умытый и причесанный лѣсъ стоялъ, какъ женихъ въ новомъ зеленомъ костюмѣ, только что весною сшитомъ, и сіялъ, и блестѣлъ, точно свѣтлая утренняя звѣзда, которая промчалась впередъ, чтобъ принести міру добрую вѣсть, что ѣдетъ солнце — дорогая, золотая мать жениха, и свадьба скоро начнется. Все кругомъ сіяло, искрилось, все какъ бы прихорашивалось. Все смотрѣло празднично и вездѣ благоухало нѣж-

---

* Изъ собр. сочин. Ш. І. Абрамовича, изданіе Столяръ.

ными, сладкими ароматами. Какъ красиво наступленіе дня въ лѣсу весеннею порой! Восхитительно красиво!

Знаменитый музыкантъ-соловей стоитъ гдѣ-то въ уголкѣ и играетъ въ честь праздника красивый и звучный привѣтственный гимнъ. Онъ заигралъ, и игра его растрогала меня. Въ его сладкой импровизаціи мнѣ послышалось что-то плачущее, что-то изъ глубины души изливающееся въ моленіе, въ грустную мелодію, какую музыканты играютъ жениху и невѣстѣ на свадьбѣ передъ вѣнцомъ.

О, соловей, милый, дорогой мой соловей! Почему ты такъ печаленъ? Почему въ божественныхъ пѣсняхъ твоихъ слышится отзвукъ грустной меланхоліи? Почему въ морѣ радостной твоей мелодіи кипятъ и бушуютъ волны горькихъ слезъ? Вѣдь сегодня твой праздникъ: твоя возлюбленная стала счастливой матерью, и вездѣ кругомъ пахнетъ лѣтомъ. Земля, какъ богатая невѣста, одѣла пышный нарядъ свой и убралась букетами и вѣнками изъ розъ и пахучихъ цвѣтовъ. И въ такой часъ ты вздумалъ въ игрѣ своей смѣшать радость съ тоскою и слезами!

Мой милый, дорогой соловей! Не простой ты музыкантъ, но поэтъ и художникъ. Сердце художника, сердце поэта чувствуетъ міровую скорбь, знаетъ, чего не хватаетъ міру, и объ этой скорби онъ поетъ, это вспоминаетъ онъ всегда, въ радости, на всѣхъ торжествахъ. Своей возлюбленной напоминаешь ты объ ужасныхъ скитаніяхъ холодной зимой, въ изгнаніи по чужимъ землямъ! Красиво одѣтому, сіяющему въ своей новенькой зеленой коронѣ лѣсу — ты напоминаешь о недавнемъ одиночествѣ, о минувшей наготѣ его, и плачешь по прошлогоднимъ его листочкамъ, гніющимъ и валяющимся теперь въ прахѣ подъ ногами. А нашей землѣ, этой убранной цвѣтами невѣстѣ, ты заупокойную поешь молитву о погибшихъ дѣткахъ, которыхъ она родила и хоронитъ изъ года въ годъ.

Играй, соловушка, играй! Этотъ грустный напѣвъ, что звучитъ въ сладкой мелодіи твоей, меня трогаетъ сильнѣе всѣхъ пѣсенъ твоихъ. Ибо на муки и горе родила меня мать, въ печали она баюкала меня, и эта пѣсня скорби и страданія, которой она усыпляла меня, увы, стала пѣснью всей жизни моей!

Онъ заигралъ, залился звонко горлышкомъ своимъ, — и на бурныхъ волнахъ-треляхъ его взволнованная несется душа моя.

Несется, летитъ мысль моя туда, туда... на узенькую, мрачную, несчастную еврейскую улицу. Исчезаетъ лѣсъ, свѣжая цвѣтущая природа со всѣми ея радостями. Тамъ все живетъ, зеленѣетъ, поетъ во всѣхъ уголкахъ, а здѣсь, на уличкѣ, увы, — кровь, пожары, огонь и дымъ, голодъ, постъ, плачъ и рыданія!

Слышится горькій плачъ, крикъ, достигающій неба. Это плачетъ въ своей убогой лачужкѣ-развалинѣ бѣдная, несчастная вдова Гинда: она плачетъ о дѣтяхъ своихъ! Изъ четырехъ дѣтей ея двоихъ давно уже нѣтъ. Одному лобъ забрили, другого смерть похитила. Теперь она оплакиваетъ послѣднихъ двухъ. Одинъ скончался мученической смертью; не дикій звѣрь, не волкъ, не медвѣдь растерзалъ его, его убили люди, такіе же, какъ и онъ, люди. Какая-то дикая сумятица поднялась, какое-то безуміе обуяло міръ, — люди одичали, ихъ сердца очерствѣли, какъ дикіе звѣри, бросаются на братьевъ, рѣжутъ, колютъ, въ бѣшенствѣ, безжалостно. Четвертый сынъ, ограбленный, опозоренный, вскинулъ съ горя котомку на плечи, взялъ посохъ въ руки и пошелъ странствовать, черезъ моря и пустыни, далеко-далеко, — а она осталась одинокая и безпомощная навѣки... Народила дѣтей только на муки; на горе ей и себѣ родились они!

Вмѣстѣ съ ними родились ихъ страданія, всякія болѣзни и скорби: животикъ, зубки, оспа, корь, скарлатина. Вдоволь они натерпѣлись по Божьей волѣ, пока глаза у нихъ открылись и увидѣли предъ собою Божій свѣтъ. А едва они это постигли, едва только вздумали ручки развернуть, какъ на нихъ посыпались скорби и несчастья, уже по милости людей.

Дѣтей она выростила въ мукахъ и трудахъ, а едва они выросли, ихъ у нея отобрали. Не мать она, а слуга, — рабыня смерти и общества, — рожала, растила, но не для себя!.. Этотъ плачъ убиваетъ меня, спираетъ дыханіе, — горько, дурно мнѣ! Я дѣлаю послѣднее усиліе и уношусь отсюда дальше, дальше... чтобъ подышать свободнѣе...

Соловей щелкнулъ, залился нѣжной мелодіей, — и предъ моими глазами встаетъ новая, печальная, душу раздирающая картина:

Зима. Облачно. Вьюга и снѣгъ. Мрачный день. Подъ столомъ, на планкѣ, между его ножками, сидитъ выросшая въ нашемъ домѣ курочка-хохлатка, сидитъ, одинокая, спрятавъ голову

подъ крыло. То кажется, будто она спитъ, не шелохнется, то вдругъ она задрожитъ. Это вспоминается ей лѣто, чудные дни, когда ей такъ хорошо жилось. Ее любилъ, ласкалъ ея супругъ, пѣтушокъ, высокій красивый герой со шпорами и съ киверомъ на головѣ. Пѣтушокъ по уши былъ влюбленъ въ нее, не отходилъ отъ нея ни на шагъ; по утрамъ онъ выводилъ ее изъ темнаго курятника и гулялъ съ ней по двору и огородамъ, рылся и игралъ съ ней въ пескѣ, искалъ, рылся и подносилъ ей все, что находилъ. Дай Богъ всѣмъ женамъ такой жизни! Сѣла она на яички, вывела цыплятокъ, десятокъ сразу вывела, всѣ такіе красивенькіе, пухленькіе, желтенькіе. Только изъ яйца выползли, еще отъ скорлупы себя не обчистили, а ужъ на ножки стали и запищали: здравствуй, Божій свѣтъ! Нравится имъ Божій міръ, добрый, свѣтлый, — хорошо!.. И, довольные, веселые, они смѣялись, бѣгали взадъ и впередъ, куда сердце не потянетъ, куда глаза не понесутъ. Мать блаженствуетъ, забираетъ ихъ подъ свои крылья, грѣетъ ихъ, а они благодарятъ ее ласковымъ пискомъ. Цѣлые дни она съ ними возится, по пустырямъ, по мусорнымъ кучамъ, ищетъ, роется, а найдетъ кое-что, сейчасъ кличетъ: скорѣе, дѣточки, ко мнѣ, скорѣе! Вспоминаетъ хохлатка эти славные дни и, спрятавъ головку подъ крыло, спокойно сидитъ.

А вдругъ задрожитъ курочка, и перышки дыбомъ станутъ, и вся она нахохлится, значитъ, — вспомнила она конецъ своего счастья. Въ одно прекрасное утро ястребъ схватилъ ея дитя и поднялся съ нимъ высоко въ воздухѣ. Напрасны были всѣ ея крики, дитя исчезло! Одно лишь перышко, легонькое перышко, кровью обагренное, упало внизъ, носится, гонимое вѣтромъ. Съ тѣхъ поръ точно моръ разразился надъ ея птенцами, и ихъ становилось все меньше и меньше. Одного сожралъ хорекъ, другого задушила кошка, а тотъ-другой попали въ руки людей. Зашла она какъ-то разъ въ пятницу на кухню, и у нея въ глазахъ потемнѣло. Ея дочурка, славненькая, хорошая курочка, лежитъ — увы! — зарѣзанная на доскѣ! Кухарка вскрыла ей животикъ, вынула оттуда внутренности и бросила ихъ на полъ ей, бѣдной матери, и кошкѣ, что лежала, растянувшись невдалекѣ!

Изъ всѣхъ дѣтей у хохлатки одно лишь осталось, пѣтушокъ молодой, у котораго только гребешокъ пробился. Когда онъ оперился, созрѣлъ, т. е. сталъ пѣвуномъ, онъ всталъ, и тоненькимъ

голосочкомъ въ первый разъ затянулъ торжественно: ку-ка-реку Материнское сердце ея такъ и затрепетало отъ радости. Господи, — молилась она — дай ему постигнуть искусство пѣть къ утру, къ солнцу, какъ и его отецъ-мудрецъ! Единственной утѣхой ея остался этотъ ея сынъ-послѣдышъ и любимый супругъ. Она не теряла еще надежды на радость и счастье въ жизни, но глубока и широка чаша слезъ и пришлось ее выпить до дна.

Стояла осень. Она съ мужемъ и сыномъ гуляли втроемъ по улицѣ. Роются въ землѣ, клюютъ, болтаютъ. Когда они вечеромъ вернулись домой, вдругъ схватили ея мужа и сына; ихъ связали на ея глазахъ, потомъ, взявъ ихъ за ножки, люди стали вертѣть ихъ надъ своей головой. Они бѣдные, кричатъ, стонутъ, а тѣ вертятъ, вертятъ... Потомъ ихъ бросили на полъ; явился рѣзникъ, острымъ ножемъ по горлу: чикъ! — И хохлатка осталась одна-одинешенька, ни мужа, ни дѣтей.

Пой, соловушка, заливайся! И мнѣ хочется излить свою душу, наболѣвшую душу.

Соловей щелкаетъ — и предо мною выступаетъ другая картина, мрачная, мучительная.

Мнѣ представляется день въ городѣ, какъ люди проводятъ его, съ чѣмъ они встаютъ и съ чѣмъ спать ложатся. Мнѣ представляется утро: евреи, кряхтя, подымаются; они не знаютъ, что дѣлать, что начинать, чтобы заработать кусокъ хлѣба. Ихъ лица блѣдны, лбы въ морщинахъ, глаза мечутся на всѣ стороны, точно ищутъ, за что ухватиться, обо что опереться, дабы волны дня ихъ не захлестали. Они охаютъ, вздыхаютъ и морщатъ, морщатъ лобъ.

Мнѣ представляется день въ еврейскомъ домѣ. Ни на секунду не закрывается дверь. Это шествуютъ нищіе, молодые и старые, дѣвушки, старухи и малыя дѣти. Одинъ входитъ, другой выходитъ. Входятъ со своей особенной улыбкой сборщицы. Затѣмъ тянутся видные евреи, въ шелковыхъ лапсердакахъ, требующіе вспомоществованія во имя заслугъ своихъ предковъ. За ними является проповѣдникъ, погорѣлецъ, іерусалимлянинъ, посланецъ какого-нибудь города или учрежденія, покинутая мужемъ женщина, со старыми пожелтѣвшими документами. Приходитъ синагогальный служка взыскивать деньги за мѣсто въ синагогѣ,

за призывъ къ чтенію Торы или всякаго рода пожертвованія. Не успѣешь разсчитаться съ этимъ, какъ посыпались всякаго рода сборщики съ кружками и безъ кружекъ. Одинъ требуетъ взноса на поселенія въ Св. Землѣ, другой на училище для сиротъ, третій на бѣдную невѣсту, четвертый на богадѣльню, пятый въ пользу „О-ва изучающихъ талмудъ“, шестой на „О-во неугасимой лампады“ и т. п. общества. Въ промежуткѣ важно входятъ двое именитыхъ домохозяевъ, отзываютъ хозяина въ сторону и шепчутъ ему что-то на ухо, заканчивая со вздохомъ уже вслухъ: „Теперь вы понимаете для кого?“ И, конечно, получаютъ... То вдругъ приходитъ служитель изъ управы и требуетъ по листу недоимокъ, то депутатъ является для новаго постоя, то мясникъ извѣщаетъ, что съ нынѣшняго дня мясо вздорожало на копейку за фунтъ, такъ какъ увеличили коробочный сборъ... Словомъ, рвутъ, рвутъ со всѣхъ сторонъ, каждый хватаетъ, щиплетъ, дергаетъ, слезы выступаютъ на глаза, тяжело жить, тяжело!...

Пой, соловушка, пой, мнѣ хочется поплакать немного.

Я вижу, какъ еврейскія деньги, еврейскіе труды тратятся попусту, льются, какъ вода, безъ всякой пользы!.. Милостыня? что можетъ сдѣлать благотворительность наша?

А вотъ и базаръ со всѣмъ его населеніемъ отъ мала до велика. Базаръ съ его торговцами и сдѣлками, съ его обманщиками и обманываемыми, со всѣми, господствующими тамъ дикими страстями, глупымъ честолюбіемъ, завистью и враждой. Вотъ показывается вся эта орава попрошаекъ, нищихъ, бѣдняковъ, разорившихся и нуждающихся, больныхъ и голодныхъ, калѣкъ и негодныхъ, тщедушныхъ, безсильныхъ, истощенныхъ. Бѣгаютъ по площади старьевщики, скупщики, маклеры, факторы, всѣ задумчивые, въ сдвинутыхъ на затылокъ картузахъ, евреи съ мѣшками на плечахъ, евреи съ палками въ рукахъ, бездѣльники, праздношатающіеся — всѣ бѣгаютъ, какъ сумасшедшіе, вынюхиваютъ, высматриваютъ, ищутъ, гдѣ бы найти кусокъ хлѣба, чтобъ поддержать жизнь жены и дѣтей. Всѣ озабочены, разсѣяны, всѣ думаютъ, какъ бы гдѣ нащупать заработокъ и хитростью у другого вырвать.

Я вижу толпы людей, которые держатся, какъ собаки, какъ вороны у падали, живутъ чужимъ трудомъ, чужой кровью; людей, которымъ цѣна — ло-

маный грошъ, а играютъ видную роль; людей, которыхъ всѣ считаютъ маленькими, а въ сущности очень крупными; людей, которые являются язвой общества, высасываютъ его соки и портятъ его кровь; людей, при видѣ которыхъ думаешь, что они сильно заняты важными дѣлами, вѣчно въ поту, преисполнены тайнъ и секретовъ, говорятъ шопотомъ и намеками, — а на дѣлѣ — это бездѣльники, болтуны, никуда негодные тунеядцы; тотъ сортъ людей, которые вѣчно вертятся вокругъ общинныхъ дѣлъ, какъ будто стараются ради общества, ради его блага, а живутъ себѣ спокойно, сытно ѣдятъ и вкусно пьютъ; людей, что вертятся всегда около богачей, на всѣхъ собраніяхъ, во всѣхъ трактирахъ и кабачкахъ; которые задаютъ тонъ на выборахъ, кричатъ, каждому на ухо передаютъ какую-то тайну и кричатъ за всѣхъ: „желаемъ“ или „не желаемъ“; людей, которые спѣшатъ поклониться и снять шапку передъ всякимъ бариномъ, лѣзутъ представляться новому губернатору, новому полиціймейстеру и докладывать объ общественныхъ дѣлахъ; людей, кажущихся злыми волками среди стада бѣдныхъ овечекъ...

О, какъ ужасенъ этотъ базаръ, сколько въ немъ горя, заботъ, страданій и терзаній, сколько униженій, позора и глумленій, сколько лжи, обмана, хитрости, — и все ради куска насущнаго хлѣба. Да, тяжело достается человѣку хлѣбъ. Сердце сжимается и разрывается при мысли объ этомъ. Печальная, весьма печальная пѣсня!

Тише, соловушка, тише, не пой такъ громко! сейчасъ ужъ лопнетъ, нѣтъ, ужъ лопнула одна струна въ моемъ сердцѣ!

Несчастенъ ты, человѣкъ, проклятъ ты рѣчью своей, языкомъ своимъ. Лучшій даръ, котораго ты удостоился, на горе тебѣ достался. Собака, напримѣръ, лаетъ на тебя здѣсь, точно такъ же лаетъ другая собака гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... въ Испаніи, напримѣръ; одна манера нападенія и лая у всѣхъ собакъ. Одна повадка, одинъ лай у всѣхъ собакъ. Нашъ мѣстный оселъ разѣваетъ ротъ и ржетъ такъ же, какъ и всѣ прочіе ослы въ мірѣ. Всѣ лягушки въ болотахъ и рѣчкахъ квакаютъ одинаково по-

всюду, и теперь, какъ и во времена древняго Египта. Но люди, они чужды другъ другу — вотъ бѣда! Несчастенъ ты, человѣкъ, своимя фантазіями. Господь сотворилъ человѣка по своему образу, вселивъ въ него душу, для всѣхъ людей одинаковую. А ты ухитрился придать къ ней, богоданной, еще одну, какъ бы общую, какую-то искусственную, такъ наз. — народную душу, чтобы люди, такимъ образомъ, враждовали между собою во многихъ отношеніяхъ. То, что одному запрещено, дозволено другому; то, что одинъ считаетъ недостаткомъ, почитается другимъ, какъ высшее достоинство; то, что для одного считается заповѣдью, для другихъ ничего не значитъ. И сколько горя и кровопролитій происходитъ отъ этого! Даже въ благочестіи твоемъ, въ добротѣ твоей, въ своеобразной твоей честности часто зарыта собака, таится твое несчастье.

Божественный духъ, духъ знанія и страха Божьяго, бурной рѣкою истекаетъ изъ святого престола и течетъ, чтобы оживить и осчастливить весь міръ людской. Но по берегамъ его понастроили всякаго рода мельницъ и фабрикъ. Каждая изъ нихъ тянетъ воду къ себѣ, запруживая и задерживая рѣку, чтобы привести въ движеніе колеса машины у себя и для себя. Матеріалъ для всѣхъ ихъ одинъ, одно и то же сырье; но какъ только онъ появляется на свѣтъ, его забираютъ по частямъ на фабрики. Тамъ онъ перерабатывается въ продуктъ, и оттуда онъ выходитъ уже съ фабричнымъ клеймомъ, такъ что становится на пути продуктамъ другихъ фабрикъ. Товары разнообразны, конкурренція велика, каждому хочется властвовать на рынкѣ, отсюда вражда, ненависть, борьба и убійства. О, кажется, достаточно въ мірѣ мукъ и страданій съ момента сотворенія его, а приходятъ люди и прибавляютъ еще отъ себя!

Тише, соловей, тише! еще одна струна лопнула въ моемъ сердцѣ!

Плачь, Исроликъ, плачь! — каждой нотой своей говорилъ мнѣ лѣсной пѣвецъ. И мнѣ казалось, будто я женихъ, готовый идти подъ вѣнецъ. „Женихъ подобенъ царю!" — говоритъ бадхонъ и тутъ же напоминаетъ мнѣ, что я сирота... Исроликъ, продолжаетъ онъ риѳму заунывнымъ голосомъ: горька доля сироты, много горя примешь ты, много. Плачь, Исроликъ, плачь! Пой, соловушка, пой, пой!

Ты, женихъ, Израиль, и, какъ, женихъ, подобенъ царю, — но, какъ сирота, ты червь, котораго топчутъ ногами. Какая-то смѣсь изъ меда и желчи. Ты вѣчный сирота, и почетъ тебѣ, какъ жениху на часъ; это лишь шутка, отъ которой мучительно тяжело на душѣ...

Мнѣ нехорошо, кружится голова, и все вокругъ меня кружится и пляшетъ, прыгаютъ растенія на поляхъ, пляшетъ лѣсъ, и въ ладоши хлопаютъ въ тактъ съ вѣтвями. Берутся за руки и пляшутъ въ хороводѣ всякія чудовища и твари: тутъ и сборщики, и духовныя лица, и старосты, и депутаты; тутъ обезьяны, ослы, лошади и собаки. Всѣ они кружатся вмѣстѣ въ одной пляскѣ, мелькаютъ пейсы, хвосты, руки, чубы, гривы, ослиныя уши! Я слышу музыку; справляются свадьбы у евреевъ; впереди бѣжитъ съ крикомъ толпа мальчишекъ-озорниковъ; за ними идетъ солидный народъ, пестрая смѣсь нищихъ, бездѣльниковъ, попрошаекъ, калѣкъ, меламедовъ и живущихъ на иждивеніи тестя уже десять лѣтъ, пять лѣтъ и съ прошлаго года молодоженовъ. Горятъ свѣчи, ведутъ съ музыкой къ синагогѣ молодую пару, собираются загубить мальчика и дѣвочку, не понимающихъ еще, что съ ними творятъ. До поздней ночи, вижу я, проводятъ туда парочки: сколько свадебъ совершается! Старыя бабушки хлопаютъ въ ладоши, родственники танцуютъ, народъ веселится, радость, счастье! Поздравляю васъ, евреи, съ новыми, съ иголочки, нищими! Поздравляю васъ съ новенькой кучей бездѣльниковъ! Поздравляю васъ съ новой партіей бездѣльниковъ, съ новыми кандидатами въ меламеды, попрошайки, небокоптители и геморроидалисты! Поздравляю васъ съ новой кучей грязнаго бѣлья! Съ новой оравой грязныхъ, лѣнивыхъ, пустыхъ людишекъ! Съ ратью свѣженькихъ извивающихся піявокъ! Готовьте, евреи, крови, побольше, готовьте денегъ, денегъ, денегъ!

Довольно играть, соловей, довольно, ради Бога! Нѣтъ силъ, сердце разрывается, натянулись и лопнули во мнѣ всѣ струны!...

Нѣсколько словъ о „русско-еврейской“ литературѣ.

Среди народностей, населяющихъ Россію, еврейская можетъ разсматриваться, какъ наиболѣе „обрусѣвшая“ — въ смыслѣ усвое-

нія русскаго языка и культуры *. Сближеніе съ русской культурой носило у части евреевъ характеръ стихійнаго увлеченія, порою въ ней видѣли абсолютную цѣнность, ради усвоенія которой отрекались отъ бытія самой народности и доходили до крайностей полной ассимиляціи. И въ внутренней борьбѣ, которую дѣятели еврейскаго просвѣтительнаго движенія вели съ застарѣлой ортодоксіей, они опирались на духовныя завоеванія русской литературы и общественной мысли. И рядомъ съ двумя языками (древне-еврейскимъ и разговорно-еврейскимъ) русскій языкъ уже много десятилѣтій является языкомъ выраженія думъ и чувствъ еврейскихъ писателей, пишущихъ на спеціально еврейскія бытовыя темы для все растущихъ многихъ сотенъ тысячъ евреевъ, не знающихъ иного языка, кромѣ ихъ родного — русскаго. Процессъ усвоенія русскаго языка и литературы еврействомъ Россіи, казалось, велъ къ полному исчезновенію творческой жизни еврейскихъ языковъ, но игра страстей русской черни, провоцированная реакціонными кругами, привела къ идеалистическому и трагически глубокому подъему національнаго чувства евреевъ. Ассимиляція, какъ лозунгъ, потерпѣла крахъ, и подъ прессомъ страшныхъ ограничительныхъ законовъ и въ атмосферѣ незаслуженныхъ обидъ еврейство подняло на щитъ своихъ старыхъ кормчихъ, свои національные языки. Но и потребность широкихъ массъ въ жаргонной литературѣ, и великія богатства древне-еврейской традиціи, не умалили и въ новый, „національный“ періодъ еврейской мысли роли русскаго языка и т. наз. „русско-еврейской литературы“ — то-есть литературы еврейской по содержанію и созданной на русскомъ языкѣ.

Въ этомъ явленіи особенно ярко подтверждается возможность для русской культуры стать центральной, осевой, вокругъ которой группировались бы культуры народностей Россіи, постепенно вливаясь въ нее. Какъ когда-то евреи создали „Талмудъ“ на арамейскомъ языкѣ, языкѣ страны, такъ — въ безконечно меньшемъ (качественно) масштабѣ творятъ они порою исторически — еврейскіе сюжеты и системы образовъ на русскомъ языкѣ. Въ этомъ переходъ къ тому обрусѣлому вполнѣ еврею, который пишетъ à la Левитанъ — весь подъ чарами русской стихіи, природы и быта, или

* Мы не касаемся въ настоящей статьѣ еврейства Польши.

вмѣстѣ съ бѣгущимъ отъ быта русскимъ писателемъ строитъ всечеловѣческіе, схематическіе ряды символовъ. Итакъ, мы называемъ русско-еврейской литературой лишь то творчество евреевъ на русскомъ языкѣ, которое органически выросло на основѣ еврейской религіозной, языковой и исторической бытовой традиціи. Оставимъ въ сторонѣ древнее взаимодѣйствіе русскаго еврейства, упоминаемаго еще въ Лѣтописяхъ, съ русской культурой, не коснемся здѣсь также вопросовъ о „ереси жидовствующихъ“ и вліяніи еврейской письменности на старорусскую. Мы бросимъ бѣглый взглядъ лишь на нѣкоторыя явленія литературы XIX вѣка, останавливаясь подробнѣе на смѣнѣ теченій.

Конецъ XVIII вѣка ознаменовался въ жизни еврейства Литвы и Бѣлоруссіи умственнымъ подъемомъ. Раввинъ Іегуда Марголіесъ, врачъ Іегуда Гурвичъ, врачъ и ученый Борухъ Шкловеръ увлекаются естествовѣдѣніемъ, математикой, соціальными науками и стремятся приспособить растущія богатства европейскаго знанія къ нуждамъ и быту еврейства, возрождая одновременно изученіе философіи Маймонида — еврейскаго мудреца испано-арабскаго періода. Въ это же время въ достаточной средѣ еврейства Берлина и Галиціи подъ вліяніемъ Мендельсона протекаетъ могучее просвѣтительное движеніе, отзвуки котораго долетали и въ Россію, заражая и русское еврейство стремленіемъ къ пріобрѣтенію европейской образованности. Петербургская колонія богатыхъ купцовъ евреевъ конца XVIII в. прошла, безъ его красочности, тотъ же путь западныхъ евреевъ, и какъ они, ударилась въ крайности отреченія отъ всего еврейскаго, чего не было въ просвѣтительномъ движеніи Литовскаго еврейства. Литовскій еврей Нафтали Герцъ Шульманъ оставляетъ намъ первыя печатныя произведенія на русскомъ языкѣ, петербургскій еврей Лейба (Левъ) Новаковичъ, сознательный ассимиляторъ, пишетъ на русскомъ языкѣ намѣренно, мечтая о раствореніи еврейства въ русской культурѣ. Въ 1803 году онъ издаетъ „Вопль дщери Іудейской“, первую книгу еврея на русскомъ языкѣ, посвященную прискорбію о его „единоплеменникахъ, отвергаемыхъ отъ сердца соотчичей“.

Новаковичъ прекрасно сознаетъ ужасъ положенія еврейства, безъ вины, волею вѣковыхъ суевѣрій, жертвы ненависти или презрѣнія. Онъ находитъ въ этой книгѣ, написанной на языкѣ всего его творчества — русскомъ — сильныя слова отчаянія и скорби.

Бурные годы еврейской „Гаскалы“ (просвѣтительнаго періода) были сразу отмѣчены интересомъ къ русской культурѣ. Николаевскій режимъ организовалъ для евреевъ своеобразную казенную раввинскую школу и, мало цѣня русское еврейство, обращался къ нѣмецкому за педагогами, что вызывало протесты дѣятелей просвѣщенія евреевъ въ Россіи. Къ 50-мъ годамъ стало побѣждать въ борьбѣ со старыми просвѣщенцами, поддерживавшими еще контактъ съ духомъ „берлинскаго“ просвѣщенія, новое поколѣніе, кичащееся своимъ русскимъ языкомъ, и въ его средѣ развились какъ позднѣйшія ассимиляціонныя теченія, такъ и новыя разновидности національно-еврейскихъ взглядовъ. Типъ еврея-студента, обрусѣлаго и живущаго общерусской гражданской жизнью, началъ намѣчаться.

Въ 1840 году еврей студентъ Леонъ Мандельштаммъ (въ Москвѣ) выпускаетъ книгу стиховъ на русскомъ языкѣ. Въ 50-хъ годахъ протекаетъ дѣятельность Осипа Рабиновича, уже типичнаго „русско-еврейскаго“ писателя, пишущаго по-русски для евреевъ и о евреяхъ.

О. Рабиновичъ получилъ вполнѣ европейское общее образованіе, и началъ свою литературную дѣятельность переводомъ на русскій языкъ поэмы (съ древне-евр.) Эйхенбаума. Въ 48 году онъ выступаетъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ со статьею „По поводу добраго Слова“, обращенной къ русскому обществу, позже, какъ беллетристъ, печатается въ „Литературныхъ Вечерахъ“, полемизируетъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ противъ антисемитскихъ нападокъ „Сѣверной Пчелы“ и, въ 59-мъ и 60-мъ году, печатаетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ разсказы „Штрафной“ и „Наслѣдственный Подсвѣчникъ“, ставшіе достояніемъ всей еврейской читающей массы.

Въ первомъ разсказѣ передъ нами выведенъ несчастный кагальный старшина временъ набора рекрутъ-евреевъ при Николаѣ I. Рекрутъ не хватило, сданы даже восьмилѣтніе мальчики — и старшина самъ взятъ въ число „недобора“. Второй разсказъ — грустная повѣсть о гибели въ Севастопольскую кампанію матросовъ-евреевъ, отца и сына, и о выселеніи съ насиженныхъ мѣстъ ихъ вдовъ. На новое пепелище уносятъ съ собою вдовы только старинный серебряный подсвѣчникъ, религіозную принадлежность каждой еврейской семьи. И, глядя на него, переживаютъ вновь разрушенный рокомъ строй жизни.

Осипъ Рабиновичъ, какъ приверженецъ русской культуры и обрусѣнія евреевъ, приступилъ въ 60-мъ году къ изданію еврейскаго журнала на русскомъ языкѣ „Разсвѣтъ“ Любопытно, что, несмотря на поддержку Пирогова, бывшаго тогда попечителемъ Одесскаго учебнаго округа и посильно поддерживавшаго еврейскихъ культурныхъ работниковъ, предсѣдатель „еврейскаго комитета“ Блудовъ, продолжая нелѣпую политику министерства, запрещавшаго евреямъ переводъ ихъ библіи (какъ не-православной) на русскій языкъ и рекомендовавшаго нѣмецкія книги по юдаизму, энергично противился изданію еврейскаго журнала на русскомъ языкѣ!

Выходило, что пылъ „маскиловъ“ (просвѣтителей), въ это время охваченныхъ ликованіемъ по поводу сближенія съ народившейся русской общественностью и писавшихъ: „мы впервые очнулись, когда услышали вокругъ себя человѣческіе голоса, голосъ русскаго общества, говорившаго устами русской печати“ (Леванда) — этотъ пылъ порыва къ воспріятію русской культуры встрѣчалъ сопротивленіе со стороны русской же власти, широко раскрывавшей евреямъ школу, но боявшейся не-православнаго журнала на русскомъ языкѣ!

Рабиновичъ и его товарищъ Тарнополь засыпали министерство записками о необходимости бороться съ еврейской ортодоксіей и ознакомить отечество съ $1^1/_2$ милл. его гражданъ евреевъ, для чего журналъ былъ необходимъ. Съ трудомъ разрѣшеніе было получено, и два года журналъ не уставалъ проповѣдывать воспріятіе евреями русскаго языка и культуры и бороться съ крайностями ортодоксіи. Журналъ боролся также съ нѣмецкими учебниками въ еврейской школѣ и въ своемъ стремленіи къ замѣнѣ еврейскихъ языковъ государственнымъ требовалъ русскаго преподаванія, что привело бы къ обращенію евреевъ въ русскихъ евреевъ.

„Наше отечество Россія; какъ ея воздухъ, и языкъ ея долженъ быть нашимъ“. Такъ писали въ началѣ 60-хъ годовъ, когда русская печать необыкновенно сочувственно писала по еврейскому вопросу. „Заявленія русской литературы по поводу еврейскаго вопроса составляютъ свѣтлую страницу въ исторіи русскихъ евреевъ, которые никогда не забудутъ тѣхъ теплыхъ высокогуманныхъ словъ, которыя произнесла русская литература въ пользу лучшаго

устройства ихъ быта, на болѣе широкихъ основаніяхъ“ — писалъ Леванда въ 66-мъ году.

Журналъ погибъ черезъ два года, но его смѣнилъ другой журналъ „Сіонъ“, вѣрившій, что „дѣло евреевъ, какъ $^1/_{40}$ населенія страны, есть дѣло обще-русское“, и возвѣщавшій зарю равноправія, когда „и мы тоже поспѣшимъ на великій праздникъ нашей доброй матушки (Россіи), да живетъ она на радость своихъ сыновей“.

Однако, „Сіонъ“, вѣрившій, что „русскій языкъ, составляющій языкъ самаго многочисленнаго и самаго даровитаго изъ племенъ, населяющихъ Россію, поглотитъ всѣ другіе, въ томъ числѣ и нашъ народный жаргонъ и отчасти нашъ ученый древній еврейскій языкъ“, признавалъ евреевъ „націей“, но во всемъ ассимилирующейся, кромѣ религіозныхъ воспоминаній былого. Полемика съ антисемитическими нападками аксаковскаго „Дня“ и украинофильской „Основы“ обрушила цензурные скорпіоны на „Сіонъ“ — его закрыли.

А терпимый еще древне-еврейскій „Гамелицъ“ продолжалъ вѣрить, что стремленіе къ еврейскому просвѣщенію и пылъ прозелитовъ русской культуры сблизятъ евреевъ съ правительствомъ, въ благожелательность котораго „просвѣтители“ вѣрили даже въ Николаевскія времена, предпочитая насильственное просвѣщеніе сверху косности ортодоксовъ, давно потерявшихъ вѣру первой поры „Просвѣщенія“ — вѣру въ соединеніе традицій юдаизма и новой науки. Къ еврейскому же новому журналу „Гакармель“ давали „русское приложеніе“, полное того же наивно восторженнаго патріотизма, стиховъ и передовицъ... о переводѣ въ Вильно кадетскаго корпуса, гдѣ прозелиты русской культуры встрѣчали тѣнь невидимой въ чертѣ, но казавшейся гуманистической и манящей духовно Россіи, такъ — почти въ стилѣ одъ 18 вѣка:

Привѣтъ вамъ, юные орлы,
Привѣтъ, младое поколѣнье!
Царя полнощнаго птенцы,
Примите наше поздравленье!

Не забудемъ, что эти знатоки еврейскихъ культуръ, бросившіе ихъ для Писарева и шестидесятниковъ, вѣрили въ достойное еврейства и равноправное сближеніе съ Россіей. Это сближеніе,

по мѣрѣ удаленія отъ истоковъ перваго періода „просвѣщенія“, дышавшаго юдаизмомъ, все болѣе приближало еврейскихъ публицистовъ къ идеологіи „русскихъ моисеева закона“. Въ 63-мъ году встрѣчаются публицисты, какъ Пумпянскій, Леванда, Готлоберъ, Паперна, которые даже стояли за руссификацію евреевъ далекаго Царства Польскаго. Тяжкія воспоминанія о прошломъ еврейства въ феодальной Польшѣ и настроенія медоваго мѣсяца общенія съ демократическимъ по духу русскимъ обществомъ приводили къ крайностямъ послѣдовательной вѣры въ культурный смыслъ обрусѣнія. Русскій языкъ тѣмъ легче обращался въ родной и обиходный, что древне-еврейская пресса была насыщена русскими вліяніями, талантливый критикъ Ковнеръ сѣялъ идеи Писарева въ „Гамелицѣ“, разрѣшеніе перевода библіи и молитвенника на русскій языкъ было встрѣчено ликованіемъ. Съ середины 60-хъ годовъ пылъ борьбы за лаизацію древне-еврейской культуры смѣнился пыломъ обрусѣнія.

Примирить религію съ новой культурой было дѣломъ борцовъ отцовъ, дѣти хотѣли слиться съ культурой среды и религію оставить палладіумомъ. Создавая еженедѣльникъ на жаргонѣ, писатель Цедербаумъ считалъ нужнымъ (1862 г.) объяснить еврейскому общественному мнѣнію, что онъ за усвоеніе языка родины, но временно, до этого усвоенія, стоитъ за просвѣщеніе на родномъ языкѣ; Лифшицъ создаетъ русско-еврейскій словарь; просвѣтители самоучки старыхъ временъ, оторванные отъ жизни, занятые борьбой съ фанатизмомъ, влюбленные въ русское правительство за то, что оно помогаетъ имъ въ насажденіи русско-еврейской школы, стали смѣняться питомцами этой казенно-раввинской школы, людьми, уже вполнѣ способными усвоить русскую культуру, и смѣнившими слѣпое увлеченіе правительственными мѣропріятіями на сердечное сближеніе съ народившейся русской общественной мыслью.

Смѣлость публицистовъ-руссификаторовъ доходила до того, что въ ихъ древне-еврейскихъ, жаргонныхъ и русскихъ филиппикахъ начались нападки на самую религію и требованія ея реформы. Приверженцы ортодоксіи отвѣчали доносами на якобы нигилизмъ этихъ наивно-умѣренныхъ и восторженно-патріотическихъ мечтателей Гетто. Борцы за реформы отвѣчали еще болѣе рѣзкими нападками на схоластическій духъ раввинизма,

вмѣняли хранителямъ вѣковой мудрости сохраненіе нелѣпѣйшихъ обычаевъ, сохраненіе нелюбимаго руссификаторами жаргона, и въ застывшій вѣками бытъ еврейской духовной школы бросали сѣмена творческаго бунтарства, пламя стиховъ на языкѣ кодексовъ и жажду знанія, которую утолять могла только русская школа, ставшая для нихъ запретной (со стороны ортодоксіи) и милой святыней.

Остановимся на одномъ изъ талантливыхъ русско-еврейскихъ писателей, Левандѣ...

Въ дѣтствѣ его заставляли молиться о спасеніи отъ козней еврея Лиліенталя, организовавшаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія сѣть казенныхъ еврейскихъ талмудъ-торъ, школъ и раввинскихъ училищъ въ духѣ того еврейско-русско-нѣмецкаго знанія, которое сѣяло министерство, боясь сосредоточенія въ православной Россіи ученыхъ юдаистическихъ трудовъ на русскомъ языкѣ, чего добивались еврейскіе ученые.

Но Леванду тянуло въ эту новую, почти свѣтскую школу, и она пересоздала его. Какъ беллетристъ, онъ выступаетъ впервые „картинами еврейскаго быта" — „Депо бакалейныхъ товаровъ", пишетъ въ „Новомъ Времени", „Сіонѣ", „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и помѣщаетъ въ „еврейской библіотекѣ" нашумѣвшій романъ „Горячее время". Герой этого романа, Саринъ, стремящійся къ обрусѣнію еврейства идеалистъ, вѣрящій въ великій нравственный смыслъ полнаго культурнаго единенія съ родиной и враждебно относящійся къ Польшѣ 63-го года, которая, вообще, представлялась почему-то еврейству Россіи связанной съ тѣми тѣнями еврейскаго былого, о которыхъ оно и вспоминать было не въ силахъ.

Саринъ — типичный представитель поколѣнія, полнаго юношеской вѣры въ Россію. Самъ Леванда писалъ въ журналѣ „Русскій еврей", что необходимо способствовать тому, что ведетъ къ безповоротному перерожденію русскихъ евреевъ въ русскихъ гражданъ съ религіозными особенностями. Такая вѣра въ русскую культуру была возможна въ обстановкѣ 60-хъ годовъ, и почтенные ученые гебраисты бывали счастливы, когда имъ удавалось приникнуть къ истокамъ той литературы, той мысли, въ которой они искали обновленія духа своего народа.

Новая еврейская газета „День" писала о сліяніи съ русскимъ народомъ — даже о „спасеніи отъ еврейства". Ассимиляціонная

идея торжествовала. „День“ отказывался отъ спеціальныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній, талантливый Оршанскій вѣрилъ въ усвоеніе русской народности евреями — и такъ писалъ объ обрусѣніи евреями западнаго края, и о тяжкихъ историческихъ грѣхахъ Польши, что сама редакція „Дня“ должна была его горячо опровергать, напоминая, что когда-то Польша оказала евреямъ пріютъ, когда по всей Европѣ горѣли воздвигнутые противъ нихъ костры.

Эмансипація евреевъ въ Россіи казалась не только обезпеченной — она подразумѣвалась сама собою. Нѣжный тонъ прогрессивной русской прессы, частичныя реформы правительства, все заставляло ждать ея и вѣрить, что драгонады прошлыхъ десятилѣтій были тяжелымъ сномъ.

За ними настало пробужденіе отъ вѣковой замкнутости, хлынули свѣтъ и воздухъ — новые русскіе граждане повѣрили въ 60-е годы.

... Погромъ 1871 года, запретъ писать о немъ правду, лѣнивое равнодушіе однихъ и попустительство другихъ — первой зарницей будущихъ страшныхъ десятилѣтій сверкнулъ надъ кельями обрусѣлаго еврейства. „День“ былъ закрытъ цензурою. Появился „Вѣстникъ русскихъ евреевъ“ — газета Цедербаума. Вновь — программа отреченія отъ національной самобытности, вѣра въ русскую культуру, героическая проповѣдь Льва Гордона — поэта, геніально писавшаго на древне-еврейскомъ — съ призывомъ обрусѣть вполнѣ и безповоротно. Одна религія, какъ символъ единаго прошлаго.

Во имя блага родины, слишкомъ ригористически понятаго, поэтъ пѣлъ пѣсню „Для кого я тружусь?“ и съ благородной грустью восклицалъ: „Быть можетъ, послѣдній пѣвецъ я Сіона — послѣдніе вы, кто читать меня могъ“. Эту проповѣдь благородный самоубійца велъ въ „Еврейской библіотекѣ“, и въ ней же другіе сотрудники звали къ принятію истинной національности, къ перерожденію въ русскихъ еврейскаго исповѣданія.

Одинъ издатель „библіотеки“ Ландау робко высказывается за то, что новое образованіе не обязательно должно уничтожить евреевъ, какъ національность. И одновременно пылкій Порецъ Смоленскинъ закладывалъ основы того возвращающаго евреевъ къ ихъ языку и къ національному самосознанію міросозерцанія,

которое стало вліятельнымъ лишь позднѣе, когда еврейству суждено было испить горькую чашу разочарованія въ своей наивной вѣрѣ.

Еще властвовалъ въ древне-еврейской прессѣ Писаревъ. За Ковнеромъ, презрительно отбрасывавшимъ литературу прошлаго и звавшимъ къ изученію естествовѣдѣнія, выступилъ даровитый борецъ за реформу религіи М. Л. Лиліенблюмъ, въ томъ же духѣ „трезвой правды“ и „разумнаго эгоизма“. Всеобщее счастье, грезы Чернышевскаго и Писарева заполнили древне-еврейскую прессу. Съ экстазомъ бичуетъ Лиліенблюмъ книжниковъ еврейской мысли, — полезный трудъ, реалистическая художественная критика и раціонализмъ должны смѣнить, по его мнѣнію, кабинетную мудрость заваленныхъ тысячелѣтней литературной преемственностью евреевъ. Рѣзкій критическій умъ и усвоенное имъ Писаревское направленіе привели также къ тому, что Лиліенблюмъ не увлекался, какъ его поколѣніе, идеаломъ абсолютнаго обрусѣнія. „Нельзя придумать большей глупости, какъ требованіе усвоить бытъ, духъ и міропониманіе данной народности, не потому, что они наиболѣе правильны и разумны, а исключительно потому, что мы живемъ въ странѣ этой народности“. Страдаютъ отъ соціальныхъ золъ и не-евреи, которыхъ меньше безпокоятъ проблемы соединенія вѣры и знанія и которымъ не за чѣмъ ради знанія и реформъ искать „ассимиляціи“.

Надо бороться за реальныя реформы человѣческаго быта, за раскрѣпощеніе личности отъ семейныхъ и общественныхъ оковъ, и личная польза трезвыхъ реалистовъ совпадетъ съ пользой всеобщей. Какъ видимъ, тѣнь Писарева здѣсь у себя дома!

На столбцахъ же „Гашахара“ выступалъ первый еврей — соціалистъ Россіи Аронъ Либерманъ, народникъ-коммунистъ, ярый сторонникъ Лаврова, ненавистникъ еврейскаго раввинства, пренебрегавшій интересами евреевъ, будучи весь поглощенъ проблемами жизни крестьянства.

Аронъ Либерманъ вѣрилъ въ мессіанистическій и соціалистическій духъ іудаизма, но въ еврейскомъ вопросѣ для него „всѣ мы, живущіе въ Россіи — русскіе; у насъ одни интересы и одни обычаи“ (въ журналѣ „Впередъ“ Лаврова). Послѣдователь Либермана, Винчевскій, обращался (на древне-евр.) къ еврейскимъ писателямъ, прося ихъ оставить свою „премудрость“ и дать же-

лѣзнымъ дорогамъ и телеграфамъ довершить дѣло „просвѣщенія“. Возростали кадры обрусѣвшей интеллигенціи, отпадавшей окончательно отъ тысячелѣтняго древа развитія еврейскихъ культуръ, а между тѣмъ отсутствіе равноправія, офиціальный антисемитизмъ Горчакова на Берлинскомъ Конгрессѣ, травля въ реакціонной печати — совпавшіе съ ростомъ національныхъ движеній въ З. Европѣ и на Балканахъ, все расшатывало юношескую вѣру сжигавшихъ храмъ родной культуры ради созданія единой, русской.

Въ тяжкихъ условіяхъ общественной реакціи типы благородныхъ идеалистовъ, въ родѣ Сарина, самоотверженныхъ и чистыхъ, смѣняются карьеристами-дѣльцами (Цемаховичъ въ „Исповѣди дѣльца“ Леванды) этого періода; массовое обнищаніе еврейства, тяжесть ограниченій и безправія — все звало къ самоуглубленію, къ возврату въ родной, запущенный садъ — къ народной жизни.

И взгляды Смоленскина и Бенъ Іегуды о возрожденіи Палестины, о воскрешеніи языковъ и литературы, стали находить послѣдователей къ началу 80-хъ годовъ.

Кутаисскій и ритуальный процессъ 1879 года, воскресившій средневѣковое суевѣріе, и жалкіе результаты дѣятельности правительственной раввинской комиссіи повліяли и на болѣе обрусѣвшую часть еврейства, вернули ее народу.

На русскомъ языкѣ сталъ выходитъ органъ „Разсвѣтъ“, органъ нуждъ и потребностей русскихъ евреевъ. Однако, этотъ органъ (гдѣ участвовали Варшавскій, Виленкинъ (Минскій), Оршанскій, П. Я. Левенсонъ, Богровъ) считалъ, что удѣляя свое время на удовлетвореніе нуждъ и потребностей русскихъ евреевъ, интеллигентная часть русскихъ евреевъ этимъ не выдѣляетъ себя изъ среды русскихъ гражданъ. Она исполняетъ лишь то дѣло, которое лежитъ на обязанности русскаго гражданина вообще. „Интеллигентное еврейство берется за него потому, что оно лучше другихъ по своему положенію, по своей племенной связи съ еврейской массой можетъ его исполнить, оно берется за это дѣло тамъ, гдѣ результаты его трудовъ могутъ быть наиболѣе успѣшными“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому труду ихъ обязываетъ прошлое евреевъ: „За нихъ умирали ихъ братья на средневѣковыхъ кострахъ, цѣною крови ихъ соплеменниковъ добыто и куплено для нихъ право на мирное существованіе и спокойное развитіе...“

Они должны чѣмъ-нибудь отплатить за блага, доставшіяся безъ труда и жертвъ.

Нельзя не узнать въ этой идеологіи вліянія ученія русскихъ народниковъ о долгѣ народу. Оршанскій протестовалъ противъ упрека въ служеніи спеціально еврейскимъ интересамъ.

„Развѣ, — писалъ онъ, — еврейскій вопросъ есть такого же рода вопросъ, какъ остзейскій или финляндскій?

Тамъ рѣчь идетъ о сохраненіи старыхъ привилегій, тогда какъ евреи вращаются на почвѣ тѣхъ общечеловѣческихъ правъ, которыми пользуются всѣ граждане русскаго государства.

Тамъ добиваются гражданской, политической и культурной обособленности, евреи же хлопочутъ объ уничтоженіи этой обособленности“. Усвоеніе евреями общерусскаго образа жизни и воззрѣній редакція „Разсвѣта“ ставила своей основной задачей. И такъ какъ одновременно среди евреевъ была сильна тяга къ ремеслу и земледѣлію, „Разсвѣтъ“ звалъ къ землѣ.

Мы (писалъ Минскій) заключили съ русскою землею союзъ рожденія и смерти, заключимъ же съ нею послѣдній и самый священный союзъ — союзъ труда! Создать у евреевъ сословіе крестьянъ — значитъ разрѣшить еврейскій вопросъ! Такъ писалъ „Разсвѣтъ“ незадолго до погромовъ и страшной реакціи тѣхъ годовъ, когда еврейство ушло въ себя и сочло постыднымъ ассимилироваться съ обществомъ, не способнымъ стать на его защиту.

Другой журналъ конца 80-хъ годовъ „Русскій еврей“ былъ органомъ обывательскихъ настроеній, проклиналъ евреевъ, участниковъ русскаго революціоннаго теченія, и призывалъ къ борьбѣ съ этими „отщепенцами“, которые сами, чуждые еврейству, бросаютъ, тѣмъ не менѣе, на него тѣнь.

И этотъ журналъ былъ поглощенъ проблемой созданія въ Россіи евреевъ-крестьянъ, вѣря въ нравственный смыслъ земледѣлія. Въ вопросѣ объ ассимиляціи, „Русскій еврей“ началъ съ тѣхъ же проповѣдей обрусѣнія, но скоро въ немъ зазвучали ноты культурно-національной постановки еврейской проблемы. Внутренними интересами народа „Русскій еврей“ называетъ „условія племенной индивидуальности, все то, что дѣлаетъ насъ въ расовомъ и религіозномъ отношеніи отдѣльной народностью въ странѣ“. Ф. Гецъ пишетъ на столбцахъ „Русскаго еврея“ о возможности внѣ-территоріальныхъ національностей, о томъ, что „храмъ кос-

мополитизма не будетъ воздвигнутъ на развалинахъ національности, какъ никогда на алтарь государства не будетъ принесена въ жертву семья“.

Гецъ вспоминаетъ тысячелѣтнюю культуру и единство еврейства и считаетъ, что его индивидуальность вполнѣ примирима съ русскимъ бытомъ и государственнымъ строемъ.

Въ томъ же духѣ выступаетъ Б. Брандъ. Для него еврейская національность — не призракъ и не фикція. Въ стилѣ Смоленскина онъ объявляетъ еврейство „духовной націей“.

Нравственная сила племенной связи и общихъ воспоминаній прошлаго не мѣшаютъ членамъ этой національности быть преданнѣйшими гражданами государства, но ярко ассимиляціонный духъ, напримѣръ, „Дня“ — недостоинъ прошлаго еврейства.

Но Брандъ напрасно писалъ объ одномъ прошломъ. Скоро пришла пора страшнаго „настоящаго“. И идеи Смоленскина стали достояніемъ народныхъ массъ.

Въ тяжкіе годы угнетенія — и нынѣ не окончившіеся — еврейство крѣпко держится за свою культуру, бережетъ палладіумъ, часто непонятный его обрусѣлымъ сынамъ.

Мы видимъ, что возвратъ евреевъ къ идеализаціи ихъ родной культуры тѣсно связанъ съ давленіемъ русской общественной и правительственной реакціи. Если бы 60-е годы дали евреямъ то, что сулили, мы могли бы увидѣть даже картину полной ассимиляціи съ русской культурой. Не забудемъ, что въ нѣкоторыхъ слояхъ еврейства она давно произошла. Айзманъ, Юшкевичъ, Фругъ, Ан-скій, Рывкинъ, Осиповичъ, Яффе, Бенъ Ами, — русско-еврейскіе писатели. Они пишутъ по-русски, но черпаютъ ихъ богатую образность изъ еврейской письменности или еврейскихъ настроеній. Но Минскій, Дымовъ, Соболь, Танъ, Шестовъ, Вейнбергъ, Волынскій, Мартовъ, Горнфельдъ, Дейчъ, Аксельродъ, Гершуни, Гоцъ — и тысячи другихъ — ихъ нельзя исключить изъ литературы общерусской. Такимъ образомъ, даже въ десятилѣтія изгнанія евреевъ изъ государственной школы и сдержаннаго, полнаго достоинства, настроенія національной обороны еврейства, оно не можетъ не давать тружениковъ на общерусскую культурную ниву. Причина — вѣра еврейства въ всечеловѣческій смыслъ русской культуры.

Каковъ же прогнозъ? Обрусѣніе, или сохраненіе національныхъ культуръ? Несомнѣнно, что исторически неизбѣжное наступленіе полноправія евреевъ усилитъ кадры обрусѣлыхъ до чрезвычайности. Но и они послѣ всего пережитого не захотятъ отказаться отъ имени еврея и будутъ беречь имъ лично ненужныя обѣ еврейскихъ культуры.

Реакція 80-хъ годовъ убила энтузіазмъ народа, добровольно слагавшаго тысячелѣтнюю культуру у свѣжихъ побѣговъ русской жизни.

Но въ этомъ энтузіазмѣ — глубокій урокъ для изучающаго національныя проблемы Россіи. Если русская культура будетъ гуманистической и здоровой, къ ней добровольно придутъ многіе.

И, если еврейство нынѣ не жаждетъ полнаго и абсолютнаго обрусѣнія, оно все же вѣритъ въ смыслъ бытія единой русской общегосударственной культуры, языка и литературы, и съ увлеченіемъ отдастся труду на русской нивѣ, когда настанетъ часъ культурнаго труда. Русская литература и нынѣ вліяетъ на обѣ еврейскія, не говоря уже о „русско-еврейской", всецѣло находящейся подъ ея поглощающимъ вліяніемъ.

Будущее — ясно: вокругъ знамени русской культуры и литературы пойдутъ и вѣтви еврейства, такъ какъ глубокая вѣра въ вѣковую цѣнность русскаго культурнаго творчества не покидала еврейство и въ годы гнѣвнаго разочарованія и презрѣнія къ безсилію общества дать торжество праву. Русская литература формируетъ души еврейской молодежи.

Русская культура и русская государственность въ ихъ пути къ прогрессу остаются важнѣйшей частью душевнаго содержанія жизни еврея. И по мѣрѣ внесенія нормальныхъ условій въ эту жизнь, его „русско-еврейская литература" на русскомъ языкѣ будетъ расти, продолжая свою роль — первой по времени литературы на русскомъ языкѣ народа Россіи, добровольно сдѣлавшаго русскій языкъ своимъ роднымъ и выражавшаго на немъ не только личныя, но и національныя думы.

И если теперь, въ эпоху вынужденнаго національнаго націонализма, еврейская молодежь болѣетъ Андреевымъ, Горькимъ, Мережковскимъ — вся молодежь, не только обрусѣлая — несомнѣнно, что единеніе съ русской культурой (и культурами иныхъ народностей, братьевъ по Россіи) станетъ еще глубже и прочнѣе въ будущемъ.

Но пусть не исчезнутъ ни еврейскія литературы, ни русско-еврейская.

Ихъ бытіе только вплететъ лишній цвѣтокъ въ вѣнокъ будущей самодовлѣющей, великой и объединившей народы Россіи русской культуры! Съ ней онѣ развивались въ черные годы, съ ней пережили бури, съ ней онѣ пойдутъ по пути труда и расцвѣта.

И если теперь, горделиво вынося на своихъ плечахъ мученика три культуры, три языка, евреи фактически тяготѣютъ больше всего къ русской культурѣ, то, несомнѣнно, въ приближающійся періодъ строительства всѣми народами Россіи единой и мощной русской культуры, еврейство, какъ самая обрусѣлая народность Россіи, внесетъ свою долю труда и подвиговъ въ созданіе свѣтлой и свободной Россіи будущаго, гдѣ и культуры маленькихъ народовъ будутъ давать отвѣтвленія въ могучій потокъ русской культуры, который соберетъ ихъ и претворитъ въ единую культуру Россіи — культуру мірового значенія.

(По даннымъ Цинберга и др.)

Б. Г.

Литература независимой Польши.

Поставленная историческими условіями развитія своей жизни въ тѣсную связь съ Западомъ и съ первыхъ же вѣковъ своего существованія объединенная съ Западомъ же единствомъ церковнаго культа и языка (966), Польша строила свою національную культуру на томъ матеріалѣ и на тѣхъ образцахъ, которые давалъ ей Западъ. Вотъ почему, въ частности, и исторія польской литературы открывается длиннымъ періодомъ господства исключительно латинской литературы, и только съ теченіемъ времени въ общей массѣ польско-латинской литературы пробиваетъ себѣ брешь слабая, въ началѣ, струя національнаго творчества на родномъ языкѣ, расцвѣтшая въ обширную, національную, какъ по языку, такъ и по содержанію, литературу только лишь ко второй половинѣ XVI вѣка.

Средневѣковая схоластическая школа и просвѣщеніе на латинскомъ языкѣ и латинское богослуженіе въ связи съ нетерпимымъ отношеніемъ латинскаго духовенства къ мѣстному народному творчеству и бытовой обрядности, какъ къ остаткамъ язычества, привели постепенно къ вырожденію въ Польшѣ народной поэзіи, которую замѣнила латинская церковная письменность, обслуживавшая вначалѣ только лишь высшіе классы польскаго общества, такъ какъ въ силу цѣлаго ряда условій культура и просвѣщеніе въ народныя массы проникали здѣсь очень медленно.

Проповѣдь, построенная по иностраннымъ образцамъ, житія святыхъ, церковныя пѣснопѣнія и гимны, дидактическія и религіозныя повѣсти, историческія хроники — вотъ важнѣйшіе виды средневѣковой латинской литературы въ Польшѣ. На этихъ начальныхъ образцахъ, чуждыхъ, конечно, пониманію широкихъ народныхъ массъ, воспитывались все же литературные вкусы поль-

скихъ читателей, и подготовлялась почва для развитія впослѣдствіи родной литературы.

Изъ житійной литературы особенной популярностью въ древней Польшѣ пользовались житія св. Санислава, св. Ядвиги — оба XIII в., житіе и чудеса св. Кинги — XIV в. и нѣк. др. Это — произведенія, написанныя хорошимъ латинскимъ языкомъ по строго выработаннымъ формамъ лучшихъ образцовъ западно-европейской агіографической литературы, дающія при томъ ясное представленіе объ уровнѣ литературнаго развитія и образованности той общественной среды, гдѣ создавались и для которой предназначались этого рода литературные памятники.

Древнѣйшимъ памятникомъ польско-латинской исторической прозы считается *хроника Галла* (Gallus), составленная въ началѣ XII в. Неизвѣстный авторъ этой хроники, французъ по происхожденію, пишетъ свой трудъ, по его словамъ, потому, что онъ не желаетъ ѣсть даромъ польскаго хлѣба; ближайшею же своею задачей онъ ставитъ — разсказать о Польшѣ и, въ частности, о князѣ Болеславѣ (1102—1138). Прекрасно освѣдомленный въ событіяхъ современной ему политической жизни Польши, авторъ умѣетъ въ живой, образной формѣ рисовать событія, что дѣлаетъ его трудъ цѣннымъ источникомъ для древнѣйшей исторіи Польши.

Другимъ представителемъ латинской исторіографической литературы въ средневѣковой Польшѣ является полякъ по національности, краковскій епископъ *Винцентій Кадлубекъ,* умершій въ 1223 г.. Человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, близко стоявшій къ высшимъ кругамъ польскаго общества, Винцентій Кадлубекъ, несомнѣнно, былъ въ курсѣ всѣхъ текущихъ событій и могъ создать историческій трудъ, которому суждено было потомъ на долгое время стать руководствомъ для подрастающихъ поколѣній въ дѣлѣ ихъ моральнаго и эстетическаго воспитанія. Хроника Кадлубка обнимаетъ событія польской исторіи съ древнѣйшихъ временъ, вплоть до начала XIII в., и состоитъ изъ четырехъ книгъ, при чемъ, первыя три книги излагаютъ событія въ формѣ діалога двухъ епископовъ, четвертая же, посвященная современнымъ автору событіямъ, представляетъ собою связный разсказъ. Авторъ использовалъ въ своей хроникѣ свою огромную начитанность, испещривъ свой трудъ цитатами; но, поставивъ себѣ главною цѣлью — поученіе, онъ, не разбираясь въ источникахъ, вносилъ

въ свое повѣствованіе большую долю вымысла, чѣмъ и нарушилъ основной принципъ историческаго повѣствованія — требованіе исторической правды. Въ средневѣковой Польшѣ трудъ Кадлубка пользовался, однако, большою популярностью, служилъ школьнымъ пособіемъ по исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ считался образцомъ стилистики.

Совершенно иной по своему характеру историческій трудъ Гнѣзненскаго архидіакона *Яна изъ Чарнкова,* написавшаго въ концѣ XIV в. свои мемуары, относящіеся ко времени перваго междуцарствія, послѣ смерти Казимира Великаго (1370). Авторъ близко стоялъ къ личности покойнаго короля, хорошо былъ знакомъ съ политической жизнью своей родины, былъ чуждъ, какъ историкъ, моральныхъ тенденцій и ставилъ своею задачей детальное изложеніе въ формѣ простого повѣствованія событій своей эпохи, что придаетъ его сочиненію, какъ труду очевидца и современника описываемыхъ событій, высокую цѣнность историческаго источника, раскрывающаго характерныя черты быта и нравовъ эпохи и общаго уровня современной польской культуры.

Такова, въ общихъ чертахъ, по своему духу и содержанію древнѣйшая средневѣковая польско-латинская литература.

Что касается древнѣйшихъ памятниковъ польской литературы на родномъ языкѣ, то они носятъ тотъ же церковный характеръ, что и большинство произведеній польско-латинской литературы.

Въ концѣ XIII в. въ Польшѣ былъ сдѣланъ первый переводъ на польскій языкъ Псалтыря; древнѣйшій списокъ этого памятника представляетъ собою такъ называемый *Флоріанскій псалтырь* (XIV в.), написанный на трехъ языкахъ — латинскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ, драгоцѣнный памятникъ польскаго языка до XV в. Къ XIV-му же вѣку относятся и два древнѣйшихъ сборника проповѣдей на польскомъ языкѣ — *Свентокжишскія* и *Гнѣзненскія проповѣди.* «Свентокжишскими проповѣдями» сборникъ, или, собственно, нѣсколько пергаментныхъ листковъ, онѣ названы по имени монастыря св. Креста, которому принадлежала книга, въ переплетѣ которой эти листки, разрѣзанные на полоски, и были найдены. Свентокжишскія проповѣди отличаются ясностью, простотою и сжатостью изложенія и выразительностью языка; гнѣзненскія же (10 проповѣдей на польскомъ языкѣ и свыше 100 на латинскомъ) значительно пространнѣе по содержанію и доступнѣе для понима-

нія широкихъ круговъ слушателей; оба, наконецъ, памятника весьма цѣнны съ точки зрѣнія исторіи польскаго языка.

Къ этому же вѣку восходитъ и извѣстнѣйшая въ древней Польшѣ — «*Пѣснь Богородицѣ*», сочиненіе которой приписывается св. Войцѣху. Она состоитъ изъ двухъ строфъ и представляетъ собою просительную молитву къ Іисусу Христу, чтобы Онъ, во имя Пресвятой Богородицы и св. Іоанна Крестителя, даровалъ своимъ сынамъ благочестивую жизнь на землѣ, а послѣ смерти «райское пребываніе». Каждая строфа заканчивается греческимъ — kirie elejson, т. е. — Господи помилуй! Предназначалась ли эта пѣснь для церковнаго пѣснопѣнія — неизвѣстно, но имѣются несомнѣнныя данныя, указывающія на то, что ее пѣли войска въ 1410 году передъ Грюнвальдскимъ сраженіемъ. Въ роли военнаго гимна «Пѣснь Богородицѣ» выступаетъ еще въ XVII в., а съ XVIII в., въ силу особаго церковнаго указа, гнѣзненское духовенство обязано было еженедѣльно пѣть ее надъ гробницею св. Войцѣха. Отъ XV вѣка сохранился уже цѣлый сборникъ польскихъ молитвъ, такъ называемый *Молитвенникъ Навойки*, и сборникъ польскихъ религіозныхъ пѣсенъ, или «канціоналъ», составленный *Яномъ изъ Пржеворска*.

Въ XV вѣкѣ, въ связи съ знаменитою въ исторіи Польши Грюнвальдской побѣдою 1410 года и послѣдующими благопріятно сложившимися обстоятельствами, Польша овладѣваетъ устьемъ Вислы и Балтійскимъ побережьемъ и становится однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ въ Европѣ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. И во внутреннемъ политическомъ строѣ Польши къ этому же времени происходятъ коренныя измѣненія, въ силу которыхъ абсолютизмъ уступилъ мѣсто парламентарному образу правленія. Политическіе успѣхи и ростъ экономическаго благосостоянія подняли политическое самосознаніе не только высшихъ круговъ польской аристократіи, но и служилаго дворянскаго сословія — шляхты, а въ связи съ этимъ и польское просвѣщеніе въ XV в. сдѣлало большіе успѣхи. Центромъ просвѣщенія въ это время была Краковская Академія (Университетъ), основанная въ 1364 году Казимиромъ Великимъ и преобразованная вскорѣ королевой Ядвигой. Въ XV в. Краковская

Академія пользовалась всемірной извѣстностью, и въ ея стѣнахъ учились не только поляки, но и иностранцы — нѣмцы, чехи, венгерцы. Лекціи астронома Войцѣха изъ Брудзева въ концѣ XV в. посѣщалъ, между прочимъ, Коперникъ.

Изъ Краковской Академіи вышелъ, между прочимъ, и знаменитый польскій историкъ *Янъ Длугошъ* (1415—1480). Интересно и богато сложившаяся жизнь Длугоша протекла въ центрѣ круговорота событій тогдашней Польши.

Пробывъ три года на философскомъ факультетѣ въ Краковѣ, Длугошъ началъ свою карьеру съ скромной должности писца въ канцеляріи краковскаго епископа Збигнѣва Олесницкаго, одного изъ выдающихся политическихъ дѣятелей своего времени, сдѣлавшись впослѣдствіи ревностнымъ прозелитомъ его міровоззрѣнія и политики, а послѣ смерти епископа неоднократно выступалъ по порученію короля въ роли дипломата для веденія переговоровъ то съ прусскими «сословіями», то съ чешской «короной», то съ прусскими и ганзейскими городами и т. д.; наконецъ, съ 1467 года онъ былъ назначенъ воспитателемъ дѣтей Казимира Ягеллончика (1447—1492), а въ концѣ 1479 года былъ назначенъ на должность Львовскаго архіепископа, въ каковой должности вскорѣ и умеръ въ 1480 году.

Къ составленію своей — *Исторіи Польши* Длугошъ приступилъ послѣ смерти епископа Олесницкаго въ 1455 году, тщательно продумавъ планъ своего труда, который долженъ былъ составить 12 томовъ, добросовѣстно собравъ для него огромный матеріалъ, въ чемъ съ Длугошемъ не можетъ равняться ни одинъ изъ его предшественниковъ. Другую особенность историческаго повѣствованія Длугоша составляетъ его попытка изслѣдованія причинъ и слѣдствій описываемыхъ событій, чего также не знали его предшественники. Какъ вѣрный сынъ своей школы и воспитавшей его среды, Длугошъ въ отношеніи къ историческимъ событіямъ и лицамъ стоялъ на религіозно-моральной точкѣ зрѣнія, и былъ сторонникомъ сильной монархической власти, въ изложеніи же событій былъ не лишенъ тенденціозности, вслѣдствіе чего нѣкоторые факты онъ не стѣснялся обходить вовсе молчаніемъ, другіе же искажать въ духѣ своихъ основныхъ воззрѣній. Несмотря, однако, на это, обширный и обстоятельный трудъ Длугоша, написанный съ любовью и интересомъ къ дѣлу и при томъ изящнымъ

латинскимъ языкомъ, обнимавшій исторію Польши съ древнѣйшихъ временъ вплоть до года смерти автора, представлялъ собою выдающееся явленіе въ польской литературѣ, выходившее далеко за предѣлы обычныхъ средневѣковыхъ хроникъ и приближавшееся къ исторіи въ современномъ смыслѣ этого слова.

Уже Длугошъ, вѣрный завѣтамъ своего патрона, Збигнѣва Олесницкаго, не вполнѣ оставался вѣрнымъ традиціямъ стараго средневѣковья и раздѣлялъ новыя гуманистическія вѣянія своей эпохи, которыя въ это время приходили въ Польшу съ Запада, и съ которыми онъ къ тому же могъ ознакомиться и непосредственно во время своихъ дипломатическихъ поѣздокъ въ Италію. Подъ вліяніемъ гуманистическихъ идей въ Польшѣ возникаетъ не только интересъ къ древне-римской литературѣ, но и стремленіе подражать латинскому языку классическихъ авторовъ.

Первымъ гуманистомъ въ Польшѣ былъ краковскій профессоръ *Григорій изъ Санока,* скончавшійся въ 1477 году, въ санѣ львовскаго архіепископа. Большой поклонникъ античной красоты и поэзіи, онъ на своихъ университетскихъ лекціяхъ толковалъ «Буколики»» Виргилія, о которомъ до сихъ поръ въ Краковѣ никто и не слышалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и хорошимъ музыкантомъ, владѣлъ прекраснымъ голосомъ, писалъ стихи, и въ частной своей жизни былъ убѣжденнымъ поклонникомъ Эпикура. Первымъ же выдающимся произведеніемъ, всецѣло проникнутымъ новымъ духомъ было знаменитое сочиненіе перваго свѣтскаго польскаго писателя — *Яна Остророга: Monumentum pro reipublicae ordinatione,* написанное въ 1473 г. и посвященное вопросу о государственномъ устройствѣ Польши. Авторъ говоритъ въ немъ о независимости авторитета королевской власти отъ папы, протестуетъ противъ папскихъ домогательствъ на свѣтскую власть, говоритъ объ обязанностяхъ духовенства и протестуетъ противъ его поборовъ, отстаиваетъ права польскаго языка, говоритъ о судѣ и проводитъ мысль о необходимости единаго закона, равнаго для всѣхъ, объ организаціи военной службы, о мѣрахъ, вѣсахъ, о дорогахъ и т. д. Въ общемъ, Янъ Остророгъ, воспитанникъ Эрфуртскаго университета, впослѣдствіи нѣкоторое время ректоръ Бо-

лонскаго университета, въ своемъ трактатѣ нарисовалъ яркую картину современнаго состоянія Польши, картину ея политическихъ и соціальныхъ недуговъ, подтачивавшихъ государственный организмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ своею личностью, которая рельефно выступаетъ въ каждой строкѣ трактата, хотя и не чуждаго вполнѣ узко-классовыхъ аристократическихъ тенденцій, онъ далъ, тѣмъ не менѣе, прекрасный образъ представителя польской національной мысли, сдѣлавшей громадный шагъ впередъ и выросшей всецѣло уже на новыхъ принципахъ современнаго европейскаго просвѣщенія.

Въ то время какъ польско-латинская литература XV в. могла уже гордиться такими авторами, какъ Длугошъ, или Остророгъ, польская проза все еще не выходила въ это время изъ узкихъ рамокъ церковно-религіозныхъ темъ. Важнѣйшимъ изъ памятниковъ этой литературы является — *Библія королевы Софіи,* или такъ называемая *Шароспатацкая библія.* До насъ дошла только часть рукописи этого памятника и находится она сейчасъ въ училищной библіотекѣ въ Шароспатакѣ, въ Венгріи. Къ этому же времени относится и появленіе въ польской письменности цѣлаго ряда апокриѳовъ объ Іисусѣ Христѣ, исторіи объ Александрѣ Македонскомъ и нѣсколькихъ пѣсенъ о Божіей Матери, св. Алексѣѣ, св. Станиславѣ и т. п. Эти религіозныя пѣсни обыкновенно составлялись францисканскими монахами, изъ среды которыхъ вышелъ, между прочимъ, и первый польскій поэтъ — *Ладыславъ изъ Гельнёва,* который составилъ очень популярную въ старой Польшѣ поэму: «*Пѣснь о страстяхъ Господнихъ*», написанную 13-сложными стихами и состоящую изъ 27 четырехъ-страничныхъ строфъ. Большою популярностью въ старой Польшѣ пользовались также и стихотворенія религіозно-дидактическаго характера въ родѣ, напр., обширнаго стихотворенія (490 стих.), сохранившагося въ рукописи XV в. — *De morte prologus* — на тему о всемогуществѣ смерти, или элегіи — *Жалобы умирающаго* и др.

Изъ весьма рѣдкихъ памятниковъ свѣтской польской поэзіи XV в. обыкновенно указываютъ на дидактическое стихотвореніе нѣкоего *Злоты* на тему о томъ, какъ слѣдуетъ держать себя за столомъ, какъ относиться къ женщинамъ и т. п., а также сатирическое стихотвореніе неизвѣстнаго автора на тему — *о хлопахъ.* Отъ XV в. сохранилась и единственная въ древне-польской лите-

ратурѣ историческая пѣсня неизвѣстнаго автора — *объ убійствѣ Андрея Тенчинскаго*. Послѣднія два изъ названныхъ произведеній характерны, между прочимъ, какъ отраженіе въ литературѣ сословныхъ взаимоотношеній (шляхта, мѣщанство, крестьяне) въ Польшѣ XV вѣка и при томъ съ узко-шляхетской тенденціей. Отъ XV в. дошли до насъ, наконецъ, древнѣйшая польская *колядка* и нѣсколько мелкихъ эротическихъ стихотвореній въ родѣ, напр., — *Любовнаго посланія* студента къ своей возлюбленной.

Кошицкій договоръ, заключенный между преемникомъ Казимира Великаго, королемъ Людовикомъ, и польскими сословіями въ 1374 году, впервые выводилъ польскую шляхту изъ узкой сферы сельско-хозяйственныхъ интересовъ на широкій просторъ политической жизни. Призванная въ Кошицахъ къ рѣшенію государственныхъ интересовъ, шляхта съ этого времени стала принимать все болѣе и болѣе рѣшающее участіе въ дѣлахъ государства и сознавать себя активнымъ политическимъ факторомъ. Расширяя, однако, сферу своего политическаго вліянія, шляхта, объединявшая въ себѣ огромную массу мелкихъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, не обладала въ то же время достаточно развитымъ политическимъ сознаніемъ, чтобы умѣть координировать свои узко-сословные интересы съ выгодами государственными, и не склонна была ни къ какимъ жертвамъ, хотя бы этихъ жертвъ отъ нея требовали интересы общественнаго блага, такъ что — вся послѣдовавшая за Кошицкимъ договоромъ упорная и долгая борьба шляхты съ королевскимъ абсолютизмомъ во имя торжества демократическихъ началъ въ управленіи и организаціи страны свелась въ концѣ концовъ къ утвержденію шляхетскаго абсолютизма въ ущербъ не только жизненнымъ интересамъ другихъ сословій — горожанъ и крестьянства, — но и въ явный вредъ, угрожавшій нерѣдко самому существованію государства. Такъ, путемъ цѣлаго ряда «привилегій» шляхтѣ удалось добиться для себя: обезпеченія неприкосновенности личности и земельной собственности (1422, 1430, 1433 гг.), свободы отъ суда королевскихъ чиновниковъ (1454), лишенія горожанъ права пріобрѣтенія и владѣнія земельной собственностью, утвержденія за собою исключительнаго права про-

изводства и продажи напитковъ, права свободной навигаціи по Вислѣ до Гданска и освобожденія отъ уплаты пошлинъ за ввозимые шляхтою для своихъ нуждъ заграничные товары, прикрѣпленія къ помѣщику крестьянъ (1469) и т. д. Все это, вмѣстѣ взятое, поставило среднее сословіе польскихъ землевладѣльцевъ въ положеніе политически господствующаго класса и создало ему хорошее хозяйственное благосостояніе. Разбогатѣвшей шляхтѣ стали доступны теперь и европейское просвѣщеніе, и увлеченіе роскошью, и склонность къ широкой, веселой и разгульной жизни. Если европейское просвѣщеніе привело въ XVI вѣкѣ къ расцвѣту въ Польшѣ мѣстной польской культуры и подъему народнаго просвѣщенія, то, съ другой стороны, увлеченіе роскошью подрывало въ то же время постепенно шляхетское благосостояніе и вело страну къ упадку. Польская молодежь въ большомъ количествѣ стала наводнять собою заграничные университеты, гдѣ воспитывалась въ духѣ идей гуманизма; съ другой стороны, и возрождающаяся Польша становилась желаннымъ краемъ для европейскихъ эмигрантовъ, которые приносили съ собою европейскую образованность и въ качествѣ профессоровъ и писателей закладывали здѣсь основы гуманистическаго движенія, которое быстро распространялось по всей странѣ, не безъ упорной борьбы проникало въ стѣны піонера средневѣковой схоластики, Краковскаго университета, и какъ требованіе «хорошаго тона», становилось, въ мѣру способностей и пониманія каждаго, предметомъ общаго увлеченія. Изящный латинскій языкъ въ духѣ языка классическихъ писателей древности сдѣлался теперь не только языкомъ науки и литературы, но и языкомъ образованныхъ классовъ общества. Знаніе латинскаго языка открывало молодежи доступъ въ великосвѣтскіе салоны придворной знати, а изящные стихи на латинскомъ языкѣ легко создавали блестящія карьеры счастливцамъ-поэтамъ. Итакъ, гуманизмомъ опредѣлялся общій характеръ польской литературы XVI вѣка, классическіе авторы давали ей основныя темы, стиль и языкъ, современная польская жизнь, нравы и взаимоотношенія господствующихъ классовъ общества подсказывали ей общій духъ и содержаніе. Отсюда — бѣдность вымысла, недостатокъ чувства и искренности, возмѣщаемые стилистикой, отсутствіе оригинальности, панегиризмъ — таковы отличительныя черты польско-латинской литературы XVI вѣка, наиболѣе выдающимися предста-

вителями которой были: Павелъ изъ Кросна, его ученикъ Янъ Висличанинъ, Николай Хусовскій, Андрей Кржицкій, Иванъ Дантышекъ и Клементъ Яницкій.

Павелъ изъ Кросна (умеръ въ 1517 г.) имѣлъ степень магистра Краковскаго университета, читалъ здѣсь римскихъ классиковъ — Овидія, Виргилія, Персія — и былъ въ свое время однимъ изъ ревностнѣйшихъ и плодовитыхъ гуманистовъ. Преобладаніе религіозныхъ мотивовъ составляетъ характерную черту его творчества. Относясь отрицательно къ язычеству и будучи ревностнымъ христіаниномъ, онъ, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрнымъ традиціямъ гуманизма, вводилъ въ изобиліи въ свои произведенія классическую миѳологію, вслѣдствіе чего выходило такъ, что св. Владиславъ, напр., своею добродѣтелью «славится на пространномъ Олимпѣ», Киприда и Тартаръ фигурировали на ряду съ Христомъ, и т. п. При всемъ этомъ, однако, Павелъ изъ Кросны прекрасно владѣлъ латинскимъ языкомъ и латинскими стихотворными размѣрами и оставилъ послѣ себя много произведеній —*Панегирикъ св. Владиславу* (1509), *Эпиталамій на бракосочетаніе Сигизмунда I съ Варварой Запольской* (1512), *Элегія Пресвятой дѣвѣ Маріи* (1515) и нѣк. др., — всѣ они, къ сожалѣнію, лишены искренняго воодушевленія, нѣсколько сухи и малосодержательны.

Янъ изъ Вислицы былъ ученикомъ Павла. Въ 1516 году онъ напечаталъ свою поэму: «*Bellum prutenum*» — Прусская война, въ 1057 стихахъ, куда вошли также, между прочимъ, *Ода* на побѣду Сигизмунда надъ русскими при Оршѣ, *молитва* къ Божьей Матери и одна *эпиграмма*. Авторъ создавалъ свою поэму подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ авторовъ и особенно «Энеиды» Виргилія, но ему не удалось въ своемъ произведеніи подняться до того совершенства языка, которымъ владѣлъ его учитель, Павелъ изъ Кросна.

Болѣе типичнымъ представителемъ своей среды и эпохи былъ *Андрей Кржицкій* (умеръ въ 1537 г.), авторъ большого количества произведеній, не брезгавшій при томъ никакими темами для своего пера въ интересахъ собственной выгоды и карьеры. Такъ, въ 1512 г. онъ написалъ льстивую оду «*На бракосочетаніе августѣйшаго короля Польши Сигизмунда и королевы Варвары*» — съ большими заимствованіями изъ Виргилія, Горація и др. римскихъ поэтовъ. Невѣстѣ, напр., поэтъ посвящаетъ здѣсь такія строки:

«О, достохвальный домъ и достохвальный утесъ Тренчина! Кто могъ бы описать, и кто нашелъ бы достойныя слова, чтобы сказать, какую красоту и какую честь вы породили? О, счастливая дѣва, выходящая за такого мужа! Ты пройдешь королевой черезъ преславный городъ Гракха, который не уступитъ ни одному городу ни въ веселіи, ни въ пышности, гдѣ пребываетъ золотая Венера, покинувъ Кипръ, и поселилась ученая Паллада послѣ гибели Аѳинъ. Здѣсь ты устроишься къ всеобщей радости въ высокомъ замкѣ и въ залахъ, сверкающихъ картинами и золотомъ, и всѣ будутъ показывать на тебя пальцами, какъ на новобрачную новобрачнаго! . .» А вотъ какъ поэтъ характеризуетъ короля: «О, счастливая дѣва, выходящая за такого мужа! Наконецъ, среди множества рыцарей ты увидишь того, въ могущественныхъ бѣлоснѣжныхъ объятіяхъ котораго ты станешь супругой. Своей прелестью и лицомъ онъ превосходитъ всѣхъ вельможъ, подобно тому, какъ среди лѣсовъ прекрасная ясень возноситъ свою златовласую вершину подъ самыя небеса . . . Говорить ли мнѣ о богатствахъ его души, которыхъ не перечислитъ никакой голосъ пѣснопѣнія; хотя бы явился и самъ Аполлонъ съ музами, и онъ не могъ бы выразить, какъ великъ разумъ короля, и добродѣтель его, и духъ, постоянство мысли и рѣчи, заботливость о царствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ терпимость, какова его справедливость и доступность для несчастныхъ смертныхъ . . .» Въ такомъ же родѣ и другія, аналогичныя произведенія Кржицкаго. Но у него же есть и произведенія болѣе серьезнаго содержанія и проникнутыя болѣе глубокимъ и несомнѣнно искреннимъ чувствомъ. Такова, напр., его сатира: *Жалоба религіи и государства.* Государство жалуется на то, что его сыны, думая только о самихъ себѣ, забыли о своей родинѣ и своимъ эгоизмомъ ведутъ ее къ гибели; спасти ее можетъ только религія. Но и религія жалуется на то, что поляки измѣнили своей истинной вѣрѣ и переходятъ въ другую, и заявляетъ о своемъ рѣшеніи покинуть Польшу; государство умоляетъ религію не покидать родины и не терять надежды, что когда-либо дѣти придутъ въ разумъ и опомнятся. Въ произведеніи, въ общемъ, хорошо отразилась современная жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ сказались тѣ горькія предчувствія печальнаго конца, которыя уже тогда переживались нѣкоторыми представителями польскаго народа.

Наиболѣе выдающимся поэтомъ своей эпохи и первымъ даро-

витымъ польскимъ поэтомъ вообще былъ, однако, *Клементій Яницкій* (1516—1543). Сынъ простого познанскаго крестьянина, Яницкій получилъ начальное и среднее образованіе у себя на родинѣ, а затѣмъ учился въ Падуѣ, гдѣ получилъ степень доктора философіи, а за свои превосходные латинскіе стихи былъ удостоенъ вѣнка. Отъ природы Яницкій былъ очень болѣзненнымъ, и болѣзнь наложила свою печать на его лиру: элегія была излюбленной формой, которой поэтъ обычно пользовался, выражая въ стихахъ свое искреннее горькое чувство и тяжелое настроеніе. Лучшая изъ его элегій — *Молитва къ Пресвятой Дѣвѣ*. Поэтъ груститъ о томъ, что онъ тяжело боленъ, что люди ему ужъ ничѣмъ не помогутъ, и съ горячей молитвой онъ обращается къ Божьей Матери: «Сжалься надо мною, взгляни на меня своимъ добрымъ окомъ, посмотри, какъ кротко и смиренно обращается къ Тебѣ съ мольбою Твой рабъ въ минуту своихъ страданій, обязанный Тебѣ своею жизнью, своею молитвой, своимъ дыханіемъ и тѣмъ жалкимъ остаткомъ силъ, которыя еще поддерживаютъ духъ въ его тѣлѣ . . .»

Кромѣ элегій, Яницкій оставилъ и рядъ произведеній иного характера, въ родѣ, напр., сатиры: *Разговоръ о непостоянствѣ и разнообразіи костюма у поляковъ*, гдѣ въ формѣ бесѣды между Ягеллой, основателемъ династіи, вставшимъ изъ гроба, и королевскимъ шутомъ, авторъ высказываетъ свое сожалѣніе объ измельчаніи польскаго народа и утратѣ имъ своего былого мужества. Задушевное стихотвореніе Яницкаго: *О себѣ самомъ къ потомкамъ*, — представляетъ собою искреннюю поэтическую автобіографію преждевременно скончавшагося молодого поэта, а произведеніе его — «*Vitae regum polonorum elegiaco carmine descriptae*» — біографіи польскихъ королей, обнимающее собою 44 стихотворенія по шести двустишій каждое, пользовалось у современниковъ большою популярностью и служило руководствомъ по исторіи Польши.

Параллельно съ ростомъ польско-латинской литературы, въ XVI же вѣкѣ дѣлаетъ большіе успѣхи въ литературѣ и польскій языкъ, что стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ ростомъ національной культуры, выдвинувшей постепенно родной языкъ въ

научно-литературный обиходъ. Въ печать польскій языкъ проникъ впервые въ XV в., въ 1475 г.; это были молитвы «Отче нашъ», «Богородице» и «Вѣрую», — напечатанныя на польскомъ языкѣ въ одной латинской богослужебной книжкѣ. Въ XVI вѣкѣ уже появляются въ печати и цѣлыя польскія книги. Первою такою печатною книгою, изданною въ Краковѣ, около 1515 года, Польша обязана первому своему баснописцу *Бернату изъ Люблина,* переводчику на польскій языкъ басенъ Эзопа и вмѣстѣ съ тѣмъ автору — *Руководства къ лѣченію лошадей.* Первыя печатныя польскія книги до насъ, однако, не дошли; древнѣйшая же печатная книга изъ сохранившихся — это *«Бесѣды царя Соломона»,* изданія 1521 года, *Іоанна изъ Кошычекъ* и *«Житіе Спасителя»,* изд. 1522 года, *Балтазара Опеца.* Въ это же время переводились и обрабатывались на польскомъ языкѣ и такія произведенія, какъ, напр., Исторія объ Александрѣ Македонскомъ, о Троянской войнѣ и т. п. Это постепенное проникновеніе въ литературу родного языка въ XVI же вѣкѣ, въ связи съ развитіемъ польскаго просвѣщенія и широкимъ распространеніемъ идей гуманизма и реформаціи, начиная съ 1543 года, завершается блестящимъ ростомъ національнаго творчества, составляющимъ такъ называемый «золотой вѣкъ» въ исторіи польской литературы, обнимающій собою, между прочимъ, дѣятельность четырехъ выдающихся польскихъ писателей: Николая Рея, Моджевскаго, Яна Кохановскаго и Скарги.

Николай Рей (1505—1569) — это первый оригинальный польскій поэтъ, писавшій на родномъ языкѣ, въ произведеніяхъ котораго нашла прекрасное отраженіе современная ему народная жизнь. Это первый польскій писатель, который выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ латинскаго языка, убѣждая своихъ современниковъ въ томъ, что поляки не гуси и имѣютъ для выраженія своихъ мыслей собственный языкъ, освобождающій ихъ отъ необходимости обращаться къ языку иностранному. Рей не получилъ систематическаго образованія и былъ далекъ отъ увлеченія идеями гуманизма; это и помогло ему сохранить цѣльность и непосредственность своей натуры и свою близость къ народности. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, Рей отрицательно относился къ представителямъ католицизма, перешелъ въ кальвинизмъ и усердно работалъ надъ религіознымъ просвѣщеніемъ своего народа, съ какой цѣлью и написалъ предназначенныя для простого

народа толкованія Евангелія — «*Постилла*». Но значеніе Рея въ исторіи польской литературы опредѣляется не этимъ произведеніемъ, а его дѣятельностью какъ художника бытописателя и по преимуществу сатирика польской жизни. Лучшими его произведеніями въ этомъ родѣ являются: «*Разговоръ между тремя лицами: помѣщикомъ, старостой и священникомъ*» (1543), «*Изображеніе жизни честнаго человѣка*» (1560) и «*Зерцало*» (1567).

Первое изъ названныхъ сочиненій представляетъ собою интересную сатиру на духовенство и шляхту. Представители трехъ сословій — дворянства, крестьянства и духовенства бесѣдуютъ другъ съ другомъ и указываютъ другъ другу отрицательныя стороны его жизни — корыстолюбіе духовенства, поборы чиновниковъ, расточительность шляхты и т. д. Второе изъ указанныхъ сочиненій весьма обширно по объему — оно содержитъ 12 000 стиховъ и рисуетъ странствованія молодого человѣка въ поискахъ за добродѣтелью. Здѣсь авторъ, между прочимъ, высказываетъ свои мысли о Богѣ, о природѣ, о человѣкѣ, о воспитаніи и нравственности.

Въ добродѣтели Рей видитъ единственный источникъ, опредѣляющій собою цѣнность человѣческой личности; поэтому истинное «шляхетство», по его мнѣнію, обусловливается не родовитостью, не богатствомъ и гербами, а только личными заслугами и собственною добродѣтелью. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же произведеніи авторомъ дается и богатѣйшій бытовой матеріалъ, когда онъ вооружается противъ распущенности и излишествъ шляхты, или скорбитъ объ отсутствіи въ Польшѣ праваго суда, а у шляхты — любви къ родинѣ, или когда изобличаетъ пороки духовенства. Что касается послѣдняго изъ названныхъ выше сочиненій, — «Зерцало», то оно также очень обширно по объему и состоитъ изъ нѣсколькихъ произведеній; существеннѣйшую же и наиболѣе интересную часть его составляетъ — *Zywot czlowieka poczciwego* (Жизнь честнаго человѣка), въ которомъ авторъ рисуетъ полный идеалъ шляхтича и его жизни, его воспитаніе, образованіе, его житейскія обязанности и т. д.; въ общемъ, въ произведеніи дана полная картина жизни зажиточной польской шляхты XVI в. и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпывающій образъ типичнаго шляхетскаго міросозерцанія.

Андрей Моджевскій (1503—1572) знаменитъ въ исторіи польской литературы тѣмъ, что въ эпоху господства шляхетскаго

абсолютизма онъ выступилъ смѣлымъ защитникомъ низшихъ общественныхъ класовъ, горожанъ и крестьянъ, чѣмъ вооружилъ противъ себя шляхту, а своимъ религіознымъ свободомысліемъ и склонностью къ протестантизму настроилъ противъ себя и католическое духовенство. Въ своемъ сочиненіи — *De poena homicidii* — О наказаніи за убійство (1534)—онъ потребовалъ уравненія крестьянина и шляхтича въ наказаніи за убійство и этимъ впервые выступилъ съ протестомъ противъ ограниченія въ правахъ крестьянъ. Выдающимся, однако, произведеніемъ Моджевскаго является его латинское сочиненіе на тему объ организаціи государства — *De republica emendanda,* въ которомъ онъ проводитъ мысль о томъ, чтобы государство организовывалось на началахъ признанія принциповъ христіанской морали, что только и могло бы обезпечить торжество въ народной жизни добрыхъ нравовъ и утвержденіе Царства Божія на землѣ и въ частности соціальное благополучіе любимой имъ родины. Въ связи съ основною своею мыслью Моджевскій подробно говоритъ о воспитаніи, объ образованіи и наукѣ, о важности школъ, о школьномъ учителѣ, какъ врачѣ народныхъ недуговъ, о необходимости широкой общественной дѣятельности, о свободѣ и равенствѣ въ правахъ всѣхъ сословій, какъ основахъ христіанскаго права, объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіи ихъ землей, чтобы крестьянинъ былъ не рабомъ, а равноправнымъ сосѣдомъ помѣщика, и т. д.

Въ лицѣ *Яна Кохановскаго* (1530—1584) Польша XVI в. имѣетъ своего выдающагося поэта-лирика. Кохановскій получилъ блестящее образованіе, учился сначала въ Краковской академіи, затѣмъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ между прочимъ, учился въ Падуанскомъ университетѣ; изъ Италіи онъ отправился во Францію, въ Парижъ, откуда возвратился къ себѣ на родину. Годы жизни и ученія за границей пріобщили польскаго поэта къ первоисточникамъ гуманизма, дали ему блестящее знаніе древнихъ языковъ, познакомили его съ выдающимися произведеніями европейскихъ литературъ и убѣдили его въ томъ, что языкъ Аріосто, Петрарки и Данте для итальянца такъ же дорогъ и долженъ имѣть тѣ же права въ литературѣ, что и языкъ Виргилія или Горація, и наряду съ латинскими эротическими элегіями, уже въ это время онъ пишетъ и польскіе стихи. Когда одно изъ первыхъ польскихъ

стихотвореній Кохановскаго дошло до Польши, родина привѣтствовала въ лицѣ Кохановскаго своего перваго вдохновеннаго поэта, и несравненный *Рей изъ Нагловицъ* сложилъ предъ восходящимъ новымъ свѣтиломъ свое оружіе, признавъ себя побѣжденнымъ. Встрѣченный съ радушными объятіями у себя на родинѣ, Кохановскій всюду пользовался всеобщимъ почетомъ, былъ назначенъ личнымъ секретаремъ короля, но, тяготясь свѣтскою жизнью и не чувствуя въ себѣ призванія къ какой-либо служебной карьерѣ, онъ замкнулся въ тиши своего деревенскаго уединенія и, какъ истый жрецъ искусства, всецѣло посвятилъ себя служенію поэзіи. Здѣсь въ заповѣдномъ Чернолѣсьѣ, какъ называлась деревня Кохановскаго, имъ и были написаны его знаменитыя — *Piésn swietajanska o Sobótce, Odprawa poslòw greckich, Psalterz, Treny*. Воспитавъ свой изящный вкусъ на древне-классическихъ и итальянскихъ образцахъ, надѣленный живымъ воображеніемъ, сильнымъ чувствомъ и тонкимъ художественнымъ чутьемъ, Кохановскій впервые далъ польской литературѣ красоту формы, разнообразіе содержанія и несравненныя, въ общемъ, въ художественномъ отношніи произведенія истинной поэзіи. Подъ перомъ Кохановскаго польская литература сбросила съ себя обычный до сихъ поръ нарядъ церковности, морали и дидактики, и стала искусствомъ, отказавшись отъ какихъ бы то ни было, хотя бы и очень высокихъ, практическихъ цѣлей и выгодъ. По своему существу, въ своей основѣ, творчество Кохановскаго чисто лирическаго характера и въ высшей степени субъективно; ея содержаніе — міръ интимныхъ душевныхъ переживаній. Со времени Кохановскаго историкъ польской литературы впервые можетъ говорить о польской поэзіи въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ до Кохановскаго поэзіи, собственно говоря, Польша не знала. Первыя свои произведенія Кохановскій писалъ по-латыни. Это были элегіи, въ которыхъ поэтъ воспѣвалъ свою любовь къ какой-то Лидіи. По возвращеніи на родину онъ также не покидалъ совершенно латинскаго языка и писалъ на этомъ языкѣ элегіи, оды и т. п. Изъ латинскихъ произведеній Кохановскаго этого періода отмѣчаютъ обыкновенно два стихотворенія: *Gallo crocitanti* — Кудахчущему пѣтуху, написанное по адресу одного француза, бросившаго пасквиль на Польшу послѣ бѣгства изъ Польши Генриха Валуа, и — *Carmen macaronicum,* Забавное стихотвореніе, въ которомъ поль-

скіе слова и фразы переплетаются съ латинскими, при чемъ польскимъ словамъ приданы латинскія окончанія. Такія макароническія стихотворенія послѣ перваго опыта Кохановскаго, появлялись въ тогдашней польской литературѣ въ большомъ изобиліи.

Къ числу наиболѣе раннихъ произведеній Кохановскаго на родномъ языкѣ относится его подражательная поэма — *Shachy* (Шахматы), которую обыкновенно называютъ первою новеллою въ польской литературѣ; предметомъ содержанія ея служитъ исторія сердца, и отличается она живостью, искренностью и неподдѣльностью юмористическаго настроенія. Въ этомъ же духѣ были написаны Кохановскимъ и большинство «*Фрашекъ*» — бездѣлушекъ, небольшого объема стихотвореньицъ разнообразнаго содержанія, въ которыхъ нашла свое прекрасное отраженіе шумная, разсѣянная придворная жизнь окружавшей поэта среды въ бытность его въ Краковѣ. «*Фрашки*», — написанныя впослѣдствіи, въ деревнѣ, носятъ, напротивъ, серьезный характеръ, и какъ тѣ, такъ и другія отличаются поразительнымъ изяществомъ формы и мастерствомъ языка.

Въ 1563 году Кохановскій написалъ сатиру на своихъ современниковъ подъ заглавіемъ — *Satir albo dziki maz.* Устами своего сатира Кохановскій изобличаетъ утрату современниками былого рыцарскаго духа и вообще упадокъ въ нихъ любви къ родинѣ. Болѣе полное выраженіе этого настроенія поэта нашло свое отраженіе въ другомъ его произведеніи — *Odprawa posłów greckich* — Отпускъ греческихъ пословъ (1577). По формѣ своей это трагедія, составленная по образцу греческихъ трагедій; сюжетъ ея заимствованъ у Гомера изъ III кн. Иліады. Похищеніемъ прекрасной Елены Парисъ поставилъ родину на край пропасти, однако, спасти ее еще можно возвращеніемъ Елены греческимъ посламъ, но эгоизмъ Париса одерживаетъ верхъ надъ любовью къ родинѣ Антенора, находитъ себѣ поддержку въ троянскихъ вельможахъ, и Троя гибнетъ. Написанная по порученію Яна Замойскаго ко дню его свадьбы, трагедія совершенно ясно говорила польскому королю и шляхтѣ о современныхъ животрепещущихъ событіяхъ внутренней польской жизни и тѣхъ тревожныхъ предчувствіяхъ, которыя въ это время томили лучшихъ представителей польскаго народа. Та же основная тема и то же патріотическое настроеніе поэта нашли свое выраженіе также и въ

цѣломъ рядѣ его «пѣсенъ», писанныхъ въ разные моменты жизни. Другая часть тѣхъ же «пѣсенъ» Кохановскаго или любовнаго характера или характера «думъ» на темы о жизни и счастьѣ. Особое мѣсто среди всѣхъ «пѣсенъ» Кохановскаго занимаетъ, наконецъ, «*Piesn swietojanska o Sobòtce*» — Пѣсня въ ночь наканунѣ Ивана Купала, какъ идиллія изъ деревенской жизни, въ которой въ формѣ составляющихъ ее 12 пѣсенъ нарисована душа дѣвушки и ея разнообразныя переживанія.

Наиболѣе знаменитыми, однако, произведеніями Кохановскаго являются его: «*Psalterz*» — псалтирь (1579) и «*Treny*» — элегіи (1580). Первое произведеніе представляетъ собою вольную поэтическую обработку псалмовъ Давида, въ которой поэтъ обнаружилъ необычайную гибкость своего художественнаго дарованія, поразительную сложность своего настроенія и широкое разнообразіе своихъ душевныхъ переживаній; польскому же языку и стиху въ этомъ произведеніи Кохановскій придалъ совершенства художественной обработки. Что касается «тренъ» Кохановскаго, то, вызванныя смертью любимой дочери Оршульки, онѣ представляютъ собою выраженіе безысходнаго родительскаго горя, пережитаго въ связи съ утратою ребенка. Въ художественномъ отношеніи *трены* — это шедевръ творчества Кохановскаго.

Истиннымъ печальникомъ народнаго горя и борцомъ за счастье своей родины въ XVI в. былъ *Петръ Скарга,* выдающійся польскій ораторъ. Въ своихъ блестящихъ проповѣдяхъ Скарга съ неподкупнымъ гражданскимъ мужествомъ и воодушевленіемъ бичевалъ общественные недуги своего времени, взывая къ патріотизму своихъ соотечественниковъ и предрекая имъ неминуемую гибель родины. Іезуитъ-фанатикъ по своимъ убѣжденіямъ, Скарга ревностно преслѣдовалъ польскихъ протестантовъ и не менѣе ревностно боролся съ православною церковью, видя въ католицизмѣ единственное вѣрное средство для прочной спайки русскихъ областей съ коренной Польшей. Будучи прекраснымъ ораторомъ, Скарга вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и прекраснымъ стилистомъ, а его сеймовая рѣчь на тему о любви къ родинѣ и до сихъ поръ разсматривается польскими историками литературы какъ образцовое произведеніе, блестяще обосновывающее идею патріотизма; вообще же «*Kazania seimove*» Скарги представляютъ собою замѣчательный памятникъ польскаго краснорѣчія.

На ряду съ названными выше четырьмя крупнѣйшими представителями «золотого вѣка» польской литературы — Рей, Моджевскій, Кохановскій и Скарга — польская литература XVI в. имѣетъ цѣлый рядъ и другихъ, менѣе крупныхъ писателей, которые, однако, своею дѣятельностью также способствовали общему дѣлу утвержденія въ литературѣ родного языка и оживленію литературной работы; такими писателями были: *Мартинъ Бѣльскій*, авторъ сочиненій: «*Біографіи философовъ*», «*Всеобщая исторія*», сатиръ на мѣщанство и др.; историкъ *Мартинъ Кромеръ*; идеологъ шляхты *Станиславъ Ожеховскій;* выдающійся въ свое время стилистъ *Лукашъ Гурницкій;* поэтъ-лирикъ *Николай Семпъ Шаржинскій,* авторъ извѣстной «*Роксоланіи*» — описанія природы, городовъ и народной жизни Червонной Руси, а также описательно-дидактической поэмы — «*Матросъ*», представлявшей собою нѣчто въ родѣ путеводителя по Вислѣ къ Гданску; *Себастіанъ Кленовичъ* — ему принадлежатъ: латинская поэма *Victoria deorum,* представляющая собою трактатъ въ 20,000 строкъ, въ которомъ поэтъ изложилъ весь запасъ своей учености, и *Warek Iudaszòw* — кошель Іуды, въ которомъ даны своеобразные типы преступниковъ; лучшій историкъ *Рейнгольдъ Гейденштейнъ,* написавшій «*Очеркъ войны съ Іоанномъ Грознымъ*» и *Исторіи Польши* отъ смерти Сигизмунда Августа и до начала XVII вѣка.

XVII вѣкъ въ исторіи Польши характеризуется общимъ упадкомъ просвѣщенія и внутренними неурядицами, что стояло въ тѣсной связи съ ростомъ шляхетско-аристократическаго самовластья и цѣлымъ рядомъ войнъ, которыя въ это время пришлось вести Польшѣ.

Увлеченная прелестями своей «золотой свободы», которая давала ей въ политической жизни все, чего только можно было желать, шляхта постепенно стала отвыкать отъ необходимости школы и просвѣщенія, а поѣздки за границу польской аристократической молодежи стали предприниматься больше съ цѣлью веселаго препровожденія времени, чѣмъ для занятій науками. Насколько мало широкіе круги польскаго общества интересовались въ это время литературой, любопытнымъ показателемъ можетъ

служитъ тотъ фактъ, что лучшія литературныя произведенія, написанныя въ XVII в., нерѣдко оставались въ забвеніи и попадали въ печать только два-три вѣка спустя, въ XIX или XX столѣтіяхъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что въ своей крайней религіозной нетерпимости, чѣмъ характеризуется польская жизнь XVII в., господствующее общественное мнѣніе не мирилось съ фактами проявленія свободы мысли, въ какой бы формѣ она ни выражалась, и литература поневолѣ принуждена была отказатся отъ цѣлаго ряда животрепещущихъ темъ, связанныхъ съ переживаемыми событіями, отъ критики и сатиры, которыми такъ богата литература XVI в., и либо вовсе отречься отъ своей работы, либо ограничиться панегиризмомъ. Вотъ почему, между прочимъ, въ связи съ упадкомъ художественнаго вкуса и литературныхъ интересовъ, въ польской литературѣ XVII в. наблюдается возрожденіе средневѣковой повѣсти, въ родѣ повѣстей объ Александрѣ Македонскомъ, о семи мудрецахъ и т. п., и сочиненій церковно-религіознаго характера. Приходитъ въ упадокъ въ это же время и польскій литературный языкъ, и стремленіе придавать ему классическую цвѣтистость путемъ внесенія въ него въ большомъ изобиліи латинскихъ и итальянскихъ словъ и оборотовъ рѣчи становится своего рода требованіемъ хорошаго вкуса.

Несмотря, однако, на общій упадокъ литературы и просвѣщенія, которымъ характеризуется польская жизнь XVII в. сравнительно съ предыдущимъ временемъ, польская литература XVII в., уступая литературѣ «золотого вѣка» въ общемъ характерѣ своего содержанія и въ художественности формы, въ произведеніяхъ лучшихъ своихъ авторовъ, тѣмъ не менѣе представляетъ большой бытовой интересъ, давая хорошую картину современной польской жизни.

Лучшимъ поэтомъ XVII в. въ Польшѣ былъ авторъ идиллій — *Шимонъ Шимоновичъ* (1558—1629); его называютъ обыкновенно послѣднимъ представителемъ польскаго гуманизма. По своему образованію и литературнымъ вкусамъ это вѣрный сынъ XVI в. По глубинѣ своего дарованія и серьезности отношенія къ литературному творчеству, Шимоновичъ, какъ поэтъ, приближается отчасти къ Кохановскому. Латинскія оды Шимоновича заслужили ему имя польскаго Пиндара, но литературную извѣстность ему создали польскія идилліи — *Sielanki* (1614) и особенно

та группа ихъ, въ которыхъ авторъ рисовалъ дѣйствительную жизнь, въ родѣ, напр., идиллій — *Kolacze* — колачи, или *Zency* — жнецы: въ первой прекрасно изображены чувства дѣвушекъ и молодой панны, встрѣчающихъ жениха, во второй дана прекрасная картина тяжелаго подневольнаго крестьянскаго труда.

Современникъ Шимоновича, *Матвѣй Сарбѣвскій* (1595—1640) извѣстенъ своими латинскими одами — хвалебными, религіозными и политическими.

На поэзіи Кохановскаго и Шимоновича воспиталъ свой талантъ *Зиморовичъ,* авторъ лучшихъ въ старо-польской литературѣ эротическихъ стихотвореній, собранныхъ авторомъ вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ — *Roxolanki*: дѣвушки и парни изъ Червонной Руси поютъ пѣсни и въ нихъ воспѣваютъ одно и то же чувство — любовь, но въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ выраженій; въ этомъ, собственно говоря, и заключается весь художественный интересъ произведенія.

Анархія, господствовавшая во внутренней политической жизни Польши XVII в., нашла свое отраженіе въ сатирахъ *Крыштофа Опалинскаго* (1610—1656) — *Satyry albo przestogi* (1650) — сатиры или назиданія. Въ этомъ произведеніи авторъ съ исключительнымъ для XVII вѣка гражданскимъ мужествомъ клеймилъ недостатки современной польской жизни, не останавливаясь ни предъ какими соображеніями: находилъ ли онъ недостатки въ королѣ, въ представителѣ высшей сановной аристократіи, въ духовенствѣ или въ шляхтѣ, онъ одинаково подвергалъ ихъ рѣзкой сатирѣ; дурное воспитаніе, мотовство и распущенность нравовъ, безправіе и угнетенное положеніе крестьянства, упадокъ военной мощи, а также торговли и промышленности, продажность чиновничества и т. п. — таковы основныя темы сатиръ Опалинскаго.

Къ этому же времени относятся и первые переводы на польскій языкъ *Неистоваго Орланда* — Аріосто и *Освобожденнаго Іерусалима* Торквато Тассо, принадлежавшіе перу *Петра Кохановскаго* (1566—1620), при чемъ первый изъ этихъ переводовъ появился въ печати только лишь въ 1905 году. Названныя поэмы вызвали въ польскомъ обществѣ интересъ къ этого рода произведеніямъ, а вмѣстѣ съ интересомъ явились и попытки подражанія. Такою была, напр., передѣлка съ французскаго, стихотворная повѣсть *Іеронима Морштына* — *Исторія о прекрасной королевнѣ Баньялукѣ,* полная

невѣроятныхъ приключеній, или стихотворная повѣсть — *Психе* — *Андрея Морштына,* переводчика на польскій яз. Корнелева *Сида* и автора множества мелкихъ лирическихъ стихотвореній, блещущихъ не столько естественностью, простотою и искренностью чувства, сколько искусственною изысканностью стиля.

Доброму почину переводчика Кохановскаго польская литература XVII вѣка обязана своею богатой исторической эпикой, представителями которой являются *Самуилъ Твардовскій* (1600—1666) и *Вацлавъ Потоцкій* (1625—1696). Первый изъ названныхъ поэтовъ пользовался у современниковъ репутаціей польскаго Виргилія, писалъ напыщенныя произведенія въ панегирическомъ духѣ и оставилъ, между прочимъ, три огромныхъ поэмы: «*Посольство Криштофа Збораскаго* (1633), объемомъ въ 7000 стиховъ; *Владиславъ IV* (1649) — въ 11.000 стиховъ и *Отечественная война* (1681) — въ 17.000 стиховъ. Въ сущности, это не поэмы, а просто историческія хроники, написанныя въ стихотворной формѣ на основаніи опредѣленнаго матеріала, безъ какихъ бы то ни было поэтическихъ вольностей собственнаго домысла поэта, но обильно уснащенныя стилистическими прикрасами изъ области классической исторіи и миѳологіи. Первая изъ указанныхъ поэмъ по своему содержанію представляетъ собою не что иное, какъ панегирикъ въ честь рода князей Збораскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она богата и интереснымъ содержаніемъ. Твардовскій самъ былъ непосредственнымъ участникомъ описаннаго имъ посольства въ Константинополь, снаряженнаго на собственныя средства княземъ Збораскимъ, и въ своей поэмѣ далъ прекрасный дневникъ своей заграничной поѣздки съ изложеніемъ всего, что ему пришлось увидѣть, проѣзжая черезъ Молдавію, Дунай и Балканы, а затѣмъ и въ самомъ Константинополѣ. Такая же панегирическая по основному тону и при томъ узко націоналистическая по настроенію поэма *Владиславъ IV,* представляющая собою чисто историческое и подробнѣйшее повѣствованіе о жизни и дѣятельности короля Владислава, начиная съ его дѣтства и кончая 1635 годомъ. Послѣдняя изъ названныхъ выше поэмъ — *Отечественная война,* представляетъ собою какъ бы продолженіе предыдущей; предметомъ ея содержанія служитъ исторія Польши съ 1648 по 1660 годы. Такимъ образомъ, въ своихъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ Твардовскій выступилъ, какъ историкъ современной Польши, который

въ своихъ произведеніяхъ далъ подробнѣйшее хронологическое изложеніе событій отечественной исторіи съ извѣстнаго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же произведеніяхъ въ извѣстной мѣрѣ сказалась и его личность, скорбящая въ большинствѣ случаевъ надъ современной ему «разрухой» жизни любимой родины, которая, какъ въ томъ былъ убѣжденъ Твардовскій, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе лучшіе люди того времени, должна неминуемо привести Польшу къ гибели.

Вацлавъ Потоцкій былъ надѣленъ бо́льшимъ поэтическимъ дарованіемъ, нежели Твардовскій, но не обладалъ, къ сожалѣнію, необходимымъ образованіемъ и не былъ въ достаточной мѣрѣ знакомъ съ европейскими литературами, вслѣдствіе чего не сумѣлъ выработать въ себѣ болѣе глубокихъ представленій объ основахъ истинной художественности и искусства и не развилъ въ надлежащей мѣрѣ собственнаго художественнаго чутья. Надѣленный, однако, несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, онъ далъ въ своихъ произведеніяхъ настолько широкую и правдивую картину современной польской жизни, что они могутъ служить прекраснымъ источникомъ для изученія польской жизни XVII в.

Потоцкій оставилъ послѣ себя очень много разнообразныхъ произведеній, но лучшее изъ нихъ — историческая поэма: *Хотимская война,* напечатанная впервые только лишь въ 1850 году. Поэма проникнута высокимъ гражданскимъ чувствомъ и посвящена знаменитой въ исторіи всего славянства хотимской кампаніи 1621 г., когда 65.000 польско-казацкаго войска во главѣ съ Яномъ Ходкевичемъ и Сагайдачнымъ геройски отразили всѣ штурмы 400.000 турецкаго войска. Какъ и поэмы Твардовскаго, *Хотимская война* представляетъ собою стихотворный разсказъ историческаго повѣствованія, составленнаго на основаніи извѣстныхъ историческихъ источниковъ. Поэма даетъ яркую картину былой рыцарской доблести поляковъ и сурово клеймитъ современниковъ, утратившихъ рыцарскій духъ героевъ-предковъ и погрязшихъ въ роскоши, въ интересахъ наживы и въ распущенности нравовъ. Написана поэма сильнымъ, выразительнымъ языкомъ, «отдающимъ, по замѣчанію историка, запахомъ сѣры и пороха». Кромѣ указанной поэмы, очень интересны у Потоцкаго также его мелкія произведенія религіознаго, сатирическаго, нравоучительнаго и т. п. характера, въ томъ числѣ и двѣ патріотическія сатиры, одна подъ

заглавіемъ: *Czuj, stary pies szczeka!* и другая — *Niechaj spi pijany*, въ которыхъ нашли свое выраженіе тяжелыя предчувствія Потоцкаго печальной судьбы родины, когда она или падетъ жертвой своей анархіи или же по частямъ перейдетъ въ руки сосѣдей.

Лучшимъ представителемъ лирической поэзіи въ Польшѣ второй половины XVII в. былъ *Коховскій* (1633—1700). Типичный шляхтичъ по своимъ воззрѣніямъ, человѣкъ небольшого образованія, Коховскій былъ надѣленъ хорошимъ художественнымъ чутьемъ и умѣлъ избѣгать изысканности формы, вслѣдствіе чего его произведенія дышатъ бóльшею искренностью сравнительно съ произведеніями его современниковъ. Коховскій писалъ главнымъ образомъ пѣсни разнообразнаго характера — религіознаго, патріотическаго, на темы о деревенской жизни и природѣ и т. п.; кромѣ того, онъ же написалъ латинскую хронику, посвященную исторіи Польши, начиная отъ смерти Владислава IV, и 36 псалмовъ, по образцу псалмовъ Давида, подъ общимъ заглавіемъ — *Psalmodja polska* (1695); одни изъ этихъ псалмовъ носятъ религіозный характеръ, другіе — религіозно-патріотическій; это или размышленіе о мудрости, благости и величіи Бога и о своей собственной жизни, или мысли о Польшѣ и польскомъ народѣ, какъ избранникѣ Божіемъ, и его прегрѣшеніяхъ.

Историческія событія общественно-политической жизни Польши второй половины XVII в. были изложены въ интересныхъ и богатыхъ по содержанію *Запискахъ Пасека*, написанныхъ при томъ блестящимъ, живымъ, разговорнымъ языкомъ.

Общественно-политическія условія польской жизни въ XVIII в. неуклонно вели страну къ упадку, и параллельно съ упадкомъ общественнымъ все больше и больше мельчала и литература. Образованность поддерживалась только въ средѣ просвѣщенныхъ магнатовъ, въ родѣ, напр., кіевскаго епископа Іосифа Андрея Залускаго, который составилъ у себя огромнѣйшую библіотеку въ 200.000 томовъ и предствилъ ее съ 1748 года въ общественное пользованіе, а въ 1763 г. передалъ въ собственность государства; впослѣдствіи, по распоряженію Екатерины II, эта библіотека была вывезена въ Петроградъ и послужила здѣсь основаніемъ Импера-

торской Публичной библіотеки. При дворахъ польскихъ магнатовъ поддерживались и литературные интересы, здѣсь же воспитывали свои литературные вкусы и многіе польскіе писатели того времени. При такомъ положеніи вещей, лучшіе представители польской мысли не теряли, тѣмъ не менѣе, вѣры въ возрожденіе Польши и попрежнему были глубоко убѣждены въ томъ, что источникъ этого возрожденія лежитъ прежде всего въ просвѣщеніи; поэтому, реформа просвѣщенія во имя спасенія Польши въ сознаніи этихъ людей стала очередною задачею своего времени. Высокая заслуга въ дѣлѣ организаціи народнаго просвѣщенія въ Польшѣ на новыхъ началахъ, принадлежитъ *Станиславу Конарскому* (1700—1773), человѣку широкаго образованія и желѣзной воли. Такъ какъ вершителемъ судебъ страны въ это время фактически была шляхта, Конарскій и началъ свою дѣятельность съ реформы шляхетскаго образованія и съ этою цѣлью въ 1740 г. онъ открылъ въ Варшавѣ «*Дворянскую коллегію*»; вообще же школьная реформа, проведенная Конарскимъ, касалась какъ круга предметовъ школьнаго преподаванія, такъ и методовъ обученія: старая схоластическо-теологическая школа уступала мѣсто новой, въ которой науки естественныя были поставлены на первомъ планѣ, и отечественный языкъ былъ сдѣланъ основнымъ языкомъ преподаванія и спеціальнымъ предметомъ школьнаго изученія; кромѣ того, въ программу школьнаго курса были введены исторія, географія, право, математика и французскій языкъ. Такимъ образомъ, въ Польшѣ были заложены основы новаго просвѣщенія, и когда въ 1773 году всѣ іезуитскія школы перешли въ вѣдѣніе «Комиссіи народнаго просвѣщенія», то она реформировала ихъ въ духѣ Конарскаго съ тою разницей, что родной языкъ и какъ языкъ преподаванія и какъ предметъ изученія былъ поставленъ на первомъ планѣ, латинскій же языкъ получилъ только служебное значеніе. Названной выше Комиссіи, кромѣ того, принадлежитъ и высокая иниціатива организаціи въ Польшѣ народныхъ школъ. Къ этому же времени относится и реформа схоластической Краковской Академіи (Гуто Коллонтай), гдѣ мѣсто схоластики заняла современная европейская наука.

Другимъ, весьма важнымъ факторомъ, оказавшимъ сильное вліяніе на подъемъ народнаго просвѣщенія и въ частности на литературное возрожденіе въ Польшѣ XVIII в. было французское про-

свѣщеніе. Польская литература, воспитанная на идеяхъ французскаго просвѣщенія и на лучшихъ образцахъ французской литературы XVIII в., въ свою очередь, явилась въ польской жизни могучимъ факторомъ подъема національной культуры и просвѣщенія.

Крупнѣйшими представителями польской литературы XVIII в. были Адамъ Нарушевичъ, Игнатій Красицкій и Станиславъ Трембецкій.

Адамъ Нарушевичъ (1733—1796) началъ свою литературную дѣятельность неудачными опытами въ поэтическомъ родѣ, писалъ высокопарныя оды въ честь Станислава Августа и сатиры, въ которыхъ онъ сумѣлъ, тѣмъ не менѣе, дать типичныя фигуры, характерныя для переживаемыхъ событій и настроеній польской жизни XVIII в. Важнѣйшимъ же произведеніемъ Нарушевича, занимающимъ почтенное мѣсто въ исторіи польской литературы и просвѣщенія, является его — *Исторія народа польскаго* (1780—1786), написанная авторомъ по порученію короля, но доведенная только до эпохи Ягеллы и Ядвиги. Для своего труда авторъ использовалъ огромное количество матеріаловъ, въ чемъ онъ видѣлъ одну изъ первыхъ задачъ историка, въ которыя, по его понятію, должна входить не только политическая жизнь страны, но также и народный бытъ, культура и просвѣщеніе. Повѣствованіе Нарушевича построено на строгой критикѣ источниковъ и носитъ прагматическій характеръ. Проникнутый всецѣло идеями вѣка просвѣщенія, Нарушевичъ въ своемъ трудѣ отнесся критически и къ фактамъ, на которые церковная традиція въ теченіе ряда вѣковъ наложила свою опредѣленную печать истолкованія. По своему политическому міросозерцанію Нарушевичъ былъ монархистомъ, убѣжденнымъ въ томъ, что только укрѣпленіе монархической власти въ Польшѣ способно вывести страну изъ упадка и предотвратить ея гибель. Какъ выдающійся памятникъ научной литературы вѣка просвѣщенія въ Польшѣ, *Исторія* Нарушевича была вмѣстѣ съ тѣмъ для того времени и послѣднимъ словомъ европейской исторической науки.

Епископъ Варминскій, впослѣдствіи архіепископъ Гнѣзненскій *Игнатій Красицкій* (1735—1801), знаменитъ въ исторіи польской литературы, какъ популярнѣйшій въ свое время писатель вообще и въ частности, какъ баснописецъ и сатирикъ. Къ числу болѣе цѣнныхъ въ историко-литературномъ отношеніи сатириче-

скихъ произведеній его относятся: сатирическая повѣсть *Приключенія Николая Досвядчинскаго* (1776), *Сатиры* (1779), повѣсть *Панъ Подстолій* (1778—1784), *Басни* (1779, 1802). Во всѣхъ названныхъ произведеніяхъ Красицкій, выставляя отрицательныя стороны своихъ современниковъ, даетъ блестящія картины современнаго быта и нравовъ и рисуетъ цѣлый рядъ характерныхъ типовъ живой польской дѣйствительности XVIII в. Въ частности, повѣсть *Приключенія Николая Досвядчинскаго* — посвящена вопросу о воспитаніи, а на судьбѣ героя повѣсти, имъ самимъ о себѣ разсказанной, авторъ провелъ поучительную мысль о гибельности дурного воспитанія. *Сатиры* Красицкаго представляютъ собою выдающееся произведеніе и по формѣ, и по живости содержанія, и выведеннымъ типамъ; въ нихъ вполнѣ выразился весь талантъ сатирика и бытописателя художника; наконецъ, повѣсть *Панъ Подстолій* носитъ дидактическій и бытописательный характеръ и рисуетъ прекрасную картину деревенской помѣщичьей Польши XVIII вѣка. И во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Красицкій выступаетъ какъ тонкій наблюдатель и прекрасный знатокъ народной души, характера и быта.

Наиболѣе выдающимся писателемъ XVIII в., какъ художникъ формы, стиха и стиля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе интереснымъ съ точки зрѣнія содержанія своихъ произведеній былъ *Станиславъ Трембецкій* (1725—1812). Человѣкъ весьма темной нравственности и сомнительныхъ добродѣтелей, Трембецкій, тѣмъ не менѣе, извѣстенъ въ исторіи польской литературы своими баснями, въ которыхъ существеннѣйшее значеніе придавалъ художественности разсказа, а не морали, какъ это дѣлалъ въ своихъ басняхъ, напр., Красицкій, стихотвореніями политическаго характера, описательной поэмой — *Zofyówka* — Софіевка, такъ называлось имѣніе Потоцкаго близъ Умани, устроенное имъ въ честь жены, гречанки Софіи, купленной на рынкѣ невольницъ въ Константинополѣ, и нѣк. др. произведеніями въ томъ же духѣ.

Изъ другихъ писателей XVIII в. слѣдуетъ отмѣтить: типичнаго представителя польскаго увлеченія легкой французской поэзіей и нравами — *Венгерскаго* (1755—1787), знаменитаго въ свое время драматурга *Заблоцкаго* (1754—1821), популярнаго лирическаго поэта *Карпинскаго* (1741—1825), поэта лирика *Князьнина* (1750—1807), представителя народническаго теченія въ литературѣ и дра-

матурга *Войцѣха Богуславскаго* (1757—1829), поэта-гражданина *Юліана Нѣмцевича* (1757—1841) и нѣк. др.

Что же было создано свободнымъ польскимъ народомъ въ области его изящной литературы за время своего независимаго политическаго существованія, т. е. съ X по XVIII вв. включительно? Съ какимъ «наслѣдіемъ отцовъ» польская литература вступала въ бурный для Польши XIX вѣкъ, который принесъ польскому народу такъ много горя и разочарованій? Польская литература за указанный періодъ исторической жизни польскаго народа, какъ бы то ни было, выполнила, несомнѣнно, свое высокое назначеніе въ томъ смыслѣ, что, не взирая ни на какія превратности судьбы, она медленно, но неуклонно шла по пути своего развитія — къ воплощенію въ своихъ созданіяхъ того высокаго и прекраснаго, что создавалось польскою народною мыслью, какъ результатъ успѣховъ развитія моральнаго и общественно-политическаго сознанія польской народности. Выросшая и воспитанная на западныхъ образцахъ, польская литература питалась соками европейской культуры и просвѣщенія не изъ вторыхъ рукъ, а путемъ непосредственнаго общенія съ западно-европейскими литературами, и польскіе писатели нерѣдко были «гуманистами» и «классиками» не только у себя на родинѣ, но и въ Европѣ. Такая тѣсная связь польской литературы съ Западомъ, давала польской литературѣ и польскому общественному сознанію постоянно огромный запасъ новыхъ идей и фактовъ, вліявшихъ на общій укладъ духовной жизни Польши и претворявшійся съ теченіемъ времени въ собственное національное достояніе той, по крайней мѣрѣ, части польскаго общества, которой доступны были современныя идеи европейской культуры и просвѣщенія и которая въ силу своей общественно-политической роли въ жизни націи могла быть творцомъ и національной культуры. Итакъ, польская литература къ началу XIX в. уже была не только обширна по объему, разнообразна по формѣ и совершенна по языку, но и богата по содержанію, т. е. вполнѣ сложившейся національной художественной литературой, въ которой нашла свое прекрасное отраженіе и современная ей польская жизнь со всѣми своими многосложными и разнообразными идеалами и стремленіями, и въ этомъ отношеніи она явилась вполнѣ подготовленной почвой, на которой выросла въ Польшѣ ея блестящая литература XIX вѣка.

Прив.-доц. ***Н. С. Державинъ***

Сеймовыя проповѣди кс. Петра Скарги.

II.

О любви къ отечеству.

„Говорю вамъ (говоритъ Іисусъ Христосъ) : любите другъ друга".

Отъ Іоанна 13, 14 и 15.

Нѣтъ ничего постояннаго подъ солнцемъ, — говоритъ Соломонъ, — не только дома и семьи, но и королевства, и великія монархіи перестаютъ существовать и падаютъ, и народъ смѣняется на землѣ народомъ. Но ничто не совершается безъ причины, особенно въ дѣлахъ человѣческихъ, отъ разума и свободной воли приходящихъ. Что разумомъ и усердьемъ и добродѣтелью воздвигнуто, то неразумѣніемъ и нерадивостью и злобой людской разрушается. Какъ тѣла наши отъ внутреннихъ болѣзней или отъ внѣшнихъ случайностей умираютъ, такъ и королевства своими домашними недугами обладаютъ и отъ нихъ рушатся. Есть у нихъ и внѣшніе враги, которые губятъ ихъ войнами и разбоями. Обѣ опасности умѣютъ предотвратить съ Божьей помощью мудрые правители и народъ свой избавить отъ нихъ. Отъ домашнихъ недуговъ есть у нихъ средства, а отъ войны и меча — разные способы защиты. Ни одинъ изъ васъ, достоуважаемые мужи, столь не наивенъ, чтобы не видѣть тяжкой и великой немощи нашего королевства и внутренняго, домашняго потрясенія — или чтобы не чувствовать сильнаго врага, наступающаго на наши головы и угрожающаго намъ ужасающимъ разореніемъ. Если бы вы домашніе недуги королевства излѣчили, отъ пришельца легко могла бы найтись защита. Но какъ можетъ защищаться больной, который самъ не стоитъ на своихъ ногахъ? Лѣчите же прежде эту больную мать свою, эту дорогую родину и Рѣчь Посполитую свою. А если вы осторожные и мудрые врачи, то найдете въ ней нѣсколько опасныхъ болѣзней, которыя ей близкую смерть (упаси Господи!) предрекаютъ и, какъ неправильный пульсъ, опасенія внушаютъ. Первую болѣзнь составляетъ недостаточная привязанность къ

Рѣчи Посполитой и жадность къ личному благу. Вторую — несогласія и смуты съ сосѣдями. Третью — нарушеніе католической религіи и допущеніе еретической заразы. Четвертую — ослабленіе королевскаго достоинства и власти. Пятую — несправедливые законы. Шестую — видимыя всѣмъ грѣхи и злыя дѣянія, противъ Господа Бога возставшія и о возмездіи къ нему вопіющія. Будемъ говорить съ Божьей помощью о первой болѣзни королевства.

Двѣ главныя заповѣди Господь нашъ Іисусъ Христосъ, умирая, оставилъ намъ въ своемъ завѣщаніи: первая — чтобы мы любили другъ друга, вторая — чтобы мы жили межъ собою въ мирѣ и согласіи — одна отъ другой исходитъ и изъ нея вытекаетъ...

Примѣръ этой широкой и всеобщей любви явилъ намъ, ученикамъ Своимъ, въ Своемъ лицѣ учитель и Спаситель нашъ, когда каждому въ отдѣльности и большимъ толпамъ народа благодѣянія оказывалъ. «Увидѣвъ — говоритъ евангелистъ * — множество людей, сжалился надъ ними, потому что были въ печали и болѣзняхъ, какъ овцы, не имѣвшія пастыря, и лѣчилъ, кормилъ и училъ ихъ». И еще бо́льшую любовь явилъ, когда здоровье и животъ свой положилъ не за одно только королевство, но за всѣхъ людей міра, желая, чтобы каждый, кто вѣруетъ въ Него, не погибъ, но обрѣлъ жизнь вѣчную.

...Псалмопѣвецъ говоритъ: «Очи всѣхъ живущихъ на Тебя, Господи, уповаютъ, и Ты даешь имъ пищу во благовременіи; даруешь и собираютъ; разверзаешь длань Твою, и она разсыпаетъ щедроты всѣмъ» **.

Это по справедливости можетъ быть отнесено къ вамъ, достойные радѣтели о благѣ народномъ: всей короны, т. е. всѣхъ людей, сколько ихъ есть въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Руси, въ Пруссахъ, въ Жмуди, въ Лифляндіи — глаза къ вамъ обращаются и руки къ вамъ протягиваются, говоря, какъ нѣкогда египтяне Іосифу: «Благоденствіе наше въ рукахъ вашихъ, воззрите на насъ, чтобы мы не погибали ни отъ домашнихъ несправедливостей, ни въ языческой неволѣ. Вы отцы наши и опекуны, а мы сироты и дѣти ваши. Вы какъ матери и кормилицы наши: если насъ по-

* Отъ Матѳ. 9.
** Псаломъ 103.

кинете и недостаточно о насъ радѣть будете, мы погибнемъ, и сами вы погибнете. Вы разумъ нашъ и головы наши; мы, какъ дѣти, отдаемся на ваше попеченіе, и Господь Богъ повелѣлъ вамъ опекать насъ. Вы подобны горамъ, изъ которыхъ бьютъ рѣки и ключи, а мы, какъ поля, которыя этими рѣками орошаются и охлаждаются». «Горы, — говоритъ псалмопѣвецъ, — да восприимутъ миръ и холмы да въ правду облекутся» *. Господь вознесъ васъ на высокія должности не ради васъ, чтобы вы заботились о своемъ благѣ, но для народа, который Господь вамъ ввѣрилъ, чтобы вы намъ миръ и правду, воспринимаемые вами отъ Господа, даровали».

. . . Смотрите на примѣры святыхъ, какъ въ любви къ народу своему они были ревностны . . .

. . . Но и язычниковъ да устыдимся, которые учили и писали такъ: «Республика называется большимъ городомъ, за нее мы должны умереть и всецѣло ей отдаться, въ ней полагать всѣ наши радости и для нея пожертвовать ими» . . .

. . . О, достойные мужи! О, земные боги! Да будутъ у васъ великодушныя и всеобъемлющія сердца на благо братьямъ вашимъ и народамъ вашимъ и всѣмъ людямъ, которыхъ королевство со своими владѣньями включаетъ въ себѣ. Не подавляйте и не держите любви въ домахъ вашихъ, на единоличную пользу свою, не замыкайте ея въ кладовыхъ и сокровищницахъ вашихъ, пусть на весь народъ съ васъ — высокихъ горъ — льется она, какъ рѣка на ровныя поля .

VII.

О законахъ несправедливыхъ.

> Горе тѣмъ, которые постановляютъ несправедливые законы и пишутъ жестокія рѣшенія, чтобы устранить бѣдныхъ отъ правосудія и похитить права у малосильныхъ изъ народа моего.
>
> *Исайя, 10.*

Есть еще болѣзнь у королевствъ, отъ которой они умираютъ и гибнутъ, и Господь ихъ истребляетъ: это неправильные и не-

* Псаломъ 71.

справедливые законы и статуты; утѣсняемые ими люди, въ особенности, бѣдные, ибо знатнымъ и богатымъ законъ рѣдко вредитъ — вопіютъ къ Богу о возмездіи. Противъ нихъ предостерегаетъ пророкъ, говоря: «Горе тѣмъ, которые законы неправедные и несправедливые вводятъ и пишутъ». Объ этомъ съ Божьей помощью поговоримъ и докажемъ, какъ справедливые законы и статуты необходимы и полезны каждому королевству и какъ несправедливые вредны.

Законъ есть наука жизни и руководство для дѣлъ людскихъ, по его пути направляютъ люди свои поступки — какъ говоритъ мудрецъ: «Приказаніе — свѣча и законъ — свѣтъ, а пути живота — лучи наказуемости». Два начала заключаетъ въ себѣ всякій законъ: путь, какимъ слѣдуетъ идти, какъ свѣча во тьмѣ, онъ указываетъ, и наказаніемъ, чтобы не уклоняться съ пути, угрожаетъ.

Есть главный законъ, который Господь Богъ начерталъ перстомъ Своимъ въ сердцахъ нашихъ, съ которымъ каждое разумное существо рождается и который называется врожденнымъ. О немъ говоритъ апостолъ: «Народы, у которыхъ нѣтъ законовъ (письменныхъ, какіе были у евреевъ), по природѣ дѣлаютъ то, что законно и, не имѣя закона — сами себѣ суть законъ. И подаютъ примѣръ законныхъ поступковъ, начертанныхъ въ сердцахъ ихъ, когда совѣсть даетъ имъ указаніе, и мысли обвиняютъ и защищаютъ». Въ законѣ сказано: не прелюбодѣйствуй, не убивай, не укради, чти отца твоего и мать твою — это всѣ народы, не имѣющіе письменныхъ законовъ, выполняютъ, если же нарушаютъ — сама совѣсть ихъ возстаетъ противъ нихъ, и сами они себя казнятъ въ мысляхъ.

... Вначалѣ, когда у людей острѣе былъ разумъ и благочестье больше, законъ былъ ненадобенъ. Сами короли и властелины были закономъ для своихъ подданныхъ, и что они приказывали, то должно было исполняться и считаться закономъ...

... Но гораздо правильнѣе, чтобы короли руководились законами и ими направляли свою власть для болѣе совершеннаго управленія и искорененія людской склонности ко злу. Ибо властелины не всегда бываютъ добродѣтельны и скоро развращаются и впадаютъ въ гордость, роскошества и несправедливости. Легче отыскать двухъ-трехъ мудрецовъ и святыхъ, которые могли бы на-

писать хорошіе законы для управленія людьми, нежели найти королей и должностныхъ лицъ, которые были бы мудрыми и добрыми и не нарушали бы справедливости.

У закона нѣтъ страстей и увлеченій, и его нельзя совратить. Онъ не потворствуетъ близкимъ, въ немъ нѣтъ гнѣва, ни запальчивости, онъ не нуждается въ приношеніяхъ, его нельзя склонить ко злу или обмануть — всѣмъ этимъ не могутъ обладать люди. Они легко могутъ чѣмъ-нибудь обольститься и, находясь у власти, совершить ошибки, если ихъ власть письменными законами не ограничена. У Моисея и для королей и для судей есть письменные законы, чтобы короли и судьи назначались и согласно написаннымъ постановленіямъ управляли и судили...

...Если законъ одной партіи или одному сословію служитъ, а другому вредитъ и его разрушаетъ, онъ недостоинъ называться закономъ, ибо общія и на пользу всѣхъ гражданъ должны существовать установленія. Какъ голова ничего одной рукѣ не приказываетъ, что другой могло бы причинить вредъ, а лишь то, что полезно обѣимъ, по словамъ апостола: «Каждый членъ въ тѣлѣ о другомъ членѣ заботится, и что терпитъ одинъ, то всѣ съ нимъ терпятъ» * — такъ и Рѣчь Посполитая, составляющая одно тѣло, не должна ничего дѣлать для одного сословія, что вредило бы другому, ибо такимъ образомъ все тѣло внутренно стало бы разрушаться...

...Дурной законъ хуже самаго жестокаго тирана, ибо тирана можно свергнуть или убѣдить, или онъ можетъ умереть, и тиранніи его придетъ конецъ, дурной же законъ существуетъ всегда, всегда убиваетъ и приноситъ вредъ и душѣ, и тѣлу, какъ левъ и неразумное животное, которое нельзя убѣдить, а лишь убить и уморить...

Перев. ***Е. Нечуя.***

Я. Кохановскій.

„Трэны“.

Твердо увѣренъ — ошибки не будетъ!
Кратокъ иль дологъ земной нашъ уютъ,

* Посланіе къ коринѳ. 12.

Цѣлъ ли корабль мой усталый прибудетъ,
Жалкія ль доски его приплывутъ —
Буду, однако, у брега,
Тамъ, гдѣ послѣдняя нѣга,
Смерть устремленью, и сонъ зачарованный
И господамъ, и рабамъ уготованный.

Кто жъ такъ безуменъ изъ странниковъ свѣта,
Чтобъ не желать пронестись по пути,
Съ легкостью яркаго, вѣрнаго лѣта,
Штормъ, непогоду, бѣду обойти?!
Всѣмъ такъ желанна
Греза, — обманна —
Сердце не учитъ дорогѣ, безвольное:
Слезы его сторожатъ, безглагольныя!

Море коварно — прославленныхъ скалъ
Много укрыто подъ дремлющей влагой, —
Здѣсь, — златовѣнчанъ! — почетъ возсѣдалъ,
Тамъ — легкокрылая слава съ отвагой,
Гдѣ-то злосчастная скупость!
Копитъ безъ устали тупо...
Страсть, наслажденья, краса расточительная,
Рядомъ нужда, покаянье мучительное.

Тамъ же и кривда, и зависть проклятая
— Нищая съ нея добродѣтель — свята, —
Скалы встаютъ намъ навстрѣчу, заклятыя,
Минули эту, киваетъ намъ та.
Мудрый, томишься ты! трудно
Цѣли достигнуть столь чудной,
И не погибнуть, блуждая безъ устали, —
Дѣтское все упованье — не пусто ли?

Развѣ Господь возжелаетъ направить,
Истинный Вождь и немеркнущій Разумъ!
Милостивъ будь! Укроти къ своей славѣ
Тяжкую бурю — спасительнымъ глазомъ

Гавани дальней огни
Къ безднѣ валовъ наклони,
Да, осѣненные благостнымъ взоромъ,
Тихо уснемъ за коварнымъ просторомъ!

Переводъ ***Бориса Гуревича.***

Я. Кохановскій.

Къ бездѣлушкамъ.

Милы бездѣлушки, нѣжныя, безцѣнны!
Въ васъ влагаю тайны грезы неизмѣнной,
Ласково ль со мною рѣчь ведетъ фортуна
Или рѣчь сурова — шлю вамъ сердца струны!

Если бы нашелся духъ трудолюбивый,
Что искалъ въ васъ мысли, тайны и порывы,
Вы ему скажите — пусть онъ трудъ оставитъ,
Лабиринтъ опасенъ — кто его направитъ?

Нѣтъ ни Аріадны, ни клубковъ и нитей,
Чтобъ уйти изъ круга — лучше не входите!

Перевелъ ***Б. Г.***

Польская литература XIX в.

Польская литература XIX вѣка — это одна изъ міровыхъ литературъ. До этого времени она бодро шагала впередъ, стараясь не отстать отъ современности,—и все-таки переживала въ XVII вѣкѣ періодъ упадка, — но во всякомъ случаѣ она удовлетворяла лишь насущныя нужды своего народа. XIX вѣкъ — это уже періодъ пышнаго расцвѣта. Политическая трагедія народа наложила свою печать и на судьбы литературы. Забытіе,

въ которое погрузился лишенный самостоятельной государственной жизни народъ, вызвало въ свою очередь и пренебрежительное со стороны Европы отношеніе къ польской культурной и литературной жизни. А между тѣмъ она способна была внести въ культурное сознаніе Европы много, и очень много, новаго и свѣжаго. Конечно, въ этомъ утвержденіи заключается и другое: польской литературы нельзя ставить въ рядъ съ тѣми, которыя являются лишь первыми проблесками культурнаго самосознанія, которыя погружены еще цѣликомъ въ бытѣ, въ этнографіи, которыя предъявляютъ пока еще только свои права на культуру, но не плоды культуры. Польскую литературу слѣдуетъ разсматривать какъ отдѣльную, самодовлѣющую индивидуальность, внѣ всякой культурной зависимости. Политическая подчиненность Польши не отозвалась вовсе на литературѣ, въ смыслѣ ея подчиненія вліяніямъ русскимъ или германскимъ. Польская литература едина такъ же, какъ едина создавшая ее Польша. Границы раздѣловъ не создали духовныхъ и культурныхъ границъ: не выражали ни провинціализма ни тѣмъ болѣе какого бы то ни было сепаратизма. Напротивъ того, въ борьбѣ, въ яркомъ протестѣ противъ политическаго подчиненія и раздѣловъ окрѣпла литература, и изъ этой борьбы извлекла она самые высокіе, самые крѣпкіе мотивы своей поэзіи.

Это должно быть указано и подчеркнуто съ особой силой, въ виду того обнаружившагося нынѣ стремленія, — представителемъ его является проф. Погодинъ, — которое желаетъ выставить польскую культуру въ видѣ какого-то лишь развѣтвленія, вырастающаго изъ общаго отечественнаго пня. Подобнаго рода утвержденіе абсурдно по отношенію къ польской культурѣ, являющейся, вѣдь, культурой всей Польши, а не только ея части, подчиненной въ теченіе 80 лѣтъ русской государственности — и не согласно съ дѣйствительностью. Даже о вліяніяхъ русской культуры на польскую говорить не приходится: ихъ не было. Если ужъ говорить о вліяніяхъ, такъ лишь о вліяніи латинскаго запада. Существовали лишь личныя отношенія между польскими и русскими писателями, напр., между Мицкевичемъ и Пушкинымъ, между современнымъ намъ Вацлавомъ Сѣрошевскимъ и нѣкоторыми людьми изъ круга русскихъ писателей. Во избѣжаніе недоразумѣній это должно быть подчеркнуто.

Временемъ самаго пышнаго расцвѣта польской литературы

является періодъ романтизма. Лишь въ самомъ своемъ началѣ польскій романтизмъ шелъ по слѣдамъ западно-европейскаго, воспринимая его теоретическія построенія, его стремленія. Въ самомъ уже понятіи романтизма заключается отказъ отъ подражательности, и потому молодой польскій романтизмъ сразу ушелъ въ поиски національнаго, народнаго, бытового, легендарнаго. Онъ сталъ обосновывать свою философію, создавать свои особыя литературныя формы, поднимать свои, пока исключительно литературныя, бури. Катастрофа, постигшая польскій народъ: неудача возстанія 1830 года, подготовленнаго молодежью, между которой романтическіе писатели играли видную роль, измѣнила въ корнѣ дальнѣйшее развитіе польскаго романтизма. Онъ лишился своего лазурно-яснаго облика, отъ отвлеченныхъ размышленій о гармоніи міросозданія перешелъ къ больнымъ проблемамъ національной трагедіи, предначертаній и будущности несчастнаго народа, повлекся туманомъ тихой меланхоліи и тоски по утраченной родинѣ. Пышный цвѣтъ польской романтической поэзіи выросъ на почвѣ, упитанной кровью сердечной. Отношеніе поэта къ національнымъ идеаламъ, глубина вѣры въ нихъ, способность возносить ихъ въ недосягаемыя высоты — вотъ условія, въ которыхъ творчество даннаго поэта можетъ быть воспринято средой читателей. Если этихъ условій нѣтъ, или они уступаютъ на второй планъ передъ красотой, личной лирикой, чистымъ искусствомъ — это удаляетъ поэта отъ читателя, передаетъ его, непонятнаго и чуждаго, на судъ послѣдующихъ поколѣній, которыя впослѣдствіи только, во второмъ, иногда въ третьемъ поколѣніи воздаютъ ему должное.

Три имени, какъ три звѣзды, являются гордостью и украшеніемъ польскаго романтизма: Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго. Они — наиболѣе видные представители и наиболѣе яркіе выразители стремленій всего поколѣнія.

Адамъ Мицкевичъ (1798—1835) по своему значенію, по силѣ своего таланта выдвинулся на первое мѣсто. Было бы безполезнымъ пытаться установлять какую-нибудь градацію поэтовъ, назначать имъ первыя или вторыя мѣста по таланту. Это — дѣло индивидуальнаго вкуса, и можетъ быть современное польское поколѣніе предпочтетъ талантъ Словацкаго таланту Мицкевича.

Историкъ литературы можетъ, однако, установить съ несомнѣнностью одно: Мицкевичъ — общепризнанный духовный вождь своего народа, владѣющій его сердцами и душами въ теченіе десятилѣтій, сохранившій обаяніе своего имени и понынѣ, когда отцвѣла и поблекла уже въ значительной части его поэзія. Своимъ положеніемъ онъ обязанъ не только своей поэзіи. Вѣдь не надо забывать, что періодъ его поэтическаго творчества былъ исключительно короткимъ: онъ продолжался всего 15 лѣтъ, и послѣ этого времени замолкъ Мицкевичъ-поэтъ. Но продолжалъ жить вдохновенный профессоръ по каѳедрѣ славянства въ Collège de France, на импровизаціи котораго стекались лучшіе люди Парижа, — продолжалъ жить апостолъ своего народа, его духовный вождь: явленіе, подобныхъ коему искать слѣдуетъ развѣ въ пророкахъ Ветхаго Завѣта.

Мицкевичъ былъ искателемъ правды въ большей степени, чѣмъ артистомъ. Онъ искалъ „власти надъ душами“ и искалъ ея потому, что хотѣлъ дѣйствовать. „По-гречески *ποιησις* значитъ дѣятельность“ сказалъ онъ когда-то. Это объясняетъ намъ тотъ повидимому, фактъ, что знаменитый поэтъ, обладающій великой силой таланта, въ своей послѣдней поэмѣ „Панъ Тадеушъ“, вышедшій, казалось бы, на ровную и гладкую дорогу спокойнаго, уравновѣшеннаго эпоса, дорогу, на которой ему можно было развиться и стать однимъ изъ столповъ литературы, обогащая ее до самой смерти новыми произведеніями, вдругъ оставляетъ эту дорогу, мечется, страдаетъ, ищетъ кругомъ себя лихорадочно чего-то, чему въ искусствѣ и поэзіи не найти своего выраженія, дабы, наконецъ, найти свою „правду“ и предаться ей цѣликомъ. Это доказываетъ, что стремленіе, которое съ извѣстной натяжкой можно назвать принятымъ въ русской рѣчи терминомъ „богоискательство“, преобладало въ немъ надъ стремленіемъ къ творчеству. Мицкевичъ, какъ талантъ, особенно силенъ тамъ, гдѣ онъ не задается цѣлью искать своей правды, гдѣ онъ — просто повѣствователь о томъ, что дорого его сердцу и памяти, гдѣ онъ созерцаетъ и описываетъ. Поэтъ-реалистъ и пластикъ, съ наклонностью къ уравновѣшенному, спокойному классицизму (не въ смыслѣ псевдо-классицизма, конечно) живетъ въ душѣ Мицкевича на ряду съ богоискателемъ, пламеннымъ пророкомъ, которому Богъ въ грудь отверстую угль пылающій водвинулъ, съ духовид-

цемъ-мистикомъ — и оба они не уживаются съ собой и одинъ долженъ непремѣнно взять верхъ надъ другимъ, побороть его, дабы имѣть возможность существовать. Это, какъ мы увидимъ, отзывается и на тѣхъ произведеніяхъ Мицкевича, въ которыхъ элементы мистицизма и духовидства берутъ верхъ надъ всѣми прочими.

Въ сущности, все то, что является продуктомъ творчества Мицкевича въ его молодости, въ чемъ современники его находили особенно яркое проявленіе новаго романтическаго направленія — нынѣ уже утратило свое значеніе, а съ исторической точки зрѣнія имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе начинаній на новой, непроторенной еще дорогѣ. Только такое значеніе можно признать за „Балладами и романсами", первымъ томикомъ молодого только что кончившаго курсъ виленскаго университета поэта. Это наивное подчасъ творчество устарѣло для польской публики такъ же, какъ для русской устарѣлъ, напр., Жуковскій.

Мицкевичъ — къ чести его будь сказано — никогда уже не возвращался къ этому этапу своего творчества, предоставивъ его всецѣло своимъ подражателямъ. И однако въ этихъ наивныхъ балладахъ, какъ равно въ относящейся къ тому же періоду „Одѣ къ молодости" и „Пѣснѣ Филаретовъ" заключается своеобразный, новый духовный міръ молодого поэта. Неправильно полагаютъ, что Мицкевичъ „впалъ въ мистицизмъ", изживши якобы свой талантъ. Мистикомъ, быть можетъ, и безсознательнымъ, онъ былъ съ самаго начала своего творчества. Ему присуща вѣра во всемогущую силу духа, возвышающуюся надъ міромъ матеріи. Когда онъ призываетъ молодежь „мѣрить силы своими вожделѣніями, а не соразмѣривать свои задачи съ силами", то это не размашистость молодой натуры, а глубокое убѣжденіе во всемогуществѣ человѣческаго духа. Основной мотивъ всѣхъ балладъ — это соприкосновеніе міра живыхъ съ тайной смерти. И вѣра въ то, что сила любви, сила духа побѣждаетъ смерть, срываетъ покровъ тайны и сближаетъ людей съ міромъ умершимъ — вотъ что проходитъ красной нитью черезъ весь циклъ балладъ. Пока эта вѣра высказывается отъ лица народа: баллады — это, вѣдь, вѣрованія народа, которымъ авторъ даетъ лишь поэтическую форму. Но симпатіи поэта на сторонѣ этой вѣры. Она влечетъ его, она сулитъ ему открыть какіе-то невѣдомые еще міры, влекущіе его

воображеніе, симпатичные ему, но ключъ къ потайной двери, открывающей доступъ, еще не найденъ.

Въ моментъ двойственности и духовной незрѣлости созданы фрагменты драматической поэмы „Dziady“ (Поминки), изъ которой Мицкевичъ опубликовалъ II и IV часть. Вторая часть — продолженіе балладъ. Народъ собирается на древній, отъ языческихъ временъ исходящій обрядъ „поминокъ“, въ пустую часовню, въ ночь, когда души умершихъ приходятъ къ живымъ за помощью. Ставится ѣда, читаются молитвы. Этотъ образъ окрашенъ своеобразной житейской мудростью: страдаютъ на томъ свѣтѣ тѣ, кто не страдалъ на землѣ. Страдаютъ и тѣ, которые чуждались жизни, какъ, напр., дѣвушка, игравшая съ любовью, сама не полюбивъ никогда. Страдаетъ всякъ, кто въ жизни не былъ „человѣкомъ“.

Въ IV части является еще одинъ страдающій покойникъ: мечтатель Густавъ, переживающій въ эту ночь въ воспоминаніи всю муку любви своей, сведшей его въ могилу. Исповѣдь Густава носитъ автобіографическій характеръ. И въ этомъ лиризмѣ авторской души собственно вся суть поэмы, весь же народный элементъ лишь пустая декорація, которой лишь впослѣдствіи, въ такъ назыв. I части — флагментахъ, найденныхъ послѣ смерти поэта, — Мицкевичъ пытался придать болѣе глубокій мистическій смыслъ.

Для современнаго читателя обстановка этой исповѣди черезчуръ можетъ быть театральна. Но зато исповѣдь беретъ непосредственностью и силой чувства, которыхъ не было до сихъ поръ въ польской литературѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, „Треновъ“ Кохановскаго.

Съ общимъ замысломъ поэмы эта исповѣдь не вяжется, однако, въ общій синтезъ. Заявленіе Густава, что онъ долженъ вставать изъ гроба и переживать вновь свои страданія, такъ какъ, полюбивъ, онъ уже заживо былъ въ раю и потому послѣ смерти не можетъ попасть сразу на небо — правда — очень галантно, однако, далеко отъ исчерпывающаго выраженія той нарождающейся у молодого поэта мысли о высшей гармоніи всего духовнаго, о высшемъ порядкѣ и значеніи въ немъ личнаго и національнаго страданія, которой суждено было вылиться потомъ въ форму „мессіанизма“.

„Dziady“ — самое выдающееся, наиболѣе полное выраженіе личныхъ чувствъ Мицкевича. Повидимому, у него не было ни наклонности, ни даже влеченія къ высказыванію въ поэзіи міра своихъ личныхъ переживаній. Онъ — натура скрытная, глубоко таящая въ себѣ свои скорби и радости. Въ его корреспонденціи почти нѣтъ намековъ на ту потрясшую его душу, больную драму его любви, которая, однако, сыграла въ его личной жизни столь важную роль. Онъ даже проситъ своихъ друзей въ письмахъ не упоминать никогда объ этомъ больномъ для него вопросѣ. Тѣмъ менѣе склоненъ онъ щеголять передъ публикой со своими переживаніями личнаго характера. Немногочисленныя лирическія стихотворенія, касающіяся его внутренней жизни — это какъ бы прорывъ чувствъ, въ которомъ чувствуется глубокая скорбь; онъ кажется себѣ изжитымъ, плывущимъ въ невѣдомую будущность безъ руля и веселъ, — но причины этого утаены старательно. Эта скрытность прямой, не любящей рисоваться души явилась причиной того, что Мицкевичъ избираетъ холодную, изысканную форму сонета, скрываетъ личное подъ покровомъ стилизованной формы „Эротическихъ сонетовъ“, передѣлокъ изъ Петрарки; что онъ, наконецъ, даетъ описанія природы въ „Крымскихъ сонетахъ“, какъ бы ища себѣ выхода изъ личнаго міра — и не находя его. Чистое искусство, отрѣшеніе отъ внутреннихъ душевныхъ бурь — это у него лишь фазисъ кажущагося внутренняго спокойствія, затишье передъ новой бурей.

Въ этомъ фазисѣ онъ находится въ періодъ пребыванія въ Россіи: Мицкевичъ, какъ извѣстно, за участіе въ студенческой организаціи былъ арестованъ и затѣмъ подвергнутъ высылкѣ въ Имперію, не особенно тяжелой, такъ какъ жилъ поочередно въ Одессѣ, Москвѣ и Петроградѣ, состоя на службѣ. Но во внѣшнемъ отношеніи легкая высылка эта не переставала быть тяжелой для него въ виду удаленія отъ родины. Его настроеніе становилось все болѣе мрачнымъ.

Въ такомъ настроеніи онъ написалъ извѣстную поэму „Конрадъ Валленродъ“. Напрасно въ личности ея героя, литовскаго героя, ставшаго рыцаремъ вражескаго стана — Ордена Крестоносцевъ для того, чтобы пользуясь своимъ значеніемъ, окончательно погубить враговъ — искать какой либо скрытной мысли, какого-то подцензурнаго выраженія ненависти къ поработителямъ

его родины. Во первыхъ — свой взглядъ на Россію, свое отношеніе къ ней Мицкевичъ съ достаточной полностью высказалъ въ циклѣ, мало русской публикѣ извѣстномъ, относящемся къ ряду „нецензурныхъ“ его произведеній. Во-вторыхъ, Мицкевичъ вообще охотно черпалъ сюжеты изъ далекихъ вѣковъ прошлаго Литвы. Еще въ первые годы своего творчества онъ написалъ поэму „Гражина“, сюжетъ которой имъ взятъ тоже изъ исторіи Литвы. „Валленродъ“ — личность историческая; относительно его происхожденія и его роли въ Орденѣ, который въ его время понесъ пораженіе, далеко, впрочемъ, не рѣшительное, существуютъ лишь гипотезы и догадки. Но все-таки Мицкевичъ могъ взять Валленрода цѣликомъ изъ существующихъ источниковъ.

Въ эпоху всеобщаго увлеченія Байрономъ, котораго и Мицкевичъ цѣнилъ очень высоко, не удивительна личность героя, живущаго тайнымъ, невѣдомымъ людямъ міромъ своихъ собственныхъ мрачныхъ мыслей. Отъ многихъ байроновскихъ героевъ Валленродъ отличается тѣмъ, что въ то время, какъ тѣ мѣрятъ человѣчество по довольно загадочнымъ и мало обоснованнымъ причинамъ, месть Валленрода вполнѣ объяснима и ясна.

У „Конрада Валленрода“ всѣ достоинства и всѣ недостатки романтической поэмы. Она ярка въ своемъ замыслѣ, драматична, увлекательна, захватываетъ воображеніе читателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она мало исторична, не считается вовсе съ духомъ эпохи: ея персонажи по своему духовному складу, по чувствамъ — люди современные, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ сантиментализма, отъ котораго Мицкевичъ не могъ отрѣшиться. Къ петроградскому періоду относится еще краткая поэма „Фарисъ“ — неудержимый пламенный порывъ къ свободѣ, въ оріентальной, излюбленной романтиками формѣ.

Вотъ итогъ исключительно литературнаго періода творчества Мицкевича, періода создавшаго ему въ Польшѣ громкую славу и извѣстность. Если остановиться на немъ, то легко замѣтить, что слава Мицкевича основывалась, главнымъ образомъ, на томъ, что онъ былъ первымъ по времени крупнымъ поэтомъ романтическаго направленія, и его произведенія появлялись въ особенно благопріятной атмосферѣ, создавшей ему скоро славу и энтузіастическихъ поклонниковъ. Появись въ то же время Словацкій и Красинскій, вмѣсто второстепенныхъ талантовъ Богдана Залѣскаго и

Северина Гощинскаго, быть можетъ, вѣнецъ славы Мицкевича былъ бы не столь пышнымъ и не столь громкимъ его имя. Неувядаемой славой и все растущимъ вліяніемъ Мицкевичъ несомнѣнно обязанъ слѣдующему періоду, въ которомъ онъ перешагнулъ уже за предѣлы искусства.

Выѣхавъ въ 1829 г. изъ Россіи въ Италію, Мицкевичъ остался затѣмъ, по невыясненнымъ причинамъ, раздѣлять судьбу эмиграціи послѣ паденія возстанія 1830 года. Уже въ Италіи въ немъ произошелъ рѣзкій духовный поворотъ по отношенію къ религіозности. Судьба отечества глубоко тронула Мицкевича. Существовавшій въ его душѣ съ раннихъ лѣтъ мистицизмъ, заглохнувшій до нѣкоторой степени въ московско-петроградскій періодъ, усугубленный способностью къ необычайнымъ подъемамъ духа, выражавшимся въ дарѣ импровизаціи, на почвѣ патріотизма создалъ своеобразное настроеніе, которое Мицкевичъ выразилъ въ драматическомъ фрагментѣ, названномъ имъ „Dziady Część III“. Это заглавіе, невяжущееся съ содержаніемъ, указываетъ на намѣреніе поэта связать воедино переживанія своей молодости, выраженныя въ этой поэмѣ, съ новыми.

Онъ отошелъ цѣликомъ отъ личной жизни. Слава, любовь, свѣтская жизнь — все это было въ прошломъ. все это осталось позади. Мицкевичъ нашелъ свою дорогу, своего Бога, свою правду именно въ тотъ моментъ, когда его отечество было постигнуто несчастіемъ, подвержено катастрофѣ и неизбѣжному паденію, — и все это было результатомъ стремленія къ свободѣ, свято, раболѣпно имъ чтимой. Создавалось вопіющее противорѣчіе между дѣйствительностью и понятіемъ о высшей божеской справедливости. И вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра Мицкевича была отрѣшеніемъ отъ себя, отъ своего ума и помысловъ, была вѣрой покорной, полной преданности. Прямымъ выводомъ отсюда должна бы быть полная покорность судьбѣ, преклоненіе передъ волей Бога. Но это со своей стороны разрушало и подрывало въ корнѣ вѣру: нельзя же вѣрить въ божество, создающее зло.

Вся эта буря мыслей и чувствъ нашла себѣ прекрасное, весьма сильное выраженіе въ названной поэмѣ. Сюжетъ ея — не столь недавнія событія возстанія, какъ, вѣроятно, ожидали отъ своего излюбленнаго поэта его современники. Онъ скромнѣе. Мицкевичъ возвратился къ воспоминаніямъ своего собственнаго и това-

рищей тюремнаго заключенія, къ воспоминаніямъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергъ Литву Новосильцевъ. Создается, такимъ образомъ, общая картина мартирологіи, мученій всего народа. Между узниками находится и самъ поэтъ — подъ именемъ Конрада. Ночью открываются камеры: узники собираются вмѣстѣ. Одинъ за другимъ идутъ разсказы о пережитыхъ или видѣнныхъ страданіяхъ. Мы забываемъ, что это, въ сущности, одинъ лишь — и не одинъ изъ самыхъ яркихъ — эпизодъ пережитыхъ Польшей страданій. Передъ глазами возстаетъ картина, полная ужаса, и узники въ изступленіи подхватываютъ дикую пѣснь мести, которую поетъ поэтъ Конрадъ. Въ этотъ моментъ стражъ стучится въ двери тюрьмы; всѣ разбѣгаются, оставляя одного Конрада.

Тутъ начинается кульминаціонный пунктъ всей поэмы, наиболѣе сильное выраженіе вдохновенія Мицкевича — извѣстная импровизація Конрада. Передаютъ, что Мицкевичъ писалъ ее въ состояніи высшаго экстаза — и что его нашли поутру лежащимъ на полу, не умѣющимъ дать себѣ отчета въ томъ, что произошло съ нимъ. Въ сценѣ импровизаціи мы находимъ наиболѣе полное выраженіе той внутренней борьбы, которую пережилъ Мицкевичъ. Ее невозможно передать словами. Это могучій, гигантскій порывъ души къ Богу, души, вѣрующей, какъ вѣрилъ Мицкевичъ, въ нравственную высоту духовнаго міра, во всемогущество духа. Конрадъ — творецъ, какъ и Богъ — творецъ міра. Онъ возносится къ Богу, стремится проникнуть Его могущество, требуетъ, дабы Богъ удѣлилъ ему Своей власти, дабы Конрадъ могъ создать великое дѣло — счастье своего народа. Онъ, Конрадъ, проникнутъ любовью къ народу, онъ принялъ въ свое сердце всѣ его страданія. Его имя — Милліонъ, ибо страдаетъ онъ за милліоны. Но Богъ не отвѣчаетъ Конраду, напрасенъ его пламенный порывъ, подобный бунту ангела. Въ душѣ Конрада рождаются сомнѣнія: неужели лишь въ его человѣческомъ сердцѣ пламенѣетъ огонь чувства, развѣ нѣтъ его въ небесахъ? Неужели Богъ — лишь предвѣчный разумъ, но нѣтъ въ Немъ любви. Еще одинъ зовъ, еще одна просьба — и изъ устъ Конрада вырывается окрикъ: Богъ — деспотъ міра! — и при этихъ словахъ онъ падаетъ въ изнеможеніи.

Тогда надъ нимъ появляется скромный, смиренный монахъ, Петръ. Молитвою, покорной просьбой спасаетъ онъ Конрада.

И ему, смиренному открывается то, что закрыто было глазамъ Конрада. Петръ въ видѣніи созерцаетъ Польшу, ему дано видѣть смыслъ ея страданій, передъ нимъ на одно мгновеніе открывается завѣса будущаго. Польша — Христосъ народовъ. Ее влекутъ на казнь, ее распинаютъ на крестѣ. Характерно — въ этомъ образѣ распятія, гдѣ свобода — мать, государства, совершившія раздѣлъ — солдаты, заключено пророчество: „żołdak Moskal“, тотъ, который ударяетъ копіемъ въ сердце мученика, — онъ одинъ исправится и Богъ проститъ ему.

Изъ всеобщаго разгрома, изъ среды дѣтей, гонимыхъ въ Сибирь, уходитъ одно дитя: оно возрастетъ, оно — воскреситель. Въ послѣднемъ образѣ „Видѣнія“ — мы уже видимъ въ непонятномъ представленіи (никогда Мицкевичъ не умѣлъ объяснить этого пророчества) „мужа“ въ небесѣхъ: „какъ три солнца блестятъ трое его глазъ“, онъ слѣпъ, но ведетъ его дитя. У него „три лица, три чела“, надъ его головой „книга“, закрывающая лицо. Подножіе его — три столицы. „На трехъ стоитъ коронахъ, а самъ безъ короны... отъ чужой матери, родъ его — древніе герои, а имя — сорокъ четыре!“

Вотъ тотъ неясный образъ, коимъ заключаетъ Мицкевичъ то, что, въ сущности, было его собственнымъ „видѣніемъ“. Слѣдующія сцены поэмы — потрясаютъ своимъ драматизмомъ, ужасны: это Новосильцевъ и его среда, балъ, во время котораго врывается слѣпая мать узника, бросившагося изъ окна тюрьмы на мостовую, балъ, прерванный бурей, во время которой громъ убиваетъ „доктора“, одного изъ клевретовъ Новосильцева *. Въ этой средѣ появляется на моментъ кс. Петръ, пророчествуя смерть „доктору“ — и въ заключительной сценѣ, при мимолетной встрѣчѣ съ Конрадомъ, высказываетъ пророческія слова, которыя сбылись потомъ въ жизни Мицкевича:

„Ты поѣдешь въ путь дальній, незнакомый. Будешь вращаться среди богатыхъ и разумныхъ. Ищи того, кто знаетъ

* Случай, имѣвшій дѣйствительно мѣсто съ докторомъ Бэкю (Becu), отчимомъ Юл. Словацкаго; здѣсь источникъ того антагонизма, который всегда раздѣлялъ Мицкевича и Словацкаго, считавшаго, что его любимая мать опозорена Мицкевичемъ, кстати, въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ представившимъ д-ра Бэкю.

больше, чѣмъ они. Узнаешь его, ибо первый онъ тебя поздравитъ во имя Божіе. Слушай, что скажетъ онъ тебѣ".

Вотъ она — та странная, ни на что не похожая поэма. Если „Панъ Тадеушъ" — польская Одиссея, то „Dziady" — книга Откровенія. Впервые въ ней зарождается мысль мессіанизма.

Мессіанизмъ — это вѣра въ свой народъ, въ присущую ему идею, которую онъ избранъ свыше выполнить. Польскій мессіанизмъ не обособленное явленіе. Аналогичныя идеи мы встрѣчаемъ и у русскихъ славянофиловъ; находимъ его и въ нѣмецкой философіи Гегеля. Его зародыши замѣтны уже и у Гердера, оказавшаго на развитіе романтизма большое вліяніе. Мессіанизмъ, слѣдовательно, существовалъ уже въ зародышѣ у романтиковъ. Впервые появляется онъ подъ этимъ названіемъ у Гене-Вронскаго. Несчастія польскаго народа были только толчкомъ къ его развитію.

Польскій мессіанизмъ тѣмъ отличенъ отъ другихъ теченій, что въ немъ нѣтъ ни слѣда узкаго націонализма и человѣконенавистничества. У Мицкевича онъ пріобрѣтаетъ особую мистическую окраску, которая повліяла на дальнѣйшее развитіе этой идеи.

Смыслъ страданій народа, смыслъ существованія зла вообще открывается смиренному монаху Петру, а не пламенному Конраду, гордо вѣрующему въ силу своего духа, своего творческаго генія. Смыслъ этотъ, впрочемъ, пока загадоченъ. Польскій народъ подобенъ Христу, распятому на крестѣ, — но, вѣдь, это лишь аналогія, а не раскрытіе тайнъ будущаго. Предсказанное въ „видѣніи" исправленіе русскаго народа — тоже, вѣдь, не является еще смысломъ мученій. Это лишь отраженіе славянскихъ симпатій Мицкевича, провозгласившаго впослѣдствіи, въ своихъ лекціяхъ въ Collège de France, вѣру въ великое будущее всего славянства.

Загадочный „44", возведеніе своего народа на небо — тоже не развязка. Но все это вмѣстѣ взятое повело къ сочетанію земного съ небеснымъ, къ мистицизму на національной почвѣ, — и это движеніе, какъ мы увидимъ далѣе, охватило лучшіе умы поколѣнія.

Пока намъ слѣдуетъ, для уясненія руководящихъ идей Мицкевича, уяснить себѣ его отношеніе къ русскому народу, такъ

какъ это тѣмъ лучше выяснитъ намъ возвышенный, чуждый всякаго шовинизма, полетъ духа Мицкевича. Это тѣмъ болѣе умѣстно, что къ III части „Dziadów“ онъ далъ въ видѣ прибавленія рядъ отрывковъ, объединенныхъ общей мыслью, посвященныхъ Россіи. Въ посланіи, обращенномъ къ „Друзьямъ — русскимъ“ („Do przyjaciół Moskali“) къ друзьямъ, въ числѣ которыхъ упоминаются имена Рылѣева и Бестужева, онъ говоритъ, что, скрывая свои чувства передъ „деспотомъ“, въ отношеніяхъ съ ними онъ сохранилъ „простоту голубя“ и желаетъ, дабы „горечь, почерпнутая изъ крови и слезъ его отечества“, прожгла „не ихъ, а ихъ оковы“. Это лучшій отвѣтъ на извѣстное стихотвореніе Пушкина, заявившаго, что „нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ. О, Боже, ниспошли миръ въ его озлобленную душу!“ Нынѣшнее поколѣніе легче пойметъ, противъ кого „озлоблена“ была душа Мицкевича, и сталъ ли онъ дѣйствительно „врагомъ“.

И понынѣ является невозможнымъ свободное обсужденіе посвященныхъ Россіи стихотвореній Мицкевича. Она представлялась ему загадкой будущаго.

Она:

Бѣлый, пустынный и открытый край, какъ заготовленная для записи страница. Начертитъ ли на ней палецъ Божій правду святой вѣры, что любовь правитъ человѣчествомъ и жертва — трофеи міра? Или же исконный врагъ Бога мечемъ начертитъ свои предсказанія, что въ оковахъ долженъ томиться родъ людской, а трофей человѣчества — кнутъ?

Слова Мицкевича проникнуты пламенной любовью къ свободѣ. Въ одномъ изъ стихотвореній эту любовь высказываетъ Пушкинъ, стоя съ Мицкевичемъ подъ однимъ плащемъ передъ памятникомъ Петра Великаго. Мицкевичъ видѣлъ въ Россіи Николая I лишь отрицательную сторону, лишь то, что противорѣчило его любви, но это вызвало въ немъ лишь чувство состраданія къ народу, который „знаетъ лишь героизмъ неволи“, но его ненависть обрушивалась лишь на тѣхъ, которые ее заслуживали, и въ этомъ отношеніи чувства Мицкевича не расходились съ чувствами его „друзей-москалей“.

Это необходимо уяснить себѣ, дабы правильно понять мессіанизмъ. Польскій народъ, по мнѣнію Мицкевича, идетъ впереди другихъ народовъ, но его миссія — не побѣждать и при-

нижать, а вести за собой по пути къ высшимъ задачамъ человѣчества.

Въ „Книгахъ польскаго пилигримства" („Księgi pielgrzymstwa polskiego") Мицкевичъ формулируетъ задачи эмиграціи. Она призвана совершить великое дѣло, а призвана потому, что среди народовъ Европы, ставившихъ себѣ ложныя цѣли, лишь польскому народу присуща истинная цѣль — свобода. Пока — Мицкевичъ лишь смиренный искатель путей, ведущихъ къ завѣтной цѣли, пилигримъ, пытающійся найти свою дорогу. У него лишь смутное сознаніе необходимости смиренія и молитвы, личнаго душевнаго подвига. Съ той неожиданностью поворота, которая свойственна Мицкевичу, онъ отрывается отъ задачъ, обрисованныхъ имъ въ „Книгахъ пилигримства", дабы въ послѣдній разъ еще дать проблескъ своего таланта, поэму „Панъ Тадеушъ".

Мицкевичъ первоначально не приписывалъ этой поэмѣ большого значенія, а тѣмъ болѣе не предугадывалъ того, чѣмъ она станетъ, какое займетъ мѣсто въ литературѣ. Все растущая тоска по утраченной родинѣ, все бо̀льшая примѣсь личнаго элемента воспоминаній, сдѣлали изъ „повѣсти о литовскомъ шляхтичѣ" безсмертную эпопею. Вся сила ея чаръ въ томъ, что описываетъ она утраченное, умершее, исчезнувшее, то, что лишь осталось воспоминаніемъ далекаго дѣтства.

Не лѣтнія забавы въ литовской усадьбѣ, не мелкіе споры — красота поэмы, а то, что на этомъ сѣромъ фонѣ яркими красками выростаетъ красота родного, далекаго, навѣки утраченнаго. Больное, пропитанное тоскою сердце, кровью своею даетъ особую жизнь образамъ, придаетъ особый оттѣнокъ каждому слову. Отъ надоѣдливаго шума и суматохи парижской жизни уходилъ Мицкевичъ къ своей поэмѣ. Она росла и расцвѣтала пышными красками, но потухала душа Мицкевича. Для его внутренней жизни нужна была вѣра, нужно было сплетеніе воедино религіозности и патріотизма.

Новой жизни, назрѣвающей въ душѣ Мицкевича, тогда уже профессора въ Collège de France, нуженъ былъ толчокъ извнѣ. Человѣкомъ, вліяніе котораго возродило Мицкевича, былъ Андрей Товянскій.

Мы помнимъ прощальныя слова Петра при встрѣчѣ съ Конрадомъ (въ III ч. „Dziadów"). Имъ суждено было стать предска-

заніемъ. Пріѣхавшій изъ глубокой Литвы, Товянскій явился прямо къ Мицкевичу и поздравилъ его „во имя Божіе“. Мицкевичъ былъ пораженъ. Когда же Товянскій явился къ душевнобольной женѣ Мицкевича, нѣсколькими словами исцѣлилъ ее (по крайней мѣрѣ, Мицкевичъ твердо вѣрилъ въ это исцѣленіе), эта атмосфера чудеснаго повліяла на Мицкевича. Онъ нашелъ себя — и въ кружкахъ товіанистовъ сталъ проявлять оживленную дѣятельность.

Идеи Товянскаго, частично записанныя, не даютъ намъ понять того чрезмѣрнаго вліянія, которое оказалъ онъ на эмиграцію. Но слѣдуетъ помнить, что онъ былъ идеальнымъ организаторомъ кружка, всегда исполненнымъ душевнаго подъема, не знающимъ моментовъ сомнѣній, ни упадка духа и, вслѣдствіе этого, постоянно дѣйствовалъ и оказывалъ вліяніе на своихъ слушателей. Члены же его кружка были людьми надломленными, истосковавшимися, въ безплодныхъ спорахъ и раздорахъ, по болѣе возвышенному настроенію, и легко поэтому поддавались вліянію. Мистицизмъ виталъ въ воздухѣ, рядъ подобныхъ кружковъ существовалъ уже въ Парижѣ. Общій смыслъ ученія Товянскаго сводился къ утвержденію, что личнымъ душевнымъ подъемомъ, при помощи „колонны“ духовъ-предшественниковъ, можно воздѣйствовать на судьбы міра. Паства Товянскаго не требовала доказательствъ, не ждала мірового чуда. Ей достаточно было атмосферы душевнаго подъема и общей экзальтаціи.

Въ міровоззрѣніи Товянскаго не было ничего непріемлемаго для Мицкевича. Онъ нашелъ лишь возможность проявленія во внѣ того, что существовало давно въ глубинѣ его души. Ученіе Товянскаго онъ сталъ провозглашать всюду, между прочимъ, и въ своихъ лекціяхъ въ Collége de France. Это было причиной его отставки. Съ тѣхъ поръ Мицкевичъ посвятилъ себя всецѣло общественной дѣятельности. Онъ являлся во главѣ депутаціи къ папѣ, взывая его присоединиться къ борьбѣ за независимость Италіи, пытался даже создать польскій легіонъ для этой цѣли. Писалъ рядъ статей въ „Tribune des Peuples“, высказывая всегда ту же идею необходимости душевнаго подъема для осуществленія своихъ стремленій, идею единства и самопожертвованія. Умеръ отъ холеры въ Константинополѣ, гдѣ развилъ оживленную дѣятельность въ связи съ событіями крымской войны.

Его громадное вліяніе объясняется тѣмъ, что не выходя за предѣлы своей эпохи и окружающей среды, созидая изъ тѣхъ же элементовъ, которые каждый могъ найти въ своей душѣ, онъ обладалъ огромной силой духа и способностью выражать все то, что таилось въ душахъ человѣческихъ. Въ немъ не было ничего недоступнаго пониманію, ничего загадочнаго, ничего отталкивающаго своею странностью или непріемлемостью. Онъ шелъ впереди своего народа, однако, не опережая его. Все это вмѣстѣ взятое обусловливало его чрезвычайную популярность и огромное вліяніе на современниковъ.

Юліумъ Словацкій, хотя всего на 11 лѣтъ моложе Мицкевича, настолько отличенъ отъ него, что можно бы принять его за представителя другого поколѣнія. Въ немъ нѣтъ ни слѣда тѣхъ первыхъ, еще робкихъ начинаній романтизма, этого торопливаго исканія новыхъ дорогъ и въ то же время теоретическихъ оправданій этого искательства, которое замѣчаемъ у Мицкевича и одновременно выступившихъ съ нимъ критиковъ и поэтовъ. Ихъ отправной точкой было исканіе народныхъ, національныхъ элементовъ въ поэзіи — и какъ-то невзначай, какъ будто противъ воли, они набрели на индивидуальный элементъ. У Словацкаго индивидуальность прежде всего бросается въ глаза. Онъ сразу же противопоставляетъ себя „школѣ", сразу находитъ свою дорогу. Не задаваясь вопросами о созиданіи національнаго искусства, не стремясь искать „души народной", онъ цѣнилъ прежде всего личность и личный элементъ въ творчествѣ. Онъ обладалъ силою воображенія и совершенствомъ формы, какъ никто другой среди романтистовъ. Для современнаго ему поколѣнія онъ былъ личностью слишкомъ сложною и слишкомъ высоко улетающею ввысь, поэтому успѣхомъ не пользовался, и только позднѣе, послѣ его смерти, создалась его слава. Еще ребенкомъ — по собственному признанію — онъ молился въ тиши постели, дабы Богъ ниспослалъ ему тяжелую и трудную жизнь, но взамѣнъ далъ ему посмертную славу. Это пожеланіе исполнилось вполнѣ. Словацкій желалъ, всей душой желалъ быть поэтомъ и ничѣмъ другимъ, какъ поэтомъ. Онъ не увлекался жизнью, не мечталъ сыграть въ ней никакой роли, даже въ дѣтскихъ его забавахъ не было

стремленія къ жизни, но съ самыхъ раннихъ лѣтъ занимала его игра фантазіи. Единственный сынъ вдовы виленскаго профессора литературы, вторично вышедшей замужъ за профессора Веси, онъ воспитывался — блѣдное дитя съ вьющимися черными волосами и огромными, впечатлительными глазами — въ женской средѣ, состоящей изъ матери и ея взрослыхъ падчерицъ. Имѣлъ одного лишь друга, такого же фантазёра, рано покончившаго съ собой самоубійствомъ. Въ отроческихъ годахъ полюбилъ страстно взрослую дѣвушку, конечно не обращавшую серьезнаго вниманія на эту преждевременную любовь. Оба чувства: дружбы и любви — закончились катастрофой, оставившей въ душѣ Словацкаго глубокіе слѣды. Рано кончивъ университетъ, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Вильны, гдѣ прошли его школьные годы, въ провинцію съ матерью, переселившейся туда на покой послѣ внезапной смерти второго мужа. Онъ томится тоской, мечтаетъ о сильныхъ впечатлѣніяхъ, объ экзотическихъ путешествіяхъ — и о поэзіи. Но выходъ у него одинъ: использовать свой дипломъ юридическаго факультета, опредѣлившись въ Варшавѣ по вѣдомству финансовъ. Онъ возвращается, правда, въ культурную среду, къ которой привыкъ въ Вильнѣ, въ салонахъ матери, собиравшей у себя сливки ученаго и литературнаго міра. Но мечтаетъ-то онъ, вѣдь, о горячей южной пустынѣ — той, въ которой живутъ герои его первыхъ поэмъ.

Если до того времени вокругъ него стояли тишь да гладь спокойной, уравновѣшенной жизни, въ то время, когда въ его душѣ подымались волны и свирѣпствовали бури, то тутъ, въ Варшавѣ, напротивъ, поднялась историческая волна и захлестнула его. Это послѣдній годъ передъ революціей 1830 г.; уже кипитъ недовольство, обида за попранную конституцію; уже горячая молодежь собирается въ подпольяхъ. Словацкій чуждъ всему этому: онъ преданъ поэзіи. Что можетъ быть важнѣе для него тѣхъ первыхъ помысловъ, тѣхъ первыхъ успѣховъ, когда онъ, читая отрывки своей трагедіи маститому поэту Нѣмцевичу въ его пригородной виллѣ, слышитъ отъ него слова одобренія и предсказаніе будущей славы?

Не одному Словацкому пришлось стать внезапно лицомъ къ лицу съ событіемъ, къ которому не былъ подготовленъ. Не впервые въ круговоротъ общественныхъ переворотовъ попадаютъ

люди, по складу своей души чуждые имъ, настраивающіеся скептически или даже отрицательно. Словацкій не былъ тогда захваченъ общимъ движеніемъ, остался холоднымъ скептикомъ, для котораго люди казались не въ мѣру событіямъ. Онъ принимаетъ какое - то порученіе въ Англію и уѣзжаетъ изъ Варшавы, не подозрѣвая даже, что навсегда оставляетъ отечество. Остается навсегда неизвѣстнымъ, почему онъ выѣхалъ, почему затѣмъ примкнулъ къ эмигрантамъ, рѣшившимъ не пользоваться объявленной амнистіей. Какъ бы то ни было, мы застаемъ его послѣ революціи въ Парижѣ, который для него слишкомъ шуменъ и потому противенъ. Опять онъ чуждъ эмигрантскихъ споровъ и эмигрантской дѣятельности, всецѣло поглощенъ своимъ творчествомъ и внезапно нарождающейся славой. Вскорѣ онъ оставляетъ Парижъ и селится въ Швейцаріи, на берегахъ Женевскаго озера. Тутъ въ одиночествѣ, среди той богатой природы, къ которой давно стремился всей душой, онъ начинаетъ періодъ своего зрѣлаго творчества, — творчества для себя, такъ какъ пока, издавъ въ Парижѣ первыя свои поэмы, онъ до поры до времени пріостановилъ дальнѣйшія публикаціи. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ ѣдетъ въ Италію повстрѣчать родныхъ. Тамъ открывается ему возможность путешествія на Востокъ. Греція, Египетъ, Сирія, Палестина — вотъ этапы этого путешествія. По окончаніи его онъ запирается на нѣсколько недѣль въ уединенный сирійскій монастырь, предаваясь творчеству. Затѣмъ онъ опять въ Италіи — и, наконецъ, въ Парижѣ, въ которомъ провелъ остатокъ своей жизни, цѣлыхъ 10 лѣтъ.

Вотъ жизнь поэта, въ которой сбывается все то, о чемъ онъ мечталъ такъ страстно, и въ которой все остальное, все человѣческое было у него отнято. Рядомъ съ возвышенной радостью творчества, рядомъ съ сильными, небывалыми впечатлѣніями, идетъ одиночество, тоска по родинѣ, отсутствіе всего, къ чему можно привязаться и любить. Онъ не зналъ за все это время любви. Все, что сулила ему за это время судьба, это была полу-любовь, полу-обманъ воображенія. Искренно, страстно любитъ онъ лишь два фантома: далекую, разлученную съ нимъ мать, письма къ которой являются прекрасной исповѣдью его пламенной души, которая остается для него все той же „мамой“, какой была для окрыляющагося молодого птенца, —

и первую любовь тѣхъ давнихъ, проведенныхъ на родинѣ лѣтъ, — Людвику Снядецкую. Вѣрнѣе сказать — онъ любитъ лишь свои воспоминанія.

Прошла, протекла страстная, бурная въ мечтаніяхъ и помыслахъ молодость. Пережиты всѣ внѣшнія впечатлѣнія. Чувствуется пустота кругомъ; чувствуетъ Словацкій, что сталъ „гражданиномъ всего міра" и нѣтъ того мѣста, въ которомъ хотѣлось бы склонить голову для отдыха, не къ чему привязаться душой. Онъ не знаетъ пессимизма, но чувствуетъ, что должно придти что-то новое, что-то такое, что способно захватить душу его цѣликомъ, обновить, поднять на новую высоту. Въ такомъ настроеніи онъ встрѣчается съ товіанизмомъ. Тутъ кончается одинъ, богатый періодъ жизни, — начинается другой. Разсмотримъ это прошедшее, какъ оно отразилось въ его творчествѣ.

Лирика у Словацкаго выступаетъ на первый планъ. Однако, онъ — не исключительно лирическій поэтъ. Въ немъ совмѣщается рядомъ съ лирикомъ и драматургъ, никогда, впрочемъ, не видавшій своихъ произведеній на сценѣ, да вообще и не думавшій примѣнять свои произведенія къ условіямъ сценическаго искусства.

Сочетаніе этихъ двухъ родовъ творчества въ одномъ лицѣ объясняется тѣмъ, что Словацкому присущъ былъ въ высшей степени тотъ общій элементъ лирической и драматической поэзіи, какимъ является — страсть. И въ самомъ дѣлѣ — несмотря на его одинокую, лишенную бурныхъ переживаній жизнь, онъ не былъ поэтомъ тихихъ настроеній и сладкихъ напѣвовъ. Вся его жизнь уходила внутрь, но тамъ, въ мірѣ собственной души, онъ жилъ постоянно въ атмосферѣ грозы и бури. Самъ о себѣ онъ говоритъ:

Кто избралъ — когда у него былъ свободный выборъ — вмѣсто покойнаго дома, гнѣздо на скалахъ орлиныхъ — пускай научится покоиться, когда гроза молніями рѣжетъ глаза и лѣсовъ потрясенныхъ шумъ кажется стономъ ада. Вотъ какъ я жилъ... И стыдясь себя, я вижу, что глаза мои полны слезъ... но я скрываю ихъ и не хочу сознаться, что жить съ ангеломъ смерти у края могилы — мнѣ было страшно...

Первыя поэмы Словацкаго полны потрясающей, сильной страсти. Ихъ герои: мусульманинъ, перешедшій въ христіанство, котораго преслѣдуютъ отецъ, братья, бывшіе товарищи, соплемен-

ники; арабъ, ушедшій въ пустыню, человѣконенавистникъ, разрушающій чужое счастье; молодой шляхтичъ, у котораго въ день его свадьбы магнатъ уничтожаетъ усадьбу, ушедшій къ татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападающій на своего врага-магната. Въ молодомъ поэтѣ чувствуется накипь страсти, не находящей себѣ мѣста въ будничной жизни и изливающейся въ поэзіи. Эта полусознательная еще тоска по сильной, захватывающей душу страсти, пріобрѣтаетъ постепенно болѣе точныя очертанія. Словацкій пережилъ трагедію своего народа, правда — не прошла она для него самого, для внутренняго склада его души, трагически, но все-таки оставила замѣтные въ ней слѣды. Вѣдь это былъ исключительный моментъ подъема духа, моментъ, въ которомъ душѣ человѣческой можно было развернуться во всю. И между тѣмъ Словацкому въ этой слишкомъ близкой перспективѣ ушедшаго момента люди показались, не то что малыми, а какими-то половинчатыми, недоросшими до той мѣры, какой требовали событія. Вѣроятно, повліяла на него та горечь, та масса взаимныхъ обвиненій, съ которыми онъ встрѣтился въ эмиграціи. Въ этой атмосферѣ, дѣйствительно, создавалось впечатлѣніе, лишь въ нѣкоторой степени нашедшее себѣ историческое оправданіе, что великій историческій моментъ потерянъ благодаря ничтожнымъ людямъ, ничтожной энергіи, полу-рѣшимости.

На этой почвѣ развивается у Словацкаго культъ личности, По своимъ артистическимъ наклонностямъ, Словацкій довольно рѣзко противопоставляетъ себя стремленіямъ создавать „національную“ поэзію путемъ подлаживанія подъ народные мотивы, народное міровоззрѣніе. Личность — источникъ всякаго творчества; она національна постольку, поскольку самъ поэтъ является частью народа, поскольку его творчество является вкладомъ въ культуру народа. Въ моментъ, когда молодой поэтъ начиналъ свою творческую дѣятельность, эта идея давала ему неограниченную свободу. Для Словацкаго — даже отрицательная личность все-таки личность, и есть извѣстная доля правоты даже въ ея отрицательности. Когда окрѣпъ талантъ Словацкаго, яснѣе стала ему эта идея. Его герои — люди, умѣющіе чувствовать глубоко и страстно. Это натуры рѣшительныя и по природѣ своей умѣющія дѣйствовать, находящія въ себѣ въ извѣстный моментъ достаточную долю энергіи и рѣшительности. Но кругомъ нихъ — половин-

чатая жизнь, половинчатые люди. Его герои не находятъ себѣ отклика, не въ состояніи увлечь за собой массъ. Ихъ подвиги — напрасны, иногда даже безцѣльны. Ихъ души прожжены страстью, не находящей исхода, ихъ мысль переутомлена исканіями. И умираютъ они, при всемъ страстномъ желаніи совершить что-либо великое, творя напрасное.

Но важенъ собственно не результатъ ихъ стремленій и исканій, важенъ не самъ герой въ цѣломъ: въ этомъ отношеніи Словацкаго можно вдоволь упрекать въ непослѣдовательности, въ отсутствіи положительныхъ стремленій и неясности общихъ контуровъ. Что увлекаетъ въ творчествѣ Словацкаго — это отдѣльные моменты, это блескъ и красочность мыслей и переживаній. Въ сущности, въ лицахъ „Кордіановъ“ и „Ламбровъ“ поэтъ переживаетъ самого себя, свою внутреннюю душевную борьбу. Въ этомъ и заключается разгадка всего творчества Словацкаго. Онъ никогда не находится въ состояніи покоя, не формулируетъ своей вѣры; онъ весь движеніе, весь — порывъ

Онъ — лирикъ, но, вѣдь, въ его жизни такъ мало личнаго, такъ скудны темы, которыя могла бы дать ему его внѣшняя жизнь. Поэтому, всѣ его переживанія относятся къ его внутренней жизни. Воображеніе и воспоминаніе — вотъ два элемента, изъ коихъ сплетаетъ онъ нить своего творчества. Когда онъ хочетъ выйти за предѣлы личнаго, самой подходящей для него является форма драмы. Тутъ онъ неподражаемъ, непревзойденъ. До послѣднихъ временъ польская литература не имѣла ничего, что можно бы сопоставить съ драматургіей Словацкаго. Глубокій трагизмъ и самая ѣдкая иронія сочетаются вмѣстѣ. Онъ не чуждается ни элементовъ комизма, ни реализма. У него нѣтъ пошлости, ибо даже самое пошлое онъ осыпаетъ бриллiантами поэзіи. Онъ создаетъ самую фантастическую миѳологію своего народа, черпая ее исключительно изъ собственной фантазіи и создаетъ такой неподражаемый шедевръ фантастической поэзіи, какъ трагедія „Балладина“. Изъ исторической гипотезы, что историческая Польша возникла путемъ побѣды пришлаго племени лехитовъ надъ болѣе древнемъ племенемъ венетовъ, фантазія Словацкаго создаетъ великолѣпную картину борьбы мягкаго, поэтическаго народа, руководимаго ареопагомъ старцевъ-пѣвцовъ во главѣ со слѣпымъ, престарѣлымъ королемъ, въ рукахъ котораго чудодѣйственная арфа, звуки которой спо-

собны вдохновить воиновъ мужествомъ и рѣшительностью; этому народу противопоставлено суровое, дикое, грубое племя завоевателей. Смерть народа, въ которомъ личное и индивидуальное развито сильно, но въ которомъ нѣтъ чего-то связывающаго, способнаго сплотить всѣхъ въ желѣзную стѣну, отражающую ударъ врага — вотъ идея трагедіи. У венетовъ есть не только неисчерпаемые источники поэзіи, у нихъ есть и проявленія безудержной отваги, самопожертвованія, отказа отъ всего личнаго; есть и жажда побѣды и беззавѣтная любовь къ отечеству. И однако все это, вмѣстѣ взятое, является именно причиной пораженія венетовъ. Прекрасное и возвышенное обречено на гибель. Грубое и суровое — торжествуетъ.

Швейцарія, — тихая, одинокая жизнь у береговъ Женевскаго озера — толкнула Словацкаго на путь лиризма. Буря страстей улегается. Въ это время у него въ одномъ изъ писемъ къ матери, вырывается признаніе что вся его жизнь въ поэзіи, въ воображеніи, въ творчествѣ. Этому настроенію соотвѣтствуетъ лирическая поэма „Въ Швейцаріи“ — миражъ, сонъ о любви, которой не было, которая лишь отъ сна и мечты могла взять нѣжность краски. Какъ образъ, отражающійся въ водѣ, она мутится, исчезаетъ отъ легчайшаго порыва страсти. Это лишь легенда, лишь воспоминаніе о томъ, что было, что погасло, какъ гаснетъ ясное, радужное утро, какъ уходитъ сонъ, какъ кончается мечта... Никогда уже не воскреснетъ въ душѣ Словацкаго то настроеніе, при которомъ имъ создана эта поэма, сотканная изъ сна и радуги. Одиночество не было для него убѣжищемъ отъ жизни, отъ душевныхъ волненій, тревоги духа. Въ размышленіяхъ своихъ онъ подходилъ къ вопросамъ, которые требовали развязки, къ „проклятымъ вопросамъ“ поколѣнія, обреченнаго на смерть въ чужбинѣ, и призваннаго хранить святой огонь вѣры, вѣчный очагъ любви къ отечеству. Отъ этихъ вопросовъ не уйти — они пойдутъ слѣдомъ въ край мечтаній и заставятъ поэта, поселившагося въ пустынномъ сирійскомъ монастырѣ, создать грустную легенду погибающей братіи — поэму въ природѣ „Anhelli“.

Для Словацкаго эта поэма — переходная ступень къ мессіанизму. Въ сибирскихъ снѣгахъ поселились изгнанники. Между ними споры о способахъ спасенія отечества — безплодные споры, ведущіе къ тому, что они распинаютъ на крестахъ представите-

лей всѣхъ направленій, дабы признать наилучшимъ изъ нихъ то, мученикъ котораго переживетъ всѣхъ другихъ. Тогда отъ нихъ уходитъ Ангелли и поселяется въ пустынѣ. Какъ Данту, ему суждено познать весь адъ мученій своего народа, пережить все, чѣмъ страдать можетъ человѣческое сердце. И лишь передъ смертью, въ моментъ отчаянія, ему открывается правда, что онъ избранъ „спокойной жертвой", искупителемъ своего народа. Надъ умершимъ воспламеняется заря и вѣстникъ новой жизни, „рыцарь на конѣ", пробѣгая степныя равнины, зоветъ мертвыхъ изъ могилъ: „Здѣсь почиваетъ борецъ — да возстанетъ! Уже воскресаютъ народы!"

Въ этой поэмѣ Словацкій высказалъ ту же мысль, которая легла въ основу мессіанизма: необходимость жертвы для будущаго воскресенія, значеніе личнаго духовнаго подвига для этой цѣли. Пока онъ оставался еще чуждымъ всякимъ религіозно-мистическимъ стремленіямъ. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Италіи, онъ переселился въ Парижъ, въ центръ жизни эмиграціи, но взаимныя отношенія не ладились. Одно за другимъ выпускаетъ онъ въ свѣтъ произведенія, написанныя имъ въ Швейцаріи, Италіи, на Востокѣ, но встрѣчаетъ весьма холодный пріемъ. Онъ такъ чуждъ окружающимъ его людямъ, такъ неизмѣримо выше ихъ, ихъ сужденій, ихъ міровоззрѣнія. Въ этомъ періодѣ взаимнаго разлада появилась поэма „Беніовскій" — въ типѣ байроновскаго „Донъ Жуана". Похожденія Беніовскаго — это лишь предлогъ, суть же поэмы въ лирическихъ отступленіяхъ, въ сатирическихъ выпадахъ противъ тѣхъ, съ которыми — не на личной, впрочемъ, почвѣ — поэтъ захотѣлъ посчитаться. Въ первый разъ публично противоставилъ себя поэтъ Мицкевичу. Они — „два на солнцахъ своихъ противоположные бога", они непримиримы, но это борьба двухъ различныхъ міровъ, двухъ духовъ, не находящихъ общей почвы. Словацкій заявляетъ себя пантеистомъ. Онъ ищетъ Бога въ бурѣ и порывѣ страсти. Его Богъ не ждетъ покорной молитвы и не требуетъ смиренія. Все, возвышающееся пламенностью своихъ вожделѣній, все, стремящееся впередъ — стремится къ Богу.

Въ этой поэмѣ высказался Словацкій съ наибольшей полнотой. Легкость его фантазіи, смѣлость ироніи, глубина чувства — все это сплетается въ одно. Красота формы достигла своего совершенства.

Однако, волна товіанизма захватила и его. Въ то время, какъ Мицкевичъ искалъ въ товіанизмѣ новаго костела безъ іерархіи, возрожденія христіанизма, но въ видѣ старо-христіанской экклезіи, Словацкій остался тѣмъ же индивидуалистомъ. Товіанисты возвышались духомъ соборно, примѣняли „нажимъ“, дабы добыть изъ души „брата“ соотвѣтственный „тонъ“. Другими словами, смиреніе, отказъ отъ личнаго, являлись господствующимъ принципомъ. Вскорѣ насталъ между ними и Словацкимъ разладъ. Словацкій упрекалъ ихъ въ томъ, что они уже становятся сектой, что уже нѣтъ въ нихъ непосредственнаго духовнаго порыва. Порвались отношенія, но, разъ вступивъ на новый путь, Словацкій продолжалъ его. Онъ понялъ — по его собственному заявленію — что не для земныхъ цѣлей живемъ мы на свѣтѣ. Иными словами, онъ нашелъ въ мистикѣ возможность новаго синтеза, возможность новыхъ полетовъ творческаго духа. Онъ создаетъ собственную космогонію, собственную философію. Онъ вѣрилъ, что эта философія является плодомъ вдохновенія свыше. „Генезисъ отъ духа“ („Genezis z Ducha“), заключающая основы его философіи, долго считалась лишь плодомъ необузданной фантазіи. Въ настоящее время приходится считаться съ ней болѣе серьезно. Она, конечно, не развита въ своихъ основаніяхъ — это лишь зародышъ мысли. Но эта мысль — имѣетъ большое сходство съ бергсоновскимъ понятіемъ „élan vital“ и былая непримиримость эволюціонизма спенсеровской школы должна уступить мѣсто болѣе безстрастному взгляду. Міръ, по Словацкому, находится въ безпрестанномъ развитіи, въ „работѣ“, т. е. стремленіи къ совершенству. Пресмыкающее стремится стать животнымъ. Позвоночныя стремятся получить крылья, дабы, возлетая, быть подобными духамъ.

Существуетъ, конечно, въ „Генезисѣ“ смѣшеніе реальнаго съ символическимъ (напр., физическаго полета съ духовнымъ), но важны двѣ идеи: перемѣнчивости всего земного, неустаннаго развитія — это первое; во-вторыхъ, — нѣтъ у Словацкаго того пренебреженія къ матеріальному міру, къ знанію, которое подчеркивалъ всегда Мицкевичъ, что и повело его, въ концѣ концовъ, къ теологизму.

Гораздо важнѣе взглядъ Словацкаго на міръ человѣческій. И здѣсь онъ усматриваетъ ту же эволюцію, ведущую человѣчество къ святости, къ блаженству. Но онъ не конкретизируетъ своего

идеала, отдаляетъ его въ безконечность. Суть для него не въ достиженіи, а въ стремленіи. Нѣтъ, поэтому, опредѣленныхъ этическихъ каноновъ, нѣтъ и оцѣнки съ ихъ точки зрѣнія историческихъ событій. Въ исторіи своего народа усматриваетъ Словацкій присутствіе духа-руководителя — „Короля Духа", поселяющагося въ каждую эпоху въ душѣ исторически выдающейся личности. Эти очередныя стадіи развитія „Короля-Духа" разнообразны. Даже прежній деспотъ и тиранъ можетъ быть орудіемъ „Короля-Духа", его инкорпораціей, если сквозь кровь и слезы ведетъ народъ къ его будущности, если крѣпнетъ и мужается народъ подъ его ударами.

·Точно также является Словацкій убѣжденнымъ сторонникомъ революціи, такъ какъ она — переходная ступень къ будущему — мертвизна же, застой — хуже всего. На этой почвѣ ему пришлось столкнуться съ лучшимъ своимъ другомъ, Сигизмундомъ Красинскимъ, что повело даже къ разрыву между друзьями.

Мы замѣчаемъ, такимъ образомъ, извѣстную выдержанность, полноту и единство взглядовъ Словацкаго. Въ противовѣсъ Мицкевичу, онъ сроденъ современной романтизму философіи, но она является для него лишь мотивомъ поэтическаго творчества.

Она возбуждаетъ его воображеніе, даетъ ему канву для поэтическихъ образовъ. Въ предшествующій мистицизму періодъ времени Словацкій смотрѣлъ на жизнь глазами простого зрителя, передъ которымъ разыгрывается драма жизни, кровавая и заманчивая, иногда горестная до сердечной боли, но не имѣющая опредѣленнаго смысла и значенія. Весь мистическій же періодъ проникнутъ глубокимъ убѣжденіемъ, что истинный смыслъ мірового процесса открывается ему; что суть не въ томъ, что сулитъ воображенію внѣшняя сторона жизни, а въ проникновеніи въ смыслъ исторіи, въ утаенный смыслъ всей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ Словацкій глубокую вѣру въ мощь духа человѣческаго. Драмы мистическаго періода полны прямо чудесныхъ душевныхъ преображеній: вѣра въ духовную мысль, въ способность „вырабатывать" свое будущее, является краеугольнымъ камнемъ міровоззрѣнія Словацкаго.

Погруженный цѣликомъ въ свой внутренній міръ, въ думы и грёзы, работая до самой смерти надъ „Королемъ-Духомъ", заключающимъ смѣлыя завѣтныя его мысли и высшія вдохновенія, тихо

умиралъ Словацкій отъ чахотки, непонятый современниками, не дождавшись славы, забытый и одинокій въ шумномъ Парижѣ, вдали отъ близкихъ, отъ столь дорогой ему матери. До послѣднихъ минутъ работала его творческая мысль. Въ послѣдній день продиктовалъ онъ еще „Мое завѣщаніе“, чудное, грустное, безъ горечи, полное вѣры въ будущее, поэтическое прощаніе съ отвергнувшимъ его міромъ.

Умеръ на 40-мъ году жизни, опередивъ Мицкевича и Красинскаго.

Въ свой первый итальянскій періодъ, прибывъ изъ Швейцаріи съ грудой неизданныхъ рукописей и головой, переполненной новыми помыслами и темами, Словацкій на первыхъ же порахъ нашелъ друга, который первый понялъ его и оцѣнилъ его поэтическое дарованіе. Это былъ молодой аристократъ, графъ Сигизмундъ Красинскій, анонимно или подъ именами друзей издающій свои произведенія. Правильно оцѣнить и понять Словацкаго позволила ему культура недюжиннаго его ума. Но по складу души Красинскій былъ гораздо ближе къ Мицкевичу, чѣмъ Словацкому. „Мы всѣ отъ него“, писалъ онъ послѣ смерти Мицкевича. На его мысляхъ развилъ Красинскій свое міровоззрѣніе; иногда произведенія Красинскаго кажутся дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей Мицкевича. Нѣтъ въ этомъ подражательности, а лишь родство двухъ близкихъ себѣ по внутреннему складу душъ одного поколѣнія. Единственный наслѣдникъ одной изъ самыхъ знатныхъ аристократическихъ фамилій, обремененный наслѣдіемъ міровоззрѣнія своей среды, аристократъ по убѣжденіямъ, католикъ безъ фанатизма, считающій католицизмъ оплотомъ духа и культуры, Красинскій не отличался смѣлостью и дерзостью мысли. Но его мысль стремится къ ясности, къ приведенію въ порядокъ міра идей, къ созданію своей философіи, довольно трезва, чуждается крайностей, недоступна мистикѣ. Полетъ фантазіи не особенно высокій, но образы его пластичны, полны силы. Въ молодости переживаетъ онъ періодъ сомнѣній и разочарованія.

Въ зрѣлые годы имъ уже нѣтъ мѣста у Красинскаго; преобладаетъ положительность установившаго незыблемо свои взгляды человѣка. Его личныя бури и душевныя драмы не особенно

высокаго полета. Его жизненной драмой была любовь къ замужней женщинѣ и недовольство этой связью отца, который тяготѣлъ надъ всей его жизнью. Болѣзненный, страдающій физически, слабый — онъ не могъ сыграть въ жизни никакой роли, даже какъ поэтъ былъ принужденъ, отчасти по цензурнымъ условіямъ, скрывать свое творчество. Онъ чувствовалъ глубоко это постоянное потуханіе своей жизни.

Душевная драма Красинскаго — сомнѣніе въ жизнеспособности аристократіи, въ будущемъ римскаго католицизма. Изъ этихъ сомнѣній выходъ находилъ онъ, впрочемъ, довольно легко.

На двадцатомъ году своей жизни создалъ онъ наилучшее, можетъ быть, свое произведеніе „Не-божественную комедію". Первымъ изъ польскихъ поэтовъ обратилъ онъ вниманіе на соціальные вопросы. „Не-божественная комедія" — это борьба возставшаго плебса съ аристократій. Плебсъ дикъ, низмененъ, жестокъ и кровавъ. Но сила его въ безудержномъ стремленіи. Его вождь — Панкратій, человѣкъ съ лысой отъ мыслей головой, олицетворенный холодный разумъ, безъ атома чувствъ, привязанности къ традиціямъ, мягкости сердца. Аристократія труслива, ничтожна, презрѣнна. Но въ ея рукахъ защита „окоповъ Св. Троицы", всѣхъ накопленныхъ вѣками культурныхъ и духовныхъ цѣнностей, которыя безслѣдно уничтожатъ дружины Панкратія. Ихъ вождь — графъ Генрихъ, поэтъ и мечтатель, во имя мечты разрушившій жизнь, влекущій на себѣ проклятіе поэзіи, нежизнеспособенъ, какъ и всѣ аристократы. Онъ лишь одинокая, слабая зеленая вѣтка, выросшая изъ гнилого пня.

Поэтому неудивительно, что рушатся стѣны замка Св. Троицы. Панкратій въ опьянѣніи тріумфа восходитъ на бастіоны, но тутъ онъ падаетъ мертвымъ, осѣненный и ослѣпленный внезапнымъ чудеснымъ блескомъ, со словами: Galilee vicisti!

Красинскій не устремляется пока къ исканію этой побѣды, къ лицезрѣнію того новаго міра, который подъ сѣнью Христа возродится на развалинахъ. Его влечетъ другая тема, мысль которой сходна съ идеей „Конрада Валленрода".

Мицкевичъ воздержался отъ нравственной оцѣнки своего героя и не обратилъ вниманія на возможность вліянія на Валленрода такого фактора, какимъ является христіанство. Эти вопросы поставилъ себѣ Красинскій.

Его „Иридіонъ“ — грекъ, сынъ прекрасной, культурной страны, порабощенной уже разлагающимся, развратнымъ Римомъ временъ Геліогабала. У смертнаго одра своего отца поклялся онъ отомстить Риму за рабство Греціи и этой цѣли посвящаетъ онъ рѣшительно все. При немъ постоянно старый другъ отца, Массинисса, поддерживающій Иридіона въ его намѣреніяхъ и дѣятельности. Массинисса — это сатана, стремящійся, въ своемъ всевѣдѣніи, уничтожить Римъ, будущую колыбель христіанства, которое побѣдитъ его. Иридіонъ, съ цѣлью найти сторонниковъ своего плана полнаго разрушенія Рима, проникаетъ въ катокомбы къ христіанамъ и на видъ становится христіаниномъ. Онъ чистъ духомъ, хотя питаетъ разрушительные замыслы; поэтому его полюбила святая дѣва, Корнелія. Несмотря на противодѣйствіе епископа Виктора и тревогу Корнеліи, вспыхиваетъ бунтъ. Иридіонъ сражается до послѣдняго момента. Въ общемъ пораженіи спасаетъ его Массинисса и укладываетъ на вѣковой сонъ, обѣщая воскресить его въ моментъ смерти Рима. Зато — душа Иридіона будетъ принадлежать ему.

Проходятъ вѣка, исполняется клятва Массиниссы. Возставъ отъ смертельнаго сна, Иридіонъ проходитъ по опустѣлымъ, распадающимся въ развалины улицамъ новаго Рима, видитъ уходящихъ послѣднихъ кардиналовъ. У креста посерединѣ цирка въ Колоссеумѣ разыгрывается заключительная сцена. Иридіонъ не чувствуетъ радости отъ насыщенія мести. Онъ спокоенъ, онъ ждетъ развязки своей судьбы. Двѣ силы борются о душу его: искуситель Массинисса и ангелъ — Корнелія.

— Онъ мой, онъ ненавидѣлъ Римъ! — восклицаетъ Массинисса.

— О Господи, онъ мой, онъ любилъ Грецію! — молитъ Корнелія.

И гласъ Божій произноситъ свой приговоръ. Иридіонъ спасенъ, ибо пламенно любилъ свою родину. Онъ пойдетъ на сѣверъ, въ землю могилъ и крестовъ надгробныхъ. Онъ переживетъ вторично гибель своего народа, но не местью отвѣтитъ на нее. Онъ будетъ страдать и уповать на Бога. И настанетъ часъ, когда исполнится чаша страданій. И тогда даруетъ Богъ счастье и свободу.

Въ этомъ эпилогѣ къ „Иридіону“ заключается уже остовъ всего

будущаго міровоззрѣнія Красинскаго. Онъ догматикъ, но не слѣпой, духомъ прикованный къ церкви. Католическая церковь, по убѣжденію Красинскаго, отжила свой вѣкъ, замерла въ неподвижности. Но основы вѣры остались непоколебленными.

Красинскій не дерзаетъ, подобно Словацкому, проникать въ смыслъ жизни, въ суть мірового процесса. Онъ не ставитъ себѣ никогда вопроса: почему? Воспринимая идею Мицкевича, высказанную въ „видѣніи Петра", онъ олицетворяетъ свой народъ въ видѣ мученика, распятаго на крестѣ. Но цѣль этого мученія?. согласованность ея съ божественной мыслью? — эти вопросы не предстаютъ передъ Красинскимъ. Страданіе народа ниспослано свыше — и тутъ его мыслямъ предѣлъ. Воскресеніе наступитъ— это идея поэмы „Przedświt" — и польскій народъ вступитъ въ небеса во главѣ вереницы народовъ, которые послѣдуютъ за народомъ-мученикомъ, народомъ, имѣвшимъ въ своемъ прошломъ возвышенную миссію, которая имъ исполнена.

Каково это воскресеніе? Какова земная судьба народа, вступающаго въ небеса? Является ли это лишь поэтической парафразой, лишь символическимъ образомъ? На эти вопросы у Красинскаго находимъ лишь частичные отвѣты. Слѣдуетъ вывести изъ нихъ заключеніе, что наступитъ какая-то переходная эра земного блаженства, послѣ которой спадетъ покровъ земной со всего человѣчества. Дабы достигнуть это отдаленное блаженство, польскому народу слѣдуетъ лишь страдать и уповать на Бога. Подобно другимъ европейскимъ народамъ, задавшимся земными, низменными цѣлями, не должна Польша пятнать своего чистаго, духовнаго облика. Красинскій содрогается передъ самой мыслью о революціи, соціальномъ движеніи. Вѣдь ничего новаго не наросло въ жизни народа, и изъ глубины вѣковъ предки могутъ смѣло говорить потомкамъ: „Мы также шли по-старому, куда вы стремились по-молодому" („Przedświt"). Слабой стороной Красинскаго было то, что онъ стремился предопредѣлить въ точности будущее, вознося его вмѣстѣ съ тѣмъ въ такія надоблачныя выси, гдѣ теряется возможность идти впередъ и соображать. Вся его сила именно въ тѣхъ моментахъ, когда онъ съ облаковъ нисходитъ на землю и, забывая о своей довольно туманной метафизикѣ, возвѣщаетъ торжество справедливости и правды на землѣ. Но обличителемъ онъ не былъ, голосъ его не возносился

грозно, изобличая время деспотіи и произвола. Онъ лишь мечталъ и мечтами возносился въ небо; онъ лишь тревожился въ своихъ „Письмахъ" за чистоту духа своего народа. Въ этихъ мечтаніяхъ и предостереженіяхъ терялся его поэтическій талантъ; со свойственной его природѣ слабостью и покорностью погашалъ онъ въ себѣ чисто артистическія стремленія.

И, однако, вполнѣ заслуженно пользуется онъ тѣмъ мѣстомъ, однимъ изъ первыхъ, которое предоставлено ему въ Пантеонѣ польской поэзіи, на ряду съ Мицкевичемъ и Словацкимъ. Онъ являлся добросовѣстнымъ, преданнымъ служителемъ того вѣчнаго огня, который неугасаемо тлится въ сердцѣ польскаго народа. Внѣ этой службы въ то время польской поэзіи не было и мѣста, не было простора. Превознося свое отечество, поддерживая вѣру въ его будущее, Красинскій крѣпъ, какъ миѳическій Антей, получающій силы отъ соприкосновенія съ землей. Польское общество подъ гнетомъ Николаевскаго режима нуждалось въ той дозѣ экзальтаціи и окрыленности духа, которую ему давала мессіанистическая поэзія. Какъ соціологическая теорія не выдерживая, естественно, даже слабой критики, мессіанизмъ явился источникомъ самыхъ высокихъ вдохновеній. Онъ создалъ поэзію, не имѣющую себѣ подобныхъ, библію обездоленнаго народа, который прибѣгалъ къ ней въ тяжелую для духа годину.

Лишь вскользь мы можемъ упомянуть второстепенные таланты этого періода. Въ началѣ романтическаго движенія большой популярностью пользовался, чуть ли не наравнѣ съ Мицкевичемъ, Богданъ Залѣскій, поэтъ т. наз. украинской школы. Чрезвычайно музыкальный, мелодичный стихъ его даже и теперь привлекаетъ ухо. Что-то беззаботно птичье было въ его напѣвѣ, въ его жизнерадостности и поверхности. Страстно любилъ онъ Украину, но Украину легендарную, избѣгая тщательно временъ казачьихъ войнъ. Судьба оказалось трагически тяжелой для легкихъ и слабыхъ крылышекъ этой поэтической бабочки. Въ эмиграціи онъ томился безотрадной тоской по родинѣ, чахнулъ отъ грусти; неспособный вознестись въ міръ идей, не находилъ онъ себѣ ни въ чемъ утѣшенія. Его поэзія стала то беззавѣтно и тоскливо грустной, то наивно набожной. Ему суждено было дожить

до глубокой старости, схоронить друзей и близкихъ, оставшись полуслѣпымъ въ совершенно чуждомъ, измѣнившемся, непонятномъ ему мірѣ. Немногіе, зная его по портретамъ старцемъ съ сѣдой огромной бородой патріарха, съ грустно склоненной на руку головой, вспомнятъ, что это тотъ жизнерадостный юнецъ, которому улыбался весь міръ и который для міра имѣлъ лишь улыбку и пѣсню...

Его другомъ и школьнымъ товарищемъ былъ Северинъ Гощинскій, прямая ему противоположность. Крайній демократъ, онъ воспѣвалъ бои гайдамакъ съ панами (въ поэмѣ „Канёвскій замокъ"), принималъ участіе въ конспиративной дѣятельности и всю молодость скитался, скрываясь отъ преслѣдованій. Въ прямотѣ его характера, въ той преданности, съ какой онъ оставался вѣрнымъ всякой идеѣ, въ которую онъ увѣровалъ, будь это романтизмъ, или позднѣе — товіанизмъ, чувствуется солдатская прямота и сила характера. Залѣскій — лирикъ, Гощинскій же имѣлъ всѣ задатки эпическаго поэта, но не успѣлъ выдвинуться, хотя и теперь произведенія его не лишены интереса для читателя.

Въ то время, когда лучшія силы въ литературѣ собрались въ эмиграціи, въ Польшѣ долгое время господствовалъ упадокъ культурной жизни, вызванный закрытіемъ университета, оторванностью отъ Европы, суровымъ режимомъ. Въ пятомъ десятилѣтіи, кромѣ Норвида (о которомъ рѣчь будетъ въ отдѣльной статьѣ) *, выдвинулись лишь второстепенные таланты Теофиля Ленартовича, идиллическаго пѣвца на народный ладъ, Романа Зморскаго, мрачнаго, пламеннаго, но не развившаго своего таланта романтика, наконецъ — Нарцызы Жмиховской, первой поэтессы, высоко цѣнящей призваніе поэта, глубоко чувствующей, иногда глубоко грустной, въ повѣстяхъ своихъ отличающейся даже глубокимъ анализомъ человѣческой души. Въ Вел. Кн. Познанскомъ жилъ Ричардъ Бервинскій, безпокойный, пламенный, рѣзко саркастическій; въ Галиціи — Конрадъ Уейскій, пріобрѣвшій наибольшую извѣстность. Условія жизни въ Галиціи позволяли ему свободно черпать въ своемъ творчествѣ изъ того же источника, изъ котораго черпала великая троица

* Статья С. Гростерна, стр. 420.

поэтовъ. Психика его несложная, но онъ исполненъ силы. Его тонъ — тонъ пророковъ Ветхаго Завѣта; онъ взываетъ къ Господу, моля за свой народъ, вопія о обрушившейся на него незаслуженно Божьей карѣ. Въ немъ чувствуется сила, чувствуется естественный, неподѣльный паѳосъ. Прекрасна его транспозиція „Похороннаго марша“ Шопена.

По мѣрѣ того, какъ блекнетъ и становится унылой польская жизнь пятаго и шестого десятилѣтій, рѣже перепадаютъ и всходы романтики. Нѣтъ простора поэзіи въ этой жизни, гдѣ причина ея постылости одна — и внѣ самого общества, внѣ его досягаемости. „Бури! бури!“ — зоветъ Мечиславъ Романовскій въ 60-хъ годахъ. Буря не заставила себя ждать, и Романовскій, сраженный пулей въ лобъ въ атакѣ, былъ одной изъ первыхъ ея жертвъ. Такъ умеръ и польскій романтизмъ — на своемъ посту, въ порывѣ къ зарѣ будущаго, которой онъ былъ предвѣстникомъ и проповѣдникомъ.

Я. Домбровскій.

Страничка изъ мессіанизма въ польской поэзіи.

Среди эпигоновъ великой троицы польской поэзіи, Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго, поставившихъ польскую литературу въ первомъ ряду всемірной литературы и создавшихъ національную святыню поэзіи, которой народъ польскій живетъ и донынѣ, есть одинъ поэтъ, очень недавно еще и въ Польшѣ мало популярный, русской публикѣ же совершенно неизвѣстный. Это — Ципріанъ Камиль Норвидъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ надо объяснить, почему на этомъ поэтѣ останавливаемъ мы вниманіе русскаго читателя въ сборникѣ, имѣющемъ цѣлью впервые более полно ознакомить широкіе круги русскихъ читателей съ польскимъ поэтическимъ творчествомъ. Мнѣ кажется, что обще-распространеннымъ предразсудкомъ является убѣжденіе, что послѣ троицы нашихъ величайшихъ художниковъ слова, польская поэзія замерла, что она молчала до послѣднихъ временъ, до новаго пробужденія какъ будто нео-романтической поэзіи. Въ дѣйствительности это не такъ. Не

говоря о болѣе мелкихъ послѣдователяхъ Мицкевича и отчасти Словацкаго — польскій романтизмъ жилъ непрерывно, и даже въ самое тяжелое время, между 30-ми и 60-ми годами у него былъ свой глубоко одаренный представитель, поэтъ и художникъ, вполнѣ индивидуальный и оригинальный талантъ — Норвидъ, продолжавшій создавать тотъ религіозно-поэтическій катехизисъ, которымъ, какъ мы только что указали, жила и живетъ Польша и понынѣ.

Ципріанъ Камиль Норвидъ тѣмъ болѣе характерная для польской литературы фигура, что онъ является однимъ изъ многочисленныхъ польскихъ странниковъ, разсѣявшихся по всему міру съ момента глубокихъ національныхъ несчастій, постигшихъ Польшу въ концѣ XVIII ст. и въ XIX столѣтіи. Онъ трудился и работалъ для Польши, находясь всегда внѣ ея и мечтая вернуться на родину. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ біографія Норвида.

Онъ родился 21 сентября 1824 г. въ дер. Домбрувка, Варшавской губ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ какомъ-то горячечномъ странствованіи и безпрестанномъ блужданіи. Въ 1844 году — онъ въ Италіи, въ 1845 г. — въ Берлинѣ, въ 1849 г. — въ Италіи (въ Римѣ), съ 1849 по 1852 г. — въ Парижѣ, въ 1852 г. — ѣдетъ въ Америку, какъ самъ пишетъ: «безъ прощанія хоть одной доброй руки и съ однимъ наполеономъ въ карманѣ на 62 дня путешествія»; на пароходѣ исполняетъ обязанности матроса. Въ Америкѣ онъ прошелъ черезъ всѣ ступени нужды, зарабатывалъ хлѣбъ топоромъ, былъ служащимъ на выставкѣ, наконецъ, зарабатывалъ, какъ художникъ. Въ 1854 году онъ уже въ Ливерпулѣ и въ Лондонѣ. Въ 1856 г. возвращается въ Парижъ, и тамъ умираетъ въ 1883 г.

Къ этому надо добавить, что въ своихъ безконечныхъ странствованіяхъ онъ встрѣчался и близко сходился со всѣми, болѣе видными представителями польской эмиграціи, какъ Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій; онъ былъ знакомъ съ Шопеномъ, Цѣшковскимъ, ген. Скржынецкимъ и другими. Хотя со многими онъ былъ знакомъ довольно близко, но въ общемъ оставался всегда одинокимъ. И это понятно: онъ самъ говоритъ, что явился «въ моментъ пресыщенія» . . . Все то, чѣмъ наболѣла польская душа, все, чѣмъ она страдала, было сказано, было полито обильно кровью. Что еще можно было «пѣть» и говорить? Норвидъ, однако, су-

мѣлъ въ этотъ моментъ, который онъ мѣтко характеризуетъ двумя словами «лаврово и темно было на моей родинѣ», сказать достойныя слова послѣдняго романтика, дописать завѣщаніе великой троицы — связать его съ будущимъ возрожденіемъ польской поэзіи, тогда еще не предвидѣвшимся. Не характерно ли, что именно кружокъ польскихъ поэтовъ и литераторовъ, группировавшихся во главѣ съ Миріамомъ Пржесмыцкимъ въ 900 годахъ около журнала «Химэра», стеръ пыль съ произведеній Норвида, заставилъ общество познакомиться съ его поэзіей и полюбить ее?

Конечно, поэтъ, который самъ о себѣ писалъ: «сынъ пройдетъ мимо меня, но внукъ про меня вспомнитъ», т. е. творившій завѣдомо только для далекаго потомства, долженъ былъ оставаться не понятымъ и одинокимъ. Его современники считали его творенія «чудачествомъ и капризомъ de ce pauvre Ciprien»; совершенно оригинальная форма и структура языка дѣлали произведенія его иногда почти непонятными. Не это ли одиночество создало общій фонъ грусти глубокой, равной которой трудно найти въ литературѣ? Это грусть, идущая, какъ говорилъ Гёте о поэзіи, «отъ сердца къ сердцу». Привожу въ переводѣ прозой одно изъ самыхъ простыхъ и въ то же время чарующихъ стихотвореній Норвида:

„Плохо, плохо было и будетъ,
„Эта черная нить прядется,
„Она со мной, предо мной и при мнѣ
„Она въ каждомъ дыханіи,
„Она въ каждой улыбкѣ,
„Она въ слезѣ, въ молитвѣ и въ гимнѣ".

Вотъ грусть польскихъ странниковъ, грусть безнадежная, безысходная, грусть непонимаемыхъ кругомъ никѣмъ. Остается единственное утѣшеніе: національное Евангеліе поэзіи, къ которому Норвидъ присоединилъ свою книгу — Апокалипсисъ, если можно такъ выразиться.

Не останавливаясь подробнѣе на чрезвычайно глубокой эстетикѣ, созданной Норвидомъ въ его безсмертномъ «Прометидіонѣ», перейду сразу къ этимъ листкамъ изъ національнаго Евангелія, оставленнаго Норвидомъ.

«Прометидіонъ» — это большая поэма, излагающая взгляды Норвида на искусство, которое онъ опредѣляетъ такъ: «это высшее

изъ ремеслъ апостола, низшая изъ молитвъ ангела». Норвидъ, излагая свои взгляды на искусство, выражаетъ горячее пожеланіе, чтобы польское искусство стало «хоругвью на башнѣ человѣческихъ трудовъ» По его мнѣнію, туда ведетъ одинъ путь: поднять народъ на высоту художественнаго творчества. «Народное» поднять къ «общечеловѣческому» — вотъ идея Норвида. Это сдѣлано, по его мнѣнію, въ музыкѣ Шопеномъ. Поскольку правъ былъ Норвидъ, свидѣтельствуетъ объ этомъ великое художественное наслѣдіе Выспянскаго, который «народные польскіе элементы» поднялъ въ своихъ произведеніяхъ (хотя бы въ «Свадьбѣ»), несомнѣнно, до ступени обще-человѣческихъ цѣнностей.

Но въ этомъ краткомъ эскизѣ я не буду увлекаться и пророческими эстетическими теоріями Норвида, хотя я могъ бы доказать, что на нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ опередилъ то, что мы сочли новымъ въ эстетикѣ, прочитавъ парадоксы Уайльда и произведенія Гамсуна. Возвращаюсь снова въ поэтическомъ творчествѣ Норвида къ тому, что дѣлаетъ его соединительнымъ звеномъ между великой троицей нашей поэзіи и настоящимъ.

Всѣ устремленія, всѣ полеты ввысь польской поэзіи тѣсно связаны съ національнымъ горемъ, всѣ они создавали ту національную вѣру, которая, какъ вода жизни, укрѣпляла народъ-страдалецъ и давала ему силы для дальнѣйшихъ тяжелыхъ переживаній. Норвидъ шелъ по тому же пути, только избралъ совершенно особую дорогу какой-то индуктивной филологіи, дорогу заманчивую и увлекательную. Онъ размышлялъ, напр., о словѣ красота (по-польски — piękno), въ разныхъ языкахъ и писалъ: «Слово красота у различныхъ разносторонне и разностепенно развитыхъ по отношенію къ искусству народовъ, когда мы разсмотримъ, то намъ станетъ яснымъ перво-лучъ всякаго національнаго искусства. У русскаго простонародія «красивый» это — «красный», тотъ же корень, что въ нашемъ «красный» (червоны). У грековъ — *καλὸς* находящееся въ связи съ *κυλίω* — дѣлаю кругъ — и *κάλιξ* — бокалъ; значитъ, греческая красота то, что полнѣе всего, законченнѣе всего по формѣ, а римское pulcher взято изъ греческаго — *πολος* и *χορος* — «все-хоръ, все-голосъ, все-героизмъ». Вотъ нѣсколько примѣровъ поэтически-филологическихъ изысканій Норвида. Польская красота, по его мнѣнію, piękno, это pieśn i jęk — пѣсня и стонъ, торжество пѣсни надъ стономъ. Анализи-

руя произведенія Мицкевича и Словацкаго, Норвидъ приходитъ къ убѣжденію, что это именно такъ. Польская пѣсня — это торжество національнаго духа надъ страдающей національной плотью. Зоріанъ — воплощеніе польскаго поэта въ «Королѣ-Духѣ» Словацкаго — «шелъ черезъ пламя съ улыбкой пѣсни», а его лира учила, «какъ издать послѣднее дыханіе».

Это пониманіе польскаго искусства является общимъ и для великихъ нашихъ романтиковъ и для ихъ эпигона Норвида.

Польша, своими страданіями, своей смертью несущая торжество и спасеніе другимъ націямъ — это краеугольный камень нашихъ исторіософическихъ теорій блестящаго періода нашей поэзіи, это идея, которой жила наша великая эмиграція въ первой половинѣ XIX вѣка, это мысль, которая вдохновляла Товіанцевъ, безъ нея они были бы средневѣковой сектой. Идея особаго призванія польскаго народа вдохновляла и Мицкевича, и Словацкаго и Красинскаго, она увѣковѣчена въ ихъ произведеніяхъ. Исчезло «Коло слугъ справы», какъ звали себя Товіанцы, но мессіанистская идея жила и цвѣла вновь и вновь и у Норвида-эпигона романтизма и даже у позитивиста Щепановскаго. Это все та же «дорога торжествующей надъ скорбью пѣсни, черезъ страданіе вглубь, черезъ мракъ къ свѣтлому, черезъ обрывы и камни къ вершинѣ», говоритъ изслѣдователь польскаго мессіанизма Баумфельдъ.

Холодная критика временъ позитивизма готова была признать, въ лучшемъ случаѣ, мессіанизмъ — геніальнымъ сумасшествіемъ. Историки литературы, авторы монографій популяризировали у насъ понятіе, что «мессіанизмъ убилъ творчество Мицкевица и отрицательно повліялъ на Словацкаго».

Въ послѣднее время этотъ вопросъ сталъ освѣщаться иначе. Идея мессіанизма, какъ и все мистическое, обыкновенно разсматривается съ улыбкой, зачисляется, какъ у Норвида, къ «чудачествамъ и капризамъ» de ce pauvre Ciprien.

Тутъ нужно сказать, что польскій мессіанизмъ несмотря на то, что онъ глубоко націоналенъ, никогда не сходилъ въ сторону того, что въ нашъ вѣкъ принято называть націонализмомъ.

Польскій мессіанизмъ считалъ, что своимъ страданіемъ Польша освободитъ не только себя, но и всѣ другія страдающія націи. Подтвержденіе этому мы находимъ и у Норвида.

Гдѣ бы ни велась борьба народа за свободу, противъ ига, всюду за ней слѣдуетъ пѣсня Норвида. О-Конелъ, боровшійся за свободу Ирландіи, любимый герой Норвида; эмиру Алжира Абу-Эль-Кадеру, борющемуся гдѣ-то вдали за свободу магометанъ сѣв. Африки противъ Франціи, несмотря на симпатіи Норвида къ Франціи, этой второй родинѣ польскихъ странниковъ, поэтъ несетъ дань въ слѣдующихъ строкахъ (передаю прозой):

„Прими, Эмиръ, дальній поклонъ...
„Пусть *слезы сироты, слезы калѣки*
„Заблестятъ для тебя, какъ крещеніе".

Этотъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы не указать на стихотвореніе, посвященное «Польскимъ евреямъ»; въ немъ поэтъ «воздаетъ честь тѣмъ, которые не убоялись монгольско-черкесской грозы и вмѣстѣ съ нами защищали Моисеева Бога».

Таковъ польскій поэтическій мессіанизмъ, полный горячей вѣры въ лучшее будущее и своего народа и всего человѣчества. Съ этой вѣрой шла Польша крестнымъ путемъ своей исторіи послѣдняго столѣтія.

Здѣсь не мѣсто, конечно, рѣшать вопросъ — дѣйствительно ли было у польскаго народа особое призваніе. Это, конечно, особая исторіософія — не хуже, хотя бы, историческаго матеріализма или ретроспекціи переворота. Одно должны мы констатировать, что безумная мистическая идея мессіанизма являлась всегда оживляющей волной во времена раздумія — въ «праздникъ пресыщенія», какъ говоритъ Норвидъ. Таковъ былъ мистическій мессіанизмъ Ципріана Норвида.

Послѣднее до войны время раздумія принесло намъ новую волну этой идеи, она явилась тѣмъ же долгожданнымъ и оживляющимъ словомъ. И непонятый и далекій Норвидъ пересталъ быть загадкой, сталъ близокъ и понятенъ.

„Нужно укрыться за чернымъ капарисомъ,
„Уйти и вернуться, но въ свое время вернуться".

Это пророчество Норвида сбылось: онъ вернулся въ свое время, а скорѣе — мы его вернули себѣ вмѣстѣ съ надеждами на лучшее будущее народа.

С. Гростернъ.

А. Мицкевичъ.

Конрадъ Валленродъ.

(Баллада.)

Селенія Мавровъ руинами стали,
А люди оковы влачатъ;
Твердыни Гренады еще устояли,
Но городъ чумою объятъ.

Со стѣнъ Альпухары Альманзоръ съ отрядомъ
Еще оборону ведутъ;
Но флаги испанцевъ ужъ съ башнями рядомъ, —
Съ разсвѣтомъ на приступъ пойдутъ.

И мѣдныя жерла съ зарей зарычали,
И рухнули башни во прахъ;
На всѣхъ минаретахъ кресты заблистали, —
Твердыня въ испанскихъ рукахъ.

Одинъ лишь Альманзоръ, увидя дружину
Разбитой въ упорномъ бою,
Рванулся межъ копья, въ стальную щетину,
Спасъ жизнь и свободу свою.

Въ разрушенномъ замкѣ, на свѣжихъ руинахъ,
Межъ груды обломковъ и тѣлъ,
Пируютъ испанцы, купаются въ винахъ,
Свершаютъ добычи раздѣлъ.

Вдругъ стражъ на пиру появился, доноситъ,
Что рыцарь изъ чуждыхъ сторонъ
Съ вождями свиданья скорѣйшаго проситъ,
Что съ важною новостью онъ.

Тотъ рыцарь — Альманзоръ, король Мавританскій;
Снялъ плащъ беззаботной рукой,
Пришелъ добровольно онъ въ лагерь испанскій
И проситъ о жизни одной.

— Я къ вашему, — молвилъ, — испанцы, порогу
Явился чело преклонить,
Хочу я молиться лишь вашему Богу,
Лишь вашимъ пророкамъ служить.

По цѣлому свѣту пусть слухъ повторяетъ:
Альманзоръ, сраженный войной,
Врагамъ своимъ братомъ остаться желаетъ,
Вассаломъ короны чужой! —

Испанцы почтенье воздали герою:
Узнавши врага своего,
Обнялъ его вождь и другіе чредою
Какъ друга встрѣчали его.

Альманзоръ въ отвѣтъ на привѣты сердечно
Всѣхъ рыцарей братски обнялъ,
Жалъ руки вождю онъ, его безконечно,
Обнявши за шею, въ уста цѣловалъ.

И вдругъ онъ упалъ предъ друзьями своими;
Слабѣя, дрожащей рукою
Хваталъ ихъ за ноги, тянулся за ними
Съ повязкой своей головной.

Взглянулъ онъ на рыцарей, — всѣ поразились;
Глядятъ: посинѣло чело,
Ужасной улыбкой уста исказились
И кровью глаза залило.

— Гяуры! Любуйтесь моей синевою!
Рѣшайте же: чей я посолъ?...
Обмануты вы: изъ Гренады съ собою
Чуму я къ вамъ въ гости привелъ!

Кричитъ онъ и бьется; объятіемъ вѣчнымъ
Сковалъ бы испанцевъ онъ всѣхъ;

Смѣется Альманзоръ, и эхомъ сердечнымъ
Его отражается смѣхъ.

Смѣялся до смерти, но губы и вѣки
Не умерли съ нимъ, — на устахъ
Змѣилась улыбка, и смѣхъ тотъ навѣки
Остался на мертвыхъ чертахъ.

Въ тревогѣ испанцы изъ замка бѣжали;
Чума вслѣдъ за ними пошла,
И прежде, чѣмъ горы они миновали,
Послѣдняя рать ихъ легла.

Перев. ***М. А. Славинскаго.***

А. Мицкевичъ.

Матери полькѣ.

1830 годъ.

О, полька-мать! Когда въ очахъ у сына
Увидишь свѣточъ генія живой,
И благородный обликъ властелина
Съ чела сверкаетъ правдою былой;
И если, кругъ ровесниковъ покинувъ,
Бѣжитъ дитя за думкой старика,
И слушаетъ о чести властелиновъ,
О подвигахъ, что вѣдали вѣка...
— О, полька-мать! Страшны его забавы!
Склонись предъ образомъ Пречистой ты...
— Въ ея груди ты видишь мечъ кровавый?
Такимъ пронзятъ тебя за дѣтскія мечты!

Узнай — хоть вся земля цвѣти въ любовной силѣ,
Согласно пусть живутъ народы и вожди, —
Но сына поведетъ безславный бой къ могилѣ,
Святой — безъ воскресенья впереди!
Такъ, съ дѣтства, шли его въ угрюмую пещеру,
Гдѣ мысли надъ гнилой рогожею цвѣтутъ,

Гдѣ испаренія удушливы и сѣры,
И дѣлитъ грязный гадъ его ночной пріютъ.

Тамъ онъ научится ползти въ подполье гнѣвно,
И въ безднѣ думъ неуловимымъ жить,
Какъ воздухомъ гнилымъ, шептаніемъ напѣвнымъ
Въ личинѣ мертвыхъ змѣй надъ міромъ ворожить.

Спаситель нашъ ребенкомъ въ Назаретѣ
Игралъ крестомъ и міръ имъ искупилъ...
— О, полька-мать! Игрушки есть на свѣтѣ,
Дитя къ забавамъ я бы пріучилъ!..

Заранѣе обвей ему цѣпями руки,
Впрягаться въ тачку станъ его учи,
Чтобъ не блѣднѣлъ предъ топоромъ отъ муки
И не краснѣлъ, какъ кликнутъ палачи...
Вѣдь не идти ему, какъ рыцарямъ былого,
Поднять въ Сіонѣ древній Крестъ Честной,
И не пахать ему поля свободы новой,
Какъ свѣтлымъ витязямъ кровавою весной.
Пошлетъ ему призывъ предатель незнакомый,
Клятвопреступный судъ борьбу съ нимъ поведетъ,
Въ болотахъ грянетъ бой, въ низинахъ сгинутъ громы,
И всемогущій врагъ присудитъ эшафотъ.

Плитой надгробною — разбитый, обреченный! —
Стоятъ сухіе висѣлицъ столбы...
Слезой прощальною промчатся женщинъ стоны,
Да потаенный вздохъ средь пасынковъ судьбы...

Перев. ***Борисъ Гуревичъ.***

К. Норвидъ.

По томъ краю, гдѣ крошку хлѣба
Съ земли поднимутъ, цѣня дороже
Подарокъ неба —
Тоскую, Боже!

По томъ краю, гдѣ грѣхъ разрушитъ
Слуги людского, какъ аистъ, ложе
На старой грушѣ —
Тоскую, Боже!

По томъ краю, гдѣ встрѣчныхъ клики
Христовой вѣрой пылаютъ строже —
„Хвала Владыкѣ!“
Тоскую, Боже!

Еще тоскую по-иному,
И гдѣ оно — не знаю тоже,
По незлобивому, простому —
Тоскую, Боже!

По безпечальности безъ думы,
По тѣмъ, кто твердо вѣрить можетъ,
Безъ сновъ угрюмыхъ —
Тоскую, Боже!

Тоскую по краю, гдѣ любятъ
Меня — такъ быть должно... Но что же
Любовь въ ней губитъ?
Тоскую, Боже!

Перев. ***Борисъ Гуревичъ.***

Изъ Словацкаго.

1.

Хвали, душа, хвали Его,
Изъ глуби пѣнья своего.
Хвали и пой, хвали, Онъ святъ,
Пропой, что твой удѣлъ богатъ.

Хвали Безсмертнаго, хвали
За духъ твой, звѣзды въ немъ зажгли
Свои сіянія, и вновь
Хвали за звѣздную любовь.

Онъ столько разъ, какъ духъ, страдалъ.
Тебя увидѣлъ, оправдалъ,
И поднялъ къ небу отъ земли,
Хвали, душа, Его, хвали.

2.

Овечки мои,
Разсвѣтный часъ.
Туда, гдѣ ручьи,
Поведу я васъ.
И пущу, васъ, овечки,
На цвѣточки близъ рѣчки,
Сохранитъ васъ мой глазъ.

Овечки изъ духа,
Я пастырь вашъ.
Есть пѣсня для слуха,
Есть свѣтъ для чашъ, —
Для чаши цвѣточной.
Здѣсь въ часъ свой урочный
Лучистый я стражъ.

3.

Когда вдвоемъ войдемъ въ небесные мы своды,
Богатства гдѣ твои, — спрошу, — хранишь ли ихъ?
Вѣдь въ воздыханіяхъ тебѣ я отдалъ годы,
И поцѣлуями платила ты за нихъ.
А нынѣ именно вотъ этими годами
Въ лазури вѣчность ты купила для себя.
Вѣдь въ жизнь твою вошли сны, лучшіе межъ снами,
И существо мое — все перешло въ тебя,
Но ты, лучистая въ лазури королева,
Вся въ солнцѣ духа, ты лишь это вотъ хранишь,
Что звукъ въ тебѣ звучитъ, лучъ слова, звонъ напѣва,
И духъ твой — въ словѣ томъ, кругомъ — лазурь и тишь.
А въ словѣ — пѣсенка его и сокрушенье,
Полъ-прошлаго дрожитъ, поетъ, не молкнетъ пѣнье.

4.

... На то одинъ отвѣтъ. Взнеси въ своихъ рукахъ
Лампаду нѣжную Психеи — и за мною

Иди сквозь мглу вѣковъ, гдѣ замеръ дымный страхъ,
Твой грустный братъ пойдетъ неспѣшною стопою
За свѣтлою тобой... Духъ — міръ... И въ образъ тотъ,
Въ ликъ духа устремимъ нашъ взоръ среди темнотъ.
Пойдемъ среди картинъ волшебныхъ, безъ усилья,
Въ красивой памяти вдругъ выступитъ разсказъ,
И неожиданно соединитъ онъ насъ, —
Мы въ мысляхъ обрѣтемъ вздымающія крылья.

Тутъ лишь одинъ отвѣтъ. Воистиву великъ,
Кто можетъ, услыхавъ, не утерять изъ слуха,
Что все сотворено чрезъ духа — и для духа.
А если это такъ, весь прошлый міра ликъ
Въ насъ умеръ, погребенъ, и всталъ для воскресенья.
Захочешь, — въ памяти весь встанетъ какъ видѣнье.
Но какъ повѣришь мнѣ? Какъ прослѣдишь родникъ?

... Отвѣтъ я дать могу. Но въ немъ провалы знанья,
И ждете вы его, и міръ надеждой юнъ,
Глядитъ — но Богъ не тамъ, за мглами упованья,
Но Онъ не въ морѣ зорь и не за ликомъ лунъ,
Не въ смутныхъ снахъ людскихъ, какъ роза, окровавленъ,
Въ дѣяніяхъ духа Онъ — въ ларцѣ его трудовъ —
И въ воскресеніяхъ народа многозвѣздныхъ —
Въ возстаніи людей изъ сумрачныхъ гробовъ —
И въ каждомъ Онъ изъ насъ — не такъ въ морскихъ Онъ безднахъ
И на вершинахъ Альпъ — великъ въ огнѣ своемъ,
Какъ въ часъ, когда онъ въ насъ горитъ, увѣнчанъ въ громъ.
Онъ, говорю, — Богъ-Духъ, — свѣча надъ нашей пылью,
Здѣсь, въ темныхъ ангелахъ, чья жизнь есть полумгла,
Онъ полувоскрешенъ — намъ золотитъ тѣла.

Дозвольте жъ, чтобы васъ другой епитрахилью,
Надъ той, въ которую священника рука
Одѣла васъ, теперь облекъ я на вѣка —
И увѣнчаю васъ — лампада же Господня
Пребудетъ въ Вѣчности, зажженная сегодня.

К. Бальмонтъ.

С. Красинскій.

От слезъ и крови мутны мчатся волны жизни
Въ пучинахъ безпріютны глухія укоризны,
Вдали туманъ овѣялъ пучину сновъ былого,
А будущаго море пылаетъ кровью новой,
Вокругъ пловцовъ темнѣе пространство ледяное,
И вопль за воплемъ рѣетъ:
Проклятье — надо мною!

Перев. ***Бориса Гуревича.***

Л. Стаффъ.

(Изъ книги „Dzien duszy".)

Блаженны вы, о вечера мои,
Когда работникъ разгибаетъ спину,
Когда скрипятъ возы, плетясь къ овину,
И въ глинѣ влажной четки колеи.

Когда до утра дремлетъ борона,
И мельница устало крылья клонитъ,
И дѣвушки стада съ опушки гонятъ,
И тяжелы коровьи вымена.

Тогда земля награду шлетъ труду
И воздаетъ за тяжкую страду —
Дары пріемлетъ ревностный оратай.
Въ тотъ часъ съ моей души слетаетъ тѣнь:

Ей чудится суровый страдный день
И вечеръ жатвы, пышной и богатой.

Перев. ***С. Дубнова-Эрлихъ.***

Л. Стаффъ.

Закатъ.

Дыханье розъ, какъ слезный зовъ,
Больную душу ранитъ.

Какъ пятнами зловѣщихъ сновъ
Горитъ закатъ въ туманѣ!

Неулыбающійся сводъ,
Подобный блеклой ткани,
Купаетъ въ глади мертвыхъ водъ
Тоску своихъ алканій.

Безумный сумеречный ядъ
Въ сердца цвѣтовъ сочится.
Какой-то тихій, дивный садъ
Подъ топоромъ ложится...

Перев. *С. Дубнова-Эрлихъ.*

Изъ **Генрика Сенкевича.**

Огнемъ и мечемъ.

Томъ II, изъ главы XXIV.

(Изъ юбилейнаго изданія 1908 г., Краковъ.)

...Въ лагерѣ всѣ ожидали, что завтра послѣдуетъ штурмъ. Дѣйствительно, съ утра двинулись толпы черни, казаковъ, татаръ и другихъ дикихъ воиновъ, присоединившихся къ Хмѣльницкому, — и всѣ шли къ окопамъ, подобно черной тучѣ, обволакивающей вершину горы. Солдаты, уже наканунѣ тщетно пытавшіеся сосчитать число костровъ, теперь были поражены при видѣ этого моря головъ. Но то былъ еще не настоящій штурмъ, а скорѣе осмотръ поля, шанцевъ, рвовъ, валовъ и всего польскаго лагеря. И какъ морская волна, гонимая вѣтромъ съ далекаго простора, надвигается, вздымается, пѣнится, съ шумомъ ударяется о берегъ и отступаетъ назадъ, такъ и они ударяли то здѣсь, то тамъ и снова отступали, и снова ударяли, точно пытаясь узнать силу сопротивленія, точно желая убѣдиться, не сломятъ ли духъ защитниковъ однимъ своимъ видомъ, одной своею численностью прежде, чѣмъ уничтожатъ тѣло.

Началась канонада — и ядра часто попадали въ польскій ла-

герь, изъ котораго отвѣчали артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Въ то же время на валахъ появилась процессія со Святыми Дарами, чтобы поднять упавшій духъ войска. Ксендзъ Муховецкій несъ золотую дароносицу, держа ее обѣими руками выше лица и иногда вознося кверху; онъ шелъ подъ балдахиномъ, одѣтый въ парчевую ризу, спокойный, съ полузакрытыми глазами и аскетическимъ лицомъ. Рядомъ съ нимъ, поддерживая его подъ локти, шли два ксендза: Яскульскій, гусарскій капелланъ, нѣкогда доблестный воинъ, очень свѣдущій въ военномъ искусствѣ, и Жабковскій, тоже бывшій военный, рослый монахъ-бернардинецъ, въ цѣломъ лагерѣ уступавшій въ силѣ только одному Лонгину. Балдахинъ несли четыре шляхтича, среди которыхъ былъ и Заглоба; передъ балдахиномъ шли дѣвочки съ миловидными личиками и сыпали цвѣты. Процессія слѣдовала вдоль всей линіи валовъ, сопровождаемая военачальниками. Солдаты при видѣ дароносицы, блестѣвшей, какъ солнце, при видѣ спокойствія ксендзовъ и дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, воспламенялись мужествомъ и энтузіазмомъ. Вѣтеръ разносилъ бодрящій запахъ мирры, горѣвшей въ кадильницахъ; всѣ покорно склоняли головы передъ процессіей.

Ксендзъ Муховецкій время отъ времени возносилъ дароносицу и, поднимая глаза къ небу, пѣлъ молитву: «Передъ великими Дарами». Могучіе голоса Яскульскаго и Жабковскаго подхватывали: «Падаемъ ницъ» — и вмѣстѣ съ ними пѣло все войско. Густой басъ пушекъ вторилъ молитвѣ; иногда непріятельское ядро пролетало, гудя, надъ балдахиномъ и ксендзами, иногда, ударившись немного ниже въ валѣ, осыпало ихъ землею, такъ что Заглоба съеживался и прижимался къ древку. Особенно страхъ овладѣвалъ имъ, когда процессія останавливалась для молитвы. Тогда воцарялось молчаніе, и слышалось эхо, какъ стаями летѣли ядра, точно большія птицы. Заглоба сильно краснѣлъ, а ксендзъ Яскульскій искоса поглядывалъ въ сторону непріятеля и, не будучи въ состояніи удержаться, бормоталъ: «Куръ имъ сажать на яйца, а не стрѣлять изъ пушекъ!» — такъ какъ, дѣйствительно, у казаковъ были плохіе артиллеристы, а онъ, какъ старый солдатъ, не могъ спокойно смотрѣть на такое неумѣніе и напрасную трату пороха. Процессія двигалась дальше и, наконецъ, дошла до другого конца валовъ, на которые непріятель тоже не дѣлалъ боль-

шого натиска. Попытавшись то здѣсь, то тамъ, въ особенности со стороны западнаго пруда, не удастся ли вызвать замѣшательство, татары и казаки отступили, наконецъ, къ своимъ позиціямъ и остановились на нихъ, не высылая даже наѣздниковъ. Между тѣмъ процессія окончательно ободрила осажденныхъ.

Теперь было очевидно, что Хмѣльницкій ждетъ прибытія своего лагеря. Онъ былъ увѣренъ, что одного настоящаго штурма будетъ достаточно, и велѣлъ устроить только нѣсколько редутовъ для пушекъ, не предпринимая какихъ-либо иныхъ земляныхъ работъ. Обозъ прибылъ на слѣдующій день и сталъ, возъ за возомъ, въ нѣсколько десятковъ рядовъ, растянувшись въ длину на нѣсколько верстъ, отъ Вѣрняковъ до Дембины. Съ нимъ пришли новыя силы, а именно — великолѣпная запорожская пѣхота, почти равная турецкимъ янычарамъ и несравненно болѣе приспособленная къ штурмамъ и наступательнымъ дѣйствіямъ, нежели чернь и татары.

Памятный день тринадцатаго іюля прошелъ для обоихъ сторонъ въ лихорадочныхъ приготовленіяхъ; уже не подлежало сомнѣнію, что послѣдуетъ штурмъ, такъ какъ трубы, барабаны и литавры съ утра били тревогу въ лагерѣ казаковъ, а у татаръ гудѣлъ, какъ громъ, большой, священный бубенъ, такъ называемый, балтъ. Вечеръ наступилъ тихій, ясный, только съ обоихъ прудовъ и рѣки Гнѣзны поднимался легкій туманъ. Первая звѣзда засвѣтилась въ небѣ.

Въ эту минуту залпъ изъ шестидесяти казацкихъ пушекъ слился въ одинъ гулъ, несмѣтныя полчища ринулись съ ужаснымъ крикомъ къ валамъ, и штурмъ начался.

Польскія войска стояли въ окопахъ, и имъ казалось, что земля дрожитъ подъ ихъ ногами; самые старые солдаты не помнили ничего подобнаго.

— Господи Іисусе, Пресвятая Дѣва! что это такое? — спросилъ Заглоба, стоя возлѣ Скржетускаго и его гусаръ въ промежуткѣ между валами. — Это не люди идутъ на насъ!

— Вы угадали, это не люди: непріятель гонитъ передъ собою быковъ, чтобы первые наши выстрѣлы направить на нихъ и ослабить насъ.

Старый шляхтичъ весь покраснѣлъ, глаза его округлились, и изъ устъ вырвалось одно слово, въ которомъ вылилось все его бѣ-

шенство, весь ужасъ и все, что онъ испытывалъ въ эту минуту:

— Мерзавцы!...

Быки, которыхъ дикіе, полунагіе чабаны гнали бичами и горящими факелами — какъ бѣшеные, обезумѣвъ отъ страха, съ ужаснымъ ревомъ бѣжали впередъ, то сбиваясь въ кучу, то разбѣгаясь или поворачивая назадъ, то снова устремляясь къ валамъ. Тогда Вурцель открылъ огонь. Все заволоклось дымомъ, небо побагровѣло, испуганные быки разсыпались во всѣ стороны, точно ихъ разогналъ громъ; половина изъ нихъ пала, а по ихъ трупамъ непріятель шелъ дальше.

Впереди, подгоняемые сзади пиками и выстрѣлами изъ самопаловъ, бѣжали плѣнные съ мѣшками песку, которымъ они должны были засыпать ровъ. Это были крестьяне изъ окрестностей Збаража, молодые мужчины, старцы и женщины, не успѣвшіе скрыться въ городъ передъ нашествіемъ непріятеля. Всѣ они бѣжали съ крикомъ, плачемъ, простирая руки къ небу и умоляя о состраданіи. Волосы поднимались дыбомъ отъ этого воя, но состраданія не было тогда на землѣ: съ одной стороны, казацкія пики вонзались въ ихъ спины, съ другой, ядра Вурцеля разбивали несчастныхъ, картечь рвала ихъ на части — и они бѣжали, плескались въ крови, падали, поднимались и опять бѣжали, такъ какъ ихъ гнала казацкая волна, казацкую — татарская, татарскую — турецкая...

Крѣпостной ровъ быстро наполнился трупами, кровью, мѣшками съ пескомъ, сравнялся съ землею, и непріятель съ воемъ бросился черезъ него къ валамъ.

Полки напирали одни на другіе; при вспыхивающемъ свѣтѣ орудійнаго огня было видно, какъ офицеры гнали буздыганами на окопы все новые отряды. Перволинейные бойцы были брошены на позиціи и войска Еремы, такъ какъ Хмѣльницкій зналъ, что тамъ будетъ оказано наиболѣе сильное сопротивленіе. Поэтому туда направлялись сѣчевые курени, за ними шли страшные переяславцы подъ предводительствомъ Лободы, за ними Воронченко велъ черкасскій полкъ, Кулакъ — харьковскій, Нечай — брацлавскій, Степка — уманскій, Мрозовецкій — корсунскій; шли и кальничане, и многочисленный бѣлоцерковскій полкъ, состоящій изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ, — а съ нимъ самъ Хмѣльницкій — въ огнѣ, красный, какъ сатана, гордо подставляющій широкую грудь подъ пули, съ лицомъ льва, съ взглядомъ орла — въ хаосѣ, дымѣ, суматохѣ,

рѣзнѣ и пламени неустанно за всѣмъ надзирающій, всѣмъ руководящій.

За украинцами шли дикіе донскіе казаки, далѣе черкесы, сражающіеся ножами, тутъ же Тугай-бей велъ отборныхъ ногайцевъ, за ними Субагази — бѣлгородскихъ татаръ, Курдлукъ — смуглыхъ астраханцевъ, вооруженныхъ громадными луками и стрѣлами, изъ которыхъ каждая по величинѣ равнялась дротику. Они шли густою, сплошною стѣною, такъ тѣсно, что горячее дыханіе идущихъ сзади обжигало затылки переднихъ.

Сколько ихъ пало прежде, чѣмъ они дошли, наконецъ, до рва, заваленнаго трупами плѣнныхъ — кто разскажетъ, кто воспоетъ! Но все же они дошли, перешли и начали взбираться на валы. Въ ту минуту казалось, что эта звѣздная ночь — послѣдняя ночь страшнаго суда. Пушки, не будучи въ состояніи настигать ближайшихъ, извергали губительный огонь на дальнѣйшіе ряды. Ядра, описывая огненныя дуги въ темномъ небѣ, летали съ адскимъ хохотомъ, освѣщая, какъ днемъ, темное пространство. Пѣхотинцы и спѣшившіеся княжескіе драгуны стрѣляли въ непріятеля почти въ упоръ.

Первые непріятельскіе ряды хотѣли было отступить, но не могли, такъ какъ ихъ тѣснили сзади — и они тутъ же погибали. Кровь плескалась подъ ногами наступающихъ. Валы стали влажными, по нимъ скользили руки, ноги, груди, но враги, пренебрегая ранами и смертью, карабкались на нихъ, падали и снова лѣзли, окутанные дымомъ, черные отъ пороха, поражаемые пиками и саблями защитниковъ. Мѣстами уже сражались холоднымъ оружіемъ. Люди словно обезумѣли отъ ярости и дрались съ оскаленными зубами, съ залитыми кровью лицами... Живые сражались на вздрагивающихъ тѣлахъ умирающихъ. Уже не было слышно команды, а лишь одинъ страшный крикъ, въ которомъ смѣшалось все: и трескъ ружейной пальбы, и хрипѣніе умирающихъ, и стоны раненыхъ, и ревъ гранатъ.

И эта титаническая, безпощадная битва длилась въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Вокругъ крѣпостного вала выросъ другой валъ изъ труповъ и преграждалъ путь осаждающимъ. Сѣчевые были изрублены почти всѣ, переяславскій полкъ тоже легъ подлѣ вала, отъ харьковскаго, брацлавскаго и уманскаго, осталась десятая часть, но другіе все еще шли впередъ, тѣснимые сзади гет-

манской гвардіей, румелійскими турками и урумбейскими татарами. Однако, въ рядахъ нападающихъ уже началось замѣшательство, между тѣмъ, какъ польскіе пѣхотинцы и драгуны до сихъ поръ не уступили ни одной пяди земли. Задыхающіеся, забрызганные кровью, охваченные воинственнымъ пыломъ, покрытые потомъ, почти обезумѣвшіе отъ запаха крови, осаждающіе рвались одни черезъ другихъ къ непріятелю, какъ разъяренные волки рвутся къ стаду овецъ. Въ эту минуту Хмѣльницкій сдѣлалъ вторичный натискъ съ остатками первыхъ полковъ и съ нетронутыми еще бѣлоцерковцами, татарами, турками и черкесами.

Пушки въ окопахъ перестали гремѣть, гранаты не освѣщали больше пространства, вдоль всей линіи западнаго вала слышалось только бряцаніе холоднаго оружія. Все опять смѣшалось. Наконецъ прекратилась и ружейная пальба, и тьма покрыла сражающихся.

Уже нельзя было разсмотрѣть, что тамъ происходитъ — лишь шевелилось что-то во мракѣ, словно конвульсивно вздрагивало тѣло громаднаго чудовища. Даже по крикамъ нельзя было опредѣлить, звучитъ ли въ нихъ тріумфъ или отчаяніе. Временами и они смолкали, и тогда слышался только какъ бы одинъ великій стонъ, раздающійся повсюду — изъ-подъ земли, на землѣ, въ воздухѣ, все выше и выше, точно и души со стономъ отлетали съ этого побоища.

Но это были недолгіе перерывы; послѣ нихъ крики и вой раздавались съ еще большей силой, становились еще болѣе хриплыми, еще болѣе нечеловѣческими.

Внезапно снова затрещала ружейная пальба: то Махницкій съ остальной частью пѣхоты пришелъ на помощь утомленнымъ полкамъ. Въ заднихъ рядахъ казаковъ дали сигналъ къ отступленію.

Насталъ перерывъ, казацкіе полки отступили отъ окоповъ и остановились подъ прикрытіемъ своихъ орудій. Но не прошло и получаса, какъ Хмѣльницкій въ третій разъ погналъ ихъ на штурмъ.

Тогда на валу появился на конѣ самъ князь Ерема. Его легко можно было узнать, такъ какъ надъ его головой развѣвалось знамя и гетманскій бунчукъ, а передъ нимъ и за нимъ несли множество горящихъ кровавыхъ свѣтомъ факеловъ. Непріятель тотчасъ открылъ по немъ стрѣльбу изъ пушекъ, но вслѣдствіе неопытности артиллеристовъ ядра перелетали дальше за рѣку

Гнѣзну, онъ же стоялъ спокойно и смотрѣлъ на приближающіяся тучи враговъ.

Казаки убавили шагу, какъ бы очарованные этимъ зрѣлищемъ.

— Ерема! Ерема! — словно шумъ вѣтра, пронесся по ихъ рядамъ тихій говоръ.

Стоящій на валу въ кровавомъ свѣтѣ факеловъ, этотъ грозный князь казался имъ какимъ-то легендарнымъ героемъ, и дрожь пробѣгала по ихъ истомленнымъ членамъ, а руки дѣлали знаменіе креста.

Онъ все стоялъ.

Наконецъ, махнулъ золотою булавою, и тотчасъ ядра, словно зловѣщія птицы, зашумѣли въ небѣ и врѣзались въ ряды наступающихъ; непріятельскіе отряды дрогнули, какъ смертельно раненый драконъ; крикъ ужаса пронесся по нимъ съ одного конца до другого.

— Бѣгомъ! Бѣгомъ! — раздались голоса казацкихъ полковниковъ.

Черная лавина стремительно кинулась къ валамъ, подъ которыми могла укрыться отъ гранатъ, но не успѣли казаки пробѣжать и половины пути, какъ князь, все время стоящій на виду у всѣхъ, повернулся къ западу и снова махнулъ золотою булавою.

По этому знаку со стороны пруда, съ пространства, лежащаго между прудомъ и валомъ, начала выступать кавалерія и въ одно мгновеніе очутилась на краю равнины; при свѣтѣ разрывающихся снарядовъ отчетливо были видны громадныя знамена гусарскихъ полковъ Скржетускаго и Зацвилиховскаго, драгунскія знамена Кушеля и Володыевскаго и княжескихъ татаръ, подъ предводительствомъ Ростворовскаго. За ними выступали полки княжескихъ казаковъ и валаховъ подъ начальствомъ Быховца. Не только Хмѣльницкій, но и послѣдній изъ его казаковъ поняли, что дерзкій военачальникъ рѣшилъ ударить всей кавалеріей во флангъ непріятеля.

Тотчасъ въ рядахъ казаковъ былъ данъ сигналъ къ отступленію.

— Челомъ къ кавалеріи! челомъ къ кавалеріи! — послышались испуганные голоса.

Въ то же время Хмѣльницкій сдѣлалъ попытку измѣнить фронтъ своихъ войскъ и прикрыться кавалеріей отъ кавалеріи. Но

было уже поздно. Прежде чѣмъ успѣли перестроиться ряды, княжескіе эскадроны съ крикомъ: «Бей! убивай!» — понеслись, точно на крыльяхъ, съ шелестомъ знаменъ, свистомъ перьевъ и брянцаніемъ оружія. Гусары пронзили копьями стѣну непріятельскихъ войскъ и обрушились на нихъ, какъ буря, опрокидывая и разбивая все на своемъ пути. Никакая человѣческая сила, никакой приказъ, никакой военачальникъ не могли уже удержать пѣхотныхъ полковъ, на которыхъ устремился первый натискъ гусаръ. Паника охватила отборную гетманскую гвардію. Бѣлоцерковцы побросали самопалы, пищали, пики, косы, кистени, сабли и, закрывая головы руками, обезумѣвъ отъ страха, со звѣринымъ ревомъ бѣжали на стоявшіе въ тылу отряды татаръ. Но татары встрѣтили ихъ градомъ стрѣлъ — и они кинулись въ сторону и бѣжали вдоль линіи обоза, подъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи Вурцеля, устилая поле трупами такъ густо, что рѣдко гдѣ одинъ не лежалъ на другомъ.

Между тѣмъ, дикій Тугай-бей, поддерживаемый отрядами Субагази и Урума-мурзы, съ бѣшеной яростью бросился на гусаръ. Онъ не надѣялся сломить ихъ, а только хотѣлъ хоть немного задержать, чтобы въ теченіе этого времени силистрійскіе и румелійскіе янычары могли построиться въ четыреугольникъ, а бѣлоцерковцы оправиться отъ перваго замѣшательства. Поэтому онъ кинулся, какъ въ огонь, мчался самъ на конѣ въ первой шеренгѣ, не какъ вождь, а какъ простой солдатъ, и рубилъ, убивалъ, подвергаясь опасности наравнѣ съ другими. Кривыя сабли ногайцевъ ударялись со звономъ о панцыри и шлемы гусаръ, а вой дикихъ наѣздниковъ заглушалъ всѣ остальные голоса. Но ногайцы не могли устоять передъ натискомъ гусаръ. Выбитые съ мѣста, тѣснимые страшной силой желѣзныхъ всадниковъ, съ которыми они не привыкли сражаться въ открытомъ бою, поражаемые длинными мечами, сбрасываемые съ сѣделъ, давимые, какъ ядовитые черви, однако, защищались съ такой яростью, что, дѣйствительно, остановили натискъ гусаръ. Тугай-бей метался, какъ разбушевавшееся пламя, а ногайцы шли за нимъ, какъ волки за волчицей.

Однако, понемногу они отступали, все гуще устилая землю трупами. Уже крики: «Алла!», доносившіеся съ поля, возвѣстили, что янычары построились къ бою, какъ вдругъ къ бѣшеному Тугай-бею подскочилъ Скржетускій и ударилъ его саблей по головѣ. Но,

видимо, рыцарь послѣ болѣзни еще не возстановилъ своихъ силъ, или, быть можетъ, кованый въ Дамаскѣ шлемъ выдержалъ ударъ, но только сабля скользнула по головѣ и, ударившись плашмя, разсыпалась на мелкіе куски. Однако, глаза Тугай-бея тотчасъ заволоклись тьмою, онъ остановилъ коня и упалъ на руки ногайцевъ, которые, схвативъ своего вождя, съ ужаснымъ крикомъ разсѣялись въ разныя стороны, какъ разсѣивается мгла, согнанная внезапнымъ порывомъ вихря. Теперь вся княжеская кавалерія очутилась передъ румелійскими и силистрійскими янычарами и передъ ватагами сербскихъ потурченцевъ, которые вмѣстѣ съ янычарами образовали могучій четыреугольникъ и медленно отступали къ своему стану, обратившись фронтомъ къ врагамъ, направивъ на нихъ дула мушкетовъ, острія длинныхъ пикъ, дротиковъ, бердышей и кинжаловъ.

Эскадроны драгунъ и княжескихъ казаковъ вихремъ неслись на янычаръ, а передъ ними съ топотомъ и звономъ скакали гусары Скржетускаго. Самъ онъ мчался въ первомъ ряду, а возлѣ него Лонгинъ на своей инерляндской кобылѣ со страшнымъ мечомъ въ рукѣ.

Огонь красной лентой пролетѣлъ съ одного конца четыреугольной колонны до другого — пули засвистѣли мимо ушей рыцарей, кое-гдѣ послышался стонъ, кое-гдѣ упала лошадь, линія кавалеріи преломилась, но всадники неслись далѣе; вотъ они уже настигаютъ янычаръ, уже янычары слышатъ храпъ лошадей — четыреугольная колонна смыкается плотнѣе и жилистыя руки направляютъ стѣну копій въ разогнавшихся лошадей; сколько копій, столько смертей угрожаетъ рыцарямъ.

Въ эту минуту какой-то гусаръ-великанъ на полномъ скаку достигаетъ колонны, одно мгновеніе копыта гигантскаго коня виднѣются въ воздухѣ и, вслѣдъ затѣмъ и рыцарь и конь врываются въ середину колонны, ломая копья, опрокидывая, давя, уничтожая людей.

Какъ орелъ нападаетъ на стаю бѣлыхъ куропатокъ, и онѣ, робко сбившись въ кучу, становятся добычей хищника, разрывающаго ихъ когтями и клювомъ — такъ Лонгинъ Подбипента, ворвавшись въ середину непріятельскихъ рядовъ, неистовствовалъ со своимъ громаднымъ мечомъ. И никогда ураганъ не производитъ такихъ опустошеній въ молодомъ и густомъ лѣсу, какія онъ про-

изводилъ среди янычаръ. Онъ былъ ужасенъ: его фигура приняла нечеловѣческіе размѣры, его кобыла преобразилась въ какого-то дракона, извергающаго пламя изъ ноздрей, а мечъ словно троился въ его рукахъ. Кизляръ-бекъ, гигантъ-ага, бросился на него — и палъ, разрубленный пополамъ. Напрасно самые рослые и сильные янычары направляютъ въ него свои копья — они падаютъ, словно пораженные молніей, а онъ, топча ихъ, врывается въ самую густую толпу, и отъ каждаго взмаха его меча, какъ колосья подъ ударами косы, валятся янычары, вокругъ него образуется пустота, раздаются крики ужаса, стоны, удары желѣза о черепа и храпъ адской кобылы.

— Дивъ! дивъ! — слышатся испуганные голоса.

Въ эту минуту желѣзная волна гусаръ, съ Скржетускимъ во главѣ, хлынула черезъ ворота, открытыя литовскимъ рыцаремъ, стѣны колонны лопнули, какъ стѣны обрушивающагося дома, и янычары обратились въ бѣгство, разсыпаясь въ разныя стороны.

И было какъ разъ во-время, такъ какъ ногайцы подъ предводительствомъ Субагазы возвращались уже, какъ волки, жаждущіе крови, на поле битвы, а съ другой стороны Хмѣльницкій, собравъ остатки бѣлоцерковцевъ, шелъ на помощь янычарамъ. Но теперь все разстроилось. Казаки, татары, потурченцы, янычары бѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ и ужасѣ къ своему лагерю, не оказывая никакого сопротивленія, Польская кавалерія преслѣдовала ихъ, рубя на всѣ стороны. Кто не погибъ при первомъ натискѣ, погибалъ теперь. Преслѣдованіе было такъ упорно, что рыцарскіе эскадроны обгоняли задніе ряды отступавшихъ; у солдатъ руки нѣмѣли отъ ударовъ. Бѣгущія толпы бросали оружіе, знамена, шапки и даже верхнюю одежду. Бѣлыя чалмы янычаръ, точно снѣгъ, покрыли поле. Вся отборная милиція Хмѣльницкаго, пѣхота, кавалерія, артиллерія, вспомогательные татарскіе и турецкіе отряды образовали одну безпорядочную толпу, растерявшуюся и обезумѣвшую отъ страха. Цѣлыя сотни бѣжали отъ одного рыцаря. Гусары, разбивъ пѣхоту и татаръ, сдѣлали свое дѣло, и теперь драгуны и легкая кавалерія, съ Володыевскимъ и Кушелемъ во главѣ, соперничали между собой въ преслѣдованіи непріятеля. Кровь сплошной лужей покрыла поле битвы и плескалась, какъ вода, подъ сильными ударами конскихъ копытъ, обрызгивая оружіе и лица рыцарей.

Убѣгающія толпы вздохнули свободно только среди повозокъ, своего лагеря, когда трубы отозвали княжескую кавалерію.

Рыцари возвращались съ пѣніемъ и радостными кликами, считая по пути дымящимися саблями трупы враговъ. Но кто могъ однимъ взглядомъ обнять размѣры пораженія? Кто могъ сосчитать всѣхъ убитыхъ, когда у окоповъ лежали груды тѣлъ, высотою въ человѣческій ростъ? Солдаты были почти одурманены острымъ запахомъ крови и пота. Къ счастью, со стороны пруда поднялся сильный вѣтеръ и погналъ эти ядовитыя испаренія къ непріятельскимъ шатрамъ.

Такъ кончилась первая встрѣча страшнаго Еремы съ Хмѣльницкимъ.

Перев. ***Е. Нечуя.***

Стефанъ Жеромскій.

(1910.)

Сумерки.

Межъ толстыхъ стволовъ нѣсколькихъ сосенъ, уединенно росшихъ на краю порубки, пестрящей множествомъ черныхъ пней тускло-зеленую поверхность взгорья, спускалось солнце въ ореолѣ мѣднаго блеска, похожаго на прозрачную пыль, недвижною пеленою нависшую надъ далекимъ горизонтомъ. Лучи его сверкали еще на краяхъ облаковъ, окрашивая ихъ золотомъ и багрянцемъ, прорывались сквозь толщу сѣрыхъ извивовъ и блестѣли въ водахъ.

Въ бороздахъ жнивья и осеннихъ вспашекъ, на болотистыхъ лужайкахъ и свѣжевыкорчеванныхъ подъ пашню площадкахъ, гдѣ стояли лужи воды послѣ недавняго ливня — переливались рыжія пятна, будто куски пережженнаго стекла. На сѣрые, прибитые дождемъ пласты земли ложились тягостныя для глазъ, измѣнчивыя фіолетовыя тѣни, песчаные наносы желтѣли, и сорныя травы на буграхъ, кустарники на межахъ пріобрѣтали какую-то несвойственную имъ, временную окраску.

Въ глубокой котловинѣ, окаймленной съ востока, сѣвера и юга кольцомъ взгорій, лишенныхъ лѣса, струился выбивавшійся изъ подпочвы потокъ, віясь излучинами, разливаясь широкими

разливами, скопляясь въ болота и канавы. Вокругъ водъ, на торфяной толщѣ росли гущи осоки, гибкаго тростника, татарскаго зелья и невысокаго ракитника. Недвижная красноватая вода просвѣчивала изъ-подъ крупныхъ листьевъ кувшинокъ и жесткихъ водорослей, имѣвшихъ видъ безформенныхъ блѣдно-зеленыхъ пятенъ.

Прилетѣла стая дикихъ утокъ, покружилась съ вытянутыми шеями, нарушая тишину мелодично звенящимъ шелестомъ крыльевъ, и, описывая въ воздухѣ все меньшіе круги, запала въ тростники, съ шумомъ ударяясь грудью о воду. Смолкъ стрекочущій полетъ куликовъ, затихли глухіе клики болотнаго дергача, прекратилось шаловливое посвистываніе иволги, попрятались даже водяные комары и голубыя стрекозы, неустанно трепыхавшія сѣтчатыми крылышками вокругъ стеблей тростника. Блуждали еще только по свѣтящейся поверхности водъ неутомимыя водяныя мухи на своихъ ходульчатыхъ ногахъ, тонкихъ, какъ волосы, и снабженныхъ несоразмѣрно большими, пропитанными жиромъ подушечками, да работали двое людей.

Болота принадлежали къ усадьбѣ. Прежній молодой помѣщикъ шлялся по нимъ съ лягавой за утками и бекасами до тѣхъ поръ, пока не вырубилъ всего лѣса, не запустилъ полей и, внезапно лишившись владѣній, не очутился въ Варшавѣ, гдѣ занялся продажей содовой воды въ будкѣ.

Когда появился новый, разсудительный помѣщикъ, онъ сталъ бѣгать по полямъ съ палочкой и часто останавливался въ раздумьѣ у болотъ, ковыряя въ носу.

Онъ копался въ болотѣ руками, рылъ ямы, измѣрялъ, нюхалъ — пока, наконецъ, не додумался до удивительной вещи: велѣлъ приказчику нанимать изо дня въ день мужиковъ для выкапыванія торфа, вывозить илъ въ тачкахъ въ поле и складывать въ кучи, а ямы копать до тѣхъ поръ, пока не будетъ достаточно мѣста для пруда, послѣ чего строить плотины, выбирать ниже мѣсто для другого пруда, пока ихъ не наберется нѣсколько, затѣмъ прорѣзать канавы, напускать воду, ставить шлюзы и разводить рыбу.

Вывозить торфъ нанялся тотчасъ же Валекъ Гибала, безземельный мужикъ, жившій въ наемной избѣ въ сосѣдней деревнѣ. Гибала служилъ у прежняго помѣщика конюхомъ, но у новаго

не ужился. Новый помѣщикъ и новый управляющій первымъ дѣломъ тотчасъ уменьшили мѣсячину * и жалованіе, а потомъ стали всюду доискиваться воровства. У прежняго помѣщика каждый конюхъ убавлялъ своей парѣ полгарнца овса и относилъ вечеромъ кабатчику Берлину въ обмѣнъ на табакъ, бумагу или рюмку водки. Когда поступилъ новый управляющій, онъ тотчасъ смекнулъ это, а такъ какъ подозрѣніе пало на Валека, то далъ ему въ морду и прогналъ со службы.

Съ тѣхъ поръ Валекъ со своей бабой жилъ въ наемной избѣ въ деревнѣ, такъ какъ не могъ найти службы: управляющій далъ ему такое свидѣтельство, что съ нимъ невозможно было сунуться куда-нибудь за службой. Во время жатвы они оба зарабатывали у мужиковъ то здѣсь, то тамъ, зимою же и передъ новиной невѣроятно голодали. Громадный, костистый, съ желѣзными мускулами мужикъ высохъ въ щепку, почернѣлъ, сгорбился, ослабъ. Баба — какъ баба, то у кумушки поживится, то грибовъ, малины, земляники насбираетъ въ усадьбу или отнесетъ еврею и хоть на булку хлѣба заработаетъ, а мужику при молотьбѣ безъ ѣды невозможно. Когда приказчикъ объявилъ, что будетъ копать на лугу, у обоихъ даже глаза заблестѣли: самъ управляющій обѣщалъ по тридцать копеекъ за выемку кубической сажени.

Валекъ гонялъ бабу копать каждый день. Она нагружаетъ тачки, онъ по доскамъ, проложеннымъ по болотамъ, вывозитъ илъ въ поле. Работа горитъ у нихъ въ рукахъ. У нихъ двѣ большія и глубокія тачки, пока Валекъ привезетъ пустую — другая уже нагружена, онъ накидываетъ шлею на плечи и толкаетъ тачку подъ гору. Желѣзное колесо пронзительно скрипитъ, жидкая, поросшая корешками грязь брызжетъ и сгустками падаетъ на обнаженныя до колѣнъ ноги мужика, когда телѣжка перескакиваетъ съ доски на доску, шлея врѣзывается ему въ шею и плечи, выдавливая на рубашку темную полосу вонючаго пота, руки нѣмѣютъ въ локтяхъ, ноги слабнутъ и коченѣютъ отъ холоднаго ила — но зато два куба въ долгій день вынуто — это значитъ, немного денегъ въ карманѣ.

Они надѣялись, что къ концу осени скопятъ тридцать рублей, заплатятъ за избу, купятъ кадку капусты, картофеля мѣръ пять,

---

* Содержаніе пищею.

сермягу, сапоги, двѣ запаски, фартукъ для бабы, полотна на сорочки, что перебьются до весны, подрабатывая у людей то молотьбой, то тканьемъ,

Но управляющему вдругъ показалось слишкомъ много платить по тридцати копеекъ съ куба. Онъ сообразилъ, что не всякій польстится съ разсвѣта до ночи копаться въ болотѣ, что, видимо, нужда сильно притиснула ихъ, если они, не долго думая, поспѣшили приняться за такую работу. Если по двадцать копеекъ, говоритъ, то ладно, а нѣтъ, такъ нѣтъ...

По людямъ въ такое время не заработаешь, въ усадьбѣ обходятся своими людьми при молотилкахъ и машинахъ — разбирать тутъ нечего. Послѣ этого заявленія Валекъ отправился въ кабакъ и со злости напился, какъ скотина. На другой день отколотилъ бабу и повелъ съ собою на работу.

Съ тѣхъ поръ и въ короткій день они вынимаютъ тѣ же два куба, работая безпрерывно съ ранней зари до поздней ночи.

И вотъ теперь надвигается ночь: синѣвшіе на горизонтѣ лѣса почернѣли и расплылись въ сѣромъ сумракѣ, на водѣ отблески гаснутъ, отъ возвышающихся на закатѣ сосенъ падаютъ гигантскія тѣни, и только на вершинахъ холмовъ, на порубкахъ краснѣютъ еще кое-гдѣ пни и камни. Отъ этихъ свѣтящихся точекъ отдѣляются неяркіе, бѣглые лучи; попадая въ глубокую пустоту, образуемую среди предметовъ неполною тьмою, они скользятъ въ ней, ломаются, дрожатъ нѣкоторое время и гаснутъ одинъ за другимъ. Деревья и кусты теряютъ выпуклость, четкость линій, естественную окраску и выдѣляются въ сѣромъ пространствѣ въ видѣ совершенно черныхъ плоскостей причудливыхъ очертаній.

Въ низинахъ ложится уже густая тьма, и тянетъ холодомъ, пронизывающимъ человѣка насквозь. Мракъ идетъ невидимыми волнами, ползетъ по склонамъ холмовъ, поглощая блѣдныя краски жнивья, сваленныхъ бурею деревъ, песчаныхъ наносовъ, муравы.

Навстрѣчу волнамъ мрака изъ болотъ поднимаются другія волны, бѣловатыя, прозрачныя, еле видныя, широко стелются по землѣ, обволакиваютъ кустарники, скользятъ и клубятся надъ водою. Холодное дуновеніе сырости мнетъ ихъ, разгоняетъ по дну долины, распластываетъ по землѣ, будто кусокъ холста.

— Туманъ идетъ... — шепчетъ жена Валека.

Наступаетъ тотъ часъ сумерекъ, когда видимыя очертанія

расплываются, когда надъ поверхностью земли нависаетъ сѣрая пустота, заглядываетъ въ глаза и заставляетъ сердце сжиматься какой-то непонятной тоскою. На жену Валека нападаетъ страхъ. Волосы поднимаются у нея на головѣ, и морозъ пробѣгаетъ по спинѣ. Туманы идутъ, какъ живыя существа, подползаютъ къ ней сбоку, забѣгаютъ сзади, отступаютъ, притаиваются и надвигаются снова рядами, все назойливѣе. Наконецъ кладутъ на нее свои влажныя руки, вдавливаются въ тѣло до костей, царапаютъ въ горлѣ и щекочутъ въ груди. Ей вспоминается ея ребенокъ. Отъ полудня она не видѣла его: онъ лежитъ одинъ въ запертой избѣ въ липовой колыбелькѣ, повѣшенной на березовыхъ прутьяхъ. Плачетъ тамъ, вѣроятно, захлебывается, задыхается... Мать слышитъ этотъ раздирающій плачъ, жалобный, какъ пискъ коршуна на пустыри. Онъ звучитъ въ ея ушахъ, мучительно скопляется въ какомъ-то одномъ уголкѣ мозга и терзаетъ сердце. Цѣлый день она не думала о немъ, такъ какъ тяжелый трудъ гонитъ всякія мысли, затуманиваетъ ихъ, уничтожаетъ, но теперь вечерній страхъ заставляетъ ее сосредоточиться въ себѣ и коснуться мыслями этого крошечнаго существа...

— Валекъ, — говоритъ она робко, когда мужъ привезъ тачку, — сбѣгаю я въ избу, начищу картошки?...

Гибала не отвѣчаетъ, будто не слышитъ, берется за тачку и везетъ, присѣдая, какъ мѣшокъ ржи на вѣсахъ. Когда онъ возвращается, жена проситъ снова:

— Валекъ, сбѣгаю я?....

— Э-э... — проворчалъ онъ неопредѣленно.

Ей знакомъ его гнѣвъ, она знаетъ, какъ онъ умѣетъ хватить подъ ребра, забрать въ горсть кожу, ударить разъ, другой, а потомъ бросить человѣка, какъ камень, въ сорную траву. Знаетъ, какъ онъ умѣетъ содрать платокъ съ головы, обмотать руку волосами и протащить испуганную женщину по землѣ или въ бѣшенствѣ выхватить заступъ изъ болота и не задумываясь швырнуть въ голову — все равно, убьетъ ли, нѣтъ ли...

Но нестерпимая тревога, усиливающаяся до боли, преодолѣваетъ страхъ передъ побоями. Временами бабѣ хочется убѣжать: спуститься бы только на четверенькахъ въ оврагъ, перепрыгнуть черезъ потокъ, а потомъ напрямикъ черезъ поле, по загонамъ, стремглавъ... Нагибаясь и напружая тачку, она мысленно мчится

уже, прыгаетъ, какъ куница, почти чувствуетъ боль, когда бѣжитъ босикомъ по жнивью, по зарослямъ мелкаго терновника и ежевики... Эти острыя колючки вонзаются не только въ ея ноги, но и въ сердце. Она уже передъ хатой, отпираетъ деревяннымъ ключемъ засовъ, въ лицо ей ударяетъ тепло и затхлый воздухъ избы, она наклоняется надъ колыбелькой... Убьетъ ее Валекъ, когда придетъ въ избу, заколотитъ до смерти — ну, пусть: это уже будетъ потомъ...

Однако, лишь только Валекъ появляется изъ тумана, ею овладѣваетъ страхъ передъ его кулаками. Она снова начинаетъ робко просить его, хоть и знаетъ, что этотъ разбойникъ не пуститъ ее:

— Дѣвчонка, тамъ, поди, задохлась отъ плача...

Онъ ничего не отвѣтилъ, снялъ ремень отъ тачки, подошелъ къ женѣ и кивкомъ головы указалъ на колышекъ, до котораго они должны дойти сегодня, потомъ снова началъ разъ за разомъ кидать илъ въ тачку. Онъ дѣлалъ это яростно, быстро, во весь духъ. Наполнивъ тачку, онъ толкнулъ ее и побѣжалъ, бросивъ женѣ:

— Вези и ты свою, лѣнтяйка!..

Она поняла эту уступку ея материнской любви, эту грубую доброту, эту жесткую и суровую ласку — вѣдь, если они будутъ нагружать землю вдвоемъ, то скорѣе кончатъ работу. Она стала подражать его увѣреннымъ, стремительнымъ движеніямъ, какъ обезьяна, нагружая грязь въ четыре раза быстрѣе, работая уже не мускулами, не съ мужицкой, разсудительной тратой силъ, но всѣмъ напряженіемъ нервовъ. Въ груди у нея кололо, передъ глазами мелькали яркія точки, сердце ныло, и изъ глазъ катились крупныя слезы безотчетной боли, падая въ холодный, вонючій перегной. Всадитъ заступъ въ землю — и глядитъ, далеко ли до колышка; когда грузъ готовъ, хватаетъ тачку и бѣжитъ рысью, какъ мужъ.

Туманъ поднялся выше, поглотилъ сорныя травы и кусты и стоитъ надъ ольховымъ лѣсомъ недвижной стѣною. Сквозь него просвѣчиваютъ деревья въ видѣ пятенъ неопредѣленнаго цвѣта и невѣроятно большихъ размѣровъ, а бѣдняки, бѣгающіе взадъ и впередъ по оврагу, кажутся теперь какими-то громадными чудовищными призраками. Головы ихъ опущены на грудь, руки выдѣлываютъ одни и тѣ же движенія, туловища наклонены къ землѣ...

Колеса тачекъ грохочутъ и скрипятъ. Волны, похожія на разбавленное водою молоко, колышутся межъ черныхъ холмовъ...

Въ глубинѣ неба зажглась вечерняя звѣзда и трепетно мерцаетъ, бросая въ тьму свой слабый свѣтъ.

Перев. ***Е. Нечуя.***

Вл. Реймонта.

Разбитый колоколъ.

Далеко-далеко, въ невѣдомой странѣ, за семью морями, на скалѣ страшно дикой и упирающейся въ небо, на башнѣ, которая, будто окаменѣвшій кулакъ, грозила проносившимся облакамъ — висѣлъ разбитый на три части колоколъ съ вырваннымъ сердцемъ...

Висѣлъ разбитый колоколъ — душа убитаго народа...

Точно жалкій трупъ, висѣлъ въ безмолвіи и заброшенности...

Предъ вѣками это было, давно, въ незапамятныя времена. Знали объ этомъ лишь преданія, шли пѣсни изъ поколѣнія въ поколѣніе, да грезилось это въ снахъ молодежи и тревожно прорывалось въ предсмертномъ шопотѣ старцевъ...

И знала объ этомъ царственная птица, сѣдой орелъ, извѣчный стражъ умершихъ вѣковъ.

Одиноко высилась скала. Будто островъ среди моря вѣчныхъ тумановъ, безмолвія и мрака. Никогда не восходило надъ нею солнце, стояла она, точно забытый гробъ. Не ударяли въ нее молніи, не гудѣли надъ нею вихри, даже птицы старались миновать ее, а вмѣсто травъ и цвѣтовъ ея склоны покрывали полуистлѣвшія кости и ржавые потоки засохшей крови — слѣды какихъ-то позабытыхъ боевъ.

И надъ всѣмъ — вѣчное, могильное молчаніе, унылое молчаніе разбитаго колокола.

Лишь изрѣдка, разъ въ сто лѣтъ, срывалась царственная птица и летѣла тихимъ летомъ въ долины, за грани тумановъ, въ солнечный зной, въ гулъ жизни.

Отъ синихъ горъ до изумрудно-звенящихъ волнъ моря простирались громадныя земли, гдѣ никогда не высыхали слезы, гдѣ нѣмое отчаяніе сидѣло на порогахъ хатъ, гдѣ на перекресткахъ дорогъ, казалось, истекали живой, мученической кровью изобра-

женія распятаго Христа, гдѣ стонъ былъ каждодневной молитвой всего живущаго.

Когда-то здѣсь было иначе. Давно, много лѣтъ назадъ, эти земли текли медомъ и молокомъ. Здѣсь были богатые города и стрѣльчатые замки, храбрые рыцари и прекрасныя королевны, кровли изъ литого золота и кованаго серебра, рыбы въ рѣкахъ и звѣри въ лѣсахъ и всякихъ сокровищъ полные амбары.

Отъ синихъ горъ до изумрудно-звенящихъ волнъ моря жило здѣсь счастье среди людей.

Не смолкали пѣсни, не прекращалось веселье. Не знали, что страхъ и что горе — и слезъ не знали. Не было ни лжи, ни предательства. Святой колоколъ ежедневно возвѣщалъ солнечную вѣсть счастья, славилъ благость Всевышняго и возглашалъ благоденствіе всѣмъ тварямъ. Онъ устранялъ зло святымъ звономъ своимъ, былъ живой душой народа, его молитвой, безсмертнымъ голосомъ жизни.

Но насталъ страшный часъ предзначенія. Злыя силы вызвали войну. Упалъ слѣпой ударъ несчастья. Дрогнули сердца отъ ужаса: врагъ вторгся въ незащищенные предѣлы, истребляя мечемъ невинныхъ и предавая все огню.

Ударилъ тревогу святой колоколъ. Царственная птица кликнула кличъ къ бою.

Какъ одинъ, встали когорты воиновъ. Кровавый туманъ заслонилъ солнце. Лязгъ мечей заглушилъ громы. Рати желѣзныхъ сердецъ и плечъ сомкнулись вокругъ одинокой скалы: колоколъ — душу свою — защищали съ мощью отчаянія. Нечестивымъ силамъ давали кровавый отпоръ, съ сонмами дьяволовъ сражались.

Съ сѣвера дикія орды лились потоками, съ востока наступали кровожадные татары, съ запада поднялся вѣроломный сосѣдъ, съ юга двигались озвѣрѣлыя вражескія банды.

И точно вдругъ хлынули высоко поднявшіяся волны, точно загрохотали раскаты громовъ. Пылающій, кровавый ликъ солнца погасъ въ мутной мглѣ. Защитники пали... Нечистыя силы побѣдили. Судный день насталъ. Убитыхъ воиновъ бросали воронамъ на добычу. Богатые города и храмы разрушили, множество людей обратили въ рабство.

Святой колоколъ замолкъ навѣки, вырвали у него сердце, разбили его...

Несчастье сѣло царить на кладбищахъ надъ трупами и могилами. О, судьба человѣческая, жалкая судьба, неотвратимая! Ни пѣснѣ не воспѣть твоихъ превратностей, ни уму не постигнуть, ни сердцу не вынести твоихъ жестокихъ ударовъ!..

Отъ синихъ горъ до изумрудно-звенящихъ волнъ моря стлалась мрачная ночь, стояло могильное молчаніе, лились потоки слезъ, жгла боль незаживающихъ ранъ.

Умерла радость, умерло счастье, умерли величіе и слава...

Проходило время. Плыли вѣка, точно облака изъ чужихъ, далекихъ странъ, и приносили въ слабыхъ отголоскахъ вѣсти минувшаго — будто голосъ праотцевъ, непонятый, неузнанный... Въ сто лѣтъ разъ царственная птица бросала кличъ — величавый призывъ къ бою:

— Кто живъ, пусть встанетъ, подниметъ мечъ, рѣшится на подвигъ!.. Разбитый колоколъ зазвучитъ!.. Свершится чудо воскресенія...

Но въ отвѣтъ только лязгъ цѣпей слышался изъ долинъ, да безсильная жалоба и надгробныя рыданія. Безотвѣтно пролеталъ орлиный зовъ, въ пустынѣ разносился. Кто поднималъ изумленные глаза на тѣнь громадныхъ крыльевъ, кто крестился въ страхѣ передъ призракомъ, кто бросалъ каменьями...

Не дрогнули сочувственной дрожью сердца, отравленныя неволей. Привычными стали темные казематы, внушалъ страхъ блескъ солнца, была непонятна боевая пѣснь,

Птица улетѣла на одинокую скалу, садилась на нѣмой колоколъ и думала мрачную думу. И ждалъ срока предназначенія стражъ непреклонный...

Заросли могилы, плющъ увѣнчалъ руины, высохли русла слезъ, прошлое ушло въ синюю даль. Привыкли къ оковамъ. Рыцарей родовитые сыны били челомъ врагу. Ради обрывковъ жизни приняли чужіе обычаи и вѣру. Новымъ владыкамъ стали опорой, народъ упражняли въ повиновеніи. Звонъ золота сталъ пѣснью новой жизни. Рыночными сварами питались народныя массы. Мудрецы писали родословныя телятъ. Божествомъ объявили низменную корысть, вмѣсто алтарей строили лабазы. Ученые погрузились въ раскопки могилъ и, одурманенные могильными ямами, твердили:

— Умерла родина!..

Оплевали трупъ, совлекли съ него царственныя одежды, рѣзали ножами разума и гордости. Даже отъ имени отреклись, даже пѣсни объ умершей возбранялось пѣть: „Умерла навѣки!“ — учили.

Нѣтъ, не умерла! Въ маленькихъ сердцахъ хранила свою неумирающую жизнь, подъ низкими кровлями таила свои храмы и своихъ служителей. Чтили ея имя изголодавшіяся массы народныя, была она символомъ надежды для разоренныхъ, единственнымъ источникомъ вѣры и силы для отчаявшихся. Въ тайныхъ пѣсняхъ звучалъ ея мощный голосъ... На протяженіи вѣковъ, полныхъ мрака и ужаса, какъ свѣточъ, свѣтила она бездомнымъ. Цѣпь поколѣній несла ее поколѣніямъ. Говорили о ней заросли дикихъ чащъ, провалившіяся могилы, разсыпающіяся руины, пѣла о ней земля, закованная въ неволѣ, пѣли застоявшіяся воды. Весенніе вихри разносили о ней вѣсть. Стигматы клала она на чела избранныхъ.. И жила, великая, безсмертная, святая!..

Насталъ, наконецъ, часъ предзначенія, пришли иныя времена, закричала снова царственная птица величавымъ крикомъ боевого призыва:

— Кто живъ, пусть встанетъ, возьметъ мечъ, рѣшится на подвигъ!.. Разбитый колоколъ зазвучитъ!.. Свершится чудо воскресенія!..

Отъ синихъ горъ до изумрудно-звенящихъ волнъ дрогнули сердца. Изъ низкихъ хатъ потекли боевыя рати, а впереди летѣла царственная птица, распятая въ заревѣ кровавыхъ зорь.

— Ударить въ колоколъ!.. Ударить въ колоколъ!.. Свершится чудо воскресенія!..

Ринулись въ бой и смерть, бросались добывать побѣду. На трупъ ложится трупъ, кровь льется потоками, бушуетъ ураганъ битвъ. Чужда ихъ боязнь, не страшна смерть, ни полчища враговъ. Какъ львы дерутся. Что-жъ, что ихъ горсть — вѣра даетъ имъ сверхчеловѣческія силы, надежда питаетъ побѣду. Раздавили когорты хищниковъ, преодолѣли дьявольскія силы, по горамъ труповъ взбираются наверхъ, къ башнѣ...

— Ударить въ колоколъ!.. Ударить въ колоколъ!.. Свершится чудо воскресенія!..

Достигли сокровища, уже тысячи рукъ тянутся къ металлу,

уже побѣдный крикъ взлетѣлъ въ небо, уже упали сердца враговъ...

Колоколъ не звучалъ, сердце у него было вырвано, онъ былъ расколотъ на три части!..

Какъ въ пропасть, бросились внутрь колокола, въ разбитый металлъ ударяли отчаяннымъ біеніемъ сердецъ, мощью тѣлъ, безумствомъ порывовъ и кипящими потоками жертвенной крови.

Глухо заговорилъ колоколъ, точно изъ-за могилъ послышался отзвукъ надежды.

За тысячами шли тысячи, и каждый своею смертью ударилъ въ расколотый нѣмой металлъ. Весь народъ повисъ на колоколѣ, весь народъ сплотился у этой эмблемы, весь народъ претворился въ одинъ ударъ. А царственная птица безостановочно призывала величавымъ крикомъ боевого призыва:

— Ударить въ колоколъ!.. Ударить въ колоколъ!.. Свершится чудо воскресенія!..

За тысячами шли тысячи на кровавый подвигъ избавленія. По трупамъ отцовъ поднимались сыны, чтобы вырвать у злыхъ силъ побѣду. Сколько пало — знаетъ одинъ Богъ да матери, рождающія дѣтей.

Но, наконецъ, побѣдили!.. Рѣки жертвенно пролитой крови спаяли лопнувшій металлъ, свершилось чудо, колоколъ зазвучалъ звономъ побѣды!

Спали оковы, разсѣялся мракъ, засіяло солнце свободы! Отъ синихъ горъ до изумрудно-звенящихъ волнъ звучалъ безсмертный звонъ колокола, возглашая чудо воскресенія, призывая къ новой жизни...

Съ польскаго ***Е. Нечуя.***

Очеркъ исторіи грузинской литературы до конца XVIII вѣка.

Грузинскій языкъ, по современной теоріи проф. Н. Я. Марра, принадлежитъ къ яфетической вѣтви языковъ, обнимающей братски родственные съ грузинскимъ языки мингрельскій, лазскій и сванскій, языкъ до-арійской Арменіи и нѣсколько вымершихъ языковъ, — а также цѣлый рядъ живыхъ языковъ горскихъ кавказскихъ племенъ. Яфетическая вѣтвь находится въ генетическомъ родствѣ съ семитической вѣтвью языковъ, составляя вмѣстѣ съ нею одну большую лингвистическую семью, которую, въ соотвѣтствіи съ названіями ея вѣтвей, можно бы назвать ноэтическою.

Грузинскій языкъ является литературнымъ какъ для собственно грузинъ, такъ и для мингрельцевъ и свановъ; онъ являлся таковымъ и для четвертаго ихъ брата — лазовъ — до отпаденія послѣднихъ въ исламъ съ XVI вѣка.

Грузинская литература имѣетъ уже пятнадцативѣковую давность существованія. Возникла она въ Грузіи на началахъ новой для грузинъ христіанской религіи (IV в.); отъ языческой же древней Грузіи не дошло до насъ ни одного литературнаго памятника. Во всякомъ случаѣ, можно говорить съ увѣренностью о существованіи въ до-христіанской Грузіи пехлевійскаго письма, занесеннаго туда изъ Персіи вмѣстѣ съ религіею маговъ.

Піонеры и ревнители вновь насажденной христіанской религіи, въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ все еще сильнымъ маздеизмомъ, рѣшили отмежеваться отъ него и формою письма. Они изобрѣли особый алфавитъ, называемый церковнымъ (собств. священническій, „хуцури“), который, правда, заодно съ армян-

скимъ письмомъ восходитъ къ тому же арамейскому источнику, какъ и пехлеви, но значительно разнится отъ послѣдняго. До IX в. господствовало лапидарное или иниціальное церковное письмо, потомъ стали писать и строчнымъ церковнымъ, а съ XI в., въ связи съ возникновеніемъ свѣтской литературы, постепенно выработалось новое письмо, гражданское или свѣтское (собств. военное, „мхедрули"), — не что иное, какъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе пехлеви подъ вліяніемъ церковнаго письма.

Исторія грузинской литературы до конца XVIII в. дѣлится на на четыре большихъ періода: 1) съ зарожденія христіанской письменности (V—VI вв.) по XI вѣкъ господствуетъ почти исключительно церковно-духовная литература; 2) съ конца XI вѣка по XIII — періодъ возникновенія и расцвѣта изящной свѣтской литературы; 3) съ конца XIII по XVI — періодъ паденія литературнаго творчества, совпадающій съ монгольскимъ нашествіемъ; 4) съ XVI по XVIII — періодъ возрожденія грузинской литературы *.

Первый періодъ пережилъ смѣну направленій духовной литературы въ связи со сближеніемъ грузинской церкви сперва съ представителями армяно-сиро-палестинскаго восточнаго христіанства, а позднѣе (съ VII—VIII вѣка) — съ византійской церковью Грузинская литература начала свое существованіе переводомъ Священнаго Писанія (нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта и Евангеліе) съ армянскаго языка, на который, въ свою очередь, оно первоначально было переведено съ сирійскаго языка. Вліяніе сирійской литературы на грузинскую было и непосредственное, въ особенности, послѣ церковнаго разрыва между грузинами и армянами въ началѣ седьмого вѣка (607 г.), при чемъ грузины переводили какъ съ сирійскаго, такъ и съ арабскаго языка христіанъ Сиріи. Съ сирійскаго переведено, напр., апокрифическое „Сказаніе о построеніи первой церкви въ городѣ Лиддѣ", приписанное Іосифу Аримаѳейскому, съ арабскаго же, напр., „Плѣненіе Іерусалима" и „Житіе и мученичество св. Антонія Раваха". Среди причинъ церковнаго разрыва между Грузіею и Арменіею не малую роль сыграли причины политическаго характера, равно

5-й періодъ (XIX и XX в.), обнимающій литературу послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, не входитъ въ нашъ очеркъ. Ему будетъ посвященъ отдѣльный очеркъ во 2-омъ выпускѣ Сборн. „Отечество".

и все болѣе и болѣе усиливавшіяся національныя тенденціи въ обѣихъ церквахъ, но въ конечномъ счетѣ эти причины кристаллизовались въ видѣ догматическихъ споровъ между монофизитами и діофизитами: армянская церковь примкнула къ первымъ, а грузинская ко вторымъ. Послѣ разрыва съ армянской церковью въ Грузіи усиливается грекофильство. Съ VIII в., если не раньше, грузины начинаютъ переводить прямо съ греческаго и исправлять древніе переводы съ армянскаго уже по греческимъ образцамъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна дѣятельность Аѳонской школы (грузинскаго Аѳоно-Иверскаго монастыря), гдѣ подвизались глубокіе знатоки какъ родного, такъ и греческаго языковъ, талантливые отцы Евѳимій († 1028) и Георгій († 1065), получившіе прозвище „Святогорцы“.

Уже съ первыхъ вѣковъ утвержденія христіанства въ Грузіи, на грузинскій языкъ стали переводиться, помимо книгъ Св. Писанія, и всѣ другіе виды церковно-богословской литературы. До насъ дошла обширная патристическая литература, содержащая въ себѣ переводы почти всѣхъ лучшихъ твореній отцовъ церкви по разнымъ отраслямъ теологіи: догматикѣ, апологетикѣ, экзегетикѣ, гомилетикѣ, литургикѣ, агіографіи и пр. Эта колоссальная работа производилась какъ въ самой Грузіи, такъ и внѣ ея, въ грузинскихъ колоніяхъ, и тамъ и здѣсь при монастыряхъ.

Не только въ древнюю эпоху, но и въ позднѣйшія — монастыри играли выдающуюся роль въ дѣлѣ развитія литературы и насажденія и распространенія образованности въ Грузіи. Изъ грузинскихъ монастырей за предѣлами Грузіи особенно извѣстны своею литературною и книжною дѣятельностью монастыри: въ Іерусалимѣ, на Синаѣ, на Черной Горѣ (близъ Антіохіи), на Аѳонѣ (уже упомянутый Иверскій монастырь) и лавра Саввы Освященнаго близъ Іордана.

У грузинскихъ переводчиковъ, помимо неоцѣнимыхъ заслугъ предъ родною страною и литературою, есть заслуги и передъ всеобщей литературою. Заслуги эти состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, многіе грузинскіе переводы являются **уникам и**, такъ какъ они сохранили въ цѣлости такія сочиненія, оригиналы которыхъ утрачены или дошли до насъ лишь въ фрагментахъ; во-вторыхъ, въ томъ, что грузинскіе переводчики не только переводили съ иностранныхъ языковъ на родной, но и обратно,

съ родного языка на иностранные, а иногда и писали на иностранныхъ языкахъ. Такъ, напр., относительно Евѳимія Аѳонскаго есть достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что онъ перевелъ съ грузинскаго на греческій языкъ „Мудрость Балавара“ или „Душеполезную повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ“, которая одно время у христіанскихъ народовъ соперничала въ популярности съ Библіею. Сравнительно съ грузинскимъ оригиналомъ, переведеннымъ, въ свою очередь, съ сирійскаго языка однимъ изъ многихъ, неизвѣстныхъ намъ по именамъ, литературныхъ дѣятелей-грузинъ въ Сиріи и Палестинѣ, греческій переводъ Евѳимія отличается большею сложностью повѣствованія. Эта сложность разсказа дѣло рукъ самого Евѳимія, и находитъ свое объясненіе въ господствующемъ въ то время въ Византіи литературномъ направленіи. Переводъ Евѳимія послужилъ прототипомъ почти для всѣхъ изводовъ этой повѣсти на европейскихъ языкахъ. Кромѣ „Мудрости Балавара“ Евѳимій съ грузинскаго на греческій перевелъ Ѳеодора, епископа Харанскаго, сирійскаго проповѣдника — апологета, ревностнаго халкедонита и обличителя монофизитской ереси. Что же касается Георгія Аѳонскаго, онъ внесъ свою лепту во всеобщую поэзію, написавъ по-гречески извѣстное стихотвореніе: „Вечерній звонъ, вечерній звонъ!“ переведенное на многіе языки (русскій переводъ сдѣланъ съ англійскаго Ив. Козловымъ).

Тѣсное общеніе съ византійскимъ міромъ породило среди образованнаго грузинскаго общества того времени интересъ къ философскимъ вопросамъ. Грузины въ XI—XII вѣкахъ увлеклись неоплатонизмомъ, что̀, съ своей стороны, повело къ знакомству ихъ съ подлиннымъ античнымъ міромъ, съ до-хрестіанской культурой и миѳологіей. Есть свѣдѣнія, что въ это время въ Грузіи и въ ея колоніяхъ было не мало лицъ, занимавшихся философіей. Даже грузинскіе вѣнценосцы были увлечены богословіемъ и философіей, напр., Давидъ Строитель (1089—1125) и сынъ и наслѣдникъ его Димитрій (1125—1154).

Среди грузинскихъ философовъ-богослововъ того времени особенно выдаются Ефремъ Мцирэ и Іоаннъ Петрицскій (Петрицонели). Ефремъ Мцирэ является лучшимъ представителемъ новой переводческой школы, ставившей на первомъ планѣ безусловную точность и вѣрность подлиннику. „Памятники, выходившіе изъ-

подъ его пера, — говоритъ академикъ Н. Я. Марръ, — обработаны съ соблюденіемъ самыхъ строгихъ и сложныхъ филологическихъ пріемовъ; не забыто ничто, ни установленіе и критика текста, ни самая скрупулезная точность перевода, ни сопоставленіе мнѣній различныхъ ученыхъ комментаторовъ" *. Ему принадлежатъ переводы слѣдующихъ сочиненій: 1) Діонисія Ареопагита; 2) Григорія Богослова; 3) Лавеіака; 4) „Өеофилона" исторіи и др.

Іоаннъ Петрицскій перевелъ: 1) „Толкованіе Евангелія Марка", сочиненіе І. Златоуста; 2) „Толкованіе Евангелія Луки"; 3) „Лѣствицу" Іоанна Синаита, въ стихахъ. часть прозою; 4) „Прологъ", краткія пѣснопѣнія въ стихахъ въ честь святыхъ за мѣсяцы съ сентября по январь; 5) „Мѣста изъ Іосифа Флавія, не согласныя съ Св. Писаніемъ"; 6) „Та-топика" Аристотеля; 7) его же „Пери-ерминія"; 8) „О природѣ человѣка" Немесія Эмесскаго; 9) „Богословскія начала" Прокла Діадоха, извѣстнаго неоплатоника. Переводъ „Богословскихъ началъ" Іоаннъ снабдилъ своими собственными комментаріями, и этотъ именно трудъ и упрочилъ за нимъ названіе философа, грузинскаго неоплатоника. Въ XIII вѣкѣ трудъ Прокла вмѣстѣ съ толкованіями Іоанна Петрицскаго былъ переведенъ съ грузинскаго на армянскій языкъ. Академикъ Н. Я. Марръ о трудѣ Іоанна Петрицскаго, между прочимъ, говоритъ: „Въ комментаріи къ Проклу толкователь Іоаннъ вращается постоянно въ мірѣ не только неоплатониковъ, но и античныхъ поэтовъ и философовъ. Гезіодъ и Гомеръ снабжаютъ его матеріалами. Ипократъ, Емпедоклъ, Парменидъ часто его авторитеты. Платона, котораго особо величаетъ эпитетами „великій", „божественный", цитируетъ чаще. Имя Сократа почти не сходитъ со страницъ памятника... Цитируетъ Іоаннъ обильно и Аристотеля, котораго онъ, однако, кое-гдѣ критикуетъ, называя его смутнымъ и путанымъ. Изъ писаній Аристотеля особое вниманіе обращаетъ онъ на „Органонъ". Знаетъ, вообще, перипатетиковъ и схоліастовъ Аристотеля... Среди неоплатониковъ на первомъ планѣ у Іоанна философы: Платонъ, Ямвлихъ и Порфирій" (ц. с. стр. 33). Тотъ же ученый, сопоставивъ грузинскій переводъ съ греческимъ подлинникомъ Прокла, признаетъ за пе-

---

„Іоаннъ Петрицскій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII в.", стр. 36.

реводомъ высокія качества, именно идеальную стройность и вѣрность подлиннику,

Трудъ Іоанна Петрицскаго имѣлъ громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія и направленія грузинской литературы: во-первыхъ, создалась философская терминологія на грузинскомъ языкѣ, во-вторыхъ, грузинская мысль пріобщилась поэзіи и миѳологіи древнихъ грековъ и, въ-третьихъ, тѣмъ самымъ было облегчено тѣсное литературное общеніе и съ мусульманскимъ міромъ; всѣ эти обстоятельства при соотвѣтствующихъ политическо-соціальныхъ условіяхъ внутри страны и создали въ Грузіи ту благопріятную почву, на которой зародилась и расцвѣла впослѣдствіи изящная свѣтская литература.

Однако, прежде чѣмъ приступить къ обзору изящной свѣтской литературы, намъ необходимо разсмотрѣть, хотя бы вкратцѣ, оригинальную грузинскую духовную литературу, прозаическую и поэтическую.

Первыми оригинальными произведеніями на грузинскомъ языкѣ были агіографіи и мартирологіи. Древнѣйшая изъ нихъ „Мученичество святой Шушаники“, описанное очевидцемъ событія, духовникомъ мученицы, во второй половинѣ V вѣка. Въ концѣ VI вѣка появляется „Мученичество Евстафія Мцхетскаго“. Эти мученичества рисуютъ намъ борьбу между христіанствомъ и старымъ язычествомъ въ Грузіи. Съ VIII вѣка христіанство въ Грузіи сталкивается съ новымъ соперникомъ, исламомъ. Отраженіемъ этой борьбы является „Житіе и мученичество св. Або Тифлисскаго“, написанное Іоанномъ Сабанисдзе. Эти памятники не являются сухими перечнями мученическихъ актовъ, но полны свѣдѣній о соціально-политической и религіозно-церковной жизни тогдашней Грузіи. Въ этомъ смыслѣ они являются и первыми историческими опытами въ грузинской литературѣ. Среди многихъ Житій особенно замѣчательны два памятника X вѣка: Житіе Григорія Хандзтійскаго и Житіе Серапіона Зарзмскаго. Въ нихъ мы находимъ довольно подробное описаніе монастырскаго строительства въ самой Грузіи. Это строительство въ VIII—IX вѣкахъ получило пышное развитіе въ разныхъ уголкахъ Грузіи, въ особенности въ Кларджіи (въ Батумской области), гдѣ образовалась монастырская республика, получившая названіе „Грузинскаго Синая“, съ настоятелемъ Григоріемъ Хандзтійскимъ во главѣ. Въ этихъ

монастыряхъ, подобно монастырямъ заграничнымъ, закипѣла литературно-научная дѣятельность. Григорій Мерчули, авторъ Житія Григорія Хандзтійскаго, въ своемъ описаніи рисуетъ намъ картину цѣлаго края съ разныхъ сторонъ: онъ насъ знакомитъ не только съ монастырской жизнью и дѣятельностью, но и съ жизнью феодаловъ и крестьянъ, съ борьбою между церковною (собственно монашеской) властью и свѣтскою, съ разными типами, мужскими и женскими, съ приключеніями любовнаго характера, съ природою края и т. п. Богатство и разнообразіе содержанія у Мерчули соединяются съ образностью и поэтичностью языка. Монастырское строительство на Аѳонѣ описано весьма точно и вѣрно самимъ Георгіемъ Святогорцемъ и Георгіемъ монахомъ, ученикомъ Георгія Святогорца, оставившимъ намъ жизнеописаніе своего учителя.

Съ IX—X вѣковъ мы имѣемъ полемическія и апологетическія произведенія. Арсеній Католикосъ написалъ трактатъ „О раздѣленіи церквей грузинской и армянской“, а Евѳимій Грдзели опровергъ армянскаго ученаго, монофизита Состена. Приходилось вступать въ полемику и съ единовѣрными, православными греками, когда они начинали посягать на автокефальность грузинской церкви. Въ роли защитниковъ автокефальности грузинской церкви съ успѣхомъ выступалъ Георгій Святогорецъ и Ефремъ Мцирэ.

Съ IX вѣка возникаютъ и чисто свѣтскія историческія произведенія въ видѣ ли хроникъ, или болѣе или менѣе обработанныхъ цѣльныхъ прагматическихъ исторій. Почти каждая эпоха исторіи Грузіи имѣетъ своего хроникера или историка. Одни изъ нихъ описываютъ современныя имъ событія, а другіе касаются давно минувшихъ дней. Въ зависимости отъ этого опредѣляются цѣнность и достовѣрность ихъ сообщеній. Лучшими являются произведенія историковъ эпохи царя Давида Строителя (1089—1125) и царицы Тамары (1184—1212).

Съ VIII вѣка появляется и оригинальная духовная поэзія, преимущественно лирика. Вышеназванный Іоаннъ Сабанисдзе былъ писателемъ-поэтомъ. Онъ, помимо „Житія и мученичества св. Або Тифлисскаго“, написалъ „Восхваленіе“ и „Стихиры“ этого святого. Приводимъ начало „Восхваленія“: „Пріидите нынѣ, вѣрующіе во Христа, и будемъ праздновать память новаго сего святого мученика, котораго послалъ намъ въ даръ Христосъ, со-

дѣлавъ его молитвенникомъ за страну нашу Карталинію (Грузію). Съ радостью великою откроемъ сокровища сердца и ума нашего и восхвалимъ радостнымъ лицомъ и яснымъ языкомъ добрые его подвиги: радуйся, вожделѣнный мученикъ, о Господѣ! Ибо ты послѣдній изъ работниковъ Спасителя нашего, работникъ, пришедшій въ одиннадцатый часъ, успѣлъ наравнѣ съ тѣми, которые работали цѣлый день съ утра, и не лишился одинаковой съ ними мзды".

Въ X-омъ вѣкѣ въ предѣлахъ „Грузинскаго Синая" мы находимъ цѣлый рядъ духовныхъ лириковъ-гимнографовъ. Среди нихъ особенно надо отмѣтить Михаила Модрекили, Іоанна Тбетскаго и Іоанна Минчхи. Михаилъ Модрекили писалъ и прозою и ямбическими стихами. Вотъ одно изъ его пѣснопѣній на Богоявленіе:

„Христосъ крестился во плоти и просвѣтилъ Онъ міръ, озаривъ его лучами Божественнаго свѣта. Радуйтесь днесь, небеса, и веселись, земля! Основанія земли, играйте на свирѣли! Да восколыхнется море до глубинъ, и пусть ликуютъ горы предъ лицомъ Господа. Днесь пришелъ креститься безтѣлесный, нерожденный Свѣтъ, Творецъ тварей".

Изъ Іоанна Тбетскаго отмѣтимъ одно изъ пѣснопѣній на Рождество Христово, написанное въ формѣ акростиха: „Людіе, воспоемъ Рождество Христово!" Іоаннъ Минчхъ писалъ ямбическими стихами. Ямбическіе стихи вошли въ грузинскую духовную поэзію изъ Византіи. Они были 12-тисложные (силлабическіе) безъ риѳмы. У поэта Филиппа духовное стихосложеніе получило нѣкоторое развитіе; появилась риѳма, правда, еще очень бѣдная, и размѣръ сталъ 16-тисложнымъ. 16-тисложный размѣръ обыкновенный въ грузинской народной поэзіи, и этотъ же размѣръ былъ использованъ впослѣдствіи свѣтскими поэтами, и прежде всего великимъ мастеромъ грузинскаго художественнаго слова Шотою Руставскимъ (Руставели).

Надо отмѣтить развитіе и церковнаго краснорѣчія. До насъ дошли проповѣди Іоанна, епископа болнисскаго, современника царя Баграта III (980—1014).

Въ чеканкѣ слога въ монастырской тишинѣ подготовлялись формы для чисто свѣтской литературы, и когда наступили условія, благопріятствующія возникновенію ея, ростъ ея пошелъ

быстрымъ темпомъ. Условія эти надо искать въ постепенномъ и неуклонномъ ростѣ грузинскаго политическаго организма съ IX вѣка, сдѣлавшемъ Грузію ареной процвѣтанія придворнаго и феодальнаго элементовъ. Ростъ этотъ заключался въ процессѣ объединенія всѣхъ грузинскихъ земель, начатомъ Багратомъ 3-мъ († 1014 г.), усилившимся при Давидѣ Строителѣ († 1125) и завершившемся при знаменитой царицѣ Тамарѣ († 1212), когда Грузія, выйдя изъ своихъ предѣловъ, объединила Кавказъ отъ моря до моря и отъ Кавказскихъ горъ до Эрзерума и Трапезунда. Дворъ и феодалы не могли удовлетвориться одной духовной поэзіей, развитые завоеваніями и пышностью вкусы искали другой пищи и находили ее въ возродившейся съ IX вѣка, послѣ арабскаго порабощенія, Персіи Газневидовъ, гдѣ цвѣла поэзія великихъ Фирдоуси (Шахъ-Наме) и Низами.

Переводы съ персидскаго положили начало грузинской свѣтской изящной литературѣ. До насъ дошли отъ IX—XII вѣка прозаическій переводъ стихотворнаго романа Фахръ-Эддина-Гурганскаго о Висѣ и Раминѣ (по - грузински Висраміани) и прозаическій же переводъ героическаго эпоса. Переводъ перваго сочиненія приписывается Саргису Тмогвскому (Тмогвели), а второго Моисею Хонскому (Хонели). Судя по часто встрѣчающимся именамъ изъ персидскихъ поэмъ въ произведеніяхъ грузинскихъ поэтовъ этого періода, надо полагать, что были грузинскіе переводы Шахъ-Наме и другихъ поэмъ, хотя эти древніе переводы до насъ не дошли, или, быть можетъ, еще не открыты, и ихъ вторично перевели въ періодъ возрожденія.

Оригинальныя произведенія, дошедшія до насъ, — оды-панегирики, въ честь Давида Строителя, написанные Шавтели, и сборникъ одъ въ честь царицы Тамары, сочиненіе Чахрухадзе. Эти оды, за исключеніемъ конца одной оды Тамарѣ, написаны двадцатисложными силлабическими стихами, по 4 стиха въ каждой строфѣ. Каждый стихъ, въ свою очередь, дѣлится на 4 стишка, изъ которыхъ первые два риѳмуютъ другъ съ другомъ (внутренняя риѳма), а послѣдній — со всѣми послѣдними стишками стиховъ въ строфѣ (внѣшняя риѳма). Мѣстами встрѣчается и сплошная внутренняя риѳма, всѣ стишки или же три изъ нихъ риѳмуютъ другъ съ другомъ. Благодаря богатой риѳмѣ, стихи одописцевъ въ высокой степени звучны и музыкальны, а искусная игра сло-

вами, такъ называемый каламбуръ, еще больше усиливаетъ прелесть стиховъ. Іоаннъ Шавтели, восхваляя Давида Строителя, благоговѣетъ передъ нимъ и ставитъ его выше героевъ персидскихъ поэмъ и вообще всѣхъ людей, уподобляя его небеснымъ силамъ. Панегиристъ плѣненъ выдающимися качествами воспѣваемаго имъ лица. Давида Строителя онъ рисуетъ, какъ образецъ мудраго правителя, мудрость котораго основывается на страхѣ Господнемъ и на глубокомъ изученіи и усвоеніи Св. Писанія: „Ты око слѣпыхъ, — говоритъ одописецъ въ одномъ изъ обращеній къ Давиду Строителю, — воспитатель дѣтей, хлѣбъ голодныхъ, кровъ бездомныхъ; ты — идеалъ твердости для опоры старцевъ, измученныхъ трудомъ; ты осѣняешь насъ мудростью, объясняя и толкуя глубину писаній съ помощью благодати“ *. Въ то же время онъ гроза для враговъ государства и вѣры, геройски поражаетъ варваровъ и сарацинъ: „О, люди, юноши и старцы! — восклицаетъ одописецъ, — будемъ величать дарованнаго намъ въ сокровище Христова воина, храбраго, неустрашимаго, прекраснаго лицомъ“... Надо замѣтить, что подобная характеристика Давида Строителя не есть пустая фразеологія и лесть придворнаго поэта, а вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. У насъ есть важныя историческія свѣдѣнія, грузинскія и иностранныя, о томъ, что Давидъ Строитель дѣйствительно строилъ всѣ стороны грузинской жизни, былъ личностью религіозною и высоко-образованной для своего времени, любилъ много читать и не разставался съ книгами даже во время походовъ.

Въ одахъ Тамарѣ, помимо героевъ персидской литературы, фигурируютъ и герои изъ Иліады, что показываетъ знакомство грузинскаго образованнаго общества того времени съ греческой свѣтской литературой. Интересъ къ греческой языческой литературѣ былъ возбужденъ, какъ уже извѣстно, процвѣтавшимъ въ это время въ Грузіи неоплатонизмомъ. Одъ Тамарѣ числомъ одиннадцать. Сборникъ этотъ по-грузински называется „Тамаріани“. Писаны онѣ по извѣстному плану, каждая изъ нихъ имѣетъ введеніе, изложеніе и заключеніе. Слогъ Чахрухадзе еще больше виртуозенъ, чѣмъ слогъ Шавтели. Особенностью Чахру-

---

Переводъ Н. Я. Марра, см. его „Древне-грузинскіе одописцы“.

хадзе является и то обстоятельство, что онъ въ концѣ 2-й оды переходитъ къ 16-ти сложному размѣру. Этимъ размѣромъ написаны 4 стиха съ сплошною внутреннею и внѣшнею риѳмой. Значеніе этихъ одъ крайне важно для пониманія грузинскаго національнаго самосознанія того времени, въ нихъ ясно вырисовываются могущество и характеръ придворно-воинскаго быта тогдашней Грузіи. И Давидъ Строитель, и въ особенности царица Тамара въ нихъ представлены олицетвореніемъ политической мудрости и военной славы Грузіи и обожествлены.

Высшимъ выраженіемъ эпохи является поэма Шоты Руставскаго (Руставели) „Витязь въ барсовой шкурѣ". Для грузинъ и по сей день эта поэма является лучшимъ проявленіемъ ихъ національнаго литературнаго генія. Неподражаемый стихъ, великолѣпное мастерство стиля, богатство зрительныхъ образовъ, искусная фабула, гдѣ подъ сѣнью персидскаго сюжета скрыты разнообразныя черты дѣйствительной рыцарски-феодальной грузинской жизни, — вотъ причины того, что поэма не умирала на протяженіи вѣковъ, и не умретъ, пока живъ грузинскій народъ. Она вызывала множество подражаній. Знакомство съ нею въ народной массѣ повсемѣстно въ Грузіи, многіе отрывки изъ поэмы перешли въ народъ, какъ афоризмы и пословицы. Поэма состоитъ изъ двухъ частей: первая — предисловіе заключаетъ въ себѣ посвященіе царицѣ Тамарѣ, однимъ изъ придворныхъ поэтовъ которой (на персидскій манеръ) былъ Руставели. Въ предисловіи же поэтъ высказываетъ свой взглядъ и на поэзію*. Любовь чисто рыцарская, доходящая до обожествленія женщины, и культъ ея является содержаніемъ поэмы, воспѣвающей также побратимство и дружбу рыцарей. Взгляды, проводимые въ этой поэмѣ, поразительно напоминаютъ рыцарское средневѣковье Европы. На это сходство нельзя смотрѣть, какъ на результатъ заимствованія той или иной стороны. Едва ли Крестовые походы имѣютъ въ данномъ случаѣ сколько-нибудь серьезное значеніе. Сходство между грузинскимъ и европейскимъ рыцарствомъ скорѣе объясняется общностью источника того и другого, именно ихъ восхожденіемъ къ рыцарскому духу арабской языческой куль-

* Смотри прилагаемый переводъ К. Д. Бальмонта (стр. 475).

туры. Поэма Руставели носитъ въ себѣ и слѣды неоплатонизма *.

Послѣ блистательной эпохи Давида Строителя и Тамары для Грузіи, какъ и для другихъ странъ — въ томъ числѣ и для Россіи — наступаетъ тяжелое время. Въ 20-хъ годахъ XIII вѣка въ Грузіи появились монгольскія полчища, сильныя своей военной организаціей, но стоящія на низкомъ культурномъ уровнѣ. Господство малокультурныхъ завоевателей и тяжкіе поборы съ населенія низвергли устои грузинской жизни, духовные и матеріальные. Поэтому говорить о грузинской литературѣ періода монгольскаго ига почти не приходится. Впрочемъ, юридическіе и историческіе памятники дошли до насъ и отъ монгольской эпохи, но художественная литература почти вымерла.

Съ конца XVI вѣка вновь пробуждается литературная дѣятельность, обращенная, съ одной стороны, къ вѣку Руставели, съ другой стороны, къ вліяніямъ современной имъ новой Персіи. Персія, какъ и въ прошломъ, даетъ матеріалъ для переводовъ. Начиная съ этой эпохи грузинскіе вѣнценосцы (съ царя Теймураза I) принимаютъ дѣятельное и творческое участіе въ трудахъ текущей литературы **.

Направленіе изящной литературы грузинскаго Возрожденія въ основѣ національно-историческое (рядъ историческихъ поэмъ), съ дидактическими и мистическими отвѣтвленіямя въ связи съ переводами съ персидскаго. Эпоху начинаетъ царь Теймуразъ I († 1663 г.), переводившій съ персидскаго. Ему же принадлежатъ оригинальныя лирическія стихотворенія (въ томъ числѣ стихотвореніе „Грузины", съ характеристикой разныхъ

* Желающихъ ближе познакомиться съ этой поэмой, возникшей на почвѣ скрещенія разнообразныхъ культуръ, мы отсылаемъ къ спеціальному изслѣдованію Н. Я. Марра „Вступительныя и заключительныя строфы „Витязя въ барсовой кожѣ" Шоты изъ Рустава", Петр. 1910.

** Мы тутъ касаемся, и то вкратцѣ, лишь изящной свѣтской литературы XVII — XVIII вѣковъ, оставляя въ сторонѣ богатую научную, историко-географическую и духовную литературу этого періода. Во всѣхъ этихъ областяхъ за этотъ періодъ встрѣчаются какъ оригинальные, такъ и переводные труды. Эта эпоха дала Грузіи три крупныхъ научныхъ силы: царевича Вакушта (Исторія и географія Грузіи), Савву-Сулхана Орбеліани (грузинская лексикографія) и Католикоса Антонія I (грузинская грамматика).

грузинскихъ племенъ), ода въ честь царя Александра и воспѣваніе мученичества матери своей Кетаваны, погибшей въ Персіи въ 1624 году. Особенности національно-историческаго теченія проглядываютъ у другого вѣнценосца Арчила († 1712 г.). Въ этой поэмѣ царь Арчилъ проводитъ параллель между вѣкомъ царицы Тамары и вѣкомъ Теймураза I. Царь Вахтангъ VI, выдающійся разносторонній дѣятель этой эпохи, переводитъ съ персидскаго сборникъ индійскихъ басенъ „Калила и Димна", въ сотрудничествѣ съ другимъ талантливымъ сыномъ эпохи, баснописцемъ и лексикографомъ Саввой Орбеліани. Среди многочисленныхъ переводовъ съ персидскаго надо отмѣтить переводъ „Шахъ-Наме". При Вахтангѣ VI была образована историческая комиссія, приведшая въ извѣстность грузинскую историческую литературу. Ему же принадлежитъ составленіе Уложенія (Книга правосудія) и открытіе первой типографіи въ Тифлисѣ (1709 г.). Какъ талантливый поэтъ, выше всѣхъ стоитъ Гурамишвили, борьба котораго въ рядахъ русской арміи въ Семилѣтнюю войну, какъ бы предвосхищаетъ эпоху XIX вѣка, эпоху національно-грузинскаго творчества на новыхъ началахъ, подъ вліяніемъ и въ связи съ русской культурой. Гурамишвили умеръ въ 1787 году, незадолго до добровольнаго присоединенія Грузіи къ Россіи. Отъ него остались историческія пѣсни, автобіографическія и дидактическія стихотворенія и духовныя оды съ мистическимъ и пессимистическимъ налетомъ. Есть у него и поэма „Веселое лѣто", отъ которой вѣетъ уже подлиннымъ реализмомъ. Завершаетъ эпоху Виссаріонъ Габашвили, авторъ эротическихъ пѣсенъ, личной лирики, отзвука безнадежной влюбленности во вдову царевну, сестру Ираклія II. Его постигли испытанія Тассо — онъ былъ принужденъ бѣжать изъ Тифлиса.

Оканчивая нашъ краткій очеркъ, мы должны указать и на появленіе грузинской переводной драматической литературы въ концѣ XVIII вѣка. Такъ, въ 1794 г. князь Георгій Аваловъ перевелъ съ русскаго слѣдующія комедіи: 1) Изображеніе комедіи рогоносцевъ, 2) Мать — соперница дочери, 3) Комедія — ссора и 4) Разговоръ мертвыхъ. Князь Давидъ Чолокашвили перевелъ съ французскаго трагедію „Ифигенія" Расина „для забавы Его Величества царя всея Грузіи Ираклія II".

Г. А. Кипшидзе.

Г. Мерчули.

Житіе Григорія Хандзтійскаго.

Глава LV.

Во дни святого властитель Ашотъ, Куропалатъ, завладѣлъ многими странами. Онъ построилъ крѣпость Артануджъ для проживанія государыни, супруги своей. Она благополучно жила въ ней въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но врагъ соблазнилъ властителя: онъ привелъ въ крѣпость распутную женщину, съ которою грѣшилъ, такъ какъ демонъ любви очень разжигалъ его. У него раньше не было этого въ правѣ, но его одолѣлъ злой грѣхъ. Услышавъ о такомъ дѣлѣ, растлѣвавшемъ душу, блаженный Григорій сильно огорчился. Онъ сообщилъ святому Григорію, великому старцу, живущему въ церквахъ; тотъ былъ чудотворецъ и пользовался уваженіемъ передъ Богомъ и людьми, и съ его согласія лично сталъ обличать властителя. Тотъ далъ слово оставить грѣхъ и отпустить женщину туда, откуда онъ ее привелъ, но властитель не имѣлъ силы остаться вѣрнымъ слову, такъ какъ былъ порабощенъ страстью. Блаженный Григорій улучилъ время. Въ одинъ прекрасный день, когда Куропалатъ былъ въ далекой странѣ, онъ отправился изъ Шатберда въ Артануджъ. Прибывъ къ вечеру подъ крѣпость, онъ послалъ къ той женщинѣ человѣка попросить ѣды и выставилъ какой-то предлогъ, почему остановился тамъ. Она обрадовалась великою радостью и выдала разнообразныя яства для святого и его учениковъ. Какъ только развѣло, онъ вторично отправилъ къ ней человѣка, прося повидать его. Еще болѣе обрадованная, она тогда пришла живо къ святому въ сопровожденіи двухъ служанокъ, чтобы сподобиться благословенія блаженнаго мужа крестнымъ знаменіемъ. Однако, онъ не осѣнилъ ее крестомъ: ей велѣлъ сѣсть поодаль, а ученики отошли въ сторону по мановенію глазъ учителя, также служанки, ибо страхъ передъ святымъ былъ навѣянъ на всѣхъ. Тогда блаженный Григорій сказалъ ей: „О, жалкая! Почему ты вторглась между мужемъ и женою, готовишь себѣ вѣчную гибель злымъ грѣхомъ, поработившимъ тебя діаволу и попусту стала со-

блазномъ для великаго властителя?“ Она со слезами сказала: „Святой Богъ я не вольна надъ собой, такъ какъ Куропалатъ питаетъ ко мнѣ чрезмѣрную любовь, и не знаю теперь, что мнѣ дѣлать: меня очень смутило то, что ты изволилъ сказать“. Святой сказалъ: „Дитя, покорись вполнѣ словамъ моимъ, словамъ убогаго, и я ручаюсь тебѣ передъ Христомъ, что онъ самъ проститъ всѣ твои прегрѣшенія“. Она сказала: „Святой отецъ, я въ твоихъ рукахъ — пекись о пользѣ моей души!“ Тогда только онъ осѣнилъ ее крестомъ, благословилъ молитвами, вооружилъ благодатью и далъ ей ремень отъ своихъ сандалій, чтобы опоясалась имъ, и она такъ сдѣлала. Святой сказалъ ей: „Дитя мое, сегодня спасеніе твоей души, поведу тебя къ вожделѣнной матери Февроніи“. Она очень обрадовалась. Блаженный Григорій велѣлъ служанкамъ идти къ себѣ обратно въ крѣпость, а женщинѣ молвилъ: „Дитя мое, пустись въ путь — иди передъ нами!“ Такъ привелъ онъ ее въ Мерію, такъ какъ заранѣе было дано согласіе блаженной матери, и поручилъ ей со словами: „Заботься о ней, должнымъ образомъ заботься о ней и тогда, когда Куропалатъ начнетъ разыскивать ее. Ты видишь, какъ сокрушено ея сердце!“ Она сказала: „Христосъ во благѣ да печется о рабѣ Своей, которую Онъ обрѣлъ черезъ тебя, преподобный отецъ“. Долго еще бесѣдовали вмѣстѣ блаженные (такой установился обычай у отцовъ настоятелей того времени, что безъ одобренія матери Февроніи они не брались ни за какое дѣло). Какая-то сестра прошла мимо ихъ и успѣла услышать одинъ вопросъ, она не рѣшилась слушать еще дальше: „Что тебѣ сказалъ ангелъ?“ спрашивалъ святой Григорій блаженную Февронію. Богъ былъ среди нихъ воистину. Между тѣмъ Куропалатъ, явившись въ крѣпость, справился о женщинѣ. Такъ какъ не нашелъ ея, то очень огорчился, понявъ все происшедшее. Влюбленный въ нее не по какому-либо ухищренію человѣческихъ козней, а по проискамъ демона, властитель былъ настолько порабощенъ, что забылъ самоуваженіе и поспѣшно явился въ Мерію. Блаженная Февронія скрыла женщину. Помолившись въ церкви Святой Богородицы и получивъ благословеніе отъ матери Февроніи, Куропалатъ повелъ съ нею бесѣду: „Знаешь ли, мать, почему я теперь прибылъ сюда?“ „Господь знаетъ, — сказала она, — почему ты пожаловалъ сюда“. „Я прибылъ сюда потому, — сказалъ онъ, — что отецъ Гри-

горій, оказывается, повелъ сюда женщину, ключницу нашего дома; въ ея рукахъ находилось все наше имущество, и у насъ оказался большой недочетъ въ сокровищахъ. Такъ вели ей явиться разъ въ крѣпость; она передастъ намъ все по счету, а потомъ пусть возвращается опять къ вамъ, какъ того желаетъ!" Февронія рѣзко отвѣтила ему: „Не уклоняй сердца моего къ злымъ помышленіямъ, къ возбужденію причинъ грѣховныхъ съ людьми, творящими беззаконіе". Услышавъ это, Куропалатъ, смущенный правильнымъ обличеніемъ, устыдился и долго молчалъ, какъ сраженный: тѣлесно могущественнаго властителя побѣдили духовно сильные люди, вооруженные божественною ревностью. Огорченный Куропалатъ, наконецъ, произнесъ въ сердечной тоскѣ: „Блаженъ человѣкъ, который уже не въ живыхъ!" Онъ быстро всталъ, чтобы уйти. Тогда блаженная Февронія, кроткая душою, остановила было его, чтобы угостить, но онъ не покорился, такъ какъ собственный разумъ былъ у него обличителемъ, какъ только онъ уразумѣлъ свой позоръ съ удаленіемъ желанія плотской страсти. Въ душѣ радовался онъ тому, что мудрость обратила въ бѣгство вредное малодушіе, и восхвалялъ побѣду святыхъ, еще болѣе — Бога, дарующаго побѣды, и радостный ушелъ, такъ какъ питалъ чистымъ сердцемъ уваженіе къ блаженнымъ, какъ вѣнчавшимъ его душу навѣки.

Глава LVI.

Еще большому искушенію подвергъ врагъ человѣческаго рода властителя Адарнерсея, сына куропалата Ашота: по наущенію блудницы, съ которою прелюбодѣйствовалъ, безъ суда, по блудливой лжи, онъ удалилъ отъ себя вѣрную жену и отправилъ въ Абхазію, ея родину, откуда ее привезъ. Христосъ открылъ Своему рабу Григорію всю несправедливость, которой подвергли невинную государыню. Григорій многократно обращался къ Адарнерсею съ обличеніемъ, но властитель, поддавшись пустому своеволію, не внималъ обличенію праведника; болѣе того онъ къ злу прибавилъ зло: взялъ вторую жену. Тогда отецъ Григорій пророчествовалъ о томъ, что долженъ былъ допустить Богъ — какія прегрѣшенія должны были постигнуть его по Божьей волѣ. Онъ сказалъ слѣдующее: „За ослушаніе меня, убогаго, ты будешь преданъ лютой болѣзни, а сыновья, какіе у тебя сейчасъ, будутъ одержимы дьяволами, и не исцѣлитесь ни ты, ни дѣти твои, по-

ка не получите прощенія отъ государыни, безъ суда наказанной рабы Божьей. Если же она къ тому времени успѣетъ разстаться съ плотью, дѣти твои получатъ прощеніе отъ ея могилы, а блудницу, наушничавшую, за похотливую наглость и злобу да опозоритъ Христосъ болѣе всѣхъ грѣшницъ!" Адарнерсей, сильно устрашенный словами блаженнаго Григорія, бросился въ ноги ему. Тотъ поднялъ его со словами: „Христосъ да даруетъ тебѣ прощеніе твоихъ прегрѣшеній, однако, да будетъ тебѣ извѣстно, что сказанное мною исполнится въ свое время, чтобы всѣ поняли, какой плодъ приноситъ неповиновеніе". Спустя немного времени Адарнерсея постигла болѣзнь ломоты, колотье, которое называется подагрой.

Онъ жестоко мучился отъ боли, такъ какъ до тѣхъ поръ не страдалъ ничѣмъ. Живо отправилъ онъ хорошаго человѣка, по имени Купру, къ государынѣ просить у нея прощенія. Достигнувъ Персати, гдѣ теперь находится ея могила, посланецъ Адарнерсея засталъ свою государыню, дочь властителя Баграта Шароели, въ великомъ монашествѣ: облаченіемъ ея служила простая ряса; одѣтая въ священную схиму, вождел ѣнная, прежде называвшаяся Бюрилою, потомъ Анастасіею, несла домой громадной вьюкъ дровъ, взваливъ его на себя. Она совершенно осрамила діявола, и теперь вѣрующіе обрѣтаютъ исцѣленіе по ея милости, унося отъ ея могилы землю въ качествѣ евлогіи. Увидѣвъ ее въ подвигѣ, посланецъ узналъ ее и бросился ей въ ноги за Адарнерсея со словами: „Тебя, о творящая волю Христа, молитъ господинъ мой помиловать его, справедливо наказаннаго изъ-за тебя Богомъ, не проклинать, болѣе того — простить великую его вину" Она сказала: „Клянусь Христомъ, проклятіе никогда не исходило изъ моихъ устъ, и его я также не предавала проклятію. Христосъ да проститъ ему всѣ грѣхи и исцѣлитъ его душу и тѣло". И мгновенно исцѣлился Адарнерсей: посланецъ запомнилъ часъ, когда она благословила его господина, и по возвращеніи нашелъ его безъ всякаго недомоганія и радостно воздалъ благодаренію Христу.

Немного лѣтъ спустя, дѣтей, бывшихъ у властителя Адарнерсея, куропалата Гургена и Сумбата, сильно сталъ истязать діаволъ, и онъ немедленно отправилъ ихъ въ нищенскомъ одѣяніи и съ достойными властителей пожертвованіями въ Персать помолиться на могилѣ Вожделѣнной государыни, уже преставившейся.

Помолившись, они совершенно исцѣлились согласно тому, что говорилъ блаженный Григорій, ушли домой радостные и славили Христа, Бога всѣхъ. Что касается наушницы, она стала одержима лютымъ бѣсомъ и взбѣсилась, да и другія еще испытанія постигли ее за злыя дѣла. Страшно и ужасно было видѣть ее и слышать ея рѣчи. Какъ только разсудокъ вернулся къ ней, жалкая пошла къ матери Февроніи и, бросившись ей въ ноги со слезами, исповѣдалась во всѣхъ прегрѣшеніяхъ и молила ее съ плачемъ ходатайствовать за нее передъ отцомъ Григоріемъ. Она написала ему просительное письмо. Блаженный не внялъ, наоборотъ, сообщилъ ей: „Жесточайшія испытанія будутъ посланы на нее за то, что она сдѣлалась соблазномъ для благочестиваго властителя и разлучила его съ вѣрною женою, обезславивъ ее, какъ блудницу, да еще пролила кровь невиннаго юноши. Нынѣ да воздастся ей до смерти и соотвѣтственно недостойнымъ ея дѣламъ". Блаженная Февронія сказала: „Истиненъ судъ отца Григорія!" Она не прибѣгла къ насилію надъ святымъ, слѣдуя слову апостола: „духи пророческіе, будьте послушны пророкамъ!" Она, какъ подобало, утѣшила безнадежную, такъ какъ была полна мудрости обѣихъ жизней, и отъ нея и отъ нѣкоторыхъ ея учеництъ являлись великія знаменія, и нынѣ ихъ могилы производятъ исцѣленіе молящихся съ вѣрою. Женщина же та осталась до смерти въ Меріи: хотя она испытывала лютыя испытанія, но умъ сохраняла живой. Когда она умерла, мать Февронія велѣла похоронить ее близъ сестеръ, творившихъ волю Христа, чтобы ее, тяжко повинную, оправдали передъ Христомъ невинныя. Господь явилъ знаменіе: при погребеніи другихъ преставившихся тѣло грѣшницы три раза было найдено внутри у двери усыпательницы: не рѣшились поднять его, тотчасъ же сообщили обо всемъ блаженной Февроніи, такъ какъ, состарившись чрезвычайно, она не была въ силахъ приходить на погребеніе почившихъ; она же сказала: „надлежитъ увѣдомить объ этомъ блаженнаго Григорія, такъ какъ онъ ведетъ это дѣло". И написала съ почтеніемъ епистолію.

Глава LVII.

„Милость да сотворитъ Господь надъ нами святымъ крестомъ и помощью молитвъ твоихъ, христоносный отецъ Григорій, все-

мѣрно соучастникъ моей, убогой, молитвы. Тебѣ, святой Божій человѣкъ, супостаты по злобѣ приготовили разнообразные соблазны, точно охотники — западню, и стали неустанно воевать съ тобою: вѣроломно боролись они многократно призрачною свѣрѣпостью, страшнымъ зрѣлищемъ полчища воиновъ, иногда ужасающимъ видѣніемъ множества хищныхъ звѣрей, и такимъ образомъ возбуждали волненіе тайныхъ и явныхъ боевыхъ выступленій противъ тебя, но святостью украшенная кротость, посаженная въ твоей плоти, побѣдила все, твой огненный духъ праведности сжегъ невидимыхъ и видимыхъ враговъ: если такой Твоей благодати есть Божія сила, такъ какъ у тебя подобіе святыхъ ангеловъ — залогъ побѣды — святость, огражденная непрестанною молитвою, постомъ и многократнымъ колѣнопреклоненіемъ, возносящая въ жертву святыя слезы отъ твоихъ неусыпныхъ очей и твоей бдящей души, о ты, святой священникъ, покоящійся среди призванныхъ въ церковъ праведниковъ, божественный учитель, крѣпость вѣрующихъ, нелицепріятный обличитель властителей, поучающій ихъ жезломъ поученія, почему твои слова среди людей исполняются какъ пророческія. Но нынѣ время прощенія. Помилуй отверженную женщину, какъ подобаетъ твоей святости. Отъ доставляющаго письмо узнаешь объ остальной части моей просьбы. Окажи мнѣ всемѣрно помощь въ этомъ мірѣ и въ вѣчномъ. Аминь". Прочитавъ письмо Февроніи и освѣдомившись обо всемъ, блаженный Григорій со слезами воздалъ благодареніе Христу и написалъ такъ епистолію къ упокоившимся сестрамъ.

Глава LVIII.

„Христолюбивыя, съ младыхъ лѣтъ до смерти во имя Христа одерживавшія побѣды надъ порядками сего кратковременнаго міра по слову апостола: „ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ у Бога", когда откроется та жизнь наша, тогда явитесь во славѣ будущаго вѣчнаго міра, и вы, ублажаемыя мудрецами и неизвѣстныя невѣждамъ, подобно добрымъ купцамъ мимолетнымъ богатствомъ скупившія безконечное, нынѣ уснувшія плотью и бдящія духовно, мертвыми сочтенныя за мертвыхъ и во вѣки живыя во Христѣ, храмомъ души землю превратившія въ небо, цвѣты дѣвственности, подобія Божьей Матери, вѣчно радостныя передъ Нею въ ожиданіи славнаго пришествія Ея сына, отъ не-

мощи достигшія неизмѣнчивой силы и по смерти всячески способныя даровать оба вида воздаянія, смотря по поведенію людей! Вотъ мы видѣли вами сотворенный праведный судъ, и, благодарные за такое ваше содѣйствіе, я, убогій Григорій, и мать Февронія, молимъ васъ просить Христа о прощеніи этой жалкой женщинѣ ея прегрѣшеній и удостоить ея кости (покоя) съ вашими костями и ея душу — съ вашими душами, а еще болѣе пещись о ней при второмъ пришествія Господа, такъ какъ у васъ есть благодать для помощи вѣрующимъ, и вы ожидаете, что достигнете нескончаемой славы и несказанной радости. Впрочемъ, ваше ходатайство да будетъ намъ постоянной помощью, чтобы и, мы въ будущемъ вѣчномъ мірѣ сподобились вожделѣнной жизни". Когда письмо блаженнаго отца Григорія прочли преставившимся сестрамъ, а также сообщили имъ устное велѣніе матери Февроніи, тогда только перенесли покойницу на ея прежнее мѣсто, куда ее клали три раза, и съ тѣхъ поръ она не перемѣщалась. Отецъ Григорій былъ сначала виновникомъ обличенія ея грѣховъ, а затѣмъ — утѣшенія и прощенія. Покаяніе также много помогло грѣшницѣ передъ Богомъ, который желаетъ не смерти грѣшника а обращенія и покаянія. Разумѣющіе же удивлялись и славили Бога.

Глава LIX.

Такія-то чудеса творилъ Христосъ черезъ блаженнаго Григорія. Немощные, во власти всякаго рода болѣзней, и страдавшіе отъ нечистыхъ духовъ исцѣлялись святыми молитвами его и слезами, сообразно съ тѣмъ, какъ молящіе просили съ вѣрою *.

Переводъ ***Н. Марра.***

---

* Изъ 7-ой книги „Текстовъ и разысканій по Армяно-Грузинской Филологіи".

Шот'а Руст'авели.

Витязь въ барсовой шкурѣ.

Четырестрочія вступительныя.

Онъ, что создалъ сводъ небесный, Онъ, что властію чудесной
Людямъ духъ далъ безтѣлесный, — этотъ міръ намъ далъ въ удѣлъ.
Мы владѣемъ безпредѣльнымъ, многоразнымъ, въ разномъ-цѣльнымъ.
Каждый царь нашъ, въ ликѣ дѣльномъ, ликъ Его средь царскихъ дѣлъ.
Богъ, создавшій міръ однажды! Отъ Тебя здѣсь обликъ каждый.
Дай мнѣ жить любовной жаждой, ей упиться глубоко.
Дай мнѣ, страстнымъ устремленьемъ, вплоть до смерти жить томленьемъ,
Бремя сердца, съ свѣтлымъ пѣньемъ, въ міръ иной снести легко.
Льва, что знаетъ мечъ блестящій, щитъ и копій свистъ летящій,
Ту, чьи волосы — какъ чащи, чьи уста — рубинъ, Т'амаръ,
Этотъ лѣсъ кудрей агатный, и рубинъ тотъ ароматный,
Я хвалою многократной вознесу въ сіяньи чаръ.
Не вседневными хвалами, я кровавыми слезами,
Какъ молитвой въ свѣтломъ храмѣ, восхвалю въ стихахъ ее.
Янтаремъ пишу я чернымъ, тростникомъ черчу узорнымъ.
Кто къ хваламъ прильнетъ повторнымъ, въ сердце приметъ онъ копье.
Въ томъ велѣніе царицы, чтобъ воспѣть ея рѣсницы,
Нѣжность губъ, очей зарницы, и зубовъ жемчужный рядъ,
Милый обликъ чернобровой. Наковальнею свинцовой
Камень твердый и суровый руки мѣткія дробятъ.
О, теперь слова мнѣ нужны! Да пребудутъ въ связи дружной.
Да звенитъ напѣвъ жемчужный. Встрѣтитъ помощь Таріэль.
Мысль о немъ — въ словахъ завѣтныхъ, вспоминательно-привѣтныхъ.
Трехъ героевъ звѣздосвѣтныхъ воспоетъ моя свирѣль.
Сядьте вы, что съ колыбели тѣхъ же судебъ волю зрѣли.
Вотъ запѣлъ я, Руст'авели, въ сердце мнѣ вошло копье.
До сихъ поръ былъ сказки связной тихій токъ однообразный,
А теперь — размѣръ алмазный, пѣсня, слушайте ее.
Тотъ, кто любитъ, кто влюбленный, долженъ весь быть озаренный,
Юный, быстрый, умудренный, долженъ зорко видѣть сонъ,

Быть побѣднымъ надъ врагами, знать, что̀ выразить словами,
Тѣшить мысль какъ мотыльками, — если жъ нѣтъ — не любитъ онъ.
О, любить! Любовь есть тайна, свѣтъ, что льнетъ необычайно.
Неразгаданно, безкрайно свѣтитъ свѣтъ того огня.
Не простое лишь хотѣнье, это — дымно, это тлѣнье,
Здѣсь есть тонкость различенья, — услыхавъ, пойми меня.
Кто упоренъ въ чувствѣ жданномъ, онъ пребудетъ постояннымъ,
Неизмѣннымъ, необманнымъ, — гнетъ разлуки приметъ онъ.
Приметъ гнѣвъ онъ, если надо, будетъ грусть ему отрада.
Тотъ, кто зналъ лишь сладость взгляда, ласки лишь, — не любитъ онъ
Кто, горя сердечной кровью, льнулъ съ тоскою къ изголовью,
Назоветъ ли онъ любовью эту легкую игру.
Льнуть къ одной, смѣнять другою, это я зову игрою.
Если жъ я люблю душою, — цѣлый міръ скорбей беру.
Только въ томъ любовь достойна, что, любя тревожно, знойно,
Пряча боль, проходитъ стройно, уходя въ безлюдье, въ сонъ,
Лишь съ собой забыться смѣетъ, бьется, плачетъ, пламенѣетъ,
И царей онъ не робѣетъ, но любви робѣетъ онъ.
Связанъ пламеннымъ закономъ, какъ въ лѣсу идя зеленомъ,
Не предастъ нескромнымъ стономъ имя милой для стыда,
И бѣжа разоблаченья, приметъ съ радостью мученье,
Все для милой, хоть сожженье, въ томъ восторгъ, а не бѣда.
Кто тому повѣрить можетъ, что любимой имя вложитъ
Въ пересуды? Онъ тревожитъ — и ее, и съ ней себя.
Разъ ославишь, нѣтъ въ томъ славы, лишь дыханіе отравы.
Тотъ, кто сердцемъ нелукавый, бережетъ любовь, любя.
Той, чей голосъ звонъ свирѣли, нить свивая изъ кудели,
Пѣснь сложилъ я, Руст'авели, умирая отъ любви.
Мой недугъ — неизлѣчимый. Развѣ только отъ любимой
Свѣтъ придетъ неугасимый, — или, Смерть, къ себѣ зови.
Сказку Персовъ, ихъ намеки, влилъ въ Грузинскія я строки.
Цѣнный жемчугъ былъ въ потокѣ. Красота глубинъ тиха.
Но во имя той прекрасной, передъ кѣмъ я въ пыткѣ страстной,
Я жемчужинъ отсвѣтъ ясный сжалъ оправою стиха.
Взоръ, увидѣвъ свѣтъ однажды, преисполненъ вѣчной жажды
Съ милой быть въ минутѣ каждой. Я безуменъ. Я погасъ.
Тѣло все опять — горѣнье. Кто̀ поможетъ? Только пѣнье.
Троекратное хваленье той, въ которой все — алмазъ.

Что Судьба намъ присудила, намъ должно быть это мило,
Неизмѣнно, что бъ ни было, любимъ мы родимый край.
У работника — работа. У бойца война — забота.
Если жъ любишь, такъ безъ счета вѣрь Любви, и въ ней сгорай.
Пѣть напѣвъ четырестрочно, это — мудрость. Знанье — точно.
Кто отъ Бога, полномочно онъ поетъ, перегорѣвъ.
Въ малословьи много скажетъ. Духъ свой съ слушателемъ свяжетъ.
Мысль — пѣвца всегда уважитъ. Въ мірѣ властвуетъ напѣвъ.
Какъ легко бѣжитъ свободный конь породы благородной,
Какъ мячомъ игрокъ природный попадаетъ мѣтко въ цѣль,
Такъ поэтъ, въ поэмѣ сложной, ходъ направитъ безтревожный,
Ткани будто невозможной четко выпрядетъ кудель.
Вдохновенный — въ самомъ трудномъ свѣтитъ свѣтомъ изумруд-
нымъ,
Грянувъ словомъ многогуднымъ, оправдаетъ крѣпкій стихъ.
Слово Грузіи могуче. Если сердце въ комъ пѣвуче,
Блескъ родится въ темной тучѣ, въ летѣ молній вырѣзныхъ.
Кто когда-то сложитъ гдѣ-то двѣ-три строчки, пѣсня спѣта,
Все же пламенемъ поэта онъ еще не проблеснулъ.
Двѣ-три пѣсни, онъ слагатель, но, когда такой даятель
Мнитъ, что вправду онъ создатель, онъ упрямый только мулъ.
И потомъ, кто знаетъ пѣнье, кто пойметъ стихотворенье,
Но не вѣдаетъ пронзенья, сердце жгучихъ, острыхъ словъ,
Тотъ еще охотникъ малый, и въ ловитвахъ не бывалый,
Онъ съ стрѣлою запоздалой къ крупной дичи не готовъ.
И еще. Забавныхъ пѣсенъ въ пирный часъ напѣвъ чудесенъ.
Кругъ сомкнется, веселъ, тѣсенъ. Эти пѣсни тѣшатъ насъ,
Вѣрно спѣтыя при этомъ. Но лишь тотъ отмѣченъ свѣтомъ,
Назовется тотъ поэтомъ, долгій кто пропѣлъ разсказъ.
Знаетъ счетъ поэтъ усилью. Пѣсенъ даръ не броситъ пылью.
И всему онъ изобилью быть велитъ усладой — ей,
Той, кого зоветъ любовью, передъ кѣмъ блеснетъ онъ новью,
Кто, его владѣя кровью, пѣть ему велитъ звучнѣй.
Только ей — его горѣнья. Пусть же слышатъ той хваленья,
Въ комъ нашелъ я прославленье, въ комъ удѣлъ блестящій мой.
Хоть жестока, какъ пантера, въ ней вся жизнь моя и вѣра,
Это имя въ токъ размѣра я позднѣй внесу съ хвалой.
О любви пою верховной — неземной и безгрѣховной.

Стихъ объ этомъ полнословный трудно спѣть, бѣгутъ слова.
Та любовь отъ доли тѣсной душу мчитъ въ просторъ небесный.
Свѣтъ сверкаетъ въ ней безвѣстный, здѣсь лишь видимый едва.
Говорить объ этомъ трудно. Даже мудрымъ многочудна
Та Любовь. И здѣсь не скудно, — многощедро пой и пой.
Все сказать о ней нѣтъ власти. Лишь скажу, земныя страсти
Подражаютъ ей отчасти, зажигая отблескъ свой.
По-арабски — кто влюбленный, тотъ безумный. Точно сонный,
Видитъ онъ невоплощенной уводящую мечту.
Тѣмъ желанна близость Бога. Но пространна та дорога.
Эти прямо, отъ порога, досягаютъ красоту.
Я дивлюсь, зачѣмъ, безправно, то, что тайно, дѣлать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь стыдить?
Всякій срокъ здѣсь — слишкомъ рано. День придетъ,—не тронь тумана.
О, любовь — сплошная рана. Рану — нужно ль бередить?
Если тотъ, кто любитъ, плачетъ, это только то и значитъ,
Что въ себѣ онъ жало прячетъ. Любишь, — знай же тишину.
И среди людей, средь шума, объ одной пусть будетъ дума,
Но красиво, не угрюмо, скрытно, все люби одну.

К. Бальмонтъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ I.

Статьи общественно-политическія.

Отдѣлъ II.

Историко-литературный.

(Общая ред. ***Б. А. Гуревича.***)

Литература Финляндіи.

Эстонская литература:

Латышская литература.

Литовская литература.

Малорусская литература.

Еврейская литература.

Польская литература.

Грузинская литература.

Приложеніе.

Изъ текста обращеній редакціи сборника къ его сотрудникамъ.

М. Г.

Въ эти дни великихъ свершеній, когда на поляхъ битвы народы Россіи кровью освящаютъ сознаніе общегосударственной солидарности и надежду на свѣтлый расцвѣтъ общей имъ культурной работы, становится необходимостью ознакомить широкіе круги русскаго общества съ тѣми безчисленными культурными цѣнностями, которые накоплены вѣковой работой національностей Россіи.

Однимъ изъ скромныхъ вкладовъ въ создающуюся лишь нынѣ литературу о творческихъ силахъ народовъ Россіи должно явиться предпринятое нами изданіе сборника „ОТЕЧЕСТВО“ (Пути и достиженія національныхъ литературъ Россіи — національный вопросъ.)

Въ краткихъ и популярныхъ очеркахъ предполагаемъ мы дать картину развитія литературъ главныхъ національностей Россіи, прослѣдить часто далекіе истоки ихъ традицій и указать на важнѣйшія связи, сближенія ихъ съ русской литературой, — а также подробно выяснить политическій идеалъ сближенія національностей Россіи.

Въ твердой увѣренности, что будущее принесетъ намъ возможность плодотворнаго и основаннаго на взаимномъ довѣріи сотрудничества всѣхъ народовъ Россіи, своимъ вѣковымъ трудомъ подготовляющихъ расцвѣтъ культурнаго творчества, мы обращаемся къ Вамъ, М. Г., съ почтительной просьбой предоставить въ наше распоряженіе. . .

Чистый доходъ отъ изданія поступаетъ въ фондъ „Общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны“.

Въ будущемъ возможенъ выходъ англійскаго изданія сборника.

Проф. *И. А. Бодуэнъ де Куртэнэ.*
Проф. *Н. А. Гредескулъ.*
Б. А. Гуревичъ.
Кн. *Пав. Дм. Долгоруковъ.*
Проф. *В. Н. Сперанскій.*

Цѣна 3 р. 75 к.

Готовится къ печати:

Сборники „ОТЕЧЕСТВО“, т. II-й.

Во II-й томъ, кромѣ статей общественно-политическихъ, войдутъ обзоры и образцы національныхъ литературъ: **Бѣлорусской, Мусульманской, Караимской, Армянской, Грузинской** (новѣйшей), а также дополнительные (къ I-му тому) обзоры и переводы *польской, еврейской, малорусской, литовской* и др. національныхъ литературъ Россіи.